

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 11-006

ЗА КУЛИСАМИ ПУТЧА

А.С. Пржедомский

ЗА КУЛИСАМИ ПУТЧА

А.С. Пржедомский

(год)

ХРАНИТЬ

вечно

ЛЕТ

Annotation

События, о которых рассказывается в книге, самым серьезным образом повлияли не только на историю нашего государства, но и на жизнь каждого человека, каждой семьи. Произошедшая в августе 1991 года попытка государственного переворота, который, согласно намерениям путчистов, должен был сохранить страну, на самом деле спровоцировала Ельцина и его сторонников на разрушение сложившейся системы власти и ликвидацию КПСС. Достигшее высокого накала противостояние готово было превратиться в полномасштабную гражданскую войну, если бы сотрудники органов безопасности не проявили должной выдержки и самообладания.

Зная о тех событиях не понаслышке, автор повествует о том, как одним росчерком пера чекисты могли быть причислены к врагам демократии и стать изгоями в своей стране, о перипетиях становления новой российской спецслужбы, о встречах с разными людьми, о массовых беспорядках в Душанбе — предвестнике грядущих трагедий, о находке бесценного шедевра человечества — «Библии» Гутенберга, о поступках людей в сложных жизненных ситуациях. В книге приводятся подлинные документы того времени, свидетельства очевидцев — главным образом офицеров органов безопасности, сообщается о многих малоизвестных фактах и обстоятельствах.

Книга рассчитана не широкий круг читателей.

-
- [А.С. Пржездомский](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Оценки и выводы](#)
    - [Об авторе](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)

- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)

- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)

- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)

- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)

А.С. Пржездомский
ЗА КУЛИСАМИ ПУТЧА
Российские чекисты против развала
органов КГБ в 1991 году

Глава 1

Прелюдия гражданской войны

25 февраля 1990 года, день.

Душанбе. Книжный магазин.

Он разглядывал книги, лежащие на прилавке, а боковым зрением пытался определить, действительно ли человек, который прохаживается по улице мимо большого окна, уже попадался ему сегодня. Пестрая рубашка, коричневый пиджак, тубетейка — в общем-то, ничего необычного. Лицо человека он не запомнил, поэтому сейчас даже и не пытался всматриваться в него. Но какое-то смутное чувство тревоги подсказывало, что этот подозрительный субъект маячит здесь неспроста.

Он прошел вдоль прилавка, остановился у отдела национальной таджикской литературы. Здесь полки пестрели книгами с непонятными для него названиями. Буквы были русские, за исключением некоторых символов с замысловатыми закорючками, но понять что-либо из этого было невозможно. Впрочем, на прилавке лежало много книг таджикских авторов и на русском языке. Его внимание привлекла одна из них, с ярким национальным орнаментом на обложке: «Голос Азии» Турсун-Заде. Он взял ее в руки, стал листать, пытаясь выхватить из текста какие-нибудь интересные моменты.

Кто-то спросил по-русски молоденькую продавщицу о новых поступлениях. Он оторвал глаза от книги и уперся взглядом в застекленную витрину прямо перед собой. Витрина как витрина, ничего особенного. Десятка два книжек из новых поступлений да изречение какого-то таджикского ученого, аккуратно выписанное тушью на прикрепленном посередине кусочке ватманской бумаги. Главное было не в этом. Он совершенно четко, как в зеркале, увидел отражение большого окна и части улицы со снующими взад-вперед прохожими. Человек, который несколько минут назад привлек его внимание, теперь был не один. Рядом с ним вполоборота стоял низкорослый крепыш в куртке. В отражении витрины было очень четко видно, как эти двое о чем-то переговариваются и... смотрят на него. Потом крепыш кивнул головой и тот, в тубетейке, быстро зашагал на другую сторону улицы, к стоящей у тротуара «Волге», в салоне

которой угадывалось несколько пассажиров. Через мгновение машина резко тронулась с места и исчезла. Теперь крепыш, так же как и его предшественник, стал прогуливаться, то и дело заглядывая в окно книжного магазина, как будто проверяя, где его подопечный.

«Точно. Уже никаких сомнений нет. Они следят за мной. Я сделал все правильно. Теперь задача состоит в том, чтобы оторваться от них и встретиться с Вячеславом. Если это удастся, смогу отсюда выбраться — а если нет?..»

О том, что будет, если не получится оторваться от преследователей, ему думать не хотелось. Он слишком хорошо понимал, какую цену должен будет заплатить за свою осведомленность об организаторах массовых беспорядков в Душанбе. Ведь именно для этого он, Андрей Петрович Орлов, майор Комитета государственной безопасности, прибыл сюда из Москвы, имея секретное поручение лично от начальника Инспекторского управления КГБ СССР^[1] генерал-лейтенанта Толкунова.

ИНФОРМАЦИЯ: «Это управление — одно из стержневых подразделений Центра, кузница первых руководителей для территориальных органов.

В КГБ СССР Инспекторское по числу сотрудников было, наверное, самым маленьким управлением центрального аппарата КГБ. Зато по своему положению — самое значимое, наделенное большими правами проверки, контроля, кураторства и оказания помощи органам на местах. Вроде Генштаба и скорой помощи одновременно.

Естественно, самое привилегированное в системе госбезопасности. Там служат умные, образованные сотрудники, с большим стажем оперативной и руководящей работы. В Инспекторское отбирали лучших из лучших!»

(А. Ф. Яровой^[2] «Прощай, КГБ». Москва, 2001 год).

Напутствуя Орлова перед дорогой, Сергей Васильевич Толкунов говорил:

— Андрей Петрович! Миссия, которую я вам поручаю, небезопасна. Но, скажу по правде, я затрудняюсь по разным причинам сейчас поручить это задание кому-либо другому. Мне кажется, что у вас получится... Я все согласовал с Председателем,^[3] поэтому вы можете быть уверены в полной поддержке руководства Комитета. Главное — выяснить, кто конкретно

имел отношение к организации беспорядков. Делайте это осторожно, но уверенно. По пустякам не рискуйте... Имейте в виду, что об этом моем поручении не должен знать никто. Для всех без исключения — вы едете в Душанбе для обобщения к заседанию Коллегии информации о действиях отрядов самообороны и подготовки обзора...

Так оно и было. Отправляясь в командировку четыре дня назад, Орлов сказал сослуживцам, что едет изучать, как душанбинские ополченцы противостояли разнузданной толпе бандитов, пытавшихся захватить власть в городе. Примерно это же он сказал и жене.

Потом был самолет, который перенес Орлова из заснеженной Москвы в уже наполненный весенними запахами Душанбе, потом встречи, беседы, работа с документами, поездки по городу вместе с бойцами спецподразделения по борьбе с террором. И, конечно же, встречи с теми, кто мог пролить свет на закулисную сторону событий, выявить причинно-следственную связь массовых беспорядков, в ходе которых погибли двадцать три человека и были ранены сотни жителей таджикской столицы.

Орлов еще раз посмотрел в отражение витрины, потом положил книгу на место и стал медленно продвигаться в глубь торгового зала, лихорадочно думая о том, каким образом он сможет оторваться от наружного наблюдения.

«Если я выйду на улицу, то вряд ли смогу ускользнуть из-под их контроля, — рассуждал он. — Города я практически не знаю, и им будет довольно легко загнать меня в какой-нибудь тупик, а там... — Андрей поморщился. Думать о том, что может с ним произойти, не хотелось. — В гостиницу идти нельзя. Скорее всего меня там уже ждут. Надо незамедлительно искать выход из создавшегося положения. Но как? Что делать? Как связаться с Вячеславом и передать ему, что я в опасности?»

Орлов еще в Москве проработал возможный вариант кратковременного «залегания на грунт». Он наизусть помнил номер телефона и домашний адрес одного из сотрудников контрразведки, работавшего «под крышей»^[4] в Министерстве внутренних дел республики, уже пару раз встретился с Вячеславом во время официальных бесед и условился с ним о том, что в случае опасности позвонит по телефону и скажет: «Я буду через полчаса». Это будет означать, что Андрей в опасности и просит укрыть его на определенное время. В таком случае Вячеслав должен подъехать на своей машине к перекрестку улицы Кирова и 1-го проезда Красных Партизан, забрать Орлова и, убедившись, что нет слежки, направиться домой, в один из пригородных районов города.

Человек за окном — теперь Орлов это видел отчетливо — кому-то

махнул рукой и вскоре оказался в обществе громады, который держал руки в карманах и нетерпеливо поглядывал на входную дверь книжного магазина. На Орлова они не смотрели, уверенные, что теперь-то он никуда не денется и скоро выйдет со своими покупками на улицу.

«Выход надо искать здесь! Там будет уже поздно! — решил Андрей и стал обшаривать глазами помещение торгового зала. — Здесь обязательно должен быть другой выход, служебный. Хорошо бы но ему выбраться во двор, затем на другую улицу, а там...»

В углу, где имелся проход между прилавками, виднелась полуприкрытая дверь с наклеенным на нее красочным календарем и большой цветной репродукцией Гиссарской крепости.^[5] Рядом сидела продавщица и увлеченно, нисколько не обращая внимания на покупателей, читала какой-то журнал.

«Вот это-то мне и надо. Может быть, это единственный мой выход». — Андрей, не особенно раздумывая, сделал шаг к двери.

— Вы куда? — прервав чтение, вдруг спросила черноволосая девушка, подняв красивые раскосые таза на Андрея. — Туда нельзя. Это служебный вход.

— Да я, собственно, к директору! — Орлов сказал первое, что пришло ему в голову. — Я насчет заказа...

— А! Ну проходите! Директор в своем кабинете. По коридору и направо, последняя дверь.

— Да я знаю! — Андрей торопливо открыл дверь и оказался в сумрачном длинном коридоре, заставленном коробками и большими рулонами упаковочной бумаги.

«Так, теперь нельзя терять ни минуты! — подгонял он себя. — Если они увидят, что меня уже нет в торговом зале, то сразу все поймут, и тогда мне, конечно, уже от них не уйти».

Он быстро прошел в конец коридора, мельком прочитав таблички на дверях: «Бухгалтер», «Товаровед», «Директор». Стучаться в последнюю дверь, само собой разумеется, не стал, а, наоборот, бросился в другую сторону, интуитивно чувствуя, что именно где-то там должен быть выход во двор.

Неожиданно в коридор выплыла полная женщина в вязаной кофте. Она с удивлением посмотрела на Андрея, но, ничего не сказав, распахнула дверь в торговый зал и прокричала туда:

— Мунавар, тебя зовет директор!

На пороге показалась та самая черноволосая красавица, которая читала журнал и разрешила Орлову пройти к директору. Он понял, что

сейчас может быть разоблачен и поспешил в противоположенный конец коридора. К его счастью, именно там и оказалась заветная дверь, толкнув которую Андрей сначала оказался в каком-то подсобном помещении, а затем и в самом дворе.

Первое, что Орлов сделал, так это быстро осмотрелся и сразу же оценил обстановку. За углом четырехэтажного дома виднелись железные ворота, которые, вероятно, и выходили на улицу со стороны фасада магазина. Туда было нельзя. Там его ждали. Нужно искать выход где-то в другом месте. Во дворе стоял крытый фургон, из которого двое парней выгружали аккуратные прямоугольные свертки, перетянутые веревкой. Они носили их в кирпичную пристройку, примыкающую к зданию, которая, по-видимому, была складом. Между стеной пристройки и высоким деревянным забором виднелся узкий проход. Не долго думая, Орлов сначала медленно, как бы нехотя, а затем все быстрее и быстрее устремился туда. Внутренне весь сжавшись от напряжения, он молил бога о том, чтобы проход оказался не заваленным мусором тупиком, а выходом на другую улицу или, по крайней мере, путем в другой двор. Он слышал голоса позади себя, скрип открывающейся двери, притушенные звуки проезжающих автомашин, но все его внимание было сконцентрировано только на одном: как выбраться из этой западни. Ведь в любую минуту те, из «наружки»,^[6] могли заметить исчезновение Орлова и броситься его искать.

Дойдя до конца, Орлов уперся в деревянную дверь дома, стоящего позади склада. «Только бы она была открыта! Только бы открыта!» — стучало в его мозгу. Эта дверь казалась ему теперь настоящим спасением. Вся поцарапанная, с ржавой металлической ручкой и таким же ржавым замком, в этот миг она представлялась ему вратами рая. «Только бы была открыта!...»

С волнением взявшись за ручку, Орлов сильно потянул дверь на себя, а она неожиданно легко подалась, обнажая перед ним вход в какое-то захламленное помещение. Повсюду лежали доски разной длины, у стены стояли большие железные бочки и алюминиевые бидоны. Только оказавшись здесь, Орлов первый раз обернулся, но ничего не увидел, кроме забора и края склада, стена которого загораживала двор. Пока — никаких преследователей.

Орлов прошел через все помещение, миновал второе, затем третье, не встретив ни одного человека. Похоже, он попал в подсобки какого-то магазина, расположенного рядом с книжным. Но то ли был уже обеденный перерыв, то ли работники магазина ушли на какое-либо совещание — во

всяком случае, судьба благоприятствовала Андрею и он, поплутав немного, нашел наконец заветный выход.

Выбравшись из здания, Орлов оказался на тротуаре улицы, которая пролежала параллельно той, где его ждали. Здесь было потише, не ездили троллейбусы и было совсем мало пешеходов. Андрей осмотрелся. На другой стороне улицы стояли трое молодых людей с портфелями. Они о чем-то оживленно беседовали и в представлении Орлова совсем не походили на сотрудников «наружки». «Да просто студенты или учащиеся какого-нибудь техникума», — подумал он.

Рядом, еле передвигая ногами, плелся старик с авоськой в руках, чуть дальше шла молодая женщина с ребенком.

«Кажется, я оторвался. Теперь нельзя терять ни минуты!» — решил Орлов и быстро зашагал в сторону видневшегося вдали перекрестка.

25 февраля 1990 года, день.

Душанбе. Центр города. Административное здание

— Хайдар! Алло, Хайдар, ты слышишь меня? Мы уточнили. «Москвич» встречался с Садыковым...

— А что, Садыков, думаешь, сказал...

— Я не думаю. Я знаю. Садыков был тогда...

— Ладно! А с кем еще?

— С Чульпаевым и с этим... Как его... Который работает в политехническом институте...

— Павлов?

— Да, да!

— А куда же вы смотрели? Вы что, не могли помешать?

— Как помешаешь, Хайдар? Он ведь на комитетской машине был. С ним еще этот особист^[7] все время ходит!

— Да, плохо дело! Хозяин нам этого не простит! Ты меня понял?

— Как не понять!

— А сейчас где москвич, в гостинице?

— Нет. Он туда не доехал. Отпустил водителя на углу Свириденко. Сказал, что хочет пройти по книжным магазинам. Мы его ждали, правда, в цековской.^[8] Там уже все готово было...

— Ладно, потом расскажешь! Сейчас он где?

— Москвич?

— Ну кто же еще!

- Наши его водят по городу. Наверное, скоро будет в гостинице.
- Хорошо. Продолжайте работать. Держи меня в курсе. Все понял?
- Появл, понял, Хайдар!
- И не упустите его!
- Да ты что, Хайдар! Работают профессионалы!
- Смотри! Ладно, пока!
- Пока!

Оба говоривших по телефону одновременно положили трубки, один — в большом светлом кабинете, из которого открывался вид на одну из центральных улиц города, другой — в полуподвальном помещении с плотно зашторенными окнами. Один был крупным чиновником республиканского уровня, другой — руководителем боевого отряда гармской^[9] криминальной группировки.

25 февраля 1990 года, день.

Душанбе. Центр города.

Орлов уже полтора часа ездил на автобусе по улицам Душанбе и только сейчас оценил, насколько оказался предусмотрительным, когда накануне командировки в течение двух часов изучал карту таджикской столицы. Собственно говоря, делал он это по собственной инициативе, чувствуя, что хотя бы примерное знание планировки ему может понадобиться в совершенно незнакомом для него городе. Сын офицера, он с детских лет не только хорошо разбирался в топографии, но и испытывал удовольствие от того, что так хорошо ориентировался в незнакомом городе или новой для него местности, элементарно находил дорогу по карте или плану. Приезжая куда-нибудь впервые — в командировку или в отпуск, он всегда покупал книги по краеведению и карты. Дома у него скопился целый картографический архив, по которому можно было не только проследить географию путешествий, но и составить представление о том или ином регионе страны.

Вот и сейчас, стараясь оторваться от возможного скрытного наблюдения, Орлов уже третий раз пересаживался на новый автобусный маршрут, но несмотря на это, не потерял ориентировки. Он то удалялся от места предстоящей встречи с Вячеславом и оказывался на окраине Душанбе, то снова приближался к нему. Очередной раз выйдя из автобуса где-то в районе улицы Карамова, он позвонил Вячеславу из телефонной будки, сказал условную фразу и тут же повесил трубку. Если его начали

уже искать, а в этом Орлов не сомневался, то разговор могли засечь. У него оставалось полчаса до встречи, которая должна была состояться в центре, в общем-то совсем недалеко от того места, где удалось оторваться от преследователей. А это было небезопасно. Поэтому Андрей старался точно рассчитать время, чтобы подъехать к перекрестку улицы Кирова и 1-го проезда Красных Партизан тогда, когда темно-зеленые «Жигули» Вячеслава уже будут ждать его.

«Жигули» Орлов увидел еще из окна автобуса, когда пересекал перекресток. Машина стояла у тротуара рядом с магазином «Ветеран» прямо напротив кинотеатра «Памир». Там находилось еще несколько легковых автомобилей.

Андрей вышел на тротуар через заднюю дверь автобуса, пропустив вперед женщину с тяжелой сумкой и офицера внутренних войск в теплой форменной куртке, и двинулся в сторону стоящей автомашины. Когда до нее оставалось уже каких-нибудь тридцать шагов, он еще раз бросил взгляд на улицу, на проходящих мимо пешеходов, скользнул взглядом по окнам стоящего рядом дома и, не заметив ничего настораживающего, быстрым шагом направился к «Жигулям».

— Привет! — Вячеслав, улыбаясь, протянул руку Орлову. — Я жду тебя уже минут двадцать. Даже беспокоиться стал.

— Да я тут немножко покатался на ваших автобусах, посмотрел город...

— Понятно. Ну что, едем? Уверен, что ушел?

— Да, вроде.

— Сейчас проверим.

Они колесили по улицам Душанбе до темноты, пока не зажглись уцелевшие после побоищ фонари, озарив своим тусклым светом дома и улицы.

— Город у нас красивый, много памятников... Видишь, — кивком указал Вячеслав, когда они остановились у светофора, — это памятник Рудаки.

Андрей с трудом рассмотрел на слабо освещенной площади изваяние старца с посохом, возвышающееся на прямоугольном пьедестале. Включился зеленый свет, отбросив слабый отблеск на стекло машины. Вячеслав включил передачу, и они тронулись с места.

— А кто он, Рудаки?

— Таджикский поэт. Абдулах Джафар Рудаки. Таджики его очень ценят, вроде как основателя своей поэзии. А ты уверен, что они не видели, как ты звонил по телефону? — без всякого перехода спросил Вячеслав.

— Уверен. Я ведь от них оторвался в книжном... Все несколько раз проверил. Да еще полтора часа мотался по городу на автобусах. Нет, думаю, не засекли.

— Ну хорошо! Будем надеяться. Едем домой?

— Едем! — Андрей внимательно бросил взгляд на Вячеслава, всматривающегося в полумрак улицы, пытаюсь понять, что думает этот еще три дня назад совершенно незнакомый ему человек. Им обоим было понятно, чем они рискуют. Но если Андрей рисковал сам, то Вячеслав, приглашая Орлова домой, «втягивал» в полосу риска еще и свою семью. Вполне вероятно, что те, кто преследовал Орлова, ставили перед собой цель устранить его, во что бы то ни стало. И в этом случае для них вряд ли могли явиться помехой Вячеслав и его близкие.

В одиннадцатом часу они заехали во двор между двумя панельными девятиэтажками. Вячеслав развернул «Жигули» и, подав назад, поставил ее между деревьями, рядом с другими легковушками. Орлов, внимательно всматриваясь в темноту, не без опаски вышел из машины. На улицы не видно было ни души. Да и окон в обоих домах светилось не так уж много. То ли жители предпочитали рано ложиться спать, то ли вообще не ночевали дома, а уезжали куда-то за город к знакомым или родственникам. Понять это можно. Ведь минуло всего лишь чуть больше недели после того, как в городе прошли кровавые столкновения между бесчинствующими молодчиками и силами правопорядка. Еще не вставлены стекла в витрины магазинов, подвергшихся нападению мародеров. Еще не устранены следы пожара в правом крыле здания ЦК на площади Путовского. Еще не прошел страх жителей, вздрагивающих при каждом ночном шуме и шорохе.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «...Начался беспредел. Но только после того, как на этом митинге были убиты невинные люди. И если бы из Москвы не прислали спецназ, группу «Альфа», если бы Москва не ввела танки — то я не знаю, чем бы все закончилось. Слава богу, что тогда удалось это остановить.

Ведь что такое был Душанбе в 1990 году? Маленький Париж. Половина населения — таджики, другая половина — русские, евреи, узбеки, татары... На одной свадьбе могли говорить по-таджикски, по-узбекски, по-русски... Это был интернациональный город, и каждый, кто приезжал из кишлака в Душанбе, становился городским жителем... И когда после февраля русскоязычные стали уезжать — а это были лучшие, самые образованные люди, — то их отъезд стал страшным

ударом, от которого Душанбе до сих пор не оправился»

(Воспоминание очевидца. Сайт «Фергана. news», 22 февраля 2010 года).

На улицах Душанбе, особенно в тех кварталах, которые подверглись нападению бандитов, еще дежурили посты самообороны, сформированные из рабочих промышленных предприятий и комсомольских оперативных отрядов. Во дворах стояли вагончики, из которых осуществлялось руководство отрядами ополченцев, а подступы к некоторым кварталам были забаррикадированы металлическими конструкциями и цементными плитами.

25 февраля 1990 года, вечер.

Окраина Душанбе

Квартира у Вячеслава была небольшая, но чистенькая и уютная. Его жена Валя, тихая женщина с усталой улыбкой, тактично оставила мужа и гостя одних на кухне, разложила и застелила свежим постельным бельем массивное кресло-кровать в большой комнате и ушла в другую, где уже спали тринадцатилетняя дочь и пятилетний сынишка. На кухонном столе рядом с початой бутылкой «Столичной» стояла сковородка с румяной жареной картошкой и большими кусками мяса, чуть поодаль — миска с солеными огурцами в рассоле. Краюхи мягкого и душистого черного хлеба были аппетитно сложены горкой на миниатюрном подносе, украшенном по краям ярким витиеватым орнаментом.

— Ну что, Андрей Петрович, давай еще по одной!

— Давай! За что?

— А за то, чтобы у тебя все было удачно и чтобы ты благополучно...

— Нет, извини, — Орлов внимательно посмотрел на Вячеслава, держащего наполненную до краев стопку. — Знаешь, давай за тех, кто в любой ситуации готов прийти на помощь и протянуть руку. Это дорогого стоит.

— Да, за дружбу!

Они разом выпили и, потянувшись одновременно за одним соленым огурцом, рассмеялись.

У Орлова только сейчас наконец спали напряжение и усталость, которые копились все эти дни. В голову ударил хмель, все стало слегка

размытым, нечетким.

— Ты понимаешь, Слава, мне абсолютно ясно теперь, кто стоял за всем этим. Ты же знаешь не хуже меня, что тринадцатого не было никаких политических лозунгов. Политики в первый день не было. Эти бандиты, накурившиеся анаши,^[10] громили магазины, избивали прохожих, насиловали женщин... Не давали работать «скорой помощи», разбили четыре машины, в которых находились врачи...

— Подожди! Ну как политики не было! А то, что толпа была сплошь одета в халаты и тюбетейки, это — не политика?

— Ты хочешь сказать, что это было выступление националистов?

— Конечно! Это ясно, как божий день! Ведь и комитет этот, который они образовали на следующий день, чисто националистический.^[11] Там из всей семерки шестеро...

— Знаю, знаю! Но причем здесь это! В комитет вошли председатель Госплана Каримов, министр культуры Табаров, газетчик этот... Как его?

— Мухаббатшоев.

— Да. Я уверен, что они все — подставные люди. Дирижеры сидели в другом месте.

— Конечно! Иначе почему на второй день на площадь пришли совсем иные люди? Никаких погромов, никаких наркотиков! Ни одного пьяного! Ты же видел пленку «наружки» — солидные мужики без уголовно-погромных замашек... Ты встречался с этим подполковником?

— Встречался. И он мне многое рассказал. И о Латифи, и о Хувайдуллаеве, и о роли руководства МВД во всем этом...

— Ты же знаешь, Хабибов, начальник политотдела МВД, тоже был в составе комитета.

— Знаю.

— А как Латифи, зампред Совмина, угрожал: «Если не отпустите задержанных из следственных изоляторов КГБ и МВД, будет много крови».

— Дело, я думаю, в том, что четырнадцатого исполнители вынуждены были сбросить маску. Что орали там, на площади! «Да здравствует исламская республика Таджикистан!», «Власть — Временному комитету!»...

— Андрей, ты же понимаешь, что, если бы не воздушные десантники и пограничники, здесь уже была бы другая власть. Я даже не имею в виду смену Махкамова.^[12] Сейчас хотят все списать на уголовников и мафию, а истинных организаторов скрыть...

— Да, я встречался с Мурадом и с этим... Ну как его? Уголовный

авторитет из 8-го микрорайона...

— Юсуф?

— Да, с Юсуфом. Так он меня заверил, что ни «воры в законе», ни одна преступная группировка в городе не имели отношения к событиям. Правда, как он сказал мне, «Когда все началось, ребята немного порезвились». Но и для них вся эта заваруха была неожиданной. Да и в условиях чрезвычайного положения, думаю, им тоже было не сладко.

— А он знает, кто все организовывал и направлял?

— Думаю, что знает. Но говорить об этом не захотел. Сказал, что это его не касается, в политику он, мол, не лезет. «Ищите у себя!» Развивать эту мысль он не стал.

— А где у себя? Он же знал, что ты из Комитета?^[13]

— Знал конечно.

— Так это означает, что...

— Сам понимаешь.

— Тогда ясно, что твой визит не на шутку кое-кого встревожил.

— Я это уже почувствовал на своей шкуре. За мной работали профессионально. Так умеют работать только у нас в КГБ.

СООБЩЕНИЕ: «Первый президент Таджикистана Каххор Махкамов впервые за 20 лет поделился со СМИ своим видением причин произошедших 12–14 февраля 1990 года беспорядков в Душанбе, повлекших человеческие жертвы... Махкамов в интервью персидской службе ВВС^[14] заявил, что к этим событиям «причастны и некоторые руководители КГБ»...

Как отметил в беседе Махкамов, в те дни... несколько семей из Армении, которые пострадали от землетрясения в Спитаке, прибыли в Душанбе к своим родственникам. «Но квартиры им не были выделены, да и вопрос такой не стоял... Но люди, которые стремились к власти, усиленно распускали слухи о том, что власти предоставили беженцам из Армении жилье, и народ вышел на улицы. Ни одна из спецслужб в те дни не сообщала мне о возможном событии. Только после удалось узнать, что представители группы, которая стремилась к власти, смогли заручиться поддержкой среди высокопоставленных сотрудников КГБ... Беду для нашего народа принесли те, кто стремился к власти», — отметил Махкамов, который в тот период являлся президентом Таджикистана и первым секретарем ЦК КП^[15]

Таджикистана. Он отметил, что «года через полтора эти люди все же захватили власть в 1992 году, но даже не смогли ее удержать»

(Информационное агентство «Регнум», 10 февраля 2011 года).

— Ладно, Андрей! — Вячеслав наполнил стопки до самых краев, так что поднять их было не пролив почти невозможно. — Давай выпьем за то, чтобы... Чтоб им пусто было!

Они разом опрокинули стопки, закусили и несколько минут сидели молча, с тревогой думая каждый о своем: Орлов — о том, как завтра ему придется объяснять свое неожиданное исчезновение первому заместителю председателя Комитета республики, а Вячеслав — о том, что его семью неизбежно ждут здесь очень тяжелые времена и пора уже всерьез подумать об отъезде в Россию.

— Я чувствую, что это лишь начало. То, что прорвалось здесь, в Душанбе, завтра может охватить всю Среднюю Азию. Да что там Среднюю Азию! Ты же знаешь: Карабах, Фергана, Баку, Сумгаит, Тбилиси...^[16] Кто на очереди? Чечено-Ингушетия? Карачаево-Черкесия? Дагестан?

— Все правильно, Андрей. У меня тоже ощущение, что скоро исламские националисты зашевелиятся и на других территориях. А вы там, в Москве, объясняете все просто: мол, поспорили на рынке из-за арбузов и дынь...

— Ты об объяснениях Нишанова?^[17] Бред, конечно! Это говорит, что наверху, — Орлов сделал жест рукой, указав куда-то в потолок, — ни черта не понимают...

— Не хотят понимать! — перебил его Вячеслав.

— Ну, может быть, не хотят! Наверное, так!

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «...Все, кто пережил эту трагедию, помнят, что оппозиционеры выступали под лозунгами создания исламского государства. Они избili несколько таджичек, которые шли по улице в европейской одежде...

Вряд ли эти столкновения были спровоцированы агентами КГБ. Пройдет еще немного времени, президентом станет Набиев,^[18] и в Душанбе автобусами будут привозить жителей из дальних и ближних кишлаков на митинги... неужели в защиту демократии? Нет, оппозиция на этих митингах провозглашала лозунги о построении исламского государства. И что, в феврале

1990 года КГБ и Кремль тоже «подыгрывали» оппозиции? Москве было выгодно построение у границ СССР исламского государства? Не думаю. Скорее всего, высокопоставленные чины в силовых структурах СССР предпочитали вообще не думать об этом регионе...»

(Воспоминание очевидца. Сайт «Фергана news», 1 марта 2010 года)

Они сидели на кухне за небольшим столом, вплотную придвинутым к старенькому серванту. Здесь была обычная, стандартная почти для каждой советской семьи обстановка. Газовая плита на четыре конфорки, холодильник и рабочий стол, уставленный посудой, полки, рядом повешенные на стене, высокая колонка и сервант — вот, собственно, и все. За окном, завешенным цветастыми шторами, стояла уже глубокая ночь. Дом спал. Спали и домочадцы Вячеслава. Тишину нарушало мерное тиканье ходиков с покрашенными серебрянкой гириями на цепочках да притушенный разговор двух мужчин, понимающих друг друга с полуслова.

Они немного помолчали. Орлов, в который раз извинившись, закурил. Потом, будто вспомнив о чем-то, спросил:

— Я позвоню в Москву? А то, наверное, жена там с ума сходит. Мы с ней созваниваемся каждый день. Я всего два слова...

— Да звони, Андрей, пожалуйста... Сколько нужно! Телефон вон там, в комнате. Пойдем, покажу. — Вячеслав встал и, приглашая за собой гостя, пошел в большую комнату, зажег свет и указал на аппарат, стоящий на журнальном столике, покрытом ажурной белой салфеткой с бахромой.

Андрей устроился в кресле перед столиком и стал набирать номер. Сначала Москва была занята, и только на четвертый раз в трубке, наконец раздался протяжный гудок. Мельком взглянув на часы, он только успел подумать, что в Москве-то уже первый час ночи, как трубку на том конце подняли, как будто только и ждали его звонка.

— Алло, — прозвучал тихий голос жены. [О Андрюша, это ты?

— Я, Оль!

— Что ж ты не позвонил раньше?

— Я не мог, Оля. Не получилось...

— А я звоню тебе в гостиницу, а тебя все нет и нет. У тебя все в порядке? Я что-то очень волнуюсь.

— Да, все в порядке, Оль. — У Андрея пересохло в горле. Он запнулся, но совладал с собой, сделал паузу и продолжил буднично: — Я

просто тут встретился с товарищем и заехал к нему в гости. Вот, видишь, засиделись за полночь. У нас-то тут уже скоро четыре утра...

— Что-то вы там загуляли совсем.

— Да опрокинули тут пару рюмочек, выпили за тебя...

— Спасибо. А у тебя все в порядке?

— Оль, да что у меня может быть не в порядке? Все нормально. Поработал. Посмотрел город. Купил несколько книг, открытки... А как там Нина, Сережа, как бабушка?

— Да у нас тоже все в порядке. Ничего не изменилось со вчерашнего дня. Бабушка спрашивала, когда ты приедешь...

На том конце трубки раздалась щелчка, затем тишина. Было похоже, что связь прервалась.

— Алло! Алло! Оль! Оля, ты слышишь меня? — крикнул Орлов в трубку, прикрывая рот рукой. — Ты слышишь...

— Я слышу, слышу тебя! — раздался голос жены. — Андрюшка, приезжай скорей! А то мне очень скучно без тебя. Я даже не могу заснуть.

— Олечка, голубчик! Да я же завтра... Нет, уже сегодня, — поправился Орлов, — приеду! Уже билеты есть! Не скучай, до вечера!

— Уже сегодня? — переспросила жена. — Я тебя очень жду. Будь там осторожнее!

— Хорошо, Оль. Я заканчиваю. Пока! До встречи!

— До встречи!

Орлов не стал дожидаться, пока жена положит трубку, и положил ее первый. Его охватило острое чувство вины. Он представил, как Оля, не находя себе места, все ждала и ждала звонка от него. А он, даже когда это стало возможным, не удосужился сразу ей позвонить. Они сидели тут с Вячеславом, пили и ели, говорили о том о сем, а она там... От досады на самого себя Андрею сильно захотелось закурить. Он взял изрядно помятую пачку «Явы» и, глубоко затягиваясь, закурил. Это была, наверное, уже вторая пачка за сегодняшний день. Даже за одну эту ночь, которую он провел на квартире Вячеслава, стеклянная банка, используемая им как пепельница, была заполнена окурками наполовину.

Они посидели еще с полчаса, уже устав от разговоров, захмелев от водки и разомлев от кухонной духоты. За окном было еще темно, но уже ощущалось приближение утра — где-то хлопали двери и начинал тарахтеть автомобильный мотор, слышались приглушенные голоса.

— Давай подремем хоть пару часов, — предложил Вячеслав. — Ложись! Я разбужу тебя... — он посмотрел на часы, — ровно в семь.

Орлов выкурил сигарету, но не испытал от этого никакого

удовольствия. Затем разделся и прилег на кресло-кровать. Хотя во всем теле чувствовалась вялость, а голова казалась тяжелой и немного замутненной, спать не хотелось. То ли долгожданный сон, не наступив вовремя, теперь уже не хотел заключать Андрея в свои объятия, то ли нервы, до сих пор сжатые в упругую пружину, теперь никак не желали расслабиться и погрузиться в долгожданную истому. Он лежал и думал о том, что в Москве совершенно не представлял себе сложности той миссии, которую ему надлежало выполнить здесь. Когда начальник управления, напутствуя его, сказал: «по пустякам не рискуйте», Орлов не придавал серьезного значения словам генерала, посчитав их обычной данью наставления старшего и опытного человека молодому и «необстрелянному» сотруднику.

Ночь с 25 на 26 февраля 1990 года.

Москва. Крылатское

Оля сидела в комнате у телефона. Ночной звонок не разбудил ее, потому что она еще и не ложилась спать. Ей казалось, что она ждала этот звонок очень долго. Ведь они созванивались с Андреем почти каждый день. Так повелось уже давно: когда он уезжал в командировки, они договаривались, что он сразу, как приедет, звонит в Москву и сообщает жене свой номер телефона в гостинице. Либо он ей, либо она сама звонила ему, но они обязательно разговаривали друг с другом. О чем? Это было совершенно несущественно. И для нее, и для него было важно только услышать голос любимого человека и знать, что с ним все в порядке. Если он не был уверен, что сможет позвонить, то обязательно предупреждал об этом. И вот теперь...

Ей вообще с самого начала не нравилась эта его командировка. Во-первых: она была совершенно неожиданной. Андрей просто пришел с работы и сказал, что через два дня едет в Среднюю Азию. А в это время — скупые газетные сообщения о событиях в Душанбе: «вспышка беспорядков», «введены чрезвычайное положение и комендантский час», «толпа била витрины магазинов, жгла газетные киоски, автобусы и троллейбусы», «милиция вынуждена была применить слезоточивый газ и огнестрельное оружие», «есть убитые и раненые»...

И, наконец, ее очень насторожило то, как странно муж готовился к этой командировке. Обычно он, не вдаваясь в подробности, говорил, куда и когда едет, а она собирала его в дорогу. Как правило, это был самый

минимум вещей, умещавшихся в дипломате: рубашка на смену, спортивный костюм с тапочками, электробритва, туалетные принадлежности... Вот, пожалуй, и все. А в этот раз, накануне, очень поздно придя с работы и наскоро поужинав, он долго сидел с ворохом бумаг в большой комнате, попросив при этом, чтобы ему не мешали.

Когда Оля вошла к нему спросить, будет ли он пить чай, Андрей раздраженно ответил:

— Ну я же сказал, чтобы мне не мешали! Не буду я пить чай! — И, видимо, почувствовав излишнюю резкость, с которой было это сказано, несколько мягче добавил: — Ладно, принеси чашечку сюда. Я здесь попою.

Сначала ей тоже захотелось ответить резкостью на раздраженный голос мужа и она чуть было не сказала что-то вроде того: «А что ты со мной так разговариваешь?» — но, увидев его сосредоточенное лицо, сдержалась и молча ушла на кухню.

— Давайте, Евдокия Михайловна, пить чай вдвоем. Андрей там занимается. Он же завтра едет в командировку... — Открыв крышку заварочного чайника, она помешала ложечкой темно-коричневую жидкость, от которой поднимался пар, и снова закрыла ее.

— Сейчас немного перемешается — и будем пить.

В свои тридцать два года она выглядела почти девочкой: хрупкая, невысокого роста, с тонкими руками, с красивыми темными каштановыми волосами. При взгляде на Олю трудно было поверить, что у нее уже десятилетняя дочь и сын, которому скоро исполниться шесть лет. Да и все ее движения, походка и голос не выдавали в ней взрослую женщину. Недаром, когда в прошлом году в их квартиру пришла комиссия для того, чтобы выслушать претензии жильцов только что заселенного дома, ее председатель, позвонив в дверь и увидев Олю, спросил:

— А взрослые дома есть?

Она тогда улыбнулась и сказала:

— Есть. Я — взрослый!

Мужчина очень смутился, даже, кажется, немного покраснел и стал неуклюже извиняться. А Оля с торжествующей улыбкой передала ему тщательно составленный вместе с мужем список неисправностей и недоделок в их новой квартире.

Да, эта командировка Андрея не понравилась ей сразу. Не понравились недомолвки мужа, хотя он и раньше не очень распространялся о своих делах. Не понравилось, что командировка эта свалилась на голову неожиданно, как будто какие-то неизвестные ей события побудили срочно срываться и ехать куда-то за тридевять земель. Не понравилось ей и то, что

в этот раз путь Андрея лежал туда, откуда приходили тревожные сообщения о массовых беспорядках и кровавых столкновениях. До сих пор он и так немало ездил по городам Союза. Она собирала его в Киев и Алма-Ату, Одессу и Таллин, Ригу и Кишинев, Красноярск и Абакан. Как правило, он уезжал на несколько дней. Вот и в этот раз Андрей сказал, что его командировка продлится не более пяти дней. Она сама не могла понять, почему ей сейчас тревожно как никогда.

Оля поймала себя на том, что уже довольно долго сидит у телефона, перебирая пальцами витой провод. Что-то недоговоренное, недосказанное было в их ночном разговоре с Андреем. «Если он зашел в гости к товарищу, то почему не позвонил раньше? Говорит: «Не мог». Странно. Очень странно. Да и откуда у него товарищ в Душанбе? Он никогда о нем не говорил».

Она перестала теребить провод, встала, набросила на плечи поверх халата кофту, тихо ступая, чтобы никого не разбудить, вышла в холл.

— Оля! — из маленькой комнаты раздался бабушкин голос. — Оля, кто звонил? Андрюша?

— Да, Евдокия Михайловна! Андрюша звонил. Сказал, что у него все в порядке. Просто не мог позвонить раньше.

— А-а! Ну, хорошо. Слава богу, что все в порядке. Иди спи, Олечка, а то тебе рано вставать.

— Да, сейчас буду ложиться. Отдыхайте, Евдокия Михайловна.

Оля прошла на кухню, поставила чайник на плиту. Спать совершенно расхотелось. После телефонного разговора с мужем она немного успокоилась, но безотчетное чувство тревоги все равно не отпускало ее. Ей навязчиво лезли в голову мысли о том, что странная подготовка Андрея к командировке каким-то образом связана с опасностью, которая грозит ее мужу. А странность эта заключалась в следующем.

Когда накануне командировки ночью Оля, не дождавшись, когда Андрей позовет ее в большую комнату, приоткрыла в нее дверь, она увидела, что муж ходит по комнате и что-то бормочет, как будто разучивает какое-то стихотворение или правило. Время от времени он заглядывал в какие-то листки, сверяясь, правильно ли заучил текст. Увидев жену в приоткрытую дверь, он сказал:

— Оль, сейчас! Еще пять минут. Ты меня спросишь? Мне нужно, чтобы меня кто-нибудь проверил.

Действительно, он позвал ее через некоторое время и, дав ей в руки два листка бумаги, попросил ее внимательно следить за тем, насколько правильно и точно он будет называть фамилии, имена и должности каких-

то людей. Это оказалось непросто, поскольку абсолютно все они были таджикского происхождения и для русского уха звучали непривычно. Андрей обладал хорошей памятью, но было видно, что он уже изрядно поработал над тем, чтобы правильно произносить непривычные для себя слова. Раза три-четыре он повторил почти весь список, делая несущественные ошибки. Оля поправляла его, сама удивляясь, как он смог запомнить такое количество совершенно незнакомых имен. Иногда Андрей заглядывал в разложенные на столе газеты, что-то сверял с подчеркнутым в них текстом и, удовлетворенный, наконец сказал:

— Ладно, хватит! А то у меня все в голове перепутается! Давай пойдем спать.

Было около трех часов ночи. Спать им оставалось совсем немного. Андрей быстро собрал все листочки и газеты с журнального столика, сложил их в свою кожаную черную папку и поднял усталые глаза на жену. Затем встал, притянул ее к себе, обнял, положил ее голову себе на плечо и прижался лицом к ее тонкой шее, стал поглаживать руками ее спину с острыми лопатками, мягкие, пушистые волосы.

— Андрюша, я не хочу, чтобы ты туда ехал. Не ездь, а!

— Ну что ты, Олечка, это же работа! Я еду-то всего на пять дней. В пятницу уже буду дома. Неделя пройдет незаметно.

— Я буду очень скучать без тебя.

— Я знаю. Я тоже буду скучать.

Он слегка отстранил ее от себя, приподнял ее голову, посмотрел в ее полные тревоги глаза.

— Не волнуйся. Все будет хорошо. Я буду звонить тебе каждый день. Договорились?

Оля молча кивнула, но в глазах у нее осталось беспокойство и сомнение.

Это происходило каких-нибудь пять дней назад. И вот теперь, вспомнив все это, после немного снявшего напряжение звонка мужа, она вновь почувствовала волнение. «Скорее бы прошла ночь и наступило утро», — подумала Оля, обхватив ладонями чашку, наполненную горячим чаем. У нее почему-то замерзли руки. Это случалось временами, но когда Андрей был дома, она просто говорила ему: «Погрей ручки», и он согревал их, прижимая к лицу и губам, беря их в свои горячие ладони и слегка растирая. Как тогда, когда они еще не были женаты и часто гуляли зимой в Измайловском лесу. Он ее катал на саночках по глубокому снегу, разгоряченный и восторженный. А она в своем черном пальто с капюшоном, крепко вцепившись в санки, чтобы не упасть, смеялась и не

мота скрыть своего восторга, что ее катает, как маленькую, такой взрослый парень. Когда у нее замерзли руки, Андрей грел их своим дыханием, не боясь холода, расстегивал ворот рубашки и прижимал их к своей разгоряченной груди. И вот теперь, несмотря на то, что чашка с только что заваренным чаем обжигала ее ладони, руки почему-то совершенно не хотели согреваться.

Оля погасила свет на кухне. За окном с высоты тринадцатого этажа, несмотря на темноту, были видны очертания заснеженных холмов, поросших кое-где деревьями, да засыпанных снегом машин внизу у подъезда. Она попыталась представить, как где-то в далеком Душанбе ее муж стоит у такого же темного окна и смотрит на улицу, но у нее ничего не получилось. Она почему-то видела Андрея идущим по дороге в окружении всадников, одетых в длиннополые халаты и белые тюрбаны. Оля пыталась стряхнуть с себя это жуткое видение, но оно возвращалось вновь и вновь, как будто кто-то извне настойчиво пытался предупредить ее, что с Андреем далеко не так все хорошо, как он сам рассказывал в своем телефонном разговоре.

— Господи, спаси его и сохрани! Скорее бы он возвращался! — шептали ее губы в темноте московской квартиры.

26 февраля 1990 года, утро.

Душанбе. Квартира в элитном доме

— Хайдар! Алло, Хайдар, это я!

— Ты что, сошел с ума? Посмотри на время. Пять утра! Ты, что не можешь...

— Хайдар, мы потеряли его.

— Что-о-о?

— Мы попытались искать, но он как сквозь землю...

— Я не понял, что ты несешь, Дильшод. Как потеряли? Когда?

— Да еще вечером. Он зашел в книжный магазин. Мы думали...

— Что вы думали?

— Мы думали, что он пойдет в гостиницу, но...

— Кретины! Вас там целая орава! И вы не могли уследить за одним человеком! — Говоривший зло выругался по-таджикски. — Ищите! Даю тебе три часа времени! Найдешь его хоть из-под земли! Иначе...

— Хайдар, не горячись! Найдём его. У нас еще полдня завтра...

— Не завтра, а уже сегодня!

— Да, сегодня!

— Так вот, он ни в коем случае не должен уехать в Москву! Москвич должен остаться здесь. Навсегда. Понял? И ты, Дильшод, лично отвечаешь за это! Иначе...

— Хайдар, я все понял. Ты меня не пугай. Я и сам знаю, что это нужно сделать. Что-нибудь придумаю. Не беспокойся, Москвы ему не видать.

— Смотри, хозяин спросит.

— Знаю. Все сделаем. Пока.

— Через три часа жду звонка. Все!

26 февраля 1990 года, утро.

Душанбе. Здание КГБ Таджикской ССР

Прапорщик привычным движением взял в руки удостоверение сотрудника центрального аппарата республиканского Комитета госбезопасности и внимательно, как того требуют инструкции, сличил изображение на фотографии с лицом человека, стоящего перед ним. Он уже три раза видел этого сотрудника, прибывшего сюда из Москвы, и мог бы не терять время на внимательное изучение удостоверения. Но начальник отдела охраны сказал ему, что приехавший из Москвы майор — не простая птица, а сотрудник Инспекторского управления КГБ СССР. Поэтому ему надо продемонстрировать, насколько скрупулезно и точно несут свою службу охранники в КГБ Таджикистана, особенно в эти тревожные февральские дни. Председатель был в отъезде, и за все отвечал его первый заместитель, высокий симпатичный генерал-майор, который любил порядок во всем. Приезд представителя Центра всегда немного тревожил руководство республиканского комитета: кто его знает, что он там доложит после возвращения. Но приезд этого молодого майора сразу после трагических событий, когда в городе еще работала комиссия, которую возглавлял председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Пуго,^[19] вызывал, кроме всего прочего, определенное беспокойство. Что он тут собирается «вынюхивать»? Может быть, ему поручено найти какие-нибудь изъяны в действиях руководства Комитета? Во всяком случае официально объявленная им задача — собрать материалы для подготовки обзора о действиях групп самообороны — вызывала серьезные сомнения.

Все эти дни Орлов проводил в городе в сопровождении приставленного к нему начальника одного из отделов, рослого, широкоплечего мужчины лет тридцати. Этот сотрудник во время массовых

беспорядков отвечал за взаимодействие с отрядами ополченцев, которые стихийно возникли в городе, когда начались убийства и грабежи. До сих пор не снявший камуфляжную форму, с зачехленным автоматом за спиной, он постоянно был с Андреем, сводил его с нужными людьми, возил по тем районам города, где были созданы рабочие дружины, вместе с ним принимал участие в разговорах с представителями местных советов, директорами заводов, командирами отрядов ополченцев, местными жителями в районах, подвергшихся нападению бандитов.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «...Я помню, как озверевшая толпа двинулась с площади в город. Когда никто из руководства не вышел на площадь, они пошли по городу, заполняя улицы. Шли, наклонив головы чуть вперед, руки или в карманах, или держат арматуру... И раскачивали и переворачивали все машины, которые попадались на пути, даже автобусы... Это был такой ужас, что меня до сих пор трясет, когда я об этом вспоминаю.

И тогда в Душанбе возникли отряды самообороны. Это был поразительный опыт. В микрорайонах собирались такие отряды, в которые входили таджики, евреи, русские... У меня муж был в таком отряде. Они охраняли от погромщиков входы в подъезды, подходы в свой микрорайон, придумывали какую-то самодельную сигнализацию (рельс), носили белые повязки... Отряды самообороны просуществовали дней десять, собираясь по вечерам и дежуря по ночам...»

(Воспоминание очевидца. Сайт «Фергана news», 1 марта 2010 года).

На исходе второго дня после приезда Орлова в Душанбе они вместе с начальником отдела поехали в один из микрорайонов, чтобы встретиться с бойцами отряда самообороны, которые всего несколько дней назад стойко отражали нападения одурманенных наркотиками и алкоголем молодчиков. Дело в том, что днем все эти люди работали на своих рабочих местах: кто на заводе, кто в какой-нибудь конторе, кто на транспорте — а вечером, чтобы исключить любую возможность повторения случившегося, дежурили у своих домов. Жгли костры, кипятили чай, переговаривались между собой. Вооруженные охотничьими ружьями, они готовы были дать отпор любому посягательству на их дома и квартиры.

Еще у всех в памяти были страшные дни беспорядков, когда банды головорезов врываются в дома, выбрасывают людей из окон на улицы, с улюлюканьем преследовали женщин и девушек. Тех из них, которые не были одеты в национальные таджикские одежды, валили наземь и насиловали. И все это делалось под вопли пьяных, накурившихся и нанюхавшихся молокососов, размахивающих железными прутьями, цепями и нунчаками. Звенели разбиваемые стекла в окнах домов и витринах магазинов, горели подожженные автомобили, с грохотом падали на асфальт сшибаемые толпой телефонные будки.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «...Мы с мужем в тот день допоздна сидели в здании ЦК КП, я передавала последнюю информацию, и в наши окна швыряли камни. Когда мы вышли на улицу, уже смеркалось. Мы попали в самый водоворот толпы. Я в ужасе натянула на голову что-то, похожее на платок. Толпа утекла в другую сторону, и мы быстро пошли домой по пустынному городу, нормальные люди все попрятались...»

(Воспоминание очевидца. «Душанбе — 1990. Русский взгляд». Сайт «Russkie.org», 2 марта 2010 года.)

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «...В Душанбе как раз началась заваруха, они сидели в гостинице, смотрели, как на улице избивают русских, потом таджики ломанулись в гостиницу и по спискам искали русских. Участники съемок забаррикадировались по номерам. Ночью гостиницу оцепили десанты и удерживали до подхода БТРов.^[20] Катани нарядили в броник и сферу, он их снял только в самолете и сразу бухать, а на трапе он сказал, что у нас круче, чем у них на Сицилии. У съемочной группы, по-моему, кто-то погиб из руководства...»

(Обсуждение на форуме. Сайт «Десантура. ру», 3 апреля 2004 года.)

Жители районов Душанбе, подвергшихся нападениям бандитских групп, с помощью местных властей смогли довольно быстро организовать в рабочие дружины, установить круглосуточное дежурство во дворах жилых домов и на предприятиях, забаррикадировать подходы и подъезды, наладить связь между собой для отражения нападения бандитов.

Это позволило уже на второй день отразить многочисленные попытки погромов в жилых кварталах Душанбе и остановить кровопролитие.

Прапорщик, закончив изучать удостоверение Орлова, молча вернул его и отдал честь. Мол, можно проходить. Орлов слегка кивнул и пошел к лестнице. Кабинет первого зампреда был на втором этаже.

— Он здесь, — сказал прапорщик в трубку телефона, стоящего рядом, и, не дожидаясь ответа, положил ее.

— Товарищ генерал-майор, я должен вас поблагодарить за предоставленную мне возможность хорошо поработать, — произнес Орлов, прощаясь с зампредом. — Несмотря на сложную обстановку, ваши сотрудники сделали все для того, чтобы я смог выполнить свою задачу. Мы побывали во многих районах города, мне удалось переговорить со множеством людей и сделать некоторые выводы...

— Какие, например? — заместитель председателя испытующе посмотрел на Орлова.

— Во-первых, Мирзо Усманович, я убедился, что отряды самообороны оказались очень серьезной силой против бандитов. Я буду докладывать своему руководству в Москве, что подобную систему организации отпора националистам можно было бы использовать в аналогичных ситуациях...

— А какое мнение у вас сложилось о деятельности КГБ Таджикистана в этой обстановке?

— Я убедился, что сотрудники всех подразделений Комитета действовали решительно. Взаимодействовали с органами внутренних дел и с отрядами самообороны. Мне кажется только, чуть-чуть запоздали в первый день...

— Вам, Андрей... — генерал запнулся, посмотрел на бумажку, лежащую перед ним, — ...Андрей Петрович, я думаю, нетрудно представить, что здесь творилось тринадцатого. Ведь и сейчас в нашем городе не очень спокойно...

— Я это заметил.

— Ну так вот. Мы действовали сообразно обстановке. И действовали, как теперь видно, неплохо. Ладно, работа закончена. А посмотреть что-нибудь удалось?

— К сожалению, Мирзо Усманович, времени совсем не было. Так, прошел по магазинам...

— Вылетаете в Москву вечерним рейсом, да? В настоящей таджикской чайхане еще не были?

— Не был.

— Я, к сожалению, очень занят. Совещание будет в Совмине... А наши

товарищи вас свозят в чайхану «Рохат». Настоящий наш национальный ресторан... Попробуете нашу шурпу и манты!

— Спасибо, товарищ генерал, но я лучше проехал бы чуть-чуть по городу. А то был в Душанбе, а ничего в городе не видел...

— Успеете еще. Город посмотрите и побываете в чайхане. — Зампред встал из-за стола, протянул Орлову руку. — Передавайте привет Сергею Васильевичу. Счастливого пути!

— До свидания! Спасибо за все! — Орлов пожал руку и вышел из кабинета. До отлета самолета осталось почти семь часов.

Андрею не удалось отвертеться от посещения чайханы. Но начальник инспекторского отдела, поговорив с кем-то по телефону, сказал, что приятное можно будет совместить с полезным.

— Хотите посмотреть Варзобское ущелье?^[21] Это самое красивое место в Таджикистане. А заодно пообедаем там. Идет?

— Ну что ж, давайте. Я согласен, — сказал Орлов, чувствуя, что хозяева не мыслят отпустить гостя без посещения чайханы. — Только давайте вернемся в Душанбе чуть пораньше. Я хотел купить какие-нибудь сувениры для детей и жены.

— Проблем нет, Андрей Петрович. За четыре часа управимся и вернемся назад. Выезжаем прямо сейчас.

Он опять набрал какой-то номер и скомандовал шоферу:

— Исмаил, давай к подъезду. Сейчас едем в Варзоб. Ты заправился? Хорошо.

Через пятнадцать минут Орлов вместе с начальником инспекторского отдела и еще одним сотрудником ехали в «Ниве», за окном которой сначала мелькали типовые дома микрорайонов Душанбе, а затем запестрел голыми стволами деревьев и невысокими домами пригород.

26 февраля 1990 года, утро.

Душанбе. Административное здание в центре города

— Хайдар, они сейчас едут в Варзоб.

— Зачем?

— Наверное, ущелье смотреть, озеро... Думаю, что и обедать будут там...

— Ну и что ты надумал?

— Да я уже все решил.

— То есть?

— Ну решил, Хайдар. Там на повороте есть хорошее место.
— Дильшод, в этот раз упустить его нельзя. Ты понял?
— Понял. Сделаем как в прошлый раз.
— В ноябре, да?
— Да, да.
— КамАЗ?
— Хайдар, давай я буду сам заниматься этим делом.
— Ты уже позанимался вчера. Хозяин мне уже вставил за это. На какой они машине?
— Да на их «Ниве». С ним еще двое.
— Кто?
— Не наши!
— Хорошо!
— В этот раз осечки не будет.
— Ну хорошо. Как все закончится — позвони!
— Обязательно, Хайдар.
— Да поможет тебе Аллах!

26 февраля 1990 года, день.

Таджикистан. Варзобское ущелье

Чайхана, которая находилась на правой стороне Ленинабадского шоссе, была расположена в живописном месте Варзобского ущелья — с одной стороны вверх круто поднимались высокие горы, а с другой, сразу за дорогой, склон резко обрывался к бурным водам Варзоба. Они вчетвером уселись за уже сервированный продолговатый стол, стоящий в отдельной, оформленной в национальном таджикском стиле комнате.

— Если было бы лето, мы сидели бы вон там. — Сопровождавший Орлова начальник инспекторского отдела со сложным именем Абдуллоджон указал рукой на стоящие за окном могучие деревья грецкого ореха. — Ну ничего, Андрей Петрович, приедете летом — обязательно будем кушать там...

Орлов только кивнул головой. Вообще он не очень любил застолья. К алкогольным напиткам Андрей относился очень сдержанно, с удовольствием пил только вино, но, отдавая дань традиции, в хорошей компании мог выпить и немало водки. Коньяк он просто не любил, а виски, попробовав однажды, вообще не пил никогда.

Стол обслуживали три симпатичные девушки-таджички, одетые в

длинные пестрые платья с разнообразными узорами, довольно узкие шаровары, заканчивающиеся выше щиколотки и неизменные расшитые тюбетейки. Приветливо улыбаясь, они ставили на стол красивые керамические тарелки и вазы с национальными блюдами. Тарелки с яркой зеленью — укропом, петрушкой, кинзой, луком — соседствовали с двумя большими блюдами, на одном из которых горкой высились самбусы — зажаренные в масле румяные пирожки самой различной формы, а на другом кабоб — маленькие обжаренные колбаски, усыпанные кругляшами репчатого лука, зеленью и рубиновыми зернами граната. Очень скоро в большом казане подали традиционный таджикский плов, от которого исходил изумительный запах жареного мяса и риса.

Абдуллоджон и Андрей попеременно говорили тосты, сначала за удачно проведенную командировку, потом за дружбу, за будущие встречи в Москве и на таджикской земле.

— Андрей! Вот приедешь осенью — и мы обязательно съездим на озеро Искандеркуль. Оно расположено на высоте две тысячи триста метров. Очень красивое горное озеро...

— С удовольствием, Абдуллоджон! Только до осени надо дожить!

— Доживем. Какие наши гады! Тебе нравится здесь?

— Конечно! Очень красиво! Только жалко, у меня не было времени все посмотреть...

— Ничего, в следующий раз. Кушай, Андрей, плов. Это очень хороший таджикский плов. Такого в Москве делать не умеют!

Абдуллоджон, выпив несколько рюмок водки, стал очень разговорчивым. Он без умолку рассказывал о красотах Таджикистана: о живописном Гиссарском хребте и величественных Фанских горах, о каком-то курорте с радоновыми ваннами и грязелечебницей, который находился поблизости, о том, что в этих местах с гор часто сходят сели, сносящие все на своем пути — дороги, дома, линии электропередач, деревья. Один такой сель, рассказал Абдуллоджон, снес целый кишлак, и оставшиеся люди вынуждены были переселиться в другое место. Они назвали новый поселок Хушьери, что по-таджикски означает «будь начеку». Абдуллоджон продекламировал:

— Лучше пить и веселых красавиц ласкать,
Чем в постах и молитвах спасенья искать.
Если место в аду для влюбленных и пьяниц —
То кого же прикажете в рай допускать?

— Омар Хайям?^[22] — догадался Орлов.

— Да. Люблю его «Рубай».

Немного разомлев от обильной пищи и нескольких бокалов вина, Андрей тем не менее не терял остроты восприятия происходящего, внимательно слушал то, что рассказывал ему коллега, краем глаза следил за тем, как девушки-официантки приносят новые блюда и уносят грязные тарелки, время от времени бросал взгляд в окно, из которого виднелась часть дороги и периодически раздавался шум проезжающего автомобиля. Будь начеку, — сказал Абдуллоджон. Это прежде всего относиться ко мне, — подумал Орлов. — Я должен быть осмотрительным и не терять чувства опасности. До отъезда остается всего несколько часов. Нужно продержаться во что бы то ни стало».

Когда дело дошло до чая, Орлов отказался от зеленого и попросил черный чай, который он очень любил, считал настоящим напитком и которого мог выпить не одну чашку. Можно сказать, что к чаю его приучила бабушка, к которой они приезжали в Москву каждое лето, когда отец Андрея был офицером и их семью мотало по всему Союзу — от Владимирского лагеря на Псковщине до Харанора и Даурии на границе с Монголией и Китаем. А потом, когда бабушка уже сама стала жить вместе с ними, Андрей еще мальчишкой любил по утрам садиться вместе с бабушкой на кухне и пить этот горячий, ароматный напиток. Бабушка пила чай исключительно из небольшого граненого стакана на зеленом блюдечке вприкуску с мелко наколотыми кусочками сахара. Это было не просто чаепитие, это был настоящий ритуал приобщения к живой, священной жидкости темно-янтарного цвета, источающей удивительный аромат и тонкие струйки пара, клубящиеся над стаканом.

Конечно, здесь, в чайхане, чай был совсем другой. Тоже черный, тоже горячий, но не тот, не бабушкин. Но Андрей все равно с большим удовольствием выпил две чашки, отведав при этом несколько ломтиков тающих во рту засахаренных фруктов.

— Исмат, попил чаю? — спросил Абдуллоджон. — Иди к машине. Мы сейчас заканчиваем и скоро выйдем. — И уже обращаясь к Орлову, сказал: — Ну что, Андрей Петрович, понравились вам таджикские национальные кушанья?

— Спасибо, Абдуллоджон! Это было замечательно! Теперь я, по крайней мере, знаю, что такое таджикская кухня!

— Ну, это еще не все! Мы попробовали только самую малость! А есть ведь еще угро, лагман, мастоба...

— Абдуллоджон, я думаю, это все мы отведаем в следующий раз.

— Хорошо, Андрей! Поехали?
— Поехали!

26 февраля 1990 года, день.

Таджикистан. Душанбе

Валера Богомоллов никак не мог попасть ключом зажигания в щель замка. Руки его дрожали, а от выпитой водки в голове стоял какой-то гул. Он потер виски руками, но гул не ослабевал, а наоборот, усиливался, как будто его голову кто-то сжимал обручем и теперь затягивал его, с удовольствием наблюдая за мучениями своей жертвы. Наконец он попал ключом в злополучную щель, мотор взревел, и мощный КамАЗ стал выезжать со двора автобазы. Валера посмотрел на часы — было около двух. «Через сорок минут я буду уже там», — обреченно подумал он и сильно сжал баранку. Ему хотелось оказаться сейчас далеко отсюда, там, где его никто не мог найти, где никто не мог унижать его и помыкать им, где его никто бы не знал и поэтому не мог сделать с ним то, что сделали «они».

За окном мелькали серые корпуса цементно-шиферного комбината, канатная дорога с вагонетками, по которой сырье доставляется из карьера, какие-то склады, сараи...

«Я должен убить», — стучало в мозгу у Валеры. То, что он должен был сделать в ближайший час, ему казалось совершенно нереальным. Последние полгода вообще превратились для него в сплошную муку, когда он вынужден был по первой же сказанной сквозь зубы фразе Сафара бросать все и ехать туда, куда ему скажут, везти каких-то людей, перевозить с одного места на другое какие-то мешки или ящики. И постоянно оправдываться перед начальником колонны, рискуя быть уволенным за прогулы и нарушение производственной дисциплины.

Волошин, начальник колонны, резкий и грубый человек, уже давно работающий на этой автобазе, с самого начала покровительственно относился к Валере, прощал ему отдельные прегрешения, но уже несколько раз говорил:

— Богомоллов, еще раз сделаешь левый рейс — выгоню тебя к чертовой матери! Думаешь, если я тебя взял, то буду возиться с тобой? Моему терпению скоро придет конец!

Валера понимал, что начальник колонны прав. И если бы, несмотря на крутой нрав и видимую свирепость, он не был на самом деле добрым

человеком, его уже давно бы выпроводили за ворота автобазы. Рассказывали, что Волошин когда-то сам мотал срок. 264-я! «Нарушение правил дорожного движения». тогда он работал таксистом в Ленинграде. Якобы сбил пьяного, а тот был родственником какого-то начальника. Ну, в общем, припаяли ему два года в колонии общего режима. Он требовал пересмотра дела, писал письма во все инстанции, но все безрезультатно. От него ушла жена, и, освободившись, он не стал возвращаться в Ленинград, а завербовался и уехал в Курган-Тюбе, где начал работать на кирпичном заводе. И вот лет десять назад он перебрался в таджикскую столицу и стал работать на автобазе сначала простым шофером, а затем был замечен руководством и назначен начальником колонны.

Когда полтора года назад друзья свели Валеру с Волошиным, он почему-то сразу поверил ему и чистосердечно рассказал свою историю.

Про то, как по дурусти попал в ситуацию, стоившую ему свободы, как получил шесть лет общего режима, как жил в зоне все эти годы, подвергаясь унижениям и мучениям, как чудом остался жив и, выйдя на волю, никак не мог устроиться на работу. Будучи шофером первого класса, Валера вынужден был работать грузчиком в овощном магазине и снимать угол у одной старухи в пригороде Душанбе.

Волошин тогда посмотрел на него долгим задумчивым взглядом и сказал:

— Я верю тебе, парень, и знаю, как трудно жить, Когда от тебя отвернулись все. Приходи завтра ко мне. Я думаю, что мы решим... Многого не обещаю. Будешь работать на грузовике. Место в общежитии я тебе сделаю. А там видно будет.

Богомоллов схватил его за руку, хотел сказать что-то, какие-то слова благодарности, но не смог. Комок в горле не дал ему выговорить ни слова. Он только сжимал руку Волошина в своей руке, смотрел на него широко раскрытыми глазами, в уголках которых заблестели слезы.

— Не надо, парень. Я все понимаю. Но учти, теперь все будет зависеть от тебя. Если подведешь меня — выгоню! Понял?

— Спасибо, — только и смог прошептать пересохшими губами Валера.

Так он стал работать на автобазе. Причем работать хорошо, без замечаний. Не отказываясь от невыгодных и малоприятных поездок, не споря с механиком и ладя с диспетчерами, безотказно выполняя просьбы начальника колонны поработать в выходные или в праздники. Тем более что семьи у Валеры не было. А с людьми он сходилась довольно трудно и друзей, с которыми он проводил бы свободное время, у него не было.

Когда, получив первую получку, Богомоллов пришел в кабинет Волошина и, выждав момент, когда там никого не было, попытался вручить ему бутылку дорогого коньяка, тот грубо выругался и выгнал Валеру, зло хлопнув дверью.

— Чтобы твоего духа не было у моего кабинета! — услышал он вдогонку.

Тоща Валера очень испугался, думал, что Волошин может даже уволить его. Но обошлось. Начальник колонны нисколько не изменил своего покровительственного отношения к нему и даже, Когда Валера допустил какую-то оплошность, не стал ругать его, а сказал:

— Ну с кем не бывает? Смотри, Богомоллов, будь внимательнее!

Валера слегка сбавил скорость. В этом месте шоссе пересекал закованный в бетон канал между двумя гидроэлектростанциями Варзобского каскада. Мощный КамАЗ, послушный рукам водителя, неумолимо двигался вперед, туда, где должно было произойти непоправимое. И Валера, подавленный и отрешенный, уже не находил в себе силы, чтобы противостоять чужой воле, толкающий его уже в который раз на преступление.

До места, где он должен был поджидать «Ниву», оставалось тридцать семь километров.

26 февраля 1990 года, день.

Таджикистан. Варзобское ущелье

Орлов мельком взглянул на часы. До отлета самолета оставалось три с половиной часа.

— Жаль, что я не успею купить какие-нибудь сувениры для ребят...

— Да я просто забыл! — проговорил, нисколько не огорчившись, Абдуллоджон, — Да здесь же есть сувенирный киоск!

— Где здесь?

— Прямо в чайхане! Да вот же он! — начальник инспекторского отдела указал на искусно сделанную конусовидную арку, напоминающую вход в мечеть или какой-то сказочный дворец. Тонкая резьба по дереву, цветной орнамент с изображением каких-то диковинных цветов — все это было гармоничным продолжением зала, в котором они только что обедали.

В небольшой комнате на стенах были развешаны пестрые коврики, яркие разноцветные платки и косынки, вязанные шерстяные кофты и жакеты, на замысловатых полочках лежали тибетейки, стояли

керамические тарелки, вазы, чайники и пиалы, миниатюрные глиняные фигурки зверюшек и кувшинов, одетые в национальные одежды куколки разной величины, в застекленных витринах сверкали сделанные в таджикском стиле бусы, колъе и кулоны, состоящие из множества мелких красных камешков, скрепленных между собой ажурными цепочками и резными серебряными деталями.

Из-за прилавка поднялась девушка-таджичка, одетая точно так же, как были одеты официантки в зале, где они только что обедали. Продавщица выжидающе посмотрела на вошедших. По всему было видно, что покупателей здесь бывает немного и каждый заходящий сюда человек, который приобретает здесь что-нибудь на память, сам является подарком для этого сувенирного киоска.

Через десять минут Орлов вышел на улицу, сжимая в руке полиэтиленовый пакет с гостинцами: расшитой золотистыми нитями тюбетейкой для дочери, такой же, но более скромной, зеленого цвета тюбетейкой для сына, двумя парами расписных яркими цветами и узорами тапочек — для Оли и для бабушки — и миниатюрной куколкой-таджичкой, одетой в красочный национальный костюм, которую он тоже купил для дочери. Уж больно понравилась ему эта куколка в белой кофточке с голубоватой жилеткой и длинной белой юбочке с золотистым пояском.

— Вот теперь я спокоен, — сказал Орлов, подходя к «Ниве». — Теперь можно ехать!

Водитель Исмат услужливо приоткрыл переднюю дверь автомашины. Андрей любил ездить на переднем сиденье, особенно если приезжал в незнакомый город. Оттуда лучше было видно улицы, дома, людей. А он был по натуре любопытным человеком и не хотел ничего упускать из своего внимания. Хозяева, как правило, с пониманием воспринимали эту прихоть гостя и с готовностью уступали ему свое место рядом с водителем. Впрочем, многие рассматривали это желание увлеченно рассматривать все вокруг как некую странность, разновидность чудачества.

Исмат повернул ключ зажигания, и машина, легко тронувшись с места, стала выезжать на Ленинабадское шоссе. Отсюда до Душанбе было не более часа езды.

26 февраля 1990 года, день.

Таджикистан. Окрестности Душанбе

За окнами КамАЗа мелькали дома поселка гидроэнергетиков. Здесь

жили рабочие Верхневарзобской ГЭС^[23] — самой первой станции Варзобского каскада.

«Почему же у меня все сложилось наперекосяк? — думал Богомолов. — Может быть, мне на роду это было написано?»

Когда-то, так же как начальник колонны Волошин, Богомолов работал в таксомоторном парке. Только это было не в Ленинграде, а в Москве.

Работа эта Валере нравилась не только потому, что позволяла зарабатывать неплохие деньги, но и из-за того, что перед ним каждый день мелькал калейдоскоп разных лиц и судеб. Кроме того, ему нравилось узнавать свой город, в котором он прожил все свои двадцать семь лет, не считая срочной службы в армии. Ведь профессия таксиста в таком громадном городе, как Москва, заставляла его бывать там, где он никогда не бывал. То надо было ехать в Бескудниково, то срочно лететь в Орехово-Борисово, то мчаться в Солнцево, то разыскивать нужный дом в Тушино. За несколько лет работы таксистом, кого только не пришлось ему возить — и возвращающиеся из гостей семейные пары, и спешащих в аэропорт отпускников, и задумчивых докторов наук, выезжающих на дачу в конце недели, и женщин с помятым под утро лицом, и странных субъектов восточного типа с чемоданами и тюками, торопливо выгружающих вещи у какого-нибудь сарая на пустыре... Это была не только работа. Это было увлекательное приключение, путешествие по людским судьбам, радостям и страданиям, самым светлым и самым горестным дням в жизни людей, это было странствие по дневной и ночной жизни столицы, по ее улицам и площадям, уютным переулочкам и широким проспектам, живописным пейзажам Серебряного бора и Сокольников, заводским задворкам Люблино и Нагатино, зеленым бульварам и загаженными свалками, белоснежными новостройкам и полуразвалившимися баракам. Казалось, что этому увлекательному путешествию не будет конца. Но в один прекрасный момент все рухнуло, увлекая Валеру в пропасть, на самое дно жизни.

Это случилось в воскресенье. Рабочий день близился к концу, и Валера уже стал искать попутных пассажиров, которых мог бы довести в район пятнадцатого таксомоторного парка, в котором он работал. Где-то около Белорусского вокзала он посадил двух слегка подвыпивших парней, один из которых сразу сказал: «Шеф, даю тебе полтинник. Поехали, нам нужна девочка. Когда найдем — забросишь нас на хату. Хоры?» Предложено было много, и Валера сразу согласился, хотя ехать надо было в обратную сторону от Ленинградки. Он только спросил:

— А «хата» где?

— Да недалеко, на Кастанаевской. Знаешь?

— Знаю.

— Ну тогда, шеф, поехали!

Немного покружив по центру столицы, им наконец удалось в районе многоэтажной гостиницы в самом начале улицы Горького посадить молоденькую девчушку в короткой кожаной юбке. Ее хорошенькое личико было буквально обезображено косметикой — длинные накладные ресницы, пухлые губки, покрашенные ярко-красной губной помадой, румяна, придающие неестественный цвет щекам, какие-то блестки. Всю дорогу, пока они ехали в Фили, она заливалась неестественным смехом, отвечая на грубые шутки и болтовню парней.

Когда они приехали на место и остановились напротив стандартной девятиэтажки на слабо освещенной Кастанаевской улице, Валера уже подумал, что рабочий день закончился, и радостно потирал руки от того, какие удачные пассажиры попались ему в конце смены. Но как только парни с девчонкой вышли из машины, в обе задние двери протиснулись два здоровых мужика, одетых в почти одинаковые черные куртки.

— Э-э, мужики, я...

Валера хотел сказать, что смена у него закончилась и он едет в парк, но не успел. Сзади ему в голову уперлось что-то твердое и холодное, а руки сидевшего позади человека крепко схватили его за плечи.

— Спокойно, парень! Нам надо съездить кое-куда. Не развалишься еще от одной поездки.

Валера понял, что влип, и холодок пробежал у него по спине. В это время передняя дверь раскрылась и рядом с ним на сиденье плюхнулся еще один человек — небрежно одетый мужик в свитере.

— Ладно, ребята, не пугайте человека! Вон, видите, он от страха чуть не наложил в штаны! — И, уже обращаясь к Валере, дружелюбно сказал: — Не бойся, шеф. Мы тебе ничего не сделаем. Просто съездим по делам. А потом отпустим... — Он сделал небольшую, но многозначительную паузу. — Если будешь хорошо себя вести. Понял?

Валера молча кивнул и тронул машину с места. Сначала они поехали в Солнцево. Там во дворе еще незаселенной многоэтажки из стоявшего рядом с вагончиком строителей фургона они перегрузили в багажник Валериного такси четыре пухлых чемодана, а затем отправились в сторону Лосиногостинского Острова. Петляя по темным лесным улицам где-то в районе Перловской и Тайнинской, они наконец остановились неподалеку от железнодорожной станции. Двое в куртках стали выгружать чемоданы из багажника, а мужик в свитере, оставаясь в машине, о чем-то раздумывал, пуская клубы сигаретного дыма. Потом неожиданно протянул руку в

сторону Валеры. Защищаясь от возможного удара, тот отпрянул. Мужик же сквозь смех проговорил:

— Ты что, шеф? Да я тебя не трону. Вот тебе за работу.

И только тут Валера разглядел зажатую в руке сотенную бумажку. «Везет же мне сегодня на заработок!» — пронеслось у него в голове.

— Бери, это тебе за работу. Бери, не бойся!

Валера нерешительно протянул руку и хотел взять сотню, но мужик неожиданно отдернул свою руку и засмеялся. Потом как-то небрежно бросил купюру Валере на колени и ледяным голосом проговорил:

— Шеф, ты нас не видел, ничего не помнишь, ничего не знаешь. Понял?

Валера широко раскрытыми глазами смотрел на него. В глазах говорившего он прочел безжалостное презрение и неприкрытую угрозу.

— Понял? А то, падла, смотри, из-под земли достану! — Он повертел перед лицом Валеры каким-то предметом. — Твое дело молчать, а то... — Он поднес предмет к его шее, и Валера с ужасом увидел, что это опасная бритва. — А то чик по шейке — и нету тебя! Понял?

Валера сидел и молчал в каком-то оцепенении, как будто его парализовало и он не может вымолвить ни слова.

Не дождавшись ответа, мужик похлопал Валеру по плечу и сказал напоследок:

— Ну, пока. Бывай!

Валера неподвижно сидел еще минут двадцать. В тиши позднего вечера уже отстучали колеса электрички и поезда дальнего следования, а затем снова опустилась тишина.

Все это пронеслось в памяти Богомолова, пока он ехал мимо поселка гидроэнергетиков. В голове у него шумело, кровь пульсировала в висках, было муторно от выпитой водки, от охвативших его воспоминаний, от чувства безысходности, которое все больше и больше охватывало его. До места встречи с «Нивой» оставалось тридцать четыре километра.

26 февраля 1990 года, день.

Таджикистан. Шоссе Душанбе — Ленинабад

Несмотря на удачу, которая сопровождала Орлову, чувство тревоги и опасности не покидало его. Да, вчера ему удалось оторваться от преследователей, благополучно провести ночь на квартире товарища. Теперь до отлета самолета оставалось несколько часов и нужно было

каким-то образом продержаться здесь, избегая всяких неожиданностей, постоянно находясь на виду. «Чем больше людей будет рядом, тем у них будет меньше шансов что-либо сделать со мной», — думал Андрей. Правда, он никак не мог точно сформулировать, кто такие «они» и что конкретно «они» могут с ним сделать.

— Андрей, посмотри, как красиво! — Голос Абдуллоджона вернул Орлова на грешную землю. — Я считаю, что наши горы самые лучшие. Еще в тысяча каком-то году основатель империи Великих Моголов Бабур написал про «Кухистан» — «страну гор». Так называют центр Таджикистана. Кстати, Бабур был правнуком Тимура...

— Того самого Тимура, который разгромил Золотую Орду, а в войне с турками захватил в плен турецкого султана?

— Того самого, — ответил Абдуллоджон и, обращаясь к водителю, сказал:

— Исмат, да не торопись ты так! У нас есть время. Поезжай потише!

Водитель сбавил скорость и сразу мимо машины, обгоняя ее на повороте, пронесся милицейский уазик.

— Лихо ездит! Как его шеф!

— Министр внутренних дел? — спросил Орлов.

— Да, Мамадаёз Навжуванов. Кстати, ты знаешь, что он тоже выходец с юга. Бадахшанец. Как, практически, и все эти... которые выступили тринадцатого.

— Ты хочешь сказать, Абдуллоджон, что все это было столкновением «южан» и «северян»?

— В общем-то, да! То, что между ленинабадцами, ну «северянами» то есть, и таджиками из Куляба, Гарма и Бадахшана всегда шла война, пусть даже скрытая, — это известно всем...

— Погоди, Абдуллоджон. Ты, по-моему, упрощаешь. То, что все ключевые посты у вас занимают уроженцы Ленинабада — это ясно. Вот даже в Комитет не очень-то принимают горных таджиков! Так ведь?

— Так!

— Но объяснять все родоплеменными противоречиями... Все гораздо глубже. Вот я пообщался с разными людьми. Ты знаешь! И у меня картинка-то получается несколько другая. Совсем не та, которую рисуют Латифи или Махкамов.

— Ну и какая, интересно? Выступление мафии? Демократы против коммунистического режима?

— Отчасти да! Но кроме того, душанбинские события — очень тревожный симптом. В СССР поднимает голову исламский

фундаментализм. Идея очистить ислам и вернуться к истокам мусульманской веры ведет к одному — созданию исламского государства, то есть не только к превращению Таджикистана в самостоятельное государство, но и к созданию антиславянского, антирусского исламского государства...

— Ну, это ты, Андрей, сгущаешь!

— Ничего не сгущаю! Посмотри внимательно на карту и увидишь! Только на территории России проживает свыше двадцати миллионов мусульман. Это в два раза больше, чем количество русских, живущих в Средней Азии! Исламизация, вторгающаяся в СССР из Ирана и Саудовской Аравии, охватит не только Таджикистан, Узбекистан, Киргизию, Азербайджан... Он, как кинжалом, «прошьет» Россию через Татарию, Башкирию, Калмыкию, Чечено-Ингушетию, Дагестан... И тогда...

Водитель что-то сказал скороговоркой на таджикском языке. Абдуллоджон односложно ответил ему, и они оба рассмеялись. Этот смех буквально резанул Андрея по ушам. Он очень не любил, когда при нем говорили на языке, который он не понимал.

Абдуллоджон, заметив резкое изменение в настроении гостя, почувствовал оплошность и сразу попытался сгладить ее:

— Да Исмат говорит, что по-турецки «теджик» означает «перс». Это он к тому, что ты вспомнил об Иране...

— А что это там такое? — спросил Орлов, указывая на бетонную стенку вдоль дороги, как будто не слышал пояснения Абдуллоджона.

— Это против селей. Защитные сооружения. Их тут много построено.

Орлов молча рассматривал в окно Варзобское ущелье, белоснежные пики Фанских гор. Абдуллоджон несколько раз пытался заговорить, но разговор почему-то не клеился. Дорога, извивающаяся вдоль рельефа горного склона, заметно снижалась в ту сторону, куда мчала их бежевая «Нива». Езды до Душанбе оставалось не более сорока пяти минут.

26 февраля 1990 года, день.

Таджикистан. Шоссе Душанбе — Ленинабад

Валера отхлебнул еще из бутылки. Он понимал, что уже изрядно выпил, но пьяным себя не чувствовал. У него только сильно ломило виски да в горле стоял отвратительный ком. КамАЗ, натужно ревя мотором и выбрасывая клубы сизого дыма, двигался по горной дороге в сторону Ленинабада.

«Сволочи! Сволочи! Они испортили мне всю жизнь!» — с горечью думал Валера Богомоллов, вспоминая тот день, когда гаишник неожиданно остановил его неподалеку от таксопарка. Валера вышел из машины, недоумевая, с чего это тот вздумал его остановить. Ехал он медленно, ничего не нарушил и никаких видимых причин для того, чтобы придраться к нему, не было. Доставая права, он уже собирался сказать несколько едких фраз блюстителю порядка на дорогах, как вдруг рядом с резким скрипом тормозов остановился милицейский уазик. Из него в считанные секунды выскочило несколько вооруженных милиционеров.

— Стоять! Руки! — раздались крики. Валера не успел даже сообразить, чего от него хотят, как сильным ударом был сбит с ног. Затем на него навалились, перевернули и, заломив руки за спину, быстро надели наручники.

— Попался, гад! Теперь не уйдешь, с...! Отправишься теперь к своим дружкам!

Валера хотел что-то возразить, но получил такой сильный удар под дых, что долго не мог прийти в себя и оклемался только в камере предварительного заключения.

Потом было все как в тумане — допросы, очные ставки, переполненная камера изолятора временного содержания, озлобленные потные лица, жуткая вонь, побои и страх. Постоянный животный страх, который поселился в Валерином сердце, как только он попал в камеру.

Он хотел бы забыть ту первую ночь своего заточения. Он даже пытался представить, что ее просто не было, она ему приснилась, но сделать этого не мог. Пережитый ужас и унижение, свалившие его с ног, бросившие его в зловонную грязь самых низменных человеческих отношений и инстинктов, перечеркнули всю его жизнь. Если до той ночи он был простым парнем, по воле злой судьбы оказавшимся среди отбросов общества, то после нее он сам стал отверженным, раздавленным, существом, превращенным в жалкое подобие человека, цепляющегося за жизнь и готовое идти ради ее сохранения на все новые и новые унижения.

— Глянь-ка! Кто пожаловал к нам в кандет!^[24] Будет кому задуть сопло! Ну что, кнут,^[25] забирайся под любой станок,^[26] какой понравится! — это было первое, что услышал Валера, оказавшись в камере, заполненной до отказа парнями и мужиками, большинство из которых были раздеты по пояс или вообще сидели в одних трусах. В ней было так душно и смрадно, что у него закружилась голова. Но он устоял на ногах, потом сделал несколько шагов и положил свой матрац под ближние к нему

нары, расположенные рядом с разбитым унитазом, источающим отвратительную вонь.

О, если бы он знал, что этого делать никак нельзя! Что это был первый шаг к падению на самое дно! Что лучше бы было вообще не садиться и не ложиться, а остаться стоять посередине камеры, падая с ног, изнемогая от усталости и ожидания какого-нибудь подвоха. Даже если бы его стали бить, силой затаскивая под нары, он должен был бы сопротивляться из последних сил, отстаивая свою честь и достоинство. Тогда бы его, скорее всего, зауважали и, возможно, отстали бы от него. Но этого не произошло. Валера покорно сначала присел на пол рядом с матрацем, а потом протиснулся под нары, отстраняя ноги сидящего на них здорового парня с татуировкой на груди в виде гладиатора в доспехах со щитом и обнаженным мечом.

— У-у, пидер! Будешь у меня... — процедил сквозь зубы сидящий на нарах.

— Иди ты на х...! — беззлобно ответил Валера, укладываясь на матраце.

— Что-о, шваль? Все слышали? Он меня назвал «петухом»! Да мне тебя придушить — раз плюнуть! У меня четвертая ходка — сто восемь... Вышака все равно не будет, а пятнадцать и так припухать!

Камера одобрительно загудела. Но днем Валеру никто не тронул, даже тот с татуировкой, который сидел над ним. Он так и пролежал до конца дня, уткнувшись в матрац и не вставая, даже когда раздавали ужин. А ночью началось самое страшное. Он ждал этого момента, но тем не менее все произошло для него неожиданно. Прислушиваясь к шорохам, сопению и храпу, он все равно прозевал тот момент, когда двое сокамерников приблизились к нему, неожиданно накинули на шею полотенце и стали сильно стягивать его. Чья-то рука зажала ему рот, и Валера почувствовал, что задыхается. Он пытался вырваться из цепких объятий, но тут его выволокли на середину камеры. На него навалились еще несколько человек, больно прижимая его тело ногами к цементному полу. Было темно, и он не видел лиц насильников, но слышал их тяжелое дыхание и шепот. Он задыхался, чувствуя, что еще немного — и умрет от нехватки воздуха. Его тело извивалось в конвульсиях, он пытался освободить зажатые руки, но это ему никак не удавалось. Сдавленный хрип раздавался у него где-то внутри. Кто-то поставил ему ногу на грудь и с силой ударил в подбородок. Разбитые губы стали сочиться тонкими струйками крови. Она затекала ему за ворот рубашки, образовывала липкую лужицу под затылком.

— Ша, однокорытники! Уберите утирку с дыхала! А то загнется!

Те, кто стягивал на горле полотенце, слегка отпустили его, и Валера стал судорожно глотать воздух, закашлялся и попытался приподнять голову, но нога в тяжелом ботинке больно прижала ее к полу.

— Сейчас мы посмотрим, кто из нас «петух»! — раздался зловещий шепот, а вслед за ним одобрительные возгласы сокамерников:

— Давай, Гриф, мужарь^[27] его! Опустит, гада!

То, что произошло потом, на несколько лет вышвырнуло Валеру из круга себе подобных, превратило в жалкое, забитое существо, над которым можно было издеваться кому не лень, которого можно было постоянно унижать, не опасаясь, что у него могут появиться защитники. Валера Богомоллов, еще не став подсудимым, а будучи только подследственным, превратился в изгоя, в «петуха», в «опущенного», общение с которым могло «зашкварить»^[28] любого, кто пошел бы на это. С того злополучного дня Валера стал представителем касты неприкасаемых, которых презирали везде — в следственных изоляторах и на зонах, в тюрьмах и на пересылках. Он драил сортиры и чистил параша, его морили голодом, заставляя есть брошенные на пол объедки, по ночам его многократно насиловали, прибегая к самым изощренным пыткам и унижениям. И конечно, все время били. Били за самую малую оплошность, били за случайное прикосновение к сидевшим рядом с ним, даже за то, что он нечаянно коснулся чьих-то вещей или посуды.

Только потом Валера узнал, что ту первую камеру в изоляторе временного содержания, где его превратили в жалкое животное, все называли «пресс-хатой». Пробыв там неделю-другую, подследственные сознавались в любых преступлениях, даже тех, которые не совершали. Чтобы избавиться от мучений и ужаса, они готовы были признать, что ограбили магазин, убили человека или изнасиловали женщину.

Вырвавшись из страшной камеры, они дрожащей рукой выводили на положенных перед ними листках «чистосердечные признания», облегчая работу следователям РОВД, которые добивались «исключительно высоких процентов раскрываемости преступлений».

Валера, пробыв в «пресс-хате» полторы недели, тоже написал «чистосердечное признание» в том, что был соучастником ограбления и помогал своим сообщникам в транспортировке краденых вещей. За это его причислили к организованной преступной группе, совершавшей разбойные нападения на граждан, и дали ему шесть лет, которые он отбывал в одной из колоний общего режима. Но и там ему не удалось избежать продолжения

издевательств, поскольку скрыть то, что «опущенный», он не мог. По законам уголовного мира, его тут же бы убили, если бы узнали, что он утаил свою принадлежность к касте неприкасаемых. Ведь большего оскорбления для отбывающих срок, чем общаться с «петухами», нельзя было придумать. Поэтому в некоторых зонах они даже жили в своего рода резервациях — отдельных бараках, называемых «обезьянниками» или «обиженками».

Валера потряс головой, как бы стараясь стряхнуть с себя страшные воспоминания. Слева за окном «КамАЗа» мелькали деревья, гладь рукотворного Варзобского озера — любимого места отдыха жителей Душанбе. До места встречи с бежевой «нивой» оставалось чуть больше тридцати километров.

26 февраля 1990 года, день.

Таджикистан. Шоссе Душанбе — Ленинабад

— Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало.
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало,

— продекламировал Абдуллоджон. — Люблю Хайяма! У него такие умные стихи! На все случаи жизни!

— Да, мне тоже нравится, — ответил Орлов. — А к чему это ты про «лучше будь один, чем вместе с кем попало»?

— Да к тому, Андрей, что истинных друзей на самом деле очень мало. Вот у меня товарищей очень много! А друг — только один! Мы с ним еще учились в школе. Хороший такой парень. А у тебя много друзей?

— У меня... — Андрей задумался, — У меня, наверное, тоже мало. Ну не один... Но...

— А сколько?

Орлов вспомнил своих одноклассников Володю и Виктора. С первым они очень дружили с четвертого класса. Вместе проводили время, вместе прогуливали уроки, для воспитания воли вместе прыгали на ходу с площадки товарного вагона движущегося поезда в районе подмосковной Поваровки, вместе отправились в весенние каникулы шестьдесят седьмого в Калининград, где неожиданно для себя нашли, а затем сдали в милицию

ржавый парабеллум. Потом Володя как-то отдалился от Андрея, увлекся «битлами», у него появилась своя кампания, а последовавшая через два года после окончания школы служба в армии, казалось, насовсем разлучила школьных друзей. Но спустя несколько лет они все-таки стали время от времени встречаться, вспоминая школьные годы, одноклассников и свои странные увлечения, а один раз даже сходили вместе в лыжный поход по архангельской тайге.

По-другому было с Виктором. Тот был замкнутым и серьезным парнем. «Демкович» — звали его одноклассники по имени автора учебника по физике. Виктор был очень изобретательным молодым человеком. В девятом классе он изобрел прибор для подогревания градусника, который крепился на теле подмышкой. Первый же опыт позволил им с Андреем получить освобождение от занятий на целую неделю. Потом, когда они вместе отправились в путешествие на велосипедах по Литве, Виктор применил очень хитроумное антиугонное устройство, срабатывавшее даже при слабом прикосновении к велосипеду. Правда, напугав однажды маленького мальчика, желавшего потрогать рукой блестящую машину, прислоненную к стене кафе, в котором обедали Андрей с Виктором, они отказались от использования этого прибора. Витя дважды приезжал в воинскую часть, где Андрей проходил срочную службу в армии, один раз даже помог ему сходить в «самоволку». Ну а потом раз-два в году они встречались по разным торжественным поводам.

Был еще Юра, с которым Орлов служил в армии. Он жил в Калининграде, закончил институт, женился, воспитывал двоих сыновей — Максима и Егора. С ним Андрея связывали приключения армейской жизни, письма и открытки к праздникам да периодические встречи в Москве и Калининграде. Юра несколько раз ходил в заграничные поездки и проездом останавливался в Москве у Орлова, привозя копченую морскую рыбу и деликатесные консервы. Правда, однажды он для хохмы прислал ко дню рождения Андрея кирпич в посылке. Этот случай они потом не раз вспоминали как пример шутки, которая могла понравиться только одной стороне.

В Каунасе жил Саша, а в Риге — Агрис. С обоими Андрей тоже служил в армии и вот уже двадцать лет время от времени поддерживал дружеские контакты. Пожалуй, и все. Новых московских друзей у Орлова не получилось. Когда Андрей работал в университете, он подружился было с Виктором и его женой Леной, но после того, как Виктор перешел на работу в КГБ и они уехали за границу, связь практически оборвалась. Время от времени они позванивали, когда приезжали в отпуск, но

встретиться с ними не удавалось. Так постепенно они удалялись и удалялись друг от друга, и когда Виктор с женой вернулся в Москву насовсем, их уже почти ничего не связывало с бывшими друзьями. Вот, собственно, и все друзья Орлова.

— Да, у меня, пожалуй, тоже мало друзей, — сказал Андрей. Потом улыбнулся, посмотрел на Абдуллоджона и добавил: — Но теперь их будет больше.

Абдуллоджон тоже заулыбался, понимая, что в настроении Орлова произошла перемена и он простил ему допущенную бестактность.

— Ну ты доволен поездкой, Андрей? Ты уверен, что во всем разобрался?

— Да я, собственно, не затем приехал. Ты же знаешь, что мне надо подготовить материал для заседания Коллегии о действиях в Душанбе отрядов самообороны и сделать обзор.

— Знаю, знаю. Но наши говорят, что для этого вряд ли бы прислали человека из Москвы, да еще из Инспекторского управления. Мы бы тут сами все обобщили и прислали вам...

— Но, Абдуллоджон, на месте то оно видно гораздо лучше!

— Ладно, замнем для ясности!

— Нечего заминать. Материалы я все собрал... А что касается событий, то ты знаешь, что у меня есть своя точка зрения...

— Знаю. Но может быть, не совсем верная?

— Все может быть! Вот скажи, Абдуллоджон, ты помнишь на пленке молодчиков, которые кричали: «Аллах акбар!»? Помнишь?

— Ну, помню.

— А знаешь, что они будут кричать потом?

Абдуллоджон пожал плечами и, немного подумав, спросил:

— Когда потом? Через несколько лет? Наверное, будут призывать к выходу из Союза!

— Нет! Сначала будет объявлен «джихад» — война с неверными. Как это делают моджахеды в Афганистане. Ты уж извини меня!

— Ты хочешь сказать, что «исламский фактор» будет...

— Я хочу сказать, что, не дай бог, нам всем придется расхлебывать эту кашу! И тогда это будет страшно!

— Ты пессимист!

— Я хотел бы быть оптимистом, но не получается!

— Ладно, Андрей! Давай не будем об этом! Время покажет!

— Не будем.

Они немного помолчали, глядя за окно. Варзобское ущелье

становилось все шире, горы как бы раздвигались, а дорога становилась все менее извилистой.

— Скоро уже будем в Душанбе. Тут ехать... — Абдуллоджон посмотрел на часы, — не больше получаса. Самолет у тебя в семь. Так что еще уйма времени. Успеем еще выпить по чашечке кофе в аэропорту!

26 февраля 1990 года, день.

Таджикистан. Шоссе Душанбе — Ленинабад

Годы, которые Богомоллов провел в колонии, превратили его в забитое существо, которое боялось всего, даже собственной тени. Быть «опущенным» на зоне — значит не только быть человеком второго сорта, но и являться абсолютно бесправным, беззащитным созданием, оскорблять и унижать которое мог каждый.

Дважды Валера пытался наложить, на себя руки, но каждый раз ему мешали сделать это. Повеситься в кочегарке ему не дал бригадир, что есть силы ударивший длинным железным прутком по веревке, зацепленной за ржавую скобу. Вскрыть вены ему не позволил сосед по нарам, такой же, как и он, бесправный, но добрый парень, «задушняк». И остался Валера дальше жить до самого того дня, когда наконец истек срок его наказания и он, как говорили в колонии, «откинулся звонком».

Потом были трудные месяцы возвращения к нормальной жизни. В Москву Богомоллов поехать не смог, сначала жил в Вышнем Волочке, разгружая товарные вагоны на станции, а потом уехал в далекий Таджикистан, где в течение полугода вынужден был работать грузчиком в овощном магазине и снимать угол у одной старухи в пригороде Душанбе. И только встреча с Волошиным, который взял его на работу шофером, изменила все. Он впервые за много лет почувствовал себя человеком, жил в общежитии, где никто не знал о его прошлых злоключениях, никто не пытался унижить или оскорбить его. Конечно, о том, что Валера отбывал наказание в колонии, знали многие, но подробностей он никому не рассказывал и переживаниями прошлых лет ни с кем не делился. Уродливая жизнь в колонии удалялась от него, он все реже и реже вспоминал о ней и, может быть, очень скоро она казалась бы ему всего лишь каким-то страшным сном, если бы в один прекрасный день он не встретил в пивбаре, куда частенько заглядывал по субботам, человека, который сразу узнал его.

— Гляди, Богомол! Ты, что ли? Вот так встреча! — сказал тот с кривой

усмешкой и, обращаясь к стоявшим вместе с ним парням, добавил: — Да это другарь мой, Валерка! Мы вместе «мочили рога» в загоне.^[29] От звонка до звонка!

Валера исподлобья смотрел на него, всем своим нутром ощущая опасность, исходившую от старого знакомого, которого в колонии все называли Козырем. А тот уже протягивал ему кружку пива, приговаривая: — Вот так встреча! А у меня прошло уж четыре «лысака», как от хозяина!^[30] Работаешь?

— Работаю, — нехотя проговорил Валера.

— А где, не секрет?

— На автобазе.

— Водила?

— Да, на КамАЗе.

— Ух ты! Ништяк! То, что надо!

— Что надо? — с тревогой спросил Валера.

— Да! — Козырь махнул рукой. — Потом поговорим!

— Да не буду я ни о чем говорить! — вырвалось у Валеры. — Не о чем нам с тобой говорить!

На тазах «старый знакомый» из приветливого товарища по несчастью превратился в угрюмого и злобного бандита:

— Что, падла? Плашкет^[31] долбаный! Ты чё чирикаешь? Ссучился?

Валера стоял ни жив ни мертв. То, что он хотел забыть, что, казалось, уже давно в прошлом, снова ворвалось в его жизнь, опрокидывая все чаяния и надежды.

— Завтра здесь же в восемь. Понял? Не придешь — найду и удавлю! Понял? Все! Адью!

Всю ночь он придумывал, как избежать страшной встречи, думал даже бросить все и уехать из города. Переждать где-нибудь, пока все успокоится и он сможет снова жить так, как жил последние месяцы. Он промучился весь день, всю свою рабочую смену, отгоняя от себя тревожные мысли и со страхом поглядывая на часы, неумолимо отсчитывающие время и приближающие его к роковой встрече.

Валера не хотел идти в пивбар, понимая, что встреча с Козырем не сулит ничего хорошего, что это — конец его спокойной жизни, возвращение страданий и страха. Он не хотел идти, но знал, что пойдет. Он даже боялся признаться себе в этом, отгоняя ту минуту, когда надо будет принимать решение.

Козырь встретил Богомолова как ни в чем не бывало. Как будто вчера

не было слов угрозы в его голосе и они расстались старыми, добрыми друзьями. После пивбара они отправились на «хату» к какой-то знакомой.

— Принцесса! — сказал про нее Козырь. Потом посмотрел на подавленного Валеру и добавил: — Не бойсь, Богомол. К вечеру будут две биксы.^[32] Отдохнем!

На квартире, где кроме «принцессы» было еще трое друзей Козыря, они уселись за стол, который буквально ломился от яств. Играли в карты, пили, ели, пели под гитару, дурачились. Рюмка за рюмкой и Валера почувствовал, что хмелеет. Заметив это, Козырь отставил бутылку в сторону и наконец перешел к тому, ради чего привел сюда Валеру. Он предложил поговорить «о деле». Оказалось, что он с приятелями уже давно промышляет в городе, обворовывая квартиры и частные дома. У них уже была налаженная система сбыта краденного, но появление Валеры, который работал водителем на грузовике, открывало перед воровской шайкой новые возможности.

— Слушай, Богомол! Идем на сухое дело. Будем «лепить хавиру»!^[33] За тобой — мотор! Понял? — с жаром говорил Козырь, обещая Валере хороший навар и гарантию безопасности.

С тех пор Валера Богомоллов снова стал на путь преступления и словно покатился в пропасть. Главарем воровской шайки был некий Сафар, маленький и коренастый таджик с большой лысиной и густыми черными бровями. Он всегда носил затемненные очки в металлической оправе, и Валера, даже если бы хотел, не смог бы представить себе, какие глаза у этого человека. Именно Сафар назначал время и место, куда следовало подать машину, а оттуда уже — везти какие-то мешки, ящики, коробки или чемоданы. Расплачивались с Валерой каждый раз после удачно проведенной операции. Давали по две-три сотни рублей за раз, что было вполне приличной добавкой к получке. Его не втягивали ни в какие разговоры, больше не приглашали на «хату», где жила «принцесса», и Валера со временем даже как-то немного успокоился, как будто получил вторую непыльную работу по совместительству. Беспокоило только то, что ему постоянно надо было выкручиваться перед диспетчером и оправдываться перед начальником колонны Волошиным, которого он очень уважал и не хотел подвести. «Если бы он знал, чем я занимаюсь!», — с горечью думал Богомоллов, когда видел недовольный взгляд начальника. — «Ведь он мне помог! Помог, как сыну! А я!» Надо сказать, что Волошин покровительствовал Валере с самого начала, как взял на автобазу, и даже прощал ему отдельные проступки.

Трудно сказать, как долго бы продолжалась эта вторая, скрытая от окружающих жизнь шофера автобазы, если бы однажды во время поездки в Курган-Тюбе его не остановил на въезде в город сотрудник ГАИ. Валера, ни в чем себя не чувствуя виноватым, спокойно подошел к милицейской машине. И тут случилось непредвиденное. Точно так же, как несколько лет назад, его неожиданно сбили с ног, скрутили руки за спиной и бросили на заднее сиденье милицейской «Волги». Потом они долго ехали по улицам Курган-Тюбе, пока не оказались среди каких-то бараков, в один из которых его и втолкнули, грубо тыча в спину чем-то железным. А потом был долгий разговор с опером, который сразу дал понять, что знает о Валере все: и то, что он связан с бандой Сафара, и что отсидел несколько лет в колонии общего режима, и что был на зоне «опущенным», презираемым и гонимым всеми.

— Слушай, Богомоллов! У тебя нет выхода! Или мы берем тебя и десятка строгача тебе, как рецидивисту, обеспечена, или... — Оперативник посмотрел прямо в глаза Богомоллову, — Или ты работаешь на нас!

Валера молчал, исподлобья глядя на милиционера.

— Если вернешься на зону, сам знаешь, что там с тобой будет. Мы постараемся, чтобы там тебя встретили как надо. А вообще-то ты сам знаешь, что «опущенных» там вычисляют быстро... Сдохнешь там, не отбыв и полсрока! Все понял?

Валера все понял. С того дня он стал каким-то безразличным к жизни. Все события разворачивались как бы без него. Вернее, он смотрел на себя как бы со стороны, как будто кто-то другой с удивлением и интересом наблюдает за его пропадающей судьбой и катящейся под откос жизнью.

Так и шли дни за днями. Работа на автобазе, ночные поездки с ворованными вещами, периодические встречи с «опером». Три разные жизни, и в каждой из них — один и тот же человек! Со временем Валера даже привык к постоянному ощущению страха, ожиданию разоблачения и страшной расплаты. Но чем дальше, тем больше никак не мог понять своей роли в общении с «уголовкой». Шайка Сафара продолжала орудовать в городе, иногда Валере даже казалось, с еще большим размахом. За это время никого не арестовали, не помешали ни одной «операции», не сорвали ни одной «домухи». ^[34] Более того, если раньше шайка действовала исключительно ночью, то теперь Валера заметил, что люди Сафара нередко отправлялись на «промысел» среди бела дня, и ему требовалось найти предлог или улучшить момент, чтобы вырваться на это время с автобазы.

Ведя двойную жизнь, Валера испытывал горькое чувство собственного предательства по отношению к Волошину, который поверил ему, взяв на

работу, Когда никто нигде не хотел его брать. Пряча таза, он уже несколько раз оправдывался перед начальником колонны, когда его уличали в «левом» рейсе. Волошин ругался, очередной раз предупреждал Богомолова, но все-таки прощал его, видно, считая, что парню просто не хватает денег и он пытается восполнить это способом, которым пользуются очень многие шофера. Узнал бы Волошин, чем занимается Валера, наверное, не поверил бы. А уж тем более, если бы узнал, что у того в кармане стали водиться большие «бабки», почувствовал бы себя оскорбленным и нагло обманутым.

Несколько дней назад Валера, проезжая по улице, совершенно случайно увидел Сафара, стоящего у табачного киоска и разговаривающего с каким-то человеком в темно-синем пальто. Даже со спины ему показалось, что он знает этого человека. И когда Валера увидел его далеко отстраненную руку с сигаретой, он сразу узнал его. Это был «опер». Да, тот самый, с которым Валера регулярно встречался на какой-то квартире и рассказывал во всех подробностях о действиях шайки Сафара. Тот самый оперуполномоченный уголовного розыска, которому Валера должен был сообщать по телефону о всех готовящихся «акциях» и налетах.

Валера даже притормозил немного, чтобы рассмотреть стоявшего рядом с Сафаром человека, и, когда тот немного развернулся, убедился в том, что оказался прав. Удивлению его не было границ. Оказывается Сафар и «опер» знакомы друг с другом и сейчас преспокойненько стоят и разговаривают, как старые добрые товарищи. «Совершенно непонятно!» — думал Валера. — «Если они знакомы, то почему «опер» всегда так подробно меня расспрашивал о Сафаре? Может быть, они познакомились только что? Может быть, это произошло случайно?» Он не знал, что и думать. И только глубокой ночью, ворочаясь на скрипучей кровати, так и не сумев заснуть, потому что в голове крутились всякие тревожные мысли, он вдруг отчетливо понял, что является заложником какой-то большой игры. В этой игре между Сафаром и «опером» есть какая-то связь, какой-то взаимный интерес, о котором Валере не говорили ни тот, ни другой. И очень скоро Богомолов смог убедиться в правильности своей догадки.

Когда Валера в очередной раз встретился с Козырем в пивбаре, тот, будто мимоходом, сказал:

— Тебя хочет видеть Сафар. Дельце у него к тебе есть. Зайдешь завтра вечером ко мне.

На следующий день Валера предстал пред Сафаром. На том, как всегда, были затемненные очки в металлической оправе. Он сидел в кресле, положив ногу на ногу и вертя в руке пачку «Винстона».

— Козырь, пойдй погуляй. Мне с ним... — он кивнул на Валеру, —

порожняк погонять^[35] надо.

Но и когда Козырь вышел из комнаты, Сафар не спешил начинать разговор. Он распечатал пачку сигарет, щелчком вытряхнул из нее одну, медленно размял ее между пальцами, потом прикурил от красивой золотистого цвета зажигалки и пустил в сторону несколько колечек дыма.

— Ну что, Богомол, тоскуешь?

— Да нет. Чего тосковать-то? — с тревогой спросил Валера.

— Да бабок, небось, не хватает?

— Почему? Хватает.

— Хватает, говоришь? Ну это ты свистишь! Денег никогда не хватает!

Валера ничего не ответил, ожидая, что Сафар наконец перейдет к делу, ради которого вызвал его сюда.

— Вижу, ждешь, что скажу, зачем приглашал тебя?

Валера промолчал снова, но весь внутри как-то сжался. В словах Сафара ему почудилась какая-то особенная опасность.

— Дело есть. Очень стоящее. Ты мне нужен. Вместе с твоей рокотухой!^[36]

— Да я... — Валера хотел было сказать, что не в первый раз ему участвовать в «операциях» банды, но Сафар перебил его:

— Подожди, не перебивай! Задача тебе будет аховская,^[37] но и грошей получишь немерено. Сделаешь дело и свалишь отсюда. Получишь новую паспортуху и гуляй себе. Можешь ехать куда захочешь, хоть в Москву, хоть во Владик, и отвалишь в спячку.

— А что... А что я должен сделать? — с заметной дрожью в голосе спросил Валера.

— Да не бзди ты, Богомол! Тебе с твоим дизелем — раз плюнуть! Надо будет одну лайбу^[38] гробануть.

— Машину сбить? Пустую?

— Да не пустую, конечно! В этой лайбе одна паскуда будет. Сука ментовская!

— Милиционер?

— Да нет же! Говорю тебе — стукач. Если не уберем его — нам всем крышка! Цапанут всех! Тебя тоже!

— Но это же мокрое дело! — воскликнул Валера.

— Да не ори ты, дрожальник! Мокрое дело! Ну и что? Я же сказал тебе: навар будет тебе большой. Очень большой. А потом — вали куда хочешь! Понял?

— Я понял, но я не согласен...

— Да тебя, плашкет, никто не спрашивает! Или ты сдохнешь, сука, здесь же, сейчас, и мясо твое сожрут собаки, или ты будешь делать то, что я тебе говорю.

Валера почувствовал за спиной какое-то едва заметное движение и тяжелую руку, положенную ему на плечо. Это был угрюмого вида таджик в чапане, ^[39] которого он еще ни разу не видел с тех пор, как стал сотрудничать с людьми Сафара. Маленькая и круглая, непропорциональная по отношению к крупному телу, голова этого человека напоминала средних размеров дыню, а отекавшие толстые веки и выпуклые мешки под глазами почти сличались с передней поверхностью щек, что делало его лицо отвратительно опухшим. Широкая нижняя челюсть незнакомца, приплюснутый и слегка приподнятый нос вызвали у Валеры ассоциации с бульдогом. Он так его и окрестил про себя — «Бульдог».

— А, Темурбай, ты здесь? — с улыбкой проговорил Сафар, даже не пытаясь сделать вид, что удивился его появлению. Сказав что-то скороговоркой по-таджикски, он с усмешкой посмотрел на Валеру.

— Знакомься, Богомол. Это Темурбай, мой хороший друг. И очень сильный человек. Просто бизон!

Бульдог никак не прореагировал на слова Сафара, только бесстрастно посмотрел на Валеру.

— Темурбай, покажи, какой ты сильный! — улыбаясь, сказал Сафар. И тут Валера почувствовал, как лежащая на его плече ладонь Бульдога стала смыкаться, все сильнее и сильнее сжимая его. От резкой боли Валера застонал и попытался встать, но не смог, так как второй рукой громила схватил его за горло.

— Стой, стой! Перестань, Темурбай! Ты что делаешь? Ты же форсунку ему перекроешь! Прекрати! — с деланным беспокойством прокричал Сафар. — Отпусти парня!

Бульдог убрал руки, но ни на шаг не отступил от Валеры, продолжая стоять за его спиной.

— Понял, Богомол? Ты же не хочешь сдохнуть? И я не хочу! Поэтому делай то, что тебе говорят. Ясно?

— Ясно, — почти шепотом ответил Валера.

Все остальное было как во сне. Сафар, а затем еще какой-то человек объясняли Валере, что и как он должен будет сделать — когда и где встретить легковую автомашину, на полном ходу врезаться в нее и столкнуть легковушку с обрыва. Богомолова убеждали в том, что сделать ему это будет совершенно безопасно, что все продумано до мелочей, что машину ему укажут за несколько минут до встречи и что у места аварии его

будут ждать и ему, безусловно, удастся скрыться. Его уверяли в том, что милиция прибудет на место не ранее чем через полчаса после аварии, а за это время Богомоллов будет уже далеко. С новыми документами, с сумкой, полной денег, с билетом на самолет, который унесет его туда, куда он только пожелает. Валера только молча кивал, не задавая ни одного вопроса. Он уже смирился с тем, что ему не удастся отвертеться от «мокрого дела», и теперь он, как загнанный зверь, вынужден будет метаться, ища выхода из совершенно безвыходного положения. Ища выхода и не находя его.

Терзаясь сомнениями и опасаясь, что его могут заметить, поздно вечером Валера все-таки решил позвонить из телефона-автомата «оперу» и сообщить о готовящемся преступлении. «Будь что будет, — думал Богомоллов. — Так и так, либо смерть, либо тюрьма». Он сбивчиво, перескакивая с одного на другое, рассказал «оперу» о том, что ему предстоит сделать на следующий день, но тот, будто нисколько не удивившись, только сказал:

— Молодец, Богомоллов. Правильно сделал, что позвонил. Мы уже в курсе. Делай то, что тебе говорит Сафар. Это обычная разборка. Ничего не бойся. Одним бандитом больше, одним бандитом меньше. Тебе зачтется. Понял?

— Понял! — неуверенным голосом проговорил Валера.

— Ну, пока! Действуй как договорились! — В трубке слышались короткие телефонные гудки.

Валера повесил трубку, потом долго и тупо смотрел на диск номеронабирателя, как будто из его цифр может сложиться какая-то спасительная формула. Он в течение нескольких часов бродил по ночным улицам, рискуя привлечь внимание патруля или наряда милиции. Но этого не произошло, и Валера вернулся в общежитие, где залпом выпил два стакана водки, закусил их тушенкой из металлической банки и повалился на кровать. Последней его мыслью было: «Наверное, они все заодно». Кто «они» — он уже не успел додумать, провалившись в вязкий и хмельной сон.

26 февраля 1990 года, день.

Таджикистан. Шоссе Душанбе — Ленинабад

Бежевая «Нива», слегка притормаживая, двигалась в сторону Душанбе по живописному отрезку ленинабадского шоссе, имеющего явный уклон. Слева вдоль дороги тянулась почти отвесная скальная стена, а справа

обрывалось вниз ущелье, по дну которого с грохотом неслись воды Варзоба. Хотя здесь ущелье стало намного шире, чем в высокогорье, обрывы были еще довольно внушительными, и когда водитель вынужден был прижимать машину к обочине, вдоль которой тянулся частокол беленьких столбиков, становилось немного не по себе.

— Отсюда до Душанбе рукой подать, — сказал Абуллоджон. — Сейчас проедем Ботанический сад — и, считай, мы дома!

— Абуллоджон, я очень тебе благодарен за то, что ты мне хоть немного показал Таджикистан. А то пробыл в Душанбе несколько дней, а почти ничего не увидел. Теперь хоть какое-то представление имею...

— Да что ты, Андрей! Приезжай еще! Тогда покажем...

Абуллоджон не успел договорить. Водитель резко крутанул руль вправо, прижимая машину к обочине. Обгоняя «Ниву», мимо пронеслась «Волга», вся забрызганная неизвестно откуда взявшейся грязью.

— У-у, шайтан! — выругался Исмаи и добавил несколько крепких слов по-русски. — Что делает, зараза! Несется, как бешеный! А куда спешить?

— Ну, тебе, может, некуда, а ему надо спешить, — глубокомысленно проговорил Андрей.

— Вся заляпанная, даже номера не видно! Где он столько грязи нашел? — удивился Абуллоджон. — Идиот! Из-за таких у нас и бывают аварии! Ну ладно! Тут еще немного — один... нет, два крутых таких поворота, и дорога пойдет прямо.

Варзобское ущелье как бы немного раздвигалось, и из-за отвесной скалы стало хорошо видно выющуюся впереди ленту шоссе, крыши ютящихся между скалами и беснующимся Варзобом домов, голые деревья, мачты высоковольтной линии электропередач. Машин было на удивление мало, только вдали видна была превратившаяся в точку «Волга», несколько минут назад так опасно пронесшаяся мимо них. До Душанбе оставалось около двадцати минут езды.

26 февраля 1990 года, день.

*Таджикистан. 25-й километр шоссе Душанбе —
Ленинабад*

Все произошло как и обещал Сафар. Когда до поселка Варзоб оставалось не более полутора километров, Валера увидел несущуюся ему навстречу «Волгу». Поморгав фарами, ее водитель явно давал понять, что КамАЗ должен остановиться. Что Богомоллов и сделал. Выскочивший из

машины молодой человек в теплой куртке легко вспрыгнул на подножку грузовика.

— Давай, газуй! Сразу после поселка будет большой поворот у скалы... Ну ты знаешь?

Валера молча кивнул.

— Стоишь там и ждешь. Понял? Мотор не глуши! Они будут на бежевой «Ниве». Едут медленно. Как останется метров тридцать — рви что есть мочи. Там обрыв метров сорок. Твое дело спихнуть их туда. Все делай быстро. Не дай им выскочить из машины! Понял?

Валера снова кивнул, безразличным взглядом смотря на говорившего.

— Ты чего, поддал? Смотри! Не промахнись! Мы будем страховать отсюда. У нас тут еще ментовский уазик... А оттуда тоже никого не будет. Дорога перекрыта. Спихнешь «Ниву» — завали туда и свою... Справишься?

— А как я...

— Чё «как»? Через минуту мы будем рядом. Забираем тебя... Ну, проверяем... как там все это... Ну, в общем, не бойсь! Все будет тип-топ! Давай, газуй. Времени нет.

Он похлопал Валеру по плечу и, спрыгнув с подножки, побежал к «Волге».

Выбрасывая клубы сизого дыма, КамАЗ тронулся с места, набирая скорость.

За окном грузовика уже проносились домики поселка, промелькнуло здание универмага, магазина «Китоб», построенная в национальном стиле чайхана, стоящая у обрыва. Но ничего этого Валера Богомолов не видел. В его помутненном рассудке перемешалось все, о чем он думал последние дни, что слышал от других и что говорил сам. Он был пьян. Но пьян не от выпитой водки, а от того муторного состояния безысходности, которое охватило его после той встречи с Сафаром. Валера уже не чувствовал себя живым человеком. Ему казалось, что он умер, что его уже нет в живых, а за рулем КамАЗа сидит его пустотелая оболочка, которую покинула душа и последние остатки воли. В его воспаленном сознании в гадкий змеиный клубок сплелись угрозы Сафара и добрый взгляд Волошина, до боли сжимающая его плечо рука Бульдога и вкрадчивый голос «опера».

«Гады, гады! Что они со мной сделали! Я убийца! Убийца! Убийца!» — проносилось в голове Валеры. Он все сильнее и сильнее давил на педаль газа, даже не замечая, что машину уже опасно заносит на поворотах, что бутылка, лежащая на сиденье, свалилась вниз и теперь каталась у него под ногами. КамАЗ несся по шоссе, время от времени наезжая на близкую

обочину и поднимая столбы пыли. За окном промелькнул стоящий в стороне от дороги милицейский уазик, но Валера его уже не видел. Он механически крутил руль громадного грузовика, набравшего бешеную скорость, остановить который, пожалуй, теперь не могла никакая сила. Напрягаясь всеми своими лошадиными силами, ревя и пуская клубы дыма, КамАЗ буквально взлетел на очередной подъем, откуда хорошо просматривалось шоссе, поднимающееся вверх по ущелью. Маленькой точкой впереди, то показываясь на поворотах, то исчезая за изгибом скалы, виднелась легковушка, которая ехала навстречу.

«Это моя смерть! — промелькнуло в Валериной голове. — Да, это моя смерть!» Как будто не он на своем грузовике, на своей «рокотухе» несся вперед для того, чтобы раздавить, расплющить и сбросить в пропасть этот маленький автомобиль, в котором сидят совершенно незнакомые ему люди. А как будто именно в нем, том самом автомобиле, таилась от него страшная и лютая смерть, приближающая с каждой секундой жуткую развязку всех его проблем.

Валера все сильнее и сильнее нажимал на педаль газа, будто рассчитывал избежать приближающейся развязки, перенестись с этой горной, зажатой ущельем дороги куда-то на простор, где можно было бы найти спасение от неумолимо подступающей смертельной опасности, где можно было бы забыть все — и этот грузовик, и тех людей, которые толкнули его на преступление, и всю свою исковерканную жизнь. И вдруг Валере показалось, что он уловил, ухватил ту самую единственную нить, потянув за которую, он найдет спасение от неминуемой гибели. Ему вдруг открылась Истина, постигнув которую, он одним махом избавлялся от всех своих проблем: от убийства, которое должен был совершить, от тюрьмы, новых унижений и смерти, которые должны были последовать за ним, от постоянного страха и ожидания опасности. От того, что он вдруг нашел наконец спасение, Валере стало легко и спокойно. В один миг отступил страх и ужас происходящего, куда-то далеко унеслись жуткие видения, унялась дрожь в теле и стала ясной голова, как будто не было выпитой бутылки водки, бессонной ночи и страшного вчерашнего дня.

На просветлевшем лице Валеры Богомолова появилось некое подобие улыбки. Губы его шептали какие-то бессвязные слова, глаза, доселе тусклые и потухшие, широко смотрели прямо перед собой — на дорогу, на мелькающие слева столбики ограждения, на величественные Фанские горы. Только сейчас он вдруг обратил внимание на красоту этих гор — чистейшую белизну снега, сверкающего на солнце, черные остроконечные выступы скал, живописный серпантин горной дороги. «Как же хорошо! Как

же хорошо!» — это были, наверное, последние Валерины мысли, прежде чем он на полной скорости круто повернул руль влево и машина, сбивая ограждение, по инерции пролетев некоторое время вперед, стала падать в пропасть, глухо ударяясь о торчащие камни, кувыркаясь и теряя во время своего падения куски железа, осколки стекла и какие-то обломки.

26 февраля 1990 года, день.

*Таджикистан. 28-й километр шоссе Душанбе —
Ленинабад*

Когда бежевая «Нива» достигла того места, где несколько минут назад, сбив ограждение, упал на дно ущелья КамАЗ, все было кончено. То, что совсем недавно было мощной машиной, лежало бесформенной грудой где-то внизу. Три бетонных столбика ограждения были сбиты, один — сильно поврежден. Видно, машина, сваливаясь вниз, только задела его.

Абдуллоджон, водитель Исмат и Андрей Орлов, выскочившие из «Нивы», бросились к краю обрыва и, увидев результаты аварии, сокрушенно посмотрели друг на друга.

— Все! Там уже живых никого нет! С такой высоты... — Исмат сделал какое-то движение рукой. — Вряд ли!

— А может, надо спуститься и посмотреть? — то ли спросил, то ли предложил Андрей.

— Пожалуй, можно! — сказал Абдуллоджон, посмотрев на часы. — Немного, но время у нас еще есть.

Они так увлеклись открывшейся перед ними картиной аварии, что даже не заметили подъехавшую и остановившуюся рядом «Волгу».

— Чё там, мужики? Авария, что-ли? — спросил молодой парень в теплой куртке. — Водила-то жив?

— Да нет, наверное! — ответил Абдуллоджон. — Вот хотим спуститься, посмотреть.

— Да погодите пока. Вон милиция едет.

Действительно, к месту аварии уже подъезжал милицейский «газик». Как только он остановился, из него вышли два милиционера.

— Что тут произошло? — спросил один из них.

— Да, вот, КамАЗ упал с обрыва, — сказал Исмат.

— Вы видели, как это произошло?

— Нет. Подъезжаем и видим: ограждение сбито, следы...

— Товарищ лейтенант, — сказал парень, приехавший на «Волге», — Я

его еще в поселке видел. Он так несся! Я еще подумал, что пьяный, наверное!

— Ладно, вы, товарищ, можете остаться. Дадите свидетельские показания. А вы... — милиционер обратился к троице, приехавшей на «Ниве», — если ничего не видели, так можете быть свободны.

Орлов и его спутники постояли еще немного на месте аварии, но, увидев, что один из милиционеров стал осматривать край обрыва для того, чтобы выбрать место для спуска вниз, молча повернулись и пошли к машине.

— Я же говорю, Андрей, у нас тут так гоняют, что, видишь... Наверное, действительно пьяным был. Занесло на повороте... — медленно, как бы раздумывая, проговорил Абдуллоджон.

— А ты обратил внимание... — Орлов посмотрел на Абдуллоджона.

— На «Волгу»?

— Да.

— Обратил. Это та самая, что обогнала нас минут пятнадцать назад.

— Ну и что ты думаешь?

— А чего тут думать? Ну, спешил человек в поселок, а потом решил вернуться. А ты что думаешь?

— Не знаю. — Андрей открыл дверцу «Нивы» и, оставляя место для Абдуллоджона, уселся на заднее сиденье.

— Поехали, Исмат! — бросил тот водителю, садясь рядом с Орловым.

Когда машина поравнялась с милицейским уазиком и «Волгой», Андрей заметил, как оба милиционера и парень в куртке, стоявшие на краю обрыва, а также еще двое, так и оставшиеся сидеть в «Волге», — все разом посмотрели на отъезжающую «Ниву».

— Похоже, мы их интересуем больше, чем свалившийся грузовик, — задумчиво произнес Орлов.

— Да брось ты, Андрей. Им до нас нет дела, так же как и нам до них. Тебе все чудятся какие-то странные вещи.

— Может быть, может быть.

— Не бери в голову. Ты просто устал за эти дни. Но ничего. Скоро будешь дома — там отдохнешь!

— Да, Абдуллоджон, я что-то очень устал. И правда, хочется домой.

26 февраля 1990 года, вечер.

Таджикистан. Душанбе

В девятнадцать двадцать две по местному времени авиалайнер «Ту-154» взял курс из Душанбе на Москву. Андрея Орлова отделяли от встречи с домом каких-нибудь четыре часа полета. В аэропорту его провожал Абдуллоджон, который напоследок, пожимая руку, сказал:

— Приезжай к нам летом, Андрей. Все покажем здесь. Будешь доволен. Ну а если что нужно — звони. Привет Москве!

Орлов с чувством пожал руку коллеге и, в свою очередь, пригласил его в Москву. Поднимаясь по трапу, он обернулся. Позади, среди сгустившейся темноты, сияли фонари аэропорта, мелькали сигнальные огни рулежных дорожек и горела ярко-красными буквами надпись «Душанбе». Позади оставались тревожные дни пребывания Андрея в этом городе, встречи с людьми, работа с секретными документами и материалами, тайные контакты с ценными источниками, бегство от преследователей, ночной разговор с Вячеславом, поездка в Варзобское ущелье, груда металла, оставшаяся от тяжелого грузовика, свалившегося с обрыва. Впереди была Москва.

Тогда Орлов еще не знал, как события в Душанбе очень точно предвосхитили грядущую катастрофу страны, в которой он жил, которую любил и без которой не представлял будущего. Крах великой державы, СССР, неумолимо приближался, неся страшные беды и трагедии. Орлов этого не знал, но это предчувствовали люди, вплотную соприкоснувшиеся с жестокой и враждебной силой, направленной на развал страны, силой, сеющей вражду и ненависть.

ДОКУМЕНТ: «Уважаемые народные депутаты! Когда мы вас избирали в Верховный Совет СССР, то надеялись видеть в вас наших... защитников, надежных проводников экономических реформ, способствовавших бы подъему экономики и благосостояния страны. Что же мы видим? Пока вы упражняетесь в красноречии, страстно дебатировав по каждому вопросу, экономика пришла в упадок, во многих союзных республиках под благовидными вывесками подняли головы со всей откровенностью националисты разного толка...

Нам понятна озабоченность депутатов положением национальных меньшинств, т. е. коренных жителей республик Средней Азии, Закавказья и др. Ответьте нам, к какой части относите вы нас, представителей других национальностей: русских, украинцев, татар, немцев, осетин, армян, евреев и др., проживающих в этих республиках? А ведь мы и есть то самое

национальное меньшинство, которое больше всех нуждается в правовой защите.

События в Азербайджане, Молдавии, Армении, Прибалтике, Фергане, наконец, Таджикистане показали, на кого обрушились со всей звериной жестокостью националисты... — именно на русскоязычное население. Вы сомневаетесь? тогда ответьте: ваших жен, сестер, детей насильовала разъяренная толпа, убивала? Ваших мужей, братьев, сыновей топтали ногами, убивали? Какие чувства вы будете испытывать при виде толпы в триста человек перед райисполкомом, требующей выдать русских, только при этом условии обещается не громить райисполком?

Вы, товарищи депутаты, бросали работу, чтобы успеть забрать детей из детских учреждений и сломя голову неслись домой, чтобы, вооружившись чем попало, встать бок о бок с женами и детьми на защиту своих домов? Ваши дети изготовляли взрывпакеты и бутылки с зажигательной смесью, чтобы защитить своих отцов и матерей?

Правоохранительные органы расписались в своем бессилии, и мы вынуждены были сами защищаться чем попало, и тогда погромщики, увидев силу и интернациональную сплоченность, присмирели. Но надолго ли?..

Уму непостижимо: Четырнадцати-двадцатилетние юнцы терроризировали город с многотысячным населением!

Неужели непонятно, что ими руководит опытная рука... Идет жесточайшая борьба за власть, пущены в ход все средства вплоть до погромов... Когда вы, товарищи депутаты, закончите упражняться в изящной словесности и займетесь наведением в стране должного, законного порядка?

После событий в Душанбе мы не уверены в будущем наших детей и заявляем во всеуслышание: хватит жить в страхе за жизнь наших детей и близких!.. Февральские события в Таджикистане показали, что новой кровавой вспышки, круто замешанной на национализме, можно ожидать в любой момент...»

(Открытое письмо работников Южной гидрогеологической экспедиции народным депутатам СССР. Февраль 1990 года).

Февральские события в Душанбе были прологом приближающейся

трагедии народов Советского Союза, сигналом к активизации всех деструктивных сил, реальной демонстрацией слабости руководства страны, которое не могло защитить своих граждан перед произволом и беззаконием.

СТАТЬЯ: «...Историю можно перевернуть, преподнести иначе, но все, что творилось в Таджикистане, забыть нельзя. Приходит время — и история начинает мстить. Мстить жестоко. Мы получили свое. После была братоубийственная война...»

(«Независимая газета», 11 февраля 2000 года).

Глава 2

Госбезопасность: пружина разлома

26 февраля 1990 года, день.

Москва. Крылатское

Весь день Оля не могла найти себе места. Чем бы она ни занималась — мыла посуду, готовила обед, стирала белье или разговаривала за чаем с Евдокией Михайловной, — ее не покидали тревожные мысли о муже. Ночной телефонный разговор с Андреем не успокоил ее, наоборот: в его словах «все нормально» ей почудилась тревога. Может быть, ее насторожила интонация, с какой это было сказано, может быть, секундная пауза. Когда на ее вопрос «Что же ты не позвонил?» — он ответил: «Я... не мог, Оля. Не получилось».

Конечно, она понимала, что звонить каждый день из другого города во время командировки почти невозможно. По обрывочным рассказам она знала, как напряженно проходили дни мужа во время его выездов из Москвы: постоянные встречи, беседы с людьми, работа с документами до позднего вечера, а порой и до самой ночи. И только иногда удавалось улучшить время побродить по городу, по приглашению коллег посидеть в каком-нибудь кафе или сходить в баню. Но Андрей почти всегда заранее предупреждал ее о том, что не сможет позвонить, и тогда она представляла себе, как он ходит по вечернему Таллину или Киеву, сидит в кафе в компании таких же, как и он, мужчин, с аккуратными короткими стрижками и в костюмах с неизменными галстуками, делающими их немного чем-то похожими друг на друга. Знающие люди, завидев такую кампанию, многозначительно переглядывались: мол, знаем, откуда эти ребята.

Интуитивно Оля чувствовала, что во время этой поездки в Душанбе произошло что-то нехорошее, что-то угрожающее ее мужу. Она с трудом понимала сущность происходящих в Таджикистане событий, знала лишь, что какие-то «националисты» пытались захватить власть, но у них не получилось. И Андрея, по всей видимости, послали разобраться в обстановке или выяснить какие-то обстоятельства. К этому времени все уже были достаточно хорошо наслышаны о трагедиях афганской войны, о

зверствах моджахедов, о том, сколько советских солдат погибло вдали от своей Родины. А Таджикистан казался Оле таким же далеким и полным опасностей, как и Афганистан. Поэтому она и считала эту командировку мужа очень опасной и рискованной, боялась за него и как никогда раньше ждала его возвращения в Москву.

Около полудня Оля с бабушкой закончили свое традиционное дневное чаепитие. Евдокия Михайловна, которой вот-вот должен был исполниться девяносто один год, несмотря на свой почтенный возраст, без посторонней помощи передвигалась по квартире, полностью обслуживала себя и старалась ничем не обременять семью внука, с которой жила вместе, как только Орловы получили квартиру в Крылатском. Добродушная и рассудительная, тихая и спокойная, она в то же самое время живо интересовалась бьющей за окном жизнью, не все понимая и одобряя в ней. Она с удовольствием слушала радио, смотрела телевизионные передачи, очень любила. Когда ей читали что-нибудь вслух, время от времени задавала вопросы и высказывала свое отношение к тем или иным событиям.

Получившая в далеком детстве всего лишь четырехклассное образование в деревенской школе, Евдокия Михайловна, тем не менее, была достаточно развитой старушкой. Она многое знала про то, что происходит в стране: про горбачевскую перестройку, съезд народных депутатов, волнения в Карабахе и армянские погромы в Баку. Она терпеть не могла Ельцина и Горбачева, всегда очень резко отзывалась о них, не разделяя тех надежд, которые питали Орловы на будущее.

— Никакая это не перестройка, а стыд и позор один! — как правило, резко говорила бабушка, услышав по радио слащавые обещания и призывные речи. — Работать они просто не хотят! Все перестраивают и перестраивают! А жизнь-то лучше не становится!

Говоря это, бабушка очень сердилась — обычно добродушное выражение ее лица становилось непривычно жестким и даже несколько брезгливым. Чувствовалось, что она искренне недоумевает, с чего это вдруг с недавних пор все заговорили о необходимости перемен.

— А когда, Оленька, ты говоришь, Андрюша-то должен приехать? Сегодня? — спросила Евдокия Михайловна.

— Да, где-то ближе к вечеру. Он мне позвонил, сказал, что билет уже взял...

— Хорошо. А то без него как будто чего-то не хватает. А работа эта у него... очень сложная. Мне не нравится.

— Ну что же, Евдокия Михайловна. Он работает с удовольствием, его

там уважают. Помните, в прошлом году на новоселье приходили его товарищи, генерал был даже — его начальник...

— Как же, помню. Такие все хорошие люди... А они тоже там работают?

— Да, Евдокия Михайловна. Они работают вместе с Андрюшей в Комитете.

— Ну да.

Бабушка замолчала, о чем-то задумавшись, затем медленно поднялась со стула:

— Оленька, я пойду прилягу пока. Устала чего-то. Скоро, наверное, Нина из школы придет?

— Да, уж скоро будет. У них сегодня пять уроков. Идите, идите, Евдокия Михайловна, отдыхайте. А я пока посуду помою.

Оля намеревалась до прихода дочери сделать немало дел — помыть посуду, убрать в комнате, сварить борщ, загрузить белье в стиральную машину. Все получалось у нее быстро, и хотя домашняя работа не отличалась особым разнообразием, Оля делала ее легко, почти играючи. Она любила во время кухонных хлопот слушать по радио музыку, тогда время бежало незаметно вплоть до самого прихода мужа с работы.

Вот и сейчас из висевшего на стене приемника лилась тихая, протяжная мелодия. Плавные и нежные звуки скрипки сопровождал тихий аккомпанемент фортепиано, как будто два голоса — женский и мужской — напевали грустную песню об истории их любви.

Это был «Вальс» Глиэра! Сразу нахлынули воспоминания семилетней давности, Когда они с Андреем еще в тесной комнатке на Сиреневом бульваре впервые вместе исполнили это чудесное произведение. Оля тогда уже третий год училась в музыкальной школе и довольно неплохо играла на фортепьяно. На учебе настоял Андрей, который очень хотел, чтобы жена научилась играть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Сам когда-то давно закончив детскую музыкальную школу по классу скрипки, он любил музыку и иногда, правда очень редко, пытался изображать какую-нибудь мелодию на старинной фисгармонии — самой ценной, на его взгляд, вещи в их доме.

Однажды — это было зимой — Андрей предложил жене попробовать исполнить вместе «Вальс» Глиэра, который Оля как раз разучивала по школьной программе.

— Ты будешь аккомпанировать, а я — вести мелодию. Ведь я когда-то играл этот вальс и даже исполнял его на отчетном концерте музыкальной школы. Давай попробуем. Я думаю, у нас получится.

Сначала у них выходило плохо — то Андрей неимоверно фальшивил, так как пальцы, отвыкшие от скрипки, с трудом слушались его, то Оля, растерявшись, путалась, забывала последовательность аккордов и в отчаянии снимала руки с клавиш. Так они сделали несколько попыток, но ни разу не смогли исполнить «Вальс» полностью, постоянно сбиваясь и прерывая игру. И вдруг наконец у них получилось. Плавная мелодия, хотя и неуверенно, но отчетливо полилась, заполняя всю комнату. Это было настолько неожиданно, что Андрей с Олей чуть было снова не спутались, но смогли все-таки удержать хрупкое звучание своих инструментов, все более воодушевляясь от того, что им удалось-таки вместе исполнить эту прекрасную мелодию.

Вот и сейчас, держа тарелку под струей теплой воды, Оля на минуту замерла, вспомнив тот зимний день, волнующие звуки «Вальса» Глиэра и мужа, который находился сейчас где-то далеко-далеко от нее, в пугающем ее воображении Душанбе. Неожиданно тарелка выскользнула из ее рук и, упав в раковину, разбилась пополам, обдав мыльными брызгами Олино лицо. Почему-то сильно заколотилось сердце и перехватило дыхание. Острое, пронзительное, смешанное со страхом чувство тревоги охватило все ее существо. Она беспомощно опустила руки. А из приемника все доносилась волнующая мелодия «Вальса» Глиэра, усиливая беспокойство и смятение. «Что там с Андрюшей? — промелькнула мысль. — Не случилось ли чего? Скорее бы он приехал».

— Оля! Что там у тебя? — донесся голос бабушки из комнаты. Слух у нее, несмотря на преклонный возраст, был неплохой.

— Да ничего, Евдокия Михайловна! Тарелку разбила! — с досадой ответила Оля.

— Тарелку? Ну не расстраивайся! Говорят, это на счастье.

Оля сгребла осколки и выбросила их в ведро. Ей не было жалко тарелки, но чувство досады и тревоги не проходило.

По радио уже не звучали прелестные звуки глиэровской мелодии, а возникла короткая пауза, которая бывает перед тем, как раздадутся сигналы точного времени. И уже через несколько секунд диктор объявил:

— Московское время — тринадцать часов. На связи — радиостудия в Останкине. Продолжаем разговор о проблемах торговли...

— Боже мой! Скорее бы приехал Андрюша! — тихо прошептала Оля, тяжело вздохнула, подошла к окну, машинально вытирая полотенцем мокрые руки. Часы показывали четыре минуты второго. В Душанбе в это время шел уже пятый час. «Нива», в которой Андрей с Абдуллоджоном возвращались в таджикскую столицу, только что остановилась на месте

аварии у обрыва, с которого рухнул в пропасть тяжелый КамАЗ.

26 февраля 1990 года, вечер.

Москва. Крылатское

Когда раздался привычный звонок в дверь, Оля облегченно вздохнула и быстро пошла открывать. Вместе с нею в коридор вышли дети, а бабушка, пристав с кровати, набросила на плечи плед в ожидании встречи с внуком. У Андрея были ключи от входной двери (он всегда брал их с собой в командировку), но он упорно нажимал кнопку звонка, радостно возвещавшего о его прибытии.

— Андрюша! — Оля бросилась к мужу, прижимаясь к его груди и целуя в уже ставшую шершавой щеку. А он стоял в распахнутом пальто, держа в руках спортивную сумку и большой полиэтиленовый пакет. — Как же я соскучилась! Тебя так долго не было!

— Да ты что, голубчик. Прошло всего несколько дней...

— Я знаю, но мне показалось, что очень много. Ну как ты? У тебя все хорошо?

— Давай сначала войдем в дом. — Андрей нежно подтолкнул жену и, обращаясь к детям, сказал: — Вот я и приехал.

Он поцеловал дочку и сына, увлекая всех за собой в распахнутую дверь квартиры.

— Бабуся, я приехал! — Еще не раздевшись, Андрей заскочил в бабушкину комнату и поцеловал Евдокию Михайловну в щеку.

— Вот и хорошо. Теперь вся семья в сборе.

— Пап, а ты что-то нам привез из... — начал пятилетний Сережка.

— Откуда?

— Ну из... Я забыл, как это называется.

— Из Душанбе, — помогла Нина и в свою очередь тоже спросила:

— Привез что-нибудь, да?

— Ребята, дайте папе раздеться, а потом уже спрашивайте. Он же с дороги, — сказала Оля и, обращаясь к Андрею, спросила:

— Кушать будешь? В самолете кормили?

— Кормили, но знаешь как...

— А я тебе картошечки нажарила. Знаю ведь, любишь. Будешь?

— С удовольствием!

Но прежде чем идти ужинать, Андрей вручил всем купленные в Душанбе сувениры. Нина не без смущения примерила расшитую

золотистыми нитями тюбетейку, но с восторгом взяла в руки и стала рассматривать куколку-таджичку, одетую в красочный национальный костюм — белую кофточку с голубоватой жилеткой и длинную юбочку с золотистым пояском. Серега без тени сомнения сразу надел на голову зеленую тюбетейку, а Оля с бабушкой примерили цветастые таджикские тапочки. В семье уже сложилась традиция, что из каждой командировки Андрей обязательно привозил какие-нибудь гостинцы.

Они сидели на кухне, и Андрей рассказывал о поездке. О том, как выглядит главный таджикский город, какие необычайные блюда ему довелось отведать, каким удобным и комфортабельным был номер в гостинице, каких новых знакомых удалось приобрести за эту непродолжительную поездку.

— Пап, а женщины там ходят в таких... национальных одеждах? — спросила Нина.

— Да нет, все ходят так, как у нас. Только многие тюбетейки носят.

— Как моя?

— Да, женщины — как твоя, мужчины — как Сережина.

— А какие там машины? А метро есть? — спросил вопросами Сережа.

— Нет, Сережа, метро там нет. А машины такие же, как у нас.

— Пап, а в книжном магазине ты был?

Андрей посмотрел каким-то отрешенно-задумчивым взглядом на дочь и, чуть помедлив, ответил:

— Да, в книжном я был...

— А купил какую-нибудь книгу?

— Нет, Нинуля! К сожалению, ничего не купил.

— А почему? Не было интересных книжек?

Андрей внимательно посмотрел на дочь, потом улыбнулся и сказал:

— Ты знаешь, я так спешил... Я очень торопился и не смог внимательно посмотреть книги. Так уж получилось.

Почувствовав, что Андрей что-то не договаривает, Оля внимательно посмотрела ему в глаза.

— Андрюша, что-нибудь было не так?

— Все было отлично. Поездка была очень интересной и полезной для дела, — проговорил Андрей бодрым тоном, чтобы развеять любые сомнения. А потом вдруг без всякой связи сказал: — Там такие опасные горные дороги. Буквально перед нами, Когда мы сегодня возвращались в Душанбе, в пропасть свалился грузовик.

— А водитель погиб? — серьезно спросил Сергей.

— Не знаю. Думаю, что погиб. Очень уж крутой обрыв был. Да и

несся он, должно быть, с большой скоростью.

27 февраля 1990 года, утро.

Москва. Площадь Дзержинского.

Здание КГБ СССР. Кабинет № 333

Кабинет начальника Инспекторского управления КГБ СССР, расположенный на третьем этаже старого здания Комитета госбезопасности, был, пожалуй, одним из самых больших в известном доме на Дзержинке. Массивный письменный стол с крупным прибором, длинный стол для заседаний, отделанный сверху зеленым сукном, громадная, во всю стену, топографическая карга Советского Союза в какой-то непривычной системе координат, придающей очертаниям страны причудливую форму. На противоположной стене в промежутках между окнами висели портреты Ленина и Дзержинского. Обитателем кабинета был Сергей Васильевич Толкунов — личность легендарная и уникальная.

ИНФОРМАЦИЯ: «Это был «последний из могикан» — чекист с 1930 года, честный и мудрый, прошедший огонь и медные трубы, еще до войны, в войну и после — резидент советской разведки за рубежом, затем начальник Управления госбезопасности в Хабаровском и Ставропольском краях... Потом многие годы работал в Центре, начальником Инспекторского управления КГБ СССР... Конфиденциальных поручений от Толкунова исходило немало: интересных, сложных, ответственных...»

(А.Ф. Яровой «Прощай, КГБ». Москва, 2001 год).

— С прибытием, Андрей Петрович. Как съездили? Удачно? — Генерал-лейтенант Толкунов, встав, протянул Орлову руку.

— Так точно, Сергей Васильевич. Я считаю, что удачно. Разрешите доложить?

— Пожалуйста. — Толкунов сделал жест рукой, приглашая Орлова сесть на один из стульев за приставным столиком.

— Что касается сбора материалов к заседанию Коллегии о действиях отрядов самообороны и подготовки обзора...

Сергей Васильевич сделал останавливающий жест рукой:

— Андрей Петрович, я нисколько не сомневаюсь, что с этим вы справились. Доложите подробности вашему начальнику отдела. Меня интересует другое. То, о чем мы с вами договорились накануне поездки. Вам есть, что сказать по этому поводу?

— Да, Сергей Васильевич. Во-первых, мне удалось встретиться с людьми, которые рассказали мне о некоторых обстоятельствах, предшествующих событиям...

Орлов докладывал четко, как будто заранее отрепетировал доклад высокому комитетскому начальнику. Он приводил массу фактов, называл фамилии, пересказывал содержание некоторых документов, с которыми ему удалось познакомиться во время пребывания в Душанбе. Иногда он на мгновение приостанавливался, как будто пытаясь сконцентрироваться или вспомнить еще что-то очень важное, без чего его доклад руководству был бы неполным.

Сергей Васильевич слушал Орлова не перебивая. Он даже не пытался сказать что-либо во время возникавших пауз, а только внимательно и заинтересованно смотрел на подчиненного. Старый, опытный чекист, он прекрасно понимал, чего стоят скупые слова доклада Орлова о том, как ему удалось встретиться с человеком, который присутствовал на закрытом совещании в МВД накануне массовых беспорядков, о беседе с уголовным авторитетом Юсуфом, о конспиративной встрече с одним из агентов контрразведки, о том, как «оторвался» от наружного наблюдения, о происшествии на Ленинабадском шоссе.

ИНФОРМАЦИЯ: «О Сергее Васильевиче очень много можно сказать как о руководителе, профессионале, человеке... И особенно о его отношении к сотрудникам... Это был очень отзывчивый человек. Мы все чувствовали прямо-таки отцовское отношение к сотрудникам любого ранга и уровня... Мудрый, спокойный, он никогда не выходил из себя. Разносторонне развитый, обогащенный знаниями жизни...

Помню, мы были с ним в Армении, Когда там случилось землетрясение. Он сразу сказал: «Едем на место!» Нам дали пограничный «Виллис», и через сорок минут мы были уже в Ленинакане. Плач, стоны, крики о помощи... Ты бы видел, с какой энергией Сергей Васильевич включился там в работу по спасению людей! Он, генерал-лейтенант, жил вместе со мной в казарме. А как он общался с солдатами, которые разбирали завалы! Как самый близкий человек!»

(С.Е. Мартиросов, старший инспектор
Инспекторского управления КГБ СССР).

Только когда Орлов закончил, Сергей Васильевич задал ему несколько уточняющих вопросов, из которых Андрей понял, что генерал не только очень внимательно слушал его, но и по ходу дела анализировал получаемую информацию, сопоставляя ее с только ему одному известными фактами и обстоятельствами. Орлов заметил, как помрачнело лицо Толкунова, когда он доложил ему о своих выводах, касающихся некоторых сотрудников Комитета госбезопасности Таджикистана, не только связанных, по его мнению, с организаторами массовых беспорядков, но и являвшихся прямыми участниками попытки переворота.

— Вы серьезно полагаете, что названные вами сотрудники замешаны в этом деле? — с горечью спросил Толкунов.

— Да, Сергей Васильевич. Об этом говорят приведенные мной факты и свидетельства некоторых людей, в достоверности информации которых я не сомневаюсь.

— Ну что ж, спасибо! Благодарю вас за обстоятельный рассказ. Я доложу обо всем председателю.

— Мне надо представить докладную записку?

— Нет, Андрей Петрович, этого делать не следует. Ограничимся нашей беседой, а, если потребуется, мы еще вернемся к этому вопросу.

— Разрешите идти?

— Идите!

Орлов встал и быстро направился к двери, но голос Толкунова остановил его.

— Андрей Петрович, как договорились, об этом поручении...

— Сергей Васильевич, все ясно.

— Ну хорошо, идите.

Орлов тихо прикрыл за собой обе двери, образующих большой темный тамбур, и вышел в приемную.

ИНФОРМАЦИЯ: «...Волнения удалось успокоить. Для изучения основных причин февральских событий были организованы комиссии, в которые вошли сотрудники КНБ^[40] и Генпрокуратуры, создавались государственная и парламентская комиссии. Однако виновные в тех кровавых событиях до сих пор не названы, и вопрос, кто спровоцировал расстрел мирных граждан в феврале 1990 года в Душанбе, остается открытым.

События февраля стали прологом гражданской войны в Таджикистане, но о них сегодня стараются не вспоминать...»

(Воспоминание очевидца. Сайт «Oepzatta.news», 22 февраля 2010 года).

Секретарша Толкунова Наташа, юная брюнетка, подчеркнуто безразлично относящаяся к Орлову, удивленно и даже несколько уважительно посмотрела на него. Ей, наверное, показалось странным, что начальник уделил так много времени майору, не так давно работающему в управлении. Так долго мало кто задерживался в кабинете Сергея Васильевича, разве что его заместители да некоторые начальники отделов.

ИНФОРМАЦИЯ: «Сергей Васильевич — умнейший человек. Меня всегда поражало, когда он давал напечатать текст своего выступления или что-то другое... Ведь он писал всегда сам... Ребята ему готовили материалы, но он предпочитал все делать сам... Он был очень авторитетным как для вышестоящего руководства, так и для сотрудников»

(Н.Е. Хренова, секретарь начальника Инспекторского управления КГБ СССР).

— Неужели ты так долго рассказывал Сергею Васильевичу о Душанбе? — перебирая поступившую почту, спросила Наташа.

— Да, Наташа. Душанбе — очень красивый город. Там есть, что посмотреть.

— Значит, не зря съездил?

— Не зря.

27 февраля 1990 года, утро.

Москва. Площадь Дзержинского.

Здание КГБ СССР. Кабинет № 431

— Андрей, ну как, удачно? — с какой-то лукавинкой спросил Лео Альфредович, когда Орлов после доклада Толкунову зашел в кабинет к своему начальнику отдела. Импозантный эстонец, пользующийся всеобщим уважением в управлении, рассудительный и невозмутимый,

иногда немного флегматичный, но всегда очень четкий и аккуратный, Лео Альфредович питал особое расположение к Андрею. С того момента, как был переведен в его отдел с глубоко законспирированного объекта КГБ, Орлов ощущал на себе изучающее внимание начальника, которое очень скоро переросло в нескрываемую симпатию к подчиненному, обладающему незаурядными способностями в части подготовки аналитических документов.

Когда-то Лео Альфредович Выйме был руководителем одного из подразделений КГБ Эстонии, а затем в течение нескольких лет председателем КГБ Якутии и в Инспекторском управлении слыл человеком, склонным к глубоким, пространным рассуждениям и прагматическим выводам. Он постоянно был в курсе обсуждаемых в руководстве Комитета вопросов, особенно если они касались стратегии деятельности органов госбезопасности. Майор Орлов в свою очередь испытывал к своему начальнику, которого все за глаза звали просто «Лео», не только чувство уважения, но и, можно даже сказать, благодарность за то, что тот предоставлял своим подчиненным полную свободу деятельности, лишь была бы выполнена поставленная перед ними задача. Никаких понуканий, мелких придинок, само собой разумеется, никакой грубости и резкости, что создавало в отделе достаточно благоприятную атмосферу.

— Успел унести ноги? — спросил Лео Альфредович, загадочно улыбаясь.

— Почему «унести ноги»? — Орлов с недоумением посмотрел на начальника. «Неужели он знает? — пронеслось в голове. — Да нет. Не может быть!» — отбросил он эту мысль. — Нет, Лео Альфредович, все было в порядке. Тревожно, правда, там еще. Кругом остатки погромов, люди боятся выходить из домов, по ночам стреляют...

— Да, да, я знаю. Мне рассказывали. Собрал материал для коллегии?

— Конечно. Много материала. Думаю, потянет на обзор.

— Хорошо. Тогда, Андрей, действуй! Я рад за тебя. Рад, что... — Он чуть замаялся. Потом очень серьезно посмотрел прямо в глаза Орлову. — Я рад, что все прошло хорошо.

СООБЩЕНИЕ: «Многочисленными исследователями события февраля 1990 года квалифицируются как первые факты гражданского противостояния в республике, приведшие к гражданской войне 1992–1997 годов.

Февральские события 1990 года в Душанбе вызвали ухудшение отношения к некоренному населению, привели к

активизации миграционного оттока. В 1990 году в ближнее зарубежье выехало 113,7 тысячи человек, в 1991 году — 120 тысяч человек, в 1992 году — 225,4 тысячи человек.

Значительная часть мигрантов направлялась в Россию. Количество выехавших в Россию за соответствующие периоды характеризуется следующими показателями: 78,2 тысячи человек; 62,2 тысячи человек; 104 тысячи человек»

(«День памяти погибших во время беспорядков в Душанбе в 1990 года». РИА «Новости», 12 февраля 2010 года).

Орлов после этого разговора с Лео Альфредовичем еще долго не мог отделаться от странного чувства, что тот каким-то образом оказался в курсе событий, происходивших вокруг Андрея во время его командировки в Таджикистан. Но скорее всего, старый и опытный чекист, осведомленный о многих скрытых для большинства окружающих обстоятельствах, будучи человеком мудрым и не лишенным интуиции, просто догадался о тайной миссии майора Орлова.

12 марта 1990 года, день.

Москва. Неглинная улица. Ресторан «Узбекистан»

Кузин прошел через яркий вестибюль, украшенный коврами и вазами, свернул в боковую дверь и сразу оказался в зале, уставленном столиками и оформленном в традиционном узбекском стиле. Декоративные вышивки на стенах, глиняные кувшины, стоящие на деревянных полках, какие-то замысловатые светильники — все это придавало ресторану явно выраженный восточный колорит.

Заметив нового посетителя, метрдотель приглашающим жестом указал на столик у окна и, осведомившись у Кузина, будет ли он обедать один или к нему присоединится еще кто-то, подал меню в ярких расписных узорчатых корочках. В зале из скрытых декоративными панелями динамиков звучала тихая приглушенная музыка — похоже, какой-то национальный ансамбль исполнял узбекские мелодии.

Кузин углубился в изучение меню. «Так, для начала закажем шурпу, а потом, когда он придет, определимся с дальнейшим», — рассуждал он про себя и, позвав официанта, заказал две порции шурпы и триста граммов

водки. «Он сказал, что сам узнает меня. Интересно: у них что, есть моя фотография? Или меня ему кто-то показал?» — думал между тем Кузин.

Здесь, в ресторане «Узбекистан», должна была состояться встреча Олега Кузина, сотрудника Исследовательского центра проблем безопасности КГБ, с незнакомым ему человеком — встреча, от которой Кузин ждал решительного поворота в своей судьбе. В тридцать девять лет майор Кузин уже успел разочароваться в своей профессии и давно перестал считать службу в ЧК престижной. Пришедший в органы сразу после армии и окончивший Высшую школу КГБ имени Дзержинского, или, как ее называли, «Вышку», он рассчитывал, что очень быстро продвинется по службе и станет если не советским Джеймсом Бондом, то хотя бы матерым контрразведчиком, распутывающим коварные замыслы заокеанских разведывательных центров. На самом же деле он по распределению попал в один из московских райотделов УКГБ,^[41] где должен был в течение нескольких лет довольствоваться должностью оперуполномоченного. Вместо захватывающих поисков шпионской резидентуры и захватов с поличным вражеских агентов ему пришлось вести нудную каждодневную работу на объекте оперативного обеспечения — одном закрытом предприятии, выпускающем электронную начинку для ракет. Шпионами там и не пахло, зато нарушений режима секретности было предостаточно. То какой-нибудь разгильдяй из числа инженерного состава забудет сдать рабочую тетрадь с секретными записями, то у кого-то из сотрудников отыщется родственник за границей, то в ходе проверки секретного делопроизводства недосчитаются какой-нибудь чепуховой бумаги или сборника статей с грифом «Для служебного пользования».

Регулярные профилактические беседы, которые надо было проводить в коллективах предприятия, участие в различных комиссиях, ведение большой переписки, связанной со спецпроверкой на допуск к государственным секретам, — все это было совершенно неинтересно и скучно. Уже через год Кузин пожалел, что пошел служить в КГБ. и сокрушался, что в свое время поддался «агитации» человека в сером костюме, вызвавшего его на собеседование в кабинет инструктора райкома комсомола. «Эх, какого черта я пошел в эту ЧК, в этот «боевой отряд партии»? Сейчас жизнь круто меняется. Предприимчивые люди становятся хозяевами жизни. Со всем этим коммунистическим бредом скоро будет покончено навсегда. А я, вместо того, чтобы включиться в новую жизнь, плетусь в хвосте событий!» — так или почти так размышлял Кузин о своей неудавшейся жизни и карьере.

Вот уже несколько лет Олег работал в Исследовательском центре

проблем безопасности КГБ, который располагался на самом краю Москвы в здании, похожем на типичную московскую школу, и имел условное наименование «Прогноз». Несколько лет назад ему все-таки удалось вырваться из рутинной работы в райотделе, и теперь он был научным сотрудником и одновременно учился в заочной аспирантуре в той же самой «Вышке». Но и здесь работа ему была не в радость. За воротами уже шумела новая жизнь, сулящая высокие доходы, зарубежные поездки, дорогие иномарки, ужины в ресторанах, развлечения в казино и ночных клубах, а он опять должен был заниматься какими-то, как ему казалось, потерявшими всякий смысл делами: научными разработками характерных признаков шпионской деятельности, проблемами утечки государственных секретов страны за рубеж, вопросами повышения эффективности контрразведывательной работы...

В дверях появился человек в темном костюме с ослепительно белым галстуком. К нему тут же устремился метрдотель. «Не он ли?» — подумал Кузин, но тут же понял, что нет, так как незнакомец, бросив какую-то фразу метрдотелю, устремился в противоположенную от Олега сторону зала. «Что-то он задерживается». — Кузин посмотрел на часы, которые показывали уже десять минут четвертого. И тут в дверях появился «он». Кузин понял это сразу, как только человек вошел в зал. Он окинул помещение быстрым взглядом и, заметив Олега, устремился к его столику.

Это был мужчина лет пятидесяти, с легкой проседью в волосах, с грубым, если не сказать простецким, лицом. Под пиджаком вместо привычной рубашки у него была надета водолазка бардового цвета. В руках он держал кожаную визитку.

— Олег Юрьевич? Здравствуйте! — проговорил незнакомец, слегка поклонившись.

Кузин только кивнул в ответ.

— Извините, не рассчитал время.

— Ничего. Я заказал шурпу, но ее пока не принесли.

— Хорошо.

— Водку будете? Я заказал графинчик.

— Нет, Олег Юрьевич. Я не пью.

— Что, совсем?

— Совсем.

— И даже пиво?

— И даже пиво.

Кузин пожал плечами, всем своим видом показывая, что не понимает людей, которые абсолютно ничего не пьют.

— Меня зовут Анатолий Алексеевич. — Человек протянул руку. Кузин пожал ее.

Официант, будто дожидаясь прихода гостя, поставил на стол большой керамический горшок с шурпой, тарелку с лепешками и графинчик водки.

— Дорогой, — обратился Анатолий Алексеевич к официанту, — принеси-ка нам еще каурму. И побольше зелени. — Повернувшись к Кузину, спросил: — Будете?

— А я и не знаю, что это такое, — смущенно ответил Кузин.

— Это жаркое из баранины с картофелем. Все тушеное, с луком и зеленью...

— Давайте. Попробуем.

Кузин налил себе водки из графинчика, еще раз осведомился у соседа по столу, будет ли он пить, и, получив отрицательный ответ, одним махом опрокинул рюмку. Оба принялись за шурпу.

— Олег Юрьевич, я — человек дела и хочу сразу перейти к вашему вопросу.

— Нашему, — поправил Кузин.

— Хорошо, нашему вопросу. Так вот. Я понял, что вы хотите поступить на работу в нашу фирму. Я думаю, ваше намерение вполне своевременно. Скоро чекисты и милиционеры будут стоять в очереди, чтобы попасть к нам на работу...

— Ну уж это вы преувеличиваете! Стоять в очереди!

— Ничуть! Только на прошлой неделе мы взяли в нашу службу безопасности одного подполковника. Он совсем недавно уволился, кажется из московского управления... Он сказал, что чекистом теперь быть позорно и он не хочет иметь ничего общего с КГБ. Его мнение разделяют некоторые его друзья. А вы тоже так считаете?

— Я... — Кузин замялся. — Я считаю, что Комитет в том виде, какой он есть, изжил себя. Перестройка требует, чтобы мы...

— Да, бросьте, Кузин! Вы не на политзанятиях! Кагэбэшникам скоро каюк! Вы видите, к чему идет дело? Поверьте мне, «свежий ветер перемен» не сегодня завтра снесет прогнивший большевистский режим, а с ним и вашу партию, и ваш КГБ. Разуйте глаза: в Европе уже победила демократия, и только в Москве коммунисты пока у власти...

Кузин испуганно, с расширенными от страха глазами, смотрел на собеседника, который говорил страшные, крамольные слова. И это не важно, что сам он думал точно так же. Говорить обо всем этом вслух, а для него, сотрудника Комитета госбезопасности, даже слушать это, по мнению Олега, было небезопасно.

— А-а... вы не допускаете... — Заикаясь, Кузин обвел глазами полупустой ресторанный зал. — Вы не думаете, что нас могут...

— Что? — Анатолий Алексеевич осклабился. — Могут подслушать? Бойтесь?

— Но... Лучше об этом... не... не говорить здесь! — пролепетал не на шутку испуганный Кузин.

— Да не трусьте, Кузин! Вашим чекистам сейчас не до вас! Каждый думает, как бы получше устроиться! Да и заработать сейчас можно, не особенно утруждая себя!

Завидев официанта, который нес на подносе блюдо с каурмой, Анатолий Алексеевич замолчал. Они молча наблюдали, как официант водрузил на стол блюдо с дымящимся мясом, тарелку с яркой зеленью, маленькую вазочку с красным соусом.

— Что-нибудь еще? — спросил официант с готовностью, переводя взгляд с одного посетителя на другого, как бы пытаясь определить, кто из них будет расплачиваться за обед.

— Нет, ничего не надо. — Анатолий Алексеевич сделал отрицательный жест рукой, затем, немного помедлив, сказал: — Принесите, пожалуй, боржоми.

Официант кивнул головой и удалился.

— Так вот, Кузин. Олег Юрьевич. Не я, а вы захотели встретиться со мной. Поэтому предлагаю ближе к телу. — Он ехидно улыбнулся. — Только не надо мне рассказывать про вашу преданность Родине. Мы все ее любим. Но разною любовью!

— Да, Анатолий Алексеевич, я готов. Вам, наверное, говорили, что я...

— Я знаю про вас все или почти все! Давайте по делу!

— Я решил уволиться из КГБ и устроиться на работу в вашу фирму. Мне рассказали, что вы занимаетесь очень перспективным бартером — продажей за границу неликвидов и закупкой разных товаров... И платят у вас хорошо.

— Зарботки у нас действительно неплохие, а для человека предприимчивого даже очень хорошие. Вы предприимчивый человек?

— Не знаю, но думаю, что да. Мне всегда было тесно в рамках системы...

— Тесно? Ну так вы сами выбирали себе работу!

— Да, сам. Но что, было бы лучше, если бы я работал бригадиром на каком-нибудь полуразвалившемся заводе или инженером в каком-нибудь занюханном НИИ?

— А вы уверены, что можете нам быть полезны? Интересно — чем?

— Я юрист, закончил Высшую школу КГБ, знаю оперативную работу, много занимался научной работой...

— А нам на кой это?

— Что «на кой»? — не понял Кузин.

— На кой нам ваша научная работа?

— Ну как... — Кузин озадаченно посмотрел на собеседника. — Я могу анализировать, готовить материалы...

— Да не надо нам это! — перебил его Анатолий Алексеевич. — Не нужны нам ни научные отчеты, ни ваша оперативная работа! У нас есть своя служба анализа конъюнктуры, есть свой отдел безопасности, в котором, кстати, работают ваши бывшие коллеги.

— Так что же тогда... А мне сказали, что со мной готовы встретиться!

— Правильно сказали. Только теперь послушайте меня. — И заметив, что Кузин занервничал, Анатолий Алексеевич строго сказал: — Да не смотрите так испуганно по сторонам, а то мы действительно привлечем чье-нибудь внимание и нас могут застукать!

Олег, делая над собой усилие, сосредоточил свой взгляд на человеке, сидящем напротив. Однако по выражению его лица было видно, что он не успокоился.

— Так вот, Олег Юрьевич, вы представляете для нас интерес только как действующий сотрудник и абсолютно не интересны как служащий нашей фирмы. Мы занимаемся поставками за границу оборудования бывших оборонных предприятий, возможно, скоро начнем поставки военной техники и вооружения...

— Как «АНТ»? ^[42]

— Нет, гораздо умнее. И в этом вы должны нам помочь.

— Я?

— Да, вы, Олег Юрьевич, вы.

— Каким же это образом?

— Я не скажу, что это очень просто, но вы с вашими связями в КГБ вполне могли бы снабжать нас необходимой информацией. Ведь вам же предлагают после защиты диссертации перейти в шестое управление!

— Да, а откуда вы это знаете? Я даже жене еще не говорил.

Анатолий Алексеевич усмехнулся:

— Вы недооцениваете наши возможности. Мы знаем не только то, что вам предложили перейти на работу в шестое управление, но и в какой конкретно отдел. Знаем даже, кто вел с вами беседу на эту тему: Игорь Васильевич — ведь так? Между прочим, отдел, который он возглавляет, занимается, или, как у вас говорят, организует, оперативное обеспечение

«почтовых ящиков», которые представляют для нас исключительный интерес.

Кузин даже приоткрыл рот от удивления. Такой осведомленности от незнакомого человека он не ожидал. «Наверное, они действительно многое могут, раз знают такие подробности. Да и, похоже, и сам Анатолий Алексеевич... наверное, бывший пэгэушник или гэрэушник».^[43]

— Мы знаем также, Олег Юрьевич, что ваш переход на новую работу обусловлен защитой кандидатской диссертации. Тема ведь тоже «наша» — «Контрразведывательная деятельность органов КГБ по предотвращению утечки за рубеж стратегического сырья и продукции». Я близко передал название темы?

— Да-а-а! — Изумлению Кузина не было предела.

— Так вот, Олег Юрьевич. Защищайтесь и устраивайтесь на новом месте. Увольняться из КГБ вам пока еще рано. Если вы согласны нам помогать, то, я думаю, мы найдем общий язык. Договорились?

Кузин молчал, по-видимому еще не сумев полностью осознать сути сделанного ему предложения. В голове у него проносились мысли, одна тревожнее другой. «А вдруг этот напористый и осведомленный собеседник никакой не представитель фирмы, а подсланный к нему сотрудник КГБ, записывающий весь их разговор на пленку, чтобы выявить еще одного предателя? А может быть, он агент иностранной разведки, который втягивает его в шпионскую деятельность? Как же поступить? Что ответить ему?»

Анатолий Алексеевич, видя замешательство Кузина и как бы желая рассеять его сомнения, тихим голосом проговорил:

— Не бойтесь. Сейчас в стране начинается новая жизнь. Вы, человек незаурядных способностей, вынуждены пока прозябать на бессмысленной теперь работе, направленной на сохранение этого режима. Смотрите в завтрашний день! Успеете — войдете в него человеком, перед которым откроются большие перспективы, не хватит решимости — вы и ваши дети закончите жизнь в нищете. Сегодня все решают связи, завтра — все будут решать деньги. Они откроют для вас путь к богатству...

— Но ведь это очень опасно! — проговорил Кузин. — За то, что вы мне предлагаете, могут посадить!

— Не преувеличивайте Олег Юрьевич. Сегодня за оказание содействия коммерческой структуре вас в худшем случае уволят со службы. Если бы сейчас стали сажать за это — многим пришлось бы расстаться с любимой работой, — с иронией резюмировал Анатолий Алексеевич.

За разговором они не заметили, как доели мясо. Графинчик с водкой,

заказанный Кузиным, был почти полон. В самом начале беседы Олег выпил стопку и больше не прикладывался к алкоголю. Перехватив его сожаляющий взгляд, направленный на графин, Анатолий Алексеевич проговорил:

— Что ж вы не пьете? Я готов вас поддержать.

Он поднял фужер с минеральной водой. Они чокнулись. Кузин, крикнув, закусил водку пучком зелени.

— Вы, как я слышал, копите на новую машину? — с деланной озабоченностью спросил Анатолий Алексеевич.

— Да, хочу поменять свою колымагу. Может быть, к лету накоплю на «семерку».

— Ну зачем же к лету? Я вам готов помочь.

Кузин с недоверием посмотрел на Анатолия Алексеевича. Ему показалось, что тот шутит.

— Я не шучу. Наша фирма довольно богатая. И почему бы материально не поддержать симпатичного нам человека? Тем более что он решил ввести свой вклад в благородное дело реформирования экономики страны.

Он проговорил это с таким пафосом, будто выступал перед зарубежными бизнесменами. Однако глаза Анатолия Алексеевича выдавали его истинное отношение к сказанному: в них прочитывалась явная насмешка. Но этого Кузин уже не видел. Слова собеседника о материальной поддержке буквально затмили его разум. Мечта о покупке автомобиля, которую он лелеял последние два года, могла враз осуществиться. И только благодаря нежданно-негаданной встрече с этим человеком. «Буду я у них работать или нет — это еще вопрос, — мысленно рассуждал Кузин. — Главное, я решу свою проблему, а потом будет видно, что делать».

Олег пристально посмотрел в глаза Анатолию Алексеевичу, пытаясь рассмотреть в них истинные намерения, но ничего, кроме доброжелательности, в них не увидел.

— Пяти тысяч вам хватит? Ну... с теми деньгами, которые вы накопили?

— Х... хватит! — чуть заикаясь, ответил Кузин. — Вполне хватит.

— Вот и хорошо. Считайте это подарком от нашей фирмы. — Он вытащил из кожаной визитки конверт и протянул его Олегу, который при этом снова испуганно посмотрел по сторонам. — Да не будьте вы таким пугливым, Олег Юрьевич! Никто за вами не смотрит! Может быть, только наш официант?

Кузин посмотрел в сторону стойки бара, у которой тихо переговаривались два официанта, один из которых обслуживал их столик. Но те, казалось, были увлечены разговором и им не было никакого дела до беседующих между собой посетителей.

Олег положил пакет во внутренний карман пиджака. При этом ему даже показалось, что от пакета исходит тепло, приятно разливающееся по всему телу. Мечта о новом автомобиле мота стать реальностью в самое ближайшее время. Все остальное отступило на задний план.

— Ну что же, Олег Юрьевич, благодарю вас за прекрасный обед. Рад был знакомству, — проговорил Анатолий Алексеевич, вставая из-за стола. Небрежным жестом подозвав официанта, он протянул ему несколько купюр. Кузин попытался было возразить: дескать, он сам расплатится за обед, но Анатолий Алексеевич только отмахнулся:

— Да перестаньте!

— Я тоже рад... Тоже очень рад встрече... Наш разговор был весьма интересным... Я... — бессвязно бормотал Кузин.

— Желаю удачной защиты диссертации и успешного перехода на новую работу! Я позвоню вам сам. И надеюсь, что вам повезет с новой машиной.

Они вместе вышли из ресторана. Как оказалось, Анатолия Алексеевича чуть поодаль ждала «Волга». Водитель, увидев его, быстро выскочил из машины и услужливо распахнул заднюю дверку.

— Вам куда? А то я доведу! — не столько всерьез, сколько из вежливости сказал Анатолий Алексеевич.

— Спасибо, мне тут недалеко!

Машина резко тронулась с места, обдав Кузина мелкой снежной пылью. «Теперь самое время зайти к Орлову. До обусловленного времени еще целый час. В крайнем случае подожду там!» — размышлял Кузин, направляясь вверх по улице. Кузнецкий мост, как всегда, был многолюден, да и автомобили сновали взад-вперед, заставляя пешеходов торопливо пересекать проезжую часть этой одной из самых старых улиц столицы.

Взгляд Кузина невольно упал на остановившиеся у тротуара «Жигули» темно-вишневого цвета. «Скоро и у меня будет такой же красавец!» — подумал Олег и бодро зашагал в сторону площади Дзержинского.

12 марта 1990 года, вечер.

Москва. Площадь Дзержинского.

Когда Орлов услышал в трубке: «Алло, алло! Андрей Петрович, здравствуйте! Это Кузин!» — он сначала очень удивился. Ведь прошло уже более двух лет, как Андрей ушел из «Прогноза», где майор Кузин работал под его началом. И за все это время Олег Юрьевич ни разу не только не зашел, но и не позвонил своему бывшему начальнику.

Впрочем, удивляться было нечему. Научный сотрудник тридцать второй лаборатории не блистал особыми успехами и явно не слыл способным исследователем проблем контрразведки. Будучи переведенным несколько лет назад в «Прогноз» из районного отдела УКГБ, он так и не смог адаптироваться к условиям научной работы. Ему не сиделось на месте, хотелось все время куда-то ехать, с кем-то беседовать, организовывать какие-то встречи. Обложиться же толстыми делами с документами и, тщательно изучая их, сначала делать выписки, а затем систематизировать, чтобы увидеть среди ряби букв и цифр что-то совершенно новое и неизвестное для практики, — это было не для него. Часами сидеть за письменным столом, сосредоточившись на одном занятии, — ему это было явно неважно. Тем более, когда он попал в лабораторию к Орлову.

Сначала Олег Юрьевич подумал: капитан Орлов напускает на себя излишнюю серьезность, чтобы создать у новичка впечатление, что здесь, в «Прогнозе», проводится очень важная и нужная для контрразведки работа. Он с напускным вниманием слушал своего нового начальника, а сам в душе посмеивался над ним. «Пусть пытается втереть мне очки. Но я-то знаю, что вы, ребята, собрались здесь не для серьезных научных изысканий, а всего лишь для того, чтобы отсидеться за стеной законспирированного объекта и порешать свои проблемы». Собственно говоря, некоторые сотрудники руководствовались именно такими мотивами. Некоторые, но далеко не все. И в первую очередь этого нельзя было сказать об Орлове.

Андрей Петрович в свои тридцать семь лет был одержимым человеком. Любое задание, любое поручение, даже самое неинтересное, он мог развернуть так, что в результате получалась яркая работа, вызывавшая удивление своими нетрадиционными способами решения. Это обстоятельство заметили практически все комиссии по приемке. Но главное — это отмечали работники контрразведывательных подразделений, почти уже разуверившиеся в прикладных возможностях чекистской науки. Особенно он проявил себя в научно-исследовательской разработке темы

под условным наименованием «Барьер», в которой на основе анализа тысяч документов почти по всей стране был сделан блестящий анализ работы иностранных разведок на канале выезда советских граждан на постоянное жительство в капиталистические страны. При этом коллектив под руководством капитана Орлова пришел к нетривиальному, можно даже сказать крамольному, по тем временам выводу: проблема «отказников», то есть тех граждан, которым отказывалось в выезде по режимным соображениям, порождена самой системой, и чем большему числу людей мы отказывали, тем большее их число становилось на путь передачи государственных секретов другим странам. Надо было немедленно пересматривать действующую разрешительную систему и переходить от запретительной практики к созданию условий и процедур, позволяющих человеку самостоятельно принимать решение о том, где жить и гражданином какой страны ему быть. В противном случае в стране могла появиться настоящая «пятая колонна»^[44] недовольных и озлобленных людей, которые к тому же владели информацией, представляющей исключительный интерес для военных разработчиков на Западе.

Когда Кузин, получивший от Орлова свой кусок работы, через пять дней пришел к нему с предложениями о том, как он собирается прорабатывать порученные вопросы непосредственно в отделах второго шавка и шестого управления, начальник тридцать второй лаборатории согласился со всем, что предложил Кузин. Доверие подчиненным — было одним из основных принципов капитана Орлова. Это знали все, кто работал с ним давно. Правда, они знали и то, что Орлов очень требователен к качеству сделанной работы. Обвести его вокруг пальца не удавалось даже майору Павличенко, который был неисправимым лентяем, маскирующим свое безделье заумными фразами и наукообразными аналитическими справками.

Получив согласие Андрея Петровича, Кузин исчез из «Прогноза» на целых два месяца, время от времени появляясь лишь для того, чтобы поучаствовать в отдельных совещаниях да получить зарплату двадцатого числа каждого месяца. Нельзя сказать, чтобы Орлов не интересовался у Кузина тем, как идет у него работа, но тот довольно искусно втирал ему очки, рассказывая о том, как трудно идет сбор материала, как мучительно сложно у него вырисовывается концепция порученного ему раздела исследования. Но при этом он каждый раз заверял начальника:

— Андрей Петрович, не беспокойтесь! Все будет сделано в лучшем виде. Я работаю в поте лица, не считаясь с личным временем. Раздел будет представлен точно в срок.

Пару раз, правда, Орлов усомнился в правдивости Кузина. Один раз — когда кто-то мимоходом сказал ему, что в рабочее время видел Кузина выходящим «с какими-то грузинами» из ресторана «Берлин». В другой раз — Когда он сам, будучи в главном здании КГБ на Лубянке, зашел в отдел, где должен был работать Кузин, и на вопрос о своем сотруднике получил ответ:

— До он здесь бывает очень редко. Так, зайдет на полчаса и опять исчезнет на несколько дней.

К назначенному времени Кузин, как и все сотрудники лаборатории, представил Орлову подготовленный им материал — плод более чем двухмесячного своего труда. А тут подоспела плановая аттестация, которая, как правило, проводится раз в пять лет.

То, что увидел Орлов, вызвало у него бурю негодования. Столько разговоров, столько обещаний и... абсолютная пустота! Около трех десятков исписанных корявым почерком страниц текста, в котором без всякой системы, примитивным языком излагалась порученная Кузину проблема. Брезгливо читая эти неряшливые листки, Орлов с досадой ругал себя за непростительную доверчивость. «Как я мог поверить этому человеку? Я же видел невооруженным тазом, что Кузин — пройдоха, жулик, просто болтун, наконец! Почему я не потребовал промежуточного отчета, Когда можно было еще заставить его по-настоящему работать над заданием? А теперь время упущено. Даже если поручить эту работу другому или взяться за нее самому, все равно сроки горят!» — с горечью и злостью думал Орлов.

— Товарищ капитан! Андрей Петрович! Да не берите вы в голову! — успокаивал Кузин начальника. — Кто будет проверять все это? Что — другие лучше делают? Посмотрите, вон, в других лабораториях все тихо спокойно. Никто не корячится. Ну подправлю кое-что...

— Да что тут подправлять, Кузин? Это бред какой-то! Не ожидал! Не ожидал я, что вы не справитесь с этой работой! Столько было разговоров, столько обещаний! И вот — результат!

— Да ладно, товарищ командир! — несколько фамильярно проговорил Кузин. — Исправлю. Через неделю представлю улучшенный вариант.

— Что ладно? Я не привык делать халтуру! Мне мое имя слишком дорого, чтобы... Идите, Олег Юрьевич! Не хочу больше говорить на эту тему.

— А аттестация? — с тревогой спросил Кузин.

— Что аттестация?

— Это не скажется на аттестации?

— Как не скажется? Я что, должен написать: «Майор Кузин успешно решает оперативно-служебные задачи»?

— А что, это не так?

— А как вы думаете?

— Если иметь в виду эту работу, — Кузин кивнул на листки, испещренные пометками Орлова, как тетрадь двоечника, — то я сказал, что ее исправлю!

— Что вы говорите! Ее исправить невозможно! Исправить можно только то, что есть, а то, чего нет... Все. Идите! — Андрей Петрович был возбужден до крайности. Он чувствовал: еще немного — и наговорит таких резкостей, которые Кузин может воспринять как оскорбление. Поэтому решил свернуть бесполезный разговор.

Кузин укоризненно посмотрел на Орлова и, ничего больше не сказав, вышел из кабинета. Очень странно, но крайнее раздражение Орлова стало постепенно сменяться чувством жалости к Кузину. Еще несколько минут назад он готов был бросить в лицо этому бездельнику самые обидные слова, а теперь в Андрее Петровиче вдруг возникло ощущение несправедливости, которую он допускает по от ношению к Кузину. «Вот так всегда — как только я сталкиваюсь с наглостью, я почему-то робею. Он-то меня, своего начальника, не жалеет. С меня, как руководителя группы разработчиков, будет самый большой спрос! Он пользуется тем, что я доверил ему самостоятельно работать, не проверив, не убедившись, сможет ли он выполнить работу на должном уровне! А может быть, я предъявляю к нему завышенные требования?» — так размышлял Орлов еще некоторое время после того, как Кузин покинул его кабинет.

Уже вечером, перед окончанием рабочего дня, Кузин, робко постучав в дверь, зашел в кабинет Орлова.

— Андрей Петрович, можно с вами поговорить?

— А мы разве не наговорились сегодня? Ну ладно, слушаю.

— Андрей Петрович, я обещаю, что все исправлю. Но не указывайте этого в аттестации. Если будет плохая запись... Вы же знаете, я поступил в аспирантуру. Мне тогда не защититься.

— Какая «плохая запись»? Объективная, честная, соответствующая действительности!

Кузин опустил голову. Они оба помолчали.

— Товарищ капитан, очень прошу вас! Не ломайте мне судьбу!

— Ну Олег Юрьевич, дорогой, что я могу сделать? Это же не я, а вы за два с половиной месяца, вместо того, чтобы работать, подготовили настоящую халтуру! Что теперь мы, вернее, я, буду докладывать

начальнику отдела? Спрос-то теперь с меня!

— Я все понимаю и готов исправить. Буду работать днем и ночью! Все сделаю!

Та страсть, с которой Кузин это произнес, задела Орлова за живое. Он посмотрел на календарь, висящей на стене напротив стола: до контрольного срока представления итоговых материалов оставалось пять дней. В голове у него появилась мысль, которую он сначала отогнал, а потом все больше и больше стал рассматривать как единственный выход из создавшегося положения. Он еще немного помолчал, смотря на сидящего с поникшей головой Кузина, потом, будто сделав над собой усилие, проговорил:

— Ладно, Кузин. Сейчас едем ко мне домой. Я думаю, за ночь успеем кое-что сделать.

Олег Юрьевич будто вострепнулся, посмотрел на Орлова. Было видно, что он не ожидал перемены в решении своего начальника и уже почти смирился с неблагоприятным для себя исходом. Лицо его оживилось. Он даже привстал со стула.

— Андрей Петрович, Андрей Петрович! Спасибо! Век не забуду! Я сейчас сбегать за пивом...

— Какое пиво? Мы же работать будем!

— Так под пивко же хорошо!

Орлов поморщился.

— Лучше возьмите баночку кофе. На ночь нам потребуется хороший допинг. Идите, встречаемся внизу у лифта.

Всю ночь до самого утра они сидели с Кузиным на маленькой кухне, обложившись грудой документов. Решив работать ночью дома вместе с Кузиным, Орлов пошел, мягко говоря, на нарушение правил работы со служебными документами. Мало того, что их нельзя было выносить с объекта, — везти их в Измайлово, где жил Орлов, через всю Москву в городском транспорте было просто небезопасно. Мало ли что могло случиться! Утрата совершенно секретного документа, а их было в папках, которые они взяли с работы, изрядное количество, влекла за собой уголовную ответственность. Так что, решив помочь Кузину, Андрей взял на себя чрезмерно большую ответственность. Правда, ему было известно, что многие сотрудники КГБ грешат этим — работают дома по выходным с секретными документами, то ли нагоняя упущенное, то ли предпочитая комфортные домашние условия казенной обстановке спецобъекта.

Сколько было выпито чашек кофе в ту ночь, сколько исписано бумаги, исчеркано текста! Некоторые листы стали представлять собой вообще

странное зрелище: между зачеркнутых жирной линией строчек, написанных корявым почерком Кузина, появились новые, четко написанные черными чернилами, — Орлов обладал незаурядными каллиграфическими способностями. Часам к шести утра, вконец уставшие от ночного бдения, они выпили по последней чашке кофе.

— Все, Олег Юрьевич, хватит. Я думаю, что мы сделали все, что можно сделать за такой короткий срок. Теперь ваша задача — все быстро перепечатать. Наше машбюро уже не успеет...

— Андрей Петрович, не беспокойтесь. Я сегодня же все организую. Послезавтра текст будет готов! Вы разрешите, я от вас поеду договариваться, а потом на работу?

— Давайте теперь позавтракаем!

Орлов встал и прошел в комнату, где спала Оля с детьми, разбудил ее, попросил приготовить завтрак. Она сладко потянулась, притянула его голову к себе, спросила шепотом:

— Все успели сделать? Какой он противный, этот Олег Юрьевич! Не дал тебе поспать! — И тихо засмеялась. — Ставь чайник. Я быстро.

Привычным движением Андрей поправил свесившееся до пола одеяло спящей на диванчике дочки, заглянул в детскую кроватку, где, свернувшись калачиком, спал Сережка. Орловы жили тесно, умекаясь все в одной комнате. Очередь на квартиру казалась бесконечной, а сама квартира — далекой, несбыточной мечтой.

Двадцать минут восьмого Орлов вместе с Кузиным, неся тяжелые дипломаты и целлофановые пакеты с аккуратно уложенными в них свертками, вышли из подъезда девятиэтажного дома на Сиреневом бульваре. До объекта «Прогноз» им было ехать по меньшей мере полтора часа...

Все это Орлов вспомнил сейчас, когда спустя более двух лет услышал знакомый голос Кузина по телефону и его просьбу срочно встретиться. Как ни хотелось Андрею Петровичу ответить на его просьбу отказом, вежливость все-таки взяла свое — он согласился и назначил встречу в девятнадцать часов. К этому времени сидящий за столом напротив Андрея его коллега, Семен Енокович, должен был уже закончить работу и уйти домой. Дело не в том, что Андрей не хотел вести разговор с Кузиным в присутствии коллеги, тем более что Семен Енокович сам когда-то работал в Исследовательском центре проблем безопасности, а в том, что до конца дня должен был завершить текст шифровки,^[45] которую надлежало назавтра направить в территориальные органы КГБ.

В ближайшее воскресенье должна была состояться так называемая

«Акция демократических сил». На улицы советских городов готовились выйти сотни тысяч людей, чтобы на массовых митингах заявить свои требования к руководству страны. «Нет тоталитаризму и его насильственным акциям!», «Долой большевистскую партократию и ее карательно-репрессивные органы!», «Долой КГБ!», «Номенклатура, помни Румынию!» — с такими лозунгами демонстранты в Москве намеревались пройти по Садовому кольцу к Манежу, а в других городах заполнить плавные улицы и площади. Уже получившие некоторую известность лидеры «демократии» Афанасьев, Попов, Травкин, Пономарев, Чубайс и некоторые другие призывали в своем обращении к народу в двадцать часов повсеместно выключить на пять минут электричество и зажечь в домах свечи «в знак солидарности и единения».

ИНФОРМАЦИЯ: «В среде руководящих работников КПСС были догматики, которые считали, что надо «по Ленину жить» и душить всех экстремистов. Но в то же время появилась номенклатура, которая уже начала мечтать о доступе к ресурсам, о приватизации. Эти люди начинали мыслить рыночными категориями... Именно эта советская номенклатура, которая побежала к Ельцину, и создала предпосылки для идиотского капитализма, который у нас начал строиться... Правда, инструкций ни у кого не было. Ленин написал, как из капитализма в социализм переходить, а как обратно — из социализма в капитализм — никто ж не написал!.. Демократы представляли только как первые ходы сделать, а что дальше... Этого никто не знал»

*(В.В. Иваненко, заместитель начальника
Инспекторского управления КГБ СССР).*

Комитет госбезопасности получил накануне оперативную информацию о том, что планируемые манифестации, которые, как предполагалось, соберут громадные массы народа, могут быть использованы отдельными экстремистами для провокаций и массовых беспорядков. Факты превращения мирных демонстраций в крупные кровавые столкновения, увы, уже неоднократно имели место на территории нашей необъятной страны. Достаточно было вспомнить хотя бы февральские события 1990 года в Таджикистане. Кроме того, следовало учитывать, что среди множества людей обязательно окажутся

криминальные элементы, наркоманы, психически больные, которые среди накала политических страстей способны будут на любые формы агрессии.

То было время, когда люди, надеявшиеся на изменение жизни к лучшему, будто обезумев, орали во все горло: «Долой! Долой! Долой!» Кого долой? Что долой? Многие не понимали, да и не пытались понять. Для них это было вторичным. Всех захватило возбуждающее и радостное чувство безнаказанности, когда можно кричать, свистеть, махать кулаками, грозя кому-то, требуя чего-то. И никто не мог призвать их к порядку, а если бы попытался, то рисковал быть причисленным к "цепным псам тоталитарного режима».

ИНФОРМАЦИЯ: «Так называемое демократическое движение было активной разрушительной силой... В общем потоке «демократического движения» оказались силы, выступавшие с противоположенными взглядами на государственность, общественный строй, на мировоззренческие подходы в идеологии... Характерной особенностью так называемых демократических сил была их разрушительная деятельность...»

(В.А. Крючков, Председатель КГБ СССР. «На краю пропасти». Москва, 2003 год).

Расплодившиеся как саранча лжепророки, ораторы с лицами параноиков, истеричные дамочки, злобные, мрачные субъекта со взглядами, озабоченными только им самим понятными страстями, — вся эта шушера вертелась, зудела, подначивала, своими воплями втягивала людей в пучину массового психоза, превращая обычных граждан в беснующуюся толпу, способную на насилие и беспощадную расправу.

Все это было известно в КГБ, в том числе по результатам уже состоявшейся четвертого февраля в Москве «Массовой антикоммунистической акции». Предстоящая «акция» грозила быть более массовой и непредсказуемой, в связи с чем задачей органов госбезопасности было предотвращение сползания мирных демонстраций к беспорядкам, а также выявление среди манифестантов лиц, вынашивающих преступные намерения. Разумеется, речь не шла о разгоне или преследовании демонстрантов. «Карательно-репрессивные органы» на самом деле уже давно не были таковыми. В КГБ работали люди, которые сталкивались с такими же жизненными проблемами, как и все остальные

граждане Советского Союза. Разве что более объективно оценивающие обстановку и реально осознающие катастрофическую опасность грядущих социальных потрясений. Упредить развитие событий в направлении гражданской войны была их задача.

Именно поэтому Комитет так тщательно готовился к предстоящим митингам, а майор Орлов, которому руководством было поручено подготовить ориентировку для органов КГБ, так внимательно отнесся к составлению шифровки. Весь день сотрудники Инспекторского управления несли ему материалы, поступающие с мест и из других подразделений центрального аппарата, а он, сопоставляя их, старался выработать предложения, как действовать органам госбезопасности в этой непростой ситуации. Конечно, при этом рядом были и начальник отдела Лео Альфредович, и сосед Андрея по кабинету Семен Енокович Мартиросов, опытные чекисты, не раз бывавшие в критических ситуациях, когда надо искать и находить один-единственный правильный выход. Но и они испытывали трудности в определении того, как грамотно действовать чекистам перед лицом нарастающего социального недовольства, с одной стороны, а с другой — не допускать каких-либо провокаций, которые могли бы поставить органы госбезопасности вне закона.

Кузин постучал в дверь рабочего кабинета на третьем этаже громадного серого здания, выходящего окнами в сторону улицы Кирова, когда Орлов уже заканчивал работу над шифровкой. Кипа документов и прошитая рабочая тетрадь с черновиками лежали перед ним на столе, а он проворно стучал по клавишам миниатюрной клавиатуры «Бондвела» — уже освоенного им типа портативного компьютера с зеленоватым жидкокристаллическим монитором в крышке. Эти компьютеры поступили в Комитет всего пару лет назад, и Андрей, придя на работу в Инспекторское управление, сразу получил в свое пользование один из «Бондвелов». Именно с тех пор он стал работать на компьютере и все меньше и меньше использовать ручку или карандаш.

— Здравствуйте, Андрей Петрович! Я не рано? Мы договорились...

— Входите, входите! Я уже почти закончил работу. Здравствуйте! — Орлов пожал протянутую ему руку. — Давненько вы не давали о себе знать! Я уж думал: как там Кузин? Работает ли он в «Прогнозе»? Но товарищи — некоторых я время от времени вижу — говорят: работает. Даже стал старшим научным сотрудником. Поздравляю!

— С вашей помощью, Андрей Петрович! Только с вашего благословения!

— При чем тут я? Теперь вы сами там... Возник какой-нибудь вопрос?

— Да, Андрей Петрович! Я не хотел вас беспокоить, но...

Орлов прикрыл тетрадь, немного поманипулировал с компьютером, прежде чем выключить его, стал складывать документы в аккуратную стопку.

— Узнаю Андрея Петровича — во всем порядок! — широко улыбаясь, произнес Кузин. — Вы меня тоже приучили к порядку. Я вам очень благодарен.

— Ладно, Олег Юрьевич. Рассказывайте, с чем пришли.

— Вы знаете — я учусь в аспирантуре. В «Вышке».

Орлов кивнул, смотря усталыми тазами на своего бывшего сослуживца. «На вид он совсем не изменился. Так же хорошо одет, чисто выбрит, аккуратно пострижен. Дорогой галстук с зажимом...» — подумал Орлов.

— Так вот, — продолжал Кузин, — у меня уже была предзащита. Все в порядке. Теперь через месяц — защита. Уже и автореферат есть.

— Ну а я-то при чем? — без особого интереса спросил Орлов. — Я-то чем могу помочь?

— Так, Андрей Петрович, нужно ваше согласие.

— Мое? А зачем? При чем тут я?

Кузин немного стушевался, затем полез в дипломат, перебрал там какие-то бумаги и выудил наконец тонкую книжечку в голубой обложке. «Автореферат!» — догадался Андрей.

— Это мой реферат. Вот! — Кузин протянул книжечку Орлову.

Тот, взглянув на заголовок, удивленно поднял глаза:

— Олег Юрьевич, это же тема нашей научно-исследовательской работы!

— Ну да! А что? Хорошая тема. Я ее творчески развил, дополнил...

— Подождите, как «развил», «дополнил»? Вы же должны были по меньшей мере спросить у меня как у бывшего руководителя темы да получить согласие в «Прогнозе»!

— В «Прогнозе» я все получил. Там дали хороший отзыв на мою диссертацию.

— Дали отзыв?

— Да, Андрей Петрович! Я сделал все как надо. Я взял уже отработанную тему, довел ее и... Так все делают!

— Не знаю, как все... Оставляйте диссертацию. Я ее посмотрю. Особенно в плане того, как вы смогли «творчески развить» то, что сделали другие...

— Андрей Петрович, я прошу вас, не рубите меня. От этого зависит

мое будущее.

— Ладно. Пока разговоры бессмысленны. Оставляйте, я почитаю. Потом переговорим. — У Орлова проснулась уже забытая антипатия к Кузину. Он взял толстый пакет, встал из-за стола и положил его внутрь большого серого сейфа, в открытой дверце которого торчала связка ключей с металлической печатью. — Когда вам это... — Орлов сделал неопределенное движение рукой, — когда вам это нужно?

Кузин заискивающе заулыбался:

— Как говорится, еще вчера.

— Я должен что-то написать?

— Да. В произвольной форме. Что как бывший научный руководитель этой темы не имеете ничего против моей защиты!

— А зачем это нужно? По-моему, этого не требуется...

Кузин замялся, как бы раздумывая, говорить или не говорить Орлову о чем-то. Потом, видно решившись, все-таки сказал:

— Понимаете, Андрей Петрович, кто-то позвонил на кафедру и сообщил, что я использовал для своей диссертации чужую работу и что руководили этой работой вы...

— Ну и что?

— Вот мне и сказали, чтобы я получил от вас письменное согласие... Ну, вроде того, что, мол, не возражаете против представления на защиту моей диссертации.

— Хорошо. Договорились.

— Так я могу рассчитывать? — просящим тоном спросил Кузин.

— Давайте я сначала прочитаю, а потом решим. Позвоните мне... послезавтра.

— Ой, Андрей Петрович, это будет поздно. Можно, я позвоню вам завтра утром?

— Так что мне, читать вашу диссертацию всю ночь?

— Да что там читать, вы там все знаете! — выпалил Кузин и, поняв, что сказал лишнее, улыбнулся своей виноватой улыбкой. — Ведь тема вам известная. Вы же — самый крупный специалист...

— Слушайте, Олег Юрьевич, — поморщился Орлов от ничем не прикрытой лести, — хватит! Я устал. Договорились. Звоните мне завтра часов в двенадцать. Я вам дам ответ. А сейчас мне еще нужно тут кое-что закончить.

— Спасибо, Андрей Петрович! — Кузин отвесил поклон. — Я завтра позвоню. А вы никуда не уезжаете?

— Нет. Все! До завтра!

— До свидания.

Когда Кузин закрыл за собой дверь, Орлов почувствовал сильное облегчение. Прошло более двух лет, как он не видел Кузина, а тот остался все таким же прилипчивым, угодливо-льстивым и наглым. Когда таким людям что-либо нужно, они готовы переступить через любые правила приличия, поступиться собственным самолюбием, вызвать к себе жалость и даже сострадание. Такие люди, сами не умеющие что-либо создавать, привыкли паразитировать на результатах чужого труда, создавая видимость своей значимости. Прикрывая словесной шелухой скудость своего мышления, они, как правило, отличаются непреклонной настойчивостью в достижении своих целей. Их не останавливает даже то, что ради этого им самим надо иногда идти на унижение, ибо потом, достигнув желаемого, они с лихвой восполняют затраченные силы, никогда не испытывая ни малейшего чувства благодарности к тем, кто когда-то оказывал им помощь. Более того, они даже презирают тех, кто протянул им руку помощи, усматривая в этом слабость и глупость.

Ночь с 12 на 13 марта 1990 года.

Москва. Крылатское

Ночью Андрей снова, как несколько лет назад, сидел с опусом Кузина, негодуя от того, что должен тратить свое личное время на совершенно непродуктивное занятие. Конечно же, в диссертации Кузина не оказалось ни грамма его собственного творчества. Все было нагло переписано из научного отчета группы Орлова, из аналитических справок и меморандумов. Кузин попросту сдул все от начала до конца, не утруждая себя тем, чтобы хотя бы заменить некоторые фразы, «разбавить» их своими рассуждениями или, наконец, исправить ошибки, допущенные в исследовательской работе.

Сначала Орлов пытался делать карандашные пометки на полях, потом стал выписывать на отдельном листке свои замечания, но, прочитав страниц десять, понял, что все это бессмысленно. Пред ним была не работа самостоятельного ученого, а текст, «содранный» с материалов, подготовленных другими людьми, в том числе самим Андреем. «Вот паразит! — возмущался про себя Орлов. — Ничему за два года не научился. Даже тот урок не пошел ему впрок!»

— Андрюша, ты с кем тут разговариваешь? — Оля положила руки на плечи мужа. — Ты знаешь, сколько времени? Уже третий час ночи!

— Да! Надо ложиться. Завтра тяжелый день. А читать это я больше не могу! — Андрей брезгливо оттолкнул от себя толстую пачку машинописного текста.

— Что, работа дополнительная? — с сочувствием спросила жена.

— Да, дополнительная. Ты знаешь, кто ко мне сегодня приходил?

— ???

— Кузин Олег Юрьевич. Помнишь? Он работал у меня в лаборатории.

— Как же! Прекрасно помню. И ту ночь, Когда ты за него все сделал, потому что его, кажется, выгоняли с работы.

— Нет, не так! Но все равно — редкий бездельник.

— Опять что-нибудь тебя просит сделать?

— Вот, диссертацию написал!

— Сам?

— Да уж, сам! Сдул все с нашей темы! А теперь просит, чтобы я дал свое согласие на защиту.

— Вот проходимец! И ты согласишься?

— Оля, ну что же теперь — мешать ему?

— Ну, если этот человек сам не может ничего сделать, почему он должен жить за счет других?

Было видно, что жена не на шутку рассердилась. Рассердилась на то, что какой-то Кузин вынуждает мужа сидеть за его бумагами даже глубокой ночью, делая из него усталого и раздраженного человека, наконец, на то, что он, этот Кузин, отнимает даже то небольшое время, которое у них остается для общения и любви. Стройная, с пышной прической темно-каштановых волос, в тонкой ночной рубашке с изящными кружевами, раскрасневшаяся от негодования, она выглядела прекрасно. Может быть, уже в тысячный раз Андрей подумал о том, какой он счастливый человек, что встретил когда-то эту чудесную женщину, что не ошибся тогда, в далеком семьдесят седьмом, что чувство не обмануло его и она оказалась действительно той самой половинкой, которую некоторые ищут всю жизнь, да так и не могут найти.

Познакомились они с Ольгой в необычных обстоятельствах. Дело было в громадной клинической больнице, расположенной на Измайловском бульваре. Ухудшающееся здоровье Нины Васильевны, мамы Андрея, перенесшей почти двадцать лет назад тяжелую операцию на сердце, снова привело ее на больничную койку. Несмотря на то, что болела тяжело, с приступами удушья, переносила она все это поистине героически: никогда не ныла, не плакала, не просила о помощи. Единственное, наверное, в чем она не могла себе отказать, так это как можно чаще видеть близких.

Поэтому Андрей с отцом каждый день навещали ее в маленькой четырехместной палате кардиологического отделения.

Как всегда, в больнице не хватало нянечек для ухода за тяжелыми больными, а мама была как раз такой больной. Ей надо было подать лекарство, воду, отвести ее в туалет, который находился в конце длинного больничного коридора, сплошь уставленного кроватями. Мест не хватало, и если больной лежал в палате, это было уже большой удачей.

В палате вместе с мамой лежали две пожилые женщины и миловидная, хрупкая девушка, кровать которой располагалась ближе к окну рядом с маминной. Андрей сразу обратил внимание на беззащитную фигурку в длинном голубом халатике, подчеркивающим ее стройность и гибкость. Девушка сидела на кровати, время от времени читала какой-то журнал. Ее часто навещали молодая женщина с тонкими чертами лица — ее сестра да темноволосый врач, приходящийся ей каким-то родственником.

Как плохо мама ни чувствовала себя, но то, что нужно, она замечала. Как-то раз Нина Васильевна тихо прошептала на ухо сыну:

— Обрати внимание на девочку у окна. Мне кажется, очень симпатичная. И характер у нее неунывающий. Зовут ее Оля.

Андрей улыбнулся, перевел взгляд на незнакомку, листавшую журнал, затем снова на маму и так же тихо ответил:

— Мам, а я уже обратил внимание.

— Ну и хорошо, сынуля, — Нина Васильевна нежно пощадил его по волосам. — Я очень хотела бы, чтобы ты был не один.

Олин голос вернул его в настоящее:

— Ну и что ты будешь теперь делать? Этот твой Кузин привык жить на готовеньком. А такие, как ты, создают условия всем этим кузиным, чтоб они думали, что все можно в жизни взять задаром!

— Оля, ну зачем я буду ввязываться во все это? Ну передрал он все! Что, теперь идти и всем кричать: «Кузин — вор! Держите его!»?

— Не надо кричать, но и не надо их поддерживать...

— Ладно, Оля. Давай будем спать. Я ничего писать ему не буду. Как хочет, пусть выкручивается!

— Ну и правильно! — Оля обхватила шею Андрея, прижалась к нему, потом, ловко повернувшись, села ему на колени. — Хватит об этом Кузине! Все Кузин и Кузин! — с шутливой обидой сказала жена. — А меня совсем забыл! То командировки, то работа! Нельзя так! — Она снова улыбнулась и погрозила ему пальчиком. Андрей прижал ее к себе, затем встал, поднял на руки, нежно поцеловал.

— Черт с ним, с этим Кузиным!

13 марта 1990 года.

Москва. Площадь Дзержинского.

Здание КГБ СССР. Кабинет № 420

— Андрей Петрович, здравствуйте! Это Кузин. Я звоню, как договорились.

— Привет, Олег Юрьевич! Я прочитал вашу диссертацию.

— Ну и как?

— Что «как»? Как было, так и есть. Чистой воды плагиат!

— Ну, Андрей Петрович! Какой же это плагиат! Там многое добавлено, я дополнил...

— В общем, Олег Юрьевич, я ничего писать не буду! Хотите — представляйте ее на защиту, хотите... Делайте так, как считаете нужным!

— Андрей Петрович...

— Сразу говорю, я не собираюсь вам мешать. Никуда звонить не буду. В этом можете быть спокойны.

— Андрей Петрович, может быть, все-таки...

— Не надо, Олег Юрьевич! Мы с вами оба понимаем, в чем дело! Два года назад, вы помните...

— Андрей Петрович, я все помню и очень вам благодарен!

— Но, видно, урок не пошел вам впрок! Можете зайти и забрать диссертацию. Меня, к сожалению, после обеда не будет. Но здесь в кабинете со мной Семен Енокович. Вы же его знаете. Он отдаст.

— Андрей Петрович, может быть, все-таки... А если... я вас отблагодарю?

— Олег Юрьевич, не говорите глупостей! А то я передумаю и все-таки напишу бумагу в «Вышку»! Но не такую, как вы просите!

— Я понял! Все!

— Все. До свидания. Желаю успеха! — И Орлов положил трубку.

Когда майор Орлов вернулся из Секретариата, располагавшегося в новом здании Комитета рядом с «Детским миром», он застал Семена Еноковича за странным занятием. Буквально весь рабочий стол его был завален какими-то документами, раскрытыми книгами и тетрадями. Часть из них, видимо, не умещалась на столе, и он разложил некоторые материалы на примыкавшем к нему столе Андрея, на двух стульях и даже на подоконнике.

— Семен Енокович, что это тут у вас? Прямо дым коромыслом!

— Да поручение одно выполняю, — как-то небрежно произнес он.

Но по выражению лица коллеги Орлов видел, что происходит нечто неординарное. Импульсивный Семен Енокович, как истинный армянин обладающий ярко выраженным кавказским темпераментом, не мог скрыть своего возбуждения. Да и поручение, видно, было необычным. Андрей, порывавшийся было расспросить его поподробнее, сдержался, будучи уверенным, что тот сам не утерпит и расскажет, что произошло. Так оно и вышло.

— Ты только никому не говори, Андрюша, — предупредил для начала Семен Енокович. — Пока. Поручили мне, понимаешь, очень интересную вещь. Скажу тебе, для юриста это... Ну, в плане законотворчества и... В общем, я тебе скажу...

Андрею передалось его волнение и какое-то возбужденное нетерпение. Человек одержимый и очень самолюбивый, Семен Енокович с готовностью брался за выполнение даже самого трудного поручения, считая, что может справиться с любым и тем самым доказать другим свое превосходство. Но в этом стремлении никогда не чувствовалось попытки унизить или уязвить кого бы то ни было. Как каждый деятельный человек, в достижении результата при выполнении сложной задачи он усматривал одну из форм самореализации, достижения авторитета и уважения.

— Мне поручили (только ты никому пока не говори!), — понизив голос, произнес Семен Енокович, — подготовить концепцию закона об органах государственной безопасности! Ты понимаешь, какое это дело! Это — великое дело! Наше Положение о Комитете, совсекретное, оно ведь устарело.^[46] Утверждено было еще в пятьдесят девятом году. А сейчас надо — закон. Перестройка идет, все меняется. В общем, надо закон делать. Только пока никому! Это поручение Политбюро!^[47] Виктор Иванович Алексеев тоже участвует... Ты его знаешь. Вот такие дела. Так что мы...

Тогда, действительно, еще мало кто догадывался, что через некоторое время появится Закон об органах государственной безопасности, который введет деятельность КГБ «в правовое поле». Но неумолимый ход событий не снимет накала страстей в обществе и не спасет чекистов от дальнейших нападков со стороны «демократов». И все же в конце мая глава КГБ СССР В.А. Крючков еще достаточно уверенно смотрел в будущее.

ИНТЕРВЬЮ: «...Вопрос: Владимир Александрович, 16 мая был принят и вот недавно опубликован, вступил в силу Закон об органах государственной безопасности в СССР...^[48] Образно

говоря, КГБ теперь в законе... Какое, на ваш взгляд, значение будет иметь принятый закон?

Ответ:...Когда законы молчат, тогда в деятельности правоохранительных органов возникает опасность проявлений субъективизма, вплоть до произвола. К чему все это ведет, мы исторически хорошо знаем. Закон же должен стать барьером, надежным гарантом от возможности повторения трагических страниц прошлого, тень которого, хотим мы того или нет, падает совершенно незаслуженно на новое поколение наших сотрудников.

Вопрос: Чем вызвано создание КГБ РСФСР? Что вы можете сказать о протоколе по этому вопросу, подписанном вами и Б.Н. Ельциным?

Ответ: Отсутствие КГБ РСФСР не соответствовало системе федеративного устройства нашего государства, и в новых условиях его создание отвечает объективным потребностям нашего общества.

Мы позитивно относимся к созданию КГБ РСФСР. По уполномочию Президента мною обговорены с Б.Н. Ельциным многие вопросы, связанные с механизмом реализации решений Съезда народных депутатов РСФСР в этой области. В настоящее время идет структурное оформление комитета России. Подписан протокол, которым предусматривается создание специальной комиссии по решению ряда организационных вопросов (структура, задачи, размещение и т. д.).

Имеется принципиальная договоренность о разграничении полномочий между КГБ СССР и КГБ РСФСР, которое вписывается в универсальную схему, закрепленную в Законе об органах государственной безопасности в СССР...»

(В.А. Крючков, Председатель КГБ СССР. «Правда», 29 мая 1991 года).

ИНФОРМАЦИЯ: «Крючков — слабый человек. Он сыграл трагическую роль в судьбе органов КГБ. Получив, видимо, некие указания от Горбачева, он не противился созданию КГБ РСФСР... Каждая республика имеет свои органы госбезопасности. Поэтому и Россия должна их иметь... Но я никогда на это не пошел бы потому, что я понимал, что это приведет к уничтожению органов

КГБ — станового хребта государства... Решающую роль сыграли идеи департизации...^[49]»

(Е.М. Войко, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР).

ИНФОРМАЦИЯ: «Конечно, Ельцин хотел иметь опору на органы госбезопасности, но именно на СВОЙ Комитет госбезопасности... Но при этом у Крючкова была мысль, что на должность руководителя Российского КГБ он сможет посадить своего человека. Да, это будет как бы самостоятельный орган, но фактически — подразделение КГБ СССР...»

(С.С. Дворянкин, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР).

Семен Енокович впервые за все время разговора оторвался от разложенных бумаг, посмотрел на Андрея и, округлив глаза и подняв брови, добавил:

— Ты понимаешь, что будет, дорогой Андрей Петрович! Мы с тобой... — Он сделал какой-то странный жест рукой, как будто ввинчивал в свисающий плафон электрическую лампочку. Наверное, это должно было символизировать предстоящий взлет карьеры или что-то в этом роде.

— Семен Енокович, а за диссертацией приходили?

— Кузин, что ли? Да, был. Забрал. Слушай, какой проныра этот твой Кузин! Подлец, слушай, большой! С такими людьми... Ты знаешь, чего он мне предложил? Говорит: «Дайте мне отзыв на диссертацию», а сам сует какой-то листок. Я спрашиваю: «Это что?», а он говорит: «Отзыв». Я говорю: «Какой отзыв? Я же его еще не писал. Я даже диссертацию твою не читал!» А он говорит мне, ты представляешь: «А вам и читать не надо! Я все тут написал». Какой подлец, слушай! Что предлагал мне! Говорит: «Если вы мне подпишете, я вам помогу «Волгу» новую купить вне очереди!» А, каков! Я, конечно, выгнал его. Слушай, а как он узнал, что я машину менять хочу, а? Ну, подлец! Ты что, ему отзыв дал?

— Нет. Я послал его куда подальше.

— Правильно сделал. И вообще, как такие, слушай, в Комитете работают? Почему их не выгоняют?

— Может, выгонят еще.

— Да, чтоб воздух здесь не портили. А вообще, я скажу тебе, Андрей

Петрович, это страшный человек! От таких надо подальше. Он еще покажет себя. Попомни мои слова!

— Вы преувеличиваете, Семен Енокович!

— Нет, дорогой. Ты еще вспомнишь мои слова.

Глава 3

КГБ России: обратный отсчет

19 августа 1991 года, утро.

Москва. Крылатское

Прохладная водяная струя, бьющая из душа, приятно покалывала кожу, освежала и бодрила. После ночного сна это давало дополнительный заряд энергии и настраивало на активный лад. Был понедельник, и впереди у Андрея ожидалась напряженная неделя. Впрочем, наверное, не менее напряженная, чем предыдущие.

Последние месяцы Орлов работал почти без выходных, и вчерашнее воскресенье, которое он провел дома, было приятным исключением из правила. Вчера вечером была чудесная погода, удивительно тихий августовский вечер, и они с женой и детьми с удовольствием погуляли по Крылатским холмам, любуясь великолепием открывающейся картины: залитой ярким солнечным светом столицей, которая отсюда была видна как на ладони, буйной, не потерявшей еще своей летней свежести зеленью, причудливым пейзажем холмов и горок, между которыми змеилась олимпийская велодорожка.

Сквозь плеск воды Андрей слышал привычное движение за дверью. Оля тоже встала и приступила к своим каждодневным хлопотам на кухне. Оттуда едва доносились звуки музыки — жена не любила заниматься домашними делами в тишине. Послушаешь радиопостановку, какой-нибудь концерт, новости, наконец, — и работа вроде спорится, и время за готовкой пищи и мойкой посуды проходит быстрее.

Интенсивно растирая себе спину мочалкой, Андрей услышал какое-то однообразное бормотание — видно, диктор читал последние известия. И тут в дверь ванной комнаты раздался сильный стук:

— Андрей! Андрей! Открой скорее! Передают по радио!

— Да что там передают такое? Я уже почти закончил, сейчас выхожу! — прокричал Андрей, понимая, что жена хочет привлечь его внимание к какой-то показавшейся важной новости. Держась за стенку, он изловчился и повернул ручку защелки, затем снова встал за шторку, отгораживающую пространство над ванной. Оля тут же приоткрыла дверь.

Сразу потянуло прохладным воздухом.

— Что там, Оль?

— Андрюш, по-моему, Горбачева сняли. В общем, «заболел» или что-то такое... Слушай сам, я прибавлю звук!

Андрей тем временем выключил душ. Из приемника на кухне доносился необычно серьезный голос диктора: — «...руководствуясь жизненно важными интересами народов нашей Родины, всех советских людей, заявляем: Первое. В соответствии со статьей сто двадцать семь, часть третья, Конституции СССР и статьей два Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и идя навстречу требованиям широких слоев населения о необходимости принятия самых решительных мер по предотвращению сползания общества к общенациональной катастрофе, обеспечения законности и порядка, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок шесть месяцев с четырех часов по московскому времени девятнадцатого августа 1991 года...»

Когда Андрей вышел из ванной комнаты, диктор уже заканчивал читать «Заявление Советского руководства», подписанное вице-президентом Янаевым, премьер-министром Павловым и первым заместителем председателя Совета обороны Баклановым. Почти в каждом предложении звучала непривычная для уха аббревиатура «ГКЧП^[50]». Это, доселе неведомое, слово резало слух, принося с собой тревогу и неуверенность.

ДОКУМЕНТ: «В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей Президента СССР на основании статьи 127.7 Конституции СССР вступил в исполнение обязанностей Президента СССР с 19 августа 1991 года.

Вице-президент СССР Г.И. Янаев.

18 августа 1991 года»

(Указ вице-президента СССР Г.И. Янаева. 18 августа 1991 года).

— Оля, что-то мне не верится, что у Горбачева так резко ухудшилось здоровье! Такой шустрый был все время! Мне кажется, это что-то другое. Может быть, даже военный переворот.

— Да вот и я думаю, еще ж недавно по телевизору показывали, как он с Бушем встречался... Не мог он так быстро заболеть! А может, его... —

Оля сделала недвусмысленный жест рукой, как будто провела ножом по горлу.

— Ты что? — Андрей испуганно посмотрел на жену. — Мне надо срочно ехать на работу! Там разберемся. Но чувствую, что все это очень серьезно.

— Давай позавтракай, я уже чай вскипятила...

— Нет, нет, Оля, не могу! Надо срочно ехать. Иваненко, наверное, уже там! Сумку мою дай... «тревожный чемодан»!

Андрей рванулся к телефону. Последовательно набрал несколько номеров и односложно переговорил с несколькими абонентами. При этом разговор был предельно коротким. Последнему он позвонил Славе Бабусенко, начальнику Отдела правительственной связи, совсем недавно влившемуся в состав Российского комитета.

— Алло, Слава? Ты где?

— Дома пока.

— Понятно. Ты радио слышал?

— Да.

— Срочно надо на работу.

— Выезжаю, — не задавая лишних вопросов, ответил Слава.

— Правда выезжаешь?

Вопрос Орлова озадачил Бабусенко. Он в свою очередь спросил его:

— А что, у меня есть какие-то другие варианты?

— Нет, — как-то странно, будто задумавшись, ответил Андрей. — Просто некоторые сомневаются...

Андрей быстро оделся, сделал несколько глотков горячего, только что заваренного чая и, крикнув детям: «Ребята, пока!» — быстро пошел к двери.

— Взял бы хоть пару бутербродиков с собой. Там поешь!

— Там неизвестно, что творится... Поем, не беспокойся!

Жена проводила Андрея до лифта. Перед тем как сесть в него, он привлек ее к себе, обнял, поцеловал в шею.

— Не волнуйся, все будет в порядке! Я позвоню!

Последние слова заглушил стук смыкающихся дверей. Андрей посмотрел на часы. Они показывали семь пятнадцать. Уже набирал обороты день девятнадцатое августа, ставший переломным событием не только в жизни майора Орлова, но и в жизни всех людей громадной страны, простирающейся на два континента. Начался обратный отсчет времени, отпущенного для спасения страны от хаоса и катастрофы.

ДОКУМЕНТ: «Соотечественники! Граждане Советского Союза! В тяжкий, критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся мы к вам! Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность! Начатая по инициативе М.С. Горбачева политика реформ, задуманная как средство обеспечения динамичного развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик. На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Власть на всех уровнях потеряла доверие населения...

Воспользовавшись предоставленными свободами, попирая только что появившиеся ростки демократии, возникли экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства и захват власти любой ценой...

Страна погружается в пучину насилия и беззакония...

Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР полностью отдает себе отчет в глубине поразившего нашу страну кризиса, он принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен решимости принять самые серьезные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса...

Призываем всех граждан Советского Союза осознать свой долг перед Родиной и оказать всемерную поддержку Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР, усилиям по выводу страны из кризиса...» (*«Обращение к советскому народу» Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР. 19 августа 1991 года*).

19 августа 1991 года, утро.

Москва. Метро. Филевская линия

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция «Кутузовская», — с дребезжанием объявил магнитофонный голос, двери с привычным грохотом захлопнулись, и поезд тронулся с места.

Андрей стоял у двери, облокотившись на боковую стойку сиденья, хотя это было не очень удобно. На Филевской линии метро, которая большую часть пути проходила на поверхности, платформа была то с правой, то с левой стороны, и стоять у дверей не мешая проходу практически не

получалось. Но в это довольно раннее время пассажиров было еще немного, все заходили в вагон и выходили из него не спеша и не толкаясь. Последние дни лета еще продолжали дарить москвичам тепло и солнце, радость отпускного отдыха и дачного сезона, возможность облачаться в легкие рубашки и платья. На станциях «Пионерская» и «Филевский парк» в открытые двери врывались запахи леса и трав, создавая иллюзию, что вы едете не по Москве, а среди березовых рощ и хвойных лесов, зарослей кустарников и заливных лугов.

Среди пассажиров не чувствовалось никакого волнения, вызванного происходящими событиями. Они, как обычно, расселись по сиденьям, и каждый занялся своим «делом» — кто смотрел на мелькающие за окном пейзажи, кто читал журнал или книгу, кто просто дремал под стук колес, покачивая в такт головой. Несколько рабочих в спецовках, похоже, возвращались домой после ночной смены. Старушка с большой плетеной корзиной, заботливо покрытой марлей, везла на рынок нехитрый урожай со своего дачного участка. Подполковник-танкист, одетый в полевую форму и держащий в руке дипломат, наверное, ехал в свою академию, чтобы затем отправиться на командно-штабные учения. В вагоне почти не было видно школьников и студентов, которые во все остальные сезоны года составляли чуть ли не половину всех пассажиров.

«Может быть, они ничего не знают?» — подумал Андрей. Но как бы в опровержение этого предположения один из сидящих рядом рабочих, продолжая, видимо, начатый ранее разговор, громко сказал, обращаясь к своему товарищу:

— Правильно! Этого Горбача давно надо было... Болтает все! Перестройку эту затеял!

Тот, к которому он обращался, только кивнул головой, соглашаясь со своим соседом. Третий, до того безучастно смотревший в окно, тоже поддержал товарища:

— А-а! Какая перестройка!

Чувствовалось, что они были слегка в подпитии. Видно, в конце смены приняли где-то по стакану и теперь ехали по домам.

— Слышь, Михалыч! Про перестройку-то знаешь?

— Чего?

— Анекдот такой. Сначала — перестройка, потом — перестрелка, а затем — прекличка! Понял?

— Так чё сейчас, перестрелка, что ли, будет?

— Может, и перестрелка, кто его знает. Раз чрезвычайное положение, то скоро в Москве войска будут. Вот тебе и перестрелка!

— Ельцин их не пустит! — сказал Михалыч. — Он знаешь, какой крутой мужик!

— Крутой! А у них, у этих, как их...

— ГКЧП! — подсказал другой.

— Да, ГКЧП! У них-то и КГБ, и МВД, и спецназы всякие! Это тебе не фунт изюма! А у демократов чего? Одна болтовня!

Пассажиры вагона, до того как-то совершенно безучастно слушавшие полупьяную трепотню, теперь внимали говорившим. Даже дремлющий пожилой мужчина проснулся и стал с интересом прислушиваться к их болтовне. Потом, улучив момент, когда работяги, наверное уже выложив все, замолчали, веско сказал:

— Мужики! У Ельцина тоже кое-что есть. Не сомневайтесь! У него даже своя милиция есть! Да что милиция! Свой КГБ есть!

— Ну это ты, дядя хватил! КГБ у нас один. Тот, который Крючков возглавляет. А он, между прочим, член этого самого... ГК... ГКЧП! Радио слушать надо! Понял?

Слушая попутчиков, Андрей горько усмехнулся: «Похоже, они не менее осведомлены, чем мы, кадровые сотрудники органов госбезопасности. Правда, об этом ГКЧП никто ничего не слышал до сегодняшнего утра». Это действительно было так. То ли решения готовились в исключительной тайне и в них не посвящались даже руководители высшего звена, то ли не срабатывали какие-то механизмы передачи указаний и распоряжений. Но факт остается фактом: ГКЧП свалился как снег на голову практически всем сотрудникам органов госбезопасности. Да и не только им, а всему населению СССР.

ИНФОРМАЦИЯ: «Меня терзала мучительная мысль:... Почему мне никто не сообщил о принятых важнейших решениях в жизни страны, затрагивающих задачи обеспечения государственной безопасности... Почему я, председатель КГБ республики, член коллегии КГБ СССР, оказался поставлен в такую ситуацию, что лишен всякой информации о событиях в Москве? Мне не доверяет Центр или происходит что-то сверхнеожиданное?... Телефонные аппараты всех видов связи молчали... Офицеры приемной председателя КГБ СССР соединить меня по ВЧ-связи с Крючковым отказались, мотивируя это тем, что он проводит совещание...»

(Н.М. Голушко, Председатель КГБ Украины. «В

спецслужбах трех государств». Москва, 2009 год).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Дней за двадцать до ГКЧП Владимир Александрович Крючков собрал руководящий состав центрального аппарата КГБ СССР по обсуждению оперативной ситуации в стране. Из зала задали вопрос:

— Товарищ генерал армии, как вы думаете, сумеет КПСС удержать власть?

— Неужели у вас есть сомнения?...Запомните все: на ближайшие двадцать лет я не вижу никакой силы, способной изменить политическую ситуацию в стране.

Какая повязка была у Председателя КГБ на глазах? Или велась игра? Но почему тогда он не доверял людям, с которыми трудился бок о бок? Не повел за собой?»

(С.Н. Алмазов, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР. «Налоговая полиция: создать и действовать». Москва, 2000 год).

На «Кутузовской» работяги вышли из вагона. Наверное, они все-таки ехали не по домам. Может быть, в общежитие, может быть, в пивбар попить пивка, а может, куда еще. Они ушли, а слова, прозвучавшие в ходе затеянного ими разговора, повисли в воздухе, сея тревогу и сомнение в душах людей.

ИНФОРМАЦИЯ: «Судьба страны решалась в Москве. Это был верхушечный переворот. А с верхушечным переворотом можно было бы бороться, если бы была воля и хоть какая-нибудь стратегия... Но ведь у них не было ничего! Понятно, что они не хотели кровопролития, но рассчитывали, что под страхом демократы сдадут свои позиции... Они ошиблись, потому что оппозиция чувствовала свою силу и поддержку населения... Как можно такое объявлять, как можно народ оповещать, что создан орган, который будет руководить всеми процессами, Когда ничего этого не было! Что можно сделать серьезного, если страх овладел ими самими... Я считаю, объявление ГКЧП — это ошибочное решение...»

(С.Е. Мартиросов, старший инспектор

Инспекторского управления КГБ СССР).

Орлов, слушая все эти разглагольствования, только сейчас отчетливо понял, какая опасность таилась в происходящем для него самого. Ведь он являлся сотрудником возникшего всего около трех месяцев назад Комитета государственной безопасности РСФСР. Не прав был один из работяг. К этому времени в нашей стране было уже два КГБ: союзный, который возглавлял генерал армии В.А. Крючков, основной участник ГКЧП, и российский, председателем которого был генерал-майор В.В. Иваненко, подчинявшийся, помимо Крючкова, Президенту России.

За окном мелькали товарные и пассажирские составы, стоящие на подъездных путях к Киевскому вокзалу, бетонные заборы, хозяйственные постройки, какие-то сооружения, относящиеся к путевому хозяйству. Ведь здесь к линии метро вплотную примыкали пути Киевской железной дороги. Если бы не зеленые пятна кустов и деревьев, все выглядело бы очень неприглядно и бесцветно, производило впечатление хаотического нагромождения самых разных предметов, составляющих неперенные атрибуты всякой железной дороги.

Андрей смотрел на это мельтешение, как будто пытался уловить какую-то закономерность в этом хаосе, усмотреть в беспорядке логику организации транспортных потоков одного из самых крупных вокзалов столичного города. Он смотрел на все это, а у него перед глазами проносились события минувшего года, круто повернувшие жизнь старшего инспектора Инспекторского управления КГБ СССР майора Орлова и заставляющие его теперь тревожиться не только о будущем своей страны, но и о своей собственной судьбе.

Орлову казалось, что после той памятной командировки в Душанбе зимой девяностого года прошла целая вечность. За это время страну трясло, словно она разваливалась на куски. Рушилось и рассыпалось в прах то, что доселе казалось незыблемым, несокрушимым. Многотысячные митинги на улицах и площадях советских городов, шахтерские забастовки, массовые беспорядки и столкновения на национальной почве в Закавказье и Средней Азии, штурм советскими войсками Вильнюсского телецентра, «парад суверенитетов» союзных республик, развал Варшавского Договора^[51] и СЭВа,^[52] объединение Германии, съезды народных депутатов, полную трансляцию которых смотрела вся страна, введение постов и избрание президентов Союза и республик, мэров городов. Но это было лишь прелюдией к все возрастающему противоборству, а если точнее сказать, к смертельной схватке между Горбачевым и Ельциным.

За первым стояли годы перестройки, когда вместо желанного для всех обновления жизни наступила форменная вакханалия, усилилось неверие людей во власть и ее способность вывести страну, как тогда говорили, из «исторического тупика», когда разочарование стало все больше и больше уступать место озлобленности и ненависти. За вторым была надежда на обретение новых ориентиров в жизни, открывающих путь к «утраченным ценностям», богатству и свободе, призрачная надежда на то, что, отказавшись от прошлого, можно сразу шагнуть в очередное светлое будущее, теперь уже капиталистическое.

ИНФОРМАЦИЯ: «Мы видели, что творится, мы понимали, что совершено предательство. Более того, в отношении Михаила Сергеевича Горбачева у меня лично еще в конце 1988 года сформировалось твердое убеждение, что он — предатель, что он предает интересы нашей державы, что он ведет Союз к развалу... Мне тогда на стол ложились серьезные оперативные материалы, и я знал, что действительно происходит в стране...»

(Е.М. Войко, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР).

ИНФОРМАЦИЯ: «...Горбачев ходил по канату между реформаторами, которых когда-то сам привел к власти, и коммунистами, сторонниками жесткой линии, убежденными, что он был ответственным за крушение старого порядка в Восточной Европе и сокращение своей собственной власти. Советский лидер уже давно утратил контроль над темпами перемен, и его перестройка выглядела устаревшей и малопривлекательной даже в глазах многих его сторонников»

(М. Бирден, руководитель отдела ЦРУ США. «Главный противник». Москва, 2004 год).

ИНФОРМАЦИЯ: «Когда началась перестройка, большинство сотрудников органов КГБ восприняли ее с воодушевлением... У меня был настрой на демократическую работу органов госбезопасности, чтобы не было галочек-палочек для отчетности, чтобы не было показухи... У меня был тогда девиз: «За свободный труд свободного оперработника!» Чтобы к

нему стали относиться с большим доверием. Поэтому я делал выбор в пользу демократии...»

(В. Б. Ямпольский, председатель КГБ Чувашии).

Бескомпромиссная борьба между слабеющим союзным руководством и набирающим силу, поддерживаемым большинством народа руководством России привела к тому, что постепенно центр власти в стране стал перемещаться из Кремля в Белый дом. Ну и конечно же, новая власть, озабоченная обеспечением суверенитета России, не могла обойтись без собственной службы государственной безопасности. Можно считать это парадоксом, но в системе КГБ до сих пор существовали территориальные органы во всех союзных республиках, кроме РСФСР. Все краевые и областные управления госбезопасности подчинялись непосредственно КГБ СССР, во главе которого стоял член Политбюро ЦК КПСС В. А. Крючков, и естественно, Б.Н. Ельцин, последовательно «отбирающий» одно за другим властные полномочия от ненавистного ему «союзного центра», не мог не прийти к реализации идеи создания Российского КГБ.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Я тогда был заместителем начальника Центра общественных связей Управления КГБ по Москве и Московской области. Мы знали, что формируется Российский комитет, и воспринимали это нормально. Правда, у нас, в Московском управлении, говорили, что на НАШЕЙ базе будут создавать КГБ России. Раз наш начальник Прилуков является зампредом КГБ, то в конечном итоге именно наше Московское управление станет КГБ РСФСР. А зачем создавать что-то еще? Есть центральный аппарат КГБ СССР и самое крупное управление. Вполне логично. Мы тогда только об этом и говорили...»

(А.В. Олигов, начальник Отдела общественных связей КГБ России).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Я думаю, что установка образовать самостоятельное подразделение правительственной связи в рамках КГБ РСФСР принадлежит Ельцину. Он понимал, что это — инструмент управления... У нас же некоторые руководители, ортодоксально настроенные в вопросе

формирования новых структур КГБ... опасаящиеся, что появится альтернативная структура, да, не дай бог, эффективная, активно сопротивлялись созданию нового подразделения...

Меня пригласил начальник Управления правительственной связи Беда и сказал, что я должен буду возглавить Отдел правительственной связи КГБ РСФСР. «Я надеюсь, что вы будете патриотом нашего управления и будете проводить наши интересы». Я ответил, что не вижу никакого антагонизма... Тогда я еще не понимал о чем идет речь... Они чувствовали, что Советский Союз рано или поздно погибнет... а развивающееся подразделение правительственной связи КГБ России фактически заменит Управление правительственной связи КГБ СССР...

Я военный человек. Мне сказали: «Надо!» — и я пошел. Так я стал начальником Отдела правительственной связи КГБ РСФСР»

(В.Н. Бабусенко, начальник Отдела правительственной связи КГБ России).

Работая в Инспекторском управлении, Орлов, разумеется, знал, какие острые баталии развернулись по поводу образования новой структуры безопасности. Он знал также и то, что «демократы», лихорадочно подбирающие кандидатуру на должность ее руководителя, остановили свой выбор на генерал-майоре Иваненко, заместителе начальника Инспекторского управления КГБ СССР.

ДОКУМЕНТ: «Тов. Иваненко Виктор Валентинович... генерал-майор — 15.04.91 г...

Число, месяц и год рождения — 19.09.1947.

Место рождения — дер. Кольцовка Ишимского района Тюменской области. Национальность — русский. Образование — высшее. Окончил (когда, что) — в 1970 году Тюменский индустриальный институт. Специальность по образованию — автоматика и телемеханика...

Имеет ли партийные взыскания — не имеет.

Какими орденами и медалями СССР награжден — орден Красной Звезды — 1985 г., 5 медалей.

Семейное положение — женат, жена Иваненко Людмила Ивановна 1946 г.р., дочь — Светлана 1968 г.р., дочь — Марина

1971 г.р., дочь — Надежда 1982 г.р.

Трудовая деятельность и военная служба...

1990–1991 — заместитель начальника Инспекторского управления КГБ СССР.

1991–1991 — прикомандирован к Государственному комитету РСФСР по обороне и безопасности.

1991–1991 — первый заместитель председателя Комитета государственной безопасности РСФСР с возложением исполнения обязанностей председателя КГБ РСФСР...»

(Кадровая справка формы № 3 на В. В. Иваненко).

Андрей не мог похвастаться приятельскими отношениями с Виктором Валентиновичем. Во-первых, они были в разных «весовых категориях»: один — старший инспектор в звании майора, другой, можно сказать, его начальник в звании генерал-майора, правда назначенный на свою должность совсем недавно. Во-вторых, Андрею почти не довелось близко контактировать с Иваненко. Тот курировал территориальные органы, а Орлов занимался анализом оперативной и социально-политической обстановки и подготовкой обобщающих документов по отдельным проблемам. Впрочем, однажды, когда Андрей готовил очередную шифровку об оперативной обстановке накануне какого-то массового митинга, им пришлось неоднократно общаться. Наверное, именно тогда Иваненко обратил внимание на вдумчивого и добросовестного сотрудника, у которого неплохо получалось готовить серьезные документы, которые периодически ложились на стол Председателя КГБ СССР. Потом при встречах Андрей не раз ловил на себе одобрительный и, как казалось ему, изучающий взгляд Иваненко.

«Когда он первый раз заговорил со мной о Российском комитете? — пытался вспомнить Андрей. — Наверное, это было где-то в начале весны девяносто первого, когда я закончил работу над докладом Верховному Совету».

Это было очень почетное, но одновременно и трудное задание. Однажды Лео Альфредович вызвал Орлова к себе в кабинет и, как всегда, в своей бесстрастной манере сказал ему:

— Андрей, тебе есть поручение. Очень ответственное. Ты же знаешь, готовится закон о КГБ. Так вот, принято решение — подготовить подробный доклад о работе Комитета госбезопасности и представить его в Верховный Совет СССР, для того чтобы с ним могли ознакомиться все

депутаты. Это будет делаться впервые за всю историю органов.

— А сколько у меня времени? Ведь это, я так понимаю, будет достаточно объемный документ.

— Да, страниц сто... Я думаю, у тебя пара месяцев для этого есть.

У Андрея сразу появилась масса задумок, как лучше изложить материал, какую форму повествования избрать, до какой степени довести его детализацию. Работа была интересной и в определенной степени творческой. Лео Альфредович очень внимательно и доброжелательно помогал Орлову, но в основном заниматься докладом приходилось ему самому. Наиболее трудным было «выколачивание» и компоновка материала, потому что для подразделений КГБ было совершенно непривычным «приоткрывать» завесу над своей деятельностью, хотя совершенно понятно, что в новой системе отношений спецслужба, при всей скрытности ее деятельности, уже не может быть «вещью в себе». Власть в лице парламента должна быть информирована о ее деятельности и уверена в том, что она не может быть использована в антиконституционных целях.

Андрей работал над докладом с большим подъемом, даже с некоторым упоением. Ведь результаты его работы должны были не только докладываться на самый верх в Комитете госбезопасности, но и стать предметом рассмотрения на Верховном Совете страны. А то, что к подобному материалу будет проявлен очень большой интерес, он не сомневался. Поэтому дня ему явно не хватало и заканчивал работу он только тогда, Когда чувствовал уже полное опустошение, Когда голова уже была не способна что-либо воспринимать и тем более формулировать какие-нибудь новые идеи. Приходил домой он очень поздно, когда дети уже давно спали, и только Оля ждала его, читая книгу или сидя у телевизора.

Наконец, настал день, когда доклад оказался на столе первого заместителя Председателя КГБ Гения Евгеньевича Агеева. За всю свою предшествующую службу в Комитете Андрей не знал в лицо почти ни одного руководителя своего ведомства. Пожалуй, более или менее близко ему довелось увидеть только Крючкова и его первого заместителя Бобкова, да и притом только на больших собраниях в клубе Дзержинского, когда там подводились итоги года и производилось награждение личного состава. Филипп Денисович Бобков даже однажды побывал в «Прогнозе», где тогда работал Орлов, провел совещание, расспросил сотрудников о их проблемах.

Председатель КГБ СССР Крючков, правда, один раз на памяти Андрея собрал коллектив Инспекторского управления, чтобы представить ему нового начальника, назначенного вместо Сергея Васильевича Толкунова.

Тогда это вызвало нечто вроде шока у большинства сотрудников управления.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Совещание проводилось в зале коллегии. За большим столом сидят Крючков, Толкунов, зам по кадрам и... знакомый нам Игорь Алексеевич Межаков, который был тогда председателем КГБ Чечено-Ингушетии. Все поняли, о чем идет речь. Выступает Председатель, говорит какие-то слова про Толкунова, характеризует Межакова, как нового начальника Инспекторского управления КГБ СССР.

...Откровенно говоря, меня и моих коллег поразило это совещание, которое проходило как бы в отрыве от того, что творится на улице... Выступал Крючков в традиционном стиле, как будто в стране ничего не происходило... Об усилении агентурно-оперативной работы, о совершенствовании планирования и качества инспекторских проверок... Мы с сидящими рядом коллегами переглянулись... Кто-то предложил: «Может быть, встать и спросить, как нам действовать в условиях, когда вся страна бурлит, на площадях митинги, призывы к смене власти? Что делать нам, чекистам? Дайте, хоть указание, как поступать, чтобы не накалять обстановку!»

*(С.Е. Мартиросов, старший инспектор
Инспекторского управления КГБ СССР).*

Кабинет Агеева, тоже первого заместителя Председателя КГБ СССР, размещался на одном этаже с Инспекторским управлением, и Орлов, проходя мимо него, каждый раз думал о том, что за этими дверями решаются исключительно важные вопросы обеспечения государственной безопасности. Его воображение рисовало людей, склоненных над столом, на котором разложены карты, агентурные сообщения, шифровки, сводки наружного наблюдения и какие-то другие документы. Они, эти люди, взвешивая все «за» и «против», принимают единственно верное решение — захватить вражеского агента с поличным, пресечь деятельность шпионской резидентуры или провести захват иностранного разведчика во время осуществления им тайниковой операции. Словом, так, как это ему представлялось по фильму «Место встречи изменить нельзя».

Как-то Андрей, проходя по коридору, услышал, как кто-то полупшепотом сказал:

— Агеев! Агеев идет!

Сначала Орлов увидел, как сотрудники, находившиеся в коридоре, замерли, став по стойке смирно, и уже потом обратил внимание на приближающуюся фигуру высокого человека в черном костюме и крупных роговых очках. Он шел быстрой и уверенной походкой. Его шаги были четкими и твердыми. Андрей тоже встал спиной к стене там, где его застало это необычное событие, и, вытянув руки по швам, внимательно смотрел на большого начальника. Тот, не обращая ни на кого внимания, проследовал в другой конец коридора, по-видимому направляясь к лифту, который должен был его спустить вниз, прямо к подземному переходу в другое здание. Председатель КГБ СССР к тому времени размещался уже в новом, сравнительно недавно построенном здании, стоящем рядом с «Детским миром».

ИНФОРМАЦИЯ: «Основные вопросы Толкунов согласовывал с Гением Евгеньевичем. Он полностью поддерживал все начинания по совершенствованию работы органов госбезопасности... Агеев был один из тех, как говорил Толкунов, кто критическую ситуацию в стране прекрасно понимал. Но он был заместителем Крючкова и в общем-то ничего не мог предпринять...»

*(С.Е. Мартиросов, старший инспектор
Инспекторского управления КГБ СССР).*

СПРАВКА: «Агеев Гений Евгеньевич (1929–1997). До 1965 г. на комсомольской и партийной работе в Сибири... В 1965–1973 гг. работал начальником управления КГБ по Иркутской области. В 1973–1974 гг. — начальник управления кадров КГБ при Совете министров СССР. В 1974–1981 гг. — секретарь парткома КГБ. В 1981–1983 гг. — начальник 4-го (транспортного) управления КГБ СССР. Заместитель председателя КГБ СССР в 1983–1990 гг., первый заместитель председателя КГБ СССР с августа 1990 г. по август 1991 г. Народный депутат РСФСР с 1990 г. (полномочия сняты в связи с арестом). В сентябре 1991 г. был арестован по обвинению в участии в государственном перевороте, в начале 1992 г. освобожден по болезни»

(«Энциклопедия секретных служб России». Москва,

2004 год).

В течение какого-то времени Орлов находился в полном неведении относительно судьбы своего «произведения» и очень волновался по этому поводу. Лео Альфредович его успокаивал, но, видно, сам переживал за Орлова, потому что знал: в КГБ не принято отклоняться от привычной формы подачи материала, а уж тем более публично расставлять акценты на результатах своей деятельности. Но смысл доклада состоял как раз в том, чтобы дать развернутый анализ работы одной из самых мощных спецслужб в мире, предоставив возможность депутатам объективно оценивать ее деятельность, и вместе с тем не выдать ни одной тайны, не сообщить никаких сведений, которые могли бы быть использованы иностранными спецслужбами в ущерб интересам СССР.

Прошло, наверное, недели две, прежде чем Орлов наконец узнал результат. Лео Альфредович, снова пригласив его в кабинет, торжественно сказал:

— Андрей, Агеев прочитал твой доклад и сказал, что в принципе доволен... Ну, как ты его построил, стиль изложения материала и все такое. Он там сделал замечания по тексту. Ты быстренько все исправь. Покажешь мне и отдадим в перепечатку. Давай, не теряй время!

Орлов, воодушевленный высокой оценкой большого начальства, стал листать страницу за страницей. Текст он знал назубок, и его интересовали только пометки Агеева. Сначала их было немного и, в основном, они носили характер редакционных замечаний. Но когда Андрей дошел до тех разделов текста, где давались сводные данные о результатах работы Комитета, а также о расходах на его содержание, он увидел полностью перечеркнутые страницы. Причем было видно, что человек, читающий текст, был не просто раздражен, а по-настоящему взбешен: как посмели включить эти сведения в доклад, который должен стать достоянием гласности! Статистика и бюджет всегда были одними из самых охраняемых сведений!

— Лео Альфредович, но ведь в доклад Верховному Совету нельзя не дать такие сведения! На дворе — девяносто первый год! Наоборот, мы должны сейчас всем продемонстрировать, что КГБ не какая-то там «террористическая организация», а защитник интересов государства и общества, что...

— Ну что ты меня убеждаешь, Андрей? Я согласен с тобой. Ты пойми, они все консерваторы! Они по-другому не могут!

— Но Лео Альфредович! Если мы укажем данные о том, сколько

выявили шпионов, это же не нанесет ущерба! Ведь мы дадим только цифру! Наоборот, мы докажем, что хлеб едим не зря! Потом, мне кажется, что весь материал должен быть более самокритичным! А то похвальба какая-то получается!

Лео Альфредович, хитро прищурившись, посмотрел на Андрея, всем своим видом показывая, что все понимает, все знает, но дискутировать на эту тему считает бессмысленным. Однако, чтобы не расстраивать Орлова, все-таки предложил ему:

— Напиши служебную записку Агееву. Все, что говоришь сейчас мне, напиши в ней. Только короткую, на одну страничку!

— Хорошо, я сейчас же напишу!

И майор Орлов, абсолютно убежденный в правильности своей позиции и убедительности приводимых им доводов, немедленно засел за записку. Позволив себе не согласиться с мнением «второго человека в КГБ», он писал, что, дескать, на его взгляд, доклад, направляемый в высший законодательный орган страны, должен быть достаточно самокритичным, содержать точные и объективные данные, в том числе цифровые, «открывать» ранее закрытую статистику, например, численность органов госбезопасности, их бюджет, показатели по некоторым результатам. Написал все это Орлов на одном дыхании и, предварительно показав Лео Альфредовичу, передал помощнику Агеева.

Спустя пару дней Орлову позвонили и сообщили, что генерал-полковник Агеев вызывает его к себе. Нельзя сказать, что Андрей очень волновался перед встречей со столь высоким начальством, но все-таки беседа с первым заместителем Председателя КГБ СССР была для него отнюдь не заурядным событием. До сих пор ему не приходилось общаться с руководителем такого уровня. Правда, еще работая в «Прогнозе», он был на докладе у начальников Второго главка и Шестого управления,^[53] неоднократно встречался с заместителями начальников Третьего шавка и Десятого отдела.^[54] Но это было другое. Как руководитель группы разработчиков он или докладывал о результатах, или обращался с просьбой дать указание о предоставлении необходимых материалов. Как правило, встречи этим и ограничивались. Теперь же ему предстояло высказывать свое несогласие с мнением человека, точка зрения которого в КГБ считалась непререкаемой. Вообще, спорить с начальством было не принято. Какой-то майор вдруг «не согласен» с мнением генерал-полковника! Нонсенс!

Ожидая вызова к Агееву в просторном холле третьего этажа, из окон

которого открывался великолепный вид на площадь Дзержинского, Орлов пытался собраться с мыслями, чтобы четко и сжато доложить генерал-полковнику свои доводы. Но сосредоточиться ему мешал стрекот электрической пишущей машинки — секретарь Агеева, симпатичная женщина с пышной прической, печатала какой-то документ, который, по-видимому, было нежелательным отдавать в машбюро. Звуки машинки гулко отдавались в вышине большого зала с лепным потолком и тяжелой медной люстрой.

Агеев встретил Орлова сухо. Сначала внимательно посмотрел на него, затем как бы нехотя проговорил:

— Я не нахожу ваши возражения убедительными. Вы предлагаете рассекретить статистику? Вы хотите, чтобы мы открыта сведения о наших провалах?

Агеев с некоторым недоумением смотрел на майора. Лицо зампреда казалось очень усталым. Его выражение говорило само за себя. Андрей отчетливо прочитал в глазах высокого начальника: «Ну что вы хотите? У меня совершенно нет ни времени, ни желания выслушивать ваши советы! Исполняйте что вам говорят!»

— Товарищ генерал, на мой взгляд, продолжать закрывать эту информацию — значит усугублять в обществе подозрения, что Комитет госбезопасности действует не в интересах народа. Да и провалы наши известны всем за рубежом. Мне кажется, мы должны открыть то, что не нанесет ущерба интересам госбезопасности, что...

— Вы многого не понимаете, — перебил Орлова Агеев. — Подпевать диссидентам мы не будем! Численность и бюджет мы не раскроем! Вы даже не понимаете, что для этого нужно решение Политбюро!

— Так в чем же дело, товарищ генерал? Давайте запросим Политбюро!

Агеев сердито посмотрел на Орлова и, едва скрывая раздражение, сказал:

— Все! Идите и занимайтесь своим делом! Исправьте все, что я вам указал, и готовьте на доклад Председателю! Все, спасибо!

Орлов не ожидал такого резкого и недружелюбного окончания разговора, но уже понял, что спорить с зампредом бессмысленно. Можно только усугубить свое положение и навлечь на себя неприятности. Но он не мог уйти из кабинета Агеева, не попытавшись еще раз высказать свою точку зрения.

— Товарищ генерал, я все понял. Но разрешите мне, пожалуйста, чуть-чуть добавить...

Казалось, Агеев был вне себя от ярости. Ну как же! Какой-то рядовой

работник позволяет себе продолжать спор с ним даже тогда, когда ему было указано на его место! Наверное, в глазах зампреда это была неслыханная наглость. От возмущения Агеев чуть помедлил, и Орлов успел закончить фразу:

— ...разрешите, пожалуйста, для доклада Председателю приложить записку с моими предложениями?

— Идите, разговор окончен.

Орлов встал, сказал «есть!», резко повернулся и пошел к двери. Он уже было взялся за ручку, как услышал за спиной:

— Хорошо, подготовьте служебную записку и направьте помощнику Председателя.

Голос Агеева не казался уже таким раздраженным. В нем чувствовались какие-то примирительные нотки. Это вселяло определенную надежду. Конечно, Андрей не мог знать всех перипетий ожесточенной борьбы, развернувшейся в это время вокруг Комитета госбезопасности. «Демократы» во главе с Ельциным, подогреваемые оголтелыми сторонниками разгрома госбезопасности как, как это было в ГДР и других соцстранах, старались наносить один удар за другим, чтобы парализовать деятельность «боевого отряда партии». «Партократы», наоборот, видели в КГБ силу, способную противостоять росту антисоветизма, сепаратизма и политического экстремизма. Но одно было ясно: условия, в которых работал Комитет, резко изменились и делать вид, что ничего не происходит, было уже нельзя. Надо было искать не только новые формы работы, но и новые формы взаимодействия с институтами государства, создавать механизм информирования общества о деятельности самого грозного и мощного специального органа в стране.

За несколько дней Орлов завершил работу над текстом и, сопроводив его своей докладной запиской, направил в Секретариат для доклада Председателю КГБ СССР. Какого же было его удивление, когда Лео Альфредович показал Орлову замечания одного из консультантов Председателя. Они слово в слово повторяли докладную записку Андрея, но нигде даже не упоминали о ней. Вся аргументация, все доводы, которые он использовал для того, чтобы убедить высокое начальство в том, что доклад Верховному Совету должен стать более острым и самокритичным, были доложены Председателю за подписью некоего Долина. Понятно, что майор Орлов из Инспекторского управления — слишком мелкая сошка для Председателя. Но с другой стороны, как можно было здравые мысли одного человека выдавать за предложения другого, а тем более подписывать их, бессовестно присвоив себе! «Это будет почище Кузина! — сокрушался

Андрей. — Надо же! Взять и своровать, а потом выдать за свое!»

Одно утешало его самолюбие — на докладной записке было начертано: «Согласен. Поручите доработать». Это означало, что возобладала точка зрения Орлова. Несмотря на всю свою консервативность, руководство КГБ понимало, что нужно, как и предлагал Андрей, повышать степень информированности общества о деятельности органов государственной безопасности, чтобы люди знали: чекисты не даром едят народный хлеб, они делают все, чтобы обезопасить государство от реальных угроз его интересам.

Плохо ли, хорошо ли, но работа над докладом была завершена. Он был откорректирован и направлен в Верховный Совет СССР. Вопреки первоначальному замыслу, докладу присвоили гриф «Секретно» и размножили очень небольшим тиражом. Сыграл ли он в связи с этим важную роль во время рассмотрения проекта Закона об органах государственной безопасности? Скорее всего, нет, так как опять оказался достоянием незначительной группы людей и не мог снять массу вопросов и подозрений, накопившихся в обществе по поводу деятельности КГБ.

От всего этого у Андрея осталось двоякое чувство: с одной стороны, удовлетворение добротной сделанной работой, с другой — досада на то, что хороший замысел не был доведен до соответствующего воплощения и в этом смысле работа оказалась напрасной. Кроме того, майора Орлова преследовало чувство моральной неудовлетворенности от проделанной работы. Ведь его непосредственный вклад оказался практически незамеченным. К Председателю материал попал за подписями высоких должностных лиц, а предложения Орлова беззастенчиво «сдуло» лицо, приближенное к «императору». Впрочем, в этом не было ничего необычного. Во все времена тяжелую трудовую лямку тащили одни, а плодами их труда пользовались другие.

Все это Орлов как-то высказал Иваненко. Разговор случился совершенно произвольно, когда Виктор Валентинович попросил Андрея сделать для него дополнительную копию доклада. В это время он много работал с депутатами Российского парламента, и столь подробный материал о деятельности КГБ, безусловно, был для него неплохим подспорьем.

— Ничего, Андрей Петрович. Не думайте, что время и силы потрачены зря. Во-первых, этот материал еще пригодится, а во-вторых, вы сами, наверное, чувствуете, что, работая над докладом, много узнали... Наверное, еще никто в КГБ, кроме, может быть, руководства, не знакомился с таким объемом информации по всем линиям работы...

— Но, Виктор Валентинович, жалко, что не все удалось...

— А ты что думаешь, — Иваненко перешел на «ты», что можно было расценить как знак особого доверия, — что руководство КГБ готово пересмотреть уже сложившиеся стереотипы? Консерваторы они! — услышал Андрей то же слово, что сказал Лео Альфредович. — Они еще не готовы отойти от старых догм, не понимают, что на улице уже девяносто первый! Да ты, наверное, сам еще не понимаешь?

ИНФОРМАЦИЯ: «Тема сползания страны к катастрофе неоднократно обсуждалась с руководством КГБ СССР. С Агеевым, например. Но там — догма. Он говорит: «Мы дали указание, как вписываться в условия демократизации. Ваше дело выполнять». С Крючковым мы сидели в начале августа, долго обсуждали эту тему. А он одно и то же: «Ельцин — разрушитель! Демократы ведут к разрушению страны... Бесполезно с ними договариваться...»

(В.В. Иваненко, Председатель КГБ России).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Ельцин по своему характеру очень целеустремленный, решительный, мужественный человек, имеющий свое мнение... Правда, при этом отмечалось присутствие самодурства... Я неоднократно бывал на совещаниях, которые проводились в Свердловске с его участием. О выступал со» сей коммунистической прямотой о задачах органов госбезопасности... Его выступление всегда было энергичным и мощным... Ельцин был явным антиподом елейному Горбачеву...

Но где-то в июне 1990 года ко мне пришел бывший начальник отдела Инспекции, который в это время работал начальником Главного управления ГАИ МВД СССР.

— Сергей, можно с тобой поговорить? — с явной озабоченностью спросил он.

— Что случилось, Леонид Васильевич?

— Видишь, какой я опухший? Я целый месяц отдыхал в цэковском санатории вместе с Ельциным.

Дело в том, что с Ельциным они были знакомы давно. Оба громадного роста, и выпить вместе могли ведро.

— Сергей, он меня просто замучил. Ты знаешь, я могу много

выпить, по столько... А разговоры! Он такие страшные вещи говорил! Он мне откровенно рассказал, как хочет Горбачева превратить в дерьмо, как намеревается развалить партию и СССР! Даже сказал мне: «Ты меня еще узнаешь! Будешь проситься ко мне!» Скажи, с кем мне переговорить?

Я позвонил Толкунову. Сергея Васильевича не было... тогда я отвел Леонида Васильевича к заместителю начальника Инспекторского управления Мясникову. После разговора он снова зашел ко мне:

— Я переговорил. Считаю, что эту важную информацию я довел до руководства.

Я не знаю, дошла ли эта информация до Крючкова и руководства страны. Может быть, если бы тогда остановили его, не было бы развала СССР»

(С. С. Дворянкин, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР).

Вопрос Иваненко, понимает ли Андрей, что происходит в стране, потом долго звучал в ушах Орлова. Действительно, понимал ли он, что происходит в стране? Наверное, еще нет. Хотя, конечно, чувствовал, что жизнь набирает какие-то неожиданные обороты, что на смену привычному и сложившемуся приходит нечто новое. Хорошее или плохое? Доброе или злое? На это он себе не мог дать ответа. Да, скорее всего, в то время не было такого человека, который мог с полной уверенностью сказать, к чему приведут начинающиеся тектонические подвижки в обществе. Но что они происходят, это было уже ясно. Земля гудела и вибрировала, как будто вот-вот должно было начаться грандиозное извержение вулкана; раскаленная лава, вытекающая из гигантского жерла, должна была сжечь все живое, а пепел — покрыть страну гибельным слоем золы.

19 августа 1991 года, утро.

Москва. Метро. Филевская линия

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция «Смоленская», — громко произнес динамик, и поезд метро, убыстряя ход, с воем понесся в туннель. Андрей стоял у двери и все смотрел в окно, как будто там еще можно было увидеть пейзажи Кунцева или Фили-Давыдовка.

На самом деле в темноте угадывалось лишь мельтешение подземных коридоров, мелькание фонарей и извилистые пучки подземных кабелей, подвешенных на крючья. Когда-то в детстве Андрей любил смотреть, как они, словно причудливые змеи, извиваются, то собираясь вместе, то расходясь в стороны. Отдельные из них время от времени становились толстыми, как слоновьи хоботы, другие вдруг начинали лосниться и блестеть в свете фонарей, словно щупальца каких-то замысловатых пресмыкающихся. Благодаря воображению Андрей видел то дракона, то спрута, то громадного паука, выющего под землей свою гигантскую паутину. Постоянное завывание и стук вагонных колес дополняли фантастические картины подземного царства. Иногда среди фонарей вдруг на мгновение открывалась какая-то странная округлой формы нора, уходящая куда-то в толщу земли, иногда туннель вдруг расширялся — и тогда колеса поезда отстукивали барабанную дробь, а вагон начинал вибрировать и раскачиваться, как будто, словно чудовищный гигант решил поиграть с ним в опасную и жуткую игру.

Орлов смотрел на затейливое переплетение мелькающих проводов и кабелей и снова вспоминал события последних месяцев, которые были такими же запутанными и непонятными, как это подземное хозяйство московского метрополитена.

Еще зимой Иваненко попросил Орлова помочь ему составить один документ, нечто вроде ознакомительной справки о Комитете госбезопасности.

— Ты же делал доклад в Верховный Совет. Сделай примерно в этом ключе, только страниц на десять, — сформулировал задачу Иваненко. — Я покажу ее депутатам. Меня просили в степашинском комитете.^[55]

Андрей, сначала посоветовавшись с Лео Альфредовичем, согласился. И уже через пару дней Иваненко держал в руках желаемый документ. Трудно сказать, какую роль он сыграл в сложных переговорах, которые вели депутаты Российского парламента с руководителями КГБ, но уже очень скоро фамилия Иваненко стала фигурировать в качестве возможного руководителя российской спецслужбы. И хотя Комитет госбезопасности России еще не существовал, было ясно, что теперь это лишь дело времени.

ИНФОРМАЦИЯ: «У народа вызывало недоумение, а у некоторых даже возмущение то, что Российская Федерация, которая доминировала в Союзе, была обделена во всех вопросах. То, что было союзными органами, формально считалось и органами Российской Федерации. Россия, как одна из республик

Союза, должна была иметь свои собственные структуры управления, в том числе органы госбезопасности... Здесь, мне кажется, лежит одна из причин последующего развала СССР...

Создание КГБ РСФСР могло успокоить ситуацию... хотя и оно было продиктовано не объективным ходом развития событий, а политической конъюнктурой...»

*(С.Е. Мартиросов, старший инспектор
Инспекторского управления КГБ СССР).*

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Как заместитель начальника Инспекторского управления я курировал местные органы КГБ и поэтому лучше всех знал обстановку на территории России... Сергей Васильевич Толкунов надоумил в свое время: «Надо идти на «круглые столы», туда, где нас критикуют, бьют...» Это была его концепция.

А там — истерика, визг, писк... Но мы переводили разговор в спокойное русло. Мы говорили: «Давайте рассуждать: а кто будет бороться с преступностью, терроризмом, иностранными вмешательствами?» Потом даже сами демократы подходили и говорили: «Да, что-то изменилось в позиции органов!» Это была концепция Сергея Васильевича.

...После ухода Толкунова я продолжал ходить на эти «круглые столы». У меня была санкция Агеева. Вообще у руководства КГБ СССР была установка — своей деятельностью мы должны вписываться в процесс демократизации. Конечно, система старалась мимикрировать, перестать выглядеть одиозной в глазах общества...

Именно тогда депутаты Верховного Совета РСФСР Большаков и Никулин свели меня со Степашиным, который был председателем Комитета по обороне и безопасности...

Степашин горячо подхватил идею создания КГБ РСФСР. К тому времени была уже принята Декларация о суверенитете России, а органов, которые должны защищать Россию, не было. Действительно, это — упущение. Не союзный же КГБ будет ее защищать?»

(В.В. Иваненко, Председатель КГБ России).

Председатель парламентского Комитета по обороне и безопасности Сергей Вадимович Степашин свел тогда Иваненко с Волкогоновым, который был советником у Ельцина, а потом и с государственным секретарем Бурбулисом, который был своего рода генератором и мотором для выработки и принятия решений Ельциным.

Помогая Иваненко, Орлов не преследовал никакой своей цели, но интуитивно чувствовал, что за всем этим стоит большая политика. Рост популярности Ельцина и одновременно с этим становление российской государственности, больше похожее на разрушительный ураган, чем на некую форму государственного строительства, — все это говорило о том, что создание российского КГБ не за горами.

В самый разгар закулисных переговоров о создании российской спецслужбы Иваненко вдруг свалился с тяжелым гриппом, да так, что попал в комитетский госпиталь на Пехотной. Орлов об этом узнал совершенно случайно, заметив, что давно не видел Виктора Валентиновича, и спросив секретаря начальника управления Наташу.

— Так он же болеет. У него грипп такой сильный! В госпитале лежит.

Но самое интересное произошло после этого. Придя в кабинет, который они занимали на пару с Семеном Еноковичем, Андрей включил компьютер и начал набирать текст очередной справки об оперативной обстановке. Его импульсивный напарник с воодушевлением работал над уже, наверное, десятым вариантом закона об органах КГБ. Он постоянно чертыхался, кого-то ругал, иногда бубня себе под нос что-то на армянском языке. Весь стол у Семена Еноковича был завален бумагами. Он то и дело вырезал какие-то фрагменты из исписанных листов бумаги, вклеивал их в текст проекта закона, сверял со своими пометками в рабочей тетради, с формулировками, содержащимися в «Своде законов СССР».

Когда зазвонил телефон, они одновременно потянулись к трубке и, заметив это, оба улыбнулись. Семену Еноковичу звонили гораздо чаще, чем Орлову. Поэтому он и взял трубку.

— Алло, алло!.. Да... Кто?.. Виктор Валентинович? Здравствуйте! — Семен Енокович, прикрывая трубку ладонью, сказал Андрею: — Это Иваненко. — И уже в трубку: — Виктор Валентинович, как здоровье?.. Ага... Понятно... Кого?.. Здесь. Даю. Ну, выздоравливайте. До свидания... Андрей Петрович, тебя Иваненко! — И он передал трубку Андрею.

Голос у Иваненко был необычно тихий, простуженный. Чувствовалось, что он едва сдерживал кашель. Виктор Валентинович попросил Орлова посмотреть для него некоторые материалы и, если возможно, приехать в госпиталь.

— Андрей, а ты можешь взять с собой компьютер? Портативный?
— Могу, Виктор Валентинович!
— Возьми. Мне тут нужно подготовить одну бумагу... Ты мне поможешь.

— Хорошо. Когда надо?
— Да хоть сегодня. Если успеешь найти то, что я тебе сказал, приезжай... — И он назвал номер палаты в терапевтическом отделении.

Около шести вечера Орлов был в госпитале. Отдельную «генеральскую палату», где размещался Иваненко, он нашел довольно быстро. Виктор Валентинович выглядел бледным и осунувшимся, но не утратившим азарта. По разложенным на письменном столе листкам и горящей настольной лампе было видно, что он активно работает, невзирая на плохое самочувствие.

Орлов передал Иваненко привезенный материал. Тот внимательно прочитал несколько документов, потом сказал:

— Андрей, ты, наверное, знаешь, что скоро будет создан Комитет госбезопасности Российской Федерации. Сейчас решается вопрос, как это будет делаться организационно и, конечно, кто его возглавит. Радикалы предлагают Калугина,^[56] но я считаю, что это невозможно, потому что Калугин предатель и в Комитете его не воспримут. Есть и другие кандидатуры, в том числе рассматривается и моя...

— Я знаю, Виктор Валентинович.
— Я сейчас готовлю вместе с депутатами организационные документы. Мне нужно тут кое-что напечатать. Только у меня одно условие: об этом пока никто не должен знать. — Он улыбнулся и добавил: — Даже Семен Енокович.

— Виктор Валентинович, вы можете меня не предупреждать. Я и так понимаю...

— Так я тебе говорю потому, что вы с Семеном большие друзья.
— Да нет, не друзья. Он — мой бывший начальник, я — его бывший подчиненный. Кроме того, я отношусь к нему с большим уважением...

— Ну, ладно, ладно. Давай займемся делом. Вот тебе набросок текста, но ты только подработай его. Я тут писал сходу, из головы. Некоторые фразы получились... В общем, надо подшлифовать. Понял?

— Я готов.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Мое назначение на должность Председателя КГБ РСФСР зависело от команды Крючкова и команды Ельцина.

Перед этим со мной дважды очень долго беседовал Бурбулис... Доверия ко мне никакого не было. Более того, на протяжении всей нашей семимесячной истории я чувствовал недоверие к себе как с той, так и с другой стороны. Наверное, думали, что я — двойной троянский конь: для демократов — я в их лагерь внедрен Крючковым, а для Крючкова, особенно после июльского совещания, я — троянский конь демократов...

С Ельциным же я первый раз встретился в Белом доме. Это было в апреле. По существу это было представление перед назначением.

Только-только мне присвоили звание генерала. Он спрашивает: «А чего это ОНИ вам присвоили звание? Мы сами можем присвоить вам генерала. Надо больше полномочий на СЕБЯ натягивать!»

Он с большим недоверием отнесся к моим словам о том, что многие сотрудники органов госбезопасности надут демократических перемен»

(В.В. Иваненко, Председатель КГБ России).

ИНФОРМАЦИЯ: «Немаловажным фактором в пользу назначения Иваненко на пост Председателя КГБ России было то, что он оттуда же, откуда и Ельцин. Свердловск и Тюмень — близнецы-братья... Но тут была и протекция, которую составил Гений Евгеньевич Агеев, первый заместитель Председателя КГБ СССР, «главный волейболист страны». У Виктора Валентиновича были распасовки лучшие в мире... И удары хорошие. И поэтому, когда встал вопрос о кандидатуре, то я не исключаю, что первый зампред порекомендовал Иваненко Крючкову... Таким образом, Крючков с подачи Агеева считал: Иваненко — наш человек.

Аналогично и Ельцину Иваненко понравился прежде всего тем, что он, так же как и Борис Николаевич, волейболист, да к тому же зауралец...»

(С. С. Дворянкин, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР).

Андрей включил в розетку свой «Бондвел» и приступил к работе. Текст представлял собой предложения о том, каким должен быть будущий

КГБ России. Надо полагать, с этим документом Иваненко собирался выступить перед депутатами или обсудить его с руководством России. Основная идея его была ясна: КГБ России должен быть построен на совершенно новых принципах и служить прежде всего интересам личности и общества, не допуская ущемления законных нрав и интересов граждан. Орлов отметил про себя, что текст написан чисто популистски, в духе Ельцина, и немножко отдавал демагогией. «Какие новые принципы? Как Комитет госбезопасности будет напрямую защищать интересы личности? Все это очень странно!» — думал Андрей.

ИНФОРМАЦИЯ: «Иваненко — трагическая фигура... Очень интеллигентный человек, профессионально грамотный, талантливый оперативный работник... Как он попал в эту демократическую элиту, как они втянули его в эту орбиту и с помощью него решили вопрос расчленения КГБ, взрыва КГБ изнутри с помощью идей деполитизации и департизации?..»

(Е.М. Войко, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР).

ИНФОРМАЦИЯ: «Иваненко я воспринимал неоднозначно. Каждый человек такого уровня может соответствовать или не соответствовать требованиям времени и сложившимся условиям... Иваненко был членом партии и продвинулся тоже благодаря ей. Не было бы соответствующих рекомендаций, Иваненко не стал бы руководителем... По его поступкам не скажешь, что он всегда был радикальным человеком...»

(Ю.И. Скобелев, помощник начальника Десятого отдела КГБ СССР).

ИНФОРМАЦИЯ: «Иваненко — профессионал, аналитик, человек с трезвой головой. Но он — не политик. Мне кажется и в людях он не очень разбирался. Для него важным было мнение о том или ином человеке, то есть рекомендация... Правда, в «революционный период» начала 90-х, наверное, надо было быть больше политиком, чем профессионалом...»

(А.К. Стрельников, начальник Секретариата КГБ)

России).

Через час общими усилиями документ был плов. Его оставалось только напечатать, но для этого надо было снова ехать на работу — портативный компьютер нужно было подключить к принтеру. Поэтому договорились, что Андрей завтра передаст уже подготовленную записку жене Иваненко, которая подъедет на Дзержинку, а затем навестит мужа в госпитале.

Закончив работу, Андрей уже собрался уходить, но Иваненко остановил его. Собственно говоря, Андрей давно ждал этого разговора. Двусмысленное положение, когда приходится почти тайком помогать человеку, участвующему в большой политической игре, его совершенно не устраивало. То, что Российский комитет будет, уже не сомневался никто. Но большинство предпочитало наблюдать за этим со стороны, мол, посмотрим, что из этого выйдет. Иваненко же ввязался в самую настоящую политическую схватку и в некотором роде стал уже заложником ожесточенной борьбы между союзным центром и российским руководством.

— Ну, ты как думаешь дальше? — спросил Орлова Иваненко. И, хотя эта фраза почти ничего не значила, оба понимали, о чем идет речь.

— Виктор Валентинович, я готов участвовать в том, что делаете вы, но не так... — Он неопределенно поводит рукой, как бы показывая зыбкость своего участия в создании российского Комитета. — Не эпизодически, а по-настоящему. Мне кажется, за Российским комитетом — будущее. Все идет к этому.

— Правильно думаешь! — поддержал его Иваненко. — Ну так решайся!

— Как «решайся»? На что?

— Пойдешь работать в КГБ России? — вдруг напрямик спросил Иваненко.

— Пойду! — в тон ему уверенно ответил Орлов. — А кем? В каком качестве?

— Это мы посмотрим. Может быть... — Иваненко задумался, — для начала моим помощником на общественных началах. А потом посмотрим. Как, согласен?

— Я готов. Только вам надо переговорить с начальством!

— Я переговорю. А ты не откажешься? Не исключаю, что тебя будут отговаривать.

— Ну уж нет, если я решил, Виктор Валентинович, значит, решил. Я

готов работать в Российском комитете. И по мере сил...

Иваненко протянул ему руку. Рукопожатие было твердым, как будто скрепляло их союз. Тогда майор Орлов еще не знал, сколь долгим будет это союз. Не знал он и того, что этот день положил начало новому отсчету всего происходящего в его жизни, стал рубежом, после которого круговорот событий как вихрь подхватил его и понес в непредсказуемое будущее. Как оказалось, не только его. Иваненко в это время формировал самый первый состав российского КГБ, который первоначально должен был работать на общественных началах. Его численность была смехотворной — всего семь человек!

ИНФОРМАЦИЯ: «Переходя в КГБ РСФСР, я получал возможность большого нового объема работы... Тогда никаких мыслей о генеральских погонах у меня не было... В политику, несмотря на свое полуполитическое прошлое, я вообще не включался...»

(А.К. Стрельников, начальник Секретариата КГБ России).

Пятого мая 1991 года Председатель Верховного Совета РСФСР Борис Николаевич Ельцин и Председатель КГБ СССР Владимир Александрович Крючков подписали «Протокол о договоренности», в соответствии с которым было принято решение образовать Комитет государственной безопасности РСФСР и подчинить ему все территориальные органы госбезопасности, находящиеся на территории России.

ДОКУМЕНТ: «Протокол о договоренности по вопросу образования Комитета государственной безопасности РСФСР».

«Председатель Верховного Совета РСФСР и Председатель Комитета государственной безопасности СССР (по уполномочию Президента СССР),

исходя из Конституции СССР и Конституции РСФСР, уважая Декларацию о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, придавая важное значение мерам по обеспечению государственной безопасности Союза ССР и РСФСР,

признавая необходимость выработки единой политики и осуществления согласованных действий в этой сфере,

договорились о нижеследующем:

1. Образовать Комитет государственной безопасности РСФСР (КГБ РСФСР) на правах союзно-республиканского государственного комитета. Подчинить ему находящиеся в РСФСР территориальные органы КГБ СССР.

2. Установить, что органы КГБ РСФСР в своей деятельности руководствуются законами РСФСР и другими актами, принятыми Съездами народных депутатов РСФСР, Верховным Советом РСФСР и его Президиумом, решениями Совета Министров РСФСР, законами и иными актами высших органов государственной власти и государственного управления СССР, изданными в пределах полномочий, переданных Российской Федерацией Союзу ССР. Разграничение функций КГБ СССР и КГБ РСФСР по обеспечению государственной безопасности проводится в порядке, устанавливаемом Союзным договором и нормативными актами высших органов власти и государственного управления Союза ССР и РСФСР. КГБ СССР определяет основные начала разведывательной и контрразведывательной деятельности КГБ РСФСР, координирует ее с деятельностью органов КГБ других республик, в пределах полномочий осуществляет контроль за работой органов КГБ РСФСР.

3. Подготовку предложений об организационных мерах, связанных с образованием КГБ РСФСР, поручить Комиссии в составе:

От РСФСР:

Хасбулатов Р.И. — Первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР, Сопредседатель Комиссии;

Волкогонов Д.А. — советник Председателя Верховного Совета РСФСР по вопросам безопасности;

Степашин С.Б. — председатель Комитета Верховного Совета РСФСР по безопасности;

Скоков Ю.Б. — первый заместитель Председателя Совета Министров РСФСР;

Кобец К.Я. — председатель Государственного комитета РСФСР по обороне и безопасности;

Иваненко В.В. — прикомандированный от КГБ СССР к Государственному комитету РСФСР по обороне и безопасности;

Поделякин В.А. — председатель КГБ Башкирской АССР.

От КГБ СССР:

Агеев Г.Е. — первый заместитель Председателя КГБ СССР, народный депутат РСФСР, сопредседатель Комиссии;

Шебаршин Л.В. — заместитель Председателя КГБ СССР — Начальник Первого главного управления;

Титов Г.Ф. — заместитель Председателя КГБ СССР — Начальник Второго главного управления;

Пономарев В.А. — заместитель Председателя КГБ СССР — Начальник Управления кадров;

Межаков И.А. — начальник Инспекторского управления КГБ СССР.

Указанной Комиссии в связи с образованием КГБ РСФСР представить предложения:

по разграничению полномочий КГБ СССР и КГБ РСФСР, окончательно уточнив их после подписания Союзного договора;

о структуре КГБ РСФСР и изменениях в структуре КГБ СССР;

по правовому, материально-техническому, финансовому (в рамках единого бюджета КГБ СССР), кадровому и медицинскому обеспечению деятельности КГБ РСФСР;

о размещении центрального аппарата КГБ РСФСР; по решению вопросов, связанных с передачей в ведение КГБ РСФСР территориальных органов КГБ СССР в Российской Федерации.

4. КГБ СССР и КГБ РСФСР обеспечить систематическое представление в Верховный Совет РСФСР, Верховные Советы республик, входящих в состав РСФСР, краевые и областные Советы народных депутатов, их исполнительные органы всесторонней информации по проблемам обеспечения государственной безопасности. Для реализации данной информации и выработки решений создать в органах власти и управления ограниченные по численности штатные структуры, обеспечив необходимый режим секретности в их работе.

Приложение: Соглашение о разграничении полномочий КГБ СССР и КГБ РСФСР.

Председатель Верховного Совета РСФСР Б. Ельцин

По уполномочию Президента СССР

Председатель КГБ СССР В. Крючков»

К этому времени майор Орлов уже целых два месяца работал вместе с Иваненко. Он продолжал числиться в Инспекторском управлении союзного Комитета, но уже работал над созданием российской структуры. И Лео Альфредович, и Семен Енокович, да и многие другие коллеги Андрея по работе восприняли это положительно, ободряя его и заговорщически подмигивая: мол, понимаем, чем все это закончиться — Российский комитет скоро станет самым мощным звеном в системе КГБ и тогда... Правда, что «тогда» — никто еще не знал. Но большинство чекистов понимало: в борьбе Ельцина с Горбачевым неминуемо когда-нибудь наступит развязка, и тут КГБ России окажется в самой гуще событий.

Газеты, наперебой гадая, что получится из вновь образованной структуры российской госбезопасности, выходили с броскими заголовками: «В России будет свой КГБ», «Каким быть КГБ России?», «Партия — их рулевой?», «Безопасность строя — забота КГБ России», «Россия + КГБ =?»...

— Мы еще будем просить тебя устроить нас на работу, — говорили, смеясь, сослуживцы. — Далеко пойдешь, Орлов! Ведь почему-то именно тебя выбрал Иваненко!

«Действительно, почему меня?» — спрашивал себя Андрей, но тут же забывал об этом. Поток новых дел буквально обрушился на него. Надо было делать наметки будущей структуры Комитета, не копируя КГБ СССР, но и не изобретая велосипеда. Надо было готовить тезисы для Иваненко, который чуть ли не каждый день где-то выступал: то он ехал в Верховный Совет держать речь перед депутатами в каком-нибудь комитете, то давал интервью журналистам, то встречался с кем-нибудь в Совмине...

ИНФОРМАЦИЯ: «Руководство КГБ СССР понимало, что исключительно важным был вопрос о том, кто возглавит КГБ РСФСР. Для Крюčkова все было просто — раз ввязался в это дело, то и давай, тяни дальше. Конечно, он считал, что я буду плясать под его дудку. Они почему-то были уверены, что я управляем. Тот же Агеев сильно переоценивал возможности своего влияния на меня. Он считал, что я ему очень обязан потому, что он меня быстро продвинул по служебной лестнице. Оп меня где-то даже своим любимчиком числил. Он считал, что я его выдвигенец, назначенец. Кроме того, мы вместе играли в волейбол... Это же — близость. Играли вместе, чай пили, а

иногда и по рюмочке... И вплоть до самого Всероссийского совещания он был уверен в моей управляемости...»

(В.В. Иваненко, Председатель КГБ России).

ИНФОРМАЦИЯ: «Иваненко для центрального аппарата КГБ СССР — человек новый. А новое дело надо с нового человека и начинать. Он не погряз в связях, не так уж сильно был знаком с руководством Комитета и начальниками управлений. Правда, как выходец из Тюмени, имел контакты в нефтегазовом комплексе... Для демократов Иваненко был не запачкан большими цэковскими^[57] связями, сам находился в структуре КГБ СССР, но не относился к его руководству, человек периферийный, неплохо знающий работу на территории. При этом он не был замечен в каких-либо агрессивных высказываниях ни против одной, ни против другой стороны...»

(Ю.М Скобелев, помощник начальника Десятого отдела КГБ СССР).

РАДИОЭФИР: «Иваненко — компромиссная фигура — 44-летний кадровый офицер КГБ, коммунист, генерал-майор КГБ... Его первой обязанностью будет наладить связь между КГБ и Верховным Советом РСФСР для выработки окончательных деталей работы будущего Российского КГБ... Однако, не ясно, действительно ли руководство КГБ СССР намерено отдать часть своей империи Ельцину и тем самым пойти на риск, что будет создана конкурирующая организация...»

(Радиостанция «Би-би-си», 6 мая 1991 года).

Виктор Валентинович сам много работал, постоянно что-то писал, основательно готовился к встречам и беседам. Он понимал, что в данной ситуации, Когда «демократы» приглядываются к нему, стараясь определить, подходит ли его кандидатура к роли руководителя госбезопасности «демократической России», профессионального багажа, накопленного во время работы в КГБ, уже мало. Нужна хорошая ориентация в социально-экономических вопросах и политике, умение по-новому, открыто разговаривать с прессой, способность преодолеть в себе неприязнь, общаясь с диссидентами и ярыми критиками КГБ. Все это у Иваненко

получалось как бы естественно. В этом смысле можно сказать, что он воплощал в себе наиболее прогрессивную, демократически настроенную часть корпуса чекистов, хотя и нередко допускал резкие и радикальные высказывания. За некоторые из них его впоследствии клеймили позором, хотя трудно представить, что бы они сами говорили на его месте.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Ельцин, подписывая Указ о моем назначении исполняющим обязанности Председателя КГБ РСФСР, сказал: «Давайте будем вместе работать, вместе отстаивать суверенитет России... Мы будем с вами еженедельно встречаться, введем практику еженедельных докладов. Приносите мне информацию. За это время присмотримся к вам, а дальше будет видно»

(В.В.Иваненко, Председатель КГБ России).

ИНТЕРВЬЮ: Вопрос: Итак, отныне 6 мая — День российских чекистов. Что же будет собой представлять Комитет госбезопасности России?

Ответ: Под юрисдикцию российского Комитета переходят все территориальные подразделения КГБ, находящиеся в РСФСР. На данном этапе наш КГБ будет союзно-республиканским. Это значит, что некоторые функции будут общими. В основном — разведка и контрразведка...

Вопрос: Чем концепция российского Комитета отличается от традиционной концепция КГБ СССР?

Ответ:...Главной задачей органов КГБ России должна стать в первую очередь защита личности, ее прав. Другой весьма важной задачей в настоящее время является защита экономического суверенитета Российской Федерации в условиях, по сути, развалившейся экономики, нарушения экономических связей, огромной утечки национальных богатств, в том числе за рубеж, разбазаривания их на местах...

Вопрос: Кто будет финансировать Комитет? Где он разместится?

Ответ: В этом году финансирование будет осуществляться из бюджета КГБ СССР. Впоследствии этот вопрос будет решаться особо. Пока не будет найдено подходящее помещение для центрального аппарата, КГБ СССР готов предоставить нам одно

из своих зданий на Лубянке.

Вопрос: Кем была предложена кандидатура исполняющего обязанности председателя российского КГБ Виктора Иваненко? Обсуждалась ли кандидатура Олега Калугина?

Ответ: Кандидатура Виктора Иваненко выдвинута Комитетом по безопасности ВС РСФСР и согласована с руководством российского парламента. Что касается кандидатуры Олега Калугина, то она обсуждалась на первом этапе. Впоследствии от нее отказались, чтобы не создавать серьезную конфронтацию между КГБ СССР и КГБ РСФСР.

Вопрос: Направляет ли вам специалистов КГБ СССР, пользуются ли преимуществами при переходе в новый аппарат обиженные, критически настроенные сотрудники советских спецслужб?

Ответ: Организация КГБ поручена нашему Комитету по безопасности ВС РСФСР и специальной комиссии. Кадры мы подбираем совместно с товарищем Иваненко... Никто не ставит сегодня задачу немедленно увольнять всех прежних сотрудников союзного КГБ, набирая на их место новых, обиженных и т. д. Главное требование — высокий профессионализм и готовность к защите Конституции, государства, прав человека...

Вопрос: Будет ли департизирован российский КГБ?

Ответ: Если соответствующий закон в Российской Федерации будет принят, то он будет касаться и органов госбезопасности.

Вопрос: Когда реально Россия будет иметь работающие структуры КГБ?

Ответ: Территориальные органы уже переходят под нашу юрисдикцию. Первый этап формирования центрального аппарата управления КГБ в России должен закончиться уже в этом году. Думаю, уже к сентябрю мы будем иметь достаточно налаженную структуру управления российским КГБ. Полное формирование «команды», осуществление структурных изменений займет минимум один-два года»

(С.В. Степашин, председатель Комитета по безопасности Верховного Совета РСФСР. «Россия», 12–21 мая 1991 года).

Спустя некоторое время после подписания майского протокола генерал-майор Иваненко был назначен первым Председателем Комитета государственной безопасности России, а майор Орлов — его помощником. Кроме них в КГБ России пришло еще пять человек. «Великолепная семерка» приступила к работе, заняв всего четыре кабинета на седьмом этаже старого здания КГБ на Дзержинке. Сам Председатель Комитета расположился в кабинете с символическим номером «777». Говорят, цифра «семь» приносит счастье. И те первые семь сотрудников Российского Комитета верили в это.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Первый человек, которого я встретил в КГБ РСФСР был Пржездомский, ^[58] помощник Председателя... Он меня встретил очень радушно, улыбался... вел себя спокойно, без всякого чванства. Обычно помощники Председателя — это жлобы какие-то!.. Я понял, что здесь какая-то другая атмосфера...

Иваненко, с которым у нас состоялся обстоятельный разговор, был совершенно не похожим на других руководителей, с которыми мне доводилось встречаться... Он потряс меня, прежде всего своей открытостью. Он не боялся высказывать свою точку зрения. Причем он говорил так, как будто приглашает меня к обсуждению. Он не давал установки и указания, а хотел услышать мнение. И ему это мнение очень интересно. Абсолютно нестандартно мыслящий человек, человек новой формации...»

(В.Н.Бабусенко, начальник Отдела правительственной связи КГБ России).

ИНФОРМАЦИЯ: «Иваненко — компромиссная фигура. Но и других-то, более лучших кандидатур, не просматривалось. Как говорится, «На безрыбье и рак рыба». Его очень ценил Толкунов, но, похоже, назначение состоялось не без помощи со стороны, скорее всего Агеева, которому Иваненко неоднократно лично докладывал результаты инспекторских проверок...

Вообще отношение к попытке сформировать российскую структуру КГБ и к самому Иваненко было неоднозначное. Многие не понимали, что это решение базировалось на сложившейся к тому времени обстановке... Оно было правильным. А конфронтация что бы дала? В любой драке, в

любом противостоянии, если стороны находят компромисс, кто-то теряет больше, кто-то — меньше. Это уже не играет никакого значения. Сам компромисс является результатом хорошим, успокаивающим, правильным. И КГБ РСФСР, и сам Иваненко были таким компромиссом...»

*(С.Е. Мартиросов, старший инспектор
Инспекторского управления КГБ СССР).*

С самого начала свою осторожно-негативную позицию в отношении Иваненко высказывали некоторые зарубежные средства массовой информации, усматривавшие в нем реальную угрозу для «нарождающейся демократии». Трудно сказать, было ли это спланированной акцией, призванной скомпрометировать перспективного руководителя российской спецслужбы и создать предпосылки для рассмотрения иной, «более демократичной» кандидатуры типа предателя Калугина, или это было проявления недоверия к любому сотруднику органов КГБ, которого следовало клеймить как «прислужника партии».

РАДИОЭФИР: «Иваненко... опроверг слухи о якобы готовящемся открытии корпункта «Радио Свобода» в Москве. Он заверил корреспондента, что ни при каких обстоятельствах ни в Москве, ни в России не будет открыт корреспондентский пункт «Радио Свобода», которое «слово чекиста, действительно существует на деньги ЦРУ^[59]». Если бы Иваненко делал это заявление до своего назначения шефом КГБ России, то есть до вхождения... в правительство Ельцина, тогда на его заявление можно было бы не обращать большого внимания. Мало ли остается реакционеров в аппарате КГБ? Но сейчас положение иное.

Совсем недавно, 17 апреля, Б. Ельцин, находясь в Париже, на пресс-конференции сказал о «Радио Свобода» такие слова: «Более правдивую информацию о работе Верховного Совета России, его руководства, правительства России, россияне узнают из информации «Радио Свобода»... Радиостанция эта дает информацию достаточно объективную, достаточно полную, и, в общем-то, мы им благодарны. Это как бы филиал «Российского радио».

Что же теперь получается? Виктор Иваненко, только-только

заступив на пост шефа российского КГБ, уже выставляет Ельцина... в очень неприглядном свете. Ельцин, выходит, объявляет «Радио России» филиалом организации, финансируемой ЦРУ. Как же они смогут работать вместе?.. Но более всего поразило меня «слово чекиста» Иваненко. Как же он и все его окружение должны быть далеки от нормальных людей, чтобы не знать, как сегодня могут воспринимать такую клятву!.. Уж лучше бы Иваненко дал «честное пионерское».

И разве не страшно, что такие вот внутренние эмигранты продолжают держать в своих руках рычаги власти даже в администрации Ельцина! Это ли не коренная причина всех бед страны — дестабилизации, кризиса и хаоса?»

(«Радио Свобода», 15 мая 1991 года).

РАДИОЭФИР: «Председатель Российского КГБ — генерал-майор Виктор Иваненко... Он член КПСС, и кандидатура его предложена Комитетом общественной безопасности... Накануне назначения Иваненко несколько раз встречался с руководством Верховного Совета РСФСР и, судя по всему, признан подходящим для этой должности... Когда у Иваненко спросили, чем, по его мнению, должно заниматься его ведомство, генерал ответил: борьбой с антиконституционной деятельностью в республике, включая попытки насильственного свержения существующего строя, то есть тем, чем до сих пор занималось переименованное Пятое управление КГБ СССР»

(Радиостанция «БиБиСи», 6 мая 1991 года).

«Станция «Калининская». Переход на станцию «Библиотека имени Ленина» и «Арбатская». Поезд дальше не пойдет. Просьба освободить вагоны». — Бесстрастный голос диктора возвестил о прибытии на конечную станцию метро Филевской линии. Орлов, все еще под впечатлением событий недавнего прошлого, оживших в его воображении, вышел из вагона, спустился по ступенькам в большой, залитый ярким светом холл и совершенно машинально двинулся по длинному мраморному коридору в сторону станции «Библиотека имени Ленина». Народу было уже заметно больше, конечно не столько, сколько бывает обычно в «час пик», но все равно достаточно много. В молчаливом движении толпы не

было заметно и тени беспокойства, какой бы то ни было тревоги или взволнованности. Она была сосредоточенно-озабоченной и чуть сонной, как это бывает в утренние часы.

Ничем особенным обстановка не отличалась и на улице. Те же спешащие по своим делам, в основном на работу, люди, еще пока не очень плотный поток автомашин, огибающий фигуру Железного Феликса^[60] в центре площади, небольшая группка у газетного киоска, поливальная машина, только что закончившая «орошение» центральных улиц и приостановившаяся у тротуара. Когда Орлов уже поднялся по ступенькам подземного перехода и стал подходить к своему подъезду в здании Комитета, у него возникла какая-то безотчетная тревога. Но и она оказалась напрасной. Прапорщик, как всегда безучастно скользнув взглядом по удостоверению, которое обязательно всегда брал в руки, пропустил Орлова в здание. До начала рабочего дня было чуть меньше часа, поэтому в лифтовом холле было абсолютно пустынно.

«Совершенно не похоже на чрезвычайную ситуацию», — подумал Андрей.

19 августа 1991 года, утро.

Москва. Площадь Дзержинского.

Здание КГБ СССР. Кабинет № 777

В кабинете Иваненко за рабочим столом сидел его заместитель, еще двое сотрудников сидели рядом за приставным столиком. Работал телевизор. Диктор сообщал очередную информацию о ГКЧП. Когда Орлов вошел в кабинет, они разом воскликнули:

— Ну вот, наконец-то!

— Что «наконец»? Я, как услышал, сразу поехал...

— А мы тебе звоним домой. Жена говорит: «Уже уехал». А тебя все нет!

— Что происходит? — спросил Орлов у зама. — Я толком все-таки не понял.

— Что, что! Переворот!

— А где...

— Иваненко там, — махнул он рукой куда-то в сторону. «В Белом доме», — понял Андрей. — Он уже два раза звонил, просил срочно разыскать тебя. Бери машину и езжай туда. Он в кабинете Бурбулиса. Ты

знаешь, где это?

— На четвертом этаже.

— Давай, дуй туда. Он ждет.

С этого мгновенья к чувству тревоги, охватившему Андрея с того момента, как он услышал заявление Правительства, добавилось ощущение какого-то лихорадочного возбуждения, не отпускавшего его все последующие августовские дни.

Доехать на черной «Волге» с комитетскими номерами от Дзержинки до Белого дома — пара пустяков. Движение в столице в эти утренние часы было еще небольшое. Орлов домчался до белоснежного здания на Краснопресненской набережной за каких-нибудь десять минут. Лихо заехав по пандусу на площадку перед фасадом, водитель поставил машину в ряд с уже стоявшими здесь легковушками. По всему было видно, что и здесь еще не наступило оживление: машин было немного, потока сотрудников, устремляющихся к подъездам, не наблюдалось.

19 августа 1991 года, утро.

Москва. Краснопресненская набережная.

Дом Советов РСФСР. Кабинет № 5–124

Внутри Белого дома все было несколько иначе. Пожалуй, только здесь Орлов почувствовал атмосферу нарастающей тревоги: куда-то спешили люди с озабоченными лицами, сновали корреспонденты с фотоаппаратами и телекамерами, проверявшие пропуска милиционеры с автоматами за спиной как-то особенно внимательно, даже несколько подозрительно, вглядывались в документы входящих в здание.

К удивлению Орлова, Иваненко сидел за письменным столом в громадном кабинете Бурбулиса совершенно один. Огромные окна, больше похожие на застекленные стены, делали кабинет еще более просторным. Стол с массивным письменным прибором и лампой под стеклянным зеленым абажуром, кипами бумаг, газет и журналов казался необъятным. Длинный стол для заседаний, стоящий поодаль, был буквально погребен под документами. Это были целые залежи, целые горы, найти среди которых что-либо казалось невозможным. Чего тут только не было! Какие-то сброшюрованные доклады и обзоры, аналитические записки и дайджесты, вырезки из газет и журналов. Половину стола занимали стопки книг, некоторые из которых были упакованы в пачки и перевязаны

бечевкой. Обращали на себя внимание красочные журналы на английском языке, несколько крупноформатных фотографий с изображениями Ельцина и его соратников. Было видно, что хозяин кабинета не отличается особым пристрастием к порядку и такой хаос привычен для него. Впрочем, некоторые люди умудряются находить все, что им нужно, даже в таком беспорядке.

— Ну наконец! Я только что звонил... Мне сказали, что ты поехал сюда, — выпалил Иваненко, протягивая руку Орлову.

— Виктор Валентинович, вы можете мне ясно сказать, что происходит?

— Ты что, сам не видишь? — как-то удрученно проговорил Иваненко. — Путч! Произошел военный переворот! Идиоты! Я не думал, что они решаться...

— А... А Горбачев об этом не знает?

Иваненко усмехнулся и посмотрел на Орлова взглядом человека, удивленного наивностью собеседника.

— Думаю, что Горбачев не в курсе.

— А Борис Николаевич? Может, он...

— Андрей! Да не будь ты таким наивным! Это все направлено не против Горбачева, а против Ельцина! Я же говорю: это настоящий переворот! Антиконституционный переворот!

Орлов растерянно смотрел на Иваненко. Он только сейчас в полной мере осознал, что это означает для них, сотрудников органов госбезопасности. Ведь Председатель КГБ СССР, по сути дела их вышестоящий начальник, — один из членов ГКЧП.

— А Крючков?

— Что Крючков? Я только что... вот... пять минут назад с ним говорил. Спрашиваю его: «Владимир Александрович, что происходит?» Он мне: «А вы где?» Интересно, а где я должен быть? Он говорит: «А! Мне ваша позиция понятна». Я ему: «Владимир Александрович, народ вас не поддержит, выйдет на улицы!» Ты знаешь, что он мне сказал? «За кого выйдет, за Горбачева?», а потом добавил: «Порядо-о-к надо наводить!»

Иваненко был взволнован. Он словно заново переживал этот тягостный разговор с Председателем КГБ СССР.

— Я ему сказал: мол, Владимир Александрович, это же — авантюра!

А он, знаешь, что мне ответил? — «История нас рассудит».

— Ну в этом он прав. История действительно нас рассудит...

ИНФОРМАЦИЯ: «Не хочу казаться пророком и

ясновидящим, но меня смущало то, что главным теневым руководителем ГКЧП был В. Крючков, Председатель КГБ СССР. Между собой мы его называли дедушкой. И не потому, что он был в годах, а за его нерешительность, просветительскую деятельность, а может быть, и профессиональную слабость. Он на всю страну неоднократно говорил об агентах влияния — и в то же время ничего не сделал для их разоблачения. Он был воспитан не руководителем-новатором, а человеком, который ничего не делал без санкции сверху...»

(Н.И. Легок, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР. «КГБ — ФСБ: взгляд изнутри». Москва, 2001 год).

Происходящее было неожиданным не только для Иваненко и Орлова. Никто из немногочисленного состава КГБ РСФСР, да и всего КГБ, даже не подозревал, что день 19 августа станет для многих точкой отсчета нового этапа жизни, насыщенного событиями и резкими поворотами...

ИНФОРМАЦИЯ: «После Всероссийского совещания до меня уже начали доходить тревожные слухи... Конкретного мне никто толком ничего не говорил. Но напряженность в отношениях Союза с республиками нарастала... Стала явной активность Бориса Николаевича, добившегося независимости... Что-то зреет! Но что? Ничего уточняющего ни по сути, ни по срокам, ни по действующим лицам не было...»

(Л.К. Стрельников, начальник Секретариата КГБ России).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «19 августа я находился в Кургане. Там получили сначала телеграмму Председателя КГБ СССР Крючкова. Начальник управления спрашивает меня:

— Что делать?

— Там обстановка такая, что в общем-то надо подождать... Ты ж видел: у Янаева руки трясутся...

— Будем ждать!

А через некоторое время по милицеским каналам пришла телеграмма от Иваненко. Он показывает мне ее и снова

спрашивает:

— Что делать будем?

Трудно тогда было принять правильное решение. И начальник управления довел до личного состава крючковскую шифровку, а телеграмму Иваненко положил и «подождем-с»... Но его можно понять: Когда ты получаешь указание от Председателя КГБ СССР, а затем от Председателя КГБ РСФСР, да еще через милицию...

Я был на совещании в Управлении и своими глазами видел наметившееся противостояние среди оперативного состава: одни — за коммунистов, другие — за демократов. Дело дошло чуть не до мордобоя...»

(С.С. Дворянкин, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «19 августа я был в лесу, в палатке. Под Медным, где мы с поляками, прокурорскими работниками и армейцами вскрывали захоронения.^[61] Проводили экспертизы, определяли, где кто похоронен... И вдруг сообщение по радио, и прекращается всякая информация. Я налаживаю связь через военных, затем мчусь в Тверское управление КГБ... Сразу понял — переворот. И одна только мысль беспокоила: чтоб стрелять не начали. Я же в Афгане^[62] насмотрелся на все эти перевороты...

Приезжаю в управление, узнаю, что неожиданно начальник заболел... На совещании руководящего состава зачитали телеграмму, полученную от Крючкова, а потом заместитель начальника говорит:

— Здесь находится представитель Центра полковник Скобелев, пусть он скажет, как нам действовать.

Я сказал тогда:

— Считаю, что пока никаких резких движений предпринимать не надо. Ситуация непонятная... В такой ситуации действует закон десантников: «Не знаешь, что делать, — не делай ничего»

(Ю.И. Скобелев, помощник начальника Десятого отдела КГБ СССР).

Российские чекисты, бывшие в полном неведении о готовящемся перевороте, не могли и предположить, что в недрах самого КГБ СССР есть «крот»^[63] — «демократический крот». Об этом стало известно из публикации во французском журнале «Пари матч». Его личность до сих пор остается загадкой для тех, кто пытался понять хитросплетения событий августа 1991 года.

ИНТЕРВЬЮ: «Вопрос: В своей книге вы утверждаете, что один сотрудник КГБ информировал демократов о назревающем путче. Как это было?

Госсе: Этот сотрудник КГБ, сторонник перестройки, 14 августа предупредил о том, что ультраправые силы партии намерены сместить Горбачева. Этот человек занимал важный пост в КГБ, но работал под гражданской «крышей». Наша встреча с ним проходила в лучших традициях шпионских романов: капюшон его куртки закрывал лицо, место встречи он назначил сам, пришел раньше нас и ушел первым. Этот информатор предупредил А. Яковлева,^[64] как годом раньше предупреждал Э. Шеварднадзе,^[65] о подготовке к захвату власти. В ходе путча этот «крот» продолжал поставлять информацию относительно того, что происходило в лагере путчистов... Он был осведомлен о передвижении войск...»

(У. Госсе, корреспондент французского телеканала «ТФ-1» в Москве. «Пари-матч», 14 ноября 1991 года).

ИНФОРМАЦИЯ: «Ельцину этот ГКЧП был нужен! Если бы его не было, его бы обязательно надо было создать! Он прекрасно знал о готовящемся путче... Лучше повода было не придумать!»

(Ю.И. Скобелев, помощник начальника Десятого отдела КГБ СССР).

— Виктор Валентинович, а делать-то что будем? — спросил Андрей.

— Нужно подготовить шифровку в территориальные органы. Срочно! Давай, садись! — Он указал Орлову на крупный столик, стоящий чуть поодаль. — Набросай текст телеграммы. Смысл такой: произошел антиконституционный переворот. Органы КГБ должны не ввязываться в эту авантюру, а поддержать законную власть. Понял? Сначала напиши, а

потом я подкорректирую! Я тебя оставлю здесь. Скоро должен приехать Ельцин! Я пойду, а ты не теряй времени!

Иваненко ушел, оставив Орлова одного. «Ничего не ясно! Что писать? Какие давать установки, когда сами ничего не знаем?» — лихорадочно проносилось у него в голове. Он встал, подошел к окну. Внизу с высоты четвертого этажа была видна площадка перед Белым домом, большая, опускающаяся вниз лестница, часть набережной Москвы-реки, близлежащие жилые дома. По набережной все так же, без суеты, в обе стороны двигались автомобили, редкие пешеходы, как всегда, целеустремленно шли по тротуарам. Однако теперь кое-где стали заметны кучки людей. К ним подходили все новые и новые, о чем-то оживленно говорили, время от времени бросая взгляды на Белый дом. У подъезда противоположенного крыла здания скопилась небольшая толпа, окружающая человека, который что-то говорил, энергично жестикулируя.

Орлов вернулся к столу, из стопки чистой бумаги взял три-четыре листа, положил их перед собой. «Что же делать? Надо найти какие-то слова, понятные и убедительные для всех. Но слишком много неясного», — в растерянности думал Андрей. Вдруг его внимание привлек какой-то шум за окном. Сначала вроде раздался скрип тормозов, потом возбужденные возгласы и, похоже, даже рукоплескания.

Он снова подошел к окну и, к своему удивлению, увидел в несколько раз увеличившуюся буквально за пару минут толпу, которая окружала три правительственных «ЗИЛа», по-видимому только что подруливших к Белому дому. Люди махали руками и что-то кричали. Сначала Андрей не понял их возгласов, но потом, прислушавшись, уловил — они скандировали: «Ель-цин! Ель-цин! Ель-цин!» Было видно, как плотно стоящая толпа расступилась и через образовавшийся проход в окружении охраны и в сопровождении каких-то людей в сторону подъезда шел Ельцин. Его вполне можно было узнать по белокурым волосам, высокому росту и уверенной походке. «Слава богу! — подумал Андрей, — Ельцин здесь. Теперь, наверное, появится ясность, что делать дальше!»

Орлов видел Ельцина не в первый раз, но, пожалуй, только сейчас появление Бориса Николаевича так сильно повлияло на его настроение — к чувству тревожного ожидания добавилось лихорадочное желание сделать что-то такое, что поможет резко изменить ситуацию, внести ясность в дальнейшее развитие событий.

Андрей не был человеком, преклоняющимся перед личностью Ельцина. Но, как и большинство советских людей, он увидел в нем человека, способного переменить жизнь к лучшему, сделать ее более

честной, справедливой, достойной. Тогда, в самый разгар перестройки, это было вполне естественным.

Впервые эту свою позицию Орлов публично обозначил, еще работая в «Прогнозе». Как-то раз, кажется это было в восемьдесят шестом, готовясь к политзанятиям, он взял в качестве основы для своего сообщения текст речи Ельцина на съезде, когда тот был еще первым секретарем Московского городского комитета партии. Ельцин тогда очень резко критиковал ЦК, говорил о том, что в партии появились «зоны вне критики», что надо отменить «особые блага для руководителей». Все это воспринималось как проявление необычайной решительности и смелости Бориса Николаевича, который, как тогда казалось, не побоялся выступить против партийной номенклатуры, за демократическое обновление КПСС.

Андрей Орлов, тогда еще старший лейтенант, но уже начальник лаборатории, тщательно проработав выступление Ельцина и почувствовав в нем близкие для себя мысли, с воодушевлением выступил на политзанятиях, к которым каждый сотрудник отдела по очереди готовил какую-нибудь животрепещущую тему. Товарищи восприняли выступление Орлова, особенно когда он делал акценты на «острых» местах, с нескрываемым интересом. Но на следующий день секретарь парторганизации, в общем-то уравновешенный и спокойный человек, с несвойственным ему раздражением сделал выволочку Андрею, будто именно он, а не Ельцин критиковал партийное руководство.

— Знаешь, Орлов, ты меня под монастырь подведешь. Мне за тебя... В общем, из парткома звонили... Больше не пропагандируй этого... — сказал секретарь, уединившись с Орловым в кабинете заместителя начальника отдела. — Ты меня понял?

— Так Ельцин — секретарь МГК!^[66] Я-то тут причем?

— Орлов, ты меня понял?

Да. Андрей его понял. Он понял также и то, что в партийной организации Комитета Ельцина еще долго будут считать диссидентом. Несмотря на это, его популярность среди рядовых коммунистов, как, впрочем, среди всего населения страны, росла не по дням, а по часам.

Размышления Орлова прервал неожиданно вошедший в кабинет Иваненко. Было совершенно очевидно, что он взволнован. По-видимому, разговор с Президентом был очень непростой, возможно, тот даже сказал Председателю КГБ России нечто такое, что привело его в тягостное настроение. В руке Иваненко держал какие-то листки с отпечатанным на них машинописным текстом.

— Вот, держи! — Виктор Валентинович протянул Андрею один из

листочков. — Обращение!
Орлов стал читать.

ДОКУМЕНТ: «Обращение к гражданам России.

В ночь с 18-ого на 19 августа 1991 года отстранен от власти законно избранный Президент страны. Какими бы причинами не оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым антиконституционным переворотом...»

Члены ГКЧП объявлялись «потерявшими всякий стыд и совесть путчистами», а военнослужащие призывались «проявить высокую гражданственность и не принимать участия в реакционном перевороте». Под текстом стояли подписи Ельцина, Силаева и Хасбулатова.

Дочитав до конца, Орлов поднял глаза на Иваненко. Тот в это время стоял у окна и рассматривал теперь уже выросшую в несколько раз толпу перед Белым домом. Было видно, что тексты обращения уже были и там — люди держали в руках листки бумаги, размахивали ими, что-то крича и скандируя.

— Ты понял? В шифровку надо включить это «Обращение» Полностью. И добавить, что органы должны действовать в соответствии с законом. Сделать это надо быстро. А то там у нас могут начудить на территории!

Андрей сел за стол. На чистый лист бумаги легли ровные ряды строчек:

«Председателям Комитетов госбезопасности республик РСФСР. Начальникам управлений КГБ СССР по краям и областям РСФСР. В связи с событиями, произошедшими в ночь с 18 на 19 августа 1991 года Президент РСФСР, Председатель Совета Министров РСФСР и и.о. Председателя Верховного Совета РСФСР обратились к гражданам РСФСР со следующим обращением...».

Орлов не стал переписывать текст обращения, а просто начертил прямоугольник и написал в нем слово «текст». При этом он посмотрел на Иваненко. Тот одобрительно кивнул.

Теперь надо было написать самое важное. Уже от себя. И именно то, что хотелось бы донести до органов госбезопасности по всей громадной стране. Андрей попытался сосредоточиться, но ничего путного в голову

ему не приходило. Всякие там призывы встать на сторону Президента России и не выполнять указания ГКЧП казались смертельно страшной крамолой. Писать так — значит полностью противопоставить себя союзному Комитету, что в условиях объявленного чрезвычайного положения можно было оценивать как призыв к государственной измене. «Нет, нужно что-то другое. Понятное для всех, но не конфронтационное, — думал Орлов. — Но что? Что? Как найти те единственные слова, которые нужны именно в этот критический момент?»

Он подумал еще немного и написал: «В этот критический для нашего общества момент все сотрудники органов госбезопасности России должны проявить выдержку, твердость, благоразумие, способность трезво оценивать политическую ситуацию в стране, не допустить хаоса и массовых беспорядков».

Затем прочитал написанное и молча передал Иваненко. Тот так же молча пробежал глазами по строчкам телеграммы и своей рукой вычеркнул слово «твердость». Потом немного подумал, смотря куда-то в сторону, и, зачеркнув слова «не допустить хаоса и массовых беспорядков», написал сверху строчки другое продолжение фразы: «...всемерно содействовать законно избранной народом власти...»

— Андрей, тут нужно добавить что-то еще... Что-то, побуждающее не участвовать органы КГБ в этом путче! Давай, подумай еще!

— А, может, не надо о путче?

— Нет, надо! Надо! Вещи надо называть своими именами!

Андрей вспомнил совершенно недавнее интервью Иваненко одному журналисту. В нем как раз шла речь о ситуации, которая возникла сегодня. Правда, тогда, чуть более месяца назад, никто не предполагал, что острый конфликт, требующий определить свою собственную позицию, а главное — конкретные действия, наступит так скоро.

ИНТЕРВЬЮ: «Вопрос: Как будет решаться вопрос подчинен* поста? КГБ РСФСР будет подчинен руководству союзного Комитета или органам власти России? И если возникнет ситуация, когда, скажем, Крючков и Ельцин будут занимать взаимоисключающие позиции и отдавать вам, соответственно, взаимоисключающие распоряжения, что вы будете делать?»

Ответ: Прежде чем давать команды спецслужбам, политические деятели должны разрешить вопросы на более высоком уровне. Это совершенно противоестественная ситуация,

если спецслужбы будут получать взаимоисключающие команды...»

*(В.В. Иваненко, Председатель КГБ России.
«Собеседник», 6 июня 1991 года).*

Мысли в голове у Орлова путались. Конечно, он понимал, что эта телеграмма в органы госбезопасности России может сыграть очень важную роль — не только проинформировать их о позиции высокого российского руководства, но и четко сказать людям, которые всегда отличались исключительным законопослушанием и теперь оказались раздираемы между каждым по своему понимаемым понятиями «долг», «честь», «совесть», что же им конкретно делать, как поступать. Андрей попытался сконцентрировать свое внимание, но ему мешал монотонный гул голосов, доносящихся с улицы. «Что они кричат опять?» — непроизвольно подумал он. Потом, прислушавшись, наконец, различил отдельные слова в шумном многоголосии: «Ель-цин! Рос-си-я! Ель-цин! Рос-си-я!»

ИНФОРМАЦИЯ: «Коша говорят, что, дескать, чекисты повинны в том, что рухнула Советская власть и распался Советский Союз, что они не защитили страну, как того требовала Конституция и присяга офицера, я хочу сказать одно: не простые коммунисты и рядовые чекисты повинны в этом...

Фактически на путь предательства интересов нашей страны встало руководство СССР вместе с представителями разных структур... Они не знали, что делать. У них, прежде всего у Горбачева, не было четкого стратегического плана, как реформировать страну и партию. КПСС состояла из самых разных, разношерстных по идеологии людей...

Именно тогда, Когда Горбачев был президентом, надо было принимать главное стратегическое решение по спасению Советского Союза... а это сделано не было»

*(С.Е. Мартыросов, старший инспектор
Инспекторского управления КГБ СССР).*

ИНФОРМАЦИЯ: «Горбачев — мямля, которого мы никак не могли вызвать на разговор... По инициативе некоторых сотрудников Инспекторского управления Крючков дважды

приглашал Горбачева выступить перед чекистами в колонном зале в доме два... Дважды мы, представители всех управлений центрального аппарата КГБ СССР, всего около ста пятидесяти человек, собирались в зале, Крючков уезжал в Кремль за Горбачевым, а потом возвращался... И нам сообщали, что Генеральный секретарь не придет, так как очень занят...»

(С. С. Дворянкин, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР).

Орлов посмотрел на Иваненко. Тот сидел за письменным столом Бурбулиса и набирал номер телефона. Или номер был занят, или никто долго не подходил, но Иваненко никак не мог начать разговор. Он все крутил диск, держа в руке трубку, и это раздражало Андрея еще больше, чем скандирующая толпа на улице. Потом в голове у Андрея мелькнула какая-то мысль, он сделал попытку ее ухватить, еще раз посмотрел на строки, написанные им и Иваненко, и тут его осенило: «Надо написать так, чтобы чекисты поняли: нельзя ввязываться им в эту свару! Иначе будет кровь!» Он подумал еще и снова взял ручку. На листе появились заключительные строки шифровки: «...содействовать законно избранной народом власти в предотвращении использования военной силы и возможного кровопролития».

Иваненко, быстро пробежав текст, одобрительно кивнул, но в конце все-таки добавил: «Уверен, что сотрудники органов КГБ РСФСР решительно откажутся от участия в антиконституционном перевороте».

ДОКУМЕНТ: Председателям Комитетов госбезопасности республик РСФСР, начальникам Управлений КГБ СССР по краям и областям.

В связи с событиями, произошедшими в ночь с 18 на 19 августа 1991 года, Президент РСФСР, Председатель Совета Министров РСФСР и и. о. Председателя Верховного Совета РСФСР обратились к гражданам РСФСР со следующим обращением:

«Обращение к гражданам России.

В ночь с 18-го на 19-е августа 1991 года отстранен от власти законно избранный Президент страны...

Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым реакционным антиконституционным

переворотом».

В этот критический для нашего общества момент все сотрудники органов госбезопасности должны проявить выдержку, благоразумие, способность трезво оценивать политическую ситуацию в стране, всемерно содействовать законно избранной народом власти в предотвращении использования военной силы и возможного кровопролития. Уверены, что сотрудники органов КГБ РСФСР решительно откажутся от участия в антиконституционном перевороте.

С настоящей телеграммой просим ознакомить весь личный состав.

*Председатель Комитета государственной
безопасности РСФСР генерал-майор В. Иваненко»*

(Текст проекта шифртелеграммы КГБ РСФСР).

В это время в кабинет стали заходить какие-то люди. Они что-то спрашивали у Иваненко, заносили и показывали какие-то бумаги, с недоверием косясь на сидевшего за круглым столом Орлова. Потом в кабинет вошел его хозяин — госсекретарь Бурбулис, сухощавый, с короткой и аккуратной прической с пробором и глубоко посаженными бесцветными глазами, что придавало его лицу какой-то «птичий» вид. Он скользнул своим равнодушным взглядом по Орлову, как будто это был какой-то посторонний предмет, случайно занесенный к нему в кабинет.

— Геннадий Эдуардович, это мой помощник, — представил Орлова Иваненко.

Бурбулис, как будто нехотя, протянул руку Андрею и, не задержав на нем взгляда, удалился в комнату отдыха, дверь в которую находилась в стене чуть левее письменного стола.

Неожиданно в кабинете появился Слава Бабусенко. Он уже успел, также как и Андрей, побывать в здании КГБ и напрямик рванул сюда, как только узнал, что Иваненко просил его приехать.

— Виктор Валентинович, готов выполнить любое задание, — полушутя-полусерьезно сказал Слава.

— Сейчас нет ничего важнее этой телеграммы. — Иваненко кивнул на листки бумаги в руках Андрея. Поезжайте в Комитет и быстро отправляйте шифровку. Медлить нельзя. Что будет — звоните! На всякий случай возьмите по экземпляру и добирайтесь врозь. И узнайте, как там

обстановка! Давайте! — Иваненко встал из-за стола, крепко пожал Орлову и Бабусенко руки и впервые за все утро улыбнулся:

— Осторожно... В штаб ГКЧП едете!

— Ничего, Виктор Валентинович, все будет в порядке. Отправим шифровку и вернемся! — С этими словами Орлов и Бабусенко вышли из комнаты. Во внутреннем кармане пиджака у Андрея лежал вчетверо сложенный листок бумаги, которому суждено было сыграть важную роль в разворачивающихся событиях. Такой же листок Слава убрал в карман куртки.

19 августа 1991 года, утро.

Москва. Площадь Дзержинского.

Здание КГБ СССР

Старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР Семен Енокович Мартиросов был на бюллетене. Как только он услышал по радио немало удивившую его новость об образовании ГКЧП, поехал на работу. Он терялся в догадках, что же реально произошло. Может быть, нашлись силы, которые положат конец вакханалии? Может, Горбачев и Ельцин одумались и, прекратив склоку, наведут порядок в стране, не допустят дальнейшего развала великой державы? Может, наконец, восторжествует разум, а не эмоции и низменные страсти? Но подспудно Мартиросов понимал, что все зашло уже очень далеко. Горбачев сдает одну позицию за другой, буквально теряя власть. А Ельцин, со свойственной ему напористостью, забирает эту власть.

На работе кое-что прояснилось. Лео Альфредович, начальник Мартиросова, сказал:

— Семен, не вовремя болеешь. Быстро иди в Юридическую службу и готовь шифртелеграмму на места. Тебя не было — я послал туда Третьякова.

— А что надо... Какие указания надо дать?

— Иди-иди! Там уже все знают. Председатель срочно поручил подготовить шифртелеграмму в органы на местах, чтобы объяснить им, что надо делать в этой ситуации... Я тебе ничего не могу сказать. Сам не знаю. Иди, не теряй времени!

Мартиросов быстрым шагом направился в соседнее здание. Странно, но в подземном туннеле, соединяющем оба корпуса — «старое» и «новое»

здания, ему не встретилось ни одного человека. Тревожные предчувствия овладели Семеном Еноковичем.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Я пришел в Юридическую службу. Там сидят ее начальник Алексеев^[67] и мой коллега по управлению Третьяков.^[68] Я спрашиваю их: «Что вы делаете?» Отвечают: «Шифровку готовим». Дают почитать, а в ней: «ни в коем случае не выполнять указания ельцинской группы», «полностью ей противостоять»... Да еще поставили мою фамилию, как исполнителя документа!..

Но наверху же никаких действий не предпринимается, Комитет сам ничего не делает, а местным органам дается команда действовать!

Они не знали сами, что делать, все выпустили из рук... А при этом решили дать указание органам госбезопасности как себя вести...

Можно себе представить, что бы натворили начальники на местах, если бы такое указание получили!? Каждый бы действовал как ему вздумается: один объявил бы гражданскую войну, другой начал бы стрелять и арестовывать, третий — еще как-то накалять обстановку. Такое указание давать было нельзя. Страна и так стояла на грани гражданской войны.

Об этом я сказал не только в Юридической службе, но и доложил зампреду Лебедеву...^[69] Я предложил, чтобы содержание телеграммы было примерно такое: «Никаких активных действий и участия в митингах. Контролировать обстановку, получив информацию незамедлительно докладывать руководству для принятия соответствующих решений...»

*(С.Е. Мартиросов, старший инспектор
Инспекторского управления КГБ СССР).*

Мартиросову показалось, что ему удалось убедить коллег подготовить шифровку с четкими указаниями местным органам госбезопасности не ввязываться в противостояние, не усугублять непродуманными действиями и так чрезвычайно сложную обстановку.

Но, как оказалось, текст, подготовленный с участием Мартиросова, не понравился Крючкову, и он потребовал придать телеграмме более «наступательный характер». К написанию окончательного текста

Мартиросова уже не привлекали и он остался в неведении, что же ушло в территориальные органы госбезопасности, да, возможно, еще и с его визой. В те дни неопределенности и непредсказуемости развития событий многие думали о том, как обезопасить себя от возможных разбирательств впоследствии, в будущем.

ДОКУМЕНТ: «Председателям КГБ республик, начальникам УКГБ по краям и областям (РСФСР)

О мерах по усилению контроля за политической и оперативной обстановкой

...В соответствии с Законом СССР «Об органах государственной безопасности в СССР» все органы госбезопасности на территории Союза, в том числе и КГБ РСФСР, УКГБ по краям и областям России, подчиняются высшим органам государственной власти республик и КГБ СССР.

С учетом изложенного, органам госбезопасности в нынешней обстановке необходимо принять все исчерпывающие меры по безусловному выполнению решений ГКЧП, обеспечивающие полный контроль за развитием ситуации на местах...

Необходимо обеспечить полное, непрерывное и объективное информирование Комитета госбезопасности по всем аспектам складывающегося положения, прогнозировать вероятный поворот событий и своевременно выходить с обоснованными предложениями.

Исключительно важно сохранить единство и сплоченность чекистских коллективов, объединенных общностью задач и интересов, действовать с пониманием своей высокой ответственности перед народом.

Председатель Комитета В. Крючков»

(Шифртелеграмма КГБ СССР № 72 752–318. 19 августа 1991 года).

Поразительно, что в одно и то же время, но в разных местах — один в Белом доме, а другой на Лубянке — Орлов и Мартиросов, еще пару месяцев назад бывшие коллегами в Инспекторском управлении и сидевшие в одном кабинете, готовили телеграммы, которым суждено было сыграть

исключительно важную роль в августовские дни 1991 года.

Несмотря на то, что они волею судьбы оказались по разные стороны противостояния союзной и российской властей, мыслили они практически одинаково: и тот и другой предлагали своему руководству дать указания территориальным органам госбезопасности не втягиваться в противоборство, не применять силовые действия для реализации решений, принимаемых враждующими сторонами, будь то ГКЧП или команда Ельцина. И Орлов, и Мартыросов понимали, что при том накале страстей, недовольства и непримиримости, который охватил советское общество, любые неосторожные действия могут вызвать кровавые столкновения. Причем их масштабы, учитывая страшные эпизоды прошлого нашей страны, могли бы оказаться несоизмеримо большими, чем в странах Восточной Европы.

19 августа 1991 года, утро.

Москва. Центр

Выйдя из Белого дома, Бабусенко и Орлов отправились каждый своим маршрутом в здание КГБ СССР, где их с нетерпением ждали несколько человек, составляющих костяк КГБ РСФСР.

На обратном пути Андрей обратил внимание на кучки людей, собравшихся у газетных киосков, на перекрестках, у подъездов домов. Они что-то взволнованно обсуждали, о чем-то спорили, что-то яростно выкрикивали в адрес неведомых врагов. Когда машина остановилась у светофора перед поворотом на проспект Маркса,^[70] Андрей услышал доносящийся откуда-то сверху, наверное, из раскрытого настежь окна дома на противоположной стороне, суровый голос диктора, зачитывающего очередное постановление ГКЧП: «...в недельный срок разработать постановление, предусматривающее обеспечение в 1991–1992 годах всех желающих городских жителей земельными участками для садово-огородных работ в размере до 0,15 га...»

«Какие участки? Почему в недельный срок?» — недоумевал Орлов. То, что доносилось из динамиков, казалось полным бредом. Страна катилась в тартарары, власть уже почти валялась на дороге, и ее готовы были подхватить кому не лень. Горбачев, уже всем надоевший своим безудержным словоизвержением, своими обещаниями и увещеваниями, был где-то далеко и, похоже, уже не способен удержать страну от скатывания в пропасть. Из кухонь и курилок споры вырвались на улицы и

площади больших городов, которые бурлили от возбужденных толп, требующих сменить «прогнивший режим». Даже те, кто никогда не отличался резкостью характера, стали в это время просто невменяемыми. Деятели, доселе дремавшие в президиумах и на пленумах, вдруг превратились в непримиримых борцов, а гонимый и преследуемый центральной властью Ельцин — в единственную путеводную звезду, в которую поверили и за которой готовы были пойти миллионы людей. И тут — чрезвычайное положение, приостановление деятельности всех партий, запрет митингов, закрытие газет, введение комендантского часа! Все это уже не могло спасти положения, так как не было такой силы, которая была бы способна реально выполнить решения новообразованного комитета по чрезвычайному положению.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «В первой половине августа 1991 года произошли какие-то психологические изменения в отношении союзного Управления правительственной связи к нашему отделу. Я это резко почувствовал. Наш союзный начальник Беда^[71] отказался от контактов со мной... Еще вчера он оперативно решал все возникающие вопросы... без всяких колебаний рассматривал острые проблемы в нашу пользу... Теперь же я даже не мог с ним связаться и почувствовал: что-то «варится»... Готовятся какие-то решения... Мы видели многозначительно улыбающиеся лица, а наши предложения натывались на полное благодушие. Они не знали конкретно, что произойдет, по им наверняка сказали: «Подождите».

Не мог понять, что происходит. «Может быть, виноваты летние отпуска?» — думали мы. Во всяком случае август вплоть до самого путча оказался наиболее спокойным месяцем...»

(В.Н. Бабусенко, начальник Отдела правительственной связи КГБ России).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Мы тогда сидели как на пороховой бочке. Я — воробей стреляный. Хотя широкий круг в подготовку путча не был посвящен, я чувствовал по каким-то намекам: по тому, что никто не хочет ничего делать... все прячут свои «хвосты», сидят на конъюнктуре, нос по ветру держат... — что-то готовится! Никто ж не работал! Очень похоже было на афганских солдат. Если ты его не начнешь пинать, он будет

лежать за камнем и стрелять не глядя до тех пор, пока не истратит весь рожок!»

(Ю.И. Скобелев^[72], помощник начальника Десятого отдела КГБ СССР).

Черная «Волга» обогнула памятник Дзержинскому и свернула к шестому подъезду большого серого дома. Из подземного перехода, со стороны улицы Кирова и Фуркасовского переуллка к зданию КГБ двигались буквально потоки людей. Это сотрудники госбезопасности, кто по вызову, кто по собственному разумению, устремились туда, где рассчитывали обрести ясность в развитии обстановки, понять, что происходит и что следует делать. Многие из них находились в отпусках, кто-то работал «в городе», некоторые отдыхали после дежурства или ночной работы. Но, услышав не совсем внятные сообщения по радио и телевидению, они полагали, что их место сейчас там, где, как их учили, они должны быть в непредвиденной ситуации, — на службе. Они рассчитывали, что «отцы-командиры» точно знают, как надо действовать, чтобы все не скатилось к кровавым разборкам и столкновениям.

ИНФОРМАЦИЯ: «...Создание ГКЧП в конторе было воспринято по-разному. Кто-то замер, ощутив исходящий от него леденящий холод. Кто-то, напротив, стряхнул оцепенение и начал проявлять признаки активности. Им казалось, что наступают критические дни, способные вернуть все на круги своя. В коридорах слышались скрытые угрозы: «Мы им покажем!» Впрочем, конкретно сказать, кому именно «покажем», никто не мог...»

(А.Г. Михайлов, начальник пресс-службы Московского УКГБ. «Портрет министра в контексте смутного времени: Сергей Степашин». Москва, 2001 год).

Андрею казалось, будто сложенный вчетверо лист бумаги в кармане пиджака жжет грудь. Впервые в жизни он ощутил себя в роли человека, совершающего какие-то запретные действия — поступок, который может быть кем-то расценен как неподчинение. Это органически противоречило самому существу характера Орлова, который, сколько себя помнил, всегда был исполнительным и законопослушным. Ослушаться приказа было для

него просто немыслимым. Сын офицера, сам отслуживший срочную службу в армии, причем в сержантской школе, а теперь офицер госбезопасности, он и помыслить не мог не выполнить указаний вышестоящего начальника. Даже тогда, когда понимал их никчемность или даже тупость.

И вот теперь он несет в здание КГБ СССР бумажку с текстом, который, по сути, требует от сотрудников органов госбезопасности не подчиняться указаниям власти! Ведь ГКЧП потребовал «неукоснительного исполнения» своих указаний от каждого гражданина и должностного лица. А Иваненко — «уверен, что сотрудники органов КГБ РСФСР решительно откажутся от участия в антиконституционном перевороте».

А раз откажутся — значит, не выполняют! Значит — не подчинятся! Вот ведь какие дела!

«А что, если меня арестуют прямо на входе? — пришла Андрею в голову тревожная мысль. — Может быть, Крючков уже дал команду арестовать всех сотрудников Российского комитета? На всякий случай! Чтоб не препятствовали! И Слава Бабусенко сидит уже где-нибудь под замком?» Но он отбросил эти нелепые мысли и решительно взялся за ручку массивной двери.

19 августа 1991 года, утро.

Москва. Теплый стан

Кузин узнал о том, что в стране введено чрезвычайное положение, находясь дома, на больничном. Честно говоря, он не болел. Просто ему нужно было несколько дней для того, чтобы закончить ремонт в квартире. Мастера, которых он нанял для этого, работали из рук вон плохо и все время норовили что-нибудь сделать тяп-ляп. Его жена, тихая, миловидная женщина с аккуратной прической, работавшая врачом-стоматологом, справиться с этой оравой, естественно, не могла.

После того как ученый совет отказал Кузину в защите диссертации, он резко изменил свои первоначальные планы и решил полностью посвятить время благоустройству своего жилища. Квартира его находилась в одном из стандартных домов в Теплом Стане и, конечно же, не отвечала представлениям Кузина о комфорте. Но сменив свою старую машину на темно-вишневую «семерку», Олег Юрьевич снова оказался «на нуле». Переход на новое место работы отодвинулся на неопределенное время, и он снова стал задумываться о том, что пора завершать службу и подыскивать

себе место под солнцем, благо совместных предприятий с каждым днем становилось все больше и больше. Но вот незадача: после того, как человек, с которым Кузин встречался полгода назад в ресторане, вручил ему энную сумму, Олег Юрьевич почувствовал, что «попал на крючок». Сначала мягко, а потом все более жестко и настойчиво от него стали требовать «отработать» полученный аванс.

Сначала Кузин находил поводы для того, чтобы отказаться от встречи со своими кредиторами, но однажды ему недвусмысленно дали понять, что водить себя за нос не позволят.

Как-то раз Кузина подозвали к телефону и он, полагая, что звонит его приятель, уже настроился на то, чтобы договориться с ним о предстоящей поездке за город. Однако вместо голоса друга он услышал поразительно знакомый, но не ясно кому принадлежащий голос.

— А кто это говорит? — спросил Кузин.

— Анатолий Алексеевич, — проговорил незнакомец и замолчал, как бы давая понять, что этого вполне достаточно, чтобы Кузин узнал его.

— Какой Анатолий Алексеевич? — похолодев, спросил Олег.

— Нехорошо, Олег Юрьевич, — проговорили на том конце провода. — Нехорошо. Вы по-прежнему считаете, что Комитет изжил себя, или...

— Вы... вы что-о-о? Я понял, понял! — с испугом проговорил Кузин и посмотрел по сторонам, как будто захотел убедиться, что их телефонный разговор не привлек чьего-либо внимания, — Я узнал... узнал вас!

Кузин, конечно, помнил этого человека и тот день, когда получил заветные пять тысяч на машину. С того времени Олег Юрьевич ни разу не видел Анатолия Алексеевича. На Кузина выходили от его имени какие-то люди, предлагали встретиться, напоминали о его желании работать в фирме. Он обещал, потом, ссылаясь на занятость, болезнь или командировку, отодвигал намечаемую встречу. До сих пор ему это удавалось, но теперь он буквально кожей почувствовал, что на этот раз ничего не выйдет, увильнуть не получится.

— Ну вот и хорошо, что вспомнил, — проговорил Анатолий Алексеевич и, не спрашивая согласия Кузина, назначил ему встречу в том же месте, что и полгода назад.

Разговор был уже совершенно другой. Если в прошлый раз Анатолий Алексеевич пускался в пространные рассуждения о том, какими мотивами Кузин должен руководствоваться, соглашаясь на сотрудничество с его фирмой, то теперь он просто сформулировал перед Олегом Юрьевичем конкретную задачу и обозначил срок, к которому она должна быть выполнена.

— Я знаю, что вы участвовали в исследовании по немецким фирмам, работающим на русском рынке. Через две недели я жду от вас полный список тех из них, в отношении которых у КГБ есть данные, что они занимаются шпионажем на территории СССР или...

— Вы что, Анатолий Алексеевич? Это же... — прошептал Кузин, сразу почувствовавший, как у него пересохло в горле. — Это же совершенно секретные сведения...

Собеседник ничего не ответил, а только каким-то тяжелым, недобрый взглядом посмотрел на Кузина, потом достал что-то из внутреннего кармана пиджака и положил на стол. Маленькая черная коробочка округлых форм с миниатюрными кнопками выглядела несколько странно на столе, уставленном блюдами с закусками. «Диктофон!» — понял Кузин, но все равно спросил:

— Что это?

Анатолий Алексеевич усмехнулся и молча нажал кнопку на диктофоне.

«...Мне всегда было тесно в рамках системы... было бы лучше, если бы я работал бригадиром на каком-нибудь полуразвалившемся заводе или инженером в каком-нибудь занюханном НИИ?.. Я юрист, закончил Высшую школу КГБ, знаю оперативную работу, много занимался научной работой...» — Кузин узнал свой голос. Он с ужасом смотрел на миниатюрный приборчик, издающий страшные для Кузина слова.

Анатолий Алексеевич спросил:

— Хватит? Там еще про деньги есть!

Кузин сидел, опустив голову. По нему было видно, что только сейчас он, по-видимому, понял, в какой степени зависимости он оказался от своих новых «друзей».

— Повторяю, Олег Юрьевич. Ровно через две недели я жду материал. Если будете опять избегать нас, то я вынужден буду...

Кузин поднял голову, посмотрел на Анатолия Алексеевича и тихо сказал:

— Не надо. Я все понял. Я постараюсь.

— Ну вот и хорошо. Через две недели я жду вас здесь же. До встречи!

Анатолий Алексеевич встал и, не оборачиваясь, пошел к двери.

С тех пор Кузин начал совершенно новую для него жизнь. Разумеется, он выполнил свое обещание и передал сведения о западногерманских фирмах. Достать их ему было довольно просто. В научной библиотеке «Прогноза» он взял пухлое дело с материалами законченной научно-исследовательской работы, якобы для подготовки годового отчета. Затем

аккуратно, насколько мог, столбиком переписал на отдельный листок бумаги все указанные в одном из документов фирмы, которых насчитывался не один десяток. В рабочую же тетрадь, как и полагается пронумерованную, прошнурованную и скрепленную мастичной печатью, он сделал несколько выписок из разных документов. Это на случай, если кто-либо захочет проверить, для чего он брал дело. Ведь каждый раз в регистрационной карточке делалась соответствующая запись, в конце которой в обязательном порядке расписывался любой сотрудник, берущий дело хотя бы на пять минут. Таков был жесткий порядок ознакомления с секретными материалами. Впрочем, тот, кому хотелось его обойти, всегда мог найти способ это сделать. Вот и Кузин, пользуясь тем, что был одним из разработчиков той научно-исследовательской работы, практически имел свободный доступ к «своим» материалам, что и позволило ему «перекачать» часть из них туда, где оценивали подобную информацию гораздо дороже, чем в Комитете госбезопасности.

Потом было еще одно поручение, затем следующие. Сначала Кузин очень боялся, что кто-то обратит внимание на его суету вокруг документов, но очень скоро понял, что сейчас было не до него. Нервозность, вызванная постоянными нападками на органы КГБ, резкое падение престижа профессии чекиста — все это не могло не наложить отпечатка на настроение сотрудников. Некоторые из них, таких было, правда, еще меньшинство, разочаровавшись в своей работе, подумывали о том, как поскорее уйти из Комитета, чтобы не оказаться в хвосте событий, успеть вскочить в набирающий ход «рыночный» поезд, вписаться в многоукладность экономики. Что и говорить, именно тогда отдельные сотрудники органов госбезопасности стали задумываться о том, что их работа в ЧК может стать неплохой крышей для предпринимательских структур и позволит существенным образом поправить свое материальное положение. Кузин, наверное, был одним из первых, кто понял это и начал извлекать для себя пользу из почти уже не интересующей его и надоевшей работы. Через некоторое время после возобновления контактов с Анатолием Алексеевичем Кузин смог приобрести теплый гараж для новой машины, потом построить на даче баньку, а главное — осуществить свою давнишнюю мечту: купить дорогостоящую стереосистему фирмы «Сони».

В общем, у Олега Юрьевича после того, как он почувствовал результаты своего, как он говорил, «дружеского взаимодействия» с Анатолием Алексеевичем, стало все складываться как нельзя лучше. Он стал уже подумывать о том, чтобы улучшить свои жилищные условия, как вдруг кто-то из сослуживцев не то в шутку, не то всерьез спросил:

— Кузин, тебе чего, тетка из Америки наследство оставила? Смотри, живешь на нетрудовые доходы!

Он тогда начал суетливо оправдываться, подыскивая необходимые объяснения, но его сослуживец только похлопал его по плечу и сказал:

— Не бойсь, Кузя! Никому не скажу!

С тех пор в душе Олега Юрьевича поселилось чувство тревоги и он стал более осторожным, чем прежде. От идеи приобретения новой квартиры он отказался, но решил «накопленные» деньги пустить на ее ремонт, который он и начал в первых числах августа.

Утром девятнадцатого августа он, как и все, услышал сообщение о введении чрезвычайного положения в стране и создании ГКЧП. Сначала из тревожно звучащих слов диктора он ничего не понял. Ему даже показалось, что по радио передают фрагмент какого-то радиоспектакля, где в ходе действия заболевает Президент и этим пользуется группа его приближенных, чтобы лишить его власти. Но потом Кузин понял, что передаваемое сообщение совсем не шутка. Прибавив громкость, он даже вздрогнул от услышанного:

«...решительно вести борьбу с теневой экономикой, неотвратимо применять меры уголовной и административной ответственности по фактам коррупции...»

В голове у Олега Юрьевича роились самые разные мысли, но среди них преобладала одна: что же сулит введение этого ГКЧП для него, для Кузина? Получалось, что ничего хорошего, так как новая власть обещала покончить со всем тем, что открывало для него самые блестящие перспективы, более того, создавала реальную угрозу для его благополучия. «Вот сволочи! — думал Кузин, — Только начали жить по-настоящему, а они опять свое — «защита интересов народа», «недопущение хаоса», «сползание общества к катастрофе»! Теперь все пойдет прахом!»

— Олечка, ты мне можешь объяснить, что стряслось? — озабоченно спросила Надежда, жена Кузина, считающая своего мужа человеком незаурядным, чрезвычайно способным и незаслуженно незамеченным.

— Я что-то сам не пойму. Похоже, что это — переворот.

— И что же делать?

— Да ничего. Я на бюллетене. Ввязываться в это... Сейчас лучше переждать дома. Кто его знает, как там дальше будет! Видишь, говорят Горбачев болен. А может, совсем не болен! Нет, я болт забил на это!

— Сегодня рабочие придут в десять...

— Если они вообще сегодня придут! — в раздражении выпалил Кузин. — Ты чего, не понимаешь?

— Я...

— Едрён батон! Пораскинь своими куриными мозгами! — внезапно очень грубо прокричал Кузин. — Ты же видишь, сейчас все пойдет взад! И не видать нам ничего! Опять станем быдлом! Так отоварят — мало не покажется!

Для Надежды грубость мужа не была неожиданной. Она давно привыкла к его резкости и вспышкам гнева, объясняя их особенностями его неуживчивого характера и непризнанием людьми его многочисленных талантов, а начальниками — его выдающихся способностей. Она верила рассказам мужа, что, где бы он ни работал, его везде окружала непроходимая серость. Что только из-за козней неудачников и тупости начальства он не смог продвинуться по службе и защитить диссертацию. Конечно, она понимала, что многие неудачи мужа объясняются его завышенной самооценкой, самомнением и амбициозностью. Но она, несмотря ни на что, любила его и всегда находила для себя оправдания его вспыльчивости, а нередко и прямо-таки хамского поведения.

— Ну и правильно, Олежка. Лучше побудь пока дома.

— «Побудь пока дома!» — передразнил ее Кузин. Что «дома»? Тут не ясно, куда грести! Может, надо что-то делать?

— Ну, так ты что хочешь?

Олег Юрьевич задумался, почесал затылок, как будто размышляя о том, что действительно ему предпринять:

— Я, пожалуй, съезжу разузнаю, как и что!

— Куда? На работу?

— Да нет! Поеду на Лубянку к Игорьку... Он, наверное, лучше знает... Посоветует. — И, повернувшись, к жене, сказал: — Когда придут работяги... Если придут... Проследи, чтоб плинтусы аккуратно подогнали. А то... за ними не посмотришь — нахалтурят!

19 августа 1991 года, утро.

Москва. Площадь Дзержинского.

Здание КГБ СССР. 6-й этаж

К зданию КГБ на площади Дзержинского Кузин приехал, когда уже основная масса сотрудников, спешащих на работу, схлынула. Ничего необычного ни на площади, ни в переулках, окружающих здание, Кузин не заметил. Десятка два автомашин, преимущественно черных «Волг», пустой

автобус неподалеку от четвертого подъезда да продуктовая машина, разгружающаяся у дверей сорокового «Гастронома», — вот, пожалуй, и все, что оживляло пейзаж здания, в стенах которого разворачивались драматические события августа 1991 года.

— Олег, ты же болеешь! — Такими словами, вскинув от неожиданности брови, встретил Кузина Игорь, давний его приятель. С ним в кабинете сидело еще двое сотрудников, но в этот момент их не было на рабочих местах, и Кузин, отметив про себя, что это очень кстати, решил расспросить товарища о подробностях происходящего.

Игорь был невысокого роста, но необычайно плотный, даже, можно сказать, несколько тучный. Круглое лицо, короткая стрижка, толстые, всегда влажные губы, широко расставленные глаза с кустистыми бровями, мясистый нос — все это придавало его внешности грубоватое выражение. Кузин знал, что Игорь очень нравится сам себе, считает себя не только неотразимым мужчиной, но и исключительно практичным человеком. Наверное, это было действительно так. Выросший в семье пограничника, он сам после школы поступил в пограничное училище, но, окончив его, пошел служить не на границу, а в одно из самых секретных управлений Комитета, которое в обиходе называлось «бункерным». Там неплохо платили, а главное — шла льготная выслуга, хотя периодическое нахождение в подземных казематах не доставляло особого удовольствия и, как он говорил, «сильно давило на психику».

В сущности, Игорь и Олег были совершенно разными по характеру людьми. Объединяло их, скорее всего, лишь одно качество — исключительный цинизм ко всему тому, что происходит вокруг. Оба они, считающие себя центром мироздания, а остальных людей бесцветной массой, призванной лишь удовлетворять их личные желания и намерения, сходились в одинаковом понимании смысла жизни. И тот и другой считали, что главное — во что бы то ни стало добиться места под солнцем. И если для этого надо пройти по судьбам и жизням других людей, если надо предать или солгать, то каждый из них сделал бы это не задумываясь. Удивительно, как такие люди могли ужиться в системе госбезопасности, где очень высоко ставились моральные качества человека, причем это было не показное требование, а один из основных критериев оценки личности. И что бы ни говорили о ЧК и чекистах в последующие годы, такие понятия, как совесть и честь, были для них не простым звуком. «Морально устойчив» — писали в аттестациях и представлениях на присвоение воинских званий. И, как правило, писали неспроста. В чекистской среде в те годы не терпели двурушников. Именно поэтому каждый факт

предательства, морального разложения или грубого нарушения неписаного кодекса чести становился чрезвычайным происшествием, которое большинство сотрудников органов КГБ воспринимали как постыдное для всех исключение. Но, как говорят, в семье не без урода.

Игорь и Олег подружились еще в «Вышке», где учились в одной группе, и, хотя потом дальнейшая служба развела их по разным подразделениям, дружеские отношения между ними не прекратились. Правда, вскоре после завершения учебы Кузин женился на симпатичной выпускнице медицинского института, но это обстоятельство также не нарушило их дружбы. Они регулярно ходили вместе в пивбар, несколько раз летом выезжали в компании с другими бывшими однокашниками и нынешними сослуживцами за город «на шашлыки», бывали друг у друга в доме.

Игорь вел довольно раскованный образ жизни. Не обремененный семьей, он любил кутежи и попойки, шумные компании и общение с женщинами легкого поведения. Несколько лет назад он сошелся с женщиной, которая жила в его доме этажами ниже. От первого брака у нее был сынишка-дошкольник — худенький, болезненный мальчик с большими грустными глазами, который редко смеялся и, как правило, тихо играл где-то в уголке в свои незамысловатые игрушки. После первой же ночи, бурной и страстной, которую Игорь провел у этой женщины, он предложил ей жить вместе. Но при этом не терпящим возражения тоном сказал:

— Только пацана этого ко мне не вздумай таскать. Чтобы духу его не было в моей квартире. Понятно?

Женщина обреченно кивнула. Так они и жили: днем оба находились на работе, а вечером женщина забирала сына из садика, кормила его ужином и, уложив спать, поднималась к Игорю. Утром она вставала ни свет ни заря, спускалась в свою квартиру, на скорую руку готовила завтрак ребенку, кормила его и отводила в детский садик. По выходным Игорь, как правило, отправлялся куда-то со своими приятелями и мать могла побыть с сыном. Они гуляли около дома или ходили в Битцевский лесопарк. Но никогда и никто не видел Игоря вместе с ее сынишкой, да и вдвоем они появлялись на людях нечасто. Женщину эту соседи видели с заплаканными тазами. Видно, сердце ее разрывалось между мужчиной, с которым у нее были уже почти супружеские отношения, и ребенком, которому она так и не смогла найти отца. Вскоре между Игорем и этой женщиной произошел какой-то разрыв и она перестала появляться на его этаже, а через некоторое время вообще уехала неизвестно куда, и больше их с сыном никто не видел.

Спустя год или два Игорь, которого все считали убежденным

холостяком, крайне удивил своих сослуживцев, когда вдруг заявил о предстоящей женитьбе. Но удивление коллег по работе было связано не с самим этим фактом, а тем, кто была его невеста: известная всем сотрудникам управления девушка, интеллигентная, с тонкими чертами лица и, что редко бывает в настоящее время, с длинной красивой косой. Работала она в секретариате, и поэтому общаться с ней приходилось практически каждому. Многие сотрудники управления, а это были сплошь одни мужчины, пытались приударить за ней, но из этого ничего не выходило. Она никого и близко не подпускала к себе, старалась со всеми держать себя ровно и независимо. Ей было уже лет двадцать семь и, хотя она смотрелась хорошенькой девочкой, кое-кто за глаза зло называл ее старой девой.

И вот — на тебе! Игорь, этот безалаберный, хамоватый и, в общем-то, недалекий человек, женится на такой умной и утонченной девушке. Никто не мог понять, чем он заморозил ее, почему она, до сих пор безразличная ко всем домогательствам мужчин, вдруг согласилась стать его женой. Может быть, в нем она увидела какой-то романтический образ, навеянный ей книгами, или внутренний голос-искуситель сказал: «Поторопись, а то останешься одна!» Однако прошло некоторое время, пересуды закончились и уже никому не было дела до того, как жил Игорь со своей новой женой.

Через несколько месяцев после свадьбы сослуживцы молодоженов заметили, что в их семействе намечается прибавление, а еще через некоторое время жена Игоря заболела. Что произошло с молодой женщиной за это время никто не знал, но после той болезни она начала буквально чахнуть. И без того тонкие черты ее лица обострились, бывшая задумчивость превратилась в подавленность, и теперь уже никто не обнаруживал на ее лице даже намек на улыбку. Нередко ее видели с заплаканными глазами, тихую, жалкую и несчастную. Потом вдруг пополз слух: она больна. Больна тяжело. Кто-то даже сказал: «Это — рак!»

Все это никак не сказывалось на поведении Игоря. Он по-прежнему вел себя развязно: рассказывал в курилке скабрзные анекдоты, посвящал друзей в подробности своих любовных похождения, продолжал проводить свободное время со своими приятелями в кутежах и попойках. Когда его спрашивали о состоянии жены, он раздосадованно махал рукой: мол, чего уж тут рассказывать. А однажды, как-то брезгливо сморщившись, сказал при всех:

— А! Она уже не жилец! Разлагается живьем!

В этих словах не звучало ни толики сострадания или сочувствия, а только досада на то, что ему, Игорю, в очередной раз не повезло. И действительно, жена его угасала с каждым днем, мучаясь от нестерпимых

болей, а наверное, еще больше от того, что рядом с ней не оказалось близкой и сочувствующей души, которая могла бы облегчить ее страдания и позволить хотя бы на миг забыться от них. Так она и умерла в безысходной тоске и одиночестве. А Игорь, похоронив ее, обрел явное облегчение, продолжая с еще большим размахом свою беспорядочно-кутежную жизнь.

— Ты же болеешь! Чего приперся-то? — снова спросил Кузина Игорь.

— Болеешь! Да тут такое творится! Как я могу сидеть дома? Ты лучше расскажи, что происходит!

— А чего происходит? Думаешь, я знаю? Ну, ГКЧП этот... Наш-то, наверное, главный там! Никто ничего не говорит! И вчера... Даже намека никакого не было!

— И что, вас не собирали?

— Да ты чего! Конечно, не собирали! Такие вещи делаются... — Он не договорил, а только сделал рукой неопределенный жест, должный, наверное, продемонстрировать, «как это делается».

— Ну а нам-то чего делать? — спросил Кузин. — Сейчас заварится каша и нас...

— Ой, да ничего не заварится! Ну уберут Мишу. Так хватит ему болтать! И всякую шушеру, которая тут повыползала, зажмут! Нам-то с тобой что? Денег, что ли, платить меньше будут? — даже несколько ехидно сказал Игорь.

— Да! А то платят много! — с кривой усмешкой проговорил Олег.

— Ну, много не много, а все-таки платят! А ты чего, решил срываться?

— Ты же знаешь! Я тебе говорил.

— Я думаю, Олег, ты погоди! Еще не ясно, что будет дальше. Сейчас демократов погонят знаешь как!

— Ты думаешь?

— А ты чего, не слышал постановления ГКЧП?

— Слышал.

— Ну вот. Подумай сам.

Они помолчали. Потом Кузин, как бы размышляя вслух, проговорил:

— Понимаешь, если это серьезно, то... — Он запнулся. — То Комитет... Ну, в общем, я не вижу никакого движения. Все сидят по кабинетам и судачат. Если это, — он понизил голос, — военный переворот, то наши должны быть задействованы на полную катушку. А тут — тишина!

— А тебе должны продемонстрировать что-то? Где надо, там действуют... наверное!

— Ладно, я думал, ты что-то знаешь! Пойду, пробегусь.

— Да не колготись ты! Все будет путем!

— Ладно, пока! — Олег хлопнул Игоря по плечу. — Если что — звони! Я болею!

— Давай!

Кузин спустился двумя этажами ниже, отметив, что на каждой лестничной площадке было заметно непривычное оживление. Группками около окон стояли сотрудники. Они курили, о чем-то переговаривались, даже спорили. Повсюду слышались обрывки фраз: «ГКЧП», «Горбачев», «Форос», «Ельцин». Было видно, что произошедшее очень волновало сотрудников самой серьезной организации, какую только можно придумать. Волновал сам факт замены действующего президента каким-то комитетом, более смахивающий на государственный переворот, волновала та роль, которая, возможно, отводилась органам госбезопасности, волновали непредсказуемость событий и возможные сценарии их развития.

«Да, нужно что-то делать! — подумал про себя Кузин. — А то ведь можно влипнуть в какую-нибудь историю!» Его очень тревожило то обстоятельство, что гекачеписты заявили о своей жесткой позиции относительно коррупции. А это могло означать только одно — ужесточение всех правил и строгий контроль. Тут-то и могли всплыть обстоятельства его сотрудничества с некоей фирмой, которая щедро платила Кузину за «непосильный» труд добывания нужной информации.

Кузин перешел по длинному коридору реконструированной части здания в более старую, с массивными дверями, высокими потолками и коврами дорожками, устилающими пол. «Наверное, при Берии все было так же», — подумал Кузин и слегка поежился. Навстречу попадались сотрудники с папками и делами, девушки-машинистки, прапорщики из комендантской службы. В общем, все было как всегда, ничем не подтверждая особую роль Комитета в тревожных событиях девятнадцатого августа.

Вдруг Олег заметил в конце коридора знакомую фигуру спешащего человека. Было видно, что вышел он в коридор седьмого этажа не из лифта, а с лестницы, возможно, даже поднявшись пешком снизу. По характерной энергичной походке Кузин сразу узнал его. Это был Орлов. В другой раз Кузин сделал бы вид, что не заметил своего бывшего начальника, отвернулся бы в другую сторону или просто прошел, не обращая внимания. Но сейчас ему страшно захотелось не просто столкнуться с ним нос к носу, а встать на его пути, не дать ему пройти мимо и каким-нибудь образом продемонстрировать свое превосходство над ним. Олегу очень захотелось бросить в ненавистное лицо Орлова презрительную фразу типа: «Ну что,

допрыгался?» — увидеть в его глазах страх, мольбу, просьбу о помощи, насладиться его подавленным состоянием и тем самым освободиться наконец от навязчивых воспоминаний о том унижении, которое он испытал, когда просил Андрея дать согласие на защиту диссертации.

Кузин сделал несколько шагов навстречу Орлову и, как бы преграждая ему дорогу, развел руки в стороны.

— Кого я вижу! Андрей Петрович! Помощник Председателя КГБ Рэ-Сэ-Фэ-Сэ-эР! — Последнее слово он произнес демонстративно по буквам, как бы издеваясь над этой аббревиатурой.

Орлов, видимо погруженный в свои мысли, только сейчас заметил Кузина. На лице его не отразилось ни удивления, ни досады. Он равнодушно посмотрел на Олега, который преграждал ему путь, усмехнулся одними губами и слегка взял Кузина под локоть.

— А, Олег Юрьевич! Давно не виделись! Извини, я очень спешу! У меня нет времени...

— Но как же так, Андрей Петрович! — громко проговорил Кузин, не опуская руки. — Спешите, значит?

— Да, спешу! Да и говорить нам особенно не о чем!

Кровь ударила в голову Кузина. Потом он даже себе самому не мог объяснить, почему его охватило чувство безудержной ярости, ненависти к этому человеку, желания оскорбить, растоптать, наконец, унижить его.

— Не-е-т, дорогой товарищ начальник! Что, трусил? Сейчас всем вам, демократам, придет каюк! — И, переходя на «ты», злобно продолжил: — В тюрьме будет твой Иваненко! Да и ты, Орлов, поберегись...

— Иди ты...! — Орлов пристально посмотрел на Кузина, потом с силой отстранил его руку и, резко повернувшись, зашагал прочь.

— Орлов, подумай о себе! Тебе все припомнится! — громко крикнул ему вдогонку Кузин.

При этих словах Орлов резко остановился, обернулся назад и, сделав шаг в сторону Кузина, четко проговорил:

— Что припомнится, Олег Юрьевич? Как тебе помогал, чтобы тебя не выкинули со службы? Как за тебя делал... — Он безнадежно махнул рукой, как бы показывая, что не заблуждается относительно деловых качеств Кузина. — А что касается всего этого... Так, Кузин, это же — авантюра! А может, еще хуже — провокация! И нас всех подставили! Ох, нахлебаемся мы еще!

Сказав это, Орлов круто повернулся и быстрыми шагами направился в противоположную сторону коридора.

«К своим пошел! — догадался Кузин. — Российский комитет создали!

Сволочи! Каждый норовит что-то урвать себе — должности какие-нибудь, блага всякие! А я тут корячусь уже какой год — и никуда! Ну, ничего! Теперь им прищемят хвост!»

Встреча с Орловым взволновала Кузина больше, чем происходящие события. Он досадовал на себя, что не смог взять должный тон в разговоре со своим бывшим начальником и показать свое превосходство. Вместо этого у него вырвались злорадные и грубые слова, которые, безусловно, несколько не возвышали его над Орловым. Он прекрасно понимал это и еще сильнее злился.

«Подумаешь, начальник большой! Демонстрирует передо мной выдержку и невозмутимость, а сам, наверное, наложил в штаны! Посмотрю я на него, Когда их прищучат!» — в раздражении думал Кузин, спускаясь по лестнице четвертого подъезда. Он представил себе, как Орлова куда-то волокут, он кричит, умоляет о пощаде, затем сникает, повиснув на руках конвоиров. От этой картины, возникшей в воображении Олега, ему стало легче. Лихорадочное чувство злобного возбуждения уступило место ощущению удовлетворенного самолюбия. «Ничего, ничего! Посмотрим еще!» — эта мысль, заслонив собой все утренние тревоги и сомнения, сопровождала его еще в течение нескольких минут, пока он спускался по лестнице.

Встреча с Кузиным в коридоре седьмого этажа не произвела на Орлова никакого впечатления. Он был слишком занят своими мыслями и очень торопился в свой кабинет. Ведь ему надо было срочно напечатать и отправить шифртелеграмму, только что подготовленную в Белом доме. Злые слова неприкрытой угрозы, брошенные Кузиным ему вслед, оставили лишь чувство досады и некоторой горечи. Ведь этому человеку он помогал, и не раз, по сути дела потворствуя лодырю. А когда наотрез отказался пойти на сделку с ним, вдруг стал лютым его врагом.

«Идиот! — корил Орлов себя. — И чего я с ним нянчился? Такие люди не понимают доброго отношения». Дойдя до двери своего кабинета, он тут же начисто забыл о встрече с Кузиным, о его грубых словах, о своем запоздалом сожалении. Все поглотила только одна мысль: «Надо срочно отправить шифровку. А то на местах может произойти непоправимое».

Орлов все больше и больше начинал понимать, насколько опасный оборот могли принять происходящие события. Явно незаконное отстранение Президента СССР от должности, противоречивая реакция людей на введение чрезвычайного положения, резкая по отношению к ГКЧП позиция популярного в народе Ельцина, усиливающиеся конфликты между Центром и союзными республиками — все это, при наличии

мощного заряда, могло привести к страшному по своим последствиям взрыву. Достаточно было одной искры, чтобы многомиллионные массы людей пришли в движение, а разногласия на идейной почве переросли в кровавые столкновения. От подобного кошмара совсем недавно содрогнулся мир, наблюдая за событиями в Бухаресте, где вспыхнули кровопролитные побоища между разъяренными толпами и сотрудниками органов госбезопасности и где президент страны был расстрелян вместе с женой в каком-то грязном дворе.

Думая всю дорогу о возможном ходе развития ситуации в Москве, Андрей приходил ко все большему убеждению, что происходящее очень смахивает на авантюру, на то, что гэкачеписты, сами того не ведая, подталкивают страну к катастрофе. Спровоцировав «демократов» на активные выступления против слабеющей власти ЦК, они открывают «шлюз» необузданной и доселе дремлющей энергии разрушительных сил, которые могут не только смести действующую власть, но и все уничтожающим цунами пронестись по стране, сея гибель и горе миллионам ее граждан. Казалось, что в воздухе уже стал чувствоваться запах пороха и крови — неопровержимых признаков гражданской войны.

«Нет, нельзя в это втягивать органы госбезопасности! Иначе румынский вариант неизбежен!» — промелькнуло в голове Андрея, Когда он открывал дверь в кабинет, который был смежным с приемной заместителя Председателя КГБ России. В приемной за пишущей машинкой сидела Надежда, сотрудница Секретариата, а в кабинете «самого» собрались несколько сотрудников, в том числе недавно назначенный первый зампред Российского комитета Владимир Андреевич Поделякин, ^[73] уже пожилой и опытный чекист, прибывший в Москву из Башкирии, где он был Председателем КГБ.

19 августа 1991 года, утро.

Москва. Площадь Дзержинского.

Здание КГБ СССР. Кабинет № 761

— Наконец-то! — раздалось сразу несколько голосов. — Мы ждем тебя уже давно! Иваненко звонил, сказал, что ты уже давно уехал. Мы уж думали...

— Что думали? — Орлов, странно улыбаясь, посмотрел на всех. — Что, думали, что меня уже в кутузку...

— Ну, всякое может быть. Переворот же!

— Да нет, все в порядке. Мне казалось, что я добрался быстро. На улице все тихо, спокойно.

— А как там? — спросил Женя Соловьев, имея в виду, по-видимому, Белый дом.

— Да как? Нормально! Иваненко сидит в кабинете Бурбулиса, связывается по ВЧ с территориями. Говорил вот с Крючковым... Ельцин приехал. С ним — Руцкой, Хасбулатов...^[74] Народ собирается на улице...

— А войск нет? Танков или бэтээров?

— Нет! Ничего не видел! А что... должны быть?

— Да тут информация прошла, что подняли и вводят в Москву войска. Таманскую и Кантемировскую дивизии.

— Да вы что? Это же...

— Вот именно. Но может, еще не введут.

Орлов прервал начавшийся обмен мнениями и, обращаясь к секретарю, сказал:

— Так, Надежда, срочно печатай шифровку. На бланке. Вот текст. — Он протянул ей сложенный вчетверо листок бумаги. — Только, пожалуйста, побыстрее. Сейчас время работает против нас.

Она взяла листок, быстро пробежала тазами текст и, убедившись, что все поняла, приступила к работе.

Через пятнадцать минут шифровка была готова. Орлов ее прочел, быстро подписал у зампреда и отдал Надежде для того, чтобы она отнесла ее в шифрслужбу. По существующим правилам уже через несколько минут шифровка с пометкой «Срочно» должна была отправиться во все российские органы госбезопасности. Но этого не произошло. Минут через двадцать Надежда вернулась из шифрслужбы совершенно обескураженной.

— Андрей Петрович, у меня шифровку не приняли. Дежурный куда-то позвонил, а потом сказал, что у него есть указание руководства никаких документов от Российского комитета не принимать. Что делать-то?

Произошло невозможное. Шифрслужба КГБ работала всегда как часы, практически не допуская сбоя. А тут — отказ принять срочную телеграмму за подписью одного из высших должностных лиц Комитета! Правда, лицо это вместе со своей малочисленной командой, в силу известных обстоятельств, явно не вписывалось в планы ГКЧП. А раз так — все его действия объявлялись неправомерными.

Все это застало российских комитетчиков врасплох. К тому, что их шаги могут вызвать противодействие внутри самой системы, они готовы не были. Конечно, руководство КГБ согласилось на формирование

Российского комитета под давлением обстоятельств и никогда всерьез не поддерживало эту идею. Для Крючкова было полной неожиданностью, что Иваненко вдруг оказался не таким покладистым, как он надеялся, не захотел стать марионеткой и начал проводить самостоятельную линию в вопросах формирования новой российской структуры государственной безопасности. Это не могло не вызвать со стороны руководства КГБ СССР едва скрываемого раздражения, даже неприязни. Девятнадцатое августа должно было поставить все на свои места и, скорее всего, привести к ликвидации Российского комитета или замене его руководства послушными и более приемлемыми для Центра людьми.

— Что делать? — Орлов задумался.

— Давайте я попробую! — предложил Слава Бабусенко. — Если только нас не заблокировали, может, что и получится. У меня там свои ребята есть.

Он взял шифровку и тут же исчез с нею. Энергичный, всегда громогласно-жизнерадостный, он на удивление быстро вписался в команду Иваненко, как будто давно был знаком со всеми. Не посвящая никого в «секреты» своего дела, кроме, разумеется, самого Председателя, Бабусенко без тени сомнения брался за самые сложные дела и, что удивительно, решал их быстро и уверенно. Наверное, это происходило потому, что у Славы было много друзей и даже, можно сказать, единомышленников в технических подразделениях КГБ СССР. Дело он знал неплохо, сам много работал и поэтому очень скоро стал пользоваться авторитетом у сотрудников Российского комитета и поддержкой его руководства.

ИНФОРМАЦИЯ: «В короткие сроки мы придумали вариант, который позволил обеспечить правительственной и оперативной связью весь немногочисленный состав Российского КГБ. В течение месяца все, кому это было необходимо, получили возможность пользоваться телефонами правительственной связи со специально задействованного для этого узла связи...»

(В.Н. Бабусенко, начальник Отдела правительственной связи КГБ России).

Но с шифровкой, видно, дело обстояло куда серьезнее. Даже используя свои связи, Бабусенко не смог сделать так, чтобы у него приняли шифртелеграмму. Указание свыше было жестким и не допускающим возражений. «Кто там еще рыпается? Российский комитет? А это кто

такие? И сколько их? Хотят послать телеграмму в органы и призвать их к неисполнению указаний ГКЧП?» — такова, наверное, была логика вопросов и решений руководства в то злополучное утро.

Когда Иваненко доложили о том, что прохождение шифровки через каналы связи Комитета госбезопасности заблокировано, он тут же связался с Баранниковым, министром внутренних дел России, и договорился о том, что информация на места будет направлена по милицеейским телетайпам.

— Андрей, поезжай к заму Баранникова. Он тебя ждет. Сделай это как можно быстрее! И... осторожно, пожалуйста! — Слова Иваненко в телефонной трубке были твердые и уверенные. Казалось, Виктор Валентинович уже оправился от шока после того, как узнал о начавшемся перевороте, и способен уже трезво, без нервов оценивать обстановку и осуществлять необходимые действия.

— Выезжаю! — Орлов положил трубку и, уже шагая к двери, повернулся к стоящим рядом товарищам: — Еду на Огарева, шесть. К Ерину.^[75] Будем отправлять по каналам МВД. Слава, — он обратился к Бабусенко, — поедешь со мной?

19 августа 1991 года, день.

Москва. Улица Огарева.

Министерство внутренних дел РСФСР

У здания МВД России, располагавшегося на довольно тихой московской улочке, стояла необычная тишина. Несколько служебных автомашин было припарковано перед главным подъездом, но никакого оживления или суеты не наблюдалось. Снаружи два милиционера с автоматами наблюдали за прилегающей к фасаду здания территорией. Увидев машину с комитетскими номерами, один из них устремился к Орлову и Бабусенко, направлявшимся к подъезду. Орлов, не останавливаясь, бросил:

— Мы к Ерину!

В вестибюле министерства все было совсем по-другому. У массивных входных дверей был уложен настоящий бруствер из мешков с песком, за ним прямо на полу разместился пулеметный расчет. Все милиционеры были в бронежилетах, с полной выкладкой. Офицер охраны внимательно проверил документы, потом позвонил куда-то и предложил подождать, пока придет дежурный и проводит в кабинет заместителя министра.

Через несколько минут Орлов с Бабусенко уже следовали за рослым подполковником по коридорам милицейского ведомства. Андрея поразила абсолютная тишина: ни одного сотрудника не встретилось им по пути, не раздавались стуки шагов, не хлопали двери, не слышно было стрекота пишущих машинок и пронзительного звона телефонов — непременных атрибутов любого государственного учреждения. Министерство как будто вымерло и погрузилось в спячку. Даже коридоры выглядели сумрачно, как будто в них, экономя электричество, погасили свет, оставив только дежурное освещение. Или все сотрудники, получив каждый свое задание, покинули здание, или их просто распустили по домам, или их вели по той части здания, где по каким-то причинам уже никого не было. Предполагать можно было что угодно.

— Здравия желаем, Виктор Федорович, — сказал Орлов, проходя в кабинет заместителя министра. Здесь, как и в коридорах, по которым они прошли, тоже царил полумрак.

— Здравствуйте! — Рукопожатие Ерина было вялым. — Садитесь. Я пока прочитаю. Чай, кофе?

— Кофе, — сказал Андрей, обычно предпочитающий чай.

— Кофе, — как эхо повторил Слава.

Заместитель министра погрузился в чтение. Он был худощав, невысокого роста, с несколько грубоватыми чертами на вытянутом лице. На столе перед ним лежали бумаги, докладные записки, оперативные сводки. С краю лежала стопка еще не вскрытых голубоватых и коричневых пакетов с сургучными печатями. Видно, приход сотрудников КГБ России застал Ерина за рассмотрением почты. Странно, но и здесь, в кабинете одного из руководителей министерства, не раздавалось ни одного звонка, как будто всю систему коммуникаций разом вырубili. Ведь не может же быть так, чтобы в кабинете столь высокого должностного лица в течение длительного времени не раздалось ни одного телефонного звонка!

Подполковник довольно быстро принес три чашечки растворимого кофе — одну поставил на стол перед замминистра, который не отрываясь читал текст шифровки, другие — перед Андреем и Славой, сидевшими напротив за приставным столиком. Кофе был крепким и очень горячим.

— Ну что, текст нормальный! — тихо, даже несколько задумчиво проговорил Ерин. — Мы добавим только здесь... — он указал пальцем на строчку в конце шифровки, — и здесь... что сотрудники МВД тоже... Да еще в «шапку». Как, согласны?

— Конечно, Виктор Федорович. А когда отправят?

— Да вот, сейчас подправят и пошлем. — Он снова вызвал дежурного,

начал что-то ему говорить, но потом вышел вместе с ним из кабинета в боковую дверь, попросив Орлова и Бабусенко подождать.

Через несколько минут заместитель министра вернулся, и тут вдруг зазвонил телефон. Это было настолько неожиданно, что все вздрогнули. Виктор Федорович поднял трубку и долго слушал чей-то доклад, временами хмурясь и кивая головой. Потом, не давая никаких дополнительных указаний находившемуся на том конце провода, сказал:

— Хорошо. Что еще будет — докладывайте! — И положил трубку.

По напряженному выражению лица Ерина было видно, что произошло что-то из ряда вон выходящее, приводящее даже такого многоопытного человека в волнение. В течение нескольких секунд он молчал, как бы осмысливая ту информацию, которую сообщили ему по телефону, затем отхлебнул глоток уже остывшего кофе и задумчиво, даже несколько удивленно посмотрел на сидящих напротив него Орлова и Бабусенко, как будто только сейчас увидел их и недоумевает, что делают здесь эти люди. Они же в свою очередь не решались прервать затянувшуюся паузу и рассчитывали, что Ерин сам объяснит, что так поразило его.

— Что-нибудь произошло, Виктор Федорович? — нарушил наконец молчание Орлов.

— Да, произошло, — каким-то севшим голосом ответил Ерин. Потом прокашлялся и добавил: — Войска приведены в боевую готовность. В Москву входят Таманская мотострелковая дивизия и три танковых полка Кантемировской. Отдельная бригада ВДВ окружила «Останкино», а Тульская дивизия уже в Тушино.

— Так это же... — начал было Бабусенко.

— Что «это же»? Не паникуй! Ну введут! Военные тоже соображают, что к чему!

— Так ведь столкновения могут произойти! — встревоженно проговорил Орлов.

— Могут! Могут! Но для этого мы и направляем телетайпограмму!

По всему было видно, что известие озадачило и Ерина. Даже он, опытный милиционер, не раз оказывавшийся в стрессовой обстановке, не чувствовал уверенности, хотя понимал, что не следует поддаваться панике.

За время, пока Андрей и Слава находились в здании МВД, обстановка, казалось, стала приобретать еще большую напряженность. Об этом можно было судить не только по суеде пулеметчиков возле бруствера из мешков с песком, располагавшихся в вестибюле министерства, но и по скоплению вокруг здания множества милиционеров в бронежилетах, с полной выкладкой и расчехленными автоматами.

— Да, видно, ситуация накаляется, — проговорил Слава. — Куда сейчас, Петрович? На Дзержинку? А я к себе. А то как бы нам и правительственную связь не выключили!

— Слав, ты давай езжай к себе, а я поеду к Иваненко. Шифровку мы отправили, может, еще что-то надо будет...

— Ладно, я своим ходом, а ты давай в Белый дом. Но... если что... вы там свистните... Мигом примчусь! — Слава улыбнулся, как всегда немного иронично и заговорщически подмигнул Андрею. — Ты там держись, Петрович! На вас смотрит вся Россия!

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «С Лубянки я поехал в Управление правительственной связи. Сидел в кабинете... Это через четыре кабинета от кабинета начальника. Никаких контактов... Он один — и я один. Тишина полная. Я получаю информацию, что около здания КГБ и нашего Управления — какие-то люди с автоматами...»

(В.Н. Бабусенко, начальник Отдела правительственной связи КГБ России).

19 августа 1991 года, день.

Москва. Краснопресненская набережная.

Вокруг Дома Советов РСФСР

Когда Орлов подъезжал к Дому Советов на Краснопресненской набережной, было уже начало двенадцатого. Проехать на машине, тем более с комитетскими номерами, к зданию Верховного Совета теперь было уже невозможно. Вся прилегающая к нему территория была запружена народом. Людские потоки со всех сторон устремлялись к Белому дому, как будто люди знали, что именно здесь должно произойти самое пивное, может быть даже эпохальное событие, которое круто изменит их жизнь, перевернет устоявшиеся представления и прорвет громадную плотину, сдерживающую доселе дремлющую энергию масс.

Сказав шоферу, чтобы он возвращался на Дзержинку, Орлов влился в один из людских потоков, направлявшихся со стороны Калининского проспекта к зданию Верховного Совета.

Повсюду встречалось очень много молодых парней и девушек,

наверное студентов, которые возбужденно что-то выкрикивали и размахивали руками. По всему было видно, что им нравится эта начинающаяся вселенская буза, когда вдруг можно кричать во все горло и не бояться, что тебя кто-то остановит или призовет к порядку. Когда можно безнаказанно намалевать краской из баллончика надписи на свежевывкрашенной стене дома или большой стеклянной витрине: «Борис, ты прав!» или «Долой хунту!».

Рядом с Андреем в сторону Дома Советов шла немолодая супружеская пара. Высокий седой мужчина, поддерживая жену под руку, громко говорил ей, слегка картавя:

— Вот сволочи, коммуняки проклятые! Хотят нас всех снова в стойло! Но мы... — Он сжал кулаки и даже на время перестал поддерживать жену. Лицо его исказила такая злоба, что Андрей невольно поёжился, вспомнив, что сам он тоже, вроде, «коммун яка». Ведь партийный билет, как некоторые в Российском комитете, он не бросил и даже не писал заявления о выходе из КПСС.

Вообще Орлов очень болезненно переживал все, что происходило с партией. Вступив кандидатом в КПСС еще во время срочной службы в армии, он никогда не связывал с этим какого-либо стремления продвинуться по службе или добиться преимуществ перед другими. Для него членство в партии было проявлением активности человека, отсутствия у него безразличия к происходящему, готовности взять на себя ответственность, как бы это громко ни звучало. Конечно же, он видел, сколько проходимцев и бездельников прикрывались партийным билетом, сколько лицемерия и даже подлости рядилось в партийные одежды. Но ему казалось, что это неизбежность. Ведь и в жизни добро как-то уживается со злом, смелость — с трусостью, а трудолюбие — с ленью.

С того самого дня, как он стал членом партии, Андрею казалось, что он незримо нитями связан с миллионами его предшественников, погибших в Великой Отечественной, перемолотых жерновами сталинских лагерей или просто честно тянувших свою трудовую лямку. Понятие «коммунист» для Орлова было больше, чем «член партии». От него веяло романтикой Гражданской войны, героикой ожесточенных боев с фашистами, самоотверженностью разведчиков. Поэтому слово «коммуняки» резало ему слух, вызывало у него резкое неприятие. Ему казалось, что говорить так мог только тот, кто ненавидит саму страну, а не конкретный социальный строй или какую-то идеологию. Так мог говорить белогвардейский офицер, расстреливавший пленных красноармейцев или предатель-власовец, вербующий наших солдат, потерявших всякую

надежду выжить в лагерях военнопленных.

ИНФОРМАЦИЯ: «Меня смущало вдруг неожиданно появившееся моментальное неприятие некоторых привычных для нас вещей: коммунистов кто-то стал называть «коммуняками», кто-то стал призывать «снять погоны» со всех сотрудников органов госбезопасности... Это меня настораживало, хотя я понимал, если человек выполняет обязанности на уровне руководителя службы, это — некий политический вектор... А учитывая настроения в обществе, почему бы и нет?»

(А.В. Олигов, начальник Отдела общественных связей КГБ России).

ИНФОРМАЦИЯ: «...Люди не приемлют прежний строй, и язвы этого строя в большинстве случаев связывают с деятельностью КПСС. Не хочу углубляться в анализ причин и следствий этих настроений. Но убежден — надо уметь проигрывать! Я сам коммунист и не тороплюсь с переходом на иные платформы. Считаю, что изначальная социалистическая, коммунистическая идея содержит немало позитивного, что обогатило мировую историю и политическую культуру. Проблема в извращениях идеи, в отклонении от нее. Рано или поздно общество вернется к этим изначальным идеям...»

(В.В. Иваненко, Председатель КГБ России).

Обогнув здание СЭВ, Орлов поспешил к двадцатому подъезду, так как Иваненко дал команду охране пропускать сотрудников КГБ РСФСР именно через эту проходную. Здесь, в непосредственной близости от Белого дома, уже было целое столпотворение: кучки людей, оживленно обсуждающих происходящее, поющая под гитары молодежь, снующие между ними казаки, похожие на ряженых из деревни, бомжистого типа мужики с котомками в руках или за спиной, бородачи в джинсовых куртках, постоянно жующие жевательную резинку мордастые парни с нагловато-агрессивным выражением лица.

Какой-то человек постоянно выкрикивал в мегафон:^[76] «Ель-цин! Ель-цин!», «Ро-сси-я!», «До-лой хун-ту!», а толпа, окружавшая его, скандируя, повторяла за ним эти слова, как заклинание. При этом кто-то размахивал

руками, кто-то тряс над головой двумя растопыренными пальцами, демонстрируя, видимо, таким образом грядущую победу, кто-то, сжав кулаки, потрясал ими, словно хотел смертельно напугать своих врагов. Все это походило на стихийное собрание каких-то сектантов и очень напоминало участвовавшие в Москве собрания кришнаитов,^[77] в лексиконе которых, казалось, не было никаких других слов, кроме «Харе Кришна, Харе Рама!». Правда, в отличие от людей рядом с Белым домом кришнаиты были всегда какими-то умиротворенно-дружелюбными, среди них никогда не было заметно и тени агрессии.

Вместе с толпой Орлов очень скоро оказался на газоне рядом с Горбатым мостом и только тут заметил появившуюся, видимо, совсем недавно баррикаду. Собственно говоря, это была даже не баррикада, а куча строительного мусора, нагромождение металлической арматуры, каких-то труб, ящиков, досок, листов фанеры, уличных лавочек с тяжелыми чугунными боковинами и всякой разной всячины, которая всегда валяется за заборами, у магазинов и, конечно же, на хоздворах предприятий и стройплощадках. Андрей увидел, как группа парней, надрываясь от тяжести, тащила к баррикаде большое дерево с зеленой кроной и ветвистыми корнями, на которых висели комья земли, а какая-то немолодая женщина в синей облезлой кофте несла под мышкой доску с орнаментом, нарисованным на ней яркой масляной краской, похоже с детской площадки. Студенты, громко хохоча, бросали в кучу неизвестно откуда взявшиеся булыжники. Один из них, высоко подняв над головой большой округлый камень, закричал истошным голосом:

— Булыжник — оружие пролетариата!^[78]

Толпа вокруг одобрительно загудела. «Действительно, — подумал Орлов. — Все выглядит как пародия на революцию тысяча девятьсот пятого года!»

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Я в тот день был в Шадринске... Повсюду митинги. Но самое главное — во главе появились... горлопаны, которые возбужденно кричали: «Бей коммунистов!», «Бей чекистов!». То есть бей всех подряд! А Когда их спрашивали, что дальше делать, они отвечали: «А ничего! У нас Ельцин есть!» Вот опа — психология толпы!»

(С. С. Дворянкин, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР).

Непосредственно у подъезда сновали корреспонденты с кофрами и штативами, видимо пытаясь проникнуть в здание. Какие-то люди, перебивая друг друга, упрашивали милиционеров пропустить их внутрь.

— Ребята, нам надо туда. Пропустите! Мы — афганцы. Надо организовывать оборону, а то скоро поздно будет! Войска же идут! По Кутузовскому. Сейчас будут здесь!

Но милиционеры были непреклонны. Они и так уже намучились, отбиваясь от постоянно прибывающей «подмоги», и пытались не допустить в Белый дом толпу, наседающих на них журналистов, всякого рода подвыпивших субъектов и истерических дамочек. У них было четкое указание от генерал-полковника Кобеца,^[79] начальника штаба обороны здания Верховного Совета, пропускать в здание исключительно по документам, выданным российскими структурами, или на основании заявки из Дома Советов. Боялись не просто беспорядка и хаоса, который мог возникнуть, если бы в здание прорвались все желающие защищать новую российскую власть, но в большей степени страшились проникновения лазутчиков ГКЧП. Растущая подозрительность создавала нервную обстановку на входе в здание, все ждали какого-нибудь подвоха или провокации.

Орлов с трудом пробился к дверям, с силой раздвигая стоящих людей, которые нехотя пропускали его. Оказавшись прямо перед милиционером, очередной раз что-то объясняющим особо ретивым «защитникам», он вытащил из внутреннего кармана пиджака свое удостоверение и, открыв, показал стражу порядка. С внешней стороны красных корочек золотым тиснением было выгравировано: «КГБ СССР», а внутри после номера удостоверения виднелась аккуратная надпись: «Майор Орлов Андрей Петрович состоит в должности помощника председателя КГБ РСФСР» и чуть ниже мелкими буквами: «Владельцу удостоверения разрешено хранение и ношение огнестрельного оружия». С левой стороны, там, где красовался герб и фотография владельца удостоверения, был указан срок действия удостоверения — 31 декабря 1995 года.

— Смотри-ка, это же кагэбэшник! — воскликнул кто-то из толпы, увидев удостоверение. Затем чей-то хриплый, похоже даже нетрезвый голос подхватил:

— Твари! Вынюхивать прислали! Гони эту суку отсюда! А мы с ним сейчас разберемся!

Орлов почувствовал, как чья-то сильная рука лета ему на плечо, и оглянулся. На него смотрело злобное небритое лицо, от которого действительно несло перегаром.

— Ну чо смотришь, чекист? На народ руку подняли? Не выйдет!

— Ладно, ты, народ! — Орлов дернул плечом, пытаясь стряхнуть руку. — Иди ты!

— Что-о? Да ты сам сейчас...

— Хорош! — вскрикнул милиционер, закончив изучать удостоверение. — Проходите! — сказал он Орлову, возвращая документ, и, окинув усталым взглядом окружающих его людей, добавил: — Чего орете? Это наш! Он из Российского комитета!

— Из Российского? — переспросила какая-то седая женщина. — Да все одно — изверги они! Всех их надо...

Что надо сделать с ним и его товарищами, Орлов уже не слышал, так как прошел через ряд дверей, между которыми стояло еще несколько милиционеров и людей в военной форме. Его заставили еще раз показать удостоверение, прежде чем он оказался в холле первого этажа.

19 августа 1991 года, день.

Москва. Краснопресненская набережная.

Дом Советов РСФСР. Кабинет № 5–124

За время, которое прошло с момента отъезда Орлова из Белого дома, внутри и особенно вокруг него обстановка изменилась кардинальным образом. Буквально в те минуты, когда Андрей выслушивал оскорбления в свой адрес у двадцатого подъезда, с другой стороны к зданию подошла танковая колонна. Часть танков остановилась у гостиницы «Украина», другие, переехав через Калининский мост, свернули к центральной лестнице Дома Советов. Шесть танков в сопровождении машины ГАИ свернули с моста и расположились прямо перед центральной лестницей.

Толпа, расступаясь перед тяжелыми машинами, впервые почувствовала нешуточность ситуации, но быстро поняла, что военные настроены дружелюбно и абсолютно не помышляют о штурме «оплота демократии» или разгоне народа. Повсюду завязались разговоры с солдатами и офицерами. Потом на лестнице неожиданно появился Ельцин в окружении своих соратников. Он прошел к одному из танков, пожал руку механику-водителю и, взобравшись на броню, зачитал обращение «К гражданам России».

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «...Президент России

Ельцин, стоя на танке № 110, давал сольный ораторский концерт в сопровождении бешено орущей толпы. Я стоял неподалеку от Б.Н., и у меня было впечатление, что он находится в состоянии какой-то полунаркотической эйфории, в экстазе народного трибуна, боготворимого бушующим морем народа. И чем сильнее орала толпа, тем яростнее Ельцин бросал в нее темпераментные слова, время от времени останавливаясь и готовя новый взрыв ликования...» (В. Баранец, военный обозреватель газеты «Правда». «Комсомольская правда», 18 августа 2000 года).

Это был перелом не только в настроении окружающих Белый дом людей, но и в настроении самого Ельцина, который понял, что армия стрелять не будет, а следовательно, ГКЧП вряд ли получит с ее стороны надежную поддержку. Несмотря на то, что в город втягивались все новые и новые войсковые соединения, в воздухе висело предощущение провала тех, кто затеял эту бездумную авантюру.

Но если у Ельцина под воздействием «общения с народом» созрела уверенность в победе, то большинство его соратников в это время терзали тревожные предчувствия. Орлов это почувствовал сразу, как только снова оказался в кабинете Бурбулиса. Иваненко там не оказалось, но секретарша Геннадия Эдуардовича, узнавшая Андрея, пропустила его в кабинет госсекретаря. Через громадные окна он увидел, что все пространство перед фасадом Белого дома заполнено людьми. Теперь уже это была не просто кучка людей, а плотно стоящая толпа, которая гудела, свистела, что-то громогласно выкрикивала, скандировала. «Защитники» Белого дома стащили сюда разные предметы, которые, наверное, были призваны воспрепятствовать проникновению к стенам Дома Советов военной техники, — доски, ящики, большие деревянные катушки для кабеля. В толпе виднелись пятна трехцветных российских флагов. Какой-то парень в яркой оранжевой куртке размахивал таким флагом, как это обычно делают демонстранты за рубежом.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Мы же видели, сколько там было народа! Какие там «живые цепи»... Там поначалу было всего триста-четыре человека. Все могли свободно подходить, уходить... Брехня это все! Посчитайте, сколько награжденных «защитников свободной России»! Их гораздо больше, чем всех, кто был у Белого дома! Там не было этих «защитников»!

(В.Н. Бабусенко, начальник Отдела правительственной связи КГБ России).

Тем временем погода стала постепенно портиться, заморосил мелкий дождь, постепенно переходящий в настоящий ливень. Молодежь с криком, визгом и хохотом разбегалась в разные стороны, ища укрытия под кронами деревьев и козырьками подъездов. Повсюду запестрели зонтики, похожие на шляпки грибов. Кто-то держал над головой сумку или портфель, растягивал целлофановый пакет или газету, которая быстро намокала и превращалась в свисающие лохмотья.

Спустя некоторое время появился Иваненко и, не скрывая своей досады и раздражения, сказал:

— Такого бардака я давно не видел! Кто во что горазд! Этот Кобец...

Он не стал продолжать, а только махнул рукой. Потом спросил Андрея:

— А что там у нас?

— Да все в порядке, Виктор Валентинович. Обзванивают территорию, интересуются обстановкой, передают текст телеграммы...

— Хорошо! — не то похвалил, не то просто констатировал он.

Орлов стал рассказывать о том, как съездил вместе с Бабусенко к Ерину, что увидел в здании МВД России, о чем говорил заместитель министра. Но казалось, Иваненко не слушает Орлова, а думает о чем-то о своем. Надо полагать, во время встречи с Ельциным и Хасбулатовым ему пришлось испить до дна горькую чашу упреков, что, дескать, как мог он прозевать подготовку такого масштабного заговора, причем буквально под боком у себя, в том же здании, где размещался КГБ РСФСР. «А может быть, он с ними заодно?» — наверное, и такие подозрительные мысли посещали руководителей России. Ничто так сильно не унижает человека и не повергает его в уныние, как подозрение.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Я ждал подписания Союзного договора. Время от времени появлялись признаки подготовки чего-то... Я предпринимал кое-какие попытки получить информацию из окружения Крючкова... Я перед самым путчем разговаривал с его помощником Сергеем Васильевичем Дьяковым.^[80] Я ему: «Вы же умный человек. Если что-то затеется, проинформируйте меня». Сергей Васильевич ничего мне не сказал. Может быть, он и сам ничего не знал и в подготовке путча не участвовал... Были слухи о том, что кто-то

спровоцирует социальные взрывы... Как потом я узнал, был очень узкий круг осведомленных о подготовке... Поэтому путч для меня был полной неожиданностью...»

(В.В. Иваненко, Председатель КГБ России).

По тому, как осунулось лицо Председателя КГБ России, Андрей понял, что он болезненно переживает случившееся, терзается мыслями о том, что не смог вовремя распознать приготовления к вводу чрезвычайного положения, хотя были некоторые признаки, которые, обрати он на них внимание, могли бы послужить своевременным предупреждением.

— Понимаешь, только вчера вечером, Когда встречали Ельцина в «Шереметьево», мы разговаривали со Скоковым.^[81] Он мне сказал, что, по его данным, в Москву вводятся какие-то войска, вроде даже спецназ... Если бы... Конечно, я знал, что планируется «направленный социальный взрыв»... У нас в парткоме даже обсуждалось, за кем пойдет народ... Но чтобы так... Прямой переворот! Я... — Иваненко тяжело вздохнул. Казалось, он говорил сам с собой, не видя ни Орлова, сидящего напротив него, ни входящих в кабинет людей. — Ладно. Теперь главная задача — не допустить штурма! Они... способны на все!

В душе у Орлова боролись противоречивые чувства. С одной стороны, он соглашался с Иваненко, который довольно реально оценивал обстановку и понимал, что на карту поставлено очень многое, по сути дела — сама власть и будущее государства. С другой стороны, Орлову претили столь категоричные оценки Иваненко, радикализм, а иногда безапелляционность его суждений.

Андрей вспомнил, как всего месяц назад его срочно отозвали из отпуска, который он намеревался провести вместе с семьей на Куршской косе в Калининградской области. Ему удалось лишь отвезти Олю с детьми в пансионат УКГБ, который располагался в небольшом домике на берегу Куршского залива, и тут же вернуться в Москву. Летели прахом все надежды на беззаботное времяпровождение, о котором они с Олей мечтали почти целый год. Ему не довелось попрыгать с визжащими детьми в пенистых волнах, побродить среди «пьяного леса» — наклоненного в противоположную от моря сторону частогокола сосен — по пружинящей под ногами земле, поросшей мелкой травой и усеянной иголками, насладиться прелестью лесных ягод, в изобилии растущих на песчаных дюнах среди зарослей кустов. В этот год у Андрея не получилось ощутить всю прелесть того состояния, которое может испытывать человек, получивший

небольшую передышку во время долгого и тяжелого пути, когда он, лежа на земле и закрыв глаза, чувствует мягкое дуновение ветерка, ощущает щекочущее прикосновение травы, слышит стрекотание кузнечиков, жужжание пчелы, шелест верхушек деревьев, дальний шум волн и крики чаек.

Оставив семью на Балтийском берегу, Орлов прибыл в Москву и сразу включился в подготовку Первого всероссийского совещания руководителей органов госбезопасности. Он готовил материалы для Иваненко, писал ему доклад, просматривал тексты выступления начальников управлений, которые намеревались выйти на трибуну совещания.

Давая накануне Всероссийского совещания интервью милицейской газете «Щит и меч» и еженедельнику «Собеседник», Иваненко с воодушевлением рассказывал о новых принципах и подходах в становлении Российского КГБ.

ИНТЕРВЬЮ: «Вопрос: Приходится слышать мнение, что создание КГБ республики — это создание карманной службы при российском руководстве...

Ответ: Россия на весь мир провозгласила приверженность принципам построения правового государства. Я думаю, что отказываться от этих принципов никто не собирается. Хотя, конечно, потребуются гарантии, чтобы не превратить органы КГБ, как это уже было когда-то, в орудие произвола, для решения несвойственных органам госбезопасности вопросов. Опасаюсь проявления некомпетентности в руководстве российским комитетом, например повторения так называемых «партийных» наборов...

Вопрос: Только здесь уже будут наборы демократические»...

Ответ: Именно. Травкин,^[82] Жириновский,^[83] еще кто-нибудь начнут двигать нам своих приверженцев... Поэтому я считаю, что, не форсируя, надо решать проблему департизации, чтобы не возникла проблема перепартизации...

Вопрос: Как вы относитесь к обвинениям, что вы являетесь «агентом Крючкова», призванным «развалить» российский КГБ изначально?

Ответ: К сожалению, наше общество сегодня заражено подозрительностью, и болезнь эта труднопроходящая... Меня обвиняют норой и в том, что я «продался демократам и разваливаю союзный комитет»... Своеобразные жернова...

Конечно, это нервирует, мешает делу. Стараюсь относиться к этому спокойно. Начнешь нервничать — наделаешь ошибок. Оправдываться не собираюсь пусть общественность анализирует нашу деятельность и делает выводы.

Вопрос: Кто будет работать в органах безопасности России — исключительно сторонники Ельцина или у вас иной критерий подбора кадров?

Ответ: Главное требование к кадрам — высокий профессионализм и готовность служить законной власти, Конституции и другим законам России. Естественно, не противопоставляя эти интересы интересам Союза ССР. Во имя обеспечения безопасности России и Союза...

Вопрос: И все же, не станет препятствием для желающих работать в КГБ России их «темное прошлое» — служба в КГБ СССР?

Ответ: Наивное мнение. Все мы вышли из прошлого. И не надо никого этим попрекать, если он честно выполнял свои функциональные обязанности, требования закона. Не надо искать «козла отпущения»... Это какие-то экстремистские настроения. Никаких «чисток», никаких репрессий не будет. И это не раз подтверждало и российское руководство.

Вопрос: Политические процессы в стране развиваются столь бурно, что нередко высказывают самый крайний прогноз: грядет гражданская война... В состоянии ли КГБ РСФСР предотвратить это страшное для страны бедствие?

Ответ: От вашего вопроса веет апокалипсисом... Хотя поставлен он правильно... Я думаю, что у всех нас хватит здравого смысла понять, что наступил тот предел, за которым — распад общества...

Вопрос: Деятельность органов КГБ предусматривает такие специфические методы, как использование добровольных помощников — агентурной сети... Большая часть депутатов РСФСР и Союза категорически против негласной работы... Что вы думаете по этому поводу?

Ответ: Борьба с преступностью только гласными методами — наивно. Другое дело, что должен соблюдаться принцип оптимальности в использовании негласных средств: агенты должны решать конкретные задачи в борьбе с преступностью или подрывной деятельностью. Общество же не должно быть

пронизано агентурной сетью. И этого нет сейчас! Хотя кое-кто и пытается убедить людей в обратном...

Вопрос: Хотите Вы этого или не хотите, но в будущей «Истории органов госбезопасности России» ваша фамилия будет стоять первой...

Кто-то, может быть, вам позавидует: в сорок четыре года — такая блестящая карьера! Вы считаете себя удачливым человеком?

Ответ: Знаете, я вывел для себя один закон: «эйфории и кирпича». Как только начнешь считать себя удачливым человеком, пребывать в состоянии эйфории от каких-то успехов — обязательно на голову упадет кирпич... Поэтому я эйфории не предаюсь. Я оптимист. Но оптимист не розовый, а привыкший в трудные моменты сцепить зубы и работать...»

(В.В. Иваненко, Председатель КГБ России. «Щит и меч», 11 июля 1991 года).

ИНТЕРВЬЮ: «Вопрос: Была ли насущная необходимость в создании КГБ РСФСР?

Ответ:...Надо обновлять систему, чтобы она действовала более эффективно, а главное — соотносила смысл своей работы с пользой человеку. Да и для сотрудников КГБ важно признание российскими властями права, если хотите, на существование, сознание того, что наша работа нужна российскому руководству. В этой связи важно, что руководство России мне дало понять, что никаких чисток в органах КГБ РСФСР не будет. От нас они ждут активной работы на благо общества.

Вопрос:...Не «троянский ли это конь^[84]» в лагере демократической России?

Ответ: Я слышал и обратную точку зрения — что КГБ РСФСР — это сильное оружие, которое российское руководство переориентирует для борьбы с Центром. Я обе эти точки зрения не приемлю. Люди, принявшие решение о создании КГБ России, руководствовались интересами консолидации всех политических сил, выступающих за конструктивную работу в целях вывода страны... из кризиса...»

(В.В. Иваненко, Председатель КГБ России.

«Собеседник», 6 июня 1991 года).

Несовпадение позиций Иваненко и Орлова обозначилось уже на стадии подготовки текста доклада. Впрочем, несовпадением это можно было назвать лишь с натяжкой — слишком неравные это были весовые категории: Председатель КГБ России, генерал-майор, человек с богатым оперативным и управленческим опытом и его помощник, всего лишь майор, имевший за плечами менее десяти лет службы в органах госбезопасности. Несопоставимо!

Ознакомившись с текстом доклада, подготовленным Орловым, Иваненко внес в него несколько дополнений, одно из которых вызвало резкое неприятие Андрея. Виктор Валентинович своим далеко не каллиграфическим почерком вписал фразу о том, что, дескать, в новых социально-экономических условиях органы госбезопасности должны превратиться из репрессивного органа в орган защиты интересов граждан страны, а сотрудники КГБ должны сплотиться не на основе служения партии, а на основе служения Отечеству и Закону. Хорошие слова! Но Андрею казалось, что такой акцент ставит как бы непреодолимую стену между всей предшествующей историей органов госбезопасности и новым, только становящимся на ноги Российским комитетом. Как будто не было самоотверженной борьбы чекистов с захлестывающими страну бандами в двадцатые и тридцатые годы, смертельных схваток НКВД^[85] с гитлеровскими спецслужбами, высокопрофессиональной работы органов в противодействии иностранным разведкам за всю послевоенную историю!

Разумеется, Орлов не мог без осуждения относиться к некоторым станицам из прошлого органов. Его потрясали масштабы репрессий, коварство Сталина и партийной верхушки, тупость и бесчеловечность многих представителей карательных органов, перемоловших в своих жерновах миллионы человеческих жизней. Но он понимал и другое — все граждане великой страны были одновременно участниками, заложниками и жертвами происходящего и за прошлое ответственны все, не только органы госбезопасности, к слову сказать, тысячи сотрудников которых канули в черной пропасти беззакония.

— Виктор Валентинович, может, не надо включать эту фразу? — попросил Орлов, прочитав замечания Председателя.

— Надо, Андрей! Надо!

— Но... Мы сами возводим...

— Да ничего мы не возводим! Ты ничего не понимаешь! Идет бескомпромиссная борьба! Старое, что изжило себя, должно быть

отброшено! Мы должны служить не партии, а народу!

— А что, разведчик Кузнецов служил партии? А Рудольф Абель? А Рихард Зорге, Молодцов, Кудря?^[86] «Красная капелла», наконец? Да все... Они что, партии служили?

— Ладно, Андрей, не шуми! Можешь оставаться при своем мнении, но в текст включи!

— Но...

— Никаких «но»! Я что, еще с тобой спорить буду?! Мне хватило споров с Агеевым и Пономаревым!

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Перед самым совещанием Агеев говорит мне: «Ты мне покажи проект доклада». Я отвечаю: «Он вам может не понравиться». «А что там такое может быть?» «Хочу говорить о департизации». «Даже не вздумай! Принеси!». Я принес проект доклада. Он почитал, на следующий день вызывает меня. Они сидят вдвоем с Пономаревым.^[87] Тот сразу: «Вы будете выполнять наши указания, установки пашей партии!» Я им отвечаю: «Не буду выполнять, потому что вы ведете нас к разгрому! В противном случае столкновение с народом неизбежно, по типу Восточной Европы!» Пономарев в ответ: «Нет! У нас этого не произойдет! Этих экстремистов мы прижмем!»

Это был довольно резкий разговор. Я им сказал, что ничего в докладе менять не буду. Они тогда потребовали, чтобы я убрал слова о покаянии. Потом этого потребовали мой зам. Поделякин и мой помощник Пржездомский...^[88] Я тогда сказал им: «Ладно, о покаянии уберу. А про департизацию буду говорить»

(В.В. Иваненко, Председатель КГБ России).

Скрепя сердце, Орлов оставил фразы, вписанные Иваненко. Но при этом продолжал мучиться и думать: «Может быть, я сам не прав и не вижу чего-то большего? Может быть, все так и есть, как говорит Иваненко? Да, похоже, действительно идет война, «бескомпромиссная борьба». Только чем она закончиться?»

ИНТЕРВЬЮ: «Вопрос: Что вы думаете по поводу департизации КГБ?

Ответ: Этот вопрос надо рассматривать на законодательном

уровне и поэтапно... Меняется многое, стали уже брать на работу в КГБ и беспартийных. Думаю, согласие будет и в вопросе о департизации. Конечно, ничего хорошего не получится, если у нас в КГБ России будет несколько парткомов разных партий. Да, не дай бог, еще каждая партия будет «толкать» в органы на руководящие должности свой «партийный набор». Со временем партийная деятельность должна быть вынесена за пределы зданий Комитета госбезопасности, а в более отдаленной перспективе, возможно, на время службы в КГБ сотрудники будут приостанавливать свое членство в любых политических партиях. А сейчас надо просто более терпимо относиться к проявлениям иных политических взглядов — не крайних, конечно, — внутри органов...»

*(В.В. Иваненко, Председатель КГБ России.
«Собеседник», 6 июня 1991 года).*

Кроме этого, в текст доклада Иваненко включил совсем странные для Орлова слова. Председатель КГБ РСФСР собирался заявить о готовности российских чекистов покаяться перед обществом. Иваненко объяснял, что речь идет не о покаянии за грехи предшествующих поколений сотрудников органов госбезопасности, а об их обязательстве не нарушать закон в какой-либо форме. Что чекисты никогда не будут выполнять незаконные приказы, а будут действовать только по закону.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Еще до путча, по-моему в июне, начали ко мне для согласования присылать назначенцев в российские органы госбезопасности. Один раз мы собрали начальников вторых отделов...^[89] Я им заявил тогда, что на повестке для стоит смена общественного строя.=. Для меня это был уже ясный момент, потому что, наверное, помогли аналитические способности и... У меня отец с фронта пришел, полностью разочаровавшись в коммунизме. Посмотрел, как Европа живет... А сколько издевались над нашей семьей — и скотину заставляли сдавать... Хотя отца выдвинули в руководство и избрали даже секретарем парткома совхоза. Но он эту партию так хреначил... Мы с отцом много спорили, но он стоял на своем: все — показуха, все строится на партийной номенклатуре...

Когда я пошел на работу в органы, он очень настороженно

отнесся к этому. Он сказал тогда сказал мне: «Сынок, они ж чужие письма читают!»

Важную роль сыграл и Сергей Васильевич Толкунов... Во время посещения оборонного завода в Северодвинске, Когда мы посмотрели в каких условиях живут рабочие (а это были ужасные бараки!), он говорит мне: «Вот мы заявляем, что у нас социализм... Огромные деньги тратим на гонку вооружений, а людям не можем создать нормальные условия!»

(В.В. Иваненко, Председатель КГБ России).

Несмотря на то, что Иваненко сослался на авторитет Толкунова, которому, с его слов, и принадлежала идея покаяния, для Орлова она казалась малоубедительной.

— Виктор Валентинович, за что каяться-то нам — мне, вам, нашим сослуживцам по Инспекторскому управлению, — за что? В репрессиях мы не участвовали, закон не нарушали...

— Да пойми ты, покаяние — это не за грехи наших отцов, а совсем другое... Покаяние, по концепции Толкунова, — это то, что мы берем на себя обязательства не повторять беззакония, не исполнять незаконные приказы!

— Странно, что за это выступает Толкунов. Мы — офицеры и должны следовать известному правилу: получив приказ, выполнить его, а затем уже докладывать свои сомнения вышестоящему начальству...

— Вот-вот, отсюда у нас и беззаконие! Есть люди — догматики, а есть люди, у которых внутри идет мучительный процесс анализа. Понимаешь? Толкунов именно к таким относится. Осмелюсь и себя причислить к такой категории. Есть, Андрей, и еще одна причина: систему спасти надо! Все движется к конфликту, к серьезному конфликту. Поэтому мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы органы госбезопасности не подставили, чтоб по ним не прошли так, как в Восточной Европе...

Что-то казалось Орлову в рассуждениях Иваненко убедительным, но что-то вызывало внутренний протест. Он не мог сделать для себя однозначный вывод, прав ли Иваненко, верную ли дорогу он указывает чекистам. Это могло рассудить только время. Но тезис о покаянии Иваненко из доклада все же убрал. Наверное, в какой-то степени он и ему казался недостаточно убедительным.

Накануне самого совещания Иваненко встретился с журналистами в здании КГБ СССР. По существу это был первый достаточно откровенный

разговор на самые злободневные темы, связанные с системой безопасности. Не избалованная откровениями руководителей КГБ пресса запестрила статьями с броскими заголовками.

СТАТЬЯ: «Два подъезда мрачного здания за спиной Железного Феликса отданы в распоряжение формируемому центральному аппарату КГБ Российской Федерации...

Виктора Иваненко спросили о возможных разногласиях, конфронтации российских и центральных органов, имея в виду примеры недавнего внимания сотрудников КГБ СССР к приватной жизни и служебной деятельности Бориса Ельцина, Генерал ответил, что с переменой времен меняются цели и методы работы. Система государственной безопасности России ориентируется не на исполнение партийных приказов, но на служение Закону и законно избранной власти. В государственных республиканских структурах не должно быть оппозиции президенту РСФСР: несогласные с его политикой должны уйти...

Каких-либо акций типа чисток не намечается, хотя, как сказал Виктор Иваненко, кому-то уйти придется...

В заключение исполняющий обязанности председателя КГБ РСФСР сказал, что формирование центрального аппарата займет, по-видимому, около двух лет. Сегодня же в нем работают лишь 20 человек»

(«Лубянка, 14 — «бис». «Мегapolis-экспресс», июль 1991 года, № 30).

Само совещание,^[90] которое должно было стать первым экзаменом для Российского комитета, прошло на удивление гладко, без резкостей, опасных поворотов и срывов. На нем присутствовали Ельцин, Хасбулатов, Силаев,^[91] Руцкой, Бурбулис, Скоков, Шахрай,^[92] Степашин^[93] и практически все руководство КГБ — Крючков, Агеев, Грушко,^[94] Шебаршин.^[95] В большом зале нового здания Комитета на Лубянке собрались начальники всех территориальных органов госбезопасности РСФСР, практически все руководители управлений и отделов центрального аппарата КГБ СССР. Иваненко сидел в президиуме рядом с Ельциным, а Орлов и еще несколько сотрудников Российского комитета расположились в начальственной ложе напротив сцены.

С докладом выступил Иваненко. Говорил он твердо и уверенно, хотя

по началу чувствовалось его волнение. Ведь впервые в полный голос он заявлял о себе как руководитель российской спецслужбы, да притом еще в присутствии Президента России и не очень дружелюбно относящихся к нему руководителей союзного КГБ. Прозвучавшие из уст Виктора Валентиновича крамольные слова, о которых спорил с ним Орлов, не вызвали ни у кого явно выраженной негативной реакции. Во всяком случае Андрей внимательно следил за выражением лица Крючкова. Но тот, казалось, думал о чем-то своем, блуждающим взглядом окидывал зал и без особых эмоций слушал Иваненко.

Пару месяцев назад Крючков дал интервью, посвященное созданию Российского КГБ, в котором достаточно определенно высказывался о перспективах новой структуры.

СТАТЬЯ: «Председатель КГБ СССР Владимир Крючков в интервью агентству «Интерфакс» положительно оценил создание российского комитета государственной безопасности. «Работа продолжалась несколько месяцев. В результате мы выработали протокол, который, по моему убеждению, отвечает интересам и Союза, и России», — сказал В. Крючков. Он отметил, что предстоит кропотливая работа по разделению функций и полномочий союзного и российского комитетов. При этом каких-либо серьезных сложностей председатель КГБ СССР не предвидит...

...В. Крючков отметил, что «на первых порах основная нагрузка при решении определенных задач в области безопасности ляжет на союзный комитет»

(«В. Крючков о Российском КГБ». «Куранты», 9 мая 1991 года).

Похоже, что уже тогда Председатель КГБ принял для себя принципиальное решение и все происходящее рассматривал как элемент политической игры, окончательные ставки в которой еще не сделаны. Август должен был все расставить на свои места.

ВЫСТУПЛЕНИЕ: «Основная причина нынешней критической ситуации видится нам не в борьбе за власть, как часто говорят, различных деструктивных сил, а в неспособности прежних структур центральной власти вывести страну из

кризиса. Длительное топтание на одном месте происходит, на наш взгляд, от непонимания суровой реальности. Все больше наших граждан, переживающих мучительные трудности и лишения, ждут решительных перемен к лучшему и уже не верят в прежний деформированный бесчеловечный государственный строй»

(В.В. Иваненко, Председатель КГБ РСФСР. Всероссийское совещание органов КГБ. Июль 1991 года).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «На меня очень сильное впечатление произвели доклад Иваненко и эмоциональное выступление Ельцина на Всероссийском совещании... Интересны были выступления с мест начальников управлений, которые показали себя смелыми людьми... По-моему, тогда прозвучало предложение о департизации... Это буквально витало в воздухе...»

(В.Н. Бабусенко, начальник Отдела правительственной связи КГБ России).

Сам Крючков выступал довольно лояльно по отношению к Российскому КГБ и Иваненко, сделал несколько реверансов в сторону Ельцина и призвал всех чекистов, и союзных и российских, стоять на страже интересов государственной безопасности страны и закона.

ВЫСТУПЛЕНИЕ: «...Есть опасность нашей независимости, нашей самостоятельности. Есть опасность свободе нашего государства. И вот эту независимость, эту свободу мы можем отстоять только в рамках единого могучего федеративного на новых началах обновленного Советского Союза. Если мы только дадим разрушить паш Союз, тогда, конечно, мы будем стоять перед лицом очень серьезных потрясений, которые, возможно, мы с вами выдержим...»

(В.А. Крючков, Председатель КГБ СССР. Всероссийское совещание органов КГБ. 20 июля 1991 года).

Ельцин же говорил в своей привычной манере — несколько

пространно, назидательно и безапелляционно. При этом он не преминул подчеркнуть, так же, как это сделал Иваненко, что российские органы госбезопасности должны служить Народу и Закону, а не следовать идеологическим догмам.

ВЫСТУПЛЕНИЕ: «...Важно превратить Комитет государственной безопасности в эффективный институт демократического государства. Думаю, что такую цель разделяют и чекисты, и граждане России...»

(Б.Н. Ельцин, Президент России. Всероссийское совещание органов КГБ. 20 июля 1991 года).

Именно тогда, услышав слова Крючкова, Орлов понял, почему Иваненко так настаивал, чтобы в его докладе была фраза, по существу совпадающая с ельцинской. Председатель Российского КГБ должен был, безусловно, выступать в унисон Президенту России, чтобы тот, сам очень подозрительно относящийся к органам госбезопасности, почувствовал, что в лице российской структуры безопасности он обретает единомышленников, что он может доверять ей и опираться на нее.

Что на самом деле думал в тот момент Президент России, какие мысли роились в голове у Председателя КГБ СССР, Орлов мог только догадываться. Но он понимал одно — единодушия и согласия между ними нет, и скорее всего, и быть не может. Слишком по-разному понимали они происходящее и абсолютно по-разному видели выход из все более обостряющихся противоречий между союзным Центром и республиками, «партократами» и «демократами», Горбачевым и Ельциным, сложившейся системой управления государством и необузданной стихией народных настроений.

Теперь уже всем было ясно, и чекистам в первую очередь, что горбачевская перестройка полностью провалилась, обнажив противоречия, которые долго дремали под спудом повседневности — и вдруг прорвались набирающей силу стихией разрушения и распада.

ИНТЕРВЬЮ: «По моим наблюдениям, политика Горбачева вызывала изжогу у многих чекистов, они его считали человеком без определенной стратегии, говоруном, опасным для будущего. На съезде народных депутатов один из наших авторитетных писателей хорошо сказал: «Мы подняли самолет в воздух и не

знаем, куда садиться будем». Разговоры о перестройке, о демократии воспринимались тяжело. «Ты лучше, милый человек, скажи, что нам делать?» Ведь никто не отменял повседневную оперативную работу, которая является сутью этой профессии. Работник спецслужб должен вербовать, устанавливать доверительные связи, получать информацию. А для чего?

Чекисты — в большинстве своем люди консервативные. Только некоторые искали выход из положения, в котором оказалась страна. Остальные хотели стабильности, сидеть в своей крепости и решать поставленные начальством задачи. Они — люди конкретные, им нужен приказ. Сформулируйте задание. А четкости в формулировках заданий в то время не было. Решения коллегии КГБ СССР состояли из общих фраз. «Углубить», «расширить», «повысить уровень» — сплошные призывы»

(В.В.Иваненко, Председатель КГБ России. Интернет-сайт «ru-90.ru», май 2010 года).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Совещание было показательным прежде всего тем, что в отличие от Горбачева, ни разу не встретившегося с чекистами, президент России Ельцин высказывал уважение к работе создаваемого республиканского КГБ. Он ставил перед ним конкретные задачи и в определенной степени обращал к себе, склоняя на свою сторону руководителей органов безопасности автономных республик, краев и областей...»

(Н.М. Голушко, Председатель КГБ Украины. «В спецслужбах трех государств». Москва, 2009 год).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «...Российский президент посетил Комитет государственной безопасности, принял участие в совещании руководящего состава и даже кратко выступил на нем. Он говорил живо, высказывал весьма взвешенные и разумные соображения, избегая обращения «товарищи».

Темный амфитеатр — начальники областных управлений, председатели комитетов автономных республик, члены Коллегии КГБ — слушал внимательно, приглядывался к новой власти, уверенно расположившейся в президиуме.

Ельцин говорил о постоянном контакте с руководством КГБ... о необходимости не разрушать госбезопасность, а превратить ее в инструмент демократического государства... «... Не время сводить счеты, недопустима борьба с инакомыслием в органах; армия, МВД, КГБ не должны становиться ареной политической борьбы». Аудитория согласно кивала, именно это она и хотела услышать от российского президента. Легкий шепот, даже не шорох, а едва уловимое движение прошло по залу, Когда Ельцин заговорил о предстоящих уже к концу года трудностях, возможности массовых беспорядков и призвал органы госбезопасности быть готовыми к такой ситуации...»

(Л. В. Шебаршин,^[96] начальник Первого главного управления КГБ СССР. «...И жизни мелочные сны». Москва, 2000 год).

ДОКУМЕНТ: «Совещание 18.07.91.

- деловой, конструктивный разговор
- переход к президентской власти — четкие функции всех структур
- об органах ГБ
- не хотим особо спешить, действуем взвешенно
- не разрушать институт, а привести его деятельность в эффективный инструмент демократического государства
- Концепция безопасности России: четкое разделение функций, взаимодействие с КГБ СССР...
- Органы КГБ должны работать в условиях гласности...
- Основа деятельности органов безопасности — Закон...»

(Из записной книжки А. С. Пржездомского,^[97] помощника Председателя КГБ России).

В воздухе уже пахло назревающим взрывом, революцией, заговором. Все чувствовали, что должно что-то произойти, что ситуация не может накаляться бесконечно, что будет нечто такое, что изменит обстановку радикально.

Как оказалось, этого пришлось ждать чуть меньше месяца. Можно представить, как взбешен был Ельцин очередным «коварством» чекистов, которые еще в июле говорили о своей верности закону, а в августе вольно

или невольно оказались в стане «заговорщиков», стали заложниками смертельного противостояния. Какое уж тут могло быть доверие к Российскому комитету и его председателю?

СТАТЬЯ: «Основная проблема, с которой столкнется российский комитет, — подчинение, с одной стороны, республиканским властям, с другой — центру. Любопытно, как на практике будет реализовываться красивая фраза Виктора Иваненко: «Российская госбезопасность сплачивается на основе служения закону и законной власти...» Это замечательно, по российское ГБ остается частью КГБ СССР, а значит, обязано также верой и правдой служить и председателю КГБ СССР, который, как известно, «департизироваться» не собирается. Четко объяснить, как может или должна действовать российская госбезопасность в подобной ситуации, пока никто не смог. Похоже, ее руководителей ждет не самая легкая судьба»

(Н. Геворкян «За спиной Дзержинского». «Московские новости», 28 июля 1991 года).

Орлов вспомнил, как в самый разгар совещания Иваненко, сидящий в президиуме рядом с Ельциным, незаметно махнул ему рукой: дескать, подойди, я что-то должен сказать тебе. Андрей стремглав вылетел из ложи, зашел в комнату президиума, где стоял большой стол, уставленный бутылками и закуской, и где он под строгие взгляды охранников из «девятки»^[98] был остановлен рослым человеком с жестко-волевыми чертами лица и высоким лбом, переходящим в лысину, старательно прикрываемую зачесанными на нее волосами.

«Коржаков»,^[99] — догадался Андрей, которому уже пару раз довелось разговаривать с ним по телефону, но общаться непосредственно не приходилось.

— Что вы хотите? — строго спросил тот, сверля Орлова своими глазами-буравчиками и всем своим видом демонстрируя свое исключительное право решать, кому и куда здесь можно идти.

— Иваненко вызывает. Я его помощник. Наверное, что-то...

Коржаков окинул Орлова глубоким изучающим взглядом, будто не просто прощупывал, не может ли быть у него под пиджаком оружия, но и определял, не роятся ли в голове у Андрея какие-нибудь нехорошие, опасные для Ельцина мысли. От этого взгляда Орлову сделалось немного

не по себе. Его как будто посадили на полиграф, который в обиходе именуют «детектором лжи», и теперь проверяют на предмет лояльности к Президенту. А поскольку мысли у Андрея были разные, да и вряд ли он мог считать себя в полной мере уже определившимся сторонником Ельцина, то этот «рентген» вызвал у него достаточно неприятные ощущения, как будто кто-то попытался прочесть его сокровенные мысли.

— Хорошо. Проходите. Только не задерживайтесь! — великодушно разрешил Коржаков.

Орлов вышел на сцену в то время, когда на трибуне выступал Крючков, и под недоуменными взглядами зала прошел позади президиума к Иваненко.

Слушая шепот Виктора Валентиновича, поручавшего Орлову срочно найти одного из руководителей территориальных органов, Орлов краем глаза смотрел на сидящего рядом Ельцина. Он был буквально на расстоянии вытянутой руки от Андрея. При большом желании можно было даже его потрогать.

Когда-то, когда Андрей еще учился в школе, ему удалось на торжественной встрече в Кремлевском Дворце съездов «потрогать» самого Гагарина. Первый в мире космонавт остановился тогда в большом фойе, окруженный восхищенными мальчишками и девчонками в пионерской форме, что-то весело говорил, смеялся, рассказывал. Андрею тогда удалось протиснуться поближе к Гагарину, вблизи увидеть его открытое, симпатичное лицо и добродушную улыбку, рассмотреть Золотую Звезду Героя, сверкающую на его груди. Тогда у Андрея и возникло непреодолимое желание дотронуться до Гагарина, «потрогать» человека, побывавшего в космосе, как бы самому убедиться, что он живой, настоящий, взаправдашний. Андрей протянул руку и дотронулся до кителя космонавта. Гагарин в это время что-то рассказывал, смеялся. На миг он отвлекся, проследил взглядом за рукой Андрея и, увидев устремленные на него глаза мальчишки, улыбнулся и слегка подмигнул.

Но Ельцина Орлов «трогать» не хотел. Он только смотрел на него сбоку — на его седую шевелюру, немного одутловатое, румяное лицо, гладко выбритые щеки, толстую шею, на руки, лежащие на столе поверх стопки документов, еле заметно постукивающие пальцами по листкам, наверное с текстом его выступления, на белоснежный воротничок рубашки с аккуратно завязанным темно-синим галстуком с мелким мозаичным рисунком. Президент, наверное, почувствовал на себе взгляд стоящего рядом человека, сначала слегка повернул голову в сторону, а потом недовольно посмотрел на Орлова: мол, кто это там позволяет себе

отвлекать внимание его соседа, да и всех присутствующих от созерцания первого Президента России. Может быть, все было совсем не так и Ельцин просто машинально обернулся на отвлекающий его шепот. Но Орлов, переживая сходство ситуации, разделенной временем, тем не менее ощутил противоречие двух образов — ту давнюю улыбку Гагарина и раздраженный взгляд Ельцина в большом зале на седьмом этаже главного здания КГБ СССР.

Потом, после совещания, Андрей все-таки смог на несколько дней вернуться к семье, которая отдыхала на Куршской косе. Он не стал говорить жене, когда выезжает в Калининград, — хотел сделать все неожиданным. Потом была показавшаяся невероятно долгой дорога на скором поезде «Янтарь», встреча с друзьями в знакомом уже многие годы балтийском городе, комитетская «Волга», мчащаяся по шоссе, похожему из-за посаженных вдоль него деревьев на зеленый туннель, маленький поселок Лесное, где ждала его встреча с самыми близкими людьми, сосновые шишки, которые он, прячась, бросал из-за кустов в проходящие мимо три родные фигурки, крик сына: «Это — папа!», тревожные и одновременно радостные глаза жены и тихий ее шепот: «Андрюша, наконец приехал! Мы так тебя ждали!»

А Иваненко в это время подводил итоги Всероссийского совещания. Тем более, что он вызвало широкий резонанс в средствах массовой информации, и в прессе циркулировали самые невероятные слухи и домыслы.

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ: «Иваненко: Остро звучали на совещании проблемы сложившейся в стране обстановки, и прежде всего внутренняя угроза безопасности государства: продолжающийся рост насилия, набирающая силу организованная преступность и коррупция. В этой связи на совещании жестко ставился вопрос о равенстве всех перед законом, об активизации участия органов КГБ в борьбе с внутренней угрозой... Решено, что генеральной линией жизни комитета будет сплочение личного состава на основе служения Отечеству и законной власти.

...Создается новая структура. Если хотите, есть чистый лист и на нем можно, выбирая все лучшее и ценное из прошлого, внося исправления с учетом настоящего, разрабатывать новые структуры и формы работы пашей организации...

Образование КГБ России — это не противопоставление КГБ

СССР... Сейчас на плечах у Президента России лежит огромная ответственность за осуществление тех реформ, которые объявлены. В этой связи он очень заинтересован в сильной исполнительной власти... А органы КГБ укомплектованы... законопослушными, дисциплинированными кадрами... И потом, я думаю, что «война» России с центром — это же не вечно. Когда-то же будет центр, который будет выполнять те функции, что республики ему делегируют, — развитие политического процесса подойдет к этому.

Поделякин:...Я все годы был уверен, что в КГБ существует лучшая в стране система отбора и подготовки кадров. Мы очень тщательно отбираем людей, глубоко их изучаем, часто со школьной скамьи. Я думаю, именно поэтому в столь сложное время нам удалось в подавляющем большинстве сохранить кадры... На совещании твёрдо прозвучала мысль: никаких кадровых чисток среди руководящего состава, среди оперативного состава не будет...

Степашин: На базе нашего комитета образована межпарламентская комиссия, через которую, в частности, будут проходить согласование и утверждение начальники УКГБ... Смысл и цель работы комиссии — не перетряска кадров, чтобы кадровых офицеров КГБ заменить на «молотобойцев», как это было в прошлом, а выяснение позиций, как профессиональных, так и позиций руководителей КГБ в возможности их работать в фарватере политики нынешнего Президента России и Верховного Совета РСФСР...»

(Пресс-конференция руководства КГБ РСФСР. Июль 1991 года).

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «После Всероссийского совещания начался новый этап — сотрудники органов госбезопасности почувствовали, что с развертыванием деятельности Российского КГБ открываются новые перспективы... До него казалось, что все это просто так, что-то зачем-то создали... В общем, куда кривая выведет... А тут поняли: участвовал Президент и все руководство КГБ... Значит, все это всерьез...»

(А.К. Стрельников, начальник Секретариата КГБ)

России).

Тем временем в кабинет Бурбулиса стали один за другим заходить известные уже к тому времени политики «демократического» лагеря: невысокого роста, юркий, с чахлыми гуцульскими усами советник по правовым вопросам; мужиковатого вида, грубовато-прямолинейный министр печати; нервно-суетливый, кареглазый руководитель телевидения; похожий на обиженного мальчика, не избавившегося от некоторых возрастных дефектов речи, зампред Моссовета; высокий и седовласый, амбициозный бывший член Межрегиональной группы, ставший впоследствии послом; безапелляционно-красноречивый ректор Российского гуманитарного университета; брызгающий от злобы слюной, похожий на черносотенца реформатор сельского хозяйства; постоянно демонстрирующий свою решительность грузный генерал-полковник, исполняющий функции министра обороны без армии.

В кабинете, который стал местом пребывания «Комитета обороны Белого дома», стоял такой гвалт, что нельзя было понять, что происходит. Кто-то рассказывал госсекретарю о готовящемся гекачепистами захвате здания Дома Советов и проводимых по всей стране массовых арестах демократов. Кто-то требовал от Иваненко немедленно принять все меры предосторожности, чтобы в здание не проникли «лазутчики КГБ» и «провокаторы». Кто-то сбивчиво обсуждал с коллегами, что надо сделать для отпора «хунте». Один умник рассказывал, что получил совершенно достоверную информацию, будто боевики КГБ типа ниндзей должны вот-вот высадиться с вертолетов на крышу Дома Советов.

ИНФОРМАЦИЯ: «Никакой команды на проведение штурма... не отдавалось, никаких попыток взять Белый дом силой не предпринималось, однако всевозможных спекуляций на этот счет тогда и в последующее время было в избытке. В 1993 году Ельцин в одном из своих выступлений даже сказал, что якобы было предпринято восемь попыток штурма Белого дома...

И несмотря на то, что эти лживые утверждения опровергаются событиями тех дней, тем не менее было инспирировано движение «защитников» Белого дома... Воистину театр абсурда!»

(В. А. Крючков, Председатель КГБ СССР. «На краю пропасти». Москва, 2003 год).

От калейдоскопа мелькающих лиц, от громогласных заявлений, призывов, причитаний, нашептываний, от суетливых движений, беготни и постоянного шума у Орлова страшно разболелась голова. Не помог даже кофе, пару чашек которого он выпил тут же, в кабинете Бурбулиса. Работницы буфета время от времени вносили на больших подносах аккуратно уложенные на тарелки бутерброды с копченой колбасой и сыром, маленькие чашечки с кофе, наполняющим все помещение приятным ароматом, и чашечки чуть побольше, с погруженными в них маленькими пакетиками чая. Все, кто находился в кабинете, тут же начинали разбирать принесенное и, кто стоя и продолжая беседу, кто примостившись за большим столом, кто удобно расположившись в кожаном кресле, потягивали горячие напитки и закусывали бутербродами. Все это делалось с таким аппетитом, что казалось, будто ни у кого со вчерашнего вечера не было и маковой росинки во рту. Вполне возможно, в круговороте событий многие действительно не успели позавтракать. Во всяком случае, Андрей сделать этого не успел и сейчас, Когда голова, казалось, расколется пополам, он с удовольствием выпил пару чашек кофе.

Орлов подошел к окну. Было видно, что погода заметно испортилась — небо затянуло серыми облаками, дождь не прекращался. Внизу, перед фасадом Дома Советов, бурлила толпа. Повсюду, куда хватало взгляда, стояли, а кое-где и сидели люди. От пестроты зонтов все пространство выглядело красочным ковром и совсем не походило на место грядущих решительных схваток за свободу. По периметру кое-где виднелись искусственные завалы из арматуры, железных труб, ящиков и строительного мусора. Люди в большинстве своем стояли плотными кучками, в центре которых были наиболее активные или, возможно, наиболее информированные.

Кто-то предприимчивый привез целый рулон широкой и плотной полиэтиленовой пленки. Ее разрезали на куски и раздавали в толпе. Очень скоро площадь стала напоминать огромную витрину с красочными игрушками, упакованными в разномастные пакеты и кульки. Какие-то ребята развернули ватманский лист с неровно написанными на нем буквами. Андрей пригляделся и прочитал: «Фашизм не пройдет! Крюкова, Язова, Янаева — под суд!» От дождя бумага намокла, а краска, которой был написан текст, текла, оставляя неровные разводы.

Время от времени из окон Белого дома в толпу вбрасывались листовки. Сначала они, подхваченные ветром, начинали кружиться над головами людей, а затем, намокая, падали вниз. Большинство из них людям удавалось схватить на лету, другие попадали в лужи, прилипали к

зонтикам, застревали в кронах деревьев. «Зачем их бросают? Что, нельзя спуститься вниз и раздать людям? — думал Андрей. — Наверное, так выглядит более революционно. Им кажется...»

— Теперь народ не загонишь в стойло! Теперь этим долбаным коммунистам наступят кранты! — прервал размышления Орлова высокий человек, подошедший сзади. Андрей не заметил, когда он вошел в кабинет, никогда раньше не видел его или просто не обращал внимания. На нем была легкая серая куртка и рубашка без галстука. Грубое, как бы вылепленное кусками, лицо, спутанные, непричесанные волосы, небритая щетина на щеках, мясистый нос, изъеденный мелкими черными точечками, кустистые брови. Все говорило о его рабочем происхождении.

— Вон видишь, как людей достали! Сейчас будем «живое кольцо» делать. Пусть попробуют сунуться! Мы, демократы, этот ГКЧП так уделаем! — Он сжал кулак и покрутил им перед лицом Орлова, наглядно демонстрируя, что ожидает заговорщиков и их сторонников.

Кулак был действительно массивный, с толстыми, поросшими волосами пальцами, на которых отчетливо виднелись грязные ногти. Орлов невольно отшатнулся, испытывая одновременно чувство брезгливости и неловкости. «Ну и тип! — подумал Андрей. — Откуда такой «демократ» здесь взялся?»

«Демократ», как будто услышав мысли Орлова, сказал, наклонившись к нему:

— Я — шахтер из Кузбасса. Мы приехали четверо... Нас послал трудовой коллектив в Москву. Мы хотели, чтобы нас поддержали... А тут начался этот путч. Вот теперь организуем оборону, «живое кольцо»...

— «Живое кольцо»? — переспросил Орлов.

— Да. Люди возьмутся за руки вокруг Дома Советов, и эти паскуды ничего не сделают! Надо народ поднимать! Шахтеры, без вопросов, поддержат Ельцина! Оружие надо раздать! Только вот эти... — он кивнул на находившихся в комнате, — все сопли жуют! А ты... ты откуда? — неожиданно спросил он.

— Да я из Комитета...

— Какого комитета?

— Ну какого еще? Из КГБ.

— Чо-о-о? — с удивлением спросил «шахтер-демократ».

Он был крайне озадачен ответом Андрея и не знал, как реагировать на него. Для него, по-видимому, КГБ олицетворял карательный орган союзного государства, причем активно участвующий в событиях. Он недоверчиво смотрел на Орлова, все еще рассчитывая, что тот, может быть,

так нелепо пошутил.

— Правда из КГБ?

— Правда, — Орлов серьезно посмотрел в глаза собеседника.

— А чё, вы тут все заодно, да? — понизив голос и обводя глазами кабинет, спросил «шахтер-демократ». На его лице было написано недоумение, а в глазах читалась напряженная работа мысли. Видимо, у него в голове не укладывалось, как сотрудник КГБ мог попасть сюда, в кабинет Бурбулиса, в святая святых обороны Белого дома.

— Да я из Российского комитета. Помощник Иваненко. Знаешь?

— Кого? — Тот тупо смотрел на Орлова.

— Иваненко знаешь?

— Не. Не знаю.

— Плохо, что не знаешь. Он — Председатель КГБ РСФСР. Назначен Ельциным.

— А он... он не в ГКЧП?

Орлов тяжело вздохнул, с тоскою посмотрел на «шахтера-демократа» и с трудом выдавил из себя:

— Знаешь, лучше иди организовывай «живое кольцо»...

— Андрей! — неожиданно раздался голос Иваненко, который жестом подзывал своего помощника.

Орлов подошел к нему, испытал облегчение от того, что наконец удалось закончить бессмысленный разговор с «шахтером-демократом».

— Андрей, тут такое дело... В общем, есть сведения, что готовится штурм. Сначала пойди посмотри, что творится на улице... вокруг здания. Если заметишь что — вернешься и скажешь. Я думаю, все это блеф! Никто на штурм не пойдет! Но, знаешь... Понял?

Орлов кивнул.

— Если ничего тревожного не заметишь, езжай на Дзержинку... Машина у тебя где?

— Машину я отправил назад.

— А как ты...?

— На метро доберусь.

— Ну смотри. Там скажи нашим... Я не хочу по телефону... Главное — не допустить, чтобы органы КГБ на местах ввязались в эту авантюру. Если ввяжутся — все! Будет кровь. Надо звонить на территорию, разъяснять всем, что к чему. Пощупайте там обстановку. Если что — звони, а часам к восьми подъезжай.

— Но, Виктор Валентинович, может, я здесь...

— Я тебе сказал. Мне нужно, чтобы вы там не просто так сидели...

Действовать надо! Ты мне нужнее сейчас для связи, понял?

— Да!

— Давай, Андрей. Только осторожно! — Иваненко ободряюще посмотрел на Орлова, пожал ему руку и пошел к столу Госсекретаря, около которого сгрудились участники «Комитета обороны Белого дома». Андрей, с сожалением бросив взгляд на большой поднос с бутербродами, покинул кабинет.

19 августа 1991 года, день.

Москва. Краснопресненская набережная.

Вокруг Дома Советов РСФСР

Когда Андрей оказался на улице, дождь почти закончился. На лицо попадали лишь мелкие морсящие холодные капельки. Повсюду были большие лужи, на которые то и дело наступали толпящиеся перед Домом Советов люди. Энтузиазм «защитников Белого дома» под воздействием стихии, казалось, немного спал, но все равно человеческий муравейник бурлил, шум голосов сливался в какой-то монотонный протяжный гул, напоминающий атмосферу большого стадиона, где толпа то ревела от восторга или негодования, то затихала или даже замирала в ожидании нового поворота в игре, разворачивающейся на футбольном поле. Теперь футбольным полем становилась вся огромная страна.

Сравнение с полем стадиона Орлову пришло в голову, когда он не только услышал этот шум толпы, но и увидел группу мальчишек, перебрасывающих друг другу футбольный мяч. Они пришли, видно, сюда с одного из расположенных поблизости дворов, где играли себе преспокойненько в футбол. Но потом, услышав о событиях, разворачивающихся у Белого дома, они, конечно, не удержались и прибежали сюда, где было шумно, где стояли танки, что было совершенно необычно для Москвы, где можно было кричать, дурачиться и вообще делать то, что всегда категорически запрещалось, например выворотить детскую песочницу во дворе близлежащего дома, приволочь ее сюда и под одобрительные возгласы толпы установить на самом видном месте, как надежное средство защиты от возможного нападения «гэкачепистов».

Неподалеку от Горбатого моста, где было особенно много людей, Орлов увидел, как панки с характерными хохолками на голове громко кричали что-то нечленораздельное. Потом они внезапно утомнились и

стали напевать на английском языке под гитару, протяжно завывая и срываясь на крики.

Какая-то женщина пенсионного возраста, в старой неряшливо сидящей на ней кофте через равные промежутки времени, ни к кому не обращаясь, громко повторяла одну и ту же фразу:

— Сынки! Защитите демократию!

Двое молодых парней в джинсовых костюмах, прервав разговор, с насмешкой смотрели на женщину. Один из них раздраженно бросил ей:

— Мать, не разоряйся! Защитим! Иди лучше домой, справимся без тебя!

Но женщина, не обращая на них никакого внимания, продолжала призывать к защите демократии. По всему было видно, что она явно не в себе.

— ...Они привезли пять чемоданов денег! — услышал Орлов обрывок фразы, сказанной молодым бородачом в темных очках. Рядом с ним стояли еще двое или трое людей, которых Андрей сразу окрестил «научными сотрудниками». Все они были очкариками, бородачами и выглядели вполне прилично. Тот, который был в солнцезащитных очках, продолжал:

— Это не благотворительность, а ростки того нового, что обязательно даст свои всходы. Подумайте, это же здорово: российские предприниматели дают деньги, чтобы отстоять демократию! Они инвестируют свои средства в свободу! Они создают новое...

Голос бородача утонул в каких-то криках. Орлов повернул голову в ту сторону, откуда доносился шум. Было видно, как несколько человек, окружив кого-то, размахивали руками, похоже даже били его.

— Сволочь! Провокатор! — орали одни.

— Да отпустите же его! — кричали другие.

— Он, гад, тут все вынюхивает!

— И призывает расходиться!

— Смотри, у него что-то в кармане есть! Наверное, оружие? Может, это кагэбэшник?

«Опять КГБ! — горько подумал Андрей. — Как что, все — КГБ! Как будто это исчадие ада!»

Тем временем настроения в толпе изменились и человек, которого только что обвиняли во всех смертных грехах, смог выбраться наружу. Это был низкорослый мужичок в потрепанном пиджачке, совсем не смахивающий на коварного «кагэбэшника». Один рукав у него был разорван. Видно, ретивые «защитники Белого дома» перестарались в своем желании разоблачить провокатора.

Мужичок, отряхиваясь и прижимая руку к подбородку, старался быстро ретироваться с места возникшего конфликта. Когда он проходил мимо, Андрей услышал сказанную им сквозь зубы фразу:

— Погодите, еще умоетесь кровью, «дерьмократы»!

«Провокатор» зло сплюнул сквозь зубы прямо под ноги Андрея.

Рядом группа людей плотно обступила человека, сидящего на ящике.

Когда Орлов приблизился к ним, то услышал характерный голос диктора радиостанции «Свобода», который передавал какое-то сообщение: «...кирпичи из мостовой для отражения намеченного, по слухам, на шестнадцать ноль-ноль штурма. Как сообщил председатель госкомитета РСФСР по вопросам обороны, народный депутат республики генерал-полковник Константин Кобец, в Доме Советов России создан штаб по обороне этого здания...»

ДОКУМЕНТ: «...Оборона здания Дома Советов РСФСР снаружи осуществлялась силами отрядов добровольцев, организованных в сотни. Для удобства управления ими были созданы 4 зоны (сектора) — север, восток, юг и запад. В каждый сектор входило от 4 до 10 сотен, которые возглавлялись руководителями зон, подчиненных штабу обороны...

Учитывая незащищенность и отсутствие заграждений на подступах к зданию, отряды получили задачу на строительство баррикад, заграждений из подручных средств и техники. Баррикады создавались на двух рубежах: внешнем — на удалении 1–1,2 км (12 баррикад) и внутреннем — на удалении 700 м. (6 баррикад)... Офицерами штаба обороны и прибывшими специалистами проводился инструктаж по действиям в различных условиях ведения уличного боя, ограниченного пространства с применением химических средств и времени суток... [\[100\]](#)»

(«Анализ действий сил обороны здания Дома Советов РСФСР...» Штаб обороны, август 1991 года»).

По напряженным лицам людей было ясно, что отсутствие информации заставляет их внимательно слушать все, что становится доступным им. Сидящий на ящике парень, догадавшийся принести из дома стереомагнитолу, находился в центре внимания. По его гордому виду было ясно, что он буквально упивается собственной значимостью, так как

помогает людям узнать последние новости и тем самым вселить в них уверенность «в победе демократии».

На другом конце огромной площади вновь раздались крики, затем шум, похожий на овацию. Сначала Андрей не мог понять, что там происходит, но, чуть приблизившись к этому месту, увидел: к Дому Советов подходила большая группа казаков. Все как на подбор чубатые, с длинными усами, в форме, похожей больше на театральный реквизит, нежели на обмундирование, они с гордым видом «врезались» в пеструю толпу, смешиваясь с ней и придавая ей новый, несколько военизированный вид.

— Казаки с нами! Донским казакам — ура! — доносилось в толпе.

— Любо! Любо! — кричали в ответ казаки.

«Да, подкрепление что надо! — с иронией подумал Андрей. — Кого здесь только нет! Вот, теперь и казаки!»

Поручение Иваненко осмотреть все вокруг на предмет возможной подготовки к штурму казалось теперь странным. Действительно, атмосфера, царившая на подступах к Дому Советов, была напряженной, но не в силу того, что вокруг сжималось кольцо штурмовых отрядов, а из-за взвинченности самой толпы, из-за отсутствия достоверной информации, а также из-за того, что собралось здесь немало людей с неуравновешенной психикой, экзальтированных и быстро возбудимых.

Конечно, среди пришедших к Белому дому было немало искренних и честных людей, верящих в то, что своими действиями они поставят заслон на пути тоталитаризма, защитят молодую демократию, обеспечат движение к справедливому и гуманному обществу. Конечно, их было немало и они очень надеялись, что так оно и будет. Но жизнь и история расставляют свои акценты, спустя годы отвечая на вопросы, кто был прав, кто виноват и правильно ли поступали мы все и каждый из нас в отдельности.

Орлов еще долго бродил в окрестностях Белого дома, то приближаясь к нему, то удаляясь в сторону близлежащих домов и набережной, протискиваясь через толпу, обходя завалы и баррикады. Он подходил к танкам и слушал разговоры с солдатами, добрые и злые, ожесточенные и примирительные. Он видел, как из автомобиля с яркой стилизованной надписью «Макдоналдс» на борту, своего рода полевой кухни «защитников Белого дома», разгружали коробки с гамбургерами и банки с кока-колой. Он видел стихийно образовавшийся у двадцать третьего подъезда штаб «черного легиона», объединивший новых анархистов всех мастей. Он видел, как в толпе прогуливалась парочка молодых родителей с двумя маленькими детьми, легкомысленно считавших это место подходящим для

подобных прогулок.

Несколько раз Орлову попадались служители культа. Один православный священник был явно навеселе и постоянно говорил, что «любая власть от Бога», другой называл «гэкачепистов» Сатаной и призывал молиться за избавление от «красной заразы». Какой-то мусульманин читал вслух Коран, призывал всех следовать наставлениям Всевышнего, славить Аллаха.

Около парапета большой лестницы, спускающейся от Дома Советов в сторону Москвы-реки, собрались в кучку несколько молодых людей. Рядом с ними на траве стояло несколько ящиков с пустыми бутылками. Они доставали то одну, то другую бутылку, наливали в них из канистры какую-то жидкость, плотно закрывали полиэтиленовыми пробками и снова ставили в ящики. Сначала Орлов подумал, что они заполняют бутылки питьевой водой, так как при таком скоплении народа утоление жажды превращается в сложную проблему. Но почувствовав запах бензина, Андрей понял, что дело гораздо серьезнее. Здесь явно готовились к отражению атаки и изготавливали оружие, способное воспламенить танки и бэтээры, в считанные секунды превратить в факелы военные грузовики и живую силу «противника». Это уже были не игрушки! Это пахло кровью и большими человеческими жертвами.

ИНФОРМАЦИЯ: «Пока не было никаких признаков того, что силы заговорщиков намеревались прорываться через толпу и вздвигнутые ею самодельные баррикады и принимать какие-то меры против Ельцина. И каждым часом своего бездействия они помогали демократам консолидировать свои силы и укреплять уверенность в победе. Пока Ельцин и его сторонники стояли на этих бастionaх, Михаил Горбачев, все еще изолированный на своей черноморской вилле, быстро терял свое значение»

(М. Бирден, руководитель отдела ЦРУ США. «Главный противник». Москва, 2004 год).

Повсюду шаталось много выпивших людей, особенно молодежи, которые, видно, использовали горячительное для «сугрева» и поднятия боевого духа. Совершенно пьяных стыдили, прогоняли, говорили им, что они позорят «святое дело защиты свободы». Но те, как правило, не уходили, а, что-то бормоча, перебирались в другое место, и там снова начинались увещания и звучали требования покинуть ряды

«защитников».

За все время Орлову всего пару раз попались непримиримые противники обороны Белого дома, и каждый раз их с криками и руганью изгоняли. Первым был как раз тот самый мужичок, которого обзывали «провокатором» и «кагэбэшником».

Второго Орлов встретил неподалеку от булочной, расположенной в высоком доме на Краснопресненской набережной, напротив правого крыла Дома Советов. Там толпа окружила какого-то долговязого очкастого парня, который, сильно заикаясь, рассказывал:

— В-вы думаете, что т-там кто-то собирается об-бороняться? — Он кивнул в сторону Белого дома. — Мне сказали точно, что Ельцин уже р-расстрелян, Хасбулатов и Р-руцкой арестованы. Г-Горбачева отравили еще вчера... Сейчас подт-тянут сюда войска и...

— Откуда ты все это знаешь? — грозно спросил мужчина в грязной рабочей спецовке, которого Андрей окрестил про себя «строителем». — Чего мелешь?

— Я знаю т-точно. Мне...

— «Т-точно!» — передразнил его «строитель». — Болтаешь всякую ерунду!

— Да! Скажи, откуда тебе это известно! — включилась в разговор грузная женщина с наполненной овощами авоськой в руках. — Скажи!

— У меня т-там друг работает. Он — милиционер. Он сам видел, как Хасбулатова выводили...

— Да чего слушать этого болтуна! — раздался чей-то басистый голос. — Он же чокнутый!

— Иди, парень, отсюда, пока не получил в рожу! — сказал «строитель».

— Пока очки не разбили! — к месту вставила женщина с авоськой.

Парень, видя, что настроение толпы резко меняется не в его пользу, поспешил ретироваться, а люди еще долго обсуждали между собой, действительно ли Ельцин с Хасбулатовым находятся в Доме Советов или все, что рассказал «очкарик», правда и надо немедленно расходиться по домам.

— Я так скажу, мужики... — начал «строитель», но, посмотрев по сторонам, добавил: — ...и бабы. Надо стоять здесь, пока не победим. Я сам видел Ельцина, как он выступал с танка. И Руцкой, и Хасбулатов здесь...

В этот момент со стороны Белого дома раздались характерные щелчки и зазвучал голос в мегафоне, заглушивший последние слова «строителя».

ДОКУМЕНТ: «Внимание! Внимание! Защитники Дома Советов! Прослушайте Обращение Президента России Бориса Николаевича Ельцина к солдатам и офицерам Вооруженных Сил СССР, КГБ СССР и МВД СССР.

Военнослужащие! Соотечественники! Предпринята попытка государственного переворота. Отстранен от должности Президент СССР, являющийся Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил СССР. Вице-президент СССР, премьер-министр, председатель КГБ СССР, министры обороны и внутренних дел СССР вошли в антиконституционный орган, совершив тем самым государственную измену — тягчайшее государственное преступление. Страна оказалась перед угрозой террора. Порядок, который обещают нам новоявленные спасители...»

Голос вдруг заметно ослаб и стал почти не слышен. «Наверное, повернули раструб мегафона в другую сторону», — подумал Андрей. И точно, через некоторое время голос зазвучал с прежней силой.

ДОКУМЕНТ: «...трон из штыков, но долго на нем не просидишь. Возврата к прошлому нет и не будет. Дни заговорщиков сочтены. Солдаты, офицеры и генералы! Час назад мною назначен председатель Комитета РСФСР по оборонным вопросам. Им стал ваш товарищ по оружию — генерал-полковник Кобец. Издан указ, согласно которому все территориальные и иные органы МВД, КГБ, министерства обороны на территории РСФСР обязаны незамедлительно исполнять все распоряжения Президента РСФСР, КГБ РСФСР, МВД...»

За одним указом последовал другой, затем третий... И пошло-поехало!

ДОКУМЕНТ: «В связи с действиями группы лиц, объявивших себя Государственным комитетом по чрезвычайному положению, постановляю:

1. Считать объявление Комитета антиконституционным и квалифицировать действия его организаторов как государственный переворот, являющийся не чем иным, как государственным преступлением.

2. Все решения, принимаемые от имени так называемого комитета по чрезвычайному положению, считать незаконными и не имеющими силы на территории РСФСР. На территории Российской Федерации действуют законноизбранная власть в лице Президента, Верховного Совета и Председателя Совета Министров, всех государственных и местных органов власти и управления РСФСР.

3. Действия должностных лиц, исполняющих решения указанного комитета, подпадают под действия уголовного кодекса РСФСР и подлежат преследованию по закону.

Настоящий Указ вводится в действие с момента его подписания».

Президент РСФСР Б. Ельцин»

(Указ Президента РСФСР Б. Н. Ельцина № 59.19 августа 1991 года).

ДОКУМЕНТ: «Предпринята попытка государственного переворота, отстранен от должности Президент СССР, являющийся Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил СССР. Вице-президент СССР, премьер-министр СССР, Председатель КГБ СССР, министры обороны и внутренних дел СССР вошли в антиконституционный орган, совершив тем самым государственное преступление. В результате этих действий деятельность законноизбранной исполнительной власти Союза ССР оказалась парализованной.

В сложившейся чрезвычайной ситуации постановляю:

1. До созыва внеочередного Съезда народных депутатов СССР все органы исполнительной власти Союза ССР, включая КГБ СССР, МВД СССР, Министерство обороны СССР, действующие на территории РСФСР, переходят в непосредственное подчинение избранного народом Президента РСФСР.

2. Комитету государственной безопасности РСФСР, Министерству внутренних дел РСФСР, Государственному комитету РСФСР по оборонным вопросам временно осуществлять функции соответствующих органов Союза ССР на территории РСФСР.

Все территориальные и иные органы МВД, КГБ и

Министерства обороны на территории РСФСР обязаны немедленно исполнять указы и распоряжения Президента РСФСР, Совета Министров РСФСР, приказы КГБ РСФСР, МВД РСФСР, Государственного комитета РСФСР по оборонным вопросам.

3. Всем органам, должностным лицам, гражданам РСФСР принять незамедлительные меры к тому, чтобы исключить выполнение любых решений и распоряжений антиконституционного Комитета по чрезвычайному положению.

Должностные лица, выполняющие решения указанного комитета, отстраняются от исполнения своих обязанностей в соответствии с Конституцией РСФСР. Органам Прокуратуры РСФСР немедленно принимать меры для привлечения указанных лиц к уголовной ответственности.

Президент РСФСР Б. Ельцин»

(Указ Президента РСФСР Б.Н. Ельцина № 61.19 августа 1991 года).

Голос из мегафона опять ушел, но Орлову стало понятно главное — противостояние входит в решающую стадию и либо ГКЧП сейчас перейдет к решительным действиям и попытается разогнать российскую власть, либо события приобретут необратимый характер и тогда уже самим «гэкачепистам» не избежать расправы.

«...Вновь обретет свободу. Теперь уже — раз и навсегда! Солдаты! Верю, в этот трагический час вы сумеете сделать правильный выбор. Честь и слава российского оружия не будет обагрена кровью народа. Борис Ельцин».

Реакция на текст Указа повсеместно была восторженная. И, несмотря на то, что снова пошел дождь, никто не собирался расходиться. Повсюду раздавались отдельные выкрики и скандирующие голоса: «До-лой хун-ту!», «Ель-цин!», «Ди-кта-ту-ра не прой-дет!», «До-лой КП-СС!», «Когда мы едины — мы не-побе-димы!», «Рос-си-я!», «Ельцин!». Толпа возбуждалась все больше и больше, вовлекая всех в некое подобие экстаза — самое опасное состояние неуправляемой толпы.

«Пожалуй, здесь делать больше нечего», — решил Орлов и направился в сторону Рочдельской улицы. Навстречу шло новое пополнение «защитников». Многие были с сумками, видно, рассчитывали на длительную оборону и запасались провизией и теплой одеждой. Среди

прибывающих было немало молодежи. Только теперь на многих были куртки, свитера, даже телогрейки. Летние ночи в Москве, особенно неподалеку от воды и после дождя, бывают довольно холодными. А поскольку «игра» в «защитников» Белого дома явно затягивалась и приобретала нешуточный оборот; их экипировка должна была соответствовать сложности момента.

— Эй, парень, куда идешь? — прокричал Андрею здоровый детина, следующий ему навстречу. В руке у него был длинный металлический прут, вроде арматуры. Он приостановился немного и развел в сторону руки, как бы показывая, что готов остановить и развернуть Андрея в обратном направлении. В лицо пахло смесью перегара и чеснока.

Орлов сделал движение в сторону, стараясь обойти «бугая», но тот, похоже, всерьез собирался «мобилизовать» встретившегося ему на пути человека на защиту Белого дома.

— Ты чё, уже описался? Не бзди! Или ты из «этих»?

«Опять!» — подумал Андрей и, стараясь не показать охватившего его чувства брезгливости и раздражения, сказал «бугаю»:

— Да я здесь с самого утра. Схожу за нашими и снова сюда.

— А, это другое дело! Ну давай! — Детина убрал руки, но тут же заговорщически наклонился к лицу Андрея, источая из своего рта такую вонь, что у того подкатил рвотный комок к горлу. Перейдя на шепот, «бугай» спросил:

— Слушай, а правда, что защитникам Белого дома раздают бесплатно водку?

— Не знаю, не видел.

Детина разочарованно посмотрел на Андрея.

— А чё ты там вообще видел? Чо, еще не прочухался, что весь народ за свободу вышел? Коммунякам-то теперь кранты! Ну, давай дуй! И приводи свою кодлу!

«Да, с такими только отстаивать демократию!» — подумал Орлов и заспешил навстречу все увеличивающемуся потоку людей, спешащих успеть поучаствовать в событиях, потрясающих всю страну, оказаться в эпицентре происходящего, чтобы потом можно было сказать: «Я ведь там тоже был! Я ведь тоже отстаивал свободу!»

Путь до площади Дзержинского, занявший бы в другое время не более получаса, Орлов прошел не менее чем за полтора часа. Правда, он несколько раз останавливался в местах скопления толпы — на Садовом кольце и Калининском проспекте,^{[\[101\]](#)} на проспекте Маркса и у Большого театра. К этому времени уже тысячи людей вышли на улицы Москвы.

В воздухе висело предощущение массовых беспорядков. Температура общественного негодования явно поднималась.

Выбираясь из подземного перехода на площади Дзержинского, Орлов заметил, насколько изменилась обстановка за те несколько часов, что он отсутствовал. Кучки людей стояли и здесь, но на некотором отдалении от здания Комитета госбезопасности. Люди о чем-то говорили, время от времени поглядывая на «большой дом», ставший в последние часы явным олицетворением путча. Но и у самого здания было заметно несколько фигур, правда, при этом почти ни у кого не возникало сомнения, что это сотрудники охраны, которые бдительно следят за обстановкой на подступах к нему. У всех еще свежи были в памяти кадры погрома здания Министерства госбезопасности ГДР,^[102] когда толпа с улюлюканьем вломилась внутрь и стала крушить все на своем пути, оттесняя охрану и сбрасывая кипы документов в пролеты лестничных маршей.

Теперь, когда события явно приобретали нешуточный оборот, Орлов уже реально опасался, что его задержат при входе. Трудно было представить, что его вояжи в Дом Советов и в Министерство внутренних дел России остались незамеченными. Тем более что Российский комитет явно противопоставлял себя руководству союзного КГБ и активно пытался даже склонить на свою сторону территориальные органы госбезопасности.

«А что, если при входе мне просто наденут наручники и отправят в следственный изолятор?» — мелькнула у Орлова шальная мысль. Но она казалась настолько чудовищной и нереальной, что он отбросил ее и решительно направился к подъезду.

19 августа 1991 года, день.

Москва. Площадь Дзержинского.

Здание КГБ СССР

Прапорщику, проверявшему документы, он показал все-таки не то удостоверение, которое предъявлял при входе в Белый дом, а другое, где черным по белому было написано, что «майор Орлов состоит в должности старшего инспектора Инспекторского управления КГБ СССР».

Маленькая хитрость! Своего рода — документ прикрытия! Хорошо, что он не успел его сдать за несколько дней до событий, хотя должен был сделать это гораздо раньше. Парадокс, но у Орлова на руках было два удостоверения: одно, свидетельствующее, что он сотрудник союзного КГБ,

другое — российского. Это было как нельзя кстати. Правда, если бы всерьез решили его задержать, то, скорее всего, никакое удостоверение не помогло бы.

Поднимаясь в лифте, Орлов почувствовал, какой степени нервозности достигла обстановка здесь, в здании КГБ СССР. Обычно деловито-серьезная или шутливо-ироничная атмосфера лифта сменилась тягостным молчанием стоящих рядом с Орловым сотрудников. На лицах людей была написана угрюмая озабоченность, в глазах читалась тревога. Входявшие в лифт на полуслове обрывали разговор, как будто оказывались во враждебном окружении, от которого ничего нельзя было ждать, кроме неприятностей. Только один раз, когда раскрылись двери лифта, Андрей услышал обрывок фразы, сказанной хмурым парнем, сжимающим еще не просохший от дождя зонт:

— ...ставят опять в раскоряк! Им лишь бы... — Он не договорил и, насупившись, замолк.

19 августа 1991 года, день.

Москва. Площадь Дзержинского.

Здание КГБ СССР. Кабинет № 761

В коридоре, где дислоцировался Российский КГБ, Орлова ждал сюрприз: двери расположенных напротив кабинетов были широко распахнуты, хозяев не было видно, зато на стульях и за столами расположились в полной экипировке сотрудники спецподразделения. Бронежилеты, короткоствольные автоматы, шлемы, затянутые зеленой тканью, подсумки, штык-ножи — все это свидетельствовало о серьезности намерений. Ребята о чем-то переговаривались между собой, курили, что в другое время было бы недопустимым — за курение в кабинетах строго наказывали, особенно если это замечали пожарники. Но сейчас, по-видимому, было не до того.

Увидев Орлова, поравнявшегося с открытой дверью, спецназовцы не проявили к нему особого интереса, только прекратили разговаривать и выжидательно смотрели на Андрея, который решительно взялся за ручку двери. Сердце его вдруг замерло. «А если там уже никого нет?»

Но испугаться он не успел, так как, открыв дверь, увидел своих и уже с облегчением вошел в кабинет.

— Слава Богу, вы хоть все здесь! — буквально вырвалось у него.

— А где же мы должны быть, Андрей Петрович? — спросила Надежда, улыбаясь.

— О, тезка! — навстречу Орлову шагнул начальник секретариата Андрей Стрельников, жизнерадостный парень, постоянно демонстрирующий окружающим свой веселый, неунывающий нрав. Орлов некоторое время работал с ним вместе в Инспекторском — Стрельников сменил ушедшего на пенсию старейшего сотрудника управления. Сам он был из комсомольских работников и отличался исключительной, в чем-то даже немного раздражающей общительностью. Таким людям обычно очень быстро удается установить со всеми хорошие отношения, стать «полезными» для большинства сотрудников, постоянно доставая какой-нибудь дефицит. А начальник секретариата, ответственный за делопроизводство и успешно выполняющий функции завхоза, становился просто незаменимым человеком, особенно для начальства. Разительно это чувствовалось в сравнении с его предшественником, человеком пожилым, уставшим от суеты и, разумеется, даже не пытавшимся проявлять какую-либо активность на снабженческой ниве.

— Тезка, тебя уже несколько раз спрашивал Иваненко. Где ты бродишь? — Улыбаясь, Стрельников не преминул даже подмигнуть Андрею, мол, замнем для ясности. — Небось, воспользовался моментом и «по бабам»?

Орлов не принял шутливого тона Стрельникова и, слегка поморщившись, сказал:

— Ладно, Андрей! Не до шуток сейчас! Ты мне лучше скажи, это... — он кивнул в сторону двери, — это кто такие?

— Так и нам, тезка, не до шуток! — все еще улыбаясь, проговорил Стрельников. — Вот видишь, чтоб не было скучно, охрану прислали!

— Это... это по нашу душу? — переспросил Орлов.

— А как же! По нашу. Ты только ушел, а напротив появились эти ребята. Всех из кабинетов вытурили... Повезло же людям — сейчас сидят, пивцо потягивают... Охраняют нас, чтобы никто на нас не напал!

— А откуда они? «Альфа?»

— Наверное. Я подошел к ним, спрашиваю: «Ребята, а чего вы здесь делаете?», а они говорят: «Сами не знаем. Сказали нам занять эти кабинеты и ждать до особого распоряжения».

— Понятно. — Орлов нахмурился. — За распоряжением дело, видно, не станет...

— Да, брось ты, Андрюха! Не дрейфь! Лучше скажи, что там у Валентиныча?

Орлов вскользь рассказал о том, что видел в Белом доме и на подступах к нему, сам расспросил Стрельникова о происходящем в здании Комитета.

— Да ничего тут не происходит! Все ждут и... — Он вплотную приблизился к Андрею и, перейдя на шепот, продолжил: — Все плюются. Говорят по ГКЧП: «Даже переворот толком сделать не могут!» Настроение у всех — дрянь! Считают, что этот ГКЧП продержится не больше недели, а то и вообще пару дней!

— И ты так думаешь?

— Сам посуди. Сегодня днем Крючков собрал совещание. Ну... объявил, что вводится чрезвычайное положение, мол, для того, чтобы воспрепятствовать возможным массовым беспорядкам... А потом стал говорить про уборку урожая и...

— Про что?

— Ну, что чекистам надо по управлениям сформировать уборочные бригады и отправить их на село. Для оказания помощи в уборке урожая.

— Бред какой-то!

— Ну, вот видишь, чем занимаются!

— А Слава-то где? — вспомнив о Бабусенко, с которым они расстались несколько часов назад, спросил Орлов.

— Он был здесь, а потом пошел к своим. Тоже обзванивает органы, да здесь... Слушай, они чего — такие идиоты? Связь у Ельцина, Руцкого и Хасбулатова отключили, а у Бурбулиса что, работает?

— Да, ВЧ и «кремлевка»^[103] работают. Иваненко уже сам переговорил со многими начальниками управлений здесь в Центре, да и с территорией тоже.

— Ну дела! Точно, скоро все лопнет. Кто же так перевороты делает? Номенклатура! Ильича^[104] читать надо было: сначала банк, потом — почту, а затем — телеграф! Связь — самое главное! А эти... с трясущимися руками...

— Да. Но войск-то в городе много!

— Да что войска? Солдаты, скорее всего, стрелять не будут. Даже если им прикажут! Крови-то никто не хочет! Если только провокацию какую не устроят...

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Здесь все собрались в одном кабинете — Поделякин, Пятаков,^[105] Соловьев,^[106] Ледовской...^[107] Ледовской постоянно сидел за рабочим столом

на телефонах... С территориями поддерживалась постоянная связь... Откуда появился спецназ, мы не знали... Потом от шефа поступила команда — пройти и проверить баррикады, «круговую оборону» Белого дома... Я прошел до Сухаревки. Там меня остановили десантники... Пришлось им показать удостоверение КГБ СССР, которое мне, как и Пржездомскому, удалось оставить себе... Они посмотрели: «Валяй!» По Грузинке было не пройти — машины, народ... Я совершенно спокойно прошел через стадион к Белому дому. Там не было никаких преград — хоть на грузовике проезжай!

Подошел к 20-му подъезду, показываю ксиву... А прапор или старшина, я не помню, не пускает. Они такую команду получили: никого не пускать. тогда говорю ему: «Я — начальник Секретариата КГБ России. У меня пакет, его надо вручить Президенту. Если я не вручу — мне п...ц! Бери пакет, расписывайся, иди к Борису Николаевичу и получи у него роспись, что ты ему вручил». И тогда он со страху меня пропустил...»

(А.К. Стрельников, начальник Секретариата КГБ России).

В тот день они еще не знали, как будут развиваться события в ближайшее время. Не знали этого, конечно, ни в Белом доме, ни в Кремле, ни на Старой площади. Не ведали об этом ни в Минобороны, ни в КГБ, ни в МИДе. Каждый просчитывал дальнейшие шаги противоборствующих сторон исходя из собственного понимания ситуации. Индульгенцией на реальное знание обстановки, а тем более на ее объективную оценку не обладал никто. Впрочем, может быть, где-то все-таки знали чуть-чуть больше, чем все основные участники событий?

19 августа 1991 года, день.

Москва. Улица Чайковского. Посольство США

— Господин Белчер, по нашим данным, обстановка развивается превосходно, то есть еще лучше, чем мы могли предположить. Есть некоторые отклонения, но в целом...

— Мне важно, чтобы мы могли своевременно проинформировать

Президента и при необходимости скорректировать наши действия. Вы меня понимаете, Майк?

Слова, которые произносил сидящий за массивным письменным столом пожилой человек, были обращены ко второму секретарю посольства. Это был человек с импозантной внешностью, похожий скорее на актера или художника, нежели на дипломата с многолетним стажем работы в иностранных представительствах. Лишь большие роговые очки придавали его лицу некоторую деловитость. В остальном же он производил впечатление человека манерного, с элементами рисовки. Речь его изобиловала словами в превосходной степени, типа: «грандиозно», «великолепно», «колоссально». Это нередко раздражало начальство и почти всегда вызывало насмешки коллег. Но второй секретарь посольства, по-видимому, был человеком вполне уравновешенным, хорошо знал свои слабости и никогда не обижался, чем совершенно обескураживал окружающих.

Майк внимательно слушал собеседника, время от времени, делая записи в нестандартного формата блокноте. Иногда он откидывался в кресле, не соприкасаясь ладонями, соединял кисти рук кончиками пальцев и кивал головой, соглашаясь с доводами и оценками Белчера.

— Господин Белчер, после того, как было принято решение о передаче нашей информации по назначению, говорить о том, что действия ГКЧП неожиданны для... — он на секунду замялся, — для демократически настроенных политиков, нельзя. Они обладают теперь колоссальными возможностями развернуть действие событий по их сценарию!

— Это понятно. Но вы же сами говорите, что поддержка российского руководства со стороны населения пока еще достаточно вялая.

— Да, это так.

— Кроме того, армия. Она еще не сказала своего слова. Введение войск в город продолжается, но пока никаких серьезных столкновений нигде не было.

— Если люди будут так пассивны, их и не будет.

— Майк, вы же понимаете, если все сойдет на нет, сдуется, как проколотая велосипедная покрышка... — по лицу Белчера было видно, что ему самому понравилось сравнение, которое он привел, — демократия в России окажется под угрозой.

Вы же знаете, что все в СССР держится на трех китах: партии, армии и КГБ. Партия уже рвется на части и скоро рухнет как карточный домик, армия разваливается, но остается еще достаточно сильный КГБ! Мы не должны допустить, чтобы только пробившиеся зерна свободы были

затоптаны солдатскими сапогами! Именно мы с вами, дорогой Майк, призваны сделать то, чего не смогли добиться тысячи политиков. Ведь, сама история дает нам в руки шанс устранить соперника, бросающего вызов не только Америке, но и всей мировой цивилизации!

ИНФОРМАЦИЯ: «Американские спецслужбы не ожидали такого быстрого поворота и радикального сценария. Разумеется, они работали над тем, чтобы в будущем, через некоторое время... Продвигали «своих» людей... А тут само собой все произошло... Впоследствии у меня были откровенные разговоры с директором ЦРУ. Я его спросил: «Не ждали?» Тот с усмешкой ответил: «То, что у вас произошло, ни в один сценарий не вписывалось». Просто наша система рухнула под тяжестью своих проблем... Особенно после 1990 года, когда партия сняла с себя ответственность за руководящую роль...»

(В.В. Иваненко, Председатель КГБ России).

ИНФОРМАЦИЯ: «Еще до провозглашения ГКЧП произошло весьма необычное событие. 20 июня 1991 года государственный секретарь США Бейкер передал советскому министру иностранных дел секретную информацию о подготовке смещения Горбачева и назвал исполнителей. Указывались будущие члены ГКЧП — Павлов, Крючков, Язов. Посол США в Москве Мэтлок получил указание президента США Д. Буша-старшего немедленно встретиться с Горбачевым и передать, что в Москве готовится попытка государственного переворота. Горбачев не поверил, воспринял происходящее как политическую игру со стороны американцев, чтобы вызвать раскол и конфликт среди высшего руководства нашей страны (или сделал вид, что не поверил!)»

(Н.М. Голушко, Председатель КГБ Украины. «В спецслужбах трех государств». Москва, 2009 год).

Белчер говорил тихим, вкрадчивым голосом. Но по выражению его лица было видно, что он волнуется. То, что он говорил своему собеседнику, было выстрадано им в многочисленных спорах в Государственном департаменте и в последних разговорах с президентом. Впервые за

последние десятилетия громадный колосс красной империи готов был взорваться изнутри, развалиться на мелкие куски и наконец предоставить его стране возможность стать первой и последней сверхдержавой на планете. Но чаша весов еще колебалась.

ИНФОРМАЦИЯ: «К середине августа аналитики ЦРУ пришли к выводу, что решение Горбачева подписать в том же месяце новый Союзный договор может вызвать выступление сторонников жесткой линии. В ежедневной разведывательной сводке от 17 августа ЦРУ предупредило президента Буша, что намеченное подписание договора фактически установило для консерваторов в Москве предельный срок действий. Существовала большая вероятность того, что они начнут действовать в течение ближайших нескольких дней до подписания договора»

(М. Бирден, руководитель отдела ЦРУ США. «Главный противник». Москва, 2004 год).

— А что скажете вы, Дэвид? — Белчер обратился к еще одному человеку, сидящему в другом кресле. Это был резидент ЦРУ в Москве Дэвид Вольф — достаточно молодой, спортивного типа человек с аккуратной шевелюрой черных волос. Не изменив позы и выражения лица, а только чуть склонив набок голову, он ответил:

— Я подтверждаю все то, что рассказал мой коллега. Правда, сегодня утром, когда я ехал сюда, я еще не знал, что события будут развиваться столь стремительно.

— Просто у вас, Дэвид, нет в Кремле агентуры, которая могла бы своевременно сообщить о столь важном событии! В Восточной Германии у вас получалось это лучше! — Белчер, посмотрев в упор на второго секретаря, сказал: — Спасибо, Майк. Действуйте как договорились.

Тот вышел.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Когда от выехавших в город работников московской резидентуры ЦРУ стали поступать первые сообщения, выяснилась странная картина. На улицах Москвы не было ни блокпостов, ни КПП, [\[108\]](#) которые как-то ограничивали бы движение по городу... Выяснилось также, что лидеры переворота не позаботились взять под контроль

радиостанции и телевизионные студии... На улицах появились армейские подразделения, но они не предпринимали никаких действий. Уже в первые утренние часы у Вольфа возник вопрос: «Что это за странный такой переворот?»

(М. Бирден, руководитель отдела ЦРУ США. «Главный противник». Москва, 2004 год).

— Продолжайте, Дэвид.

— Сэр, наши источники подтверждают, что если не произойдет реальных столкновений с армией, то дело можно считать проигранным. Эти трусы, я имею в виду ГКЧП, настолько нерешительны! Военная техника стоит без действия, солдаты и офицеры мирно беседуют с населением. В районе Дома Советов собралось несколько тысяч человек, в основном молодежи. Но они могут только выкрикивать лозунги, петь песни под гитару и пить водку. Ни о каком серьезном сопротивлении речь не идет. Но и о решительности военных тоже речи нет. Кроме того, дождь...

— Что?

— Я говорю, что многих дождь разогнал по домам...

— Вы что же, полагаете, все может пойти на спад? Дождь помешает разрушить «империю зла»? [\[109\]](#)

— Не исключаю.

— А что КГБ?

Молодой человек криво усмехнулся:

— Похоже, наши коллеги растерялись. Внутри у них — полная неразбериха. Никто ничего не знает и никто ничего не хочет делать. Мои контакты с представителем союзного Комитета показывают об отсутствии у них уверенности в успехе переворота. Да и к тому же Российский комитет начал саботировать указания Крючкова.

— Да? Это интересно? Каким же это образом?

— Они стали связываться по своим каналам с областными управлениями госбезопасности и призывать их не участвовать в перевороте.

— А у них что, не отключили связь?

— Очень странно, но не отключили.

— А как реагируют в регионах?

— Да кто как. Некоторые очень вяло демонстрируют свою поддержку ГКЧП, но большинство — выжидают!

— Скажите, Дэвид, что, на ваш взгляд, нужно сейчас сделать, чтобы

ситуация развивалась по... — Белчер замялся, — по нашему сценарию?

— Господин Белчер, тут только одно — резкое обострение ситуации. Нужны столкновения с войсками и госбезопасностью. Нужна кровь, желательно много. Нужны «жертвы» тоталитарного режима. Только это может спровоцировать массовые выступления населения. У «Советов» очень много врагов и теперь уже почти нет никакой поддержки. Я уверен, что столкновения не только активизируют выступления демократов, но и насмерть напугают заговорщиков...

— Да они и так напуганы!

— Да! Но, если прольется кровь, в глазах всего советского народа, да и мирового сообщества... — он снова криво усмехнулся, — заговорщики станут убийцами и душителями свободы! Убежден, и об этом говорят все наши источники, Кремль падет. Это будет последний шаг для развала красного монстра. Российские демократы помогут нам навсегда превратить «империю зла» в лояльную и неопасную для Америки субстанцию.

— Как Вы сказали? «Субстанцию?» Где это вы вычитали, Дэвид?

— Нигде. Сам придумал.

— Хорошо. Я все доложу президенту. Пусть ваши люди будут готовы действовать.

— Они готовы в любой момент, господин Белчер.

— О'кей!

Второй секретарь посольства Майк Стоу после разговора с эмиссаром из Вашингтона долго не находил себе места. Его, дипломатического работника с большим стажем, вдруг охватило какое-то радостное возбуждение, ощущение того, что в самое ближайшее время произойдет такое, что ему даже и не снилось. Проработав в Советском Союзе чуть более двух с половиной лет, он впервые почувствовал, что именно от него может зависеть ход событий, происходящих в этой стране, что своими действиями он может подстегнуть или затормозить развязку в политическом противостоянии наконец сделать то, чего не удавалось ни одному человеку до него.

Конечно, Майк Стоу не заблуждался. Как опытный дипломат, он понимал, что в СССР созрели силы, способные коренным образом изменить модель послевоенного мира — разрушить вселяющего в американцев страх супергиганта, но далеко не созрели условия для реализации этих замыслов. Советский Союз был силен и влиятелен, его уважали, с ним считались, его боялись. Однако всем было ясно, что начатая Горбачевым перестройка провалилась и очень скоро советское руководство вынуждено будет радикально менять вектор развития. Запутавшись в

компромиссах и разного рода маневрах, Горбачев все равно неминуемо шел к тому, чтобы предпринять какие-то решительные шаги, направленные на стабилизацию обстановки.

На двадцатое августа было назначено подписание Союзного договора между шестью республиками, а на двадцать первое — заседание Совета Федерации, где Президент СССР должен был вынести на обсуждение план углубления реформ, который призван был положить конец спонтанному сползанию страны в пропасть. Разумеется, любая попытка стабилизации обстановки не устраивала американцев и делала призрачной их надежду на скорейший развал «коммунистической империи». Допустить этого было нельзя, тем более, что во всех сферах общества температура достигала точки кипения. Котел, наполненный бурлящей массой, замешенной на антикоммунизме и политическом реванше, должен был вот-вот взорваться. Оставалось только подбросить в топку немного угляка внутренних раздоров. События девятнадцатого августа открывали блестящую возможность для этого.

Майк Стоу в течение последних трех месяцев вел интенсивные консультации с политиками, в основном демократического блока, встречался с проявляющими невиданную активность диссидентами, депутатами Верховного Совета, журналистами. Его политические оценки отличались острой наблюдательностью и точностью, за что их ценило вашингтонское начальство.

Майк неоднократно встречался с одним академиком, членом Президентского Совета СССР, всего чуть более месяца назад возглавившего Движение демократических реформ. Он занимал чрезвычайно высокий пост и считался исключительно информированным и влиятельным человеком. В Штатах многие называли его «русским Дэн Сяопином». Майк гордился этим контактом, но понимал, что уровень связей академика настолько высок, что информация от него поступает в Вашингтон скорее всего иными, даже ему, Майку Стоу, неизвестными каналами.

Другом академика был не менее известный бывший генерал КГБ Калугин, которого чуть было не посадили за сотрудничество с ЦРУ. Но на волне антисоветских выступлений и растущего в обществе недоверия к органам государственной безопасности ему не только удалось выйти сухим из воды, но и стать одним из самых активных разоблачителей «преступного коммунистического режима». И в этом случае Майк догадывался, что не только он встречался с генералом, сотрудничество с которым, безусловно, было исключительно важным для профессионалов из Лэнгли, особенно в

свете обострения обстановки в Союзе.

Работа с радикальной частью демократов, с диссидентами, журналистами-антисоветчиками и всякого рода критиками советского режима была для Майка Стоу привычной и теперь уже совершенно не опасной, как раньше, когда всевластный КГБ мог в любую минуту задержать дипломата и обвинить его во вмешательстве во внутренние дела страны.

Поэтому, когда полтора месяца назад из Вашингтона пришло несколько неожиданное распоряжение о том, что второму секретарю посольства Майку Стоу надлежит встретиться с Председателем только что образованного КГБ России, он не удивился. Хотя встреча такого рода принципиально отличалась от других. Впервые предлагалось установить официальный контакт с руководством только что созданной спецслужбы главного противника. Правда, спецслужба эта занимала несколько странное положение в системе советских органов госбезопасности: с одной стороны, она подчинялась Крючкову, то есть союзному Центру, а с другой — замыкалась на Ельцина. И это, учитывая все усиливающееся противостояние Горбачева и Ельцина, создавало некую интригу, разобраться в которой, по-видимому, хотели не только в Госдепе, но и в ЦРУ.

Майк, прежде чем «забросить» официальное письмо-запрос, долго готовился: прочитал все разведсообщения, касающиеся Российского КГБ, изучил публикации о нем в советской и иностранной печати, проштудировал биографию Иваненко. И только после этого, доложив в Вашингтон о своей готовности к встрече, направил официальное письмо. Коллеги Майка сомневались, получают ли они вообще какой-либо ответ из новой российской структуры безопасности, так как до сих пор официальные контакты с КГБ были достаточно редкими. Начиная с 1986 года сотрудники советской контрразведки несколько раз встречались с представителями ЦРУ в Москве, пару раз выезжали для таких встреч за границу. Были, конечно, частные случаи, связанные с задержанием американцев в СССР и советских граждан в США, когда при посредстве МИДа проводились необходимые консультации. Но о проведении систематических встреч между рыцарями плаща и кинжала с той и другой стороны пока не шло и речи. И вот теперь Майку Стоу предстояло, не раскрывая заинтересованности ЦРУ, провести такую встречу.

К удивлению американцев, ответ из КГБ пришел быстро. В посольство по указанному телефону позвонил какой-то человек и сообщил, что Председатель Российского КГБ Иваненко, к сожалению, не сможет лично

встретиться с американскими дипломатами и, если это устроит, их примет его помощник и по возможности ответит на все вопросы. Сначала американцы очень огорчились, особенно Дэвид, который сформулировал для Майка не менее десяти вопросов, которые тот должен был задать представителям КГБ. Но потом, посоветовавшись с Вашингтоном, каждый по своей линии, они посчитали все же, что даже такая встреча необходима, если есть хоть какая-то возможность получить информацию.

«Какой-то Орлов, — думал Майк Стоу. — Ни в одной базе не удалось найти даже упоминания о нем. Только фамилия в телефонном списке, который добыли ребята Дэвида. Наверное, какой-нибудь молодой сотрудник».

Стоу отчетливо помнил тот июньский день, когда состоялась намеченная встреча. В назначенное время он вместе со своим посольским коллегой, таким же, как и он, вторым секретарем, отправились туда, где не бывал пока ни один американский дипломат. Теплый солнечный день накануне уик-энда настраивал скорее на загородный отдых, нежели на серьезную работу.

Как и договаривались предварительно, Стоу подъехал на своем «мерседесе» прямо к фасаду здания, выходящего на площадь Дзержинского в том месте, где находился подъезд Центра общественных связей. «Прямо как во сне. Идем в самое логово», — только и подумал Майк.

Внизу в небольшом вестибюле их уже ждали. Офицер охраны, не спросив у иностранцев каких-нибудь документов, отдал честь.

— Прошу вас, господа, к лифту. — Молодой человек в светлом костюме сделал приглашающий жест.

Вслед за встретившим их сотрудником они поднялись по ступенькам, потом прошли по коридору, устланному красной ковровой дорожкой. Выходя из лифта на третьем этаже, Майк заметил, что в конце длинного коридора маячило несколько фигур. «Наверное, и для них в диковинку, что американские дипломаты... и не только... — Он бросил взгляд на коллегу, — вдруг оказались на Лубянке», — пронеслось в голове второго секретаря.

В небольшом конференц-баре^[110] еще никого не было. Посередине стояло несколько низких, похожих на журнальные, столов с массивными велюровыми креслами. Слева от входа у стойки бара звенела стаканами симпатичная официантка. Когда гости вошли в зал, она улыбнулась им и едва слышно сказала:

— Здравствуйте!

«Наверное, тоже какая-нибудь... майор КГБ», — подумал Майк.

ПРОТОКОЛ

о договоренности по вопросу образования Комитета государственной безопасности РСФСР

Председатель Верховного Совета РСФСР и Председатель Комитета государственной безопасности СССР (по уполномочию Президента СССР), исходя из Конституции СССР и Конституции РСФСР, уважая Декларацию о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики,

придавая важное значение мерам по обеспечению государственной безопасности Союза ССР и РСФСР,

признавая необходимость выработки единой политики и осуществления согласованных действий в этой сфере, договорились о нижеследующем:

1. Образовать Комитет государственной безопасности РСФСР (КГБ РСФСР) на правах союзно-республиканского государственного комитета. Подчинить ему находящиеся в РСФСР территориальные органы КГБ СССР.

2. Установить, что органы КГБ РСФСР в своей деятельности руководствуются законами РСФСР и другими актами, принятыми Съездами народных депутатов РСФСР, Верховным Советом РСФСР и его Президиумом, решениями Совета Министров РСФСР, законами и иными актами высших органов государственной власти и государственного управления СССР, изданными в пределах полномочий, переданных Российской Федерацией Союзу ССР. Разграничение функций КГБ СССР и КГБ РСФСР по обеспечению государственной безопасности проводится в порядке, устанавливаемом Союзным договором и нормативными актами высших органов власти и государственного управления

4. КГБ СССР и КГБ РСФСР обеспечить систематическое представление в Верховный Совет РСФСР, Верховные Советы республик, входящих в состав РСФСР, краевые и областные Советы народных депутатов, их исполнительные органы

всесторонней информации по проблемам обеспечения государственной безопасности. Для реализации данной информации и выработки решений создать в органах власти и управления ограниченные по численности штатные структуры, обеспечив необходимый режим секретности в их работе.

Приложение: Соглашение о разграничении полномочий КГБ СССР и КГБ РСФСР.

Председатель Верховного Совета РСФСР Б Ельцин

По уполномочию Президента СССР Председатель КГБ СССР В Крючков

Российский КГБ, Август 1991 года.

Сидит: В.В. Иваненко. Стоят (слева направо): С.П. Пятаков, Е.Б. Соловьев, Ю.Г. Афонин, В.А. Поделякин, В.Н. Бабусенко, А.К. Стрельников, А.С. Пржездомский

Председатель КГБ РСФСР генерал-майор В.В. Иваненко

*Президиум Всероссийского совещания руководящего состава органов КГБ. 20 июля
1991 года*

В.В. Иваненко и В.А. Крючков

В.А. Крючков

Президент России Б.Н. Ельцин выступает перед чекистами

Толпы «защитников Белого дома». 19 августа 1991 года

Эмоции захлестывают...

ПРЕЗИДЕНТ

Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

УКАЗ

*от 19 августа 1991 г. 12 час. Ю.м.м.
№ 59*

В связи с действиями группы лиц, объявивших себя
Государственным комитетом по чрезвычайному положению,
п о с т а н о в л ю :

1. Считать объявление Комитета антиконституционным
и квалифицировать действия его организаторов как государствен-
ный переворот, являющийся ничем иным как государственным прест-
уплением.

2. Все решения, принимаемые от имени так называемого
комитета по чрезвычайному положению, считать незаконными и не
имеющими силы на территории РСФСР. На территории Российской Фе-
дерации действуют законноизбранная власть в лице Президента,
Верховного Совета и Председателя Совета Министров, всех государ-
ственных и местных органов власти и управления РСФСР.

3. Действия должностных лиц, исполняющих решения указанно-
го комитета, подпадают под действия уголовного кодекса РСФСР
и подлежат преследованию по закону.

Настоящий Указ вводится в действие с момента его подписания.

Президент РСФСР

Б.Ельцин

Указ Президента Б.Н. Ельцина № 59 от 19 августа 1991 года

→ Смен
→ дог

Председатели Комитетов
госбезопасности республик
РСФСР

Начальники управлений
КГБ СССР по городам и областям
РСФСР

В свете с событиями, произошедшими
в ночь с 18 на 19 августа 1991-го Президент
РСФСР, Председатель Совета Министров РСФСР и
и.о. Председателя Верховного Совета РСФСР обратились
к гражданам РСФСР со следующим обращением:

Обращение

Т е к с т.

Этот кризисный момент для нашего общества должен
быть использован для того, чтобы все союзники
органов государственной безопасности России должны проявить
воодушевление, твердость, самопожертвование, смелость
и решительность в сложившейся ситуации в
стране, и в первую очередь в Москве, и в других
регионах. Мы должны в этот момент проявить
исключительную смелость и решительность в
отказе от любых уступок и компромиссов.
Председатели Комитетов
госбезопасности РСФСР
В.В. Иваненко.

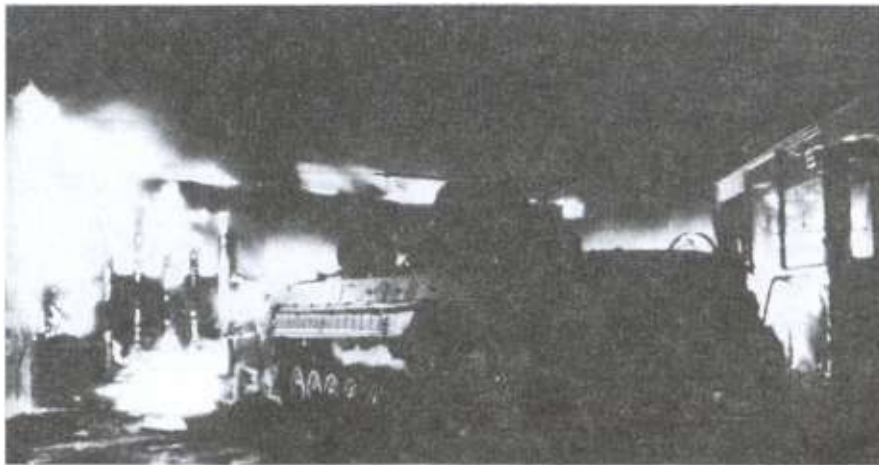
Черновик шифртелеграммы КГБ РСФСР в органы КГБ с требованием не участвовать в антиконституционном перевороте

Подросток готовит бутылки с зажигательной смесью

Беснующаяся толпа в туннеле на Садовом кольце

Снос памятника Ф. Дзержинскому

У главного здания КГБ СССР в августовские дни 1991 года

Помощник председателя КГБ РСФСР А.С. Пржездомский

А.В. Олигов и Н.Д. Ковалев беседуют с депутатом

В.Н. Бабусенко

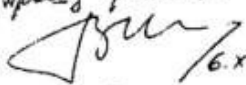

*Встреча В.В. Иваненко с представителями американских спецслужб. Справа —
руководитель «советского» отдела ЦРУ М. Бирден*

С.Н. Силареву
Н.Н. Брашину
А.С. Прижадомской
с приложением по согласованию
требую организовать и осуществить

Генеральному директору АФБ
генерал-майору В.В. Каменко

 6.XII.91г.

В результате второй мировой войны оказались утраченными многочисленные культурные и исторические ценности, находившиеся в музеях и частных коллекциях стран Восточной и Западной Европы. Среди них - первое печатное издание Библии - т.н. 42-строчная "Библия" И.Гутенберга - уникальное произведение средневековья (1455 г.), единичные экземпляры которого хранятся в музеях Германии, Франции и США, числящиеся во всех поисковых реестрах и оценивающиеся специалистами в десятки миллионов долларов.

Докладывая, что мною установлено точное местонахождение экземпляра "Библии" И.Гутенберга, считавшегося безвозвратно утраченным и, по-видимому, вывезенного нацистами войсками из Германии в качестве трофея. Мне известно также, что на запросы немецкой стороны о возможно известной нам судьбе этого произведения искусства давались отрицательные ответы. О нынешнем местонахождении "Библии" знает очень ограниченный круг лиц.

Считаю, что в нынешней политической ситуации было бы вполне своевременным решить вопрос о передаче указанной уникальной ценности ее настоящим владельцам. Подобный оперативный акт доброй воли со стороны Президента РСФСР, безусловно, был бы положительно встречен международной общественностью и по достоинству оценен правящими кругами ФРГ, наглядно продемонстрировал бы готовность России строить отношения с Германией в духе подписанного в ноябре 1990 года двустороннего Договора о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве (Статья 16 Договора предусматривает "возвращение владельцам или их наследникам пропавших или незаконно вывезенных культурных ценностей").

Кроме того, инициатива и практические действия АФБ РСФСР в этом вопросе, по моему мнению, будут способствовать подъему престижа АФБ, как организации, готовой откликнуться на широкое

- 2 -

движение в защиту общечеловеческих ценностей.

Предлагаю:

1. Изучить вопрос о неофициальном изъятии "Библии" из установленного учреждения для проведения искусствоведческой экспертизы. С этой целью использовать оперативные силы бывшего Управления "З", в контрразведывательном обеспечении которого находилось данное учреждение.

2. После установления подлинности считавшегося утраченным экземпляра "Библии" информировать о находке Правительство и Президента РСФСР. Направить по этому вопросу соответствующую записку руководству России с предложениями о передаче "Библии" Правительству ФРГ.

3. Учитывая возможность утечки информации о местонахождении "Библии" (особенно после моей попытки уточнить его) представляется целесообразным принять указанные меры незамедлительно т.к. нельзя исключить возможности ее изъятия другими лицами.

Помощник Генерального директора

 6.XII.91г.

А. Прижадомской

Записка об обнаружении «Библии» Иоганна Гутенберга

АГЕНТСТВО
ФЕДЕРАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РСФСР

17.12.91 № 143/841

г. Москва

Президенту РСФСР

Б. Н. Ельцину

Сотворен.

Официально

18/12-115
Об обнаружении первопечатного
издания "Библии" И. Гутенберга

В декабре с.г. Агентством федеральной безопасности РСФСР было установлено местонахождение считавшейся безвозвратно утраченной в годы второй мировой войны "Библии" Иоганна Гутенберга - уникального произведения искусства и печати XV века. Предпринятыми мерами книга была изъята и представлена на экспертизу специалистам, которые установили ее принадлежность работе указанного западноевропейского первопечатника.

Двухтомное издание 42-строчной "Библии" И. Гутенберга, датируемое 1454/1455 годами, имеет высокую художественную, историческую, научную и материальную ценность. Это было первое в истории печатное произведение, величайшее достижение средневековой науки и техники, лишь единичные экземпляры которого сохранились до нашего времени. Известно, что один из экземпляров

Фрагмент докладной записки КГБ РСФСР Президенту Б.Н. Ельцину

Страница из «Библии» Гутенберга

Поручение Б.Н. Ельцина

■ КГБ РСФСР стал Агентством федеральной безопасности

Виктор Иваненко занялся коррупцией и демократизацией

26 ноября Борис Ельцин издал указ об образовании на месте российского КГБ Агентства федеральной безопасности (АФБ). Его директором назначен Виктор Иваненко, который 28 ноября дал по этому поводу пресс-конференцию.

По признанию самого Иваненко, дополнительных полномочий от Ельцина он не получил. Но журналисты и коллеги поздравляли Виктора Валентиновича, сойдясь на том, что быть директором намного приятнее, чем председателем.

В Виктор Иваненко, 44 года, уроженец Тюменской области, закончил Индустриальный институт. Студентом приглашен сотрудничать с КГБ. Закончил высшие курсы КГБ. В процессе майских переговоров Ельцина с Крючковым был признан компромиссной фигурой и назначен председателем российского КГБ.

Чекисты-специалисты считают, что подобная смена вывески не повлечет за собой существенных кадровых и концептуальных изменений. По словам Иваненко, работа

АФБ будет контролироваться парламентским комитетом по безопасности. Таким образом, председатель этого комитета Сергей Степашин, назначенный недавно еще и заместителем Иваненко по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, вынужден курировать свое начальство. Известно, что кроме управления по борьбе с организованной преступностью и управления по борьбе с терроризмом в составе АФБ есть управление внешней разведки. Хотя, по уверению Иваненко, АФБ не собирается отбирать хлеб у Евгения Примакова и создавать российскую резидентуру на территории суверенных или обыкновенных государств.

Иваненко пообещал иностранным журналистам политическим сыском больше не заниматься, а в ближайшее время «бороться с русской мафией», поскольку «русская мафия беспокоит не только Запад, но и его самого».

При этом АФБ будет сотрудничать с теми западными спецслужбами, которые на это решатся. Во всяком случае, АФБ рассчитывает использовать за рубежом их агентуру. Хотя, по наблюдениям директора АФБ, сфера преступности — «не садово-огородный участок» и делить ее с кем-либо сложно.

Кроме русской мафии российское АФБ интересуют процессы демократизации: руководство АФБ съездило в Болгарию поучаствовать в семинаре «Роль спецслужб в развитии демократии». Аналитики же агентства провели социологический опрос среди сотрудников и выяснили, что 85% русских чекистов «не представляют угрозы для демократических преобразований», а 50%, «как и прежде», считают главным мотивом своей работы «идею построения правового государства». К тому же АФБ воссоздает традиционное для всех спецслужб подразделение по обеспечению собственной безопасности, которое будет следить, достаточно ли демократичны сотрудники агентства.

По мнению Иваненко, все это является достаточным основанием для того, чтобы сотрудники ощутили наконец заботу о них государства на собственных окладах. Они сейчас невелики, и сам Иваненко получает две тысячи рублей.

ФОТО: АНДРЕЙ ВОЛЖАК

ЭЛЛА АБРАМСОН

Директор АФБ Виктор Иваненко. Дай же ты всем понемногу, и не забудь про меня.

В. Б. Ямпольский

С.Н. Алмазов

Ю.В. Чепцов

А.А. Урусов

Е.М. Войко

Ю.А. Бачурин

Ю.И. Скобелев

*Инспекторское управление — кузница кадров КГБ СССР и КГБ РСФСР. В центре
— С. В. Толкунов*

*Старшие инспекторы Инспекторского управления КГБ СССР С.Е. Мартиросов и
С. С. Дворянкин*

— Господа, прошу извинить, помощник Председателя сейчас будет. Пожалуйста, присаживайтесь. Кофе? Чай?

Американцы погрузились в мягкие кресла, а официантка буквально через минуту поставила перед каждым по чашечке кофе, источающего

приятный аромат. Майк не успел сделать и двух глотков, как дверь открылась и в комнату вошел молодой мужчина в темно-сером костюме. На вид ему было лет тридцать семь — тридцать восемь. Аккуратная прическа с пробором, высокий лоб, прямой и немного мясистый нос, плотно сжатые сухие губы и слегка близорукие глаза — все это Майк молниеносно отметил при взгляде на вошедшего человека. В руках у него была черная кожаная папка с маленьким золотистым запорчиком.

— Здравствуйте, господа! Извините, что заставил вас ждать. Меня зовут Андрей Орлов. Я помощник Председателя КГБ России господина Иваненко. У нас для беседы — один час. Надеюсь, хватит... — Рукопожатие было твердым, но сама ладонь казалась холодной.

«Чекист тоже волнуется, — отметил про себя Стоу. — Не часто ему приходится встречаться с иностранными дипломатами».

Орлов, как будто прочтя мысли Майка, улыбнулся:

— Господа, сразу скажу, что ситуация для нас необычная. Встречаемся с дипломатами мы не часто. Заранее извиняюсь, что наверняка не смогу в полной мере удовлетворить ваше любопытство... Что привело вас к нам? Какие у вас вопросы к представителям КГБ России?

Было видно, что собеседник, преодолевая скованность, пытается произвести на американцев впечатление уверенного человека. Его выдавали только немного тревожный взгляд да слегка подрагивающие кончики пальцев, когда он вынимал из папки листок с какими-то пометками.

ДОКУМЕНТ: «Встреча в 14.30 в ЦОС КГБ СССР

Программа:

1. Встреча в вестибюле.

2. Проход в конференц-бар.

3. Вступление:

— непривычность ситуации — не часто встречаемся с дипломатами

— представиться — помощник г-на Иваненко

— заранее извиняюсь, что наверняка не смогу удовлетворить в полной мере любопытство

— приходится извиниться — время очень ограничено...

Что привело к нам? Чем объяснить интерес?

4. Беседа. Круг возможных вопросов:

— правовая основа создания КГБ РСФСР (изложить положения Протокола);

— сам факт создания КГБ РСФСР — уникальная возможность пересмотреть все стороны деятельности ОГБ,^[111] определить новые приоритеты...

— разделение компетенции — в духе Протокола и Закона;

— взаимоотношение с рук. КГБ — конструктивное взаимодействие;

— взаимоотношение с Ельциным (РС/РСЕ^[112] — удивительная необъективность этой радиостанции в отн. БНЕ^[113] и ВВП;^[114]

— об Иваненко — убежденный сторонник консолидации сил, настроенных на конструктивную работу...

5. Вопросы к американцам: Кто новый посол? Как оценивают ситуацию? Чем вызван интерес? Почему хорошо говорите по-русски? Когда уезжаете? Видите ли перспективу контактов спецслужб США с КГБ? Как расцениваете перспективы утверждения Гейтса^[115] в Сенате?

6. Завершение беседы: обо всем подробнейшим образом доложу г-ну Иваненко; встречу не обещаю — будет подразделение КГБ РСФСР (ООС^[116]); если что опубликовать — просим текст согласовать с нами; дальнейшие встречи — официально.

В ходе беседы подается кофе на 4-х, можно покурить»

(А. С. Пржездомский, помощник Председателя КГБ России. «Тезисы к встрече с американцами»).

Стоу, сказав несколько общих фраз о том, что американская сторона с надеждой смотрит на происходящие в России перемены, перешел к интересующим его вопросам. Собственно, суть визита и состояла в том, чтобы узнать какие-нибудь подробности о созданной в системе КГБ новой структуре госбезопасности. По сведениям Госдепа и данным разведки США, в КГБ происходил настоящий раскол. Если это так, то это могло быть на руку Соединенным Штатам. Ведь КГБ считался одной из самых мощных спецслужб в мире, высокопрофессиональным и опытным соперником американских «рыцарей плаща и кинжала».

— Скажите, господин Орлов, ваш новый КГБ... Э-э... Российский КГБ... Он что, будет самостоятельным? И как на это соглашается господин Крючков? Я слышал, что есть какие-то колоссальные разногласия... —

Стоу с интересом посмотрел на собеседника. Тот, как будто только и ждал этого вопроса, ответил сразу, не раздумывая:

— Господин Стоу, КГБ России формируется строго на основе Закона об органах госбезопасности. Конечно, мы хотим избавиться от уже устаревших стереотипов и догм, провести переоценку угроз безопасности России... Но все это делаем мы в конструктивном взаимодействии с руководством союзного Комитета госбезопасности. Все разговоры о возникших противоречиях или даже разногласиях, как вы говорите «колоссальных», между Иваненко и Крючковым — блеф! Уверяю вас!

Майк отметил про себя, что Орлов ответил так гладко, будто бы заранее выучил текст наизусть. «Наверное, хорошо подготовился, предусмотрел вопросы, которые могут ему задать», — подумал он и, отпив горячего кофе, хотел было задать очередной вопрос, но Орлов его опередил:

— А вы, господин Стоу, можете мне сказать как специалист в области политологии...

«Знает, чекист! Знает!» — успел подумать Стоу, понимая из слов русского, что тот осведомлен о его предшествующих занятиях в Колумбийском университете.

— ... а как, на ваш взгляд, будет развиваться ситуация у нас в Союзе?

Стоу понял, что Орлов пытается прощупать отношение американцев к последней ново-огаревской встрече руководителей девяти республик, а главное — к наметившемуся сближению Ельцина и Горбачева. «А малый хитер! — подумал Майк. — Пытается даже из такой встречи выжать что-нибудь».

— Понимаете, господин Орлов, мы поддерживаем демократическую политику Президента Горбачева... и, конечно, с громадной симпатией относимся к Президенту Ельцину. Но нас чрезвычайно беспокоит, не свернет ли СССР с демократического пути... Не захотят ли «ястребы»... О, у нас тоже такие есть! Вы знаете!..не захотят ли они... э-э... остановить перестройку и вернуться к тоталитарному курсу...

Стоу витиевато и долго разъяснял советскому собеседнику позицию американского правительства, правда все время оговариваясь, что это его личная точка зрения. Орлов при этом внимательно слушал, делая время от времени какие-то пометки на листке, лежащем перед ним. По всему было видно, что он уже освоился с непривычной для него ролью дипломата и чувствовал себя довольно свободно.

— По вашему настойчивому желанию встретиться с представителями КГБ России я понял, что для вас этот контакт интересен. Как вы полагаете,

господин Стоу, в Вашингтоне заинтересованы в развитии таких контактов на регулярной основе?

— Без сомнения, господин Орлов. Мы придаем очень большое, я бы сказал, исключительное значение таким встречам потому, что... такие встречи помогают и вам и нам лучше узнать друг друга, избежать... как бы это лучше сказать?

— Недоразумений?

— Да! Так! Недоразумений! И... мы хотели бы все-таки встретиться с господином Иваненко...

— Господа, поймите меня правильно. Я не могу обещать вам такой встречи. Это должен решить сам Председатель КГБ России. Но я скажу вам, что в Российском комитете создается Отдел общественных связей. Он будет очень активно работать со всеми, кто захочет ближе узнать что-либо о деятельности российской госбезопасности.

Орлов демонстративно посмотрел на часы, вежливо улыбнулся, давая понять гостям, что настало время завершения беседы.

— Благодарю вас, господа. Мне было очень интересно побеседовать с вами. Прошу извинить — время. Всего вам доброго.

Он встал, пожал обоим американцам руку и исчез так же неожиданно, как и появился каких-нибудь сорок пять минут назад.

Присутствовавшие при разговоре второй секретарь Посольства США и сотрудник КГБ, встречавший американцев внизу, за все время встречи не проронили ни слова. И только теперь, когда ушел помощник Иваненко, допивая уже остывший кофе, они позволили себе обменяться любезностями — поговорить о хорошей погоде, которая установилась в Москве, о планах на уик-энд, о репертуарах московских театров.

Спустя десять минут американцы уже выруливали на проспект Маркса, безразличным взглядом скользя по толпе около «Детского мира».

— Майк, ты все понял?

— Что именно?

— А то, что противоречия между Крючковым и этим... Как его?

— Иваненко!

— Да! Я думаю, что разногласия у них между собой не такие серьезные, как сообщают нам наши источники!

— Почему?

— Да потому, что этот «чекист», если бы у них были сильные противоречия... Пойми, Майк, они, эти российские, — за Ельцина, значит — против Горбачева. Но и Крючков... эта вся «старая гвардия»... они тоже против Горбачева...

— Что ты этим хочешь сказать?

— А то, что... если они будут заодно, при любом раскладе — это очень опасно. КГБ пронизывает всю эту страну и держит своими щупальцами всех...

— Ну, это ты преувеличиваешь!

— Ничуть! Я это знаю.

— И что следует из твоих рассуждений?

— А следуют две вещи: первое — надо сделать все для углубления раскола в КГБ, второе — стимулировать настроения недоверия в обществе к чекистам, как к противникам демократии. Причем делать это надо без всякого различия между структурами Союза и России. Лучше всего, если мы добьемся того, что удалось сделать в Румынии, а чекистов они сами перестреляют, перевешают или сделают из них чистильщиков обуви...

— Кого?

— Чистильщиков обуви! — повторил Клайв, явно довольный образом, придуманным им. — Уверен, что скоро, может быть, даже очень скоро в этой стране будет покончено не только с КГБ, но и со всем этим режимом. Помнишь, еще Гитлер говорил, что Россия — это колосс на глиняных ногах. Пни — и он сразу развалится...

— Гитлер-то пнул! Так пнул, что развалилась Германия!

— Ничего. Видно, не туда пнул. Да потом, немец разве может делать дело с таким размахом, как американец? Майк, ты подумай: мы с тобой являемся не только свидетелями развала этой азиатской империи, но и реальными участниками всех событий. Представляешь, от того, как мы с тобой сработаем... ты там по своей части, а я по своей... от этого будет зависеть ход истории!

— Ты, Клайв, как всегда, преувеличиваешь!

— Нет, дорогой мистер Стоу! Очень... очень скоро вы в этом сами убедитесь!

Майк Стоу вспомнил этот июньский визит в КГБ и разговор с коллегой после того, как эмиссар из Вашингтона господин Белчер недвусмысленно дал понять, чего хотят от второго секретаря в Вашингтоне. При этом он испытывал смешанное чувство. С одной стороны, он понимал, что именно сейчас судьба предоставляет ему шанс показать, способен ли он проявить решительность, задействовать все свои многочисленные связи, чтобы подстегнуть массовые выступления против введенных в столицу войск. С другой стороны, он прекрасно понимал, что в любой стране, в том числе и здесь, в СССР, это может квалифицироваться не иначе, как вмешательство во внутренние дела чужого государства.

За время, проведенное в «империи зла», Майк Стоу в своем отношении к русским успел пройти эволюцию от пренебрежительно-презрительного к снисходительно-доброжелательному. Они теперь не казались ему тупыми и злобными, как он представлял себе, работая в Штатах, хотя он уже здесь не раз видел, какой разъяренной может быть многотысячная толпа, скандирующая: «Долой! Долой!» Но, каждодневно общаясь с русскими, будь то депутаты Верховного Совета или журналисты, представители творческой интеллигенции или мидовские работники, он со временем почувствовал широту души этого народа, укоренившуюся в его характере наивную веру в «добраго царя», которым был практически каждый правитель этой необъятной страны. Вот и сейчас вставшая в полный рост фигура Ельцина, казавшаяся решительной и последовательной по сравнению с уже надоевшим своей болтовней Горбачевым, превратилась для большинства граждан этой страны в символ лучшей жизни и справедливости, к которому русские стремились еще с незапамятных времен.

Майк Стоу был не только профессиональным дипломатом, обладающим необходимым для этого набором качеств, но и, безусловно, патриотом своей страны, безгранично верящим в историческую предопределенность Америки, которая только одна способна выполнять «цивилизаторскую миссию» — распространять демократические идеалы и американский политический опыт на все человечество. А для этого она должна достичь глобальной гегемонии, чтобы ни одна мировая держава не могла противостоять этому процессу. Устранение такого мощного соперника, как СССР, безусловно явилось бы, по мнению Стоу, гарантией превращения США в безраздельно господствующую в мире силу. В узком кругу он любил повторять изречение Хэлфорда Маккиндера, одного из самых выдающихся геополитиков начала века: «Тот, кто владеет Восточной Европой, владеет Сердцем Земли. Тот, кто правит Сердцем Земли, владеет Мировым островом. Тот, кто правит Мировым островом, владеет миром». «Мировым островом» Маккиндер называл Евразию, значительную часть территории которой занимал Советский Союз.

Майк Стоу полистал свою записную книжку, встал, прошел по кабинету. Несмотря на то, что окна были плотно закрыты и мерно шелестел кондиционер, нагнетающий в комнату свежий, прохладный воздух, снаружи доносился слабый гул, какие-то стуки, скрежетание и грохот. Американец подошел к окну, повернул жалюзи таким образом, чтобы хорошо было видно, что делается на улице. Вообще, подходить к окну сотрудникам посольства не рекомендовалось, во избежание каких-либо

неприятностей. В Москве уже было зафиксировано несколько выстрелов в разных районах города, и служба безопасности была начеку.

Внизу, сколько хватало обзора, все было запружено народом. По Большому Деятинскому переулку, выходящему прямо к Дому Советов, двигалась толпа людей. Повсюду сооружались завалы из строительного мусора. Слева от недостроенной коробки второго корпуса посольства просматривалась территория, непосредственно прилегающая к Белому дому. И везде пестрела толпа, которая плотно окружала белоснежное здание, больше похожее на замок с гигантской овальной башней, нежели на место пребывания российских органов государственной власти. Куда ни глянь, везде виднелись трехцветные флаги, Их держали в руках, ими размахивали, как на заграничных праздничных фестивалях, они развивались над баррикадами, возведенными на подступах к нему, реяли над цементовозами и автобусами, перегораживающими дороги.

«Да, температура повышается, — размышлял Майк Стоу. — Но хватит ли ее для взрыва народного негодования, которое могло бы сменить режим? Надо бы помочь русским сохранить демократию. А для этого... Для этого следует подбросить дровишек в огонь. Цинично? Да! Но политика всегда цинична! Благородная цель оправдывает любые средства! А особенно, если эта цель направлена на укрепление могущества твоей Родины».

Стоу еще немного постоял у окна, затем прикрыл жалюзи и вернулся к письменному столу. Нажав несколько кнопок на телефонном аппарате, он взял трубку:

— Дэвид, это я. Ты уже начал что-нибудь делать?

Внимательно выслушав ответ, сказал:

— Встречаемся через полчаса. Я дам тебе несколько моих контактов. Они могут быть полезны для этого дела. Договорились? О'кей!

«Теперь нельзя терять ни минуты. Ситуация может стать совершенно неуправляемой. Надо действовать! Риск, конечно. Но, как говорил великий Рузвельт,^[117] «тот, кто отказывается от свободы ради временной безопасности, не заслуживает ни свободы, ни безопасности». — Это была последняя философская мысль, посетившая Майка Стоу. Все последующие были исключительно практическими и касались только одного — как радикально повлиять на ситуацию в Москве, чтобы она необратимо развивалась в выгодном ключе. Решение было уже принято, форма его реализации определена. Дело было за самым главным — привести в действие детонатор социального взрыва. Как это сделать, знал не только Майк Стоу. Тем более что напряжение многотысячных масс на улицах Москвы неумолимо приближалось к наивысшей точке.

Все чувствовали, что должно произойти что-то такое, что выплеснет энергию толпы, и тогда... Одному Богу было известно тогда, что принесет август девяносто первого — освобождение или порабощение. Только Он и История вправе дать свое Высокое заключение о свершившемся.

Глава 4

У крайней черты

20 августа 1991 года, вечер.

Москва. Центр

Несмотря на позднее время, улицы Москвы были полны людей. То и дело навстречу Орлову попадались стайки молодежи, оживленно обсуждающей происходящее. Крепкие парни с сумками, вещмешками и пакетами в руках двигались навстречу, направляясь в сторону Садового кольца. Было много пожилых людей, которым не сиделось дома, а хотелось принять участие в животрепещущих событиях. Милиции почти не было видно, зато Андрею два раза попался военный патруль, который, впрочем, вел себя совершенно безразлично к окружающей обстановке.

Весь вчерашний день Орлов провел в беготне между Домом Советов и Дзержинкой, выполняя поручения Иваненко. Нервозность в Белом доме все возрастала. Усиливались слухи о предстоящем его штурме. Введенные в город войска заняли основные московские магистрали и площади. Повсюду происходила словесная перепалка с военными, которые твердили, что выполняют приказ, но при этом заявляли, что в народ стрелять не будут, даже если им прикажут вышестоящие начальники.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «В середине дня мне пошли звонки из Московского управления: «Ребята, сегодня вас всех порешат! Будет штурм Белого Дома!» Когда я в очередной раз вернулся из города, кто-то из наших сказал: «А какого... ты приехал? Здесь такое!...»

(А.К. Стрельников, начальник Секретариата КГБ России).

Ельцин, понимая, что страна, по существу, находится на грани гражданской войны, обратился к военным со специальным заявлением.

ДОКУМЕНТ: «В целях недопущения эскалации

конфронтации между обществом и армией, предотвращения гражданской войны, исключения неправомерных, насильственных действий в отношении кого-либо, заявляю:

Лица, из числа военнослужащих и сотрудников Министерства обороны СССР, МВД СССР, КГБ СССР, втянутые в антиконституционные действия комитета по чрезвычайному положению, не будут привлекаться к ответственности за выполнение решений своих руководителей в случае немедленного и неукоснительного исполнения указов и распоряжений Президента РСФСР, постановлений Совета Министров РСФСР, иных органов и должностных лиц РСФСР.

Б. Ельцин»

(Заявление Президента РСФСР Б.Н. Ельцина 20 августа 1991 года).

Около десяти вечера через громкоговорители Дома Советов депутат Миронов обратился к «защитникам» с просьбой разобрать баррикады и пропустить к зданию парламента десять танков из Таманской дивизии, которыми командовал майор Евдокимов, перешедший на сторону российской власти.

В здании же КГБ на Дзержинке, наоборот, к ночи почти не стало заметно никакого движения, и лишь только свет в окнах «большого дома» выдавал присутствие сотрудников на своих рабочих местах. Никаких приготовлений к «боевым действиям» или «штурму», ничего такого, что можно было бы расценить как подготовку к решительной схватке с «демократами». «Штаб переворота» затаился в ожидании дальнейшего развития событий, как будто оцепенев от ужаса перед лицом растущего сопротивления.

Кому-кому, а чекистам было ясно, что события развиваются явно не по планам ГКЧП и вместо «всенародной поддержки» заговорщики все больше и больше получают «всенародный отпор». Да и с территорий шла информация, не внушающая уверенности в победе ГКЧП. Иркутск, Свердловск, Томск, Ижевск, Нижневартовск, Кемерово... — отовсюду шли сообщения об отказе в поддержке инициаторов переворота. Начальники управлений КГБ, как правило, старались уклониться от любых форм участия в создаваемых местных ГКЧП, заявляли о своей приверженности Закону, нацеливали личный состав на «отслеживание ситуации» и «предупреждение возможных провокаций».

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Я снова поехал в Управление правительственной связи. Моя задача заключалась в том, чтобы вступить в контакт с начальником Управления правительственной связи Бедой и убедить его, что надо включить правительственную связь Горбачеву... Эту задачу мне поставил Иваненко. Я звонил Бедо через каждую минуту. Но дежурный ссылаясь на его занятость... Через некоторое время Беда ответил. Я ему сказал:

— Анатолий Григорьевич, нам надо с вами посоветоваться...

— О чем? — спросил он многозначительно.

— О сложившейся ситуации. Поймите, Анатолий Григорьевич, вы выполняли приказ. Но вам придется ответить за этот приказ по всей строгости закона. Все равно вы проиграете! Все равно вы капитулируете!.. У вас осталось не так много времени!

— Да, ты так думаешь?

— Я в этом уверен. У вас очень мало времени.

Я с глубоким уважением относился к Бедо и понимал, что его просто втянули в это... Ведь все средства массовой информации писали только об этом — что Горбачева лишили правительственной связи! Это был самый главный вопрос... Я сказал Бедо:

— Понимаете, если вы сейчас дадите команду «Включить!» — это ничего не изменит. Но это будет правильное решение. Все развивается не в вашу пользу...»

(В.Н. Бабусенко, начальник Отдела правительственной связи КГБ России).

Сотрудники Российского КГБ весь день и весь вечер названивали начальникам областных управлений, сообщая об обстановке и передавая требования Иваненко не ввязываться ни во что и не поддаваться провокации. Удивительно, но никто им в этом не мешал — аппараты ВЧ работали, как никогда, с полной нагрузкой.

Ночью Орлов со Стрельниковым пару раз выезжали в город для ознакомления с обстановкой. И всякий раз за ними следовала машина наружного наблюдения. Иногда им казалось, что на ближайшем перекрестке их задержат военные или милиция и спросят: «Что вы делаете на улицах в столь поздний час?» Но, проезжая мимо одетых в бронежилеты

солдат и милиционеров, они убеждались, что тем нет никакого дела до них.

Однако, как это ни странно, гораздо опаснее для них были встречи со всякого рода «защитниками демократии», которые в каждом сотруднике КГБ видели преступника. Вот они бы не стали разбираться, кто перед ними — представители Союзного или Российского КГБ. Чекисты — и этим было все сказано! Подстрекаемая газетами ненависть к «кагэбэшникам» сделала свое черное дело, и теперь многие, очень многие считали именно Комитет ответственным за все беды и, уж конечно, за случившееся девятнадцатого августа.

Андрей вспомнил, как был смазан их с Олей семейный праздник, когда они пригласили на новоселье своих родственников и сослуживцев. Как всегда, Орловы готовились встретить теперь уже в новой квартире близких и друзей. Они слишком долго ждали этой квартиры, радость переполняла их. Ее было так много, что хотелось поделиться со всеми, и конечно же, в первую очередь со своими.

Но получилось вовсе не так, как думалось. После первых же тостов за столом возник, как это часто бывает, разговор о политике. И тут двоюродного брата Андрея Женю как прорвало. Он стал клеймить позором чекистов, этих «душителей свободы», которые превратили страну в «общество стукачей». Еще недавно член партии, активно работающий в заводском парткоме, он вдруг превратился в ярого антикоммуниста, борца против «тоталитарного режима».

— Вы, именно вы, чекисты, отвечаете за то, что мои дети должны жить в этой стране как быдло! А я... я этого не хочу!

Лео Альфредович Выйме, начальник Орлова, человек очень уравновешенный и по натуре спокойный, с удивлением и даже каким-то изумлением смотрел на Женю, время от времени поглядывая на Андрея и как бы спрашивая его: «Мне ответить?» Наверное, ему, генералу КГБ, прошедшему большой жизненный путь, было унижительно выслушивать все это от какого-то малознакомого и, по всей видимости, ограниченного человека.

Но ответил Жене другой сослуживец Орлова — Виктор Георгиевич Третьяков, слывший в центральном аппарате КГБ одним из лучших аналитиков, на счету которого была не одна сотня документов, подготовленных для Политбюро и лично Генерального секретаря ЦК КПСС. Высокий, симпатичный, с пышной копной седеющих волос, знающий себе цену человек, он был известным скептиком и непримиримым критиком разрушительного курса Горбачева. Он никогда не пропускал колкости в свой адрес и всегда умел достойно ответить.

ИНФОРМАЦИЯ: «Он разведчик и контрразведчик, журналист и стряпчий, юрист и аналитик, остроумный собеседник и серьезный человек, молчун и говорун... одновременно... Он мог на равных, с достоинством говорить с руководителем любого ранга, звания и должности...

Третьяков — неординарный человек. Наверное, большинство разведчиков неординарные личности, у них профессия такая...»

(А.Ф. Яровой о В.Г. Третьякове. «Прощай, КГБ». Москва, 2001 год).

Виктор Георгиевич, обращаясь к Жене, резко сказал:

— Да это вы... такие, как вы, тащите страну в пропасть. Вмиг перекрасились, побросали партбилеты, а теперь хотите развалить великую державу! Ваш Ельцин...

— Виктор, остановись! — попытался урезонить коллегу Лео Альфредович. Но куда там! Если Виктор Георгиевич вступал в словесную схватку, уже никто не мог остановить его.

— Ваш Ельцин приведет страну к гибели! Еще вспомните! Демократы! Да чекисты во сто крат больше демократы, чем вы!

Женя побледнел, затем поднялся со своего места, будто собирался вступить не в словесную, а в настоящую схватку. Глаза его горели, ладони сжались в кулаки.

— Да вас, чекистов... Вы утопили страну в крови! Вас будут судить еще...

— Правильно! — подал голос еще один родственник. — Коммунистов будут вешать на столбах!

Туг уж не выдержал Лео Альфредович. Всегда спокойный и чуть флегматичный, он тоже поднялся со своего места, будто его вызвали на дуэль и он готовился произвести выстрел из пистолета.

— Вы, молодой человек, не соображаете, что говорите! К сожалению, именно из-за таких невежественных людей, как вы, демократия у нас может приобрести самые извращенные формы!

— А вы хотите этой демократии? — уже не говорил, а кричал Женя. — Вы для себя уже устроили хорошую жизнь! Пайки там всякие... Персональные машины!

— Женя, прекрати! — раздался крик Оли. — Прекратите спор! Эта чертова политика! Хватит! Лучше идите покурите.

— И правда, пойдем покурим! — примирительно сказал Андрей.

Все с облегчением восприняли это предложение и поспешили выйти из-за стола, пока словесная баталия не переросла в потасовку.

Больше политические проблемы за столом не обсуждались, но вечер был испорчен и настроение у всех заметно упало. Сослуживцы вскоре заторопились по домам и ушли еще до чая, а родственники, отведав испеченные Олей и бабушкой пироги, покинули квартиру Орловых где-то уже в десятом часу.

СТАТЬЯ: «...Гранитная громада КГБ... не пускает нас в будущее... Вся их цель — существовать для себя и подавлять всякое движение в народе. Этому ЧК-КГБ с его кровавой 70-летней злодейской историей — нет уже ни оправдания, ни права на существование...»

(А.И. Солженицын. «Как нам обустроить Россию». «Комсомольская правда», 18 сентября 1990 года).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Насколько умело действовали радикальные демократы — они ополчили весь народ против чекистов... Я приезжаю в деревню, встречаюсь со знакомым егерем... Он сидит напротив меня, вдруг хватает нож, стучит им по столу и кричит:

— Вы, с..., всегда против народа выступали!

— Да я-то тут при чем? — говорю ему.

— Так ты же кагэбэшник! А НКВД и КГБ — это одно и то же!

Зная меня, он вдруг ко мне как к врагу стал относиться. Вот ведь как настроили людей. Здесь и средства массовой информации постарались...»

(Ю.И. Скобелев, помощник начальника Десятого отдела КГБ СССР).

ИНФОРМАЦИЯ: «Помню, как-то один из совестливых депутатов стал честно рассказывать об отсутствии привилегий у работников органов государственной безопасности. Для оперативных сотрудников была смешной даже постановка этого вопроса. Только круглый дурак, а скорее, провокатор мог серьезно обсуждать эту проблему. Руководство КГБ СССР в ту

пору могло бы организовать экскурсию для депутатов, желающих посетить наши столовые. Мы бы скинулись по рублю, чтобы накормить парадных избранников. Вряд ли после этого им захотелось бы еще раз отведать таких «разносолов»...»

(И.И. Леган, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР. «КГБ — ФСБ: взгляд изнутри». Москва, 2001 год).

Все это Орлов вспомнил вчера, когда они колесили со Стрельниковым по улицам ночной Москвы, с опаской проезжая мимо перегораживающих улицы толп возбужденных людей.

Ночью сотрудники Российского КГБ практически не спали. По домам были отпущены только женщины, мужчины же, расположившись в кабинете Иваненко, смотрели телевизор, слушали радио и время от времени звонили по телефону, чтобы узнать, как развивается обстановка в регионах.

Наутро, наскоро побрившись безопасной бритвой, которую предусмотрительно взял вчера, попив пустого чая, так как буфет еще не работал, Орлов помчался в Белый дом. Попасть в него двадцатого августа было уже гораздо сложнее, чем накануне. Людей вокруг было море, и, в отличие от предшествующего дня, организованы они были гораздо лучше. Вокруг Дома Советов образовались три линии обороны: с внешней стороны — «живое кольцо», о котором в кабинете Бурбулиса рассказывал Андрею шахтер; средняя линия, сформированная из боевых отрядов, сведенных в «сотни»; внутренняя линия обороны в составе милицейской охраны, вооруженной табельным оружием.

Орлову удалось пройти в Белый дом только благодаря тому, что его уже знали милиционеры, несущие службу на посту у двадцатого подъезда. Правда, опять, еще на подходе к зданию, его чуть было не избили, увидев удостоверение сотрудника КГБ, которое он вынужден был предъявить каким-то малым с повязками на рукавах.

Президент России Ельцин издал Указ о принятии на себя функций Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР и пообещал всем военнослужащим, сотрудникам органов внутренних дел и госбезопасности, которые приняли участие в перевороте, не привлекать их к ответственности, если они будут выполнять распоряжения российских властей. Вице-президент Руцкой призвал офицеров и солдат «переходить на сторону законно избранных народом органов власти», а назначенный

накануне председателем Комитета по оборонным вопросам генерал-полковник Кобец издал приказ, признающий казачество в качестве реальной боевой единицы.

Орлов снова «курсировал» весь день между Домом Советов и Дзержинкой. Только делать это стало намного труднее, так как теперь весь центр Москвы был буквально запружен народом. На двенадцать был назначен митинг у Белого дома, но из-за неразберихи несколько тысяч граждан собралось на Манежной площади. Многим из них было объявлено, что митинг состоится именно там. Военные, видимо получив приказ, стали перегораживать площадь, чтобы не допустить проведения митинга. Тогда его организаторы призвали толпу двигаться на улицу Горького, к Моссовету.

Запрудив всю площадь и прилегающие улицы, толпа ревом приветствовала появление «лидеров демократии» — Попова,^[118] Яковлева, Шеварднадзе, Станкевича,^[119] Пономарева...^[120] «Долой хунту!», «Янаева под суд!», «Сво-бо-да!» Речи выступающих тонули в этих громогласных криках, сотрясающих стекла в окнах близлежащих домов. Взлетающий над толпой в такт выкрикам лес рук с пальцами, сложенными в виде латинской буквы «V», должен был свидетельствовать об уверенности участников митинга в своей победе. Становилось очевидным, что возбуждение людей по сравнению со вчерашним днем значительно повысилось и достигает своей кульминации.

Когда Орлов в очередной раз оказался у здания КГБ, он услышал непонятный приближающийся гул. Первое, что ему пришло в голову: «Сейчас начнется шторм!» Но это было нечто совершенно иное!

— Несут! Несут! — прокричал кто-то рядом, указывая рукой в сторону «Дома книги» в начале улицы Кирова.^[121]

Орлов посмотрел туда, куда указывал человек, и увидел приближающуюся колонну демонстрантов. Во главе ее шли молодые парни в костюмах, куртках и просто в рубашках. На некоторых были галстуки, у отдельных под пиджаками виднелись футболки с пестрыми рисунками и надписями на английском языке. Они шли уверенно, переговариваясь между собой и не обращая внимания на стражей порядка, стоящих на тротуарах у палисадника рядом с Политехническим музеем и около входа на станцию метро «Дзержинская».

Но главное было позади этих парней. Сначала Орлов даже не понял, что это такое. За их спиной колыхалось что-то огромное, похожее на гигантский купол яркого парашюта, ткань которого растекалась по всей

улице, извиваясь и колыхаясь волнами. Три цвета: красный, голубой и белый. Это был российский флаг шириной во всю проезжую часть улицы и длиной не менее сотни метров! Его несло множество людей, держа за края, натягивая над мостовой, поддерживая изнутри, как будто они участвовали в каком-то невиданном ритуале жертвоприношения или восхваления Божества.

Флаг несли исключительно молодые люди. Среди них было немало девушек. Все они были вполне прилично одеты и не походили на ту серую толпу, которую Орлов видел накануне у Белого дома. Рядом с несущими флаг по тротуарам и мостовой шли сотни людей, захваченные этим фантазмагорическим действием, похожие на жителей Древнего Египта, шествующих за жрецами к Храму Амона.

Завороженный, Андрей смотрел, как колонна со змеей-флагом молча выходит на площадь прямо к памятнику Дзержинскому. Лишь топот и шарканье сотен ног, покашливания и тихий говор сопровождали это театрализованное представление.

«Неужели ничего не будут кричать?» — подумал Орлов, и толпа тут же дала ему ответ на этот вопрос.

— До-лой хун-ту! До-лой КаПэ-ЭсЭс! — начали скандировать демонстранты. — По-зор Ка-Гэ-Бэ!

Крики, постепенно превращающиеся в рев, заполнили всю площадь. В сторону здания ненавистного КГБ, фасад которого выходил на площадь, взметнулся лес рук, сжатых в кулаки.

— Су-ки! Су-ки! — со злобой и перекошенными от негодования лицами кричали молодые люди. — До-лой Ка-Гэ-Бэ!

Покричав, толпа, видно, утомилась. Наступила минутная передышка.

Один из демонстрантов, держащих флаг, крикнул стоящим на тротуаре людям:

— Господа! Присоединяйтесь к нам! Не дадим задушить свободу! Господа, идемте вместе на защиту Белого дома!

Старичок в потертом пиджаке, стоящий рядом с Орловым, тихо передразнил кричащего:

— Господа, господа! Из дерьма только вылезли, а уже господа!

— А кто они? — спросил у него Андрей, хотя понимал: откуда тот может знать об этом?

— Да хрен их знает! — Он зло посмотрел на Орлова. — Повылазила всякая нечисть!

— Это не нечисть, а брокеры! — деловито поправил какой-то парень, стоящий неподалеку и услышавший, видимо, разговор Андрея со

старичком. — Брокеры с Российской торгово-сырьевой биржи! «Новые русские», как их теперь называют!

— Тьфу! — Старик со злостью плюнул себе под ноги. — А идите вы все к... матери!

— Да не разоряйся ты так, дед! — попытался успокоить старика парень. — Поорут немного и разойдутся! Им же деньги делать надо! Время — деньги, слышал, небось?

Но старик уже повернулся спиной к говорившему и стал продвигаться к подземному переходу. Он-то уж точно решил все для себя и не хотел даже присутствовать при этом зрелище, вызывающем у него ничем не прикрытое раздражение.

Демонстранты тем временем, проскандировав свои лозунги, двинулись дальше, в сторону Большого театра. За ними тянулась целая колонна сочувствующих и любопытных, которая все разрасталась и разрасталась по мере того, как брокеры продвигались по площади.

«Да, этим точно есть что терять!» — подумал Орлов.

20 августа 1991 года, вечер.

Москва. Площадь Дзержинского.

Здание КГБ СССР. Кабинет № 761

На рабочем месте Орлова снова встретили с расспросами о том, что происходит в городе. Сообщения телевидения и радио были невнятно-противоречивыми, а беснующиеся на улицах толпы создавали ощущение приближающихся массовых беспорядков. Правда, с мест шла в целом обнадеживающая информация. Практически нигде не возникло такого противостояния, как в Москве, повсеместно краевые и областные Советы осуждали ГКЧП, отказывались подчиняться его требованиям, а правоохранительные органы занимали выжидательную позицию.

Главное — не был приведен в действие такой мощный детонатор противостояния, как органы КГБ. Влияющие практически на все аспекты социальной жизни, имеющие агентуру во всех без исключения сферах жизнеобеспечения государства и просто пользующиеся в то время определенным доверием у населения, они могла радикальным образом изменить ситуацию. Что было бы тогда? Какую плату мог заплатить народ за обострение обстановки? Не спровоцировали бы их жесткие действия массовых выступлений, следствием которых в России всегда были кровь и

смерть? Не стали бы они тогда фитилем бикфордова шнура, ведущего к безжалостной и всеохватывающей новой гражданской войне?

Сегодня можно только гадать, что было бы, если... Совершенно непродуктивное занятие! Одно известно точно: органы КГБ, осознавая в полной мере драматизм обстановки, не стали безжалостным механизмом подавления собственного народа, какими их не раз делали предшествующие правители. Проявив выдержку и сохранив самообладание, чекисты делали все, чтобы предотвратить кровопролитие. В значительной степени им это удалось.

Напротив кабинетов КГБ РСФСР по-прежнему сидели ребята из спецподразделения антитеррора, готовые в любую минуту, если последует приказ, заломить за спину руки горстке российских чекистов и доставить их туда, куда скажут начальники... А, может быть, и разобраться с ними, как того требует обстановка чрезвычайного положения. В эти жуткие августовские дни понятия совести и чести, верности долгу и присяге стали использоваться в большой игре, ставкой в которой была судьба великого государства.

ИНФОРМАЦИЯ: «Был составлен список, примерно из 115 фамилий... Людей должны были интернировать... Для каждого задержания были созданы специальные группы по три человека. А руководил всем этим по поручению Крючкова его первый заместитель Гений Евгеньевич Агеев. Должны были интернировать, но... Агеев никакого приказа никому не отдал... Правда, из этого списка задержали только двух — Гдляна и Иванова.^[122] И все! Полное бездействие!»

(С.С. Дворянкин, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Как только начался путч, у сотрудников стали возникать вопросы: «Что у нас за руководители? Где этот Крючков? Почему он молчит?» Те, кто организовал путч, обладали всей полнотой власти в стране и невероятными ресурсами — политическими, военными, экономическими, контрразведывательными, разведывательными, стояли во главе партии, то есть государства... И ничего из этого не смогли использовать! Даже самих себя не смогли защитить! Импотенты!»

(Ю.И. Скобелев, помощник начальника Десятого отдела КГБ СССР).

Круговерть дня забрасывала Орлова то в Белый дом, то снова в здание КГБ, то в стены Моссовета, то в самую гущу толпы на Манежной площади. Он в который уже раз преодолевал баррикады, возведенные вблизи Дома Советов, рискуя быть избитым, разоблаченным, ошельмованным. По первому зову Иваненко он неся в кабинет Госсекретаря на пятом этаже и, выполняя его указания, находил нужных людей, связывался с теми, от кого зависели вопросы организации обороны, сбора информации об обстановке, предотвращения инцидентов и провокаций.

Он слышал восторженный рев двухсоттысячной толпы, в котором тонули слова известного глазного хирурга, слывшего видным деятелем демократического движения:

— ...Мы за это время прозрели. Мы поняли, что наш труд и богатство нашей страны могут сделать нас и счастливыми, и богатыми, и обеспеченными. Нам нужно только одно: свобода в экономике, политике, социальной жизни и культуре... Давайте все-таки скажем в последний раз слово «нет» великому рабству, которое продолжалось семьдесят три года, и будем стоять насмерть, чтобы впереди у наших детей, у наших внуков наконец-то была нормальная жизнь. Не в этих казенных квартирах, не в этих занюханных маленьких городках...

Стоя вместе со Стрельниковым прямо под балконом, ставшим импровизированной трибуной, где находился весь цвет «российской демократии», включая президента Ельцина, с которой раскатывались по всему пространству страстные призывы решительно противостоять «хунте», встречаемые одобрительным ревом тысяч людей, Орлов, может быть, впервые по-настоящему почувствовал мощь гражданского неповиновения и стихию толпы, уверенной в своей победе, гипнотическую силу воздействия слов на массовое сознание и психику отдельного человека.

Речь Президента России постоянно прерывалась восторженной овацией. Слова Шеварднадзе о том, что надо еще выяснить, на чьей стороне сам Горбачев, были встречены одобрительным рокотом. Выступление Хазанова, пародирующего голос того же Горбачева, вызвало громогласный смех. Сообщенная кем-то информация о засевших на крышах соседних домов снайперах породила гул негодования. Призывы Борового^[123] покарать «главарей хунты» тонули в криках поддержки. «Пламенные» речи Хасбулатова и Евтушенко, Яковлева и Попова, Боннэр и

Калугина приводили толпу в состояние мощного эмоционального взрыва, который неминуемо должен был выплеснуться на улицы многомиллионного города. Пружина сжималась. Петли ее спирали уже касались друг друга. Накопившаяся энергия неминуемо должна была вырваться наружу. До этого страшного момента оставались считанные часы.

20 августа 1991 года, вечер.

Москва. Краснопресненская набережная.

Дом Советов РСФСР. Кабинет № 5–124

Ожидание штурма Дома Советов к позднему вечеру достигло своего апогея. По внутреннему радио уже не раз сообщали о предстоящей атаке и необходимости женщинам покинуть здание. Лифты были заблокированы. По периметру Белого дома заняли «оборонительные» позиции «боевые сотни». У людей уже, помимо газовых пистолетов и баллончиков, было немало огнестрельного оружия, в том числе автоматов и пулеметов. Действовали отряды, в состав которых входили люди, имеющие боевой опыт: «афганцы», десантники, милиционеры, работники охранных структур. Были развернуты медпункт и полевая кухня.

— Андрей, отправляйся на Лубянку! Здесь сейчас делать все равно нечего!

Иваненко проговорил это голосом, в котором уже не чувствовалось прежней уверенности и решительности. Видимо, напряжение последних двух суток давало о себе знать. Да и обстановка была такова, что можно было ждать любого исхода событий. Взвинченной толпе, как известно, все нипочем! Потому что она не знает реального положения дел, потому что она сама находится во власти страстей и настроений. А один человек, тем более такой, который знает суть происходящего и владеет информацией о намерениях противостоящих сил, не может предаваться эйфории. Основное чувство, которое охватывает его в этот момент, — ощущение тяжести от неимоверного груза ответственности за находящихся рядом людей, за судьбу близких и, как бы это громко не звучало, за судьбу Отечества, раздираемого противоречиями и стоящего на краю пропасти.

— Ты сам понимаешь, что нельзя ничего исключить. У них, — по-видимому, он имел в виду ГКЧП, — началась агония. Теперь им деваться некуда. Не исключаю, что будет штурм. Ты же видишь — здесь тоже все

поставлено на карту. Если... — он замялся, — если они пойдут... Сам понимаешь, будет' море крови!

Иваненко замолчал. Орлов смотрел на его усталое лицо, которое совсем не походило на лицо того энергичного и уверенного в себе Председателя КГБ России, которого он видел последние месяцы. Андрею показалось даже, что Иваненко как-то сразу постарел и согнулся.

— Но... Виктор Валентинович, может, я лучше буду здесь... — не очень настойчиво попытался возразить Орлов. Он и сам понимал, что от его присутствия в Белом доме вряд ли что изменится. Просто ему хотелось хоть как-то поддержать Иваненко, взять на себя хоть малую частичку груза, который он должен будет нести в эту августовскую тревожную ночь.

Иваненко посмотрел на Андрея и едва заметно улыбнулся:

— Я же сказал тебе. Делать здесь тебе нечего. Иди в Комитет. Следите за обстановкой, связывайтесь с органами на местах, объясняйте ситуацию. Андрей, надо сделать все, чтобы избежать кровопролития. Этот ГКЧП развалиться через несколько дней! Но сейчас надо выдержать! Если будут столкновения... я не берусь судить, как дальше все пойдет! Иди, не теряй время! — Он встал и подал Орлову руку, потом притянул его к себе, слегка обнял, прикоснувшись щекой с выросшей щетиной и, уже довольно решительно отстранив, пошел к столу.

— Держитесь здесь, Виктор Валентинович! Если что... — напоследок сказал Орлов, но Иваненко, похоже, его уже не слышал. Он не смотрел в сторону своего помощника, а набирал номер какого-то телефона и был уже весь там — в делах и хлопотах по организации обороны Дома Советов, штурм которого ожидался с минуты на минуту. Был уже двенадцатый час ночи, а Орлову следовало еще добраться до здания КГБ на площади Дзержинского.

20 августа 1991 года, вечер. Москва.

Краснопресненская набережная.

Вокруг Дома Советов РСФСР

С одиннадцати вечера в Москве уже действовал комендантский час, о чем было объявлено командующим Московским военным округом в телевизионной программе «Время». Но Орлов знал также и о том, что назначенный Ельциным министром обороны генерал-полковник Кобец тут же своим приказом отменил это решение. Как станут действовать военные

и милиция, получившие взаимоисключающие указания, одному Богу было известно. Но передвигаться по ночной Москве при этих обстоятельствах было определенно небезопасно. Впрочем, улицы столицы были полны возбужденных людей, которые даже и не собирались следовать предписаниям властей.

В этот раз Орлову удалось довольно легко преодолеть кордоны, окружающие Дом Советов. Баррикады из перевернутых грузовиков, металлических труб и оград, ящиков, досок, бетонных блоков, кирпичей и бог знает еще чего, имели специально сделанные проходы, их бдительно охраняли «защитники Белого дома» — милиционеры, военнослужащие и «ополченцы». Они строго следили за теми, кто приближался к баррикадам, и только убедившись, что это не «лазутчики» из КГБ, пропускали их внутрь, чтобы те могли влиться в отряды «гвардии Белого дома» и пополнить одну из «сотен». Трудно сказать, чем руководствовались «баррикадники», скорее всего, как у нас водится, «революционным самосознанием». Во всяком случае людей, выходящих за пределы «линии обороны», не проверяли и давали им возможность выбраться, поскольку указания об эвакуации уже звучали неоднократно из уст российских руководителей.

В темноте около подъезда близ стоящего дома Орлов заметил, как двое мужиков раздавали всем желающим бутылки с водкой. Перед ними на тротуаре стояло несколько ящиков, наверное специально доставленных сюда машиной. Время от времени они зазывали проходящих мимо людей:

— Ребята! Примите для сугреву, а то, не дай бог, заболете!

Вокруг них толпилась молодежь, одобрительными возгласами приветствуя возможность получить дармовую выпивку. Крутились здесь и уже изрядно накачавшиеся завзятые алкоголики. Они пытались получить добавочную порцию спиртного, но мужики отгоняли их:

— Пошли отсюда на... Дайте людям согреться!

Все это было очень странным — на глазах у всех в самом центре Москвы какие-то типы буквально спаивали людей и никто им в этом не мешал.

Моросил мелкий дождь. Повсюду жгли костры, как будто это был не самый центр Москвы, а пустырь около подмосковной деревни или лесная поляна вблизи дачного поселка. Фигуры, мерцающие в отблесках пламени, воскрешали в памяти увиденные когда-то в кинофильмах образы времен Октябрьской революции и Гражданской войны. И опять Андрею показалась неуместной возникшая в его сознании аналогия. Тогда, десятки лет назад, все было настоящее, сейчас же все казалось бутафорским, придуманным,

уродливо-гротескным. Впрочем, опасность была настоящей, и в этом Орлов смог убедиться в ближайшие часы.

Преодолев многочисленные кордоны в районе Большого Девятинского переулка, он вышел на Садовое кольцо прямо рядом с американским посольством. Было уже около двенадцати ночи, но людей на улице не убавилось и, хотя здесь уже не было баррикад и костров, обстановка казалась тоже накаленной. Повсюду стояли кучки молодых людей, обсуждавших происходящее. Машин не было видно, и люди чувствовали себя на проезжей части совершенно свободно — ходили туда-сюда, стояли у парапета подземного туннеля, проходящего под Калининским проспектом, рядом с которым была возведена большая баррикада из металлолома, перекрывающая доступ на сам проспект.

Вдруг со стороны Маяковки послышался характерный гул, затем различимо стало скрежетание гусениц и рев моторов. Стало ясно, что в сторону площади Восстания движется тяжелая военная техника.

— Танки! — раздался чей-то истошный крик.

— Сволочи! Идут на штурм Белого дома! — громко проговорил кто-то басом. Толпа на тротуаре зашевелилась. Часть людей бросилась в сторону переулка, наверное, желая предупредить «защитников», некоторые, влекомые любопытством, заспешили навстречу колонне. Орлов помедлил немного, пытаясь увидеть в изгибе Садового кольца очертания танков, затем тоже двинулся по тротуару в сторону краснопресненской высотки. Проходя мимо американского посольства, он обратил внимание на усиленную охрану, выставленную у каждого подъезда и арки въездных ворот, на погашенные окна громадного здания, на странные фигуры около палисадника, топчущиеся вокруг какого-то человека.

Андрей еще не успел дойти до Дома-музея Шалапина, который располагался в небольшом особнячке рядом с посольством, как увидел движение техники. В свете фонарей мелькнули какие-то тени, затем появились боевые машины пехоты с зажженными фарами. Он с удивлением не обнаружил ни впереди, ни сбоку от передней БМП ^[124] никакого сопровождения, которое бывает обязательным в случае передвижения войск: ни машины ГАИ или военной автоинспекции, ни на худой конец просто какого-нибудь милицейского автомобиля. По самому центру ночной столицы, охваченной безумством противостояния, совершенно самостоятельно, без всякого прикрытия, двигалась колонна гусеничных машин, как будто это происходило на проселочной дороге рядом с военным полигоном.

В сторону вереницы выползающих на площадь Восстания БМП

потянулись люди. Некоторые буквально бежали, стараясь, видно, успеть к началу страшного спектакля под названием: «Они не пройдут!». Со всех сторон стали раздаваться проклятья в адрес военных:

— Фашисты! Убийцы!

СТАТЬЯ: «В полночь на Садовом кольце прозвучали первые выстрелы. Стреляли в воздух. В это же время в районе посольства США защитники парламента готовились к отражению атаки. Дорога была перегорожена легковыми автомобилями. Многие опасались применения «черемухи», изготавливали самодельные маски, мочили их в лужах.

Российская радиостанция ежеминутно передавала из здания Верховного Совета о новых подкреплениях, поступающих к путчистам. Информация об этом постоянно сообщалась на радиостанцию москвичами по контактными телефонам. Несколько раз за ночь казалось, что танки вот-вот сомнут баррикады и все будет кончено...»

*(Хроника «Как это было на улицах Москвы»,
«Аргументы и факты», август 1991 года, № 33),*

Среди окружающих БМП людей засверкали яркие вспышки. Это было так неожиданно, что Андрей сначала не понял, что это такое.

Вспышки на миг освещали передние машины, сидящих на броне военных, мечущихся вокруг них людей. И только тут Орлов, к своему удивлению, понял: это же вспышки фотоаппаратов! Как на спортивных состязаниях, как при выходе из фешенебельных гостиниц звезд эстрады или из стен аэропорта какой-нибудь знаменитости! По Садовому кольцу шли боевые машины пехоты, которые, быть может, через несколько минут вступят в бой с «защитниками» Белого дома, и десятки людей снимали на пленку это фантасмагорическое зрелище!

Тут Орлов заметил рядом с движущейся колонной два автомобиля, которые, похоже, все-таки сопровождали военных. Но каково же было его изумление, когда он увидел, что это не милицмейские машины, а «Волги», в окнах которых поблескивали объективы видеокамер и фотоаппаратов. Видно, немало было людей, которые хотели запечатлеть «исторический момент» начала массовых беспорядков в Москве. Наверное, на этом можно было даже хорошо заработать. Суть не в том. Главное, что в самый напряженный момент противостояния вместо сил правопорядка, которые

должны были сделать все возможное, чтобы предотвратить столкновение населения с военными, рядом со звереющей толпой на месте событий находились только «летописцы истории»! А может быть, они были не только «летописцами», но и ее «творцами»?

20 августа 1991 года, вечер.

Москва. Садовое кольцо. Улица Чайковского.

Колонна БМП тем временем неумолимо двигалась в сторону Калининского проспекта. Сначала Орлов подумал, что она может свернуть в Большой Девятинский переулок, откуда он только что выбрался. Это был самый короткий путь до Дома Советов. Но военные, видно, знали о том, что переулок намертво «замурован» автомобилями и баррикадами, и поэтому двигались дальше. У Андрея даже появилась мысль о том, что военные и не собираются выдвигаться к Белому дому, и уж тем более его штурмовать. Как оказалось впоследствии, все было именно так. Но тогда в толпе этого никто не знал. Нагнетаемая во второй половине дня двадцатого августа истерия сделала свое пагубное дело — значительное число людей, оказавшихся в те ночные часы на пересечении Калининского проспекта с Садовым кольцом, были уверены: войска идут на подавление главного «очага сопротивления» — Дома Советов. Что и говорить, даже такой сотрудник КГБ РСФСР, каким был майор Орлов, неплохо осведомленный в обстоятельствах, являющихся тайной для многих, и то не мог с уверенностью сказать, куда направляются эти БТР.

СООБЩЕНИЕ: «Колонна боевых машин десанта (БМД) подошла к баррикаде около Дома Союзов со стороны посольства США. Народ попытался остановить головную БМД. Солдаты стреляли боевыми патронами в воздух. Первые машины прорвали цепи горожан у американского посольства и движутся в сторону Нового Арбата. В 00.05 21 августа около 20 бронированных машин прорвали первые баррикады на Новом Арбате и двинулись в сторону Дома правительства РСФСР»

(Российское информационное агентство. 21 августа 1991 года. 00.07. Москва).

Несмотря на рокот моторов и лязг гусениц, раздирающих асфальтовое

покрытие, Орлов услышал несколько хлопков и тут же понял, что это выстрелы. Откуда стреляли, разобраться было уже невозможно. Толпа, превратившаяся теперь в грозную и агрессивно настроенную силу, все теснее окружала боевые машины. Возгласы негодования, которые не мог заглушить даже нарастающий рев моторов, превратились в беспорядочный шум, среди которого были слышны только отдельные выкрики:

— Убирайтесь вон! Негодяи! Куда прете, суки!

По накалу обстановки Орлов чувствовал: сейчас должно что-то произойти! Беснующаяся толпа, медленно опускающиеся в подземный туннель БМП, хлопки выстрелов — все это не могло закончиться просто так. Джин ненависти был уже выпущен из бутылки. Готовый вцепится в глотку каждого участника событий, он превратил людей, окружающих броневые машины и военных, сидящих в них, во врагов, готовых к смертельной схватке. Впрочем, солдаты — простые мальчишки, некоторые из которых не только не знали существа происходящих событий, но и сами впервые оказались в Москве, — вряд ли готовились к бою. Они ошеломленно смотрели через триплексы — узкие смотровые щели с многослойным стеклом — на озверелые лица окружающих их людей, слышали проклятия в свой адрес и, безусловно, не понимали, в чем, собственно, их вина.

— Сейчас мы их уделаем! — заорал какой-то парень рядом с Орловым. В руках у него была полутораметровая водопроводная труба.

— Дави их, сук! — поддержал его мужичишка в клетчатой рубашке. — Уроем их, гадов! На народ идут! — Он посмотрел по сторонам, как бы ожидая одобрения сказанному.

— Ты, что ль, народ? — со смехом спросил его долговязый парень. — Бодун бомжовый!

— Чо-о? — мужичишка принял агрессивную позу. — Кто я?

Только тут Орлов почувствовал сильный запах перегара, исходящий от него. Запах, который не могли перебить даже выхлопные газы БМП, постепенно заполняющие окружающее пространство.

— Ладно, мужики, не гремите! — крикнул парень с трубой. — Лучше повоюем!

Он подбежал к парапету подземного туннеля, в который уже втягивалась колонна бронетехники, и, широко взмахнув рукой, бросил трубу в передний БМП. Она описала в воздухе дугу, со звоном ударила по броне и отскочила в сторону, не причинив, разумеется, никакого вреда боевой машине.

— Эх, жалко, ничего такого нет! — с огорчением воскликнул парень,

только что бросивший трубу.

— Чего такого? — спросил его долговязый.

— Гранаты! Вот чего! — резко ответил тот.

— Ну ты даешь! Гранаты!

— Мужики, сюда! — раздался истошный крик со стороны парапета, огораживающего верхнюю часть туннеля. Все бросились туда.

На медленно продвигающиеся вглубь туннеля БМП теперь уже летел град камней, досок, металлических предметов. Кто-то, видимо, предусмотрительно запасся пустыми бутылками, и теперь они со звоном разбивались о броню, рассыпая блестящие при свете фонарей осколки.

Ночь с 20 на 21 августа 1991 года.

Москва. Садовое кольцо. Подземный туннель

Толпа будто остервенела. Всякое очередное удачное попадание в БМП встречалось улюлюканьем, громогласным гоготом и одобрительным ревом. Проезжая часть в туннеле была уже вся усеяна брошенными сверху предметами, но движению боевых машин это, естественно, не мешало. БМП вползали в туннель, перестроившись в две колонны. Одна двигалась по правой стороне туннеля, друга — по встречной полосе, огибая опорные колонны с левой стороны. Фотовспышки продолжали озарять место столкновения, запечатлевая драматические моменты «народного сопротивления хунте». Среди толпы попадались операторы с видеокамерами. Рискуя быть смятыми толпой, они тем не менее не забывали включить подсветку, чтобы изображение было более ярким и четким.

Кое-где на фоне ругани и мата слышалась английская речь, а возле опрокинутой урны Андрей заметил двух японцев, один из которых снимал происходящее на видеокамеру, а второй, суетливо озираясь, шептал что-то в поднесенный к лицу диктофон. «Репортаж с места событий», — понял Орлов, и ему страшно захотелось подойти к ним и врезать как следует, чтобы упала на мостовую и разлетелась вдребезги дорогая японская камера. То, что происходило в районе туннеля, казалось Андрею постыдным и унижающим достоинство его страны.

«Но почему же нет милиции? Почему нет военных патрулей?» — спрашивал себя Орлов, но не находил ответа. Именно сейчас, как никогда, нужно было вмешаться, остановить толпу, пресечь катастрофическое развитие событий в сторону полномасштабного столкновения с войсками,

которое, следуя законам цепной реакции, может превратиться в побоища на улицах громадного города, когда уже никто не будет разбирать, где свои, а где чужие, когда только того и ждущие банды убийц и шайки воров станут грабить и убивать, превращая людей в оцепенелое от ужаса стадо животных, пытающихся найти спасение в своих квартирах, но не находящих его. Деморализованная армия, недееспособные спецслужбы, раздираемая взаимной ненавистью российская и союзная власти, поднявшая голову преступность — все это могло привести только к одному: гибели Великой державы.

Обстановка в подземном туннеле с каждой минутой осложнялась, превращаясь все больше и больше в побоище, в котором разнузданная толпа пыталась уже не просто остановить продвижение военной техники, а вывести ее из строя. Как только первая БМП стала приближаться к выезду с другой стороны туннеля, в нее снова полетели камни, обломки асфальта, куски бетона, палки, бутылки. Именно сюда стала быстро перемещаться толпа. С гиканьем и дикими криками молодежь бросала вниз все, что попадалось под руку. Сгрудившаяся у парапета толпа восторженными возгласами сопровождала каждое точное попадание в бронетехнику.

Передние машины стали уже подниматься из туннеля, и их экипажи, наверное, уже с надеждой и облегчением думали, что преодолели самое страшное. На открытом пространстве боевым машинам пехоты толпа вряд ли могла нанести серьезный урон, если, конечно, не была вооружена гранатометами или еще чем похлеще. Но выезд из туннеля преграждала громадная баррикада из троллейбусов, поставленных поперек Садового кольца в несколько рядов.

Орлов видел, как еще днем строилась эта баррикада: человек тридцать ребят останавливали троллейбусы, в основном десятого маршрута и «букашку», заставляли водителей открыть двери и выпустить пассажиров, а затем на руках перекатывали эти большие, неповоротливые машины ближе к подземному туннелю и ставили поперек движения. Никакого специального замысла по перекрытию конкретного маршрута движения танковых колонн, конечно, не было. Никто этим действиям не мешал. Только один раз к импровизированной баррикаде подъехала милицейская машина и какой-то майор попытался урезонить толпу, обвиняя ее в нарушении общественного порядка. Но, почувствовав агрессивность людей, он поспешил ретироваться и больше не появлялся.

Если бы выезд из подземного туннеля был свободным, то все могло бы закончиться забрасыванием бронетехники камнями и четырнадцать БМП Таманской дивизии уехали бы в сторону Смоленской площади, куда им

приказывалось прибыть командованием. Но троллейбусная баррикада остановила движение колонны.

Боевым машинам пехоты, ехавшим по правой стороне туннеля, удалось довольно быстро выбраться из него, и после минутной заминки передняя БМП протаранила хрупкий корпус троллейбуса, со скрежетом раздвигая баррикаду и образуя проход для следующих машин. Толпа с криками бесновалась вокруг машин, пытаясь вогнать металлические трубы, арматуру и палки между траками. Все сильнее стал раздаваться звон разбитого стекла — со всех сторон летели пустые бутылки, которые, ударившись о броню, разбрасывали сотни острых осколков, блестевших в тусклом свете фонарей как маленькие льдинки, усеявшие всю проезжую часть.

— Бей их, гадов! — кричал верзила в темной куртке, долбя по корпусу БМП куском металлической арматуры. Его примеру следовали еще человек семь, каждый из которых держал в руке какой-нибудь предмет, ставший теперь оружием.

Двое парней под одобрительные возгласы толпы запрыгнули на броню и стали пытаться закрыть чем-нибудь смотровые щели. Вдруг откинулась крышка верхнего люка, и все увидели офицера в шлемофоне. Сначала он попытался столкнуть одного из парней на землю, но это ему не удалось. Тогда он расстегнул кобуру и, вынув из нее пистолет, наставил его на нападавших.

— Освободите смотровые щели! — раздался требовательный крик.

— Что же ты делаешь, сволочь? — крикнул ему в ответ один из парней. — Ты же людей задавишь!

— Слезайте, мать вашу...! У меня приказ!

— Тебя же, гад, судить будут! — не унимался парень.

— Механик, вперед! — скомандовал командир БМП и исчез, захлопнув крышку люка.

Боевая машина снова ринулась пробивать брешь в баррикаде. Парни же упрямо сидели на броне, держась за скобы, и не прекращали своих попыток загородить смотровые щели. Вокруг скрежетало сминаемое железо, летели осколки разбитого стекла. Выхлопные газы заволакивали все пространство, как будто облака пыли или дым костра. Опасная игра со смертью, которую затеяли молодые люди, в любую минуту могла закончиться трагедией. Видно почувствовав это, они, когда БМП в очередной раз вонзилась в искореженный кузов, прыгнули с брони на крышу троллейбуса. А боевая машина пехоты, скрежеща гусеницами и окутывая все клубами газа, пробила-таки брешь в баррикаде и удалилась в

сторону Смоленской площади.

Орлов, сначала переместившийся вместе с толпой к верхней части парапета, нависающего над туннелем, стал протискиваться дальше. Теперь он уже четко понимал: не останови это побоище — оно закончится кровью. Но кто, кто мог остановить его? Милиции не видно, военных патрулей не было и в помине. Солдаты и офицеры Таманской дивизии, сидящие в БТРах, не могли высунуть и головы из люков — слишком велик был риск быть растерзанными разъяренной толпой. Обстановка казалась безвыходной.

«Что же делать? Что делать? — лихорадочно думал Орлов. — Я, сотрудник КГБ, сам нахожусь в эпицентре событий, но не могу ничего предпринять», чтобы остановить эту вакханалию! Эх, была бы у меня радиостанция! Стоп! Радиостанции нет, но телефоны-то есть! Надо немедленно найти телефон-автомат и позвонить... Куда? Конечно Иваненко! Прежде всего ему. Он сможет быстро сообщить, что здесь происходит и... Может быть, там смогут как-то повлиять на обстановку и остановить это...»

Он стал озираться по сторонам, пытаясь разглядеть сквозь полумрак хоть какую-нибудь телефонную будку. Все тротуары, заваленную мусором проезжую часть рядом с выездом из туннеля — все заполнила толпа. За те несколько минут, как началось столкновение, число людей увеличилось, кажется, в несколько раз. Теперь здесь уже было не менее тысячи человек, многие из которых все ближе и ближе подступали к пытающимся выбраться из туннеля боевым машинам пехоты. Вдруг Андрей различил у стены дома две телефонные будки и опрометью бросился к ним, расталкивая толпу. В считанные секунды он оказался около будок, но... Оба телефона были заняты, да и около будок стояли люди, собирающиеся, наверное, позвонить.

По одному телефону говорил какой-то иностранец. Он быстро что-то бормотал по-английски. Рядом с ним, загораживая снаружи дверь будки, стоял его коллега с большой сумкой, в которой обычно носят телеаппаратуру. Орлов догадался, что это иностранные корреспонденты, передающие по телефону последние новости с места события. То и дело к будке подбегали какие-то парни, которые в щель приоткрытой двери кричали на русском языке:

- Один БМП уже остановили! С моста сбросили целую кучу камней!
- У крайней машины погнули антенну!
- Со стороны высотного дома стреляют!

Говоривший по телефону иностранец только чуть отставлял в сторону

трубку, прикрывая ее рукой, слушал новую информацию, кивал головой и тут же продолжал разговор с неизвестным абонентом. Собственно говоря, это был не разговор, а монолог человека, который неожиданно для себя оказался в том месте, где разворачивается самое главное действие последних дней. Понимая, что именно ему «посчастливилось» стать свидетелем этого действия, он пытался использовать желанную для каждого журналиста возможность вести репортаж непосредственно с места события.

Второй телефонный автомат заняли какие-то парни и девчонка, втроем втиснувшиеся в будку. По их громким возгласам и смеху никаких сомнений не возникало, что они были навеселе.

— Слушай, Васек! Тут та-а-кое! Слушай, Васек, рубиловка прям! Маслы, дрейфуны, в бэ-эм-пэхах сидят, а наши мочат их по-черному! Тут один...

— Лёх, скажи ему... — стал перебивать говорившего патлатый парень с мутными глазами. Он еле ворочал языком, но пытался все-таки что-то изречь. — Лёха, пусть он... Ты ему... про мужика...

— Да, Васек, тут мужику одному тыкву раскокали! Он верещал так!

Девушка, тоже пьяная в стельку, захохотала и, причмокивая, потянула за рукав говорившего:

— Лёха, кончай базарить! Пошли! Ну, пошли! — Она еще сильнее стала тянуть парня за рукав, а он, отпихивая ее, продолжал говорить в трубку своему товарищу, рассказывая про «рубиловку» в подземном туннеле.

— Ладно, Лёха, кончай бухтеть! Мы же хотели еще бутылцы популять!

Девушка, услышав это, захлопала в ладоши и стала, противно повизгивая, вопить:

— Бутылцы пулять будем! Ура! Бутылцы пулять будем! Ништяк!

Все это Орлов вынужден был слушать, стоя у телефонной будки и ожидая, когда пьяная компания закончит свою болтовню. В какой-то момент у него даже возникло сильное желание рывком распахнуть дверь и вышвырнуть всю эту шваль, не дающую ему возможность позвонить. Трудно сказать, или пьяный разговор им уже надоел, или напоминание о том, что они собирались «популять бутылцы», подействовало, но развязная троица наконец вывалилась из будки и Орлов добрался до телефона. Первую двухкопеечную монету аппарат, как это часто бывает, проглотил. Но вторая провалилась внутрь, и после нескольких щелчков Андрей услышал долгожданный гудок.

Трубку долго не брали. Орлов уже собирался нажать рычаг, чтобы повторить набор, как трубку наконец подняли.

— Приемная Бурбулиса, — раздался голос секретаря.

— Э-э... — Орлов замялся. Он почему-то рассчитывал, что трубку возьмет Иваненко. — А можно попросить Виктора Валентиновича?

— А кто его спрашивает?

— Это Орлов.

— Он на совещании у руководства.

— Давно?

— Да. А что вам нужно?

— Я буду еще звонить, но прошу передать... там... кому надо... Я звоню из автомата. Здесь, около туннеля на перекрестке Калининского и Садового кольца, начались столкновения с военными... Здесь никого, ни милиции, ни патруля... Как бы не...

— Мы все знаем! У нас уже есть полная информация!

— Знаете?

— Знаем-знаем! Все сейчас делается, чтобы... Не беспокойтесь!

— Хорошо. Спасибо! — Орлов повесил трубку со смутным чувством досады и одновременно удовлетворения. Жалко, что на месте не было Иваненко, но ему все-таки удалось срочно передать в Белый дом информацию о том, как развивается обстановка. А если там все знают, как сказал секретарь Бурбулиса, то уж наверняка предпримут все возможное, чтобы пресечь беспорядки.

«Но что они могут сделать? И что они захотят сделать?» — спрашивал сам себя Андрей. — «Ведь, по сути дела, и вчера, и сегодня обе стороны делали все, чтобы обострить ситуацию. ГКЧП ввел войска, а российское руководство призвало население к сопротивлению гэкачепистам. ГКЧП запретил «демократические» газеты, а российское руководство объявило вице-президента, премьер-министра, председателя КГБ, министров обороны и внутренних дел государственными преступниками. Выходит, и тем и другим все это на руку. Если прольется кровь, каждая из сторон сможет обвинить другую. тогда...» — Орлов не успел до конца додумать вдруг посетившую его мысль. В районе туннеля раздались хлопки выстрелов, затем на фоне рокота дизельных моторов послышался рев толпы. Так кричат обычно на футбольном матче, когда любимый игрок забивает наконец в ворота противника долгожданный гол. Орлов снова ринулся к туннелю.

ИНТЕРВЬЮ: «Вопрос:...Обстановка нагнеталась даже

после того, как руководство уже знало, что штурма не будет. Не было ли нагнетание сознательным, хотя бы потому, что победа будет выглядеть весомее, когда враг такой страшный?

Ответ: Отчасти. Нагнетание шло постоянно. Можно вспомнить дурацкие команды: «Отойти от стен — чтобы не задело осколками, женщинам покинуть здание, раздать противогазы!» Когда я говорил, что штурма не будет, на меня посматривали косо, особенно Руцкой.

Ложной, но серьезной по тяжести информации было много. В кабинет Бурбулиса забежал Кобец. По его словам, с задней стороны здания 300 молодых, спортивного вида парней с большими сумками просочились через толпу. Одеты в гражданское, «в джинсах», как говорит Константин Иванович.

Если это на самом деле так, это штурм. Бросились проверять — никого. Бурбулис на взводе звонит Кобцу: «Ваша информация не подтверждается!» — «Ну и хорошо, что не подтверждается»

(В.В. Иваненко, Председатель КГБ России. «Россия», 1–7 сентября 1993 года).

Обстановка, пока Орлов говорил по телефону, изменилась к худшему. Кода он протиснулся сквозь толпу к парапету туннеля, то увидел, что БМП, двигавшиеся по левой его стороне, оказались полностью заблокированы людьми. Если несколько минут назад столкновение представляло собой в основном забрасывание бронетехники камнями и палками, то теперь непосредственно в самом туннеле развернулся настоящий бой. Туда спустились десятки молодых людей, которые пытались во что бы то ни стало остановить боевые машины пехоты.

Орлов увидел, как какой-то человек в форме морского офицера — кажется, это был капитан первого ранга — выскочил прямо перед БМП, которая беспомощно остановилась на выезде из туннеля. Сидящий за рычагами механик-водитель, видно, раздумывал, как ему поступить, ведь впереди была возбужденная толпа, а за ней — преграда из поставленных плотно друг к другу троллейбусов. В учебном подразделении солдата учили чему угодно, только не преодолению таких препятствий в большом городе. Поэтому немудрено, что он растерялся. Тем временем офицер подскочил к машине и стал что-то кричать, размахивая руками.

Вдруг машина рванула с места и, подминая под себя капитана первого ранга, заскрежетала гусеницами по асфальту. Толпа ахнула, затем снова

раздались крики и ругань. Андрей с ужасом думал, что БМП сейчас продвинется вперед и он увидит позади гусениц кровавое месиво, но, к его удивлению, офицер буквально выполз из под днища машины и, потирая голову и плечо, встал на ноги. «Воскрешение» военного моряка из мертвых толпа восприняла с ликованием и будто получила дополнительный прилив энергии.

— Дави их, гадов! — кричали одни.

— Пусть они здесь подохнут, убийцы! — орали другие.

— Сыночки, не надо их бить! Они же не виноваты! — голосила какая-то женщина, неизвестно к кому обращаясь: к солдатам в БМП или к осаждавшим их людям.

— На народ руку подняли, на Советскую власть! — рявкал пожилой мужчина с орденскими планками, наверное ветеран войны, так и не понявший, что на самом деле происходит в туннеле.

Капитан первого ранга, очевидно уже пришедший немного в себя, закричал, обращаясь к окружающим:

— Ребята, мы должны остановить их! За нами — Белый дом! Закрывайте брезентом смотровые щели! — С этими словами моряк снова вскочил на броню, теперь уже другого БМП, и, развернув неизвестно откуда взявшуюся у него плащ-палатку, стал прикручивать ее в том месте, где виднелся триплекс броневой машины. — Слепые они никуда не уедут! Делайте как я!

В ответ на призыв капитана первого ранга толпа снова загудела и, будто идя на штурм неприступной крепости, бросилась на передние машины. Теперь уже практически все они были буквально облеплены кричащими, размахивающими руками людьми, которые разворачивали скатанный на броне брезент и натягивали на смотровые щели. «Нетронутыми» остались только стоящие в глубине туннеля БМП, механики-водители которых, открыв люки, вступили в словесную перепалку с нападавшими. Несмотря на драматизм ситуации, казалось, никто не принимал ее всерьез, как будто это была большая игра взрослых людей, которые дали волю бушевавшим в них доселе дремучим страстям.

Повсюду было очень много пьяных. Пришли ли они сюда изрядно наклюкавшись дома или довели себя до состояния эйфории в какой-нибудь подворотне поблизости, может быть даже там, где Андрей видел двух типов, раздающих всем бутылки водки, — трудно судить. Одно было ясно: толпа была не просто наэлектризована и возбуждена, но и изрядно накачена алкоголем. А что это означает — известно: пьяному и море по колено. Азарт и кураж, подпитанные спиртным, усиливаются в сто крат; и тогда

уже не остается ничего, что молю бы удержать людей от поступков, которые они никогда не совершили бы при других обстоятельствах.

Стоя в толпе, Орлов вдруг почувствовал на фоне исходящего от окружающих его людей перегара какой-то другой знакомый запах и сразу понял: бензин! Сначала он подумал, что запах идет из туннеля, где скопилась военная техника, но потом разобрался: запах бензина несло со стороны проезжей части, расположенной несколько выше. Там — кучка подростков вокруг какого-то дядьки суетливо занималась наполнением поллитровых бутылок бензином. Взрослый наклонно держал автомобильную канистру, а мальчишки один за другим подставляли под струйку бензина свои бутылки, которые тут же закупоривали пробками, доставая их из карманов.

— Да что вы, парни! Так ничего не получится! Надо ж вот... привязать тут! — наставлял дядька. — Бросишь, а толку-то мало будет! Смотри! — Поставив канистру, он стал, как «инструктор», показывать мальчишкам, что нужно делать для того, чтобы получился «толк».

Не раздумывая ни минуты, Орлов подскочил к ним, схватил «инструктора» за плечо:

— Что Вы делаете? Этого нельзя!.. Остановитесь!

Голос его дрожал от возбуждения. Андрей, наверное, слишком долго молчал, наблюдая за разворачивающимся побоищем, и теперь его словно прорвало:

— Мужик, ты чего же! Ребят втрапливаешь в это! Это же...

Он не успел договорить, как чья-то сильная рука обхватила его за горло, резко наклоняя навзничь. Андрей дернулся, но не смог вывернуться.

— Тебе чего надо? — «Инструктор» приблизился к Орлову. В лицо снова отвратительно пахло. «Тоже пьяный!» — промелькнуло в голове у Андрея.

— Ты тут за кого? За этих? — переходя на крик и придвигаясь к нему, завопил дядька. — Иди отсэдова! И не мешай людям! А может, ты легавый?

— Да, да! Мент! Мент он, стриженный! — прокричал кто-то из толпы.

Орлов, видя, что обстановка приобретает нешуточный оборот, попытался успокоить окружавших его людей:

— Да вы чего, ребята? Я говорю: не вздумайте бросать эти бутылки! Там же солдаты... Такие же парни, как вы! Им приказали...

— Так пусть переходят на нашу сторону! — вставил кто-то. — Нечего выполнять преступные приказы!

— Слушай, — не выдержал Орлов, — ты хоть понимаешь, что такое присяга? Он присягал на верность Родине!

— Кончай гнать волну! Ро-о-одине! — передразнил «инструктор». — Уродине! Пусть уматывают отсэдова, пока их всех, сук, не порешили! И ты проваливай! Понял?

Орлов почувствовал сначала, как ослабла, а потом совсем убралась сдавливающая шею рука. «Пронесло!» — подумал он и тут же услышал хлопки выстрелов. Казалось, что стреляют откуда-то сверху, может быть даже с крыши близлежащего дома. Потеряв к Орлову интерес, мальчишки вместе с «инструктором» стали пробираться ближе к парапету туннеля. Каждый из них зажимал в руке по бутылке с бензином. Орлов понял, что сейчас начнется заключительный акт разворачивающейся драмы.

Ночь с 20 на 21 августа 1991 года.

Москва. Крылатское

Оля долго не могла заснуть. Уже вторую ночь муж был там, где происходили главные события последних дней. Она не очень хорошо понимала, что же случилось на самом деле, но тревожные сообщения вчерашнего дня, следующие одно за другим, повергали ее все больше и больше в состояние уныния.

Вчера поздно вечером неожиданно позвонил Андрей. По его голосу Оля поняла, что происходит что-то ужасное. Еще никогда муж не говорил такими отрывистыми фразами и так беспристрастно. Обычно его слова, даже самые серьезные, облачались в какую-то шутливую или ироничную форму. Он мог сказать что-нибудь такое смешное, что Оля до его прихода могла несколько раз вдруг неожиданно заулыбаться. Не поняв причины этого, то Нина, то Сережка спрашивали:

— Мам, ты что смеешься?

— Да так, ничего, — говорила Оля. — Папа меня рассмешил!

— Как рассмешил? — не понимал шестилетний сын. — Ведь он же на работе!

— Да так рассмешил. Позвонил и рассмешил! — И она продолжала улыбаться своей открытой, немного детской улыбкой.

Но вчера, услышав в трубке знакомое: «Оля, это я», она не улыбалась, потому что сразу почувствовала необычайную серьезность в голосе мужа.

— Андрюша, что же ты молчал? — первое, что вырвалось у нее. — Ты где? Ты приедешь сегодня домой?

— Нет, Оль, никак не могу. У меня все нормально. Не волнуйся!

— Ты на работе?

— Да. Мотаться приходится все время. Ты же знаешь, что происходит! А как вы там? У вас-то как? Как ребята?

— Ой, Андрюшка, у нас все в порядке. С Ниной ходили в магазин... Гуляли здесь по холмам... Сережка в садике. А ты... тебе там удалось пообедать? Ты хоть не голодный? Может, заедешь домой, перекусишь? Я картошечки пожарю. А?

— Нет, Оль, не могу. Завтра, наверное...

— А тут звонят, спрашивают тебя. Я говорю: на работе и когда будет, не знаю.

— Ну ладно, Оля. Все. Не беспокойся и... прошу тебя — береги себя! Я позвоню еще...

— Андрюша...

— Извини, больше не могу говорить. Я в чужом кабинете. — И, перейдя на шепот, добавил: — Оль, слышишь меня? Я тебя очень люблю!

— Андрюша!

— Все, пока!

В трубке раздались короткие гудки. Оля еще некоторое время, задумавшись, держала в руках трубку. Потом осторожно положила ее на рычаг. «Боже мой, что же там происходит?» Разговор с мужем, хотя она теперь знала, что с ним все в порядке, нисколько не успокоил ее.

Еще девятнадцатого, через некоторое время после того, как Андрей умчался на работу, узнав про ГКЧП, она услышала с улицы совершенно непривычный звук — какой-то нарастающий гул, не похожий ни на что: ни на гром, ни на шум пролетающего где-то вдалеке самолета. Это были незнакомые нарастающие звуки, в которых улавливалось какое-то скрежетание, а затем пульсирующий рев. «Трактора, что-ли, едут или экскаваторы?» — подумала Оля, но что-то внутри сжалось в комок и замерло, распространяя по телу мелкую дрожь. Скрежетание тем временем стало отчетливым, а рев все больше и больше стал походить на форсированную работу двигателей.

«Танки! — догадалась Оля. — Это танки!»

В своей жизни она всего лишь один раз была на параде на Красной площади и тогда, еще маленькой девочкой, увидела эти грозные броневые машины. Да, пожалуй, еще увиденное в фильмах про войну — вот и все, что знала Оля про танки. Но тогда, девятнадцатого августа тысяча девятьсот девяносто первого года, она, как профессиональный военный эксперт, безошибочно определила: да, это — танки. И едут они в сторону центра Москвы. Она даже выглянула в окно. Несмотря на то, что с высоты тринадцатого этажа открывался широкий вид на территорию,

прилегающую к Северному Крылатскому, на Филевскую пойму, Нижние Мневники, Кунцево, Филевский парк, Дорогомилово, увидеть передвижение военной техники ей не удалось. Шум доносился со стороны проспекта Маршала Гречко и Кутузовского проспекта. Конечно, она не могла и знать тогда, что это были танки Второй мотострелковой Таманской дивизии, вступающие в столицу по приказу ГКЧП, которые через несколько часов заполнят практически весь центр города.

Десятилетняя Нина, симпатичная девчушка с короткой стрижкой, застенчивая, но упрямая, очень домашняя и смышленная, увидев взволнованное лицо матери, высматривающей что-то в окне, спросила:

— Мам, это что, танки едут? Танки, да, мам?

— Не знаю, Ниночка. Наверное, танки.

— А зачем они въезжают в Москву? Они ведь перепортят своими гусеницами все дороги. Да, мам?

Оля посмотрела на дочку, притянула ее к себе, прижалась щекой к ее щеке.

— Ты что, мам?

— У нас же папа там!

— Где-е? — с удивлением спросила Нина. — Он же на работе!

— Да, да! Он на работе. Все будет хорошо. Все будет хорошо, — повторяла Оля, продолжая прижимать к себе дочку, а та удивленно смотрела в мамины глаза, не понимая, почему в них вдруг заблестели слезы.

После короткого разговора с мужем, как и тогда, когда он был в прошлом году в командировке в Душанбе, Олю охватило чувство все нарастающей тревоги. Отрывистые фразы Андрея, дальний рев танковых моторов на Кутузовском проспекте, скупая и не совсем понятная ей информация из телевизора и приемника — все это казалось наступлением чего-то такого, что бесцеремонно врывается в их жизнь, ломая ее привычный ритм, безжалостно комкая надежды на будущее и вселяя в них беспокойство за судьбу детей, страны и, конечно, за свою собственную судьбу.

Андрей, с которым она шла по жизни уже более десяти лет, был для нее тем единственным человеком, с которым она чувствовала себя по-настоящему уверенно. Это чувство укреплялось у нее по мере того, как они, преодолевая торосы и льды первых лет семейной жизни, стали по-настоящему Семейей, где росли тихая и застенчивая девочка Нина и уморительно-добросердечный мальчик Сережа, где, наконец, они обрели свое собственное гнездышко — уютную трехкомнатную квартиру в самом

зеленом и, как им казалось, в самом красивом районе Москвы.

Теперь, когда Андрея уже вторую ночь не было дома и размеренный ритм жизни оказался нарушенным неожиданно ворвавшимися в нее событиями, она все больше и больше мысленно возвращалась в прошлое. Пытаясь отогнать тревогу, Оля вспоминала время, Когда изгибы судьбы неожиданно привели ее к той самой встрече, положившей начало большой и долгой любви, ставшей для нее и Андрея огнем далекого костра, по которому таежники определяют, далеко ли еще идти до ближайшей стоянки.

Как странно: то, что мы планируем, о чем мечтаем, к чему стремимся, очень часто рассыпается в прах, так и оказавшись недостижимым, вселяя чувство горечи и сожаления. Но часто мы сами того не осознаем, как жизненные случайности, встретившиеся на нашем пути, круто меняют нашу судьбу, переключая стрелку на какую-то другую линию. И мы мчимся с прежней скоростью, удаляясь от ранее намеченного пути по этим сходящимся и расходящимся рельсам Фортуны, не зная в точности, приближаемся ли к намеченной цели или удаляемся от нее. В любом случае в конце — всегда тупик, но будет ли он сразу за поворотом или за дальней горой, будет ли возможность в последний момент свернуть куда-то в сторону, не знает никто.

Так когда же это было? Когда на Олином жизненном пути появилась та самая стрелка, переключив которую, ее жизнь совершила резкий зигзаг и понеслась по новому маршруту? Может быть, в больнице, где она и познакомилась с Андреем? А может быть, чуть раньше, когда она, еще не догадываясь о смертельной опасности, подстерегающей ее, отправилась в поездку в Закавказье? Или в те дни, когда она в свои восемнадцать пережила крушение надежд и отчаяние, когда казалось, что уже не хочется ничего, а жизнь представляет собой лишь череду неудач?

— Мам, а мам! Ты о чем думаешь? — прервала Олины воспоминания дочка. Она смотрела в задумчиво-напряженное мамино лицо и не могла понять, чем она так взволнована: то ли доносящимся издали шумом танков, которые почему-то должны были угрожать их папе, то ли неведомыми ей думами о прошлом.

— Мама, а куда мы поедem в следующий отпуск? — задала неожиданный вопрос Нина.

— Да что ты, Нинуль! Пока еще рано говорить. Еще это лето не закончилось! — Оля улыбнулась. — Но обязательно куда-нибудь поедem!

— Вместе с папой?

— Конечно. Как всегда.

— А ты всегда ездила в отпуск с папой?

Оля снова улыбнулась и сказала:

— После того, как поженились, — да. А раньше, когда мы с папой еще не были знакомы, — одна.

— А куда?

— О, это была очень интересная поездка! Я первый раз в жизни поехала одна!

— А тебе сколько было лет? Ты была еще маленькой?

— Да нет же, Нинуля! Мне исполнилось двадцать лет.

— О-о-о! Ты была уже совсем большая!

Оля очень хорошо помнила ту поездку. Так же, как и сейчас, был август. Август тысяча девятьсот семьдесят седьмого года.

Путевку в международный лагерь в Закавказье Оля получила в профкоме. Несказанно обрадовавшись этому подарку судьбы, она надеялась наконец вырваться из опостылевшего ритма привычной жизни, забыть все, что стряслось с ней в последние полтора года, и окунуться во что-то совершенно новое, неизведанное, удивительное. Оля уже представляла, как первый раз в жизни полетит на самолете, да еще так далеко. Ведь до сих пор ее выезды из Москвы ограничивались отдыхом в деревне на Орловщине да посещением родственников, проживавших под Гомелем.

Взглянув мельком на путевку, она сначала не обратила внимания на требование представить по прибытии на место справку о состоянии здоровья и только потом, внимательно прочитав текст на ее обороте, узнала об этом. «Подумаешь! — решила Оля. — За пять минут получу!» Она несколько лет занималась гимнастикой, была довольно спортивной девочкой и редко болела.

К ее глубокому удивлению, врач поликлиники, темноволосая молчаливая женщина, осмотрев Олю, сказала:

— Я не могу вам выдать справку. Вам к ревматологу надо сходить. Что-то мне не нравится ваше сердце.

Оля очень удивилась и посчитала все сущим недоразумением. Но и врач-ревматолог совершенно неожиданно для нее отказалась дать справку, так же как и терапевт, сославшись на то, что ей не нравится Олино сердце. Только теперь ей предложили пройти целый ряд врачей, сдать кровь, сделать рентген и кардиограмму.

— Но у меня же завтра самолет! Что, теперь путевка должна пропасть? — Огорчению Оли не было предела.

— Сдадите эту путевку, потом другую купите, — твердо сказала

врач. — Здоровье, знаете, дороже всего.

Это, конечно, рушило все планы. В мыслях Оля уже была там, на юге. Воображение ее уже уносило к белоснежным шпилям кавказских гор, к ласковым волнам Каспия, к дурманящим запахам южных растений.

— Нет уж, если вы не дадите мне справку, я улечу без нее. Приеду — пройду врачей.

Врач безразлично пожала плечами.

Уже на следующий день Оля была в Ереване. С темно-темно-синеньким чемоданчиком, специально купленным для поездки, она добралась до международного лагеря, расположенного в пригороде армянской столицы. Как и следовало ожидать, о справке ее никто не спрашивал и Оля с первого же дня погрузилась в жизнь отдыхающего, полную неторопливого блаженства, ненавязчивых впечатлений и умиротворения.

Это было как раз то, что нужно: веселая кампания из четырех молодых женщин в отдельном бунгало; прохладная чайхана, где на стенах играли разноцветные солнечные зайчики, где можно было сидеть прямо на полу, на маленьких красных подушечках, и попивать душистый зеленый чай; глиняный кувшин с холодным кумысом, появляющийся каждое утро на столе в столовой; веселые и совершенно не похожие на наши танцы в компании прибывших на отдых представителей стран народной демократии — немцев и чехов; и даже концерт художественной самодеятельности, в котором Оля отважилась исполнить песню про то, как «собирала на разбой бабушка пирата», за что получила впоследствии книгу с благодарственной надписью.

Возвращение в Москву означало для Оли возврат прошлых тревог, сомнений и переживаний. Сначала надо было сделать то, что она отложила перед самым отъездом, — пройти медицинское обследование. И началось: больничная палата, консилиумы врачей, которые, поглядывая на нее, переговаривались между собой на смеси профессионального жаргона с латинскими терминами, впервые в жизни сделанная электрокардиограмма.

Заключение врачей было беспощадным:

— У вас порок сердца. Классический стеноз митрального клапана. Это определяется даже на слух.

Сначала Оля даже не поняла всей степени серьезности врачебного приговора и только осмыслив все, испугалась. По сути дела, ей говорили, что она безнадежно больна. А это означало в довершение всех злоключений, связанных с неудавшимся замужеством, что на завтрашнем дне может быть поставлен жирный крест. Нельзя сказать, что она опустила

руки, раскисла, но все же всерьез стала задумываться о будущем, которое теперь не казалось ей таким светлым, как раньше.

Оле стали сниться странные, даже страшные сны. Они были похожи один на другой и, хотя в них возникали разные картины, сюжет был один — похороны. Собственные похороны. Как будто, наблюдая со стороны, она видела, как вереница родственников тянется за гробом, как раздаются рыдания и под звуки духового оркестра гроб начинают опускать в яму. И вот она, уже ощущая саму себя лежащей в гробу, слышит удары падающих комьев земли, чувствует, что задыхается в тесном, замкнутом пространстве. Ею овладевает ужас. Она кричит, взывает о помощи, пытается приподнять крышку, но не может. Расцарапывая руки в кровь и обламывая ногти, она скребет пальцами о дерево, но никто не приходит ей на помощь. Воздуха становится все меньше и меньше. Дышать нечем. Мрак. Жуть. Страх. И тут она просыпается, с лихорадочно колотящимся сердцем и заплаканными глазами. А в следующую ночь повторяется все снова и снова.

От кошмарных воспоминаний Оле стало не по себе. Она поднялась со стула, поставила на плиту чайник. Нина начала накрывать на стол. Она любила расставлять посуду, стараясь делать все «как мама» — аккуратно и тщательно.

А Оля тем временем прошла в спальню, достала из тумбочки незамысловатую деревянную шкатулку, в которой лежали ее «драгоценности»: бусы, серьги, какая-то бижутерия и всякие безделушки, дорогие ей как память. Она сама не отдавала себе отчет, зачем открыла шкатулку и что хотела в ней найти. Какое-то неосознанное желание двигало ей в тот момент. Порывшись немного, она достала с самого низа миниатюрную вещицу, подержала ее на ладони, внимательно рассматривая, как будто видела впервые, потом кликнула дочку.

— Ой, что это? — Нина с удивлением смотрела на микроскопическое пластмассовое создание, лежащее на Олиной ладони. — Мышонок? Мам, а откуда он у тебя? Это твой, да?

Мышонок действительно был очень странным. Сам красненький, а голова и огромные уши — светло-зеленые. Одетый в аккуратный брючный костюмчик, растопыренные пальцы обеих рук он прижимал к животу, а на его щекастой мордочке с черными бусинками глаз сияла широкая улыбка.

— Мне этого мышонка подарил папа, когда мы с ним только познакомились.

Оля очень отчетливо помнила тот день, когда симпатичный парень с копной длинных темных волос, протягивая Оле миниатюрную игрушку, сказал:

— Это вам на счастье. Я привез его в прошлом году из ГДР. Смешной, правда?

Оля улыбнулась, положила мышонка на ладошку, слегка погладила его пальцем и только потом сказала:

— Смешной. — И, подняв глаза на Андрея, добавила: — Спасибо. Он... он очень хорошенький.

Этот парень появлялся в их палате почти каждый день. Здесь лежала его мама, Нина Васильевна — миловидная женщина лет пятидесяти, страдающая каким-то тяжелым заболеванием. Иногда Нина Васильевна просила ее проводить в коридор, и Оля с готовностью делала это.

В однообразии больничных будней Оля сама не заметила, как стала обращать особое внимание на то, кто приходит к Нине Васильевне, о чем она рассказывает, как общается со своим сыном. Оля узнала, что этого длинноволосого парня зовут Андреем, что ему уже двадцать шесть лет, что он работает в университете и одновременно учится в заочной аспирантуре. От нее не укрылось также и то, что Андрей время от времени как-то необычно поглядывал в ее сторону, явно проявляя к ней неподдельный интерес.

«Похоже, что мальчик в меня влюбился», — поймав на себе как-то внимательный взгляд Андрея, подумала Оля и, может быть, впервые за многие месяцы ощутила то сладостное чувство собственного превосходства, которое приходит к женщине, когда она видит влюбленного в нее мужчину. Еще совершенно не зная этого парня, она интуитивно почувствовала, что с его появлением в ее привычную жизнь входит нечто доселе ей неизвестное и неожиданное. Впрочем, откуда ей было знать, что эта встреча в больнице станет началом большой и долгой любви.

Оля прислушалась. Гул танковых моторов уже давно утих. Наступила ночь. Она казалась продолжением этого необычно дождливого и сумрачного дня, заполненного тревожным ожиданием. Весь день стояла переменчивая погода — то шел дождь, то грязно-серые тучи, заволакивающие небо, начинали лениво расползаться, открывая солнечным лучам рваные дыры в небосводе. И вот теперь черная мгла окутала все вокруг.

Дети давно спали. Но на душе у Оли было беспокойно. Муж находился где-то там, в центре Москвы, где происходили совершенно непонятные для нее события, там, куда несколько часов назад шли колонны танков.

Оля погасила свет, подошла к окну. Отсюда, с высоты тринадцатого этажа, была видна почти вся столица, усеянная тысячами огней: еле

угадывающиеся контуры высоток, красные огоньки на трубах и мерцающие точки окон, за каждым из которых своя жизнь, свои заботы и свои сомнения. Где-то там, посередине, блестели огоньками окна Белого дома, и может быть, за одним из них — ее муж.

Но что это? Или ей показалось? Нет! В самом центре столицы блеснули какие-то всполохи. Затем небо прочертил яркий тонкий пунктир, потом еще один, в разных местах в небо взвились огоньки сигнальных ракет. «Что это?» — с тревогой подумала Оля. — «Похоже на салют. Только маленький. По какому же это случаю?»

Ночь с 20 на 21 августа 1991 года.

Москва. Садовое кольцо. Подземный туннель

Тем временем в подземном туннеле разыгрывалась последняя сцена ночной драмы, превращающейся в трагедию.

После того как несколько боевых машин пехоты оказались запертыми в тесной ловушке, опьяненная удачей толпа ринулась на них, пытаясь окончательно парализовать их движение. Под улюлюканье и ободряющие крики на машину с бортовым номером «536» вскарабкались два парня. Сначала они попытались закрыть ее смотровые щели, отцепив и раскатав брезентовый чехол. Один довольно проворно орудовал в передней части БМП, а другой — сзади. Несмотря на то, что механик-водитель бросал машину то вперед, то назад, этим парням, по-видимому, все-таки удалось заслонить обзор и машина «ослепла».

Можно только предполагать, какой страх испытывал экипаж бронемашины — молодые ребята, солдаты срочной службы, оказавшиеся в западне, окруженные беснующейся толпой, готовой растерзать «врагов демократии», «прислужников тоталитарного режима». Еще утром им сказали, что они будут выполнять задачу по защите населения столицы от возможных выступлений преступных группировок и бандформирований, чтобы предотвратить возможные грабежи учреждений и магазинов. При этом командиры предупредили мотострелков строго-настрого, что оружие они могут применять только в ответ на применение оружия. А тут! Крики, ругань, град камней, стучащих по броне, десятки фигур, тени которых мелькали в узких прорезях смотровых щелей. А потом — полная «слепота»!

Андрей видел, как беспомощно завертелась на месте БМП, как торжествующе взметнул вверх руку один из парней.

— Остановили гадов! — прокричал кто-то в толпе.

К машине сразу бросилось несколько человек, собираясь, видимо тоже взобраться на поверженного гиганта. Но тут мотор БМП взревел, она дернулась и, обдавая окружающих клубами выхлопного газа, резко рванула назад. Те, кто было уже приблизился к машине, бросились врассыпную. БМП, делая маневр, вдруг на всем ходу врезалась в одну из опорных колонн туннеля. Раздался скрежет металла о камень и надрывный вой дизельного мотора.

Сильный удар буквально сбросил парней с машины. Было слышно, как один из них в последний момент крикнул своему товарищу:

— Димок! Прыгай!

Но тот уже летел по крутой траектории вниз, пытаясь зацепиться руками за выступы на броне.

От удара о колонну неожиданно распахнулся один из десантных люков, расположенных в задней части машины. В него, не долго думая, и впрыгнул парень, которого называли Димком. Трудно сказать, что произошло в считанные секунды, пока этот парень находился внутри БМП, — Андрей этого просто не видел, — но через мгновение юноша буквально вывалился из люка и, опрокинувшись навзничь, ударился головой о мостовую. В слабом отблеске фонарей и мельканье света фар было видно, как вокруг тела стала быстро появляться темно-бордовая лужа.

— Убили! Убили, гады! — раздались крики с разных сторон.

— Сволочи! Людей давят! — заголосил какой-то мужчина.

— Жги фашистов! — Именно этот пронзительный вопль вывел толпу из оцепенения, которое охватило ее при виде первого трупа.

Из толпы к бронемашине ринулись снова несколько человек. У большинства из них в руках были металлические трубы и прутья. Среди рева моторов и криков людей отчетливо прозвучали выстрелы. Было похоже на то, что стреляют непосредственно из десантного отсека БМП. Сразу несколько человек вскрикнули от боли, а один, неловко подпрыгнув, повалился наземь. Мечущиеся под выстрелами фигуры нападавших стали припадать к земле, прятаться за колоннами.

— Убивают! — истошно завопил кто-то.

Завидев кровь и два бездыханных тела на мостовой, толпа заревела с новой силой. Как будто на трибунах римского Колизея сотни людей в безумном остервенении призывали к тому, чтобы гладиаторский бой закончился непременно уничтожением загнанного в ловушку противника. В хаотично маневрирующую в тесном подземелье бронемашину снова полетели камни, кирпичи, металлические трубы.

СООБЩЕНИЕ: «В районе баррикады, сооруженной со стороны Смоленской площади, раздаются одиночные выстрелы. Пикетчикам удалось накрыть у одной боевой машины десанта (БМД) смотровые щели брезентом, что вынудило ее отступить в тоннель под Новым Арбатом. Корреспонденты подошли к оцеплению, одного из них отозвал майор из 27-й бригады, не назвавший своей фамилии, и заявил корреспондентам РИА,^[125] что сегодня ночью будет предпринят штурм Дома Советов РСФСР. На это выделены 30 танков и до 40 БТР, в операции примет участие около тысячи человек. Сейчас вооруженные колонны движутся со стороны Ленинского проспекта и из Теплого Стана.

Там же несколько минут назад выстрелом в упор убит молодой человек, попытавшийся открыть люк БМД. Его труп волочится задвигающимся БМД. Среди участников кордонов многие получили ушибы и травмы, есть раненые.

По сообщениям очевидцев, пламенем объаты перегораживающие Новый Арбат троллейбусы. Бронетранспортеры продолжают расчищать себе дорогу к Дому Советов РСФСР. Участники обороны Дома Советов РСФСР обращаются к гражданам России, москвичам: «ВСЕ К БЕЛОМУ ДОМУ!»

(Российское информационное агентство. 21 августа 1991 года. 00.31. Москва).

Орлов, находившийся в непосредственной близости от того места, где происходила эта дикая сцена, в оцеплении смотрел на разворачивающиеся события. Остановить их было не в его силах, и единственное, что он мог делать, — это смотреть, преодолевая желание покинуть становящееся смертельно опасным место.

«Где же милиция? Где? Ну кто-то ведь должен остановить это побоище?!» — проносилось у него в голове.

Рядом возникла какая-то суета. Орлова грубо оттолкнули от парапета: — Пусти, мужик! Сейчас мы дадим этим сукам прикурить!

Это был тот самый «инструктор», который поучал мальчишек, как обходиться с бутылками, наполненными бензином. Теперь он пробирался сквозь толпу, облепившую парапет, неся в руке рюкзак. С ним было по меньшей мере трое из той компании, которая чуть не избивала Орлова,

обозвав его «ментом». Теперь им было уже не до Андрея. Их полностью захватила картина происходящего в туннеле. Это было видно по их горевшим от «боевого» азарта глазам и кривым улыбкам, которые появляются на лицах людей, дождавшихся наконец своего часа.

Механик-водитель боевой машины пехоты тем временем пытался вырваться из подземного туннеля, но, не имея обзора, хаотически дергал неуправляемую машину из стороны в сторону. В какой-то момент БМП приблизилась к распростертому на мостовой телу парня, сраженного пулей из десантного люка, и, неловко повернув, наехала на него гусеницей. Из под траков полетели кровавые брызги, страшные ошметки, стали сочиться ручейки крови. Призрачный свет туннеля придавал этому зрелищу еще более ужасный оттенок. Кровь теперь уже не казалась красной. Она была черной, с бордовым отливом. Тягучая, как смола, жидкость, еще несколько минут назад наполнявшая тело живого человека, теперь смешивалась с устилающим проезжую часть мусором, камнями, палками, размазывалась гусеницами по мостовой.

— Жги их! — крикнул «инструктор» и метнул в БМП бутылку с бензином. Она пролетела по кривой траектории, угодила прямо в башню, разлетелась на мелкие осколки. Наполнявшая ее жидкость тут же воспламенилась.

«Это не бензин! — промелькнуло в голове у Орлова. — Бензин так сразу загореться не может. Это — зажигательная смесь!»

Сразу за первой бутылкой в машину полетели другие. Они разбивались о корпус БМП, озаряя новыми вспышками все вокруг.

— У-у-у! — заревела одобрительно толпа.

— Жги их живьем! — пронзительно визжала женщина.

— Всех, всех сжечь! — призывал голос с другой стороны туннеля.

— Боже праведный, спаси и сохрани! — причитала старушка, невесть как оказавшаяся в толпе рядом с Андреем.

— Идиоты, что вы делаете! Они же начнут сейчас стрелять! — завопил мужчина. — Разбегайтесь скорее!

Толпа действительно стала понемногу редеть. Некоторые люди, понимая, что дело принимает нешуточный оборот, отходили подальше, прижимаясь к стенам домов, заскакивая в подъезды, разбегаясь по окружающим дворам. Но таких было меньшинство. Толпа, опьяненная картиной кровавого побоища и факелом горящей бронемашины, одурманенная алкоголем и еще бог весть чем, продолжала созерцать апофеоз трагедии, развернувшейся в подземном туннеле.

Внизу, вокруг заблокированных бронемашин, продолжали бесноваться

самые оголтелые. С торжествующими воплями они окружили горящую машину, которая на глазах у всех стала превращаться в огромный костер. Это чем-то напоминало ритуальную пляску первобытного африканского племени, которое захватило своих врагов и теперь предает их огню.

Подземный туннель стало затягивать удушливым дымом, раздался крик:

— Разбегайся, сейчас взорвется боезапас!

В это время приоткрылась крышка верхнего люка БМП и из него показалась одетая в танковый шлем голова механика-водителя. Тут же в него полетел новый град камней, а находившийся поблизости парень в синей куртке что есть силы ударил по крышке длинным металлическим штырем, пытаясь, видно, попасть солдату в голову. Но удар был неточным и не достиг своей цели, наверное потому, что парень побаивался подойти совсем близко к горящей машине.

Механик-водитель с детским лицом, искаженным гримасой ужаса, под крики толпы стал выбираться из горящей БМП. Он понимал, что оставаться в машине уже нельзя, так как огонь грозил проникнуть внутрь и тогда... Что было бы тогда, экипаж понимал только чисто теоретически. На занятиях мотострелков, конечно, учили бороться с огнем, покидать машину в случае, если она будет подбита противником. Но это были какие-то не настоящие, «придуманные» занятия. Горящие танки и боевые машины — это было так далеко для них. Только из фильмов о Великой Отечественной да из рассказов об «афганской войне» они представляли, что должен делать экипаж горящего танка. Теперь же, совершенно неожиданно для себя, солдаты Таманской дивизии оказались в боевой обстановке. Когда им надо было покидать охваченную огнем машину. Не на поле боя, даже не на учениях, а среди высоких домов со светящимися окнами и яркими рекламами — в самом центре столицы горел их БМП, а вокруг был враг, готовый растерзать их, разорвать в клочья, превратить в кровавое месиво.

— Не давайте им вылезать! Пусть сгорят в броневике! — кричал кто-то из толпы.

Все это походило на страшный сон, на дикую фантаσμαгорию, не имеющую ничего общего с реальностью. Люди вели себя так, словно совершенно потеряли человеческий облик. Азарт, кураж, безумие — все это заслонило нормальные чувства, помutilо рассудок, превратило человека в страшного зверя, обуреваемого низменными инстинктами.

Механик-водитель все-таки смог отбросить люк и, опираясь на его края, вылезти на броню. Теперь было хорошо видно его испуганное, блестящее от пота лицо с восточными чертами. Он вертел головой по

сторонам, пытаясь, наверное, определить наилучший путь к спасению. В руке он сжимал автомат.

Еще мгновение — и он, по всей вероятности, успел бы спрыгнуть на землю. Но тут из-за колонны к БМП подскочил какой-то малый с ведром и выплеснул его содержимое на механика-водителя.

— Правильно! Сожги этого чурку живьем! — одобрительно закричал кто-то в толпе.

Солдат с ужасом схватился руками за лицо, за намокший комбинезон, инстинктивно пытаясь стряхнуть с себя горючую жидкость, но не успел. В ту же секунду он вспыхнул, как факел.

В толпе раздался свист, крики, возгласы одобрения.

— Что вы делаете, ироды! — кричала какая-то женщина. — Он же не виноват!

— Помогите человеку! — призывал голос с противоположной стороны туннеля.

Охваченный пламенем механик-водитель вертелся как волчок, размахивая руками и пытаясь сбить пламя. Через мгновение рядом с ним оказались другие члены экипажа, которые, по-видимому, выбрались наружу через десантный люк. Один из них стягивал с механика-водителя горящую одежду, а другой, наставив автомат на окружающую БМП толпу, дико кричал:

— Не подходи! Стрелять буду!

Еще минуту назад беснующаяся, толпа на миг отступила, понимая, что солдат в любой момент может привести угрозу в действие. В сторону экипажа, занявшего круговую оборону рядом с горящей БМП, лишь по-прежнему летели камни и палки. Но между ним и окружающими его людьми сохранялась дистанция, которая позволила наконец солдатам потушить огонь на комбинезоне своего товарища и начать отступать в сторону другой боевой машины. Подхватив под руки стонущего механика-водителя, по-видимому получившего серьезные ожоги, они, держа автоматы на изготовку, удалялись от охваченной огнем БМП. Время от времени солдаты делали предупредительные выстрелы в воздух, давая понять толпе, что не остановятся ни перед чем.

Когда экипаж уже приблизился к другой БМП и собирался взобраться в приоткрывшийся десантный люк, в его сторону снова полетел град камней. Один из нападавших, сделав выпад вперед, бросил в солдат увесистый камень и поднял над головой руки, сжатые в кулаки, но тут же, сраженный выстрелом, ойкнув, рухнул на мостовую.

Трудно сказать, то ли очередная смерть отрезвила толпу, то ли кураж

ее стал иссякать по мере того, как схватка превратилась в кровавое побоище, но после этого выстрела обстановка стала постепенно разряжаться. И хотя продолжала еще полыхать БМП с бортовым номером «536», бой прекратился. Кое-кто из молодежи продолжал швырять вниз камни, но они не причиняли никому вреда. Бутылки с бензином и зажигательной смесью, видимо, иссякли, и бросать в другие машины было уже нечего.

Только тут Орлов увидел, что пламенем охвачены два троллейбуса из баррикады, которая перегораживала выезд из туннеля. Он так был потрясен событиями, разворачивающимися около заблокированных БМП, что не заметил даже, кто и как поджег эти троллейбусы. Одно было ясно — бутылки с горючей смесью и канистры с бензином не могла случайно оказаться в толпе. Их надо было найти, привезти, раздать.

Где-то вдали прозвучала сирена, потом в ночи замелькали вспышки синеватых маячков. За первой машиной показалась вторая, затем третья. К подземному туннелю стали стягиваться кареты скорой помощи и милицейские машины. Через некоторое время появились и пожарные. Толпа стала быстро расходиться. Кому охота попасть в число подозреваемых в массовых беспорядках или даже в число очевидцев!

Как ветром сдуло полупьяных парней, бросавших бутылки в боевые машины пехоты, не было видно нигде «инструктора», дававшего наставления о том, как правильно бросать зажигательные средства, куда-то пропали иностранные корреспонденты. Однако средства массовой информации не поскупились на извращенное изложение происходивших в подземном туннеле кровавых событий, всячески пытаясь убедить читателей в том, что военные ответственны за гибель людей.

СТАТЬЯ: «536-й БТР-УБИЙЦА.

В редакцию газеты «Россия» поступило сообщение от свидетельницы трагедии, случившейся на Садовом кольце.

Из шести БТР, двигавшихся со стороны станции метро «Парк культуры», наиболее активной была 536-я машина. Трое мужчин прыгнули на БТР, чтобы переговорить с экипажем и попытаться остановить его. Но БТР продолжал двигаться под мост. Когда бронетранспортер выехал из-под моста, оказалось, что брезент стащен с машины и тело одного из мужчин торчит из десантного люка БТР и его мнут гусеницы. С парашюта бросился мужчина, чтобы вытащить погибшего из люка. Из БТР раздался выстрел, и второй человек погиб. Этот же БТР тяжело ранил

третьего. Есть и четвертый пострадавший. 536-й стрелял боевыми зарядами по окнам жилого дома на Садовой и по людям, стоящим на тротуаре. Люди легли на тротуар, бросились бежать к подъезду ресторана «Арбат». С парашютов в БТР было брошено пять бутылок с зажигательной смесью. Экипаж БТР-убийцы пересел в соседний бронетранспортер»

(«Россия», экстренный выпуск. 21 августа 1991 года).

СООБЩЕНИЕ: «По сообщениям корреспондентов РИА с места событий, первая атака на «Белый дом» отбита. Армейские БТРы, не сумев преодолеть заграждения из троллейбусов, отошли к Новому Арбату. В районе американского посольства убито двое из защитников российского парламента, несколько человек ранено. В районе Дома Советов России военной техники пока не видно.

В то же время получена информация, что группа военных, поддержанная тапками, штурмует здание Моссовета. Достоверной информации о жертвах и разрушениях нет»

(Российское информационное агентство. 21 августа 1991 года. 01.31. Москва).

Читатель сам может оценить степень достоверности подобных свидетельств, в которых не только перепутано место происходивших событий, но и содержится информация, не соответствующая реальным обстоятельствам. Как известно, никакой атаки — ни первой, ни второй — на Дом Советов не было, как не было и штурма Моссовета. Наступало время тотального обмана и широкомасштабного вранья.

Всполохи пламени от горящих троллейбусов и подожженной БМП озаряли стены прилегающих домов, играя бликами на желтом фасаде стоящего рядом дома с колоннами и резным карнизом, отражаясь в многочисленных стеклах новоарбатской высотки, поблескивая на сферической поверхности глобуса с рекламой «Аэрофлота». Неестественность, нереальность этой картины потрясала, создавала ощущение чего-то фантастического, наполненного зловещим предзнаменованием.

У Орлова в памяти вдруг всплыли картины, которые рисовало его воображение в далеком детстве, когда он читал роман Герберта Уэлса

«Война миров». Его еще тогда поразило описание покинутого людьми, объятых пламенем города и страшных гигантских чудовищ, которые двигались по нему, повергая во прах все, что встречалось на их пути. Внизу, в туннеле, горела бронемашина. Рядом полыхали, разбрасывая снопы искр, троллейбусы. Но они не походили на страшных пришельцев, спустившихся на землю, чтобы погубить цивилизацию. Они сами были жертвами безумной вакханалии, развязанной теми, для кого честь и достоинство великой страны — пустой звук, а жизнь конкретного человека — так, сущая безделица.

СООБЩЕНИЕ: «В районе тоннеля под Новым Арбатом сожжен один БТР. Цепи обороняющихся постоянно совершают маневры, которые вызваны поступающей информацией о передвижениях войск путчистов.

С Кутузовского проспекта в 2.30 вернулись рокеры на мотоциклах, которые сообщили, что никаких войск на проспекте нет.

Среди защитников здания парламента циркулируют слухи о том, что на подмосковном аэродроме в Кубинке высадилась и в настоящее время движется в Москву Псковская дивизия ВДВ^[126]. Никаких подтверждений достоверности этих слухов получить не удалось»

(Российское информационное агентство. 21 августа 1991 года. 03.01. Москва).

СООБЩЕНИЕ: «В последний час. Центральное радио и телевидение, контролируемое войсками ГКЧП, распространяют клеветнические слухи о якобы имевших место провокациях и экстремистских действиях со стороны защитников Белого дома. Не верьте этой бесстыдной клевете!

Сегодня ночью в результате действий одной из боевых машин погибли пятеро наших сограждан. Кровь пролилась! Ответственность за эту и всю последующую кровь ложится на хунту и взбесившуюся военщину»

(«Россия», экстренный выпуск. 21 августа 1991 года).

ДОКУМЕНТ: «Попытки выхода в район здания Дома

Советов РСФСР были предприняты к исходу 20 августа с юго-восточного направления, в районе пересечения Садового кольца с проспектом Калинина колонной БМП-2. В 00 часов 5 минут пулеметный огонь и таран заслона, составленного из троллейбусов, встретили сопротивление обороняющихся, не применявших оружие, а пассивные средства защиты. В результате потери со стороны формирований конституционных сил России составили трое убитых и четверо раненых. Активные боевые действия велись войсками КГБ СССР...

Полученные сведения позволили сделать вывод о реальной угрозе штурма с целью захвата здания Дома Советов РСФСР в ночь с 20 на 21 августа частями и подразделениями КГБ СССР... Реальная угроза повторения штурма сохранялась до 6 часов утра...»

(«Анализ действий сил обороны здания Дома Советов РСФСР...». Штаб обороны. Август 1991 года).

СООБЩЕНИЕ: «Военный комендант Москвы генерал-лейтенант Смирнов выразил в интервью корреспонденту РИА глубокое сожаление в связи с имеющимися жертвами. Он заявил, что слухи о штурме Белого дома — «грубый вымысел, граничащий с провокацией». По мнению Смирнова, среди военного руководства нет людей, которые могут отдать приказ о штурме, так как это повлечет за собой пролитие крови. Он также добавил, что войска не будут пытаться захватить Белый дом ни завтра, ни послезавтра.

Генерал-лейтенант Смирнов назвал безосновательными слухи о высадке десанта в районе Кубинки и назвал провокацией информацию о наступлении Кантемировской дивизии по Кутузовскому проспекту»

(Российское информационное агентство. 21 августа 1991 года. 04.20. Москва).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Поднялась всеобщая истерия. Не может сильное напряжение не привести к какому-то чрезвычайному происшествию... Самые экзальтированные готовы были ложиться под танки. Вина за кровопролитие в

туннеле на Садовом кольце лежит на тех, кто ввел в Москву танки»

(В.В. Иваненко, Председатель КГБ России).

После того, как тела погибших увезли, на мостовой в подземном туннеле, освещенном отблесками пламени, тусклым светом фонарей и автомобильных фар, среди мусора и грязи осталось несколько растекшихся бурых пятен — смеси крови, бензина и машинного масла.

21 августа 1991 года, утро.

Москва. Центр.

Весь следующий день Орлов был как сомнамбула. Начали сказываться обе бессонные ночи, наполненные напряженной работой, тревожными ожиданиями и смутными надеждами, потрясениями от увиденного и ощущением собственной беспомощности, когда ты все понимаешь, оцениваешь, но никак не можешь повлиять на ход событий и плывешь, плывешь по течению, не зная, куда тебя вынесет через день, через час, а может быть, через минуту.

Он снова «курсировал» между Белым домом и зданием КГБ, выполнял поручения Иваненко, который сам валился с ног от усталости и перенапряжения. Орлов куда-то звонил, с кем-то договаривался о встрече, разыскивал каких-то людей. То срочно требовалось найти Шахназарова^[127] — помощника Горбачева, то встречаться с вице-мэром, председателем правительства Москвы.

В зданиях КГБ была та же напряженная обстановка, что и в предыдущие дни, но по всему чувствовалось, что события приобретают вполне определенный оборот — ГКЧП приближался к своему краху, и это чувствовалось во всем: в настроении людей, в интенсивности телефонных звонков, в какой-то всеобщей вялости, охватившей большинство сотрудников. По большому счету не ввязываясь в события, они тем не менее оказывались заложниками всего происходящего, и им еще предстояло испытать горькую чашу унижений и собственной беспомощности.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Я первый почувствовал, что ничего у них с этим путчем не получится. Я очень быстро понял, что эта авантюра за три дня кончится. Я почувствовал их

неуверенность. Потому что так путчи не делаются! Это — следствие непродуманности, недоделанности... действий путчистов. Танки ввели — думали, что напугают. А никто не испугался. И они не знают, чего делать. Нам даже повезло, что Крючков оказался нерешительным, но порядочным человеком. Он не взял на себя ответственность за кровопролитие...»

(В. В. Иваненко, Председатель КГБ России).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «ГКЧП сумел достигнуть за трехдневную деятельность только одного — сорвать намеченное подписание несколькими республиками нового Союзного договора, что стало катализатором последовавшего распада СССР... Начальники управлений не могли понять, что происходит и как поступать в этой ситуации сотрудникам КГБ. Все сидели и ждали. А время работало против ГКЧП.

Наверное, это самая откровенная оценка бездействия руководства КГБ СССР, бездарно втянувшего органы безопасности страны в политическую авантюру...»

(Н.М. Голушко, Председатель КГБ Украины. «В спецслужбах трех государств». Москва, 2009 год).

Еще ночью решением министра обороны был начат вывод из столицы войск, которые не смогли ни обеспечить поддержание порядка на улицах и площадях Москвы, ни уж тем более повлиять на сам ход событий. Столкновение в подземном туннеле на Калининском проспекте, которое привело к гибели людей, показало, что силой остановить стихийный процесс выступления больших масс народа против ГКЧП уже не удастся. Нужны были какие-то мало-мальски продуманные действия, чтобы не допустить дальнейшего сползания ситуации к массовым беспорядкам. Но ни гэкачеписты, ни их сторонники, очевидно, не обладали необходимыми средствами. Да и слабость их позиций была налицо — они выступали против хотя и всем надоевшего, но законно избранного Президента СССР; они посягали на исключительно популярного в самых широких слоях населения Президента России; они, наконец, продемонстрировали всем, что не способны на сколько-нибудь решительные действия.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «События в дни ГКЧП

носили характер «столичного переворота»... У нас в республике народ жил своими заботами, обычной жизнью, сотрудники органов безопасности продолжали выполнять служебные обязанности в зависимости от местных условий и проявлений... В столице на центральных площадях возникали стихийные митинги, с трудом удавалось избежать применения крайних мер. Нашими сотрудниками были получены достоверные данные об угрозах со стороны конкретных лиц «жечь танки», если путчисты осмелятся вывести их на улицы Киева»

(Н.М. Голушко, Председатель КГБ Украины. «В спецслужбах трех государств». Москва, 2009 год).

Те, кого традиционно называли главным противником СССР, торжествовали. Гигантская страна, вселявшая трепет и страх, со спецслужбами которой безуспешно тягались ЦРУ, БНД^[128] и Моссад,^[129] которую один из американских президентов назвал «империей зла», погружалась в хаос и непредсказуемость развития событий.

ИНФОРМАЦИЯ: «В среду мы пришли к выводу, что переворот встретился с серьезными трудностями и, вполне вероятно, может окончиться провалом. Этот анализ был доставлен заместителем советника по национальной безопасности Робертом Гейтсом президенту Бушу... В основу оценки ЦРУ были положены данные, говорившие о том, что заговорщики не контролировали положение. Не было традиционных признаков такого рода — массовых арестов, отключения связи... В конце дня президент США заявил по национальному телевидению, что перевороты иногда кончаются провалом...»

(М. Бирден, руководитель отдела ЦРУ США. «Главный противник». Москва, 2004 год).

Утром в кабинете начальника Отела правительственной связи КГБ России Бабусенко раздался звонок. Это был Беда — начальник Управления правительственной связи КГБ СССР. Он спросил:

— Что надо сделать?

— Боюсь, Анатолий Григорьевич, что уже слишком поздно!

21 августа 1991 года, утро.

Москва. Краснопресненская набережная.

Дом Советов РСФСР. Кабинет № 5–124

Утром Орлов застал кабинет Бурбулиса совершенно пустым. По-видимому, утомившись за ночь, в ходе которой так и не произошло ожидаемого штурма Дома Советов, большинство организаторов «беломо-домовской обороны» разошлось по зданию и использовало возникшую передышку для накопления сил.

— Андрей, ты пока посиди на телефонах, а я посплю пару часов, — попросил Орлова Иваненко. — А то я уже третьи сутки на ногах. Если что — разбуди.

И он ушел в комнату отдыха, где пристроился на маленьком диванчике, стоящем рядом с журнальным столиком.

Андрей некоторое время сидел за широким письменным столом госсекретаря, рассматривая «свежеиспеченные» Указы Президента России, но через некоторое время почувствовал, что сам уже не контролирует себя: глаза у него слипались, голова налилась такой тяжестью, что, казалось, ее уже невозможно удержать на плечах. Навалившаяся усталость и напряжение последней ночи давали о себе знать. Незаметно для самого себя он погрузился в вязкий, тревожный сон.

Собственно говоря, это даже нельзя было назвать сном. Это было скорее забытие, сквозь которое нахлынули кошмарные видения последних суток: горящие троллейбусы в подземном туннеле, дикие вопли распаленной толпы, окровавленные трупы на мостовой, казаки, размахивающие шашками, брокеры, несущие российский флаг, бомжи, вырывающие друг у друга бутылку водки... Сквозь сон Орлов слышал, как какие-то люди входили и выходили из кабинета, с удивлением смотрел на Бурбулиса, показавшегося в дверях комнаты отдыха в одних трусах, а спустя некоторое время уже одетым в строгий костюм.

Сквозь забытие Андрей слышал, как началась трансляция заседания чрезвычайной сессии Верховного Совета России, проходившего тут же, в Белом доме. Откуда-то издалека до его сознания доносились голоса: назидательно-визгливый — Хасбулатова, уверенный и резкий — Ельцина, отрывистый и грубый — Бакатина. Но проснулся Андрей только тогда, когда в динамике послышалось настойчивое требование найти кого-то. Сначала Андрей даже не среагировал на него, но потом до его сознания

дошло: кто-то требовал немедленно найти Иваненко.

— Где Иваненко? Почему его нет? — все громче звучал голос, в котором Орлов узнал характерный акцент Хасбулатова. — Где он? Найдите его немедленно!

Видно, кто-то из зала ответил Руслану Имрановичу, что Иваненко, свалившийся от усталости, спит в кабинете Бурбулиса. Это вызвало еще большую волну негодования Председателя Верховного Совета:

— Что-о? Спит?! Нашел время! Разбудить немедленно. Пусть идет сюда и объяснит! Спит! И так все проспали!

Андрей, не зная сути, но понимая, что обсуждение на сессии приобретает серьезный оборот для его шефа, бросился в комнату отдыха и стал теребить Иваненко, который, казалось, уснул мертвецким сном. С минуту он безуспешно тряс его за плечо, прежде чем дождался от него ответной реакции.

— Виктор Валентинович! Виктор Валентинович! Хасбулатов вас спрашивает...

— Да шел бы он!

— Ищут вас! Говорят, надо вам срочно на сессию! — не отступал Орлов.

— Ладно, Андрей, встаю. Иди.

Через несколько минут Иваненко появился в дверях комнаты отдыха, уже побритый и аккуратно причесанный, с посвежевшим лицом. И все же скрыть недовольную гримасу ему еще не удавалось.

Потом события стали развиваться так быстро, что угнаться за ними было просто невозможно. Около двух дня Ельцин сообщил о том, что члены ГКЧП «отправляются в сторону аэропорта Внуково», это было встречено на сессии бурной овацией. Кто-то считал, что гэкачеписты попытаются поспешно скрыться, может быть даже за границу, кто-то уверял, что они отправляются в Крым, чтобы еще раз уговорить Горбачева поддержать их. Сессия единогласно приняла решение о задержании и аресте в аэропорту членов ГКЧП как государственных преступников, но они успели вылететь в Крым. Вслед за ними около пяти часов вечера туда отправились по поручению Ельцина вице-президент Руцкой, председатель Совмина Силаев, Бакатин, Примаков. В те дни мало кто представлял, что на самом деле происходило в высших эшелонах власти. Но главное понимали уже все: переворот провалился, а его организаторов, скорее всего, ждет суровая расплата. А как распорядятся своей победой победители, стало ясно буквально в ближайшие дни.

22 августа 1991 года, день.

Москва. Теплый стан

Олег Кузин провел дома несколько дней, не показываясь на работе и даже не выходя на улицу. После мимолетного разговора с Орловым в коридоре здания КГБ он испытывал сложные чувства. С одной стороны, он злорадно думал о том, что теперь его бывшему начальнику, к которому он испытывал едва скрываемое чувство зависти, а поэтому и ненависти, может явно не поздоровиться. Было вполне очевидно, что с введением чрезвычайного положения всем российским структурам, которые посмеют противостоять ГКЧП, придется не сладко, а уж КГБ РСФСР и подавно. С другой стороны, Кузин отдавал себе отчет в том, что победа гэкачепистов будет означать для него самого крушение надежд на новую жизнь, которая открывала блестящие возможности для предприимчивых людей, к категории которых он не без основания себя относил.

Сидя дома, Олег пытался найти себе какое-нибудь занятие — то брался читать детектив, то включал свою стереосистему и слушал джазовую музыку, то листал западногерманские журналы «Штерн», пару десятков которых ему по случаю удалось раздобыть на работе. По телевизору сначала шла очень скупая информация, из которой Кузин даже не мог понять, на какую сторону перевешивается чаша весов в противостоянии российских властей и ГКЧП. Потом стало понятным, что у гэкачепистов что-то не ладиться, а когда после гибели трех молодых людей они стали выводить войска из Москвы, Олег понял: победил Ельцин!

Он стал обзванивать своих сослуживцев и друзей, но почти никого не смог застать дома — кто уже несколько дней не приходил домой со службы, находясь на казарменном положении, кто был в отпуске, кто, возможно, просто не брал трубку. Только Игорь, давний приятель Кузина, как ни в чем не бывало прокричал в трубку:

— Привет, Олег! Все болееешь?

— Да нет, я просто...

— Ладно, ладно! Это, может быть, к лучшему. Сейчас знаешь как...

— Что? — спросил Кузин, рассчитывая узнать хоть что-нибудь внятное.

— Кузя, это не телефонный разговор, понял?

— Ну а что мне...

— А чего тебе? Болееешь? Ну и сиди дома! Там будет видно, что делать. Ну пока! Бывай! — И, не дождавшись ответа, Игорь повесил

трубку.

— Олечка, с кем ты говорил? — На него с тревогою смотрела жена. — Тебя вызывают на работу?

— Едрён батон! Сколько раз я тебе говорю: не суйся не в свое дело! — как всегда грубо ответил Кузин Надежде. Но увидев блеснувшие в глазах жены слезы, нехотя встал, подошел к ней, обнял за плечи.

— Извини, Надюха, нервы не к черту! Сорвалось.

— Ничего, я привыкла, — тихо ответила жена, легко отстраняя руку Олега и высвобождаясь из его объятий. — Пойду разогрею обед. Ты... не уходишь?

— Снова за свое? — опять повысил голос Олег, но, спохватившись, уже спокойнее продолжил: — Поем и пойду прошвырнусь.

В холле раздался звонок.

«Не дай бог, вызывают на работу!» — мелькнуло в голове у Кузина.

Жена, с тревогой посмотрев на мужа, направилась в холл.

— Куда? — буквально взвизгнул Кузин. — Остановись, дура! Это же не тебя!

Он подскочил к телефону, но не поднял трубку, а выжидающе остановился, с ненавистью глядя на аппарат. Некоторое время звонки продолжали звучать, но потом резко прекратились. В квартире повисла тягостная тишина.

«Кто бы это мог быть? — задавался вопросом Кузин. Осознавая опасность обстановки, Олег очень боялся, что его вызовут на работу и он окажется втянутым в какие-то дела, которые доставят ему массу неприятностей. — В это время лучше отлежаться на дне», — только успел подумать он, как снова зазвонил телефон.

«Посчитаю до десяти сигналов. Если будут звонить дольше — подниму трубку, если нет — то не очень, видно, и нужно», — загадал Кузин.

Телефон звонил. «Один, два, три... — считал про себя Олег. — Кому это приспичило вдруг?»

Звонки тем не менее продолжались. «...семь, восемь, девять...»

Когда раздался одиннадцатый звонок, Кузин поднял трубку.

— Алло!

На том конце провода слышались какие-то щелчки, потом небольшое замешательство. Наверное, человек, звонивший по телефону, уже не ожидал застать Олега дома и даже не сразу среагировал на ответ.

— Алло! — с раздражением проговорил Кузин. — Говорите!

— Олег Юрьевич! — наконец раздался голос.

«Опять они!» — холодея, Кузин узнал голос Анатолия Алексеевича, которого уже несколько раз в этом году снабжал служебной информацией. Прошло около месяца, как Олег встречался с ним последний раз в Измайловском парке, где дрожащими руками передал вложенные в газету листы с выписками из секретных документов. Понимая уже, что влип в очень опасную историю, Кузин теперь не знал, как освободиться от возникшей зависимости. Несколько раз ему приходила в голову мысль все рассказать своему начальнику отдела, но каждый раз он отгонял ее от себя. «Посадят! Как пить дать посадят!» — со страхом думал он.

Иногда Кузину в голову приходила шальная мысль напроситься на прием к руководству шавка, чтобы рассказать о том, как он, на свой страх и риск, вступил в контакт с преступниками или, быть может, даже шпионами. Что он все заранее спланировал, как учили в Высшей школе, и теперь готов принять участие в оперативной игре, в ходе которой будет раскрыта целая шпионская сеть. Но и тут сомнения обуревали его: «Не поверят! Точно не поверят!» Он искал выхода из капкана, в который загнал себя сам, и не находил. И вот теперь очередной «их» звонок.

— Олег Юрьевич! Говорят, вы приболели? Что с вами? Что-нибудь серьезное? — От этих вопросов, в которых Кузину чувствовалась явная издевка, его даже перекосило. Но он сдержался и как мог спокойнее ответил:

— Здравствуйте Анатолий Алексеевич! Да ничего! Так, простуда!

— Может лекарства какие нужны?

— Нет, спасибо! У меня все есть!

— Ну вы, я надеюсь, не лежачий больной? — Кузин снова уловил в голосе собеседника иронию.

— Э... Как сказать... Температура есть... Кроме того...

Но звонивший не дал Олегу договорить:

— Олег Юрьевич, я жду вас на старом месте ровно через полтора часа. Договорились? — Теперь голос на том конце провода был жестким и не терпящим возражений.

— Анатолий Але...

— До встречи!

В трубке раздались короткие гудки.

«Ну вот! Опять! Они меня взяли на крючок, и теперь мне от них не оторваться!» — с тоской подумал Кузин.

— Олечка, что, вызывают на работу? — сочувственно спросила жена.

Понимая всю безвыходность своего положения, Кузин даже не нашел сил что-либо ответить жене. У него даже не нашлось привычных грубых

слов, которые он бросал ей всякий раз, когда ему казалось, что она вмешивается в его дела. Он только с тоской посмотрел на жену, потом перевел взгляд на часы. Времени было в обрез, чтобы добраться до Измайлова.

«Странно, что за спешка такая! «Жду через полтора часа!» Прямо горит у них там все!» — с раздражением подумал Кузин. — «А может, правда горит?» — И стал собираться.

22 августа 1991 года, день.

Москва. Северное Измайлово

— Олег Юрьевич, это наш очень хороший друг, можно сказать, компаньон нашей фирмы! — представил Кузину молодого человека, по возрасту его ровесника.

Улыбаясь, тот протянул руку Олегу:

— Зовите меня Борисом.

— Кузин, — без особого энтузиазма проговорил Олег.

Анатолий Алексеевич, видя кислое лицо Олега, проговорил:

— Ну что же вы, Олег Юрьевич! Не надо расстраиваться! У нас впереди — блестящие перспективы! Борис наш очень хороший друг и надежный товарищ. Вы можете быть с ним откровенны так же, как со мной. А я... — начал он фразу, затем посмотрел на Бориса и, когда тот кивнул, продолжил: — Я вас оставляю. Думаю, вы сами договоритесь обо всем!

— Но Анатолий Алексеевич, я еще не поправился... — попытался возразить Кузин. Однако Анатолий Алексеевич, пожав обоим руки, быстрым шагом направился к машине, стоящей около ряда гаражей, притулившихся у бетонного забора, за которым начинался Измайловский лес.

— Олег... Вы разрешите — я буду называть вас Олегом. Так проще. Мы же, наверное, почти одногодки? Ты какого года? — взял в свои руки инициативу Борис.

— Пятьдесят второго, — нехотя ответил Кузин и посмотрел на собеседника. Он не любил панибратства и не очень легко переходил на «ты» с незнакомыми людьми. Тот был высокого роста, гораздо выше Олега. Беглого взгляда хватало для того, чтобы заметить его атлетическое телосложение — широкие плечи, мускулистые руки, прямую спину. Вместе с тем густые, но короткие, торчащие в стороны волосы, выступающий

вперед нос с вогнутой спинкой придавали ему поразительное сходство с ежом. Кузин отметил это довольно быстро и он сразу про себя назвал этого человека «ежом».

— А я пятьдесят четвертого! — в свою очередь ответил Борис и добавил: — На два года моложе! Но ты, Олег, на два года мудрее! Ну ладно, давай о деле!

— О ка-каком... деле? — Кузин снова почувствовал, как комок страха подкатывает горлу, отчего сразу пересохло во рту и ноги стали как будто из ваты.

— Слушай, ты соображаешь вообще, что происходит?

— Что?

Еж криво усмехнулся. Потом в упор посмотрел на Олега и четко произнес:

— Кончат вас теперь, чекистов-то!

— Как «кончат»?

— Ну как кончат? Демократия победила! Все гекачеписты сам знаешь, где теперь! Кто на нарах, кто... — он сделал рукой движение вверх, — кто уже того... на том свете. Всех, кто им помогал, тоже арестуют. А кто — главная опора ГКЧП? КГБ! Это известно всем! Так что, Олег, судьба ваша незавидна!

— А при чем тут я? — воскликнул Кузин. — Я-то при чем? Я вообще ни в чем не участвовал! Я на бюллетене! Я болен! У меня температура высокая!

— Да теперь ты знаешь куда можешь запихнуть свой бюллетень? Знаешь?

Кузин смотрел на Бориса расширенными от страха глазами, еще до конца не понимая смысла того, что говорит этот парень, похожий на здорового ежа.

— Да я уже давно хотел уволиться из...

— Хотел! Ну и что ж, что хотел! Ведь не уволился же! Все, кто хотел, уволились! Калугин, например!

— Да Калугина уволили, а не он сам!

— Ну, не важно! Главное не в этом! Теперь будет принят закон о люстрации и...

— Что — «и»?

— И всех чекистов погонят. Кого не посадят в тюрьму, тех прогонят отовсюду. Вы будете зарабатывать на жизнь мусорщиками, уборщиками всякими... Дерьмо возить будете! Понятно?

Кузин живо представил себе, как он едет на повозке, управляя

лошадью, и везет бочку с нечистотами, а все прохожие, зажимая носы, плюют в него и выкрикивают что-то презрительно-унизительное. То ли эта картина навеивалась какими-то детскими впечатлениями, то ли ее рисовала игра его воображения. Может быть, впервые он воочию почувствовал, что опасность подкралась к нему так близко. «Дурак! Дурак! Почему я не уволился раньше! Действительно, теперь после провала ГКЧП в первую очередь расправятся с чекистами! Что же делать? Что же делать?»

Еж, будто прочитав мысли Кузина, сказал:

— Что теперь делать? Вот для этого мы и встретились. Кстати, Олег, ты хорошо знаешь расположение комнат в зданиях КГБ?

— Где?

— Ну, в старом и новом зданиях КГБ.

Кузин с удивлением посмотрел на Бориса:

— А зачем... зачем тебе это?

— Нет, ты скажи, ты знаешь?

— Нет, конечно, всех я не знаю, но... В общем, я знаю, в основном, где какое подразделение находится... А зачем?

— Зачем? А ты помнишь, как все было в ГДР? Помнишь, как толпа ворвалась в дом «штази»?^[130] Какой они погром там учинили!

— Помню, — ответил Кузин, еще не понимая, куда клонит Еж.

— Так вот, по некоторым данным, сегодня вечером будет штурм зданий КГБ. Сам понимаешь, люди возмущены... Столько жертв из-за этих...

— По каким «некоторым данным»? — Кузин испытующе посмотрел на Бориса.

— Для тебя это не важно. Главное — говорю тебе: сегодня будет штурм. Ты должен быть там и помочь нам...

— Кому — «вам»?

Неожиданно лицо Бориса исказилось злобой и приобрело какое-то ожесточенное выражение, как будто он увидел перед собой врага, которого следует немедленно раздавить, уничтожить, истребить. Теперь он совсем не походил на ежа. Его фигура, черты лица и агрессивный вид придавали Борису сходство с доисторическим ящером, настигшим свою жертву. Кузин даже невольно отшатнулся от него.

— Еще раз говорю тебе, — продолжил, едва сдерживая свое негодование, Борис. — Тебе не важно знать, кому — «нам». Если ты хочешь жить и сохраниться во всей этой кутерьме... Если ты хочешь получать нормальные «бабки», а не чистить парашу, то ты должен нам помочь. Если не хочешь — разговор окончен. У меня мало времени.

— Что я должен сделать? — тихо, почти шепотом, спросил Олег.

— Вот это другое дело! — похвалил его человек, к которому снова возвращалось сходство с ежом. — Давай лучше говорить о деле. Здесь... — Он посмотрел на прогуливающуюся рядом женщину с коляской. — Здесь не удобно. Давай пойдем вон туда. — Он показал на скамейку, стоящую между двумя деревьями.

Двое сидящих на скамейке молодых мужчин, наверное, производили на окружающих, которых, собственного говоря, было не так то уж и много, впечатление друзей, что-то оживленно обсуждающих между собой. Здесь, на самом краю Измайловского леса, который отделяла от городской застройки широкая асфальтовая дорожка, проложенная в сторону окружного шоссе, было одно из самых любимых мест жителей окрестных домов. Мама с колясками, стайки мальчишек, обнимающиеся парочки, пенсионеры за деревянными столиками, «забивающие козла» или играющие в шахматы — вот типичная публика этого уголка Измайлово. Алкаши и прочий сброд забредали сюда гораздо реже, поскольку место было на отшибе и удалено от питейных точек.

Борис достал из внутреннего кармана куртки сложенные вчетверо листочки, на которых угадывались очертания плана какого-то здания.

— Это — поэтажный план вашей «конторы», всех трех зданий на Лубянке. Крестиками... Видишь? — отмечены помещения, которые нас интересуют. Посмотри! — Он протянул листки Кузину. Тот нехотя, будто опасаясь, что они отравлены, взял их в руки.

План представлял собой не очень качественную ксерокопию с какими-то мелкими надписями, буквы которых сливались в непонятный прямолинейный узор. На каждом листке плана, а их тут было не менее двадцати, имелось множество отметок, сделанных красной шариковой ручкой.

— Твоя задача, когда народ ворвется в здание, попасть вот в эти помещения, — Борис провел пальцем по пестроте красных крестиков на одном из планов, — и помочь нашим людям вытащить оттуда все документы, а потом...

— Да вы что! Там все документы в сейфах! Кто же держит их открыто?!

— Олег, это не твоя забота. Твое дело — дожидаться наших людей и, если будет нужно, помочь им! Запомни: пятый этаж твой!

— Вы не понимаете...

— На «ты»! Мы же договорились, что перешли на «ты»!

Кузин хмуро посмотрел на Ежа.

— Ты вообще в своем уме? Это же здание КГБ! Режимная зона! Там — охрана! Если кто-то попытается захватить, они будут стрелять!

— Но вот тут уж ты не прав! Никто стрелять в народ не будет! Ты что, не понял еще этого? Они уже наложили в штаны со страху! А когда сто тысяч человек соберутся на площади и начнут громить их гадюшник...

— А... это действительно может... — Кузин недоверчиво посмотрел на Бориса.

— Может, может! Увидишь! Еще не то будет! После того, как они пустили кровь на Садовом... Сколько убитых, ты знаешь?

— Трое, кажется.

— Трое! Не трое, а десятки! Знаешь, что сейчас происходит в центре? Большая толпа собралась у ЦК КПСС. Все окружили, бьют стекла, скоро ворвутся вовнутрь! По всему городу — беспорядки! К вечеру дойдет дело и до ЧК!

Кузин выглядел растерянным. Он как-то сник, даже сгорбился. Казалось, он пытается втянуть голову в плечи и, как улитка, спрятаться в свой домик от окружающих опасностей. Но сделать это было уже невозможно. Он предпринял последнюю попытку отказаться от поставленной задачи:

— Но... Вы понимаете... Я... У меня высокая температура. Я... Как будто не слыша его возражений, Борис завершил разговор, сказав напоследок:

— Встречаемся в семнадцать у главного входа в Политехнический. Понял? Не забыл — твой пятый этаж! Пока!

Он махнул рукой и быстрым шагом направился в сторону панельной девятиэтажки. Через пару минут из-за палисадника показался весь замызганный, заляпанный грязью «Москвич». Лихо развернувшись перед Олегом, он понесся в сторону 16-й Парковой улицы. «А номера-то из-за грязи не разглядеть!» — отметил про себя Кузин.

Он еще долго сидел один на скамейке, осмысливая случившееся. Теперь он ясно понимал, что не просто влип в историю, а буквально вляпался в опаснейшее дело, участвуя в котором можно запросто оказаться за решеткой, причем на долгие-долгие годы. Сегодняшняя встреча убедила его в страшном предположении, которое зрело у Олега давно. Он отгонял тревожные мысли, находил для себя успокаивающие объяснения, просто пытался не думать об этом, но события сами расставили все необходимые акценты. Да, теперь для него стало ясно: сотрудничество с фирмой Анатолия Алексеевича, поначалу казавшееся довольно безобидным, постепенно превратило его в послушный инструмент реализации чьих-то

интересов. Чьих? Теперь сомнений не было. Это, безусловно, были интересы иностранной спецслужбы.

Холодея от страха и осознавая полную безвыходность своего положения, Кузин лихорадочно искал хоть какую-нибудь зацепку, которая позволила бы вырваться из зависимости от этих людей. Но чем больше он думал, тем безысходнее казалась ему ситуация. Виниться явно было уже поздно, выскользнуть из поля зрения не удавалось, противостоять «их» напору у него уже не было сил. Этот Борис все время говорил: «помочь нам», «помочь нашим людям». Теперь, когда эта помощь явно выходила за пределы «фирменных» интересов, хотя Олег и раньше о чем-то таком догадывался, он постиг, сколь опасными для него становятся контакты с Анатолием Алексеевичем и его «друзьями».

С другой стороны, Олег Кузин успокаивал себя тем, что массовые беспорядки, начало которым практически положило столкновение с войсками в подземном туннеле, сметут саму систему союзной власти, а вместе с ней и ставший ненавистным ему теперь КГБ. Пример Румынии и ГДР говорил о том, что в ходе широких антиправительственных выступлений главными заложниками ситуации оказываются именно органы безопасности. На них то и направляется прежде всего гнев толпы.

«Если все произойдет так, как говорит этот Борис, то уже сегодня, возможно, я стану свободным человеком, — к такой неожиданной мысли пришел Олег. — Ведь если Комитет, как оплот ГКЧП, будет сметен «возмущенным народом», то и преследовать меня будет некому. Наоборот, согласившись помочь, даже если я на самом деле ничего делать не буду, я как бы проявляю лояльность к новой власти и к тем, кто ее поддерживает». От этого умозаключения у Кузина сразу потеплело на душе.

Он стал рассуждать: «А чем, собственно, я рискую, если буду находиться в толпе? Стрелять, точно, никто не будет. Если начнется погром, то я могу вместе со всей оравой проникнуть в здание и... оказаться на пятом этаже. К тому времени, думаю, из сотрудников там уже никого не будет. А дальше — по ситуации. Если будет свалка, глядишь, и просьбу «этих» можно выполнить. Мне тогда зачтется! А если... А если это не удастся и толпу разгонят, я всегда смогу сказать, что прибыл на службу, понимая всю опасность ситуации и желая чем-либо помочь. Пусть докажут обратное!»

Не ощутив прилива уверенности от этих рассуждений, Кузин все-таки почувствовал, что гнетущий страх перед предстоящим немного отступил и он снова обретает способность управлять своими поступками и эмоциями.

«Едрён батон, была не была! Главное — не торопиться, авось

вывезет!» — заключил он напоследок, затем поднялся и зашагал в сторону гаражей, около которых припарковал свой автомобиль.

22 августа 1991 года, вечер.

Москва. Площадь Дзержинского

На площади Дзержинского происходило невозможное — многотысячная толпа вот уже несколько часов с ревом скандировала что-то резкое в адрес КГБ и КПСС. Памятник «Железному Феликсу» был облеплен фигурами, размахивающими руками, выкрикивающими лозунги, пытающимися привлечь к себе внимание толпы. Кто-то, взобравшись на пьедестал, умудрился прикрепить веревкой к бронзовой статуе Дзержинского большой плакат, выполненный красными буквами на ватмане: «Хунте — хана!» Ниже, на черном граните постамента, красовались намалеванные краской, мелом и пульверизаторами надписи: «антихрист», «кровавый палач», «дерьмо в кожаном пальто». Повсюду виднелись бело-красно-голубые флажки и флаги.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Мы не очень понимали, что происходит. Обстановка в здании была тревожной. Нас, женщин, отпустили раньше, часа в четыре... И то мы выходили через двор. Сначала по подземному туннелю... потом выходили из другого здания, чтобы толпа не увидела, откуда мы шли...»

(Н.Е. Хренова, секретарь начальника Инспекторского управления КГБ СССР).

Какой-то парень в джинсах, балансируя, как верхолаз, на плечах статуи, затягивал под одобрительные выкрики окружающих на шее «Железного Феликса» петлю из металлического троса. Толпа ликовала и бузила, торжествовала и гоготала, все больше и больше ощущая силу своей безнаказанности.

— Давай, парень, закрепляй удавку! Будем вешать главного чекиста! — озорно кричал какой-то мужик в помятом пиджаке.

— Долой тирана! — вопила пухлая дамочка, подняв сжатые в кулаки руки.

— Эй, акробат, падай с чучела! Катаклизму делать будем! — подал сиплый голос коренастый мужчина в свитере.

— Кончать Феликса! — кричали какие-то ребята с банками пива в руках.

После каждого выкрика раздавались взрывы хохота, свист, нечленораздельные возгласы. Священник, стоя на вытоптанном газоне в окружении плотного кольца манифестантов, призывал в мегафон сбросить «железного идола» с пьедестала, а потом продать его за границу. Под одобрительный вой наэлектризованной толпы он выкрикивал:

— Мы положим конец коммунистической тирании! Этот ненавистный символ большевизма мы продадим с молотка, а вырученные деньги отдадим детям-сиротам и инвалидам-«афганцам»!

— Правильно, отец Глеб! — неслось из толпы.

— Мы требуем запретить деятельность КПСС, этой партии преступников и убийц! Мы требуем распустить КГБ — этот рассадник беззакония и нарушений прав человека!

— Долой КГБ! Сво-бо-да! Сво-бо-да! — скандировала толпа.

Кузин уже около часа находился на площади. Он уже успел повстречаться с Борисом, который познакомил его со «своими ребятами». Они договорились не терять друг друга из поля зрения, чтобы в нужный момент оказаться в том месте, где начнется главное действие этого вечера. Кузин понял, что он далеко не единственный человек, получивший «задание» от Бориса. Он видел, как к тому подходил то один, то другой человек. Они о чем-то переговаривались, а затем расходились и растворялись в толпе. «Ребята», с которыми Борис познакомил Олега около главного входа в Политехнический музей, не были похожи на студентов или учащихся техникума. Это были молодые мужчины лет тридцати, какие-нибудь доценты или ассистенты с кафедры одного из московских вузов. Правда, по своему поведению они ничем не отличались от окружающей молодежи: так же размахивали руками, выкрикивали что-то, свистели. Как и большинство присутствовавших на площади, они, кажется, тоже были навеселе. Только лица у них были чуть более сосредоточенными, чем у всех остальных. Или это просто Кузину так казалось.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «В то утро я получил разведсводку, в которой говорилось, что толпы в центре Москвы становятся все более агрессивными и достаточно одной искры, чтобы возникли массовые беспорядки. Наиболее воинственные толпы собирались на Лубянке, и многие, похоже, подбадривали себя надежным старым русским способом — водкой, которая лилась рекой. Короче говоря, пришла очередь бояться другой

стороне»

(М. Бирден, руководитель отдела ЦРУ США. «Главный противник». Москва, 2004 год).

В толпе то и дело мелькали знакомые по телевизору лица — то ли депутаты, то ли журналисты. Несколько раз Кузин уловил даже звучание иностранной речи: наверное, зарубежные корреспонденты не могли упустить такой животрепещущий момент, как массовые беспорядки на площади перед учреждением, которое как раз и обязано пресекать подобные действия. Подавляющее большинство окружавших Кузина людей составляла, конечно, молодежь, которая за последние несколько дней пришла в то лихорадочно-возбужденное состояние, какое наступает у человека, когда он уверен, что любые его поступки не вызовут какого-либо противодействия. Прокатившаяся по Москве волна победных митингов и шествий сопровождалась едва заметными, а потом все более существенными бесчинствами: сбрасывались с пьедесталов памятники, обливались масляной краской и чернилами мемориальные доски, бились стекла в окнах зданий партийных органов, стены домов и витрины покрылись сотнями надписей. На больших окнах здания СЭВ со стороны Калининского появилась надпись: «Забил я пулю в тушку Пуго», перефразировавшая известные стихи. Автор их издевается над трагической смертью министра внутренних дел Бориса Карловича Пуго, застрелившегося из наградного оружия.

ИНФОРМАЦИЯ: «Из всех членов ГКЧП, которые участвовали в заговоре, единственный человек, который верил до конца, — это Пуго... Я его знаю и по Прибалтике, и по Министерству внутренних дел Союза... Он поступил честно. Обоих своих помощников, когда они явились утром 19 августа, он отпустил со словами: «Идите домой, и вы ничего не знаете. Вы вообще не в курсе. Свой крест понесу я сам». Потом, когда велось следствие, их хотели привлечь к ответственности, но тот шаг Пуго их спас...»

(С.С. Дворянкин, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР).

Арестовывать бывшего министра внутренних дел СССР послали

Иваненко вместе с Ериным — российским министром внутренних дел. Потрясение, которое при этом испытал Иваненко, было столь сильным, что, вспоминая об этом, он каждый раз заново переживал те страшные минуты.

ИНТЕРВЬЮ: «...Позвонил Баранников: «Мы тут со Степанковым^[131] решили, что поедem Янаева брать. Ты поезжай к Ерину, он Пуго занимается, мне неудобно — бывший шеф все-таки». Тон обычный — хамоватый, как всегда, на «ты».

Адрес был не совсем верный, сначала проскочили не на тот этаж. После долгих звонков дверь открыл отец жены Пуго, глубокий старик. Ерин зашел первым. «Ребята, здесь кровью пахнет!»

Та страшная картина мне до сих пор снится. Пуго лежит на кровати, подушка и спортивный костюм на груди залиты кровью. Он выстрелил в рот буквально перед нашим приходом. Еще полчаса легкие работали. У жены в голове пулевые отверстия... Она в бессознательном состоянии сидит на полу, размазывает руками кровь по полу. Через соседку вызвали их лечащего врача, «скорую», которая фактически была не нужна.

Вернувшись в Белый дом, я пошел докладывать Ельцину. Он уже знал, сидел с недовольным видом: мол, упустили. Потом узнал, что кто-то вместо меня успел доложить: «В результате неумелых действий Иваненко Пуго застрелился»

(В.В. Иваненко, Председатель КГБ России. «Россия», 1–7 сентября 1993 года).

Тем временем к памятнику, медленно раздвигая толпу, подъезжал крытый фургон. Его появление было встречено бурной овацией, так как все понимали, что сейчас начнется следующее действие грандиозного спектакля. Сразу несколько рук подхватили свисающий с памятника трос и стали прикручивать его к крюку на заднем бампере. Еще немного — и под радостные вопли зрителей мотор взревел, машина дернулась и медленно стала двигаться. Толпа резко отхлынула в ожидании падения исполина. Провисший трос натянулся, раздался металлический скрежет, надрывной вой двигателя, но памятник даже не стронулся с места.

— Крепкий, зараза! — крикнул кто-то.

— Ничего, ща завалим! — ответил ему один из парней, суетившихся около автофургона. Он был явно в сильном подпитии, потому что долго не

мог попасть тросом в достаточно широкое отверстие.

На второй попытке трос оборвался, чудом никого не задев взметнувшимся концом. Но кураж толпы от этого не убавился. Наоборот, неудача все более и более распаляла ее, делала ее агрессивной и злобной.

Протиснувшиеся к постаменту двое депутатов, которых Кузин не раз видел по телевидению, призвали толпу прекратить попытку снести памятник. Они говорили что-то про подземные кабели и туннель метро, которые могут быть повреждены в результате падения бронзового «истукана», об опасности, которой подвергают себя люди, находящиеся в непосредственной близости от памятника, но это не возымело никакого действия на толпу. Напротив, она стала возмущенно шуметь, обзывать депутатов «провокаторами», всячески их оскорблять и прогонять с места «исторического» события.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Вечером на площади Дзержинского собралась огромная толпа. Послышались крики: «Давайте вскрывать здание!» Звоню Шебаршину, он исполнял обязанности Председателя, правда один день всего. На вопрос: «Что делать будем?» он ответил: «Я команду на открытие огня отдавать не буду». Я позвонил Ельцину, говорю: «Собирается толпа, раздаются призывы врываться в здание, достать архивы... Допустить этого никак нельзя». Он отвечает: «Я согласен. Сейчас позвоню и дам команду Гавриилу Попову». Через некоторое время на площади появились Гаврюша со Станкевичем, отвели толпу от стен здания КГБ и занялись памятником...»

(В.В. Иваненко, Председатель КГБ России).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Когда сносили памятник Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому, я был в здании КГБ. Я попытался переговорить с Пономаревым, Крючковым... Никого нет! И вот тогда я позвонил Аркадию Ивановичу Вольскому,^[132] проинформировал об обстановке... Попросил немедленно оповестить руководство Москвы. Руководства КГБ нет! Я наблюдал из окна и видел все, что там творилось... Это же был полный паралич руководства КГБ СССР! Вольский кому-то позвонил, наверное Гавриилу Харитоновичу, и появился Станкевич. Но он не делал ничего для того, чтобы снизить градус напряжения... Подъезжали машины, выгружали водку. Если бы

они пошли на штурм, то взяли бы здание легко. И картотеки, и все остальное... После этого я понял, что нами руководят недалекие люди...»

(Е.М. Войко, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Я представил себе возможный захват здания КГБ, как это делалось в некоторых странах Восточной Европы. В сейфе были оперативные материалы... Сидя в кресле, я думал о прожитой жизни, о той тяжелой работе, которую всю жизнь делал с душой, не считаясь со временем и здоровьем, в ущерб своей семье, о неизвестном завтра. На душе было муторно... Рушились идеалы, наступило отрезвление. Что ждет страну завтра?.. Я взял из сейфа пистолет, зарядил его, положил на стол и решил для себя: поглумиться над собой не позволю, если дело дойдет до этого...»

(И.И. Леган, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР. «КГБ — ФСБ: взгляд изнутри». Москва, 2001 год).

Возня со сносом памятника Дзержинскому явно затягивалась, и энергия толпы стала искать выхода в каких-то других радикальных действиях. Кузин не замечал даже, кто первый призвал к штурму здания КГБ, но уже через несколько минут со всех сторон стали доноситься крики:

— Возьмем это чекистское гнездо!

— На штурм!

— Долой гэбэшную банду!

Один из мужчин, с которыми Кузина познакомил Борис, взобрался на подножку машины. В руках у него неизвестно откуда взялся микрофон.

— Люди! — кричал он, — Демократия победила! Заговорщики — в тюрьме! Но победа не будет окончательной, если мы не разгромим это преступное логово! Именно сюда ведут все нити управления переворотом! Здесь, в этом зловещем доме, был штаб путчистов! Сейчас там... — он громко икнул и указал рукой на здание, — уже почти никого нет — одни сбежали еще днем, другие вообще не вышли на работу, третьи...

— Там же охрана! — выкрикнул кто-то из толпы.

— Да, там охрана. Но она полностью деморализована! Их главарь — в

Лефортово, ^[133] их начальники не сегодня завтра тоже будут на нарах! Уверяю вас, сопротивления они не окажут!

— А если будут стрелять?

— Не будут! Вспомните, как было в Восточной Германии! Народ разгромил «штази», и ни один охранник не оказал сопротивления! А это ведь немцы! У них приказ — это все. Но даже и они...

— Ладно, все ясно! Ребята, давай попробуем!

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «...Толпы народа все крушат, снимают памятник Дзержинскому, призывы к штурму... Прибежал комендант здания. «Что делать, какие команды в случае прорыва?» Решили с Шебаршиным — стрелять ни в коем случае нельзя, максимально усилить запоры. Я позвонил Ельцину — он на митингах. Нашел Бурбулиса, сказал, что прорыва в здание ни в коем случае допустить нельзя: тут документы, архивы, может пролиться кровь... У Шебаршина находились народные депутаты Леонид Гуревич и Илья Константинов, ^[134] они тоже помогли. В итоге главная задача — не допустить разгрома — была выполнена. Но Когда вокруг здания бесновалась толпа и снимали памятник Дзержинскому, печки в КГБ СССР работали на полную мощность. Прежде всего сжигались материалы на ценную агентуру, чтобы не допустить расшифровки этих людей...»

(В.В. Иваненко, Председатель КГБ России. «Россия», 1–7 сентября 1993 года).

ИНФОРМАЦИЯ: «...Москва кипела, бурлила, срывала красные знамена и низвергала с пьедесталов памятники. Закрывала партийные здания и газеты... Демонстранты рвутся на штурм нашего комплекса зданий на Лубянке и требуют вскрыть архивы...»

(С.Н. Алмазов, начальник Главного управления по борьбе с оргпреступностью АФБ России. «Налоговая полиция: создать и действовать». Москва, 2000 год).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Когда толпа пыталась сбросить памятник Дзержинскому, я находился в здании. Я шел

от нашего кабинета в торцевую сторону дома два, чтобы посмотреть на площадь. Навстречу мне попались «собратья по оружию» — сотрудники одного из управлений КГБ СССР. Один из них сказал: «Ну что, КГБ России, унимайте своих героев! Им ведь все равно — нас приклепнут, да и вас заодно!» Это было сказано с такой безысходной злостью, что я не пошел дальше, а вернулся в наш кабинет...»

(Л.К. Стрельников, начальник Секретариата КГБ России).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Когда толпа бушевала на площади Дзержинского, я был в колонном зале дома два. От штаба я был назначен ответственным за четвертый подъезд. Оружия нам не выдавали, у нас были только дубинки... Нам была придана группа «А», полностью вооруженная и экипированная. Правда, никого не обеспечили ни кормежкой, ни водой, ничем... Пришлось со столовой договариваться, чтобы хотя бы покормили ребят...

Главная задача — защитить архив КГБ СССР, прежде всего «особую панку», картотеки агентуры, картотеки оперативного учета... Вот тут мы немного дрогнули... Мы понимали, что в случае прорыва толпы в здание стрелять бы никто не стал... Выломать дубовые двери труда особого не составляло... Ну, забаррикадировались бы мы внутри — что это дало бы?

Настроение было дрянь. Как будто мне в душу нагадили. Что же это за руководители? Не могут ничего — ни задачу поставить, ни четкие установки дать...»

(Ю.И. Скобелев, помощник начальника Десятого отдела КГБ СССР).

Толпа загудела. И хотя возгласов в поддержку штурма было гораздо больше, чем сомневающихся, пока никто не решался действовать.

Вдруг в стороне раздался звон разбивающегося стекла. Видно, кто-то рискнул бросить камень в массивную дверь центрального подъезда, выходящего на площадь. Тут же несколько человек стали ударять палками и железными стержнями по решеткам окон, металлической окантовке и фигурным ручкам дверей. Толпа стала смещаться от памятника в сторону

фасада здания КГБ.

— Ребята, не бойтесь, там, может, вообще никого нет! — прокричал кто-то совсем близко от Кузина.

Он окинул взором здание и отметил про себя, что среди абсолютного большинства зияющих темнотой окон светились лишь два-три где-то на восьмом этаже. Весь фасад громадного знаменитого дома, несмотря на ранние сумерки, был погружен во мрак, будто в нем действительно уже не было ни одной живой души и он стоял всеми брошенный и готовый к поруганию.

— Ну, Олег, сейчас наступит наша очередь! — сказал кто-то Кузину прямо в ухо. От неожиданности и противного перегарного духа он отшатнулся, но тут же узнал одного из подстрекателей. — Продвигайся к подъезду. Ничего не забыл?

Олег ничего не ответил, а только кивнул. Лишь сейчас он окончательно понял, что все это: и митинг, и попытка снести памятник, и призывы к штурму здания КГБ — не просто события, которые он наблюдает как зритель, а сама страшная явь, в которой он участвует вместе со всеми.

«Им-то что, пьяным? Нажрались — и теперь им море по колено! А я? — со страхом думал Кузин. — Дурдом какой-то! Эти — на штурм! Те, глядишь, стрелять будут. На хрен мне это сдалось?»

Не выпуская из поля зрения своих напарников, Кузин стал продвигаться к фасаду, но чуть левее центрального подъезда. Там уже вовсю орудовала дюжина молодцов, подогреваемая криками и улюлюканьем толпы. Странно, но ни охраны, ни хотя бы милиции видно не было. Снова, как и у подземного туннеля на Садовом кольце, люди в погонах оказывались один на один с беснующейся толпой.

Осмотревшись по сторонам и убедившись, что никого из «ребят» поблизости нет, он стал быстро протискиваться сквозь толпу в сторону «Детского мира». Похоже, не только он понял реальную опасность складывающейся ситуации. Об этом можно было судить хотя бы по тому, что наметился едва заметный отток людей с площади. Видно, как ни хотелось многим из них быть свидетелями эпохальных событий, чувство страха и опасности брало верх. Кто знает, а вдруг эти чекисты откроют огонь?! Им терять теперь уже нечего!

Кузину довольно скоро удалось выбраться в район Пушечной улицы, и он, не оборачиваясь, быстро пошел в сторону ЦУМа. Позади слышались нарастающие крики, голоса, усиленные громкоговорителем, надрывное гудение автомобильного мотора, пытающегося своей силой одолеть

«Рыцаря Революции». Он сам не заметил, как сначала перешел на быстрый шаг, а потом даже побежал.

«Прочь! Прочь от этого проклятого места! — стучало в голове Олега. — Еще не хватало сдохнуть здесь вместе с этой пьянью!»

Он удалялся от места, где разворачивались драматические события той ночи, еще не зная, что через несколько минут после того, как он покинул площадь, там снова появились депутаты, которые через микрофон стали призывать манифестантов прекратить штурм здания КГБ. Они увещевали почти неуправляемую толпу, говоря, что преступников и так постигает заслуженная кара, что этих гнусных чекистов будет судить народ, что лучше сейчас дожидаться приезда тяжелой техники, с помощью которой будет наконец снесен памятник «большевистскому тирану». Последнее было воспринято с ликованием. Толпа, уже убедившись в тщетности попыток самостоятельно сбросить памятник с пьедестала, а также проломить массивные двери здания, немного притихла в ожидании кранов.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Я несколько раз выходил из здания на площадь, слушал, как они призывают громить КГБ... Обстановка обострилась до крайности. Напряжение нарастало. Крики, призывы, росписи на стенах нашего здания... А руководство... Единственное, что они приняли, так это отобрали у нас оружие... Может, это и правильное решение... В этой обстановке нервы не у всех могли выдержать.

Станкевич, который, похоже, руководил этой толпой, стал успокаивать собравшихся... Несмотря на то, что он был самым активным участником и организатором этих митингов, он никак не ожидал такого поворота... Я думаю, он сам испугался...»

*(С.Е. Мартиросов, старший инспектор
Инспекторского управления КГБ СССР).*

На то, что произойдет кровавое столкновение, очень рассчитывали иностранные разведки, которые ориентировались на сведения, полученные от своей агентуры. По данным, например, американского ЦРУ, всем офицерам КГБ заранее было выдано личное оружие — пистолеты Макарова и даже автоматы Калашникова.

ИНФОРМАЦИЯ: «...Крючков готовил КГБ к какому-то, пока еще неизвестному, последнему бою... Крючков готовился к

конфронтации, и он хотел, чтобы его офицеры были вооружены и готовы к действиям...»

(М. Бирден, руководитель отдела ЦРУ США. «Главный противник». Москва, 2004 год).

Разумеется, это не соответствовало действительности. Никакой массовой раздачи оружия не было. В подавляющем своем большинстве закрепленное за сотрудниками оружие хранилось в сейфах и выдавалось лишь во время учебных стрельб в тире, который размещался в подвале здания на Дзержинке. Руководство КГБ СССР всегда предпочитало обезопасить себя от неожиданностей, которые могли быть вызваны немотивированным применением оружия.

Как ни старались подстрекатели направить людей на штурм здания, сделать этого не удавалось. Окончательный перелом в настроениях толпы произошел тогда, когда кто-то из депутатов сказал:

— Остановитесь! На штурм здания КГБ вас толкают провокаторы! Среди них — агенты-стукачи, которые хотят добраться до документов и уничтожить их, чтобы никто не узнал об их сотрудничестве с КГБ, чтобы скрыть свои преступления перед народом! Не верьте им!

Толпа снова сгруппировалась вокруг памятника, а когда прибыла техника, с восторгом стала ожидать завершения спектакля.

Глубокой ночью под восторженные крики толпы памятник Дзержинскому был снят с постамента автокраном большой грузоподъемности. Штурм зданий Комитета государственной безопасности не состоялся. Если не считать нескольких разбитых стекол, замалеванной краской мемориальной доски Андропова, куч мусора, разбитых бутылок и банок из-под пива, а также затоптанного газона вокруг голого пьедестала, все осталось по-прежнему.

Один из сотрудников резидентуры ЦРУ, который находился на площади и следил за развитием обстановки, чтобы не упустить момента захвата здания КГБ, тщательно фотографировал происходящее, о чем впоследствии поведали американские разведчики в опубликованной ими книге.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Мало кто в толпе заметил на противовесе стрелы крана эмблему и название фирмы «Крупп», но работник резидентуры ЦРУ в нужный момент поднял свою фотокамеру и сделал снимок, которого ждал

в течение всего дня.

И только на следующий день, Когда проявили пленку, стал ясен иронический смысл того факта, что статую Дзержинского снимал кран немецкого производства. Многие обратили внимание на то, что статуя Дзержинского, которая, как считалось, была отлита из металла бронзовых стволов старинных пушек «Круппа», была снята с постамента краном, построенным тем же самым германским концерном»

(М. Бирден, руководитель отдела ЦРУ США. «Главный противник». Москва, 2004 год).

Спустя года о той страшной ночи написал в своей книге талантливый контрразведчик, один из руководителей Второго главного управления КГБ СССР генерал-майор Широнин, с которым Орлов долгие годы поддерживал добрые отношения вплоть до самой его смерти.

ИНФОРМАЦИЯ: «Железный Феликс в тот день совершил еще один подвиг — он устоял на своих чугунных ногах, не рухнул в толпу, не задавил десятки людей и не дал пролиться крови на Лубянской площади. Памятник был демонтирован автокранами ночью, когда поредевшая толпа уже не имела сил для того, чтобы варварски излить свой «восторг». Несомненно, если бы Дзержинский был повергнут днем, начался бы штурм КГБ, и вряд ли оперативный состав, несмотря на приказ не применять оружие, позволил бы толпе громить сейфы в служебных кабинетах. Профессионалы прекрасно владеют тактикой боя внутри помещения»

(В.С. Широнин, заместитель начальника Второго главного управления. «Агенты перестройки». Москва, 2010 год).

ИНФОРМАЦИЯ: «Это был самый сильный накал событий... На площади поили и давали наркоту... В ту ночь, сбросив с пьедестала Дзержинского, толпа выпустила пар...»

(В.Б. Ямпольский, заместитель Генерального директора АФБ России).

СТАТЬЯ: «Уложив Железного Феликса лицом вниз на тягач, с Лубянки вывезли не худшего из чекистов. О чем думали в этот момент те, кто наблюдал за сменой пейзажа на площади из темных окон многочисленных зданий КГБ СССР? О своем будущем? Пока не совсем ясно, каким оно будет...

Между прочим, личный состав, по сведениям от самих сотрудников комитета, до сих пор пребывает в изумлении, почему не раздали оружие офицерам среднего звена. У тех, с кем мы говорили, это вызывает вздох облегчения: их руками кровь не пролилась...»

(«Демонтаж». «Московские новости», 1 сентября 1991 года).

Кузин вернулся домой глубокой ночью, злой и опустошенный. Не удостоив жену ответом на вопрос, где был все это время, он выпил целый стакан армянского коньяка, закусил его уже остывшей куриной котлетой с соленым огурцом и сразу лег, тут же забывшись тревожным и беспокойным сном.

Уже вставшему, по существу, на путь предательства Кузину было невдомек, что есть люди, способные даже в совершенно безнадежной ситуации на достойный поступок. Той самой ночью на пьедестале поверженного памятника, лежащего среди мусора и пустых бутылок, появилась надпись: «Прости, Феликс, не уберегли!»

Ночь с 22 на 23 августа 1991 года.

Москва. Посольство США

Кабинет был погружен в темноту. Только мягкий свет бра, висящего на стене, освещал кресла и журнальный столик, в центре которого стояла массивная ваза с фруктами. Все помещение было наполнено запахами душистого бразильского кофе, как будто это не кабинет руководителя одного из отделов посольства США, а какой-нибудь кафе-бар в центре Нью-Йорка.

— Господин Белчер, как я вам уже докладывал, развитие обстановки несколько отошло от намеченного сценария. Похоже, что бунтующая русская душа несколько устала и хочет отдохнуть...

— Майк, меня не интересует состояние русской души. Для меня более

важно знать, все ли мы сделали для того, чтобы события развивались в благоприятном для нас ключе. И если не все, то что еще нужно сделать для этого?

— Господин Белчер, можно, я доложу? — вклинился в разговор Дэвид, молодой спортивного типа человек с аккуратной шевелюрой черных волос. — Я считаю, что основного мы достигли. Практически все наши контакты свидетельствуют о необратимости происходящего, о полном параличе центральной власти и о, скорее всего, предрешенном роспуске КГБ.

— Вы согласны с такой оценкой, Майк?

— Да, сэр.

— Хорошо. Продолжайте, Дэвид.

— Сэр, как мы и предполагали, результаты столкновения демонстрантов с войсками привели к резкому обострению обстановки. Известные нам люди... Ну, вы понимаете... сработали отлично. По сути дела, им удалось в короткий срок инициировать создание нескольких боевых групп. По существу, это была молодежь — студенты там, рокеры, лица без определенных занятий...

— В общем, сброд всякий! — усмехнулся Белчер.

— Да, можно сказать так. Во всех акциях, где принимали участие наши люди, не было ни одного сбоя. Никто из них не только не арестован, но, по нашим данным, даже не попал в поле зрения КГБ.

— И никто не пострадал?

— Нет.

— О'кей!

— Но есть, как вы знаете, и неудачи.

— Вы имеете в виду сегодняшнюю ночь?

— Да, сэр. К сожалению, все четыре группы, которые должны были прорваться на объект, ничего не смогли сделать. Мы привлекли даже несколько наших перспективных источников... Конечно, это был большой риск, но в случае удачи...

— Дэвид, давайте не будем говорить о том, что могло бы быть, но не произошло. Не люблю я этих пустых словопрений! Вы и здесь повторяете то, что допустили в Восточной Германии. Что, забыли, как реагировал президент на это?

ИНФОРМАЦИЯ: «15 января 1990 года... жители Восточного Берлина ворвались в огромный комплекс зданий «Штази» на Норманенштрассе и начали все рушить, выбрасывать секретные

документы из окон на улицу... Президент Буш спросил, удастся ли ЦРУ собирать документы, которые выбрасываются на улицы Восточного Берлина... Ответ был отрицательным, и в Лэнгли^[135] быстро сообразили, что для Белого дома это плохой ответ... Правила работы резидентур в странах советского блока изменились буквально за ночь... Коллегам, привыкшим к традиционным формам работы советского отдела... надо было перестраиваться и действовать более открыто и агрессивно...»

(М. Бирден, руководитель отдела ЦРУ США. «Главный противник». Москва, 2004 год).

— Ясно, сэр. В общем, прорыв не удался. Как верно заметил господин Стоу, — Дэвид посмотрел на сидящего рядом второго секретаря посольства, маленькими глотками отпивающего горячий кофе, — «русская душа устала». Я думаю, бунт выдыхается. Да и российское руководство сильно обеспокоено, как бы выступление против ГКЧП не превратилось в стихийный бунт против власти вообще.

— Да, господа. Я полагаю, что первый этап контрреволюции заканчивается. Несмотря на то, что мы слишком поздно включились в процесс... Кстати, по нашей с вами общей вине! Несмотря на это — результаты выше всяких ожиданий. Кремль лишился властных рычагов, вся система управления парализована, органы КГБ будут, скорее всего, распущены. Теперь, господа, от нас требуется закрепить достигнутое и обеспечить себе надежные позиции в новой системе власти. Это — стратегия! И она заключается в том, чтобы всеми доступными нам средствами, в том числе путем задействования «нетрадиционных источников» и «агентуры влияния», оказать решающее воздействие на формирование новых структур власти, которые теперь неизбежно придут на смену партии и Советам. Вы должны понять: наступает наш звездный час! Долгие годы мы в ЦРУ ждали этого момента. А теперь мы должны напрячь все наши силы, задействовать весь наш профессионализм, чтобы «наши люди» оказались там, где готовятся и принимаются государственные решения. Мы все понимаем, что такое проникновение — в интересах нашей страны и нашего народа! — с пафосом закончил свою тираду Белчер.

ДОКУМЕНТ: «По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, последнее время ЦРУ

США на основе анализа и прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза...

Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи...

КГБ учитывает полученную информацию для организации мероприятий по вскрытию и пресечению планов американской разведки»

(«О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан». Записка Председателя КГБ СССР в ЦК КПСС. 1977 год).

— Мы уже активно работаем в вопросах внедрения нашей агентуры влияния, господин Белчер, Майк — со своим контингентом, я — со своим. Безусловно, это не касается фигур высшего эшелона. Как вы знаете, с ними работает Центр. Но кое-кого они нам все-таки вынуждены передать... — Дэвид усмехнулся. — Я думаю, после демонтажа памятника главному чекисту работать нам будет гораздо легче.

— Не обольщайтесь, Дэвид. Русские не такие глупцы. Недаром Ельцин, выступая в принципе против КГБ, создал собственную контрразведку во главе с Иваненко! Да вы, Майк, кажется, встречались с этим человеком до переворота?

— Нет, господин Белчер, к сожалению, не получилось.

— А! Помню, помню! Он тогда отказался от встречи. Наверное, боялся Крючкова!

— Я встречался с его помощником, очень неглупым человеком.

— Правда? А вы еще не поняли, дон, что среди чекистов немало неглупых людей? Пора бы осознать это! Ведь вы работаете в России уже

три года!

— Четыре, сэр.

— Тем более!

— Господин Белчер, мои парни, которые «сидят» на вербовочной наводке, докладывают, что среди чекистов сейчас стали попадаться отличные объекты, с которыми можно активно работать в дальнейшем, — амбициозные, жадные и, что самое главное, ненавидящие коммунистическую систему. С одним из таких контактирует сейчас мой агент. Очень перспективный парень. Вышли на него через «фирмачей». Думаю, если мы сможем закрепить отношения, будет отличный источник. Вот таких, Майк, надо продвигать во власть!

— Дэвид, передавай его мне! С ним поработает кто-нибудь из наших «лебедей», [\[136\]](#) а потом — вперед! Первый раз, что ли!

— О'кей! Я подумаю!

— Ладно, господа! Я полагаю, наш обмен мнениями был не бесполезен. Конкретные вещи мы обсудим завтра: с вами, Майк, в двенадцать здесь, у меня, а с вами, Дэвид, как всегда, в «нашей комнате». Спокойной ночи! Хотя... — Белчер посмотрел на циферблат настенных часов и усмехнулся, — ...уже четыре часа! Доброе утро!

— Доброе утро! — в тон ему ответили Майк Стоу и Дэвид Вольф.

22 августа 1991 года, вечер.

Москва. Крылатское

Шурша в ночной тишине колесами по асфальту, «Волга» с ходу свернула с проезжей части улицы на дорожку, проходящую между трехэтажным зданием школы и высокими крестообразными домами и, не сбавляя скорости, понеслась по ней. Была глубокая ночь, и очертания домов с черными пятнами окон едва угадывались в темноте. Только кое-где виднелся слабый свет — наверное, горели ночники, да в двух-трех местах яркие прямоугольники света говорили о том, что кто-то еще продолжал бодрствовать.

Водитель лихо остановил машину на развороте перед подъездом. Хлопнула передняя дверца.

Майор Орлов возвращался домой после четырех суток, вместивших в себя столько событий, сколько хватило бы на иное десятилетие. Четыре бессонные ночи, четыре дня, заполненные тяжелой и опасной работой, в

ожидании самого худшего и с надеждой на лучшее, в мелькании лиц, искаженных гримасой ужаса и страха, боли и ненависти, в калейдоскопе поступков, смелых и трусливых, честных и подлых.

Сколько подниматься на лифте до тринадцатого этажа? Секунд сорок? Минуту? А ему казалось, что он поднимается долго-долго. Только сейчас Андрей почувствовал страшную усталость, навалившуюся на его плечи. В ней было все — и растерянность первых часов, и решительность последующих действий, и осознание собственного бессилия, и уверенность в том, что они все выдержат. Лифт медленно тащился, скрипя своими механизмами и цокая при пересечении каждого этажа. Это движение казалось ему таким продолжительным, таким бесконечно нудным, что Орлов тяжело вздохнул и сам, услышав свой вздох, удивился: «Неужели все позади и я уже дома?»

На своем этаже, только успев занести руку над кнопкой звонка, он услышал, как хлопнула квартирная дверь и раздались быстрые шаги по коридору. Через миг за матовыми стеклами мелькнуло пестрое пятно, щелкнул открываемый замок и дверь распахнулась. На Орлова смотрели большие Олины глаза. Ее губы улыбались, но почему-то вздрагивали.

— Андрюша! — сказала она шепотом. — Наконец ты пришел! — И бросилась к нему, обнимая его за шею и прижимая к себе.

Орлов хотел сказать что-то успокаивающее, но не смог. Словно судорогой перехватило у него дыхание, и из горла вырвался только какой-то странный всхлипывающий звук. Он уткнулся лицом в Олины волосы, с силой прижимая ее к себе за плечи, и не мог проронить ни слова. Он только медленно поглаживал своей ладонью ее по спине, чувствуя, как постепенно теплеет что-то внутри и сжимавшаяся четверо суток пружина постепенно расправляется, наполняя душу спокойствием и любовью.

Так стояли они около двери несколько минут, пока Андрей не смог все-таки вымолвить:

— Все! Как я устал!

— Ну, пойдем, Андрюша! Пойдем! Только тише, ребята давно спят!

— А ты что, не спала?

— Я ждала тебя. Услышала, как подъехала машина. Я знала, что это ты!

Орлов заснул сразу, как только прикоснулся к подушке. Ему ничего не снилось, кошмары его не преследовали. А Оля еще долго не могла заснуть, всматриваясь в лицо мужа, едва угадываемое в темноте, и слушая его ровное дыхание.

Глава 5

Спасти и сохранить...

11 декабря 1991 года, вечер.

Москва. Ленинские горы. Главное здание МГУ

Для опергруппы задача была заурядная. Тем более что выполнять ее приходилось в благоприятных условиях — не в каком-нибудь совместном предприятии или коммерческом банке, а в Московском государственном университете, где была вневедомственная охрана, а удостоверения сотрудников госбезопасности служили пропуском в любое помещение. Да и вопросов комитетчикам никто не задавал. Надо — значит надо. Может, они шпиона ловят какого? Во всяком случае выемка «объекта» из сейфа в кабинете на девятом, ректорском, этаже высотного здания, откуда открывается прекрасный вид на столицу, прошел как нельзя гладко.

Предупредив дежурного, а им был человек, который давно сотрудничал с КГБ — сообщал о грубых нарушениях пропускного режима, подозрительных личностях, часто навещающих в общежитие, фактах хищений государственного имущества, сотрудники отключили сигнализацию, открыли массивную деревянную дверь, прошли через небольшой холл и занялись обычным замком, встроенным в стеклянную дверь кабинета, за которой и находился вожделенный сейф.

Чтобы случайно не привлечь чьего-либо внимания и не сорвать операцию, в кабинете не стали зажигать свет. Впрочем, чтобы открыть сейф, было вполне достаточно того рассеянного света, который проникал через стеклянные двери холла.

Кабинет был небольшим и слегка вытянутым. Прямо напротив дверей стоял небольшой двухтумбовый стол, затянутый зеленым сукном. На столе — допотопного вида чернильный прибор, мраморное пресс-папье, лампа с круглым оранжевым абажуром из стекла, металлическая пепельница с тремя маленькими обезьянками. Позади стола у стены стояли письменный шкаф со стеклянными дверцами и кресло с резными подлокотниками, а впереди — узенький приставной столик с двумя стульями.

Но то, за чем пришли чекисты, находилось справа от двери в кабинет — в массивном, «сталинского» стиля, двухкамерном сейфе. Один из

оперативников направил луч фонарика прямо на замочную скважину, а другой, аккуратно сняв пластилиновую печать, вставил в нее фигурный ключ.

— Не торопись, Саня, — прозвучал в темноте голос старшего. — У нас достаточно времени.

— Да, товарищ майор. Даже как-то непривычно. Всегда времени в обрез... А здесь...

— Радуйся!

Ключ несколько раз щелкнул. Оперативник повернул металлическую ручку на четверть оборота вправо — и дверка открылась. Луч фонарика высветил стопку каких-то бумаг и общих тетрадей на верхней полке, коробку с крутыми и прямоугольными штампами, несколько бумажных пакетов, прошитых толстой черной ниткой, скрепленной в пяти местах сургучными печатями, похожими на раздавленные кусочки шоколада.

— Вот они! — воскликнул сотрудник, держащий в руке фонарик.

В лучике света блеснуло золотое тиснение на кожаных переплетах двух громадных книг, едва помещавшихся в нижнем отсеке сейфа.

— Ну-ка, достань их! Только осторожно!

Тот, который открывал сейф и которого называли Саней, со всей аккуратностью, на которую был способен, поодиночке достал тома большой книги из сейфа и положил их на приставной столик. В свете фонарика было видно, что это какие-то очень старые и, наверное, чрезвычайно ценные книги. Кто-то раскрыл верхний том, и все увидели, несмотря на тусклый свет, вязь готических букв, так близко примыкающих друг к другу, что строчки казались экзотическим орнаментом, состоящим из остроконечных черных значков с мелкими цветными вкраплениями. На полях книги виднелись яркие витиеватые узоры в виде переплетенных веточек с листьями, каких-то фантастических цветов, переходящих в изображение заглавной буквы, с которой, по-видимому, начинался текст новой главы.

— Вот это да! — сказал кто-то.

— Товарищ майор, такого я еще не видел! — растерянно проговорил Саня. — Неужели это та самая книга?

— Ну, та или не та — определяют специалисты. Наше дело... сам знаешь! Ладно, убираем! Только смотрите — не повредите чего-нибудь! Коробка здесь?

— Здесь.

— Складываем и уходим. А ты, — старший коснулся локтя одного из сотрудников, — все проверь, чтобы...

— Не первый раз...

Через несколько минут оперативная машина, в которой сидели четыре сотрудника госбезопасности, отъехала от главного входа в высотку и направилась в сторону улицы Косыгина. В багажнике «Волги» лежала коробка с двумя томами книги, которая вот уже сорок шесть лет считалась безвозвратно утраченной для человечества. Это была сорокадвухстрочная «Библия» — первое печатное издание Иоганна Гутенберга,^[137] изготовленное им в 1454 году, уникальное произведение, равного которому нет в мире.

11 декабря 1991 года, вечер.

Москва. Лубянская площадь.

Здание АФБ России. Кабинет № 535

— Принимай, Орлов! Вот твои книги! Тяжеленные, скажу тебе!

В кабинет помощника председателя Агентства федеральной безопасности России подполковника Орлова двое сотрудников внесли и поставили на пол большую картонную коробку. Начальник управления по борьбе с терроризмом, сотрудники которого прошлой ночью произвели «выемку», с интересом посмотрел на Орлова. Еще до конца не осознавая масштаба происшедшего, он интуитивно чувствовал, что находка относится к числу уникальных, а следовательно, может стать очень важным событием, может быть даже мирового значения.

— Слушай, Андрей, а, правда, говорят, что эти книги стоят полмиллиона долларов?

— Коля, не полмиллиона, а два с половиной миллиона!

— Ты чего? — Он с изумлением уставился на Орлова.

— А вообще — это бесценное сокровище. Оно не имеет цены. Ну, как, например, «Сикстинская мадонна» Рафаэля. Сколько она стоит? Или Микеланджело!

— Ну, это ты загнул. Рафаэль! Микеланджело! Это — совсем другое дело!

— Нет, не другое. Если специалисты подтвердят, что это подлинник, — считай, мы нашли произведение мирового значения!

— Сверли дырки! — ехидно усмехнувшись и намекая на награды, сказал начальник управления. — Может, и мне чего-нибудь обломиться?

— Не будем торопиться, Николай. Давай сначала сделаем экспертизу, а

потом...

— Ну давай, давай! Дерзай! — Пожав руку Орлову, он вышел из кабинета.

СТАТЬЯ: «Спросите у библиофилов всего мира, какая книга является самой редкой из всех книжных раритетов, и почти каждый из них назовет «Библию» Гутенберга 1456 года — самую первую в мире печатную книгу.

Если предположить, что коллекционеру посчастливится найти самое первое издание «Библии» Гутенберга, то, по оценкам экспертов, ему придется выложить за нее от 25 до 35 миллионов долларов. Такие расчеты основываются на том факте, что один из томов двухтомника Гутенберга (не первого издания) еще 25 лет назад был продан за пять с половиной миллионов долларов...

Самая первая в мире книга была напечатана немецким ювелиром и изобретателем книгопечатания Иоганном Гутенбергом (наст. имя Иоганн Генсфляйш цур Ладен цум Гутенберг). Подготовка к печатанию книги началась в 1451–1452 годах, а первые экземпляры появились в 1454–1455 годах... Считается, что всего было напечатано 180 копий книги, 135 на бумаге и 45 — на пергаменте...»

(О «Библии» Гутенберга. Интернет-портал «Samogo.net», 2011 год).

Андрей еще некоторое время сидел за столом, с трудом преодолевая желание подскочить к коробке, открыть ее и убедиться, что заветная книга наконец рядом. Этого дня он ждал более десяти лет, уже потеряв всякую надежду на то, что ему когда-нибудь удастся вытащить этот мировой шедевр из заточения.

Когда-то, еще до прихода на службу в органы госбезопасности, Орлов сам работал в «главном вузе страны» и однажды, совершенно неожиданно для себя, узнал «страшную тайну» — выдающийся мировой раритет, книга первопечатника Иоганна Гутенберга, считавшаяся пропавшей в годы Второй мировой войны, находится в нижнем ящике сейфа одного из служебных кабинетов. Как она туда попала, можно было только догадываться. Смерч Второй мировой войны смел не один шедевр человеческой цивилизации, а пути многих из них затерялись на извилистых дорогах боевых операций, оккупаций, репараций, репатриаций и прочих «-

аций», что-то похоронив навсегда, а что-то оставив лежать в каком-нибудь тайнике и ждать своего часа.

В тот день, 11 декабря 1991 года, когда в кабинет Андрея Петровича Орлова в известном здании на Лубянке доставили коробку с «Библией», он подумал: «Вот и настал ее час». Но все оказалось куда сложнее.

После августовских событий, так переменивших жизнь страны и всех людей, проживающих в ней, прошло немногим более трех месяцев. Как и следовало ожидать, ввод чрезвычайного положения спровоцировал неслыханный разгул социальных страстей, который вылился в распад прежней системы управления государством и лихорадочное формирование новой. Центр тяжести принятия всех основных решений переместился к российскому руководству во главе с Ельциным, Горбачев же все более и более становился декоративной фигурой, жалкой и незначительной.

О недееспособности Президента СССР свидетельствовали многочисленные факты, открывшиеся после провала августовского путча, и прежде всего документы, обнаруженные у членов ГКЧП.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «После ареста члена ГКЧП Болдина старшим следователем по особо важным делам Генеральной прокуратуры совместно с представителем КГБ СССР было произведено изъятие документов из сейфа в служебном кабинете руководителя Секретариата Горбачева в Кремле.

Когда я зашел в свой кабинет на Лубянке, я увидел, что стол буквально завален пакетами с документами. Эти двое были тут же, нервно курили, пили чай и, по всей видимости, не знали, что делать с изъянными документами. Насколько я понял, акт на эти документы еще не составлялся. Там было более четырехсот документов, преимущественно пакетов с грифом «Совершенно секретно». Все они были адресованы Горбачеву. Но что поразительно — все нескрытые!

Мы стали вскрывать конверты и знакомиться с содержанием документов. Там были... различные аналитические справки, рапорты на имя Крючкова, которые говорили об оперативной обстановке в стране и за рубежом, предложения КГБ СССР... Но что меня поразило — эти пакеты лежали в сейфе у Болдина^[138] без доклада Генеральному секретарю — Президенту СССР без движения. То есть груды этих пакетов за два последних месяца не вскрывались, а лежали мертвым грузом. Болдин не докладывал о

них, зная отношение Горбачева: мол, все это — пустяки и чепуха!»

*(Е.М. Войко, первый заместитель начальника
Оперативно-технического управления АФБ России).*

ИНФОРМАЦИЯ: «Группа оперативного информирования КГБ готовила на основе материалов с мест ежедневные информационные сводки на самый верх. Было несколько видов рассылки, в том числе самому высшему руководству, так называемая «малая рассылка» — Горбачеву, Рыжкову и Лукьянову. Я приезжал к семи часам утра, визировал сводки, после чего они направлялись в Кремль... тут были материалы разведки и контрразведки, данных подразделений технического контроля и военной контрразведки...

После провала ГКЧП всех наших сотрудников допрашивали следователи Генпрокуратуры. Их обвиняли в том, что они якобы дезинформировали руководство страны: с мест получали одну информацию, а наверх отправляли совершенно другую... Я предложил следователям ознакомиться с «подкладками» — копиями телеграмм, отправлявшихся в Кремль. Целых восемь томов! Но никого это не заинтересовало и никто к этим материалам не обращался» (

*С.С. Дворянкин, старший инспектор Инспекторского
управления КГБ СССР).*

Провал августовского путча привел к катастрофическому обвалу всех союзных структур власти, а впоследствии и к развалу страны. Все элементы гигантской системы управления, складывавшейся десятилетиями, вмиг оказались ненужными, стали замещаться республиканскими органами и совершенно новыми структурами. Перед угрозой развала союзные ведомства, как могли, пытались сохранить свою дееспособность, отмежевывались от ГКЧП и осуждали участников путча. Сделала это и Коллегия КГБ СССР.

ДОКУМЕНТ: «В связи с предпринятой 19 августа с.г. попыткой группы государственных лиц совершить антиконституционный переворот коллегия КГБ СССР считает

необходимым от имени всего личного состава органов государственной безопасности заявить следующее:

«Действия заговорщиков, сорванные решительными выступлениями демократических сил страны, нельзя расценивать иначе как выступление против конституционных властей и правопорядка, защищать которые призваны органы государственной безопасности. Сотрудники КГБ не имеют ничего общего с противозаконными актами группы авантюристов. Они тяжело переживают тот факт, что честь органов госбезопасности замарана участием руководителя КГБ СССР в так называемом Государственном комитете по чрезвычайному положению.

Коллегия призвала руководителей органов госбезопасности, исходя из политической и правовой оценки, данной Президентом СССР, осуществлять свою деятельность в строгом соответствии с Конституцией, законами СССР и решениями Президента страны»

(Заявление Коллегии КГБ СССР. 22 августа 1991 года).

Эта линия была подтверждена многочисленными заявлениями представителей союзного КГБ, в том числе его Центра общественных связей.

ИНТЕРВЬЮ: «Вопрос: Известно, что после завершения путча многие из сотрудников КГБ подали заявления об уходе. Одни кроют матом бывшего председателя, другие боятся расправы толпы.

Ответ: Действительно, в четверг, 22 августа, стекла в двери Центра общественных связей были выбиты пикетчиками, ее пришлось закрыть. На мемориальной доске Ю. Андропова намалевали свастику. Демонстранты скандировали: «Фашисты! Фашисты!» Понять людей можно: они думают, что за всеми событиями стоял КГБ.

Но, во-первых, далеко не весь КГБ поддержал путчистов из ГКЧП, или как их у нас прозвали: «Чук и Гек». В частности, многие территориальные управления выполнили указание председателя КГБ России Иваненко строго следовать указам Президента России.

Во-вторых, в чекистских коллективах высказывается недоверие к руководству КГБ. Служебное расследование покажет,

кто есть кто. Но независимо от него считаю, что те руководители, которые по своим внутренним убеждениям поддерживали ГКЧП, должны сами подать в отставку»

(А. Карабаинов, начальник Центра общественных связей КГБ СССР. ((Аргументы и факты», 29 августа 1991 года).

Органы государственной безопасности подверглись неслыханным атакам со всех сторон, всерьез зазвучали голоса ликвидировать их, а сотрудников поставить вне закона, как каких-нибудь преступников.

СТАТЬЯ: «Нынешняя система КГБ должна быть демонтирована. Все те громадные помещения, которые они занимают на Лубянке и прилегающих улицах, напоминают нам о том, что в них сидят тысячи людей, которые ведь над чем-то работают. Сейчас, наверное, жгут архивы»

(В. Старков «Русская революция 1991 года. Наш вариант». «Аргументы и факты», август 1991 года, № 33).

Вскоре после августовских событий КГБ был ликвидирован, а его место заняли две самостоятельные структуры — Межреспубликанская служба безопасности, которую возглавил Бакатин, и Агентство федеральной безопасности,^[139] руководить которым стал Иваненко. Первую называли сокращенно МСБ, а вторую — АФБ. Но это было только начало долгого пути многочисленных переименований и реорганизаций органов государственной безопасности. Именно тогда появилась разрушительная фигура Бакатина, сыгравшего впоследствии зловещую роль в новейшей истории органов безопасности.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «За большим столом сидели президенты союзных республик, Горбачев — в председательском кресле, а рядом с ним, с левой стороны, место свободно. «Вадим Викторович, — произнес Президент, — вот мы тут все вместе решили предложить вам возглавить Комитет государственной безопасности». Признаться, я воспринял это предложение спокойно. «Конечно, для меня это большая

неожиданность», — сказал я президентам... «А меня вы все поддерживать будете?» — спрашиваю президентов. «Конечно, — отвечают, — будем поддерживать». «Только ведь вы направляете меня в такую организацию, — говорю, — которую, на мой взгляд, вообще надо расформировать». «Так вот мы вам это и поручим», — отозвался Президент России Борис Ельцин и предложил включить это в Указ»

(В.В. Бакатин, Председатель КГБ СССР. «Избавление от КГБ». Москва, 1992 год).

Орлов продолжал работать с Иваненко. Российский комитет, получив новый статус, стал быстро набирать обороты, превращаясь в мощную российскую спецслужбу. Для большинства сотрудников Комитет госбезопасности России, переименованный в АФБ, были той частью системы, которая гибко «встраивалась» в изменившуюся обстановку, которая могла более активно и напористо действовать применительно к новым условиям и, наконец, освободиться от устоявшихся шаблонов и штампов, от образовавшегося за многие годы бюрократического налета и догматического мышления. Именно поэтому от желающих перейти в АФБ не было отбоя. Молодые сотрудники контрразведки, осознающие масштабы радикальных перемен, в которые вступает страна, понимали, что работать в новых условиях будет гораздо труднее, так как в обществе уже сформировался образ врага в лице чекистов. Рассчитывать на особую благосклонность российского руководства не приходилось, а доверие среди населения в значительной степени пошатнулось. Одни упрекали чекистов за то, что они не смогли сберечь страну от развала, другие — за то, что являются наследниками «тоталитарного прошлого» и помехой на пути движения к демократическому будущему.

Еще несколько месяцев назад российская госбезопасность представляла собой горстку сотрудников, решившихся на участие в сложном и опасном эксперименте — создании новой спецслужбы, которая должна была оказаться более гибкой, более эффективной, чем КГБ СССР, а главное — в большей степени способной активно действовать в новых социальных и политических условиях. Теперь же, после подписания Президентом России 26 ноября Указа об образовании АФБ, формирование новой структуры пошло форсированными темпами. В короткие сроки образовались мощные управления контрразведки, по борьбе с организованной преступностью и коррупцией, терроризмом,

информационно-аналитическое, наружной разведки, оперативно-техническое. Уже не десятки, а тысячи людей трудились на ниве обеспечения российской безопасности. Впрочем, все это происходило тоже не слишком гладко. Особенно если учесть, что еще вчера на Российский комитет смотрели как на результат закулисных игр и политической конъюнктуры, а сегодня АФБ казалось единственной для чекистов перспективой остаться в профессии и строить свою карьеру.

ИНФОРМАЦИЯ: «Август дал толчок к существенному разрастанию КГБ России, повышению его роли. Поспешность, с какой это делалось, губило идею на корню. И здесь был ряд причин. Первая заключалась в том, что наиболее профессиональная часть офицеров КГБ в той или иной степени была все-таки причастна к событиям августа. Безусловно, шансов, да и желания работать в республиканском органе у них было мало. Вторая причина была более прозаическая. Серость, у которой в нормальных условиях не было реальной возможности продвинуться по службе, увидела свой шанс...

В приемной у председателя КГБ России Виктора Иваненко толпились потенциальные начальники управлений и отделов стремительно расширяющегося ведомства... Привлекали должности, которые получить в КГБ СССР было невозможно. Особенно стремились туда люди серые и неоплодотворенные интеллектом...»^[140]

(Л.Г. Михайлов, начальник пресс-службы УКГБ по Москве и Московской области. «Портрет министра в контексте смутного времени: Сергей Степашин». Москва, 2001 год).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Огромное количество людей, большинство сотрудников центрального аппарата стремились попасть в Российский КГБ. Это и понятно. Если они хотели продолжать работу в своей профессии, то надо было продолжать службу в той структуре, которая казалась им более жизнеспособной...

Многие из тех, кто реально оценивал свои профессиональные качества, понимали, что в российской госбезопасности собирается профессиональная команда и те, кто

подменял свою работу либо болтологией или имитацией бурной деятельности, в российский КГБ не попадут. Потому, что там людей набирали персонально...»

(А.В. Олигов, начальник Отдела общественных связей КГБ России).

ИНФОРМАЦИЯ: «Часть сотрудников с удовольствием перешла в российский КГБ, видя в этом свою перспективу, часть ушла из органов, часть просто выжидала. В этой ситуации каждый сам определял, как поступить. Какого-то единого взгляда на обстановку не было»

(С.Е. Мартиросов, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «С образованием КГБ России... у людей открылся простор для того, чтобы сделать карьеру не у нас, в этой рутине, как мы считали, а в новой структуре... Туда, между прочим, попали люди, которых бы я близко не подпускал... Я даже говорил об этом Иваненко. Но он был очень самоуверен, самодоволен и не любил менять своих решений... Я сам приходил к нему и говорил: «Если понадобится — я готов!» А он в ответ: «Понадобись — решим!» Но я-то знал, что он меня не возьмет... Прежде всего потому, что я всегда говорю то, что думаю...»

(С. С. Дворянкин, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Я не знаю, кто чем дышал, но мы политизированы не были. Мы решали конкретные задачи. Конечно, некоторые шли в Российский КГБ с сомнением, потому что непонятно было, что это такое. Многие говорили, что все это скоро обрушится! Тем же, кто будет якшаться с «этими прихлебателями», то есть нами, — надают по морде! При этом нередко демонстрировалась явная неприязнь к нам. При любом случае пытались нас обидеть, обозвать прислужниками, приспешниками, карьеристами...

Нам приходилось встречаться с жуткой обструкцией союзных структур. Мы на себе чувствовали их пренебрежительное отношение, как к каким-то отщепенцам... Мне лично не раз в запале говорили: «Мы вас размажем! Вас все равно не будет!» Такова была общая атмосфера отношения к российским структурам...»

*(В.Н. Бабусенко, начальник Управления
правительственной связи АФБ России).*

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Когда Иваненко пригласил меня в АФБ, я не раздумывая дал согласие. Мне это было интересно. Я вообще люблю создавать что-то новое. В Афганистане, Когда я был советником у Наджибуллы, мне довелось создавать систему информационного обеспечения контрразведки. Все делалось с нуля: как должна собираться информация, куда идти, как документироваться, обрабатываться, докладываться... Поэтому и в АФБ я мог сделать все по-новому, избавиться от закостенелых подходов, организовать все на совершенно новых принципах... Для меня должности в Десятом отделе и АФБ были одинаковыми, и карьерного роста пока в этом не усматривалось. Главным был, конечно, интерес и большое желание сделать что-то совершенно новое...»

*(Ю.И. Скобелев, начальник Отдела оперативных
фондов АФБ России).*

Желающих поучаствовать в реформировании органов безопасности нашлось предостаточно. Оказавшиеся у власти и получившие возможность прикоснуться к рулю государственного управления вчерашние заведующие лабораториями, журналисты и преподаватели, военные и политработники, испытывали нестерпимый зуд реформаторства, особенно если это касалось силовых структур. Заметно преуспел в этом Вице-президент Руцкой.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Руцкой раза два меня дернул: мол, будешь реформировать органы как я скажу. Я ему ответил: «Не буду я, Александр Владимирович, реформировать. Я подчиняюсь президенту!» «Возьми, — говорит, к себе замом Генку, начальника особого отдела в Липецке». А Генка — его

дружок, майор. Я говорю: «Не возьму!»

А что предлагал Руцкой? Надо, мол, создать десять округов КГБ. Туда собрать все силы, а районные и городские аппараты закрыть. Вот его концепция реформирования органов! Он даже собственноручно схему построения органов нарисовал. Я ему сказал, что такую форму реформирования не приемлю, а он в ответ: «Тоща мы тебя снимем! Поставим во главе Генку». На этом разговор с Руцким о реформировании органов госбезопасности закончился»

(В.В. Иваненко, Председатель КГБ России).

Осенью Орлов получил досрочное звание подполковника — Иваненко, хотя и был скуп на похвалу, но умел ценить людей, умеющих с головой погружаться в работу и без излишних словопрений преодолевать препятствия. Андрей был именно таким человеком — работоспособным, принципиальным, самостоятельным и, что оказалось, не из робкого десятка. Правда, за своей спиной Орлову не раз доводилось слышать завистливый шепот или презрительное шипенье — так уж устроены люди: успех другого человека, даже если он обусловлен его личными качествами, которыми сами они не обладают, не дает им покоя, вызывая злобу и негодование.

Все дни у подполковника Орлова были с утра до вечера заняты до предела. Суббота стала заурядным рабочим днем. Даже иногда приходилось прихватывать воскресенье. Он приезжал на службу в начале девятого, просматривал поступившую за ночь почту: шифровки, докладные записки, донесения, письма, знакомился с прессой и материалами информационных агентств, уточнял график работы на день. Потом, как правило сразу после того, как от Иваненко выходил начальник Секретариата Андрей Стрельников, докладывавший ему утреннюю почту, Орлов обсуждал с Генеральным директором АФБ вопросы, которые следовало решить в первую очередь. Это были встречи с какими-то людьми, беседы с журналистами, обсуждение с сотрудниками подразделений вопросов структуры и штатов, подготовка тезисов выступлений Иваненко в Верховном Совете, на заседании Совета Министров или Госсовета. Именно в эти дни формировались новые приоритеты в организации работы спецслужбы, нащупывались наиболее острые проблемы, которыми АФБ должно озаботиться в первую очередь. При этом важно было краем глаза затянуть в завтрашний день и

предупредить возможные катастрофы и катаклизмы.

ИНТЕРВЬЮ: «На сегодня у нас две важнейшие задачи. Первое — это предупреждение, а если они произойдут, то и локализация чрезвычайных ситуаций. Такие чрезвычайные ситуации у всех на слуху: возможность социального взрыва, массовые беспорядки, межнациональные столкновения. Надо делать все, чтобы не пролилась большая кровь, чтобы не потребовалось вводить во всей стране или в отдельных регионах чрезвычайное положение...»

*(В. В. Иваненко, Председатель КГБ России.
«Московский комсомолец», декабрь 1991 года).*

Орлов уже съездил не в одну командировку, пообщался со многими заметными фигурами типа Елены Боннэр и Владимира Жириновского, Евгения Савостьянова^[141] и Галины Старовойтовой,^[142] привык к журналистскому прессингу, постоянному цейтноту, состоянию «загнанности» и ощущению непредсказуемости развития событий. Чем только не приходилось ему заниматься в эти первые послеавгустовские месяцы: работать над новой структурой российской госбезопасности, разрабатывать концепцию деятельности КГБ-АФБ России, обсуждать с десятками и сотнями людей самые различные вещи — события, назревающие в Приднестровье, невиданную активность иностранных спецслужб на территории СССР, «дело Валленберга»,^[143] «дело Сахарова», посягательства на архивы и административные здания госбезопасности, беспрецедентные домогательства журналистов получить доступ к секретным материалам...

ДОКУМЕНТ: «Вместо цивилизованных форм социально-экономического переустройства России, на авансцену общественной жизни могут выйти неконтролируемое противоборство политических группировок, межнациональная конфронтация, необузданный рост преступности и засилье мафиозных структур.

Переход к новым формам собственности, происходящий на фоне социальной поляризации... чреват ростом политических антагонизмов, которые могут поставить Россию на грань новой гражданской войны. В этих условиях наряду с мерами социально-

экономического характера чрезвычайно важное значение приобретает способность государства и общества обеспечить устойчивость нарождающихся институтов власти, оградить страну от внешних и внутренних угроз ее безопасности, гарантировать гражданам РСФСР защищенность от посягательств на их права и свободы.

Одним из элементов целостной системы обеспечения безопасности республики должны стать органы безопасности Российской Федерации...

...В целях обеспечения соответствия деятельности органов безопасности законодательным нормам, определяющим сферу их компетенции, правомерность используемых сил и средств, а также предотвращения возможных нарушений прав и свобод граждан осуществляются следующие виды контроля:

- президентский (Государственным Советом РСФСР); парламентский (комитетами и комиссиями Верховного Совета РСФСР);

- прокурорский (органами прокуратуры РСФСР); инспекторский

(Инспекторским управлением АФБ)» («Проект Концепции деятельности органов безопасности РСФСР на переходный период». Ноябрь 1991 года).

Орлов постоянно стал бывать в Белом доме и на Старой площади, познакомившись там со множеством разных людей, воочию увидев «хаос преобразований» и то, как великое государство, оказавшись без руля и ветрил, понеслось по бушующему морю «демократических преобразований».

Мысль разыскать «Библию» Гутенберга посетила подполковника Орлова, можно сказать, неожиданно. Возвращаясь как-то раз домой в одиннадцатом часу вечера на служебной «Волге», он услышал по радиоприемнику какую-то передачу, посвященную истории техники. Смертельно устав за день, он сначала не прислушивался к тому, что рассказывал журналист, воспринимая доносившийся из приемника рассказ как звуковой фон к мелькающим за окном вечерним фасадам Кутузовского проспекта. Но потом неожиданно что-то привлекло внимание Орлова — то ли фраза, сказанная журналистом, то ли упомянутое им имя. Андрей прислушался:

«...первым применил печатание с использованием подвижных металлических литер, закрепленных в раме, немецкий изобретатель Иоганн Генсфлейш, известный как Гутенберг. Это изобретение сыграло огромную роль в развитии просвещения...»

Стоп! Орлова будто ударили. Усталость и безразличие, накопившиеся к концу дня, вдруг куда-то улетучились. «Гутенберг! Иоганн Гутенберг!» — застучало в голове.

Конечно, кто не знает этого выдающегося изобретателя средневековья, положившего начало книгопечатанию! Еще со школьной скамьи все мы знаем, что первую печатную книгу в мире изготовил Гутенберг, а первое печатное издание на Руси вышло спустя столетие из печатного станка Ивана Федорова. Андрей до сих пор помнил виденную где-то средневековую гравюру, на которой были изображены странные бородатые люди в шапочках, суесящиеся перед каким-то громадным диковинным прессом. Но не эти воспоминания так повлияли на состояние Орлова, а совсем другие, подернутые уже тонкой дымкой времени. Дело в том, что четырнадцать лет назад Орлову довелось соприкоснуться с удивительной тайной, хранить которую он обещал одному человеку. Уже несколько лет человека этого не было в живых...

Это было летом тысяча девятьсот семьдесят седьмого года, задолго до того, как Орлов поступил на службу в органы госбезопасности. Начальник отдела ректората МГУ, в котором работал тогда Орлов, должен был уйти в отпуск, а Андрей, как его заместитель, принять некоторые дела, которые должен был продолжить в отсутствие начальника. Собственно говоря, дел было не так то уж и много: провести какие-то проверки соблюдения требований приказов на факультетах, организационно обеспечить несколько плановых мероприятий, следить за тем, чтобы сотрудники вовремя исполняли порученную им работу, ну и, конечно, самому быть на высоте положения — грамотно решать возникающие вопросы и уметь урегулировать появляющиеся проблемы. Орлову было двадцать шесть, но он уже был достаточно опытным работником, пользовавшимся авторитетом у подчиненных и окружающих.

— Андрей, если позвонит ректор и обратится с какой-нибудь просьбой — постарайся сделать все как надо. Ты же умеешь! В чем-то засомневаешься — звони! Я буду на даче. Телефон ты знаешь!

— Я думаю, Василий Северьянович, до этого дело не дойдет. Вы отдыхайте спокойно. Я справлюсь, в крайнем случае...

— Да в том, что ты справишься, я и не сомневаюсь. Просто... бывают такие моменты, что я и сам не знаю, как поступить.

— Тогда буду советовать.

— Теперь вот что... Ты знаешь, где у меня лежат документы, особенно те, которые могут понадобиться в чрезвычайных условиях...

— Василий Северьянович, я надеюсь, что за это время... ну пока вы будете отсутствовать, ничего такого не произойдет!

— Да, конечно! Но все-таки... На всякий случай! Если что — доложишь лично ректору! Ну... эти...

— Я понял, понял!

— И еще...

— Что, Василий Северьянович?

— Да я хотел тебе сказать об одной вещи... Только... Андрей, ты должен иметь в виду: об этом не знает никто!

— Как никто?

— Никто!

— Даже ректор?

— Да.

Орлов с удивлением посмотрел на своего начальника. Выражение его лица было непонятным. Василий Северьянович выглядел чрезвычайно серьезным, демонстрируя исключительную важность момента, и в то же время в глазах его угадывалась смешинка. Он, говоря важные вещи, как будто иронизировал над самим собой и тем самым вводил собеседника в заблуждение.

Старый и мудрый человек, обладающий громадным чекистским опытом, Василий Северьянович Иващенко^[144] знал, что любое событие или явление имеет две стороны — серьезную и не очень, важную и не совсем, главную и второстепенную. Прослужив не один десяток лет в Центральном аппарате Комитета госбезопасности, он был одним из немногих, кто уцелел в мясорубке сталинских репрессий, прокатившихся по самим органам. Собственно, Орлов не знал подробностей его службы в КГБ и лишь по отдельным моментам, о которых Василий Северьянович рассказывал как бы вскользь, догадывался, что ему довелось еще в конце тридцатых служить в следственных подразделениях НКВД, где сохраниться мог лишь человек незаурядной способности избегать конфликтов, не ввязываться в противоречивые действия, не лезть из кожи вон, чтобы угодить начальству, которое само ходило под Богом. Выжить в этих условиях, да еще продвинуться по служебной лестнице в годы войны и сразу после нее мог только человек чрезвычайно осторожный и, конечно же, везучий. Наверное, всеми этими качествами и обладал Василий Северьянович, ставший после увольнения в отставку начальником отдела в ректорате самого крупного

высшего учебного заведения страны.

— Андрей, я покажу тебе одну вещь... Я тебе уже сказал: о ней не знает никто! И ты тоже должен будешь забыть о ней, как будто я тебе ничего не показывал и ничего не говорил. Понял?

— Понял! — Орлов заинтригованно смотрел на Василия Северьяновича. Ему казалось не просто странным, а даже нелепым слышать из уст начальника столь непривычные предупреждения. Ведь Орлову приходилось уже немало работать с секретными документами и материалами, и всякие предупреждения подобного рода казались ему излишними. Ведь он давал подписку о неразглашении сведений и понимал, что не имеет права нарушать эти обязательства. За время работы в отделе Орлову пока еще никто не говорил так настойчиво, что он «должен забыть» о какой-то информации, как будто это не государственная тайна, хранить которую обязан каждый гражданин, а нечто такое, что знать вообще не должен никто.

«Что же это за вещь такая, — с удивлением думал Орлов, — что даже Северьяныч меня так настойчиво предупреждает? Может, это документ какой-то... особой государственной важности?»

Василий Северьянович встал из-за стола, подошел к массивному двухкамерному сейфу, стоящему в углу кабинета, прямо рядом с дверью. Он аккуратно снял маленькую алюминиевую бирочку с пластилиновой печатью, вставил фигурный ключ в замочную скважину, повернул его, а затем так же блестящую металлическую ручку и открыл нижнюю дверцу несгораемого шкафа. Андрей рассмотрел внутри ячейки стопку каких-то бумаг, общих тетрадей и книг на верхней полке, коробку с набором различных штампов, несколько бумажных пакетов, прошитых толстой суровой ниткой, скрепленной сургучными печатями. Но что это? С удивлением Андрей увидел золотое тиснение на кожаных переплетах двух громадных книг, едва помещавшихся на полке.

Не без труда вытащив из сейфа сначала один том, а затем другой, Василий Северьянович торжествующе посмотрел на Орлова, как бы желая насладиться впечатлением, которое произвели на него книги. Но Андрей недоуменно смотрел на фолианты, совершенно не понимая, в чем заключается важность настоящего момента. Будучи историком по образованию, он понимал, что перед ним какие-то старинные книги, возможно имеющие историческую и художественную ценность. Но зачем они здесь и почему их демонстрация освещена таким ореолом таинственности и строжайшей секретности, Орлов не понимал. Не зная, как реагировать на происходящее, он вопросительно посмотрел на Василия

Северьяновича. Но тот как будто не видел недоумения Андрея и продолжал стоять с видом человека, испытывающего чувство сопричастности к мировой истории.

— Вот, посмотри! Ты же историк! — проговорил Василий Северьянович с удовольствием. Он это говорил так, словно сам изготавил или написал эти два громадных тома.

Орлов приподнял крышку кожаного переплета с золотистым тиснением и увидел желтоватые листы плотной бумаги с двумя колонками вязи готических букв. Каждая строчка была похожа на четкий, с резкими краями, вытянутый узор. Оттиски черной краски образовывали слова и целые предложения, кое-где перемежались яркими красными литерами. Каждый новый абзац начинался с большой, в пол-листа, красочной буквицы, представляющей собой изящный колоритный рисунок. Тут были и живописные розовые цветы, похожие на лилии, цветущий миндаль или мышиный горох, причудливо извивающиеся стебли и листья с длинными усиками, тянущимися вдоль полей страницы. Удивительно удачно подобранные цвета, служащие фоном буквицы, придавали картинке яркость и колорит. Так, буква «Р», исполненная голубым цветом, с яркосиними узорами, располагалась на пурпурном фоне с тонким золотистым рисунком, сияющим при свете солнечных лучей.

Орлов с недоумением посмотрел на Василия Северьяновича.

— Что это за книги? Это... это, наверное, очень старые...

— Да не просто старые, Андрей! Это — вообще первая напечатанная книга, «Библия»!

— Гутенберга? — воскликнул Андрей. — А почему она здесь?

— Эта книга считается пропавшей во время войны. О ее существовании не знает никто. Ну, почти никто.

— А как, Василий Северьянович, она попала в ваш сейф?

— Это долгая история, которая никому не известна. В сорок пятом году, когда Красная Армия уже вошла в Германию...

И тут Василий Северьянович поведал Андрею удивительную историю, в результате которой пропавший раритет оказался в его кабинете, историю, окутанную тайной и не имеющей пока продолжения.

СТАТЬЯ: «Окончив летом 1945 года, двадцатилетним лейтенантом, войну в Германии, я был прикомандирован к аппарату Уполномоченного Государственного особого комитета обороны (ГОКО) в Германии. Эта организация занималась вывозом по репарациям имущества из Германии в Советский

Союз в соответствии с решениями Тегеранской и Потсдамской конференций. Вывозом книг (так называемой «трофейной литературы») руководила моя мама Маргарита Ивановна Рудомино, основатель и директор Государственной библиотеки иностранной литературы в Москве. В Германии она была с весны 1945 года в звании подполковника. В составе ее группы я и работал...

...Величайшее культурное достояние Лейпцига — Немецкий музей книги и шрифта (Museum für Buch und Schrift in Leipzig) — был отправлен в Советский Союз. Как раз сокровища этого музея и довелось вывозить мне...

Я прибыл... из Берлина на трех грузовых машинах с тремя солдатами-водителями... Мы довольно быстро извлекли из совершенно сухого подвала замка по-немецки добротные сделанные ящики с книгами и разместили их на машинах. Я, конечно, понимал ценность этого необычного груза. Ведь когда меня посылали за ним, то сказали — там находится «Библия» Гутенберга. А еще до войны в школе нам говорили, что Днепрогэс построили на Гутенберговскую «Библию», то есть на деньги, полученные за принадлежавший России экземпляр «Библии» Гутенберга, проданный большевиками американцам. Но, все равно, я не представлял, как понимаю это в настоящее время, что книги в ящиках из подвалов замка по сути были бесценны. Мы везли их по Германии без какой-либо охраны, получили безо всякой описи, не оставили никаких расписок...»

(А. Рудомино «Полвека в плену». «Наше наследие», № 32, 1994 год).

— ...Так вот и оказалась «Библия» Гутенберга здесь.

Они помолчали немного, каждый думая о своем. Андрей пролистал еще несколько красочных страниц, обратил внимание на мелкие дырочки, пронизывающие насквозь толщу листов, на едва различимые водяные знаки, бумажные заплатки, наложенные, по-видимому, при последней реставрации.

— Я тебе, Андрей, это все рассказал, чтобы ты знал, что находится в этом сейфе. Может быть всякое... Ты должен знать, раз остаешься вместо меня. Но, сам понимаешь, никто не должен...

— Василий Северьянович, вы сказали. Для меня этого достаточно.

Никто не будет знать.

— Ну вот и хорошо! — С этими словами он взял верхний том и положил его в сейф. После того, как книги заняли свое место, дверка за ними закрылась, щелкнули замки и на алюминиевом кружочке снова появился оттиск печати на пластилине.

С тех пор Орлов ни разу не видел этой книги. Никакой такой ситуации, чтобы вскрывать сейф во время отсутствия начальника, не возникло, и Василий Северьянович, после возвращения благополучно получил от Андрея в свои руки ключи от сейфа. И последующие годы, пока Орлов работал на девятом этаже высотного здания, никак не повлияли на то, чтобы вернуться к вопросу о знаменитой книге, томящейся в заключении. Потом Андрей защитил диссертацию, ушел служить в органы госбезопасности и, откровенно говоря, в суете будней даже немного подзабыл о существовании «Библии» Гутенберга. Да и повода вспоминать ее особенно не возникало. И вот спустя четырнадцать лет...

Орлов с трудом дождался начала следующего дня. Он даже удивился, почему только сейчас ему пришла в голову мысль разыскать ценную книгу. С начала перестройки, принесшей переосмысление многого из того, что казалось невозможным или даже запретным, прошло уже несколько лет. Проблема культурных ценностей, пропавших в годы Второй мировой войны, стала все больше и больше переходить из сферы глубокой тайны в плоскость обсуждения, в том числе и на международном уровне. Разумеется, «пропавшему» сокровищу, спрятанному в сейфе, оставалось находиться там не так уж долго. Ведь, как известно, нет такой тайны, которая не стала бы с течением времени явью. Вот только кто может воспользоваться вдруг открывшемся знанием и какие последствия это может иметь для интересов государств — это вопрос.

Орлов пригласил к себе начальника Управления по борьбе с терроризмом Николая Николаевича Брагина и попросил его уточнить что-либо о возможном нахождении денной книги.

— Андрей, ты чего? Нам надо формировать управление, задания от Иваненко сыплются одно за другим, на территории ты знаешь, что происходит. В Чечено-Ингушетии того и гляди начнется война. Тут операцию мы готовим по одной организованной преступной группе. А ты...

— Коля, да пойми же! Речь идет о ценности мирового значения. Если мы ее найдем — это будет заслуга АФБ. Доложим президенту...

— А Иваненко докладывал? Он согласен?

— С чем? Ну подожди, давай сначала установим, находится ли книга

там, а потом спросим у него санкцию на...

Николай Николаевич, недавно назначенный на должность начальника Управления по борьбе с терроризмом, человек, обремененный тысячами забот, без особого энтузиазма отнесся к просьбе Орлова, но все-таки согласился помочь. А уже через пару дней он сообщил, что книга на месте.

— Слушай, Андрей, по нашим данным, твоя книга находится в том самом кабинете, который ты назвал. А откуда ты-то знаешь? Мои ребята узнали от одного из старейших сотрудников... Так что давай, спрашивай санкцию у шефа. Даст поручение — аккуратно изыдем! Ну а там... ты уж сам будешь...

— Спасибо, Коля. Сегодня же доложу.

Как только Николай Николаевич ушел, подполковник Орлов сел за компьютер и стал писать докладную записку.

ДОКУМЕНТ: «Генеральному директору АФБ генерал-майору В.В. Иваненко.

В результате второй мировой войны оказались утраченными многочисленные культурные и исторические ценности, находившиеся в музеях и частных коллекциях стран Восточной и Западной Европы. Среди них — первое печатное издание библии — т. н. 42-строчная «Библия» И. Гутенберга — уникальное произведение Средневековья (1455 г.), единичные экземпляры которого хранились в музеях Германии, Франции и США, числящееся во всех поисковых реестрах и оценивающееся специалистами в десятки миллионов долларов.

Докладываю, что мною установлено точное местонахождение экземпляра «Библии» И. Гутенберга, считавшегося безвозвратно утраченным и, по-видимому, вывезенного нашими войсками из Германии в качестве трофея. Мне известно также, что на запросы немецкой стороны о возможно известной нам судьбе этого произведения искусства давались отрицательные ответы. О нынешнем местонахождении «Библии» знает очень ограниченный круг лиц.

Считаю, что в нынешней политической ситуации было бы вполне своевременным решить вопрос о передаче указанной уникальной ценности ее настоящим владельцам. Подобный инициативный акт доброй воли со стороны Президента РСФСР, безусловно, был бы положительно встречен международной общественностью и по достоинству оценен правящими кругами

ФРГ, наглядно продемонстрировал бы готовность России строить отношения с Германией в духе подписанного в ноябре 1990 года двустороннего Договора о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве (Статья 16 Договора предусматривает «возвращение владельцам или их наследникам пропавших или незаконно вывезенных культурных ценностей»).

Кроме того, инициатива и практические действия АФБ РСФСР в этом вопросе, по моему мнению, будут способствовать подъему престижа АФБ, как организации, готовой откликнуться на широкое движение в защиту общечеловеческих ценностей.

Предлагаю:

1. Изучить вопрос о неофициальном изъятии «Библии» из установленного учреждения для проведения искусствоведческой экспертизы. С этой целью использовать оперативные силы бывшего Управления «З», в контрразведывательном обеспечении которого находилось данное учреждение.

2. После установления подлинности считавшегося утраченным экземпляра «Библии» информировать о находке Правительство и Президента РСФСР. Направить по этому вопросу соответствующую записку руководству России с предложениями о передаче «Библии» Правительству ФРГ.

3. Учитывая возможность утечки информации о местонахождении «Библии» (особенно после моей попытки уточнить его) представляется целесообразным принять указанные меры незамедлительно, т. к. нельзя исключить возможности ее изъятия другими лицами.

*Помощник Генерального директора А.
Пржездомский^[145]»*

*(Докладная записка Генеральному директору АФБ
России В.В. Иваненко. 6 декабря 1991 года).*

Через час у Орлова в руках был уже экземпляр записки с резолюцией Иваненко, поручающей соответствующим службам АФБ «организовать исполнение». К явному удовольствию Орлова, Иваненко сразу согласился с его предложениями. Как человек, реально оценивающий возможные выгоды от использования находки «Библии» в качестве средства для ведения политического диалога с Германией и, естественно, для

повышения авторитета российской спецслужбы в глазах руководства страны, он ухватился за то, что предлагал Орлов.

— Давай, Андрей, действуйте! Если все так, как ты говоришь, — это может заметно поднять престиж нашей службы. Если, конечно, там... — он усмехнулся и махнул куда-то рукой, — поймут, что к чему. Действуй!

— Есть, Виктор Валентинович. Как достанем и проведем экспертизу — доложу.

— Давай! — Иваненко посмотрел на Орлова усталыми глазами. Последнее время настроение генерального директора АФБ, несмотря на существенное укрепление позиций российских чекистов, резко упало. Он скептически относился к некоторым действиям президента, видя их непоследовательность и спонтанность. Кроме того, у Ельцина явно росло недоверие к Иваненко, которое и так было подорвано событиями августа. Президент, наверное, никак не мог простить руководителю российской госбезопасности того, что тот не предупредил его о грядущих событиях, а может быть, даже подозревал в двурушничестве.

12 декабря 1991 года, утро.

Москва. Лубянская площадь.

Здание АФБ России. Кабинет № 535

Накануне поздно вечером в кабинет Андрея Петровича Орлова сотрудники Управления по борьбе с терроризмом Агентства федеральной безопасности России доставили коробку с «Библией» Иоганна Гутенберга. Первое, что теперь следовало сделать, — это установить подлинность книги, убедиться в том, что она является именно тем бесценным сокровищем, которое вот уже много лет числится пропавшим без вести.

Для начала Орлов связался с руководством Оперативно-технического управления и попросил прислать специалистов для проведения криминалистического исследования. Через полчаса в его кабинете появились двое мужчин — высокий седой с внешностью университетского профессора и худощавый темноволосый крепыш, больше смахивающий на следователя, нежели на научного сотрудника. Они с удивлением рассматривали тома «Библии». По всему было видно, что поставленная перед ними задача существенно отличается от традиционных. Как криминалистам, им не раз приходилось проводить экспертизу шпионских тайнописных посланий, изучать особенности изготовления поддельных

документов, исследовать почерк, химический состав различных предметов. Но иметь дело со столь уникальным печатным изданием им не приходилось, тем более определять его подлинность.

— Вы нас извините, Андрей Петрович, — бегло осмотрев книги, сказал «профессор», — но мы не сможем в полной мере определить подлинность этих книг. Здесь нужна искусствоведческая экспертиза.

— Я понимаю. — Орлов был готов к подобному разговору. — Сейчас я как раз разыскиваю специалиста-искусствоведа, который мог бы со знанием дела осмотреть эти книги. Вы посмотрите все по своей части...

— Это другое дело. А... можно мы возьмем несколько проб... ну... краска, бумага, кожа?

— Пожалуйста! Только осторожно! Это же...

— Ну что вы! Все понятно. Это будут микроскопические частички.

Они повозились минут сорок с книгами, открывая то одну, то другую страницу, делая каким-то тонким инструментом соскобы и складывая крошечные частички в пластмассовые капсулы. Потом, пообещав уложиться с исследованиями в три-четыре дня, они ушли.

Теперь перед Андреем стояла задача найти искусствоведа, который мог бы дать квалифицированное заключение. Сначала Орлов думал пригласить кого-нибудь из Исторического музея, но потом вспомнил, что в Ленинской библиотеке есть Отдел редких книг и подобного специалиста, скорее всего можно найти именно там. Но действовать надо было осторожно, чтобы информация о находке не ушла на сторону. Интуитивно Андрей чувствовал, что «Библией» могут заинтересоваться не только специалисты, но и те, кто понимает истинную стоимость этого произведения искусства. А пока оно не находится под охраной государства, не исключены любые случайности.

Через час Орлову уже представили список, в котором были приведены данные о трех сотрудниках библиотеки. Все они были с учеными степенями, являлись большими специалистами в области редких книг. Одна сотрудница занималась кирилловской печатью эпохи Франциска Скорины и Ивана Федорова, другая — изучением русских изданий гражданской печати восемнадцатого века. Третья, которую звали Тамарой Александровной, совсем недавно защитила докторскую диссертацию об «инкунабулах» — первых печатных изданиях пятнадцатого века.

«Это то, что нужно!» — подумал Орлов и стал набирать номер телефона.

— Отдел редких книг! — раздалось на том конце провода.

— Здравствуйте, будьте добры к телефону Тамару Александровну, —

попросил Андрей.

— Минуточку! Сейчас посмотрю! — раздалось в ответ.

В трубке через щелчки и помехи, вызванные, наверное, только что прошедшей грозой, слышались приглушенные разговоры, хлопанье двери, скрип выдвигаемых ящиков стола. Через пару минут Орлов услышал тихий, приятный женский голос:

— Я слушаю!

— Тамара Александровна?

— Да.

— Здравствуйте! Вас беспокоит Андрей Петрович. Я — помощник Генерального директора Агентства федеральной безопасности России... Ну, КГБ по-старому...

На том конце провода молчали. Видно, упоминание КГБ оказалось для сотрудницы Ленинской библиотеки неожиданным.

— Тамара Александровна! Вы слышите меня?

— Да-да, я слушаю.

— Тамара Александровна, у нас возникла потребность проконсультироваться с вами по одному вопросу.

— Проконсультироваться? Но я работаю в Отделе редких книг. Не знаю, чем я смогу быть вам полезной...

— Тамара Александровна, если вы не возражаете, я подошлю вам машину... к главному входу в библиотеку... Вы сможете сейчас подъехать?

— Я... э-э... — Андрей уловил явное ее замешательство. По-видимому, Тамара Александровна никак не могла взять в толк, какие вопросы могут быть к ней у КГБ. — М-могу. Сейчас скажу заведующей..

— Тамара Александровна, пока не стоит. Вы же можете отойти по своим делам?

— Могу.

— Так давайте. Мы вас надолго не задержим. Полчаса, не больше.

— Хорошо. Куда мне подойти?

Орлов назвал ей номер автомашины и сказал, что ее встретит и проведет к нему его сотрудник. На том и порешили.

Тамара Александровна оказалась миловидной хрупкой женщиной лет сорока, одетой в строгое черное платье с маленькой брошкой в виде золотистой веточки на отвороте, короткая стрижка придавала ей вид взрослой девочки, а толстые стекла очков говорили о том, что занятия с книгами и рукописями, наверное, занимают в ее жизни значительное место. Андрею показалось даже, что он где-то раньше встречал Тамару Александровну, может быть в университете или в той же самой «Ленинке»,

где когда-то просиживал долгими вечерами, собирая материалы для курсовых работ, диплома и диссертации.

Она робко вошла в кабинет Орлова, поздоровалась, осторожно стала окидывать взглядом непривычную обстановку.

— Первый раз в этом здании? — с улыбкой спросил Андрей. — Вот видите, какой вид открывается из окна?

Орлов жестом пригласил Тамару Александровну к окну, чуть раздвинул шторы. Вид, действительно, был неплохой, настоящий московский: большая площадь, на другой стороне — разномастные дома с большими окнами, двумя овальными входами на станцию метро, какое-то высокое сооружение с башенкой из красного кирпича, широкая улица, с поворотом уходящая вдаль, в конце которой угадывались контуры громадных зданий — гостиницы «Москва» и Госплана, шпили кремлевских башен, и повсюду — оживленное движение машин, пестрые толпы пешеходов, многочисленные палатки и киоски, вокруг которых суетились люди.

Правда, пейзаж нарушала одна неприглядная деталь: посреди площади на большой заснеженной круглой клумбе стоял каменный обрубок — пьедестал памятника, снесенного толпой несколько месяцев назад.

— Да, вид красивый, — согласилась Тамара Александровна и выжидающе посмотрела на Орлова, как бы спрашивая: «Ну не для того же, чтобы полюбоваться видом из окна, вы пригласили меня сюда?»

Орлов, уловив вопрос во взгляде своей посетительницы, сделал жест рукой в сторону кресла:

— Присаживайтесь, пожалуйста. Чаёк будете?

Тамара Александровна кивнула. Орлов встал, включил в розетку простой электрический чайник, достал из шкафа две чашечки с блюдцами, вазочку с печеньем, поставил все это на низкий журнальный столик.

— Дело в том, Тамара Александровна, что нам нужна ваша помощь.

Женщина внимательно, с едва заметной тревогой в глазах, смотрела на Андрея.

— Вы являетесь крупным специалистом по первопечатным изданиям...

— Ну уж... крупным! — смутилась Тамара Александровна.

— Вы ведь защитили диссертацию по «инкунабулам»?

— Да, докторскую. В прошлом году. А кандидатская у меня была по «Библию» Гутенберга. Тоже, в общем, о «инкунабулах»... — проговорила Тамара Александровна, как-то не очень охотно, явно не понимая, зачем все это сидящему перед ней человеку, вызвавшему ее в столь серьезное

учреждение. — А что... что от меня требуется?

Орлов сделал несколько маленьких глотков. Чай, по всей видимости, был очень горячим, и он поставил чашечку на блюдце.

— Тамара Александровна, вот вы изучали Гутенберга, первые книги, напечатанные им... Наверное, собирали разные материалы... А скажите, вы видели подлинные издания? Ну, у нас где-нибудь или за границей?

— Нет, за границей я не была. А вот в Ленинграде, в публичной библиотеке, я имела возможность посмотреть на сорокадвухстрочную «Библию» Гутенберга. Правда, она сохранилась не полностью, да кроме того, в плохом состоянии...

— А где еще есть экземпляры «Библии» Гутенберга? — с интересом спросил Орлов.

— Их сохранилось совсем немного. Есть одна в Германии, в Майнце... Там Музей Гутенберга. Еще, кажется, в США, Франции, Дании... Но, в общем, сохранилось очень мало экземпляров. Некоторые из них погибли во время войны.

— Тамара Александровна, а если я вам покажу книги, похожие на «Библию» Гутенберга, вы узнаете их? Сможете определить, Гутенберг это или нет?

Женщина первый раз улыбнулась.

— Да что вы, Андрей Петрович! Все экземпляры на учете. Это же громадная ценность. Они не могут просто так где-то лежать!

— Ну, а все-таки, — не унимался Орлов, — вы могли бы определить подлинность такого издания?

Тамара Александровна укоризненно посмотрела на Андрея. В ее глазах теперь читался не вопрос, а едва заметное раздражение: «Ну что этот чекист пристал ко мне: «можете определить, можете определить?» Невежество и некомпетентность — вот что это такое!»

— Андрей Петрович, повторяю вам еще раз: все экземпляры «Библии» известны, они учтены в национальных и международных каталогах, хранятся в особых условиях. Кроме того, они тщательно охраняются. Ведь это не только большая историческая и культурная ценность! Это же громадная материальная ценность!

— Тамара Александровна, а сколько может стоить «Библия» Гутенберга?

Сотрудница Отдела редких книг даже несколько осуждающе посмотрела на Андрея и, чуть помедлив, строго сказала:

— Как и все уникальные произведения, она не имеет цены. Она бесценна!

— Да я понимаю это! Но вы скажите, может быть, какие-то страховые суммы... или продажа...

Тамара Александровна задумалась на мгновение, как бы вспоминая что-то, затем проговорила:

— Вообще, я слышала, что несколько лет назад один экземпляр «Библии» продавался на каком-то зарубежном аукционе.

— За какую цену?

— Кажется, называлась цена в три миллиона долларов. Это самая высокая сумма, когда-либо объявлявшаяся на рукописные и печатные книги. Но к чему это? Андрей Петрович, извините меня, но я отлучилась с работы... Там меня ждут... Если вам что-то нужно конкретное...

— Да, Тамара Александровна. Нам нужно именно конкретное — определить подлинность «Библии» Гутенберга.

— Я уже сказала вам... — В голосе женщины появились недовольные нотки. Она хотела еще что-то сказать, но увидев, что Орлов направляется к сейфу, замолчала.

Андрей повернул ключ и открыл дверцу. Затем поочередно вытащил каждый том и положил перед Тамарой Александровной на журнальный столик, предварительно сдвинув чашки и вазочку с печеньем в сторону.

— Вот, пожалуйста, прошу посмотреть! Нам кажется, что это Гутенберг!

— Вам кажется! — с нескрываемым сарказмом проговорила Тамара Александровна и приподняла крышку переплета верхней книги. Перед ней запестрели уже знакомые Андрею готические тексты с цветными узорчатыми виньетками. Она медленно переворачивала страницу за страницей, с расширенными от удивления глазами рассматривая их. Лицо Тамары Александровны вдруг побледнело. У нее непроизвольно приоткрылся рот. Казалось, что ей стало трудно дышать.

— Ну что, Тамара Александровна, как вам... — начал было Орлов, но заметил, что выступившая на лице женщины бледность стала усиливаться. В таких случаях говорят: «Ее лицо стало как мел». Вдруг руки женщины оторвались от книги и медленно стали соскальзывать на колени. Глаза ее прикрылись, она издала слабый вздох и стала склоняться в сторону. Во вздохе Андрею почудилось лишь одно слово: «Гутенберг». И тут он понял, что с Тамарой Александровной случился обморок. Да, да, самый настоящий обморок! Обморок от того, что она увидела эти книги! От того, что она, специалист по Гутенбергу, может быть, впервые в жизни держала в руках его первую книгу! Книгу, которой, по ее устойчивому убеждению, на самом деле быть не могло потому, что она уже давно пропала, исчезла,

сгорела в пламени войны!

Орлов даже растерялся. Он не был готов к такой неожиданной реакции своей посетительницы. Еще пару минут назад она недоверчиво и даже несколько раздраженно реагировала на настойчивые вопросы Андрея, а теперь полулежала без движения в кресле, закрыв глаза и уронив руки.

— Лариса, срочно нужно лекарство! С женщиной плохо! прокричал Орлов в трубку, набрав номер секретаря Иваненко^[146].

— С какой женщиной? — с недоумением спросила она.

— Ну с какой, с какой! Не важно, с какой! Посмотри лекарство скорее!

Через пару минут Тамара Александровна все-таки стала приходить в себя. Бледность с ее лица спала, щеки порозовели. Она сначала приоткрыла глаза, видно не понимая, что произошло, сделала движение, будто собирается подняться с кресла. Затем, окончательно очнувшись, смутилась, стала поправлять волосы.

— Ой, извините меня! Мне стало что-то нехорошо.

Лариса, сразу примчавшаяся с какими-то таблетками и валокордином, протянула ей стакан воды. Тамара Александровна сделала несколько глотков и виновато посмотрела на людей, встревоженно стоящих рядом.

— Простите, пожалуйста, Андрей Петрович, я сама не знаю... — Взгляд ее упал на раскрытую книгу, лежащую на журнальном столике. — Я сама не знаю, как это получилось. Это, наверное, из-за Гутенберга...

— Так это все-таки Гутенберг? — осторожно спросил Орлов.

— Да, это Гутенберг. Это самая настоящая «Библия» Гутенберга. Не могу понять, как она оказалась у вас... Я своим глазам не верю! Это подлинный лейпцигский экземпляр. Он пропал во время войны. Это знают все специалисты! Нет! Я не могу поверить! Где же вы ее нашли?

ИНФОРМАЦИЯ: «...Прошло почти пятьдесят лет со дня окончания Великой Отечественной войны, но только теперь стало возможно говорить о судьбе коллекции первопечатных книг, древних рукописей, а также беспрецедентном собрании художественных переплетов из Немецкого музея книги и шрифта в Лейпциге, вывезенных из Германии в Советский Союз после войны. Практически полвека достоверной информации о ней ни российская, ни мировая общественность не имела. Первое за сорок восемь лет (1945–93) сообщение о том, что часть коллекции первопечатных книг и древних рукописей этого музея еще существует, появилась в газете «Известия» в декабре 1993 года. Оказалось, что уникальная в мировой культуре коллекция, в

которой среди многих раритетов находится величайший — «Библия» Гутенберга, скрываемая от читателей, научных работников, сотрудников и даже от директора Российской государственной библиотеки (бывшей «Ленинки»), хранилась все эти годы в спецхране библиотеки...

Тайна была так велика, что многие научные и библиотечные работники, особенно молодые, стали вообще сомневаться — находятся ли в действительности эти материалы в России или бесследно исчезли...»

(А. Рудомино «Полвека в плену». «Наше наследие», № 32, 1994 год).

Было видно, что Тамара Александровна стала снова волноваться, и Андрей, опасаясь, как бы снова не повторился обморок, поспешил ее успокоить:

— Не волнуйтесь так, пожалуйста, Тамара Александровна! Все хорошо! Мы же нашли, а не потеряли.

Лариса, поддерживая Орлова, тоже стала успокаивать гостью:

— Ой, да что вы! Не надо так переживать из-за книжек этих!

Тамара Александровна с укоризной посмотрела на Ларису, но ничего не сказала. Потом, повернувшись к Орлову, неожиданно твердым и даже несколько торжественным голосом проговорила:

— Андрей Петрович, это большое научное открытие! Я уверена: то, что вы мне показали, действительно является «Библией» Иоганна Гутенберга!

— А вы можете это подтвердить письменно? Ну... написать заключение?

— Письменное заключение? — Тамара Александровна задумалась. — Чтобы написать письменное заключение, мне надо взять у нас в библиотеке кое-какие справочники и... Ну, в общем, мне надо съездить туда!

— Хорошо. А сколько все это займет времени?

— Если вы дадите мне машину...

— Тамара Александровна, конечно! Поезжайте, берите то, что вам нужно. Только очень прошу вас: никому не говорите о нашей встрече и о том, что здесь увидели. — Говоря это, Орлов указал рукой на книги. — Хорошо?

— Даже заведующему отделом?

— Пока никому.

— А почему, Андрей Петрович? Вы же обнаружили сокровище мирового уровня! Это событие!

— Тамара Александровна, всему свое время. Сначала давайте убедимся, что это Гутенберг, а потом...

— Хорошо, я поняла.

Через полтора часа Тамара Александровна, обложившись книгами и какими-то записями, фотографиями и ксерокопиями, осторожно листала фолианты, что-то разыскивая в тексте, сверяя какие-то данные, сопоставляя рисунки в «Библии» с изображениями в справочниках. Ей понадобилось не менее часа, чтобы окончательно заявить, что представленные ей книги действительно являются первыми печатными изданиями Иоганна Гутенберга. Она от руки написала текст заключения, а Андрей сам быстро набил его на компьютере.

ДОКУМЕНТ: «Данное издание представляет собой подлинную 42-х строчную «Библию» немецкого первопечатника И. Гутенберга, изданную в Майнце около 1454/1455 г.г. — Biblia. (Mainz, Drucker der 42 zeiligen Bibel /Johann Gutenberg/, около 1454/1455 г.г. не позднее августа 1456 г.), 2°, т. 1324 стр., т. 2319 стр., что подтверждается сличением книг со справочниками (Hain 3031 Gesamtkatalog der Wiegendrucke., В.4., 4201., ВМС 1.17. Censur S.43).

Двухцветная печать — красная и черная. Рукописные инициалы с применением накладного пластинчатого золота с филигранями. Применены киноварь, лазурь, растительные краски.

Сохранность хорошая, что соответствует сохранности инкунабул (печатных книг XV века), если в прошлом условия хранения книги были хорошие. Насыщенность цветового пигмента полностью сохраняется при нормальном хранении.

Данное издание представляет собой уникальное произведение искусства и печати XV века, имеющее высокую художественную, научную и материальную ценность. Известно, что экземпляр Библии И. Гутенберга был продан на одном из зарубежных аукционов за 2,2 млн долларов — самую высокую сумму, когда-либо объявлявшуюся на рукописные и печатные книги.

Старший научный сотрудник НИО редких книг (Музей

книги)

Государственной библиотеки им. Ленина кандидат
исторических наук Т.А. Долгодрова

12 декабря 1991 года»

(«Заключение на двухтомное издание Библии, представленной на
экспертизу»)

Теперь сомнений быть не могло! Хранившиеся в сейфе одного из кабинетов Ректората МГУ книги действительно были уникальными изданиями середины пятнадцатого века, которым не было цены, которые разыскивали и не могли найти долгие года! Впрочем, для подтверждения этого вывода Орлову все-таки не хватало заключения криминалистической экспертизы. «Искусствоведа — это одно дело, а криминалисты — это... все же надежнее», — размышлял Андрей. Поэтому, когда через два дня он получил заключение криминалистической экспертизы, полная уверенность в подлинности книг превратилась в стопроцентную.

Не без трепета Орлов читал сухие строки документа. А они действительно завораживали!

ДОКУМЕНТ: «...Материалом пленки золотистого цвета (нанесены на оформление заглавных букв отдельных абзацев — «инициалов» или «буквиц») является золото; связующее красящего вещества черного цвета не растворяется в воде, при вымывании хлороформом или бензолом на сорбенте образуется слабolumинисцирующее пятно, сходное по свойствам с льняным маслом; наполнителем указанного вещества является сажа...»

«Надо же, — думал Орлов, — Такие заумные фразы! А сколько за ними стоит!»

ДОКУМЕНТ: «...Покровные материалы переплетных крышек томов библии изготовлены из кожи, имеют на поверхности золотое тиснение из фольги... Методами ИК-спектроскопии и химического анализа в составах проклеек бумаг форзаца... обнаружены вещества типа Накарбоксиметилцеллюлозы и клея животного происхождения (сходен с мездровым — из шкур животных...»

«Интересно, — размышлял Орлов, — А они хоть сами понимают, с чем имеют дело? Что это не какой-нибудь вещдок по уголовному делу, а выдающееся произведение искусства!»

ДОКУМЕНТ: «...На листе форзаца имеется водяной знак — «VAN DER LEY», в каталоге водяных знаков «International Paper Directory» 1989 года издания отмеченный водяной знак отсутствует... Отдельные элементы оформления — рисунки, «инициалы», орнаменты — исполнены от руки...»

Как и в заключении Тамары Александровны, самое главное было изложено в выводах:

ДОКУМЕНТ: «Способ изготовления, примененные материалы, наличие следов вероятного воздействия червей или личинок насекомых не противоречит возможности изготовления исследованных блоков библии в XV веке».

Конечно, это было очень осторожное заключение. Ведь эксперты-криминалисты — люди очень скрупулезные и точные. От их заключения нередко зависит жизнь и судьба человека. И если они не могут, опираясь на результаты химического анализа и другие методы, сделать однозначный вывод относительно какого-либо предмета, то это свидетельствует лишь о их щепетильности и даже честности. Вот ведь как! Они не сказали, что исследованная ими книга является подлинной, а лишь заявили, что все изученное ими «не противоречит» такой возможности! И все-таки оба заключения — искусствоведческое и криминалистическое — дополняли друг друга и убедительно доказывали подлинность «Библии».

Находка выдающейся культурной ценности и ожидание того, что она выйдет из своего многолетнего заточения и в самое ближайшее время снова станет достоянием всего человечества, переполняли Орлова радостным чувством личной причастности к этому выдающемуся событию. Он впервые за последние месяцы испытывал яркие положительные эмоции. Ведь находка «Библии» открывала блестящие возможности и для страны, которая на этом переломном этапе своей истории могла продемонстрировать перед всем миром новые подходы к старым, болезненным проблемам, среди которых перемещенные в годы последней войны культурные ценности занимают не последнее место.

Орлов понимал, что, выпустив из «темницы» «Библию» Гутенберга,

Россия могла во весь голос поставить вопрос о своей готовности вернуть Германии это сокровище в обмен на аналогичные действия своих зарубежных партнеров и тем самым положить начало новому пониманию общих ценностей. Закончившись в сорок пятом, вторая мировая война все еще продолжается в умах, поступках людей и даже государств.

Как историк, Андрей думал о том, что, преодолев в себе неприязнь к бывшему врагу, мы могли бы возвыситься в своих собственных глазах. Ведь речь шла не о прощении. За то, что творил враг на нашей земле, прощенья быть не могло. Как, наверное, не смогут простить и нас за многое, что мы делали не по совести. Вопрос о другом. О том, что будущее можно строить только вместе, пытаюсь понимать друг друга и идя навстречу друг другу.

Все время думая об этом, Орлов продолжал заниматься своими прямыми обязанностями. Перед его тазами мелькали калейдоскоп лиц, поток документов, вереница событий. Становление российской структуры безопасности продолжалось, но происходило мучительно тяжело. К ней уже не было прежнего доверия со стороны Ельцина, ее продолжали ненавидеть радикальные демократы, требовавшие изничтожить все, что связано с КГБ СССР, ее опасался Бакатин и примкнувшие к нему некоторые руководящие работники Центрального аппарата госбезопасности, справедливо усматривающие в АФБ серьезного соперника. На все это накладывалась подковерная борьба в высших эшелонах власти за влияние на Президента, в которой одной из главных фигур становился министр внутренних дел Баранников.

Время от времени снова всплывали разговоры о том, что чекисты неисправимы, в любом случае они остаются приверженцами старого строя и ненавидят демократов. Поэтому, дескать, единственный способ их нейтрализовать — всех уволить без права занятия должностей на государственной службе, то есть принять закон о люстрации, как это было сделано в некоторых восточноевропейских странах.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Еще в начале октября решался вопрос о люстрации. Эту идею толкали самые рьяные демократы типа Льва Пономарева... Эта тема даже обсуждалась на заседании Госсовета у Бурбулиса... Я туда не был приглашен. Но мне сказали об этом, и сказали конспиративно...»

(В.В. Иваненко, Председатель КГБ России).

ИНФОРМАЦИЯ: «Насколько я помню, идею принятия Закона о люстрации продвигали Галина Старовойтова и вдова Сахарова Елена Боннэр. Они были в близких отношениях с Ельциным... Мне даже непонятно, почему Ельцин не принял этот закон... Может, не хотел обострения отношений?»

*(Е.М. Войко, первый заместитель начальника
Оперативно-технического управления АФБ России)*

Андрей интуитивно чувствовал: должно что-то произойти. И для такого ощущения у него было достаточно оснований. К сожалению, последующие события лишь подтвердили эти предчувствия.

14 декабря 1991 года, день.

Москва. Лубянская площадь.

Здание АФБ России. Кабинет № 535

- Андрей Петрович, вы уже слышали?
- Что? — Вскинув брови, Орлов посмотрел на вошедшего.
- Да по радио передавали, что в ближайшее время нас объединят с МВД?
- Ну, это не новость! — Андрей поднялся из-за стола. — Уже больше месяца ходят слухи...
- Да, но в этот раз сообщают, что якобы подготовлен указ.
- Орлов подошел к говорившему, серьезно посмотрел ему в глаза:
- Вы думаете, это серьезно?
- Похоже! К тому же ребята со Старой площади подтверждают... говорят, что-то готовится.
- Валентиновичу докладывали?
- Еще утром.
- Ну и что?
- Говорит: бред!
- Бред-то бред, но...

Иваненко не было на месте. Последние дни он все-время проводил то в Белом доме, то на Старой площади. Наверное, уже физически ощущая, как инициатива уходит из его рук, Виктор Валентинович предпринимал попытки сохранить свои позиции в команде Ельцина, но закулисные

интриги, захлестнувшие новую власть, все больше и больше отторгали его, вбивали клин между ним и президентом, усугубляя недоверие и подозрительность последнего.

Слухи о том, что где-то там во властной верхушке шли переговоры о возможном объединении КГБ и МВД, время от времени просачивались. Как было известно и то, что на роль руководителя объединенного ведомства претендует Баранников, человек, оказавшийся в числе самых близких к Борису Николаевичу Ельцину. Трудно судить, чем он завоевал особое расположение президента. Ясно было одно: давнее недоверие Ельцина к чекистам рано или поздно должно было привести к каким-то радикальным решениям. А уж в советчиках по поводу того, как «приструнить» былую могущественную спецслужбу, недостатка не было. Баранников был одним из тех, кто убеждал президента окончательно рассчитаться с КГБ. И сделать это можно было старым и испытанным способом — путем поглощения Комитета Министерством внутренних дел.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «...Приносят мне телеграмму, поступившую по дипломатическим каналам, о том, что Борис Николаевич Ельцин встречался с «большой семеркой». В глаза бросилась кем-то подчеркнутая фраза: «Я ликвидирую КГБ»...

Я пошел к Бурбулису:

— Геннадий Эдуардович, как это понимать? Что мне делать?

В это время как раз решался вопрос о формировании правительства Гайдара, войду я туда или нет. Бурбулис говорит:

— Пошли к Ельцину!

И мы пошли. Заходим вдвоем. Я спрашиваю президента:

— Борис Николаевич, как понимать, что вы пообещали «большой семерке» ликвидировать КГБ? Я возглавляю эту структуру. Что нам делать?

Он с раздражением отвечает:

— Я принял решение слить вас с органами внутренних дел.

— Борис Николаевич, вы представляете, что это как камень бросить в болото?

— Кто камень, а кто болото? — с явной неприязнью отвечает тот.

— Борис Николаевич, нельзя этого делать. Это будет неуправляемая структура. То, что КГБ и МВД традиционно конкурируют между собой, для вас же лучше! Объединение будет

означать победу одной группировки над другой. Нельзя этого делать!

— Я решение принял. Свое решение менять не буду.

— Ну что ж, очень печально. Я выполнять такое решение тоже не буду!

— Что-о? Вы многого не понимаете. Все, разговор окончен!

На том мы расстались. После этого разговора практика личных еженедельных докладов прекратилась... Все! Меня отсеки! Ельцин потерял ко мне интерес»

(В.В. Иваненко, Генеральный директор АФБ России).

Конечно, тогда ни Орлов, ни его коллеги почти ничего не знали о существовании происходящих событий. До них доходили лишь обрывки информации, свидетельствующей о том, что над российской контрразведкой нависла реальная опасность не просто потерять самостоятельность, а превратиться в придаток более мощной, но не имеющей никакого отношения к государственной безопасности структуры.

— Этого же нельзя допустить! МВД просто поглотит нас, растворит в себе! Это уже будет не госбезопасность! — отчаянно восклицали одни.

— Нас же в пятьдесят раз меньше, чем эмвэдэшников! От ЧК ничего не останется! — говорили другие.

— А ты думаешь, что они хотят, чтобы что-то осталось? Да они все — и Бакатин, и Баранников — хотят искоренить «чекизм» — ими же самими придуманную, приписываемую нам идеологию! — возражали третьи.

Во всех кабинетах на Лубянке в середине декабря 1991 года царило лихорадочное возбуждение, временами переходившее в состояние подавленности и уныния. Именно тогда многим сотрудникам, далеко не самым худшим, пришлось в голову искать новые способы приложения своих сил. Им надоело быть постоянными объектами упреков и обвинений, недвусмысленных угроз и презрительных насмешек. А грозящее объединение с МВД вообще многими сотрудниками рассматривалось как публичное унижение. И дело тут не столько в извечном противоборстве двух структур, сколько в существенных различиях между ними — по характеру задач, по уровню подготовки, даже по менталитету сотрудников.

16 декабря 1991 года, день.

Москва. Лубянская площадь.

Через пару дней кому-то удалось раздобыть проект указа президента об объединении, и всем стало понятно, что слухи о нем не беспочвенны. Пока Иваненко пытался доказать ошибочность такого решения, в самом здании на Лубянке продолжались разброд и шатание. Казалось, что уже никто не работает, а все только и обсуждают грядущую реорганизацию. В курилках, в столовой, в буфетах, на лестницах — везде стояли кучки встревоженных людей, реально понимающих, что сулят большинству из них предстоящие пертурбации.

В кабинет к Орлову зашел взволнованный событиями начальник Оргинспекторского управления Юра Афонин^[147], с которым его связывали очень теплые, немного ироничные, но дружеские отношения.

— Андрей, ты не думаешь, что нам надо что-то делать? Валентиныч пусть действует на своем уровне, а мы...

— Что ты предлагаешь, Юра?

— Надо как-то сориентировать людей! Нельзя же ждать, пока нас поведут, как стадо баранов, на заклание!

Орлов поморщился. Ему претили пустые разговоры. Как человек действия, он предпочитал реальные поступки, нежели длительные словопрения. Но в данном случае он действительно не знал, как поступить. Решение принималось на самом высоком уровне, и повлиять на него было невозможно.

— Что ты предлагаешь конкретно? Что мы можем сделать?

— Ну ты сам подумай! Ты же у нас — голова! — Он усмехнулся. — Ты же писатель! Напиши! Воззвание какое-нибудь!

— Что-о?

— Ну, обращение к сотрудникам, чтобы они хотя бы могли занять определенную позицию!

— Обращение от кого?

— Да ни от кого! Просто. Взять и написать нашу точку зрения и распространить среди сотрудников!

Орлов задумался. Предложение казалось очень странным, даже немного диким.

«А, собственно, почему бы и нет? — подумал Андрей. — Надо же что-то делать! Может, действительно что-то такое написать. Вряд ли это повлияет на решение президента, но... Что «но»? — спорил он сам с собой. — Но это, по крайней мере, покажет, что мы не стадо баранов и у нас есть своя позиция!»

А спустя несколько часов в зданиях бывшего КГБ из рук в руки стала передаваться листовка, в которой говорилось о том, что планируемое объединение — «не что иное, как возрождение пресловутого НКВД», что сосредоточение в одних руках столь мощных полномочий наделяет руководителя ведомства неограниченной и неподконтрольной кому-либо властью, что подобное решение «противоречит духу демократических преобразований» и, конечно же, не может быть поддержано абсолютным большинством сотрудников органов госбезопасности.

Это была очередная фантазмагория! Несколько сотрудников АФБ ходили по зданиям и, стараясь не привлекать внимания, распространяли листовки, только что размноженные на ксероксе. Совершенно нереальная, немыслимая в стенах спецслужбы ситуация! В самой законопослушной, самой дисциплинированной структуре, где распоряжение вышестоящих начальников всегда рассматривалось как непререкаемое, появились листовки, не только ставящие под сомнение готовящееся решение, но и, по сути, полностью дискредитирующие его.

— А, Андрей Петрович! Как у тебя дела? — услышал Орлов знакомый голос с едва заметным акцентом. Семен Енокович, его старший товарищ по работе в Инспекторском управлении, которого он не видел уже без малого месяца три, с улыбкой смотрел на Андрея, который искал свободный столик, чтобы расположиться с чашечкой кофе и двумя булочками, лежащими на подносе.

— Семен Енокович! Рад вас видеть! — Орлов по-настоящему обрадовался встрече. Он уже давно не ходил обедать в столовую руководящего состава. Отчасти из-за того, что не хватало на это времени, отчасти от того, что ему не хотелось сталкиваться с некоторыми людьми. — У вас свободно?

— Давай, давай, садись, Андрей Петрович! Рассказывай, как дела.

— Да, не поймешь как. А у вас?

— А что у меня? Работаем. Хоть ты мне и советовал увольняться...

— Да, Семен Енокович, ситуация была непредсказуемой!

— А я тебе скажу: никогда не надо торопиться! Лучше выждать... А ты иногда торопишься, дорогой Андрей Петрович!

Орлов почувствовал в голосе сослуживца нотки осуждения. Действительно, сразу после августа Орлов виделся с Семеном Еноковичем. Тот позвонил ему и попросил о встрече. Это было время, когда каток расследований и разбирательств навалился на КГБ всей своей силой. «Гэкачеписты» сидели в Лефортово, некоторые из комитетских руководителей находились под домашним арестом, следователи и

всяческие комиссии разбирали груды документов, все расширяя и расширяя круг виновников августовских событий.

Орлов узнал, что Семен Енокович каким-то образом был причастен к подготовке той самой злополучной шифртелеграммы за подписью Крюкова, которая требовала от органов госбезопасности на местах выступил, с решительной поддержкой ГКЧП и строго выполнять все его указания. Это ставило чекистов перед сложным выбором: с одной стороны потоком шли указы Ельцина, вслед за ними телеграммы из российского КГБ, а с другой — жесткие требования исполняющего обязанности президента Янаева и всех подчиненных ему структур власти, призывающих не подчиняться российскому руководству. Расследование, которое проводила российская прокуратура, выводило не только на организаторов, но и на исполнителей этих указаний. Одним из них, как полагал Андрей, и был Семен Енокович, человек исключительно порядочный и законопослушный. Недаром ему в свое время было поручено готовить проект закона об органах государственной безопасности.

Андрей знал об опасности, нависшей над старшим товарищем, и, когда тот позвонил, незамедлительно встретился с ним.

— Ну и что ты посоветуешь мне делать, дорогой? — спросил тогда Семен Енокович.

Андрей немного помедлил и сказал фразу, о которой потом пожалел не раз:

— Думаю, надо увольняться, а то неизвестно еще, чем закончится это расследование.

Семен Енокович посмотрел тогда на Орлова каким-то долгим, несколько неприязненным взглядом и резко сказал:

— Ну нет уж! С чего бы это я должен увольняться? Мы еще послужим! А телеграмму эту я не готовил!

Расстались они тогда как-то напряженно и холодно. Было очевидно, что Семен Енокович не на шутку обиделся на Орлова, считая, что тот из перестраховки, а может быть, и по каким-то иным причинам говорит ему крайне неприятные вещи. На самом же деле ситуация была такова, что развертывание репрессивного механизма против всех, кто был в той или иной степени повязан с действиями ГКЧП, могло привести не просто к охоте на ведьм, а к реальным преследованиям.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Неопределенность обстановки тогда, 19 августа, побуждала каждого человека задуматься о том, как поступать, и при этом обезопасить себя от

возможных последующих разбирательств. Так и с этой телеграммой. Писал ее не я, а при этом визу, как исполнителя, поставили мою. Я тогда сказал тому, кто готовил телеграмму: «То, что ты написал, это — ТЫ написал, а не я! Это твои предложения, а не мои! Почему ты мою подпись поставил?»

*(С.Е. Мартиросов, старший инспектор
Инспекторского управления КГБ СССР).*

Тот разговор с Мартиросовым Андрей вспомнил, ставя поднос с кофе и булочками на столик, за которым сидел Семен Енокович.

— Андрей Петрович, а ты не слышал, говорят, что объединять нас будут?

— Да слышал, конечно. Глупость и безумие, но...

— А чего же твой Иваненко не может повлиять на Ельцина?

— Мой? Я думаю, он не мой, а наш с вами, общий! Нет, Семен Енокович, не может он повлиять! Вернее, старается, но...

— Что, разошлись они с президентом? Обиделся, наверное, на него за ГКЧП... что не предупредил?

— Может быть. Не знаю!

— Да, там в МВД уже руки потирают... Скоро, говорят, будем сидеть на Лубянке.

Орлов промолчал, отхлебывая маленькими глотками черный кофе. Потом, как бы вспомнив что-то, просунул руку во внутренний карман пиджака, нащупал там пачку сложенных вчетверо листков. «Как революционер!» — мелькнуло у него в голове. Он вынул один из листков и протянул Семену Еноковичу.

— Это что? — не понимая, спросил тот.

— Прочтите!

Семен Енокович медленно достал роговые очки из футляра, который лежал у него в боковом кармане пиджака. Начал читать. Потом оторвался от бумаги и посмотрел на Андрея поверх очков. На лице его угадывалась явная насмешка.

— Листовка, что ли?

— Да, что-то вроде.

— Н-да! — сказал он с интонацией, выражающей явное недоумение, и углубился в чтение. Поскольку текста было немного, Семен Енокович быстро закончил читать, перегнул листок по линии сгиба и протянул Орлову. — Н-да, дожили!

— Возьмите себе! Может, кто еще захочет прочесть!

— Н-да, Андрей Петрович, дожили! Листовки стали распространять! Ну что же ваши руководители решили вас бросить? — вдруг спросил Семен Енокович. — Вы пошли к ним, создали Комитет РСФСР, помогали Ельцину... Во время путча, опять же... Он ведь там... в Белом доме был... И ты тоже... А теперь они вас вместе со всеми сдадут этим... Н-да!

Орлов молчал, потупившись. Осознавая справедливость слов Семена Еноковича, он и сам не понимал, как все это могло случиться. Почему российская власть, когда ей было нужно, призвала их поддержать себя. Поддержать тогда, когда, впрочем, это было не очевидно для всех. И в Российский комитет пошли люди — сотрудники КГБ, реально чувствующие грядущие перемены и понимающие, что только конструктивной работой с новой властью можно будет сохранить то, что называлось системой обеспечения безопасности государства. В противном случае эта новая власть смела бы, разметала и изничтожила спецслужбу, которая позволила бы себе противостоять ей, как это было в других странах бывшего советского лагеря.

— Семен Енокович, я не знаю, почему нас всех сдают. Думаю, что сегодня «они», — Орлов кивнул куда-то в сторону, — поняли, что чекисты — люди устойчивых воззрений и никогда, ни под каким лозунгом не будут делать то, что противоречит интересам страны. АФБ России в глазах этих людей, по-видимому, так же ненадежен, как и вся система.

Они хотят ее сломать. Не знаю, как сложится все дальше, но думаю, нас ждут тяжелые времена.

— Наверное, Андрей Петрович, ты прав. Ну что, пойдем? — Только тут Андрей заметил, что Семен Енокович уже закончил обед, а перед ним тоже стояла пустая чашка и тарелочка с крошками — единственное, что осталось от сладких булочек и кофе.

Семен Енокович взял листик бумаги с собой, и вдруг, совершенно неожиданно для Андрея, подмигнул ему:

— Ничего, Андрюша, прорвемся! Только не вздумай увольняться!

Рукопожатие Семена Еноковича было крепким и уверенным.

18 декабря 1991 года, утро.

Москва. Лубянская площадь.

Здание АФБ России. Кабинет № 535

Несмотря на смутные чувства, связанные с ожиданием объединения с МВД, Орлов подготовил записку на имя президента за подписью Иваненко об обнаружении «Библии» Гутенберга. Докладывая об этом факте, российские чекисты предлагали «увязать» вопрос ее передачи немецким властям с возвращением в Россию адекватных по значению культурных ценностей, например рукописей из Смоленска или древнейших икон из Новгорода. Андрею казалось, что записка получилась очень удачной.

ДОКУМЕНТ:

«АГЕНТСТВО ФЕДЕРАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РСФСР.

17.12.91 № 143/841.

Президенту РСФСР Б.Н. Ельцину

***Об обнаружении первопечатного издания «Библии» И.
Гутенберга***

В декабре с.г. Агентством федеральной безопасности РСФСР было установлено местонахождение считавшейся безвозвратно утраченной в годы Второй мировой войны «Библии» Иоганна Гутенберга — уникального произведения искусства и печати XV века. Предпринятыми мерами книга была изъята и представлена на экспертизу специалистам, которые установили ее принадлежность работе указанного западноевропейского первопечатника.

Двухтомное издание 42-строчной «Библии» И. Гутенберга, датируемое 1454/1455 годами, имеет высокую художественную, историческую, научную и материальную ценность. Это было первое в истории печатное произведение, величайшее достижение средневековой науки и техники, лишь единичные экземпляры которого сохранились до нашего времени. Известно, что один из экземпляров «Библии» был приобретен немецкой стороной на аукционе в Нью-Йорке в 1978 году за 2,2 млн долларов — самую высокую сумму, когда-либо выплачиваемую за рукописные и печатные книги.^[148]

Книга И. Гутенберга была, по-видимому, вывезена нашими войсками из Германии в 1945 году в качестве трофея. Она хранилась все послевоенное время в одном из административных отделов Московского государственного университета и не была

учтена в каталогах научной библиотеки. О местонахождении «Библии» знал очень ограниченный круг людей, поэтому вопрос о судьбе книги практически не возникал.

В нынешней общественно-политической обстановке, когда Россия нуждается в широкой международной поддержке происходящих в ней преобразовательных процессов, полагали бы вполне своевременным решить вопрос о судьбе найденного раритета. Представляется, что «Библия» И. Гутенберга должна быть возвращена в Германию, что соответствовало бы духу и букве подписанного в ноябре 1990 года двустороннего Договора о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве, статья 16 которого предусматривает «возвращение владельцам или их наследникам пропавших или незаконно вывезенных культурных ценностей».

Вместе с тем, учитывая, что гитлеровской Германией в годы Второй мировой войны с территории России было вывезено множество произведений искусства, ценнейшие библиотеки, архивы и коллекции, часть из которых до сих пор не возвращена на Родину, представляется целесообразным «увязать» вопрос передачи ФРГ «Библии» И. Гутенберга с возвращением в Россию адекватных по значению культурных ценностей, например рукописей из Смоленска или древнейших икон из Новгорода. Полагаем, что подобное инициативное предложение со стороны Президента РСФСР будет с пониманием встречено правящими кругами ФРГ и принято международной общественностью как акт доброй воли российского руководства, готового к конструктивному сотрудничеству в столь деликатной сфере.

Предлагаем поручить проработку этого вопроса Отделу образования, науки, культуры и искусства Администрации Президента совместно с министерствами культуры, внутренних дел, иностранных дел и Агентством федеральной безопасности РСФСР.

АФБ РСФСР намечает принимать активное участие в проработке и других вопросов, связанных с розыском культурных и исторических ценностей, утраченных в годы Второй мировой войны, в том числе похищенных гитлеровцами на территории России. Результаты изучения этого вопроса и предложения по развертыванию поисковой работы в современных условиях будут доложены вам отдельной запиской.

Генеральный директор В. Иваненко»

*(Записка Генерального директора АФБ России
Президенту РСФСР Б.Н. Ельцину. 17 декабря 1991
года).*

18 декабря записка была представлена Президенту, и он собственноручно начертал на ней свою резолюцию:

«Согласен. Б. Ельцин. 18/XII-91 г.».

Через час подлинник записки с поручением офицер фельдсвязи доставил на Лубянку. Для Орлова это означало большую победу. Ведь это именно они, сотрудники АФБ, вытащили из заключения на свет Божий этот шедевр человеческой цивилизации. Именно они организовали проведение экспертизы, убедились в подлинности находки и доложили об этом первому лицу государства. Андрею казалось, что он сделал что-то крайне важное, выходящее далеко за пределы его профессиональной деятельности. Ведь «Библия» — это достояние человечества, и вернуть его людям — благородная и достойная задача.

Резолюция Президента резко подняла настроение Орлова. Еще вчера испытывая тягостные чувства в связи с грядущим объединением, усугублявшиеся большими нагрузками, он выглядел усталым и подавленным. Но Когда он увидел косой почерк заветной резолюции Ельцина на записке, он воспрял духом. Поручение, скрепленное круглой печатью Управления делами Администрации Президента, было адресовано Иваненко, и казалось совершенно нелогичным одной рукой подписывать документ о его снятии, а другой — давать ему указания. Поэтому бумага, прибывшая из Кремля, подействовала на Орлова даже несколько успокаивающе.

— Виктор Валентинович, видите, Президент согласен! — радостно сообщил Орлов Иваненко. — Я думаю, это здорово подняло ваш авторитет в глазах Бориса Николаевича! Ведь мы, Агентство федеральной безопасности, обнаружили это шедевр! Теперь надо подумать...

— Ладно, Андрей, не торопись! Что нужно — готовь! Но я думаю, у нас для этого не остается времени.

— Не понял, Виктор Валентинович. Не остается времени? То есть?

Иваненко устало посмотрел на Орлова. По нему было видно, что он не разделяет оптимизма Андрея.

— Ладно, это я так! Делай что надо! А я пока занят. Да, не забудь, в двенадцать — встреча с американцами. А вечером должен прийти Шахрай...

— Что-нибудь серьезное?

— Поживем — увидим!

Как оказалось, ждать оставалось недолго.

18 декабря 1991 года, день.

Москва. Улица Чайковского. Посольство США

— И как вы это оцениваете, Дэвид?

— Не пойму. То ли они действительно не знают, что их решили прихлопнуть, то ли хитрят.

— А может быть, мы имеем дело с какой-то серьезной рокировкой? Вы уже почти год в России. За это время вам, наверное, удалось понять, что они тут замышляют.

— Рокировкой?

— Ну что-то вроде того.

— Думаю, что нет. Скорее всего, Иваненко и его люди слишком доверчивы. Они не могут допустить, что их могут просто так вот... — Говоривший сделал жест рукой, как будто перерезает себе горло. — Они ведь поддерживали Ельцина, когда это было, прямо скажем, небезопасно!

— Да, конечно! Ну а как они восприняли то, что господин посол представил вас как резидента ЦРУ в Москве?

— Спокойно. Я думаю, они были готовы к этому. Ничего нового они не узнали...

— Но сам факт!

— Ну да, сам факт, конечно...

— А кто участвовал с их стороны?

— Иваненко, два его зама, три-четыре начальника управлений, его консультант по разведке и помощник...

— Помощник? Это тот, с которым в прошлом году встречались Майк и Клайв?

— Да, да, именно он.

— Ну что ж, Дэвид, я думаю, что события продолжают развиваться в благоприятном для нас ключе. Эти российские чекисты слишком уж рьяно начали выстраивать новую систему безопасности. Они наивны и поэтому опасны. Вы согласны со мной? У вас колоссальный опыт работы по развалу

спецслужб Восточной Германии. Почему бы здесь не попытаться выйти на прямые вербовочные подходы, как вы делали с офицерами «Штази»? [\[149\]](#) Русские ведь не немцы. Они более податливы на вербовочные предложения. Так ведь?

— Именно так, сэр! Но там, в Восточной Германии, мы отказались от прямой вербовки, особенно после неудачи с одним полковником «Штази».

ИНФОРМАЦИЯ: «Работник ЦРУ подошел к полковнику, пригласил его «посидеть» и сделал свое предложение. Если полковник расскажет об агентах из числа американцев, с которыми ему довелось работать на протяжении своей долгой карьеры, ЦРУ проявит настоящую щедрость. Полковник явно нуждался в деньгах, и вот теперь ему предлагали больше, чем он когда-либо сможет заработать...

Бывший полковник разведки ГДР смерил американца негодующим взглядом и дал единственно приемлемый для него ответ: «Вы, очевидно, знаете, кем я был, — сказал он, — Теперь вы знаете, кем я стал. Единственное, что у меня осталось, — это моя честь. Я не собираюсь отказываться от нее. Пожалуйста, не приходите больше ко мне»

(М. Бирден, руководитель отдела ЦРУ США. «Главный противник». Москва, 2004 год).

— Да, я помню эту историю. Мы больше не стали его беспокоить. Безусловно, он человек чести и достоинства... Что ж, давайте поговорим о ваших дальнейших действиях.

— О наших действиях.

— Ну, конечно же, Дэвид, о наших.

19 декабря 1991 года, вечер.

Москва. Лубянская площадь.

Здание АФБ России. Кабинет № 535

19 декабря 1991 года Президент России Борис Николаевич Ельцин издал указ, в соответствии с которым упразднялись союзное и республиканское министерства внутренних дел, МСБ и АФБ, а новым

министром был назначен Виктор Павлович Баранников. Все чекисты, включая Иваненко и его сотрудников, выводились за штат и в одночасье оказались не у дел.

ДОКУМЕНТ: «Указ Президента РСФСР

№ 289 от 19 декабря 1991 года.

«Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР».

«В связи с ратификацией Верховным Советом РСФСР Соглашения о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 г. и в целях обеспечения безопасности Российской Федерации постановляю:

1. Образовать Министерство безопасности и внутренних дел РСФСР. Создание Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР осуществить на базе упраздняемых Министерства внутренних дел СССР, Министерства внутренних дел РСФСР, Межреспубликанской службы безопасности и Агентства федеральной безопасности РСФСР.

Установить, что в соответствии с законодательством все здания и сооружения, материально-техническая база, информационные банки и системы, служебная документация и иное имущество упраздняемых министерств и ведомств переходят в государственную собственность РСФСР.

Министру безопасности и внутренних дел РСФСР незамедлительно создать соответствующие комиссии и в месячный срок осуществить полный прием указанного имущества в ведение МБВД РСФСР.

2. Министерству безопасности и внутренних дел РСФСР в 6-месячный срок разработать и представить на утверждение Положение о министерстве и его структуру с выделением в отдельное направление службы, обеспечивающей государственную безопасность РСФСР.

3. Установить, что за работниками Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР и его органов сохраняются нормы и порядок материального обеспечения, права, льготы и преимущества, предусмотренные для соответствующих категорий работников органов государственной безопасности и внутренних дел.

4. Правительству РСФСР при формировании бюджета на

1992 год предусмотреть выделение необходимых финансовых и материальных ресурсов для надлежащего функционирования системы Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР.

5. Обеспечить надежную социальную защиту военнослужащих, лиц рядового и начальствующего состава, а также служащих упраздняемых министерств и ведомств. Разрешить до 1 июля 1992 г. содержание в распоряжении МБВД РСФСР сотрудников, выслуживших установленные сроки службы, а также подлежащих увольнению по сокращению штатов.

Министру безопасности и внутренних дел РСФСР обеспечить сохранение на службе высококвалифицированных руководителей, оперативных работников, следователей и других категорий сотрудников, необходимых для надежного функционирования вновь образованного министерства.

6. Министерству безопасности и внутренних дел РСФСР совместно с Министерством юстиции РСФСР в шестимесячный срок представить предложения о внесении изменений в законодательные акты в связи с образованием нового министерства.

7. Настоящий Указ вступает в силу с момента его подписания».

В тот же день в кабинете Орлова и других сотрудников АФБ были отключены телефоны правительственной связи и ВЧ. В дневной почте вместо десятков шифровок и приказов оказалось несколько ничего не значащих бумажек — видно, кто-то еще не успел сориентироваться и по инерции направлял документы по старому адресу. За весь день, обычно насыщенный до предела встречами и беседами с людьми, в его кабинет практически никто не зашел. Вообще в коридорах Лубянки в тот день было необычно тихо, как будто плохая новость повергла всех в состояние очередного шока.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Накануне выхода указа Президента об объединении у нас состоялась беседа с Шахраем. Мы, все замы, сидели в кабинете у Иваненко. Когда Шахрай вошел в кабинет, Иваненко сразу задал ему вопрос:

— Мы слышали, что то ли подписан, то ли готовится указ об объединении АФБ и МВД. Это правда?

— Да, такой указ готовится, и я специально пришел, чтобы выяснить, как вы относитесь к этому, — ответил Шахрай.

Все выступили, и не по одному разу. Обсуждали не менее двух часов. Высказывались и спорили. В конце концов он говорит:

— Я все понял. Я прямо сейчас иду к Борису Николаевичу и доложу все, что от вас слышал, ваше мнение о нецелесообразности объединения.

А на следующий день вышел указ...»

(В.Б. Ямпольский, заместитель Генерального директора АФБ России).

ИНФОРМАЦИЯ: «Нам было известно, что накануне подписания указа Ельцина об объединении двух структур в АФБ России приезжал Шахрай и был подготовлен проект указа Президента о передаче союзных структур безопасности в российские... В АФБ уже лилось рекой шампанское... Шахрай же, посмотрев на все это... доложил Ельцину обстановку, и все перевернулось... Все-таки этот указ был шоком для всех...»

(С. С. Дворянкин, старший инспектор Инспекторского управления МСБ СССР).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Наши девчата из Секретариата получили почту, принесли пакет, который только что доставил фельд^[150] из Кремля. Я его вскрыл и разрезанный принес шефу. Там был указ о передаче АФБ всех функций органов безопасности, то есть по существу о поглощении Российским АФБ союзных структур МСБ. Официальный документ! Мы по этому поводу собрались в комнате отдыха кабинета Иваненко... Спустя некоторое время раздался звонок телефона правительственной связи. Шеф вышел... А Когда вернулся, мы поняли: что-то случилось! Иваненко сообщил нам о том, что Президентом подписан указ о слиянии АФБ с МВД и образовании МБВД»

(А.К. Стрельников, начальник Секретариата АФБ России).

Решение об объединении всех структур в гигантский монстр, который теперь назывался пугающе знакомо «МБВД», явилось для большинства сотрудников органов госбезопасности точкой отсчета новой, пока еще непонятной жизни. Куда понесет их океан непредсказуемых событий, как это отразится на личных судьбах людей и всей страны, не знал тогда никто. Многие горько шутили, что теперь надо обзаводиться милицейскими свистками и палками, готовиться стать участковыми и регулировщиками.

Это был первый день за несколько лет, когда Андрей рано вернулся домой.

19 декабря 1991 года, вечер.

Москва. Крылатское

— Андрюша, ты что так рано? — удивленно спросила Оля, привыкшая, что муж возвращается не раньше, чем по телевизору начнется программа «Время».

— Что, не рада?

— Нет, почему? Рада. Что-нибудь случилось?

— Да, Оль, случилось.

Они прошли в квартиру. Андрей поцеловал дочку и сына, поставил дипломат, снял пальто, повесил его на вешалку. Но оно вдруг резко соскользнуло на пол.

— Ой! — вскрикнула Оля.

Андрей поднял пальто, посмотрел на то место у воротника, где должна быть петля. Там болтались два оборванных кончика.

— Петелька порвалась? Ну ничего, я тебе пришью! — успокоила жена. — Так что случилось, Андрюша?

— Две вещи, Оль. Как в анекдоте — одна плохая и одна хорошая.

Они прошли в комнату. Нина с Сергеем пошли вслед за ними.

— Пап, а какая хорошая? — спросил Сергей. — Купил чего-нибудь, да?

— Нет, Серёженька, ничего я не купил.

— Серёжа, погоди. Папа переоденется.

Дети пошли на кухню: Нина — ставить чайник, а Сережа — накрывать на стол.

— Что случилось, Андрюша? — В голосе жены звучала тревога. — Что-нибудь на работе?

— Да, на работе. В общем-то, работы теперь и нет. Нас объединили с

МВД. Российский Комитет ликвидирован. Все мы за штатом. Вообще — дело дрянь! Не знаю, как и что дальше.

— Все-таки объединили! — в сердцах сказала жена.

Они помолчали немного.

— А хорошая?

Андрей с непонимающим видом посмотрел на Олю.

— А какая хорошая новость?

— А-а! Да, есть и хорошая. Но сейчас я не знаю, что с ней делать. —

Он улыбнулся, поймав ожидающий взгляд жены, и сказал:

— Президент согласился с нашими предложениями по поводу «Библии» Гутенберга! Но теперь не ясно, кто это все будет делать.

— Как же так — согласился с вашими предложениями и отправил вас в отставку? Он что, не ведает, что делает правая рука, а что — левая?

— Не знаю я, Оля! Не знаю, кто что делает! Знаешь, давай попьем чайку! А может быть, чего и покрепче!

23 декабря 1991 года, день.

Москва. Лубянская площадь.

Здание МБВД России. Кабинет № 535

Изменение обстановки подполковник Орлов почувствовал сразу. Контраст был настолько сильным, что он не находил себе места. Телефоны молчали, почты не было, посетители не приходили. Половина сотрудников АФБ являлись утром, отмечались у своего начальства и пропадали до вечера, а то и до следующего утра. Иваненко сидел в своем кабинете, время от времени встречаясь с кем-нибудь или разговаривая по телефону. В течение нескольких дней он еще ждал звонка от Ельцина, рассчитывая, что тот хоть как-то объяснит ему свое решение. Но напрасно. Не звонили даже те, кто еще совсем недавно спешил засвидетельствовать свое почтение.

ИНФОРМАЦИЯ: «Объединять КГБ и МВД в одну структуру было нельзя хотя бы потому, что у их сотрудников совершенно разный менталитет, разная психология... И, объединяя их, пришлось бы жертвовать каким-то менталитетом из двух. Вполне было ясно каким!.. Кроме того, следовало считаться с тем, что такой монстр в руках одного человека становился опасным... О какой демократии можно тогда говорить?»

(В.Б. Ямпольский, заместитель Генерального директора АФБ России).

Андрей, как мог, пытался поддержать Иваненко: время от времени заходил к нему в кабинет, вел пространные разговоры, показывал отклики в газетах, которые писали: «КГБ и МВД слились, но без экстаза», «Ничего хорошего от этих экспериментов не было и не будет». Несколько раз Иваненко был у Баранникова, но о беседах с ним никому не рассказывал, уединялся в кабинете и подолгу сидел, глядя в одну точку. Было видно, что он очень переживает несправедливость, проявленную к нему. Лицо его, обычно открытое и приветливое, стало серым и суровым, а взгляд тяжелым и усталым.

СТАТЬЯ: «Как нам стало известно, вечером 18 декабря Президент РСФСР Б.Н. Ельцин подписал Указ «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР». Подписанию Указа предшествовала долгая борьба. Первый вице-премьер Г. Бурбулис и вице-премьер С. Шахрай были категорически против слияния МВД и бывшего КГБ. По неофициальной информации, подписывая указ, Ельцин даже сказал им: «За что вы его так ненавидите?» Имелся в виду не Указ, а нынешний министр МВД В. Баранников. Не секрет, что после путча он находится в фаворе у российского президента и именно «под него» было создано новое министерство.

Указа о назначении министра МБВД РСФСР еще нет, но ни у кого нет ни малейшего сомнения, что им станет В. Баранников.

Из источников, близких к руководству Агентства федеральной безопасности России, стало известно, что вчера утром, узнав об Указе, нынешний Генеральный директор АФБ РСФСР В. Иваненко даже собирался подать в отставку, но подчиненные его отговорили. На их взгляд, борьба еще не окончена — на следующей неделе во вторник Указ будет обсуждаться Комитетом по безопасности Верховного Совета РСФСР.

Один из высокопоставленных сотрудников АФБ России так прокомментировал подписанный Указ: «Это уже было в нашей истории. Был такой монстр. НКВД назывался. Это монополия, а монополия всегда опасна. И потом это приведет к растворению значительно меньших по численности органов безопасности в

МВД. Ничего хорошего от этих экспериментов не было и не будет. И вообще в период такого обострения обстановки надо очень взвешенно идти на любые реорганизации. А у нас иногда начинается прямо реформаторский зуд. Любая реорганизация неизбежно ведет к резкому снижению уровня работы. Люди начинают тревожиться за свое будущее, таскать стулья, столы, сейфы, вместо того чтобы работать».

С этим комментарием трудно не согласиться. Совершенно непонятна цель подобного объединения. Если подтянуть подразделения милиции по уровню технического обеспечения и профессиональной подготовки до подразделения Госбезопасности, то при примерном соотношении сотрудников 1: 50 АФБ просто растворится в МВД.

К тому же огромная и трудноуправляемая репрессивная машина окажется просто без должного контроля. По некоторым данным, 75 процентов мафиозных группировок имеют прикрытием сотрудников МВД, 5 процентов — сотрудников Госбезопасности. Во всем мире, чтобы избежать этого, в правоохранительной области работают параллельные структуры. В США даже при Министерстве труда создан отдел по борьбе с коррупцией, независимый от полиций и служб безопасности. Но мы и тут пошли своим путем...

Уже в день подписания Указа он стал «работать». 18-го вечером была ликвидирована просуществовавшая меньше суток комиссия при АФБ РСФСР, занимавшаяся рассмотрением передачи американской стороне руководителем МВД В. Бакатиным сведений об элементах и местах расположения спецтехники в новом здании посольства США в Москве»

(«КГБ и МВД слились, но без экстаза». «Московский комсомолец», 20 декабря 1991 года).

В чекистских коллективах в регионах росло возмущение принятым наверху решением. На собраниях сотрудников, в кулуарах, на встречах с депутатами сотрудники органов безопасности не могли скрыть неприятия очередной глупости, которая могла привести только к одному — уходу из органов тысяч сотрудников, окончательному развалу системы.

СТАТЬЯ: «Собрание офицеров Агентства федеральной

безопасности Башкирской ССР выразило резко негативное отношение к Указу Б.Н. Ельцина об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР.

В письме, направленном в Верховный Совет РСФСР, башкирские чекисты утверждают, что создание нового ведомства в условиях развития демократии и становления правового государства чревато возвратом к тоталитаризму, к зловещей памяти времен вождя народов, к 1937 году, к НКВД»

(«Чекисты протестуют против создания МБВД». «Известия», 25 декабря 1991 года).

ДОКУМЕНТ: «Руководство, коллегия, офицерское собрание АФБ Башкирской ССР выражает своё принципиальное несогласие с решением о слиянии функций охраны общественного порядка и обеспечения государственной безопасности... Считаем, что для очередной реорганизации, при осуществлении которой, как показывает опыт, неизбежно снижение эффективности работы, выбрано далеко не самое благоприятное время, Когда обстановка в стране чревата социальным взрывом. В этой связи особое недоумение вызывает поспешность в создании новых структур вопреки мнению Верховного Совета и Конституционного суда Российской Федерации...»

(Обращение директора АФБ Башкирии В.П. Наумова к руководству республики. 5 января 1992 года).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Когда уже был подписан указ о создании МБВД, Баранникова очень сильно испугал мощный залп в средствах массовой информации. Нас уже нет! А в прессе стало появляться громадное количество статей против объединения АФБ и МБД... Баранников понял тогда, что у нас работают люди, которые способны управлять общественным мнением... Баранников требовал: «Пусть Олигов прекратит это! А Олейников^[151] грозил мне: «Я тебя посажу!»

(А.В. Олигов, начальник Центра общественных связей АФБ России).

То, что с Иваненко поступили несправедливо, было очевидно для очень многих. Человек, который решился наперекор обстоятельствам поддержать молодую российскую власть, смог удержать органы госбезопасности от втягивания их в противостояние, грозившее кровопролитием, олицетворявший собой новые подходы в организации системы безопасности страны, оказался за бортом событий. Неискушенный в интригах, нередко прямолинейный и всегда искренний, он не смог тягаться с теми, кто умел нашептывать на ухо, возводить поклепы и плести козни. Не сумев заручиться поддержкой российской «демократической элиты», а скорее всего, и не стремясь к этому, он оказался один на один то с беспринципным Бакатиным, то с двуличным Баранниковым. Поддержка Бурбулиса оказалась настолько иллюзорной, что освобождение Иваненко от должности прошло практически невзирая на его вялые возражения.

ИНФОРМАЦИЯ: «Я считаю, что главной причиной моего освобождения от должности было мое несогласие с ельцинской концепцией слияния органов безопасности с МВД. После этого он был очень недоволен... Хотя я еще тогда и надеялся на что-то, но в глубине души понимал, что на должность меня уже не вернут... Я ушел в отпуск, проводил его в Тюмени... Честно сказать, я испытал облегчение. У меня было странное ощущение, что мы едем на каком-то поезде, который несется под уклон. И от того, что меня скинули с этого поезда, у меня наступило облегчение... А поезд поехал дальше... Это, конечно, трусливая мыслишка, но она появилась... Было стыдно, мучило то, что оставил структуру, за которую нес ответственность...

Меня потом не раз упрекали, что я пошел против воли Президента. Если бы не возражал тогда, то, возможно, получил бы должность заместителя Баранникова. Впрочем, при тех интригах и это кажется сомнительным...»

(В.В. Иваненко, Председатель КГБ России).

Спустя почти два года Иваненко с горечью вспоминал, что оказался между двумя жерновами — российской властью, которая во что бы то ни стало хотела разрушить союзные структуры, и руководством КГБ СССР, делавшим свою далеко идущую ставку на формирование российской госбезопасности.

ИНТЕРВЬЮ: «Сначала КГБ России пытались сделать карманным, таким троянским конем в лагере демократов. Когда после наших публичных выступлений иллюзии на этот счет развеялись, нас окружили «санитарным кордоном» и стали вести какую-то игру.

На самом деле я был полководцем без армии. Два месяца пришлось вести переговоры с Крючковым об увеличении штатов российского КГБ с 23 до 300 человек. Он подписал этот приказ только 17 августа. Было много недоверия и со стороны радикальных демократов. У меня же все мысли были о том, как быстрее раскрутить машину российской госбезопасности, чтобы у России появился свой инструмент защиты государственности»

(В.В. Иваненко, Генеральный директор АФБ России. «Россия», 1–7 сентября 1993 года).

ИНФОРМАЦИЯ: «Очень важно понимать, как строится работа по управлению государством. Кто эти люди, какие нюансы следует учитывать, как соблюсти политес в общении с ними... Вот тут Иваненко проиграл... Он чересчур рано созрел... Он ввязался в это дело... Прошло четыре-пять месяцев, а потом все закончилось... Мавр сделал свое дело! Его просто выкинули и забыли!»

(Е.М. Войко, первый заместитель начальника Оперативно-технического управления АФБ России).

ИНФОРМАЦИЯ: «Иваненко вдруг стал для той команды категорически неуютен! И для окружения той команды...»

(В.Б. Ямпольский, заместитель Генерального директора АФБ России).

ИНФОРМАЦИЯ: «Ельцин тогда понял, что у него под боком есть горстка людей, которая имеет свою позицию. Это не какие-то молчаливые роботы, которым что скажут, то они и сделают... Вдруг он увидел, что важнейший орган, на который он так рассчитывает, имеет свою точку зрения и имеет силу... Поняв это, он сразу же отдал команду убрать Иваненко и всех, кто с ним

работает...

Иваненко был обречен. Когда он проявил свою принципиальность... он показал, что имеет свою позицию и умеет ее отстаивать... Выступление в Верховном Совете по Чечне и несколько принципиальных вопросов, которые стал отстаивать Иваненко, в том числе сохранение органов КГБ, несогласие с объединением КГБ и МВД... Все это вызывало у Ельцина негативную реакцию»

*(В.Н. Бабусенко, начальник Управления
правительственной связи АФБ России).*

Но не только чекисты были явными противниками Указа № 289. Против него стали выступать различные общественные деятели, депутаты, ветераны. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» даже посвятила целую полосу подборке выступлений и оценок.

ВЫСТУПЛЕНИЕ: «...Не случайно во время обсуждения этого вопроса в Верховном Совете я произнес фразу о «новом НКВД». На мой взгляд, формирование монстра, который монополизировать под одной крышей службы безопасности и внутренних дел, недопустимо. Концентрируя в одних руках соответствующие структуры — от информационных до чисто силовых, — Президент, как мне кажется, не до конца продумал возможные негативные последствия такого шага. А тут ведь просто достаточно учесть имеющийся у нас исторический опыт»

(В.К. Варов, депутат Верховного Совета РСФСР).

ВЫСТУПЛЕНИЕ: «...Думаю, что объединение служб безопасности и внутренних дел носит все же временный характер и объясняется исключительно тяжестью складывающейся в стране ситуации. А в перспективе России, конечно же, нужна будет здоровая конкуренция в этой сфере»

*(Ю.М. Лучинский, депутат Верховного Совета
РСФСР).*

ВЫСТУПЛЕНИЕ: «...Объединение двух очень сложных специфических систем, каждая из которых имеет свои методы

работы, свой опыт, может усугубить трудности очень сложного времени»

(Н.М. Горбачевский, начальник службы криминальной милиции Санкт-Петербурга).

ВЫСТУПЛЕНИЕ: «...Указ вызывает шок. Видимо, это подготовка к грядущей шоковой терапии? Нигде нет такого. Потому что нельзя смешивать абсолютно разные задачи, абсолютно разные функции — внешнюю и внутреннюю...»

(С.Б. Лавров, профессор Санкт-Петербургского университета).

ВЫСТУПЛЕНИЕ: «Я считаю, что слияние совершенно бессмысленно. Это будет недееспособная организация, причем в первую очередь пострадает госбезопасность. Она захлебнется в милицеских заботах...»

(Н.И. Хвастовский, пенсионер, сотрудник ГПУ с 1929 года, бывший начальник Горьковского УКГБ).

Но все было бы ничего, если бы сразу не начался страшный прессинг на чекистов. Сначала была ликвидирована просуществовавшая менее суток комиссия АФБ, занимавшаяся расследованием факта передачи Бакатиным сведений об элементах и местах расположения спецтехники в новом здании посольства США. Для очень многих эти действия руководителя Межреспубликанской службы безопасности были ничем не прикрытым предательством интересов страны. Бакатин потом клялся, что предварительно заручился поддержкой Горбачева и Ельцина, министров иностранных дел Панкина,^[152] Шеварднадзе и Козырева,^[153] но это не меняло сути деяния — впервые в истории спецслужб один из руководителей отдавал в руки противника то, что всегда считалось самыми секретными, самыми охраняемыми сведениями.

Еще в сентябре состоялась встреча Бакатина с новым американским послом Робертом Страусом, на которой он, видимо, и принял это решение, чем буквально вверг американцев в состояние прострации. Об этом впоследствии поведал в своей книге начальник отдела ЦРУ по Советскому Союзу Милтон Бирден.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Бакатин заявил, что настало время прекратить характерное для периода холодной войны соперничество между нашими службами. Он пожаловался, что все деньги и другие ресурсы уходят на слезку за нашими посольствами в Москве и Вашингтоне. Указывая на сейф, стоявший в углу его большого кабинета, Бакатин сказал:

— В этом сейфе вся документация о мероприятиях по внедрению подслушивающих устройств в ваше посольство. Теперь ваше посольство пусто и мы в тупике...

Пока посол говорил с Бакатиным о необходимости решения проблемы посольства, я передал ему записку: «Попросите у него чертежи».

Искоса взглянув на мою записку, Страус продолжал говорить о том, какая важная предстоит работа и как необходимо раз и навсегда решить проблему посольства. И потом он бросил бомбу.

— Господин председатель, есть один способ, как вы можете помочь нам преодолеть препятствие в отношении статуса посольства. Почему бы вам просто не передать нам эти чертежи из вашего сейфа? Я уверен, что они помогут нам найти верный путь.

Я следил, как работники КГБ в этот момент подались вперед... На их лицах было выражение, близкое к шоку. Подумав момент, Бакатин сказал:

— Мы вернемся к этому разговору, господин посол»

(М. Бирден, руководитель отдела ЦРУ США. «Главный противник». Москва, 2004 год).

ИНФОРМАЦИЯ: «Бакатин — это авантюрист в полном смысле этого слова, страдающий большим самомнением. То есть он считал, что его решения — это сама истина... По меркам обычного отношения к предательству, это предатель интересов Российской Федерации. Как бы он ни прикрывался согласием Горбачева (а он заявлял, что согласовывал все с Горбачевым), он выдал американцам технические средства, которые были установлены в посольстве. Американцы сначала думали, что это провокация. Такого не может быть, чтобы руководитель спецслужбы на блюдечке преподнес технические средства подслушивания, отслеживания действий американцев... Какое

значение это имеет, с кем он согласовывал! Оп — руководитель спецслужбы! Как он мог передать государственные секреты? Это — прямой удар по интересам Российской Федерации!»

*(С.Е. Мартиросов, старший инспектор
Инспекторского управления МСБ СССР).*

ИНФОРМАЦИЯ; «Это было для нас очень неожиданным... Это предательство интересов страны! Ведь предыстория этого дела касалась одной из самых успешных операций советской контрразведки. Американцы возили для строительства своего посольства кирпич через Финляндию... Свои кирпичи! Наши смогли по дороге заменить кирпичи на другие, специально изготовленные... Сколько народа была задействовано для осуществления этой операции! Сколько государственных средств было затрачено! А американцы были уверены, что они строят из проверенного кирпича... По существу, все их здание стало сплошным гигантским микрофоном. Там не надо было устанавливать никакой прослушивающей техники, потому что любой кабинет этого здания можно было прослушать от стен... Это было совершеннейшее ноу-хау! Такого в мире нигде не было! Это была исключительная операция КГБ!»

*(В.Б. Ямпольский, заместитель Генерального
директора АФБ России).*

Но выдачей американской контрразведке спецтехники КГБ, смонтированной в здании посольства США, предательство интересов страны не закончилось. В руки «вероятного противника», который, впрочем, в новой политической реальности уже не считался таковым, попали сотни важнейших документов, раскрывающих самые охраняемые секреты, безжалостно ставящих под угрозу криминала и взбесившихся радикалов разных мастей многих людей, честно и достойно выполнявших свой долг перед Родиной, участвующих в защите государственных интересов, обеспечивающих эффективную работу спецслужб.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Те самые четыреста совершенно секретных документов, обнаруженные в сейфе гэкачеписта Болдина, Бакатин разрешил отдать Льву Понамареву

и Глебу Якунину,^[154] а те, в свою очередь, передали их известной журналистке Евгении А. Буквально через несколько дней в «Огоньке» появились статьи, которые говорили о «преступных деяниях КГБ СССР»... После этого начались настоящие трагедии... Оглашение этих документов привело к тому, что появились десятки сломанных судеб... Люди, добросовестно выполнявшие свой долг, стали жертвами предательства...»

*(Е.М. Войко, первый заместитель начальника
Оперативно-технического управления АФБ России).*

Разумеется, документы и материалы, попавшие в руки журналистов и псевдо-поборников демократии, стали достоянием иностранных спецслужб, что еще больше ослабило иммунную систему государства, как называл органы безопасности бывший Председатель КГБ СССР.

Через несколько дней после объединения стали поступать сведения о том, что Баранников настроен не только очень серьезно изменить структуру органов госбезопасности, но и существенно перетряхнуть кадры, особенно руководящие. И прежде всего речь, естественно, шла об АФБ, так как именно его люди оказывали самое решительное сопротивление слиянию КГБ и МВД. Правда, в официальных документах МБВД заявлялось совершенно иное.

ДОКУМЕНТ: «...Надо учесть, что деятельность органов безопасности по вине известных авантюристов за последнее полугодие была практически парализована, сотрудники дезориентированы, устали от неуверенности и неопределенности, началось их массовое увольнение из органов. Необходимо остановить этот процесс, сохранить на службе квалифицированных работников, обеспечить преемственность поколений, надежное функционирование новых структур...»

*(Тезисы «О задачах службы безопасности в МБВД».
Декабрь 1991 года).*

Наверное, не в последнюю очередь играло роль и то обстоятельство, что российские чекисты располагали сведениями, ставящими под сомнение честную работу их новой шефа во время его предшествующей службы в Азербайджане. Орлов знал, что «дело Баранникова» было запрошено и

находилось где-то в стенах АФБ, что, безусловно, ставило под удар всех тех, кто имел к нему отношение или даже знал о его содержании.

— Андрей Петрович, с минуты на минуту сюда могут прийти «эти»!

— Кто — «эти»? — Орлов озадаченно смотрел на офицера дежурной службы.

— Вы ничего не знаете?

— Н-нет, ничего!

— Да новый министр якобы дал команду «арестовать» все документы АФБ! Ну, вроде, у нас там... какие-то незаконные материалы... Наверное, ищет...

— Что за чушь!

— Не знаю. Еще утром нам сообщили. Люди «оттуда». И список у них есть, кто против работал. Вы там тоже есть!

— Да? Ну пусть приходят, забирают что нужно! У меня ничего незаконного нет!

— В общем, Андрей Петрович, я вас предупредил!

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Когда было принято решение об объединении органов безопасности и внутренних дел, один из руководителей МБВД рвал и метал, требовал: «Дайте мне агентуру, которая работала по линии третьего главка»^[155]. Это был бы кошмар! Можно представить себе, что бы сделали с сотрудниками милиции, которые помогали КГБ выявлять коррупционеров и других преступников в милицейской среде!»

(Ю.Н. Скобелев, начальник Отдела оперативных фондов АФБ России).

То, что сообщил дежурный офицер, для Андрея не являлось какой-то неожиданностью. Более того, он ждал чего-то подобного. Но все равно у него на душе стало очень гадко. Кто-то чужой должен был придан и рыться в его бумагах, как будто Орлов подследственный или преступник.

«Почему так получилось? — мучительно думал он. — Мы ведь делали все, чтобы стабилизировать обстановку, сохранить дееспособность органов, удержать людей от опрометчивых поступков и действий! Почему же теперь мы становимся изгоями?» У него вдруг появилось чувство, которое он испытал почти два года назад в Душанбе, Когда вынужден был уходить от преследования. Тогда тоже казалось, что трудно найти выход из ситуации, но он все-таки был найден.

«Что же делать?» — задавал себе вопрос Орлов.

Он встал, подошел к сейфу, открыл обе его дверки. В верхней ячейке лежала стопка теперь уже, наверное, бесполезных документов, в нижней — золотыми переплетами поблескивали тома Гутенберга.

«А с этим-то что делать? — с досадой подумал Андрей. — Президент согласился со всем, но кто теперь будет реализовывать наши предложения? Теперь все будут делать эти ребята!»

В голове был сплошной сумбур. Хотя уже несколько дней никакой работы практически не было и Орлов мог уезжать домой непривычно рано, он чувствовал себя совершенно разбитым. Сон у него и раньше был не очень крепкий, но сейчас вообще пропал. Он долго лежал в темноте с открытыми глазами, прислушиваясь к тихому дыханию жены, затем часа в два-три вставал, шел на кухню, заваривал чай или кофе.

Иногда вслед за ним, одетая в ночную рубашку, поднималась жена, щурясь спросонья от яркого электрического света и с удивлением глядя на Андрея.

— Ты чего не спишь? Все думаешь! Не надо, Андрюша!

Она прижималась к нему всем телом — маленькая, хрупкая, теплая. Это действовало на Андрея успокаивающе. Он гладил ее волосы, брал за плечи, с нежностью целовал. Но наутро все равно вставал разбитым и неотдохнувшим. Парадокс! Нагрузки не стало вообще, а усталость наваливалась, будто Орлов вкалывал с утра до вечера. Потом он не раз убеждался, что от вынужденного безделья человек устает гораздо больше, чем от самой титанической работы. Правда, у некоторых других сотрудников упраздненного АФБ вынужденное безделье сочеталось с жестким прессингом со стороны Баранникова.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «На нас же дело практически завели... Опечатали сейфы в наших кабинетах рядом с кабинетом Андропова... Команду дали, и за нами начала ходить «наружка»... По-видимому, смотреть, с кем встречаемся, с какими журналистами... Ребята из «наружки» подходили и говорили: «Мужики, давайте полпервого выходите оттуда и все... Потом мне передали, как Баранников высказался по той ситуации: «Я думал мы, менты, продажные, а оказывается и у них этого тоже хватает...» Так сливали информацию и закапывали Комитет государственной безопасности России!»

(А.В. Олигов, начальник Центра общественных связей

АФБ России).

Орлов стал перебирать документы. От некоторых следовало избавиться потому, что они вряд ли могли кому понадобиться, от других — чтобы их не могли использовать в ущерб Орлову и его товарищам. Бумаги были вложены в разноцветные картонные папки, на которых черным фломастером были аккуратно выведены надписи: «АФБ РСФСР», «Записки Президенту РСФСР», «Структура», «Рабочие контакты», «Чечено-Ингушетия», «Концепция»...

Андрей открыл первую попавшуюся папку, начал просматривать документы: вот — записка о встрече с руководителями Приднестровья, вот — отчет о международном семинаре «Роль спецслужб в развитии демократии», состоявшемся в Болгарии, вот — запрос в архив о деле Алиханова... Он пробежал глазами строчки документа, и недавние события ожили в памяти Орлова с новой силой...

Эти события были связаны с именем человека, которого знали, наверное, все, но относились к нему по-разному. Вернее, не к нему, а к ней. Речь шла о вдове Сахарова Елене Георгиевне Боннэр, известной диссидентке и видной радикальной фигуре демократического движения конца восьмидесятых — начала девяностых годов. Многократные встречи с ней оставили в памяти подполковника Орлова след противоречивых впечатлений и ассоциаций. А началось все за несколько дней до августовских событий.

— Андрей, попытайся разыскать телефон Елены Боннэр. Надо будет встретиться с ней, — дал поручение своему помощнику Иваненко.

Орлов с удивлением, можно сказать даже с изумлением, посмотрел на шефа.

— Что удивляешься? Ты же знаешь, Боннэр — очень сильная фигура демократического блока. Очень влиятельная! К ней прислушивается даже Ельцин! Нам надо встретиться с ней. Лучше сделать ее нашей союзницей, чем она будет продолжать поливать органы грязью!

— Как союзницей? Она же смертельно ненавидит КГБ!

— Вот именно поэтому нам надо начать с ней работать. Она женщина очень неглупая...

— Я думаю...

— Андрей, ты должен понять: мы — новая российская спецслужба, спецслужба демократической России, и нам надо начинать строить отношения со всеми влиятельными людьми демократического крыла...

— И с Калугиным тоже? — с сарказмом произнес Орлов имя человека,

которого в КГБ иначе как предателем не называли.

— Нет, с Калугиным мы взаимодействовать не будем!

— Но он тоже, вроде как, демократ! — Орлов усмехнулся, понимая, что своими вопросами он выводит Иваненко из себя. То, что Виктор Валентинович абсолютно не приемлет эту фигуру, Андрей знал. Ведь, еще работая вместе с Иваненко в Инспекторском управлении он сам участвовал совместно с С.С. Дворянкиным в подготовке материалов о Калугине для информирования органов КГБ и тогда, ознакомившись со всеми оперативными данными, сделал для себя открытие, что и среди крупных комитетских руководителей могут оказаться предатели.

Иваненко в раздражении посмотрел на Орлова. По выражению его лица было видно: он очень недоволен тем, что его помощник пытается перечить, да еще в такой, прямо скажем, издевательской манере.

— Ладно, хватит разговоров! Свяжешься и доложишь! Понятно?

— Понятно! — недовольным тоном произнес Орлов, всем своим видом показывая, что не согласен с решением начальника, но, как дисциплинированный офицер, вынужден ему подчиниться.

Что знал Орлов о Боннэр? Да практически все то, что знали многие: ярая антисоветчица, жена бывшего диссидента Сахарова, которая оказывала очень сильное влияние на академика; в восьмидесятом году они с мужем были высланы в Горький, а совсем недавно решением Горбачева были возвращены в Москву, где приняли активное участие в демократическом движении. Никаких «кагэбэшных» подробностей о ней, да и о самом Сахарове Андрей не знал, хотя слышал, что в течение многих лет их «опекало» пятое управление КГБ, одной из задач которого была «борьба с идеологической диверсией».

Орлов дозвонился до Боннэр с первого раза.

— Здравствуйте! Это Елена Георгиевна?

Низкий женский голос ответил:

— Да.

— Меня зовут Андрей Петрович.

— Я... слушаю вас. — По едва заметной паузе между словами Андрей понял, что Боннэр, услышав незнакомое имя, пытается определить, с кем разговаривает.

— Елена Георгиевна, я являюсь помощником Председателя КГБ РСФСР Иваненко. Он хотел бы с вами встретиться.

В ответ не раздалось ни звука, будто положили трубку и забыли ее снова взять.

— Елена Георгиевна, вы слышите меня? Елена Георгиевна!

— Ка-Гэ-Бэ?.. Меня? — В голосе Боннэр послышалось явное удивление. — Встретиться? Хм! Если вы хотите меня вызвать в КГБ — пришлите повестку! Я просто так в КГБ в гости не хожу!

Теперь в ее голосе слышались интонации явного раздражения. Орлов, почувствовав это, поспешил сказать что-то успокаивающее, чтобы Боннэр не бросила трубку. По ее тону это вполне можно было допустить.

— Но Елена Георгиевна! Вас никто не вызывает в КГБ. Мы просто хотим побеседовать с вами, как с уважаемым человеком...

— С «уважаемым»?! Меня «уважает» КГБ? — Боннэр усмехнулась.

После небольшой паузы она все-таки согласилась на встречу:

— Ну хорошо! Если уж вам так хочется со мной познакомиться — приезжайте ко мне! Только не сегодня, ладно?

— А когда?

— Давайте послезавтра в шестнадцать часов! Адрес же вы знаете. Или спросите у ваших топтунов.

— Да, знаем!

— Ну вот и договорились! До свидания! — Не дослушав ответ Орлова, она повесила трубку.

«Вот злобная какая! — промелькнуло в голове у Андрея. — Будь моя воля, век бы ее не видать!»

Через день Иваненко и Орлов уже сидели на кухне в квартире Сахарова и пили кофе из маленьких фарфоровых чашечек, которые поставила встретившая их не очень доброжелательно хозяйка квартиры. Не без робости войдя в квартиру одной из самых видных диссиденток, они сначала не знали, как себя держать. Боннэр всем своим видом демонстрировала едва скрываемую враждебность к представителям ненавистного ей КГБ, а Иваненко долго не мог найти тональность в разговоре, которая могла бы растопить лед недоверия и установить необходимый психологический контакт. Говорили о погоде, о нашумевших статьях Елены Георгиевны в газетах, о Конгрессе памяти Сахарова, о том, о сем. Боннэр отвечала односложно, не стремясь даже скрыть, что беседа ей в тягость и она была бы не прочь, если бы они убрались восвояси.

Наконец, терпение у Елены Георгиевны, видно, кончилось и она очень резко, даже грубо, спросила:

— Для чего вы вообще пришли ко мне? Не о погоде же говорить!

— Конечно нет, Елена Георгиевна! — Иваненко смущенно посмотрел на нее. — Вы же знаете, что создан российский КГБ. Это совершенно новая организация, которая строится на новых принципах...

— Новый КГБ? — Боннэр усмехнулась. — КГБ есть КГБ. Это

репрессивный орган, и он не может быть другим!

— Вы не правы, Елена Георгиевна! — Иваненко, явно раздосадованный таким выпадом хозяйки дома, попытался возразить. — Российский КГБ будет свободен от тех недостатков, которые были свойственны КГБ СССР. У нас не будет политического сыска! Мы будем работать не в интересах одной политической партии, а в интересах народа, мы...

— Верится с трудом! — не без ехидства вставила Боннэр.

— ...мы собираемся наладить связи с разными политическими силами, тесно взаимодействовать с общественностью...

— Стукачей, что ль, использовать? Так это вы и раньше делали!

Иваненко замолчал, понимая, что продолжать бесполезно. Известная правозащитница не слышала его, по-своему интерпретируя его слова.

Она сидела напротив Андрея, не притронувшись к уже остывшему кофе. Лицо Боннэр, испещренное морщинами, было взволнованным. Через толстые стекла больших роговых очков на генерал-майора Иваненко и майора Орлова смотрели презрительно-жесткие глаза вдовы академика Сахарова, которая имела свои счета с КГБ и не могла в принципе воспринять никакие разговоры о реформировании системы госбезопасности.

«Зачем? Зачем вообще мы расстилаемся тут перед этой злобной женщиной? — недоумевал Орлов. — Ну что нам дает эта встреча? Какого черта мы должны убеждать ее, что не верблюды?!»

Действительно, Орлову трудно было понять замысел Иваненко. Зная, что Боннэр к этому времени стала очень влиятельной фигурой демократического движения и даже пользовалась определенным влиянием на самого Президента Ельцина, он тем не менее не считал необходимым общение с ней. Уж очень одиозной была фигура вдовы академика в глазах сотрудников госбезопасности, воспитанных в критическом отношении к диссидентам и всяким там антисоветчикам.

Елена Георгиевна сама прервала затянувшуюся паузу:

— А у меня к вам тоже есть одно дело. Вернее, два.

Иваненко с Орловым недоуменно посмотрели на Боннэр. Ее лицо стало заметно мягче, а на губах угадывалось некоторое подобие улыбки.

— Я хочу ознакомиться со следственным делом моего отца Геворка Саркисовича Алиханова. Он был арестован НКВД и расстрелян в 1938 году. Это можно сделать?

— Я думаю, сделаем, — сказал Иваненко и повернулся к Орлову: — Андрей, запиши все. Надо будет сделать запрос в архив.

— Хорошо. Это первая просьба. — Боннэр впервые за все время встречи улыбнулась.

— А вторая? — спросил Иваненко.

— Вторая связана с Андреем Дмитриевичем. В Горьком у нас КГБ украл его рукописи и дневники. Помогите их разыскать. Я думаю, что для КГБ они уже не представляют опасности. Тем более для Российского КГБ. Правда ведь?

Виктор Валентинович кивнул, но ничего не ответил [\[156\]](#).

Обменявшись еще несколькими малозначащими фразами, Иваненко с Орловым поспешили покинуть источающую враждебность квартиру. От всего разговора у них остался какой-то неприятный осадок, будто они в чем-то провинились перед этой пожилой женщиной, будто виноваты в том, что ее отец сгинул во время массовых репрессий, а муж подвергался преследованиям за инакомыслие.

Впрочем, расстались российские чекисты с известной диссиденткой довольно дружелюбно, пообещав созвониться в самое ближайшее время. Высокий серый дом на улице Чкалова, стоящий неподалеку от набережной Яузы, Иваненко и Орлов покинули спустя час после того, как вошли в его подъезд с массивными деревянными дверями.

Спустя несколько дней Орлов набрал номер телефона Елены Боннэр.

— Алло! — раздался незнакомый голос.

— Здравствуйте! А Елену Георгиевну можно к телефону?

— А кто ее спрашивает?

— Это Андрей Петрович из Российского КГБ.

— Отку-у-да? — На том конце слышалось явное изумление.

— Из КГБ РСФСР.

— Минуточку!

Было слышно, как положили трубку, как кто-то с кем-то тихо переговаривался. Потом трубку взяли снова.

— Я слушаю. — Орлов сразу узнал низкий голос Боннэр.

— Здравствуйте, Елена Георгиевна.

— Андрей Петрович?

— Да, это я.

— Ну и что же вы хотите мне сообщить?

— Мы нашли дело вашего отца. Можете прийти ознакомиться...

— Ох, спасибо, Андрей Петрович! Не ожидала, что вы так быстро...

Когда это можно будет сделать?

— Пожалуйста, в любое время.

— Давайте... — Елена Георгиевна задумалась, — давайте

девятнадцатого, часов в одиннадцать.

— Хорошо. Я пришлю за вами машину. Договорились?

— Спасибо вам.

— До свидания.

— Всего хорошего.

Но девятнадцатого августа встреча не состоялась. Потому что в этот день в Москве было введено чрезвычайное положение.

Орлов смотрел на копию запроса в архив КГБ о деле отца Елены Георгиевны и вспоминал, вспоминал, вспоминал. О том, как она наконец, уже в сентябре, пришла первый раз в его кабинет, как разрыдалась, читая страшные строки следственных протоколов, как с волнением смотрела на вид, открывающийся из его окна на площадь Дзержинского. О том, как он показывал ей внутреннюю тюрьму НКВД, в бывших камерах которой теперь были оборудованы рабочие кабинеты, как обедали вместе с ней в общей столовой под изумленными взглядами сотрудников, как переходили из одного в другое здание по широкому, отделанному мрамором подземному переходу.

Елена Георгиевна беспрерывно пила черный кофе из скудных запасов Орлова, которые очень быстро иссякли.

— Ладно, я принесу вам банку очень хорошего бразильского кофе. Мне прислали его из Америки.

— Ну что вы, Елена Георгиевна! — пытался возразить Андрей, а сам думал: «Если бы она этого не предложила, то, наверное, разорила бы меня». Кофе действительно был дорогой, и хотя зарплата майора КГБ была относительно неплохой, роскошествовать на нее было нельзя.

Боннэр оказалась совсем не такой, какой ее представлял себе раньше Андрей. Несмотря на то, что она постоянно допускала резкo-категорические суждения относительно органов госбезопасности, вела она себя достаточно миролюбиво, много рассказывала о своем отце: о том, как они жили в Ленинграде; о знакомых семьи среди видных деятелей Коминтерна, видных партийных и государственных деятелей; о том, как к ним в гости приходил нарком Ежов^[157]; о страшных месяцах тридцать седьмого года... Казалось, что она нашла в лице Орлова внимательного слушателя, хотя постоянно повторяла, что ей не верится, что она находится в стенах КГБ.

Однажды она спросила Орлова:

— Андрей Петрович, вы такой... такой интеллигентный, умный молодой человек. Кандидат наук. Почему вы... — Боннэр замялась.

— Почему работаю в КГБ? — догадавшись, помог ей Андрей. — А

вам непонятно! Я считаю, что защита интересов государства — это вполне достойное дело.

— Какого государства? — повысив голос, спросила Елена Георгиевна. И сама резко ответила: — Преступного государства! Государства, которое душило и подавляло...

— Может быть, вы отчасти и правы, но это — наше государство и другого у нас не было и нет! А кроме того, я с вами не согласен...

— В чем?

— Да хотя бы в том, что в нашей стране было и есть много хорошего и плохого, но, если мы живем в ней, мы должны любить ее! Как мать, даже если она пьющая!

— Любить? Преступный, тоталитарный режим?

В душе Андрея боролись два чувства: неприятие того, что говорила Боннэр о близких и совершенно ясных для него вещах — о своей стране, о партии, членом которой он был вот уже двадцать лет, о Комитете госбезопасности, службой в котором он гордился, — и сознание того, что в словах этой пожилой женщины есть какая-то своя горькая правда. Эту правду он не знал, не соприкасался с ней, может быть, даже избегал. Он с интересом слушал рассказы Елены Георгиевны о предвоенных событиях, пережитых ею, о санитарном поезде, в котором она прошла всю войну, о ее муже Андрее Дмитриевиче Сахарове, этом немного странном, безусловно умном, порядочном, но слабохарактерном человеке, которого она любила и уважала. Боннэр рассказывала все в своей неторопливой, немного ироничной манере, наделяя героев своих рассказов едкими, иногда очень неллицеприятными эпитетами.

Разговоры в кабинете Орлова проходили уже почти каждый день, потому что Боннэр не хотела надолго отрываться от чтения толстенных томов, по-видимому все еще не доверяя «гэбэшникам», которые могли в любой момент передумать и отобрать у нее тягостное, но столь желанное чтиво. Как-то неожиданно рассказы Елены Георгиевны приобрели даже какой-то доверительный характер. Несколько раз она не без улыбки вспоминала о своих любовных похождениях, припоминала разные смешные детали событий давней юности и молодости, порою удивляя Андрея своей откровенностью и открытостью. Речь вдовы Сахарова была яркой, красочной. В ней нередко проскальзывали забористые словечки и даже, как говорится, непечатные выражения. Но все это делалось в такой искренней и естественной манере, что не казалось грубым и неприличным.

Весь период общения с Боннэр Андрея не оставляла одна мысль: да, мы знали, что она враждебно относится к советскому строю,

Коммунистической партии и органам КГБ, но при этом не могли не видеть, что перед нами исключительно волевой и целеустремленный человек. Почему этими ее качествами мы позволили активно пользоваться нашим недругам, а не попытались сами вести с ней трудный, но столь необходимый диалог? Почему не попытались найти с ней общий язык, хотя бы на основе взаимного интереса, как смогли найти мы, представители Российского КГБ? Было другое время, другие принципы и установки? Да. Но все ли было сделано для того, чтобы не превратить выдающегося ученого с мировым именем в диссидента? Риторический вопрос.

Иногда в кабинет к Орлову заходили по какому-нибудь делу сотрудники и, узнав Боннэр, смущенно извинялись. Правда, Андрей подозревал, что большинство уже прослышали про его частую посетительницу и хотели увидеть известную диссидентку и «деятельницу демократического движения», что называется, живьем, а не по телевизору. Пару раз в ее присутствии Андрей разговаривал о чем-то с начальниками территориальных органов, приехавших в Москву, а она, расположившись с делами в кресле, вся напрягалась, чувствуя себя лишней, но одновременно ставшей неожиданно причастной к каким-то чуждым ей делам и разговорам. Сотрудники же КГБ, оказавшиеся в одном кабинете с Боннэр, с удивлением и интересом смотрели на нее, всецело ощущая разительные перемены, происходящие в стране. Раз уж Боннэр, злейший враг чекистов, мирно беседует с ними в самом сердце ЧК, наверное, произошло что-то существенное. Но что?

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Я пару раз заходил в кабинет к Пржездомскому, Когда у него находилась Елена Боннэр — строгая, суровая, не очень разговорчивая женщина, с мужскими чертами в поведении. Однажды я шепотом спросил у него, отозвав в сторону: «Какого х... она тут делает? Надо работать, а ты с ней время тратишь...» Андрей сказал тогда мне под большим секретом: «Ты же знаешь, это — вдова Сахарова. Сейчас она пользуется влиянием у демократов. Она даже вхожа к Ельцину. Контакт с ней может быть очень полезен». Как ни странно, последующие события подтвердили это...»

(А.К. Стрельников, начальник Секретариата КГБ России).

Кабинет Орлова за дни пребывания в нем Елены Боннэр пропах кофе и

сигаретным дымом, которые не выветривались за ночь. Андрей сам много курил, но его посетительница дымила беспрестанно, так, что в кабинете висела сизая пелена дыма и даже заядлый курильщик мог почувствовать определенный дискомфорт.

Постепенно тональность разговоров со стороны Боннэр становилась достаточно мягкой. Елена Георгиевна перестала говорить резкости, в ее рассуждениях присутствовало меньше нравоучений, она стала чаще обращаться к воспоминаниям, найдя в Андрее внимательного слушателя. Иногда, что-то прочитав в документах, он откладывала дело в сторону и подолгу сидела, уставившись в одну точку, или подходила к окну и смотрела на площадь, по которой двигались машины, объезжая круглую клумбу с обрубком постамента от памятника Дзержинскому.

— Андрей Петрович! Вы представляете? На первом допросе мамин брат категорически отрицал, что ведет контрреволюционную деятельность! Его все время спрашивали, и он каждый раз говорил: «Я никаких преступлений против Советской власти не совершал». А потом...

Она прервалась на полуслове, потом сделала глотательное движение, будто у нее пересохло в горле. Глаза увлажнились. Казалось, она вот-вот заплачет.

— А уже через месяц он признался, что являлся японским шпионом! А между этими бумагами ничего нет! Ничего! Никаких материалов следствия! Ни свидетельских показаний, ни доказательств!

— Но Елена Георгиевна, вы же знаете, какое было время!

— Да, я знаю! Но что же надо было делать с этими людьми, чтобы они вдруг не только признались в преступлениях, которые не совершали, но и стали давать показания на своих друзей и близких? Это ужасно! Я знала отца и этих людей! Они не были подлецами!

Орлов не знал, что ответить этой женщине. Может быть, только сейчас он понял, что у нее были свои веские основания, мягко говоря, недоброжелательно относиться к органам госбезопасности. Да и долгие годы совместной жизни с опальным академиком и общения с далеко не дружественными нашей стране деятелями сделали свое дело, превратив Боннэр в ярого противника советского строя. При этом отказать в остроте ума и способности улавливать суть обстоятельств ей было нельзя.

Елена Георгиевна запомнилась Орлову как неординарная, противоречивая и трагическая личность. На память от тех встреч у него осталось две книги, подаренные Боннэр, — «Звонит колокол» и «Дочки-матери». На первой она сделала надпись: «Андрею Петровичу в память об августе 1991 года в Москве. 1.X.1991 Елена Боннэр», на второй, которую

она просила Андрея передать жене, — «Маме Ольге и дочке Нине от автора. 11/Х.91. Елена Боннэр».

В одном из номеров журнала «Огонек» спустя некоторое время Боннэр припомнит те встречи в здании КГБ.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «•В первые мои посещения Большого дома КГБ России располагался скромно, на одном 7-м этаже... Но к ноябрю КГБ республики расширился, и в декабре я уже была в кабинете Андрея Станиславовича на пятом этаже. Странное чувство охватило меня, когда я впервые подошла к окну его кабинета. Внизу просторная круглая площадь, постамент от памятника Дзержинскому в центре и от него радиусом уходящая перспектива Охотного ряда. Красиво! Сколько раз в жизни я, проходя мимо, внутренне сжималась, ощущая физически, как это здание давит, душит меня...»

(Е.Г. Боннэр, правозащитница. «Голоса минувшего». «Огонек», № 8, февраль 1992 года).

Но от тех встреч остался еще один след, о котором сама Елена Георгиевна, возможно, даже и не подозревала.

Однажды, услышав пронзительный звонок, Андрей, как обычно, поднял трубку прямой связи с Председателем. Но на том конце провода прозвучал не привычно спокойный, а необычайно взволнованный голос Иваненко:

— Андрей, срочно зайди!

Через минуту Орлов уже находился в кабинете Председателя, по одному внешнему виду которого было понятно, что он не просто чем-то озабочен, как это бывало не раз, а буквально выведен из себя.

Он молча протянул Орлову листок бумаги, оказавшийся копией указа Президента России. Быстро пробежав несколько строчек, Андрей понял, что случилось действительно нечто чрезвычайное. Указ предписывал немедленно передать все архивы бывшего КГБ в распоряжение Росархива — организации, которая ведала всеми архивными учреждениями страны, то есть вывести их из системы госбезопасности и, по сути дела, открыть их для широкого пользования.

Это было непостижимо! Передать архивы спецслужбы, в которых даже в течение многих десятков лет информация сохраняет свою убийственную силу, как в отношении противника, так и собственных

интересов государства! Сведения об агентуре, конкретных операциях, активных мероприятиях, оперативных комбинациях и играх, показания иностранных шпионов и собственных предателей, данные о каналах утечки государственных секретов и мерах по закрытию этих каналов — да мало ли что еще находится в этих гигантских информационных фондах одной из самых мощных спецслужб мира! И все это, в угоду политической конъюнктуры, не только отдать на поругание тем, кому ненавистна Россия и ее былая мощь, но и сполна насытить знанием главных секретов великой страны ее явных и скрытых недругов! Бред какой-то! Лучшего подарка для ЦРУ, БНД, Моссад и других разведок мира придумать было нельзя! Да и для всех тех, кто хотел бы окончательно унижить, морально раздавить и «опустить» Россию, это было бы величайшее приобретение!

Но было еще одно обстоятельство, которое могло привести буквально к катастрофическому раздраю в обществе. Оно касалось прежде всего раскрытия сведений о том, кто и какие показания давал во время многочисленных судебных процессов, о тех людях, которые помогали органам госбезопасности выявлять, как тогда называлось, «подрывную деятельность спецслужб противника и зарубежных центров идеологической диверсии». Обрушившиеся на сограждан потоки такой информации могли привести не только к разочарованию в действиях и поступках отдельных людей, но и к сведению счетов, безжалостной мести и даже самосуду. Хотя абсолютное большинство тех, кто являлся агентом органов КГБ, составляли люди, искренне желающие помочь стране в ее борьбе за выживание в жестоком противоборстве с Западом, в массовом сознании начала девяностых годов они именовались не иначе, как «стукачами». Вместе с тем десятки тысяч из них самоотверженно, рискуя жизнью и здоровьем, семейным благополучием и карьерой, помогали поддерживать боеготовность великого государства, предотвращать чрезвычайные происшествия, пресекать деятельность вражеских разведок и заморских эмиссаров, перед которыми была поставлена задача создать условия для развала Советского Союза.

Безусловно, среди «добровольных помощников» были и такие, которые, пренебрегая любыми нормами морали, готовы были утопить ближнего, «заложить» оступившегося, оговорить честного. Тридцатые и сороковые годы явились позорным примером того, как человеческая подлость и трусость могут стать не просто обыденностью, но и мотивом для многих людей, готовых ценой жизни других сохранить свое собственное благополучие. Предательство и измена, к сожалению, всегда сопутствовали преданности, чести и достоинству. Многие из тех, кто

сгинул в лагерях и тюрьмах, не выдержали пыток и издевательств, уцепившись за призрачную надежду сохранить свою жизнь предав друзей, товарищей, близких.

И вот теперь предлагалось предать самой широкой огласке поступки людей, большинство из которых судить за них было невозможно хотя бы потому, что для этого надо самим оказаться в ситуации безвыходности и безысходности. Кто как поступает в таких условиях, показывает только сама жизнь. Как всегда, от клятв и заверений до реальных поступков — дистанция огромного размера.

Все это пронеслось в голове Орлова, пока он держал лист указа Президента о передаче архивов КГБ. И тут же у него мелькнула мысль о Елене Боннэр. Только она, реально понимая, что будет означать «открытие» архивов КГБ, могла здесь помочь.

Иваненко взволнованно сказал:

— Я пытался дозвониться до Ельцина. Но все безрезультатно. С ним не соединяют. А руководитель Росархива грозит уже сегодня приехать принимать фонды. Что делают! Хотят, чтобы повсеместно начались расправы?

— А, может быть, Виктор Валентинович, позвонить Боннэр?

Иваненко, казалось, безразлично воспринял это предложение, но через мгновение в его взгляде появился какой-то затаенный интерес.

— А что? Позвони своей «подруге». Она ведь понимает, что это такое. Сама читала показания... — Иваненко задумался, потом добавил: — Она же умная женщина и пользуется очень большим авторитетом. Ее могут послушать. В том числе сам Ельцин. Давай звони!

Разговор с Еленой Георгиевной был коротким. Она с полуслова поняла, о чем идет речь. Казалось, что она даже всплеснула руками, узнав о высоком решении. И тут же дала ему свою оценку:

— Это неправильное решение. Архивы должны быть открыты только для близких, чтобы они узнали правду о последних днях и гибели своих родственников! А для всех... Это немыслимо! Этого нельзя делать не только потому, что документы могут растащить. Ясно, что в КГБ, хотя вы знаете, как я к вам отношусь, они хранятся надежнее, чем где либо. Но этого нельзя еще делать потому... — Боннэр замолчала, и Орлов подумал даже, что прервалась связь.

— Елена Георгиевна, я вас слушаю!

— Да-а. Этого делать нельзя! Нам что, мало зла и ненависти? Надо, чтобы еще и началось сведение счетов?! Нет, я категорически против! Я буду звонить Борису Николаевичу! Я ему скажу...

Собственно говоря, на этом разговор Орлова с Еленой Боннэр и закончился. Как позже узнал Андрей, она действительно позвонила Президенту и очень эмоционально объясняла ему, почему нельзя архивы КГБ передавать в Росархив. Как известно, вступивший в силу указ не был выполнен. Может быть, на самом верху нашлись веские аргументы против или доводы Иваненко возымели действие. А может быть, и слово известной диссидентки, которую нельзя было заподозрить в симпатиях к КГБ, сыграло свою роль. Тогда этого не знал никто. Ясно одно, Елена Георгиевна Боннэр сыграла не последнюю роль в том, что архивы самой мощной спецслужбы не стали источником общественно раздора и новым «демократическим трофеем» тех, кто намеревался погужеваться на государственных тайнах страны, занимавшей седьмую часть суши.

Орлов открыл еще одну папку, на которой красовалась надпись «Рабочие контакты», и стал перебирать документы. Часть из них он тут же разрывал на мелкие кусочки, другие откладывал, чтобы перемолотить в шредере — измельчителе бумаг, который превращал их в тонкую «лапшу», испещренную маленькими черненькими штришочками — всем тем, что оставалось от машинописных строчек, содержащих когда-то ценную информацию. Среди нескольких листочков его внимание привлекла докладная записка на имя Иваненко. В ней лаконично сообщалось о результатах встречи Орлова с самым своеобразным политиком начала девяностых, который резко отличался от всех остальных парадоксальностью суждений и экзальтированностью поведения. Несколько месяцев назад он был выдвинут кандидатом на пост президента, но не набрал и восьми процентов голосов, далеко пропустив вперед Ельцина и Рыжкова. Перед этим у него были какие-то неприятности с регистрацией, но в конце концов он стал кандидатом и смог в короткие сроки приобрести громадную известность своим нетрадиционными поступками и незаурядными ораторскими способностями.

Орлов вспомнил ту первую встречу с этим человеком, которая состоялась ранней осенью. Как всегда, началось со звонка Иваненко, который куда-то очень торопился:

— Андрей, завтра я обещаю встретиться с... Ну, ты знаешь с кем!

— Да.

— Так вот. Я не смогу, потому что буду в это время на заседании правительства. Да и, если честно сказать, встречаться мне не очень и хочется. С ним встретишься ты.

— Я?

— Да. Скажешь, что, мол, Иваненко не может и поручил мне с вами

переговорить. Понял?

— Да, но, Виктор Валентинович, он же хочет с вами...

— Ну мало ли, что он хочет! Ты встретишься!

— А... что я должен... о чем я должен с ним говорить?

— Да просто выслушаешь, и все! Он же сам напросился. Узнаешь, что он хочет... Ну, в общем, сам определяйся! Понял?

Орлов тяжело вздохнул. Почти каждый день у него в кабинете бывала Елена Боннэр, которая требовала к себе внимания и отнимала у Андрея уйму времени. Поэтому ему все чаще и чаще приходилось задерживаться на работе допоздна, чтобы успеть отработать документы, ознакомиться с расписанными ему бумагами и шифровками. А тут еще и этот!

На следующий день в обусловленное время раздался стук в дверь кабинета. Орлов знал, что это, должно быть, дежурный офицер, который встретил и привел к нему «долгожданного» гостя, но буднично ответил:

— Да! Входите!

Дверь открылась, и на пороге показался офицер дежурной службы, рядом с которым — уже давно не сходящий с экранов телевизоров довольно высокий плотный мужчина лет сорока пяти с пышной шевелюрой вьющихся волос и густыми бровями. В руках он держал увесистый черный саквояж.

— Здравствуйте Владимир Вольфович! — Орлов встал из-за стола и сделал несколько шагов навстречу гостю.

— Здравствуйте, здравствуйте! Я Жириновский. А где Иваненко? — Он вертел головой по сторонам, осматривая небольшой кабинет Орлова, будто рассчитывал увидеть в нем Председателя Российского КГБ.

— Извините, но Виктор Валентинович не может встретиться с вами. Его срочно вызвали на заседание правительства. Он поручил мне...

— А вы кто? — бесцеремонно спросил Жириновский.

— Я — помощник Председателя. Зовут меня Андрей Петрович. Иваненко поручил мне...

— А почему он мне не сообщил, что не сможет встретиться? — Гость снова перебил Андрея. — Я собирался говорить именно с ним! — Потом окинул Андрея изучающим взглядом и примирительно сказал: — Хорошо! — И, не дожидаясь приглашения, прошел к креслу, стоящему у журнального столика, поставил на него свой саквояж. Андрей сразу почувствовал в госте какую-то уверенную бесцеремонность. Вместе с тем Орлов не мог не обратить внимания на явную артистичность и картинность поведения знаменитого визитера. Началось с того, что Владимир Вольфович выразил свою искреннюю поддержку Комитету и чекистам

вообще, но при этом неожиданно сказал:

— Но я никогда не сотрудничал с КГБ! Про меня распространяют слухи, что я был агентом. Это — ложь! Я никогда не был агентом КГБ! Вот. — Он достал из кармана пиджака какой-то листок и протянул его Андрею.

То, что увидел Орлов, было настолько неожиданным и парадоксальным, что несколько мгновений он не мог вымолвить ни слова. Перед ним был документ, равного которому, наверное, не было в истории ни одного государства, ни одной специальной службы. Это была справка, подписанная руководителем Межреспубликанской службы безопасности Бакатиным, свидетельствующая о том, что В.В. Жириновский никогда не состоял и не состоит в настоящее время в агентурном аппарате органов госбезопасности.

— Вот видите, даже сам Бакатин подписал! Так, что все, кто говорят, что я работал на КГБ, врут! Но Комитет госбезопасности, как организацию, я уважаю! Вы защищаете государство! Вас надо укреплять, а не ликвидировать, как предлагают некоторые демократы! Надо только, чтобы был нормальный контроль...

Владимир Вольфович говорил без передышки, не давая Орлову не только вставить слово, но и даже выразить свою реакцию. Это был монолог. Монолог человека, ничуть не обеспокоенного тем, сколько людей его слушают — громадная толпа, заполнившая Манежную площадь, или всего-навсего один человек, сидящий сейчас перед ним в кабинете. Жириновский говорил красочно и ярко, четко и громко выговаривая слова, вставляя образные выражения и обороты. Это была речь, безусловно, эмоционального человека, в своем роде артиста, больше занятого не тем, что говорить, а тем, как говорить. Речь его завораживала, эмоции и страсть передавались собеседнику, и уже через несколько минут Орлов почувствовал, что со многими оценками и пассажами этого человека готов согласиться, хотя еще пять минут назад думал совсем по-другому.

В коридоре седьмого этажа, несмотря на плотно прикрытую дверь, не могли не слышать громогласную речь Владимира Вольфовича. Можно представить себе, как удивлялись сотрудники, проходя мимо кабинета Орлова и слыша оттуда уже ставшие многим знакомыми интонации лидера Либерально-демократической партии. Явление Жириновского в КГБ было не меньшей неожиданностью, чем посещение Боннэр.

Желая хотя бы на миг приостановить монолог известного оратора, Орлов попытался вклиниться в безудержный поток слов и междометий, извергаемых гостем:

— Владимир Вольфович, хотите чая?

— Выпью чашечку.

— Сейчас сделаю! — с некоторым облегчением сказал Андрей, рассчитывая получить хотя бы минутную передышку.

— А кофе у вас есть? — спросил вдруг Жириновский. — Сделайте лучше мне чашечку кофе.

Орлов с готовностью включил кипятильник и достал баночку импортного бразильского кофе. Через некоторое время вода в стакане закипела, и он засыпал в него две чайные ложки коричневого порошка, который наполнил комнату приятным кофейным ароматом.

— Хороший кофе у вас в КГБ! — оценил Владимир Вольфович напиток, сделав несколько глотков.

И только тут Андрей понял всю парадоксальность ситуации. Ведь Жириновский пил кофе, который накануне принесла Елена Боннэр! Пил и прихваливал, не догадываясь ни о чем. Наверное, Владимиру Вольфовичу и впрямь было трудно представить, что Комитет «дошел» до того, что в его стенах могли оказаться бывшие диссиденты, теперь уже не на допросах у следователей, а в рабочих кабинетах руководства. Да, время привнесло такие изменения в стиль деятельности органов госбезопасности, о которых нельзя было и помыслить год-два назад.

— Жалко, что не удалось встретиться с Иваненко! — посетовал Жириновский. — Но я тут принес... — Он раскрыл саквояж и стал вынимать из него кипы каких-то бумаг, не то листовок, не то агитационных плакатов.

— А вы не можете собрать сотрудников? — неожиданно спросил Владимир Вольфович.

— То есть? Кого собрать? — не понял Орлов.

— Ваших сотрудников! Я мог бы выступить перед ними! У вас тут большой зал есть?

— Выступить? — Андрей с недоверием посмотрел на Жириновского, все еще не понимая, всерьез он говорит или шутит. — Выступить перед сотрудниками?

— Да, да! Я мог бы выступить перед вашими сотрудниками КГБ России. Поддержать вас, разъяснить наши партийные принципы, проинформировать о наших целях, планах, задачах...

— Что вы, Владимир Вольфович! Ну... во-первых, так сразу, без предварительной договоренности...

— Какая предварительная договоренность? Что, собрать всех нельзя? Уверю вас, все будут меня очень внимательно слушать! Я им скажу то, что

они ждут! Я...

Тут уж Орлов не выдержал и, рискуя оказаться невежливым и вызвать неудовольствие гостя, перебил неиссякаемый поток слов:

— А во-вторых, вы же сами выступали за департизацию военнослужащих и против втягивания их в политическую деятельность! А теперь вот предлагаете...

— Да что вы говорите! Я совсем не собираюсь вести политическую агитацию! Я хочу разъяснить сотрудникам КГБ позицию ЛДПР!^[158] Уверен, что ее все примут! Каждый сотрудник госбезопасности! Потому что наша партия стоит за то, чтобы госбезопасность и армия были сильными и мощными! Вас не сокращать надо, а увеличить в два раза! В три раза! Вам нужно установить достойную зарплату! Всем сотрудникам дать нормальное жилье! Люди, которые защищают безопасность государства, не должны нуждаться ни в чем! — Он сделал едва заметную паузу и продолжил: — Ладно, если не можете организовать собрание, я передам вам материалы... Вы можете распространить их среди ваших сотрудников.

Здесь все ясно! — Он потряс зажатой в руке пачкой листовок. — Здесь есть все — наши программные установки, наши принципы и цели! Пусть ваши сотрудники изучат все! Я оставляю все вам!

Даже спустя несколько часов после того, как Владимир Вольфович покинул кабинет, в ушах подполковника Орлова продолжал звучать его громкий и страстный, временами переходящий на крик голос, его характерные интонации и парадоксальные предложения.

«Да, человек он, конечно, незаурядный, — думал всю оставшуюся часть дня Орлов. — И совсем не такой, каким его показывает телевидение. На ненормального он не похож, хотя многие пытаются его таким представить. Нет, он — трибун, артист! Причем талантливый! Такие люди становятся заметными не только в политике, они и на театральной сцене могут достичь немалого успеха! Пожалуй, Владимир Вольфович мог бы стать неплохим драматическим актером. — Орлов даже представил, как сидит в первом ряду партера, а Жириновский читает монолог Чацкого.

Все это вспомнил Орлов, глядя на докладную записку, которую он составил сразу по горячим следам после встречи с Жириновским. Встречи, которая, так же как и беседы с Еленой Боннэр, оставила противоречивое и смутное ощущение того, что все в нашем мире имеет две стороны — внешнюю, кажущуюся нам определяющей, и скрытую, соприкоснувшись с которой мы долго пребываем в раздумьях и сомнениях.

Орлов разорвал докладную записку пополам, потом измельчил

обрывки и бросил их в урну, стоящую рядом со столом. Он и сам не знал почему, но пропускать этот документ через шредер ему не хотелось. Секретов в документе никаких не было, а оценки Орлова теперь уже, наверное, никого не интересовали.

Зазвонил телефон. Андрей отложил очередную папку и прервал свою тягостную работу, связанную с просмотром и уничтожением ставших теперь ненужными документов.

— Орлов! — сказал он четко по привычке.

— Андрюша, это я! — раздался голос Оли. — Как ты там? Не занят?

— Ну ты же знаешь!

— Я так... Чем занимаешься?

— Да, ничем. Перебираю бумаги, освобождаю кабинет. Наверное, скоро выселят...

— Андрюша, тебе звонил кто-то.

— А кто? Ты не спросила?

— Он не ответил. Сказал, что сам позвонит вечером. Голос незнакомый.

— Ладно!

— Не задержишься сегодня?

— Нет, приду часов в семь.

— Придешь? Не на машине?

— Машину отобрали.

— Понятно. Ну, я жду тебя, Андрейка.

После разговора с женой Орлову совсем расхотелось продолжать начатую работу. И хотя он понимал, что нужно до конца разобрать все бумаг и, заниматься совершенно бессмысленным делом ему было противно. Он так привык за последние десять лет к напряженной и всепоглощающей работе, что теперь, получив, казалось бы, долгожданную передышку, не знал, куда себя девать.

«А что же делать с «Библией»? — пришла в голову тревожная мысль. — Президент согласился с предложениями АФБ, а само АФБ расформировал. Кто теперь будет заниматься всем этим? А вообще, кто знает о том, что у меня находится такой раритет?»

Дверь без стука открылась, и на пороге появился Николай Николаевич, в течение нескольких месяцев исполнявший обязанности начальника управления по борьбе с терроризмом, аналогично Орлову оказавшийся не у дел. Это под его руководством проводилась операция по изъятию «Библии» из сейфа в высотке.

— Слушай, по-моему, полный «песец»! Позвонили и сказали прибыть

к ним... Будут обсуждать с нами, как объединять структуры!

Сказать, что Николай Николаевич был обеспокоен — значит, не сказать ничего. Он был удручен и полон негодования. Только налаживающееся дело, на которое возлагались большие надежды и для воплощения которого строились долгосрочные планы, теперь не просто ставилось на карту, а перечеркивалось равнодушной рукой псевдореформаторов. Разрушенная структура некогда мощного пятого управления КГБ, на которое был наклеен ярлык «политического сыска», на самом деле занималось не только диссидентами, но и было центром антитеррора, в котором служили профессионалы высочайшего класса, центром борьбы с религиозным экстремизмом, в котором работали опытные специалисты, способные в теологическом споре «загнать в угол» даже самого лучшего выпускника духовной академии, состязаться в знании «Корана» с самыми авторитетными алимами.^[159] Ликвидация этих направлений работы в системе органов госбезопасности была чревата утратой государством способности противостоять терроризму и экстремизму. После августа девяносто первого лучшие специалисты этого профиля вынуждены были уйти из органов, пополнив службы безопасности коммерческих структур и банков. Не по тому ли спустя годы правоохранительная система и спецслужбы оказались, мягко говоря, не на высоте перед разгулом террора и экстремистских выступлений?

— Ладно, Николай! Мы сделали все, что могли. Если побеждает глупость...

— Да дело не в этом! Загубят все! А плавное... — он понизил голос, — главное в том, что наша агентура не будет с ними работать... И нам больше никогда не поверят! Ты понимаешь, что это значит? Это значит, что о терактах мы будем узнавать после того, как они совершатся! Будем, значит, не предупреждать, а пресекать, когда все уже будет сделано! Да, кстати... — Николай Николаевич в упор посмотрел на Орлова, будто вспомнил что-то важное, что хотел было спросить у него, но в самый последний момент забыл. — Эта «Библия» еще у тебя?

— У меня! А где еще она должна быть? Здесь лежит! — Андрей указал рукой на сейф.

— Имей в виду: кое-кто уже проявляет к ней интерес!

— Кто?

— Есть интересующиеся! В сводке одной прошло... Один говорит другому: «А ты знаешь, что комитетчики изъяли книгу, которая стоит два миллиона долларов?» Ну, и посудачили на эту тему. Правда, они не знают, у кого именно находится...

— Коля, так значит, кто-то продал!
— Ну, не знаю! А вообще... Вот идиотизм! Нашли такую ценность! А теперь... Так что, Андрей, смотри!
— А чего смотреть? Схожу на Старую площадь, объясню им!
— Ну-ну! Сходи! — Он с ехидной улыбкой посмотрел на Орлова. — Пока!
— Пока!

После ухода Николая Николаевича у Андрея помимо чувства тревоги, которое сопровождало его последние дни, появилось острое ощущение нарастающей опасности. После слов коллеги он действительно подумал: «А ведь в моем сейфе лежит бесценное сокровище! Вдруг кто-нибудь захочет поживиться! Вытащат без проблем, а на меня все свалят! Так и в тюрьму можно загреметь!»

Он открыл нижнюю ячейку сейфа, как будто хотел убедиться в том, что книги были на месте. Кожаные корешки с золотой отделкой поблескивали, напоминая о том, что ждут высочайшего решения относительно своей судьбы. Само решение состоялось, а претворить его в жизнь теперь было некому. Более того, Андрей чувствовал, что угроза нависла не только над бесценным сокровищем, хранящемся у него в сейфе, но и над ним самим. Почти так же, как это было в прошлом году в Душанбе.

23 декабря 1991 года, день.

Москва. Ленинградский проспект.

Представительство фирмы «Райзетур-Экспресс»

— Ну что вы, что вы, господин Рентель! Это невозможно! Русские наверняка откажутся официально подтвердить факт находки «предмета». Вы же знаете, как они...

— Да нам, собственно говоря, и не требуется от них ничего. Мы и так знаем, где находится «предмет». Сейчас за ним охотятся наши люди. Главное, чтобы эти, как говорят русские, «отморозки» не испортили все дело.

— Господин Рентель, вы должны мне точно сказать, должен ли я ввязываться в это дело или вы сами справитесь с ним. Если ваша фирма в состоянии профинансировать проект вывоза «предмета» из Союза... При этом я представляю, каких расходов это потребует... Если вы справитесь

сами, мы можем ограничиться тем, что будем подстраховывать вас.

— Подстраховывать? Каким образом?

— Ну, там... таможенные дела всякие... транспортировка...

— Да нет! Этого нам не нужно. Предмет пойдет самым безопасным каналом — с дипломатическим курьером. Главное не в этом. Вся трудность заключается в том, чтобы вытащить «предмет» из здания. Правда, обстановка для этого сейчас наиболее благоприятная...

— Что вы имеете в виду?

— У них там абсолютный разброд и шатания! Все ждут каких-то очередных перемен и, конечно, не в лучшую для себя сторону. В этих условиях нашим людям работать гораздо проще. Вот только, если бы наши заокеанские друзья...

— Что?

— Ну... не проявляли бы своего интереса к «предмету».

— А они проявляют такой интерес?

— Не явно, но все-таки... Как говорится, нюх мне подсказывает, что наши партнеры тоже не прочь были бы...

— Завладеть «предметом»?

— Да! А потом, может быть, предложили бы нам и сделали свой маленький бизнес на этом деле.

— Вот засранцы!

— Так что помощи особой не требуется. Если будет надо — тут же поставим вас в известность. Договорились?

— Отлично, господин Рентель. Желаю успеха!

— Спасибо, вам также.

23 декабря 1991 года, вечер.

Москва. Крылатское

— Ну вот, как хорошо! — Оля обрадованно встретила мужа, открывая квартирную дверь. — Так рано ты никогда не приходил!

— А чего там торчать без дела? — с горечью ответил Андрей, прижимая к себе и целуя жену. — Работы нет никакой...

— Да, Андрюша, тебе опять кто-то звонил. Уже третий раз!

— Кто?

— Не назвался. Говорил, что еще позвонит.

— Пап, а ты что принес? — с плутовской улыбкой спросил семилетний Сережа.

— Сережа, — укоризненно сказала Оля, — папа же был на работе! Что он может оттуда тебе принести?

По скорченной сыном гримасе было ясно, что мамины доводы для него казались недостаточно убедительными. Приносил же папа раньше всякие всячины — то конфеты, то шоколадку, то рахат-лукум где достанет. А теперь, вот уже несколько дней, он не приносил никаких сладостей, будто они совсем пропали из кондитерских магазинов.

Андрей и сам не знал, почему стал таким невнимательным. Раньше он действительно, как бы надолго ни задерживался, старался купить хоть что-нибудь вкусненькое. Нина и Сережа уже привыкли к тому, что папа приносит к чаю какую-нибудь сладенькую штучку. Да и Оля радовалась вместе с ними как ребенок, когда муж доставал из дипломата кулек с зефиром или пакетик с конфетами. Так уж повелось в их семье с тех времен, когда Андрей сам был маленьким и папа приносил ему с работы «что-нибудь интересненькое». Это могло быть что угодно: оловянный солдатик, книга, лупа, блокнот, карандаши, арбуз, ментоловые пастилки, гематоген, халва... или что-нибудь совсем парадоксальное, типа старого телефонного аппарата с крутящийся ручкой или журнала выпуска 1910 года. Андрею было неведомо, откуда папа это все приносил. Когда он был маленький, то ему казалось, что все это есть у папы на работе, и только потом понял, сколько изобретательности и находчивости надо было предпринять, чтобы доставить удовольствие своему сыну. Наверное, и дети Андрея долго не понимали, откуда берется все, что он приносил домой, иначе в свое время маленькая Нина не ответила бы на вопрос: «Где работает твой папа?» — «Там, где делают конфеты!»

Андрей снял куртку, погладил сына по голове, приподнял его и, серьезно посмотрев в глаза, сказал:

— Сережа, не смог я ничего принести. В следующий раз, ладно?

— Ладно. А ты, пап, уже не работаешь?

— Почему?

— Мама сказала.

— Мама скажет! — Андрей бросил осуждающий взгляд на Олю. — Просто я, наверное, буду переходить на другую работу.

— На другую работу? А эта что, не нравится?

Андрей хотел что-то ответить сыну, но тут раздался телефонный звонок.

— Андрюша, это тебя.

Орлов взял трубку.

— Алло!

— Андрей Петрович, добрый вечер! Это Кузин! Я уже звонил несколько раз...

— Здравствуйте! Давно вас не слышал, Олег Юрьевич! — проговорил Орлов, даже не пытаясь скрыть недовольную интонацию. Прошло слишком мало времени, чтобы забыть их встречу 19 августа. В его ушах и сейчас звучали визгливо-угрожающие слова Кузина: «Подумай о себе! Тебе все припомнится!»

«Странно, — подумал Орлов, — этот тип попадаетсся мне все время в самые трудные минуты. Есть же у людей такая способность! Опять, наверное, какую-нибудь гадость хочет сказать!»

— Кто? — шепотом спросила Оля, приблизив свое лицо к лицу мужа. Он же, слегка прикрыв трубку рукой и поморщившись, почти так же тихо ответил:

— Кузин!

Оля почти так же среагировала на известную ей фамилию. Она смешно сморщила нос и скривила губы, всем своим видом показывая, как неприятен ей этот человек.

— Андрей Петрович! Мне очень срочно надо встретиться с вами!

— Что? Я только что пришел с работы, еще не ужинал...

— Андрей Петрович, это очень важно!

— Знаете, Олег Юрьевич, все, что для меня важно, я знаю!

— Но... Андрей Петрович, это важно для вас! Прежде всего для вас! Прошу вас!

Орлов, как ему и не хотелось встречаться с Кузиным, почувствовал в его словах нечто такое, что повергло его в некоторое замешательство. А намек на важность разговора для самого Андрея сделал свое дело — он уже понял, что скорее всего не откажется от этой неприятной встречи.

— Хорошо, Олег Юрьевич, — холодно проговорил Орлов. — Давайте встретимся. Когда и где?

— Андрей Петрович! — В голосе Кузина почувствовалось радостное возбуждение. — Сейчас! Прямо сейчас!

— Я же сказал, что только пришел с работы и еще...

Кузин, не дав договорить Андрею, даже прокричал в трубку, наверное, чтобы быть более убедительным для Орлова:

— Да я здесь!

— Где — «здесь»?

— Здесь, возле вашего дома. Внизу.

Орлов отставил трубу и посмотрел на жену. Оля с тревогой наблюдала за странным разговором мужа.

— Он здесь, внизу. Спускаюсь к нему.

— Андрюша, все же остынет!

— Пять минут, не больше!

Орлов снова надел куртку и пошел к двери, бросив через плечо:

— Через пять минут буду! Мне с ним не о чем особенно говорить.

Кузин стоял рядом со своей темно-вишневой «семеркой», припаркованной рядом с подъездом. Было достаточно темно. Свет фонаря, пестревший мельтешащими снежинками, слабо освещал площадку перед домом, на которой стояло с десяток автомашин. Так как уже несколько часов шел снег, многие из них были припорошены пушистым белым ковром, поблескивающим микроскопическими точками-звездочками. Было морозно, но не ветрено и поэтому не очень холодно. Обычно здесь, в Крылатском, дуют сильные ветра, и от этого зима кажется более суровой.

Увидев Орлова, Кузин сделал несколько шагов навстречу и с деланным радушием сказал:

— Андрей Петрович, как я рад видеть вас!

— С каких это пор, Олег Юрьевич, вы так рады мне? В нашу последнюю встречу...

— Ой, Андрей Петрович, как говорится, кто старое помянет — тому зуб вон!

— По морде, что ли, хотите мне дать?

— Ну что вы! Едрён батон! Вы же мой начальник! Я вас очень...

— Ладно, Кузин! Хватит! Вы же не для этого меня пригласили сюда!

— Конечно нет! Я просто вспомнил... — Он не договорил и сразу же предложил сесть в его машину.

— Зачем? Я никуда не поеду!

— Да нет! Просто поговорить! Здесь же неудобно! А в дом вы меня не приглашаете!

— Нет! — хмуро констатировал Орлов. — Хорошо, давайте сядем в вашу машину.

— Конечно! Там и поговорим.

Он суетливо открыл дверь, приглашая Орлова сесть на переднее сиденье, а сам, обогнув капот, распахнул дверь и всей массой плюхнулся на место водителя. Казалось, в машине было холоднее, чем на улице. По всему было видно, что Олег Юрьевич уже долго «дежурил» около дома и, наверное, не решился подойти к Орлову без звонка, не без основания предполагая, что тот просто не будет с ним разговаривать.

— Ну, что вы хотели мне сказать? Что такое важное для меня?

— Понимаете, Андрей Петрович, мне очень жаль, что Российский

Комитет разогнали... и... ну, что объединили нас с милицией... Но делать теперь нечего. Вот и вас, наверное, выбросят за дверь!

— Почему вы так решили?

— Вы же умный, можно сказать умнейший, человек, Андрей Петрович! — При этих словах Кузина Орлов невольно поморщился, настолько льстиво и лживо они прозвучали. Похоже, сам Кузин почувствовал фальшь в своих словах и поэтому стал продолжать разговор уже деловым, даже бесстрастным тоном.

— Андрей Петрович, если вам придется уйти из КГБ, то жизнь надо будет начинать сначала. Хлебнуть придется так, что мало не покажется! Устроиться сейчас очень трудно. Чекистов хоть и берут на работу, но все-таки сильно опасаются. Вы можете остаться без работы, потому что...

— Чего это вы так беспокоитесь обо мне?

— Я хочу вам добра!

Орлов хмыкнул, но ничего не сказал.

— У вас есть прекрасная возможность создать... — Кузин немного замаялся, но потом все-таки продолжил, — создать стартовый капитал. Понимаете?

— Нет! — искренне недоумевая, ответил Орлов.

— Андрей Петрович, через вас проходило множество оперативных материалов о разных людях. У вас и сейчас, по моим данным, есть куча всяких заявлений с компроматом на больших людей, неучтенные справки по уголовным делам... всякие там бумаги, содержащие ценную информацию... разные документы... Книга, говорят, у вас какая-то в сейфе лежит... Теперь все это вам не понадобится. А ведь есть люди, которые готовы хорошо заплатить за такие материалы. Зачем уничтожать то, что может быть полезным?

— Полезным кому?

— Ну... — Кузин сделал паузу, как бы раздумывая, объяснять это Орлову или нет. — Вы же знаете, есть конкурентная борьба, есть лоббирование экономических интересов... Ну и все такое... Зачем пропадать бумагам? Ведь вам это ничего не стоит! Вернее, стоит! Не вы, а вам заплатят! Получите свое — и болт забьете на все! Деньги-то большие! Очень большие!

Орлов, казалось, плохо слушал Кузина. Он не отрываясь смотрел на круговорот снежинок в лучах фонаря, как будто эта картина занимала его больше, чем слова Олега. В полутьме салона лицо Орлова представлялось неясным размытым пятном, в котором нельзя было различить его черты, и уж тем более выражение.

— Мы гарантируем вам, Андрей Петрович: все, что вы передадите нам, будет адекватно оценено. Безусловно, при этом ваше имя нигде фигурировать не будет! Мы...

— Кто — «мы»?

Кузин замялся, понимая, что нечаянно допустил оплошность, раскрыв свою личную причастность к интересам людей, с которыми был связан.

— Да это я так! Это мои друзья. Очень хорошие и надежные друзья!

— Ладно, Кузин, хватит! Больше слушать твою болтовню я не желаю! Иди ты на хрен со своими друзьями и предложениями! Нет у меня ничего! Да если бы и было, никому бы я ничего не отдал! Даже за самые большие деньги! Есть такие понятия — долг, честь и совесть! Но тебе, я думаю, они неведомы!

Олег молча смотрел на Орлова и, наверное, уже жалел о сказанном. Конечно, он понимал, что убедить своего бывшего начальника сможет лишь в том случае, если тот поймет, что никаких других шансов обеспечить свою жизнь у него нет. «Еще цепляется за службу! Не хочет уходить! Думает, что будет нужен! Кретин! Наивный недоумок!» — какие только эпитеты не мелькали в голове у Кузина, когда он слушал отповедь Орлова.

— Я думал, вы...

— Что думал? Что я продаюсь?! — даже не спросил, а выкрикнул полным негодования голосом Орлов.

— Я думал... Я рассчитывал, что вы... что ты умнее. А тебя... тебя выбросят, как... — Кузин задохнулся от злости, подбирая нужное слово, — ...как использованный презерватив!

В ту же секунду Орлов схватил Кузина за грудки, сильно встряхнул и, притянув к себе, зло сказал:

— Сволочь! Продажная сволочь!

Олег не успел не только ничего сказать, но и даже хоть как-то среагировать на действия Андрея. А тот вдруг резко отпихнул Кузина, нецензурно выругался и, выйдя из машины, что есть силы хлопнул дверью. Не оборачиваясь, он направился к подъезду и через мгновение скрылся за дверью.

— Козел! Козел вонючий! — кричал Кузин вслед. — Ты еще пожалеешь!

Олега буквально трясло от злости. Он рванул свои «жигули» с места, как будто за ним кто-то гнался. Темно-вишневая «семерка», поднимая за собой вихри пушистого снега, понеслась по дорожке вдоль школьного забора, выскочила на улицу и растворилась в темноте. А Кузин, давя и давя на педаль газа, продолжал в бессильном озлоблении шептать: «Козел!

Козел вонючий!»

23 декабря 1991 года, вечер.

Москва. Частная квартира в элитном доме

- Алло! Борис?
- Ну!
- Это я.
- Ну что, согласился?
- Нет!
- А ты ему сказал про «бабки»?
- Да Борь, он же трёхнутый!
- Я спрашиваю тебя: ты сказал ему про «бабки»?
- Ну, сказал! Сказал!
- А он?
- А он говорит: «Ты что думаешь: я продаюсь?»
- Вот козел!
- Я ему так и сказал.
- Правильно!
- Ну а теперь?
- Что теперь?
- Я думаю, его выпрут. тогда мы его... Сам прибежит!
- А на хрен он нам нужен будет тогда?
- Ну все-таки!
- Нет уж, Олег. Нам он нужен сейчас. Может, пугнуть его?
- Да я же говорю, Борь, он — чокнутый!
- Ладно, подумай. Потом скажешь. У тебя все?
- Да.
- Ну, пока!
- Пока!

23 декабря 1991 года, вечер.

Москва. Крылатское

Орлов после разговора с Кузиным чувствовал себя совершенно разбитым. Мало того, что настроение его было и так из рук вон плохим, подлое предложение бывшего сослуживца выбило его из колеи. Домой он

пришел раздраженным и каким-то особенно усталым.

Сделав попытку спросить мужа, о чем у него был разговор с Кузиным, Оля наткнулась на явное неудовольствие Андрея, который односложно сказал:

— Знаешь, не хочу о нем даже говорить!

— Но все-таки что он... — попыталась было спросить Оля.

— Ну хватит! Вас это вообще не должно интересовать! — не сдержав раздражения, ответил Андрей и тут же почувствовал, что перегнул палку. По себе он знал, что выплескивать на близких раздражение — последнее дело. Он сразу же попытался исправиться, примирительно сказав Оле:

— Да ладно, Оля, не обижайся! Я почему-то так сегодня устал! Вроде ничего не делал, а устал!

— Ничего, Андрюша, я понимаю, — примирительно проговорила жена, но Андрей про себя отметил: «обиделась». Однако полностью снять с себя раздражение он так и не смог. За ужином они говорили мало. Телевизор, даже информационную программу, Андрей смотреть не стал. Видя, что он не в духе, дети тоже не донимали Андрея вопросами.

В этот день Андрей и Оля лепта рано. Жена попыталась его о чем-то еще спросить, но, получив односложный ответ, прекратила разговор. Погасив свет, они еще долго лежали без сна, прислушиваясь к бормотанию сына в соседней комнате, звукам, доносившимся из-за окна, и тихой музыке, еле-еле пробивающейся сквозь потолок и стены. Скоро сон все-таки сморил Олю, и Андрей услышал ее мерное дыхание. А сам он еще долго лежал на спине, уткнувшись взглядом в потолок, на котором угадывались очертания люстры с четырьмя плафонами.

«Что же это происходит с людьми? — думал Орлов. — Почему за последние месяцы в них стало проявляться все самое низменное и подлое? Откуда повылазило так много всякой дряни? Ведь, казалось бы, перестройка и следующий за ней процесс демократизации должны были раскрепостить духовные силы народа, освободить его от догм и заблуждений. А получилось все наоборот! Общество как будто перевернулось вверх дном. Предательство и подлость обернулись доблестью, а верность и честь стали смешными и презируемыми».

Орлов вспомнил, как поразили его первые послеавгустовские дни. Развернувшаяся по всей стране вакханалия борьбы с «остатками тоталитарного режима» подняла с человеческого дна такую пену! Доносы на товарищей по работе стали обыденностью, истеричные разбирательства на тему: «А где ты был 19 августа?» — приметой времени, злорадство и подозрительность — новой нормой отношений. На Орлова как будто

повеяло тридцать седьмым годом. Он воочию представил, как все было тогда — и требования общественности беспощадно покарать «врагов народа», и готовность видеть в каждом человеке иностранного шпиона, и безумное восхваление «отца народов».

ИНФОРМАЦИЯ: «Москва возбуждена, а демократия празднует... Те, кто не успел сделать это вчера, спешили сегодня отмежеваться от заговорщиков и пристроиться к рядам победителей. Настало время предавать вчерашних друзей и искать свидетелей своей лояльности новому режиму. Горбачев теперь предстал перед всем миром и советским народом как невинная жертва путча, человек, которого предали те, кому он доверял»

(М. Бирден, руководитель отдела ЦРУ США. «Главный противник». Москва, 2004 год).

Буквально на второй день после ареста членов ГКЧП в Российский комитет стали поступать доносы. Звонили неизвестные люди, с праведным гневом в голосе сообщавшие о том, что такой-то руководитель поддерживал ГКЧП и теперь «злодея» следует немедленно арестовать и посадить в Лефортово. Приходили на прием экзальтированные дамочки, с маниакальным блеском в глазах «закладывающие» соседей, которые «помогали хунте». На стол ложились десятки заявлений — от написанных корявым почерком на листке, вырванном из школьной тетради, до напечатанных на фирменных бланках учреждений и фирм. От всей этой доносительской пестроты у Орлова становилось гадко на душе.

Особенно его поразили три встречи. На первую к Орлову из приемной на Кузнецком мосту привели одну женщину, которая хотела говорить только с Председателем КГБ России, и больше ни с кем.

У нее якобы был какой-то «очень важный для органов сигнал», как выяснилось — информация о «деньгах партии». Видно, начитавшись статей и наслушавшись передач, полных безумных домыслов и фантастических допущений, она сбивчиво рассказала о том, что видела, как какие-то люди в дни путча заносили во двор райкома партии тяжелые мешки, а потом, когда здание было опечатано, там ничего не оказалось.

— А почему вы думаете, что это деньги партии?

— Так это ж ясно! Что коммуняки еще могли прятать?

Орлова резануло слышанное уже не раз им слово. тогда, у Белого дома,

оно звучало как самая грубая брань, как самый мерзкий эпитет.

— А вы не допускаете, что это, например, были учетные документы или какие-нибудь...

Но женщина даже не дала ему договорить, сорвавшись на крик:

— Да что вы! У них же там подземный ход. Вы разве не знаете? Все райкомы соединены между собой подземными ходами! У них есть ход в ЦК, в метро и далеко за город!

— Как далеко? — серьезно спросил Орлов.

— На сто километров от Москвы!

— На сто?

— Д-да! — проговорила женщина, немного стушевавшись. Затем добавила: — Говорят, что на сто.

— А кто говорит? — не унимался Орлов. Ему хотелось заставить посетительницу, выдающую этот бред за «очень важный для органов сигнал», самой почувствовать абсурдность ее заявлений. Но куда там! В параноидальном запале она твердила только одно: «деньги КПСС», «подземный ход», «сто километров от Москвы».

— Вы должны... послать туда... Надо арестовать всех! Это враги демократии!

Орлов понял, что женщина просто не в себе, и, поблагодарив ее за «очень ценную информацию», поспешил с ней расстаться. Однако у него осталось тягостное ощущение общения с человеком, находящимся в плену навязчивых идей, граничащих с помешательством.

От другой встречи, состоявшейся днем раньше, у Орлова осталось ощущение досады и раздражения. К помощнику Председателя пришли трое сотрудников одного из технических подразделений КГБ, совсем еще мальчишки. Они с волнением стали рассказывать о том, как девятнадцатого августа, услышав о начале путча, оставили службу и отправились к Белому дому — «помогать тем, кто давал отпор хунте».

— Мы не хотели оставаться в Комитете, потому что он участвовал в перевороте! Мы пошли защищать демократию! А нас представили к увольнению! Нас увольняют за то, что мы боролись за свободу!

— А чем вы занимаетесь? Какие ваши служебные обязанности? — спросил Орлов, глядя на возбужденные мальчишечьи лица, на которых был написан праведный гнев и уверенность в своей правоте.

— Мы работаем в вычислительном центре. У нас сменная работа, — каким-то не очень уверенным голосом сказал один за всех симпатичный белобрысый парень. Он выглядел взволнованным. Его лицо то заливалось краской, то становилось совсем бледным. Пальцы рук, которые он

судорожно сцепил на коленях, подрагивали. На лбу выступили капельки пота.

— Что же — вас привлекали к каким-нибудь... — Орлов не смог сразу подобрать нужное слово, — к каким-нибудь действиям ГКЧП?

— Н-нет!

— Тогда мне непонятно, почему вы ушли со службы?

— А мы и не выходили на нее. Мы сразу пошли к Белому дому. И все три дня обороняли его.

— Обороняли?

— Да, мы стояли в оцеплении, потом дежурили...

— А на службу вы хоть позвонили? Объяснили что-нибудь? Отпросились, может быть?

— Нет! Мы решили, что будем защищать Белый дом.

Орлов глядел на этих ребят и думал: «Что это? Юношеская бесшабашность? Тяга к романтике? Воздействие массового психоза? Какой внутренний разлад толкнул их на то, чтобы, нарушив дисциплину и пренебрегая служебными обязанностями, влиться в толпу, не осознающую реально ни существа, ни цели, ни смысла событий? О чем думали они, эти мальчишки? Что, оставив службу и выйдя к Белому дому, они становятся борцами за демократию?»

— А теперь нам сказали, что уволят со службы!

— С нами хотят расправиться за то, что мы выступили против ГКЧП! — выпалил один до сих пор молчавший парень.

— Да, и сказали, что можем теперь не выходить на службу! Мы рисковали собственной жизнью, защищая демократию, а нас... Потому что наши руководители — все сплошь за ГКЧП! Их самих надо увольнять... А что же теперь делать нам?

Орлов горько усмехнулся. «Вот ведь как! Сами оставили службу и бросились в гущу толпы, охваченной стихийным протестом. Несколько дней они провели в каком-то бессознательном угаре, наплевав на работу, пренебрегая своими товарищами, считая только себя правыми во всем. Никто ведь их не заставлял осуществлять какие-то действия против Президента, против народа, против российской власти. Органы КГБ, а уж тем более большинство их технических подразделений, как почти вся государственная машина, в оцепенении созерцали развитие событий, не ввязываясь в столкновения и избегая конфронтации. А когда баррикады разобрали, ребята вспомнили, что у них, оказывается, есть служба. Пришли туда, а командиры и сослуживцы почему-то не хотят больше с ними работать. Не хотят, скорее всего, не потому, что они объявили себя

«защитниками демократии», а из-за того, что нарушили воинскую дисциплину и презрели нормы служебной этики.

— Ребята, а вы служить-то дальше хотите?

Все трое, будто вострепнувшись, в один голос ответили:

— Да!

— Тогда, может быть, мне стоит поговорить с вашим начальством, поручиться за вас?

Они все вместе, как по команде, кивнули головой.

— Хорошо. Идите. Я обещаю поговорить с вашим руководителем. Но, ребята, имейте в виду, в другой раз надо думать головой!

Они заулыбались, встали, с благодарностью стали жать протянутую Орловым руку. Когда они были уже у двери, Андрей не сдержался и сказал напоследок:

— А о вашем участии в обороне и защите Белого дома... Давайте не будем бросаться такими словами. Я там тоже был и знаю, как все происходило...

Когда за ними закрылась дверь, Орлов подумал: «Сколько же молодежи, таких вот ребят, увлечено романтикой демократической революции, которая на самом деле является чем-то совсем другим. Но чем? Чем?» На этот вопрос Орлов не мог ответить себе даже в самых сокровенных мыслях. Однако он уже понимал главное: август девяносто первого прочертил жирную черту, отделяющую привычное настоящее от туманного, тревожного и непредсказуемого будущего. Только сама жизнь мота показать, станет это будущее лучше того, чем жили уже несколько поколений, или превратится в новый раздирающий страну социальный эксперимент. Благо, среди «победителей» было достаточно экспериментаторов, готовых в угоду собственным амбициям и материальным интересам попрактиковаться на ниве реформаторства.

В конце сентября у Орлова была еще одна запомнившаяся ему встреча, вернее, поездка, оставившая тяжелый осадок в душе.

В последних числах августа повсеместно начались демократические разборки с теми, кто в той или иной форме выполнял указания ГКЧП или хотя бы делал соответствующие заявления. В Белом доме действовал даже целый штаб по этим вопросам, эмиссары которого разъезжались по странам и весям для того, чтобы провести скороспелое расследование и, если нужно, изгнать с руководящей должности того или иного чиновника союзного, краевого или областного масштаба.

ДОКУМЕНТ: «...Всего на позициях явной или скрытой

поддержки ГКЧП оказалось руководство 11 областей Российской Федерации (в том числе наиболее активными оказались органы власти и должностные лица Ростовской, Липецкой областей, Приморского края); в выжидательной позиции было руководство 18 областей...»

(Справка Контрольного управления Администрации Президента России «Позиции руководства областей РСФСР во время событий 19–21 августа»).

Иваненко, который в эти дни работал на пределе возможностей, мотаясь между Кремлем, Белым домом, Старой площадью и Лубянской, пытался предотвратить разгром системы госбезопасности, сдерживать шквал попыток изгнать из него всех руководителей и заменить их на новых. Комиссии, расследовавшие обстоятельства путча, тягали одного за другим офицеров и генералов госбезопасности, добиваясь от них признания в подготовке государственного переворота, захвате власти, предательстве интересов народа. Два десятка начальников территориальных управлений КГБ, подчиненных Российскому комитету, особенно те, которые, не подумав, вступили в местные ГКЧП, буквально подвергались преследованию и были на пороге изгнания из системы госбезопасности.

— Андрей, поедешь в Калининград, разберешься там с нашим начальником. Меня уже завалили жалобами и доносами на него. Да и со Старой площади звонили несколько раз — говорят, что он поддержал ГКЧП, выступил против законной власти. Разберись, ладно?

В Калининград Орлов всегда ездил с большим удовольствием, будь то отпуск или командировка. Любимый с юношеских лет город, в котором он испытал редчайшие для молодого человека своего поколения романтические приключения: спуски в подземелья рыцарских замков, подъем на головокружительную высоту старых полуразрушенных немецких кирх и, наконец, участие в работе экспедиции, которая искала знаменитую Янтарную комнату, похищенную фашистами во время войны и спрятанную где-то в подземных казематах Кёнигсберга. Но ехать в Калининград с такой неблагодарной задачей, которую поставил перед Орловым Иваненко, ему не очень хотелось. Тем более, что исход разбирательства был уже предрешен на высшем уровне.

— Виктор Валентинович, а, может, я лучше здесь...

— Андрей. — Иваненко раздраженно посмотрел на своего помощника.

— Понял, Виктор Валентинович, — сказал Орлов, — Разрешите идти?

— Иди!

Когда Андрей уже был в дверях, Иваненко сказал вдогонку:

— Андрей, ведь этим тоже кто-то должен заниматься! Обстановку ты там знаешь, в ситуации разберешься, думаю, лучше кого бы то ни было.

— Есть! — односложно ответил Орлов.

А через два дня Орлов вместе с представителем Управления кадров КГБ РСФСР уже вел в Калининграде многочасовые беседы с сотрудниками, просматривал кипы документов, досконально изучал представленные ему докладные и объяснительные. Весь сыр-бор начался после того, как несколько молодых сотрудников в конце августа заявили по местному телевидению, что их начальник, дескать, был пособником гэкачепистов и за это должен нести ответ перед новой властью. Это очень хорошо наложилось на послепутчевую истерию, и с разных сторон зазвучали голоса немедленно разобраться с начальником управления КГБ.

Орлов со своим коллегой довольно быстро прояснили для себя сложившуюся ситуацию. Начальник управления, уже совсем немолодой, достаточно мудрый человек и опытный контрразведчик, конечно, не был никаким пособником ГКЧП, а действовал как многие руководители местных органов. Генерал не стал выполнять никаких команд, поступивших от Крючкова, понимая, что это чревато вовлечением органов в политическую схватку. Но, как дисциплинированный офицер, он не мог не объявить личному составу приказы и указания Центра. К сожалению, Анатолий Николаевич Сорока, так звали начальника Калининградского управления, совершил одну непростительную для того времени оплошность: он не довел до личного состава распоряжения Российского комитета, в том числе ту телетайпограмму, которую подписали Иваненко с Баранниковым 19 августа. Очевидно, что Анатолий Николаевич понимал, что указания российских чекистов, подчинявшихся Президенту Ельцину, расходились с указаниями союзного Комитета, который официально реализовывал установки ГКЧП. Видимо, поэтому и решил он не смущать личный состав противоречивыми приказами. Но итоги неудавшегося переворота расставили вполне определенные акценты, и руководители, которые не проявили требуемой гибкости, неизбежно должны были пасть жертвой «нового порядка».

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «После того, как был подавлен так называемый переворот, тут же пошли разборки... Поднимали все шифровки, которые шли из Москвы на места и с мест в Москву... Как начальник управления КГБ, пусть оп даже

семи пядей во лбу, сориентируется в этой череде событий, при отсутствии твердой позиции у Центра? Как? А потом им стали вменять, что они проявили незрелость, встали на сторону гэкачепистов... Начальник управления говорил: «Я выполнял приказ».

Было отстранено от должностей немало территориальных руководителей. А ведь это — зрелые работники, прошедшие большой жизненный и оперативный путь, которые даже не могли предположить, что окажутся в подобной ситуации...»

(Е.М. Войко, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР).

Орлов долгие часы беседовал с сотрудниками, встречался с людьми, желавшими пообщаться с представителем Москвы, обсуждал создавшееся положение с главой администрации города, журналистами. У него было несколько серьезных, с глазу на глаз, разговоров с Сорокой, из которых он вынес одно: ничего противоправного тот не совершал и сильно сожалел о том, что не ознакомил коллектив с приказами и указаниями своего российского руководства и тем самым дал козыри в руки своих недругов.

— Андрей Петрович, но что же я мог сделать? — горячился Анатолий Николаевич. — Ведь вы же понимаете, мне звонили, требовали действовать... Но я же не стал ввязываться в эту... — наверное, ему хотелось употребить слово «авантюру», но он быстро нашелся и закончил предложение другим словом: — эти события! У нас в Калининграде все прошло без эксцессов!

— Да, да, я знаю и ни в чем вас, Анатолий Николаевич, не виню. Но вы сами понимаете... Вы же подчиняетесь Российскому КГБ, а во время событий... — Орлов тоже употребил это слово, — не удосужились даже своевременно довести до личного состава нашу позицию и наши распоряжения! Телетайпограмму за подписью вашего непосредственного начальника Иваненко вы зачитали людям не девятнадцатого августа, когда ее получили, а двадцать первого, когда, сами понимаете, все было уже ясно! Почему? Вы же мудрый человек!

Было видно, что Анатолий Николаевич тяжело переживал случившееся и, как человек, имеющий большой жизненный опыт и способный реально оценить обстановку, понимал, что скорее всего его освободят от должности. Он сидел перед Орловым за большим письменным столом в своем кабинете, обхватив голову руками и закрыв

глаза. Потом он поднял голову, посмотрел усталым взглядом на Андрея и тихо проговорил:

— Но вы хоть спросите мнение тех людей, которые были вместе со мной. Они знают, что я поступал по совести и... если сделал что не так... то это моя оплошность, а не преступление... За это разве снимают с должности?

— Анатолий Николаевич, никто и не говорит о преступлении! Сейчас очень тяжелое время для нас всех. Или органы госбезопасности смогут сохраниться и действовать в новых условиях, или... — Орлов сделал паузу, — или нас всех раздавят, как это было в Польше и Германии! А... с кем поговорить вы рекомендуете еще?

— Да хотя бы с моим замом. — Он назвал его имя. — Я думаю, он может доложить обстоятельно, в том числе и дать характеристику моих действий. Он порядочный человек и врать не будет.

— С ним мы уже договорились, что переговорим после того, как встретимся с сотрудниками. Завтра, наверное.

Но состоявшаяся на следующий день беседа не улучшила положения Анатолия Николаевича. Человек, который, по его мнению, мог объективно охарактеризовать самого генерала и дать оценку его действиям в августе, говорил как раз все обратное. Он не только давал ему нелицеприятную характеристику как представителю «старой, уже отжившей школы» и человеку, не способному к серьезным решениям, но и с навязчивым удовольствием стал смаковать подробности его личной жизни, неоднократно подчеркивая пристрастие генерала к алкоголю, какие-то злоупотребления, связанные с дачей, расположенной на Куршской косе. Он рисовал перед представителем центрального аппарата КГБ России образ спившегося, безвольного, ни к чему не способного человека, что, конечно же, не соответствовало действительности.

— Что, на ваш взгляд, действительно его надо освободить от должности? — спросил Орлов мнение собеседника о том, как следует поступить с начальником управления.

— Да, конечно, Андрей Петрович! Его уже давно надо было... Довел управление до такого состояния. Сам уже делом не занимается, все переложил на заместителей! В общем, надо решать. А люди... ну, которые могли бы заменить его, есть... — сказал заместитель Сороки и, смутившись из-за недвусмысленности фразы, замолчал.

От этого разговора у Орлова осталось не просто неприятное, а, можно сказать, гадливое ощущение. Кто-то мог еще вчера, заглядывая в глаза начальнику, твердить о своей преданности и дружеском расположении,

демонстрировать поддержку всех его действий и поступков, а сегодня, когда тот оказался один на один со своей бедой, — исподтишка оплевывать его, припомнив старые обиды и унижения, давать уничижительные характеристики и оценки. Орлов с трудом сдержался, чтобы не сказать что-то резкое своему собеседнику.

СТАТЬЯ: «...Конечно, много было вопросов об оценке деятельности нашего управления КГБ в те три августовских дня. По мнению А.С. Пржездомского и В.М. Кондратенко, к которому они пришли после ознакомления с документами, бесед с сотрудниками, встреч с депутатами Советов разных уровней, работники и руководство управления не могут быть обвинены в участии в перевороте. Никаких действий по выполнению приказов ГКЧП не предпринималось. Вся деятельность осуществлялась в рамках союзных и республиканских конституций и законов. Однако начальник УКГБ А.Н. Сорока «проявил медлительность в определении собственной позиции». Так что если о юридической ответственности речь не идет, то о моральной говорить можно...»

*(«Ответственность: пресс-конференция в УКГБ».
«Калининградская правда», 19 сентября 1991 года).*

В последнем перед отъездом разговоре с Анатолием Николаевичем Орлов посоветовал ему, не дожидаясь очевидного решения, подать рапорт об отставке. Выслуги у него хватало, возраст был уже почтенный.

— Анатолий Николаевич, работать вам все равно не дадут! Скажу честно, уважаю вас и считаю достойным человеком. Но время сейчас такое... Да и недругов у вас немало. Даже среди тех людей, на которых вы рассчитываете...

Анатолий Николаевич поднял брови и внимательно посмотрел на Орлова, как будто хотел что-то спросить, но не решился.

Напоследок Андрей крепко пожал генералу руку и ободряюще кивнул. Тот сказал всего лишь несколько слов: «Спасибо хоть, что поговорили по-человечески». Больше Орлов Анатолия Николаевича не видел. Через некоторое время он, следуя совету Орлова, написал рапорт и вскоре был освобожден от должности, а потом и уволен на пенсию. До Андрея доходили слухи о том, что он где-то работает, а летом вместе с женой живет в маленьком деревянном домике в небольшом поселке на Куршской косе.

Однажды, отдыхая в комитетском пансионате, Андрей с Олей, прогуливаясь по лесу, хотели даже зайти к Анатолию Николаевичу, но постеснялись. Впрочем, Андрей не был уверен, что тот будет рад встрече с ним, хотя через сослуживцев несколько раз передавал привет Орлову. Видно, запали ему в душу прямые и честные слова помощника Председателя Российского комитета.

Одноэтажный домик Анатолия Николаевича казался очень уютным, и все было бы хорошо, если бы не стоял он вблизи поселкового кладбища. Оля даже заметила, когда они проходили с Андреем мимо него:

— Как-то страшно, мне кажется, здесь жить, рядом с кладбищем.

Андрей тогда усмехнулся и ответил ей:

— Предрассудки! Место хорошее и домик хороший. А кладбище... Ну что же — все там будем!

Потом Орлов не раз вспоминал этот момент. Сначала до него доходили слухи, что недруги калининградского генерала неоднократно пытались отобрать у пенсионера дачу, обвиняя его в незаконном ее приобретении. Жалобы, комиссии, разбирательства преследовали Анатолия Николаевича еще несколько лет. А потом Орлов вдруг узнал страшную весть: генерал застрелился в своем бывшем рабочем кабинете, не оставив никакой посмертной записки. Даже сильному человеку, если он выбит судьбой из привычной жизненной колеи, не всегда удается найти себя в новой жизни. Особенно если рядом не находится настоящих и преданных друзей. А в памяти Орлова осталось крепкое рукопожатие Анатолия Николаевича на перроне Калининградского вокзала и его слова: «Спасибо, что хоть поговорили по-человечески».

Ночь с 23 на 24 декабря 1991 года.

Москва. Крылатское.

Все эти истории вспомнились Орлову в бессонную ночь после встречи с Кузиным, который предложил Андрею сделку — продать его «друзьям» служебную информацию. Он воспринял само это предложение как личное оскорбление и долго не мог успокоиться. «Ведь он меня знает! Почему он предложил это мне? Неужели я дал повод подумать, что могу пойти на подлость?» — терзался Андрей.

Он встал, не зажигая света, оделся, прошел на кухню. Часы показывали половину третьего. Андрей так и не заснул, мысленно перебирая в памяти события последних дней. В голове все путалось: плач

Елены Боннэр и декламация Жириновского, вкрадчивый голос Кузина и усталый взгляд калининградского генерала Сороки, «Библия» Гутенберга и указ Ельцина об объединении КГБ и МВД.

Наступивший после интенсивной работы вакуум вынужденного безделья угнетал Орлова больше всего. Привыкнув работать в динамичной манере, не считаясь со временем и собственной усталостью, теперь он не знал, куда себя деть. Нет, Андрей, конечно, мог найти себе какие-нибудь занятия! Он мог читать книги и журналы, рисовать, обрабатывать свои разрозненные дневники, чтобы когда-нибудь потом сделать из них нечто такое, что можно было бы назвать повестью или рассказом. Впрочем, дневники у Орлова были абсолютно бессистемными. Сначала он пытался вести дневник, когда учился в школе. Но его хватило всего недели на две. Методично записывать, как некоторые, все происходящие с ним события и связанные с ними переживания Андрею не доставало терпения. Потом он не раз пытался делать это, будучи студентом МГУ, курсантом сержантской школы в латвийском городе Добеле, во время многочисленных походов и путешествий. Но результат был один и тот же: десяток страниц, исписанных аккуратным почерком, и потом... полный провал на несколько месяцев, а то и лет. Наверное, регулярно вести наблюдения за происходящей вокруг жизнью и своими чувствами — это очень сложная и требующая больших усилий душевная работа. По своему характеру и образу мыслей Орлов, наверное, не был приспособлен к такой работе.

Андрей прошел в большую комнату, прикрыл за собой дверь. Теперь, не мешая спящим жене и детям, он мог зажечь свет. Эту комнату, которая выполняла одновременно роль гостиной и рабочего кабинета, только с определенной натяжкой можно было назвать большой. С одной стороны у нее было окно с балконной дверью, рядом стоял письменный стол с крутящимся кожаным креслом. Слева — стенка из темного дерева, у противоположной стены — раздвижной диван с массивными подушками. Телевизор, телефон, самодельный журнальный столик. В общем, как у всех, за исключением, правда, старинной фисгармонии, которую Андрей за бесценок купил несколько лет назад, сам отремонтировал и теперь иногда извлекал из нее звуки, удивительно похожие на голоса короля музыкальных инструментов — органа.

Андрей открыл дверку книжного шкафа, в котором у него лежали разные тетради с записями, альбомы с фотографиями, старые выцветшие документы, картонные коробки с вырезками из газет и журналов. Он и сам не знал, почему его потянуло к этому хранилищу прошлого. Как будто какая-то безотчетная сила влекла его, заставляла найти что-то такое, что

именно сейчас было нужно Андрею. Для чего? Может быть, для того, чтобы почувствовать, что все происходящее с ним временно и не имеет никакого значения перед бездонной пропастью Времени.

Пробегая взглядом по корешкам толстых тетрадей и папок с документами, он уже понял, что ищет именно *ту* тетрадь. Тетрадь в жестком глянцево-красном переплете с надписью «Еженедельник». Наверное, за всю его сорокалетнюю жизнь это был единственный дневник, который Андрей вел не по дням, а записав сразу всё за две ночи вслед за событиями. Это были самые страшные дни в его жизни. Это были дни, когда умирала его мама.

Орлов сел в кресло, открыл первую страницу и в который уже раз стал читать строчки, написанные им тринадцать с лишним лет назад. До сих пор он читал дневник каждый год в февральские дни очередной годовщины смерти мамы. Сначала слезы застилали ему глаза, а к горлу подступал плотный комок так, что он не мог дышать. Это было и в первую, и во вторую, и в третью годовщину смерти мамы. С каждым годом слезы стали набегать на глаза реже, и читал он знакомые строчки гораздо спокойнее. Но время от времени что-то сильно сжимало сердце и он откладывал тетрадь в сторону. Чтобы близкие не видели его слабости, Орлов, как правило, доставал эту тетрадь глубокой ночью и, уединившись, читал, читал, читал...

ДНЕВНИК: «Я купил эту тетрадь, чтобы вести дневник, записывать свои мысли и рассуждения, делать анализ тех или иных событий, своих и чужих. Я намеревался начать все это 2 февраля 1978 года — со дня своего рождения. Сегодня уже 25 февраля, вернее, 26-е, так как часы показывают 12 часов ночи. Начинаются новые сутки, новый день.

А всего две недели назад, 11 февраля, умерла мама.

Мне очень не хочется сейчас что-либо писать. Я устал. Но я должен, пока прошло еще не так много со дня смерти мамы, попытаться вспомнить все эти страшные дни и записать их здесь — в этой книжке, чтобы, может, через несколько лет, перечитывая эти записи, еще раз пережить все эти события, это страшное горе, обрушившееся на нашу семью, на меня... Мне сейчас очень, очень плохо. Умерла мама... Попытаюсь вспомнить прошедшие дни — этот страшный февраль...»

Орлов перестал читать, задумался, откинувшись в кресле. Его снова

охватило чувство безысходности, которое он испытал в первые дни после того, как ему исполнилось двадцать семь лет. Тогда он уже был взрослым человеком, настоящим мужчиной, который прошел трудную срочную службу в армии, успел развестись со своей бывшей женой и избавился от многих иллюзий, свойственных молодости. Но к матери, которую Андрей всегда называл только «мамой», он испытывал не оставлявшие его с самого раннего детства трогательные чувства нежности и любви. Он никогда не стеснялся проявлять их и, даже если вокруг были незнакомые люди, мог нежно поцеловать ее в щеку, держать за руку, обнимать, склонив свою голову к ее худеньким плечам. Мама была для него всем — защитницей от всех бед и несчастий, самым мудрым советчиком, с которым Андрей сверял свои мысли и поступки, интересным и рассудительным собеседником, точным и глубоким оценкам которого он не переставал удивляться.

Мама была незаурядным человеком. Так считал не только Андрей. Так считали очень многие люди, долгое время окружавшие ее или случайно встречавшиеся с ней на очень непродолжительное время. Наделенная от бога красивой внешностью и изящной фигурой, гибким умом и чувством такта, способностью сострадать и готовностью помочь всем, кто в этом нуждался, она обладала какой-то удивительно притягательной силой. К ней тянулись близкие и дальние родственники, институтские подруги и школьные друзья, сослуживцы, жены офицеров, с которыми она коротала тяжелые будни дальних военных гарнизонов, случайные знакомые, которых она встречала на отдыхе в каком-нибудь санатории, да просто люди на улице, во дворе, в магазине. С ней делились своими бедами и семейными проблемами, любовными переживаниями и планами на будущее. Она выполняла роль громоотвода для чужих несчастий, родника для изнывающих от жажды, тени под деревом для путников, бредущих среди раскаленных песков, долгожданной печурки для замерзающих в заиндевелом лесу. Она принимала на себя чужую боль, несла груз чужих проблем, переживала за чужие промахи и неудачи. Ее сердца всегда хватало для других и очень часто не хватало для себя. Когда-нибудь его силы должны были иссякнуть. И это время наступило.

Орлов снова посмотрел в тетрадь — ровные, аккуратные строчки, красивый и понятный почерк. Такой же, как у мамы...

ДНЕВНИК: «В январе мама чувствовала себя уже очень плохо... От нестерпимой боли мама стонала. А мы привыкли. Привыкли ко всему этому. К ее боли. Ее стонам. К тому, что, как только боль отпустит, она оживала, шутила, смеялась...

Я очень мало заходил домой в январе. Очень редко. Теперь понимаю, что *слишком* редко. Увлёкся девушкой и почти все свободное время проводил с ней. С ней, а не с мамой. Мне казалось, что мама понимает меня, прощает мне это невнимание, но чувствовал, что делаю что-то не так, и это мучило меня...

Иногда я приходил, а мама сидела на кухне: они ждали меня с работы вместе с бабушкой. Я целовал ее, говорил что-то и садился ужинать. О чем мы говорили? О моей работе, о событиях, о нашей любимице кошке Мушке? Но как-то я не могу вспомнить ни одного конкретного разговора за эти дни. Наверное, потому, что мысли мои были далеки и волновало меня в то время больше что-то другое...

Однажды, не помню уж по какой причине... я остался ночевать здесь. Как сейчас, вижу маму: она в своем голубом халатике (который мы подарили ей с папой в день рождения) стоит в коридоре, о чем-то говорит с бабушкой. А я уже лег и прошу ее:

— Мам, а мам! Посиди со мной!

Я даже помню, что в тот момент у меня в ушах прозвучали слова песни «Поговори со мною, мама, о чем-нибудь поговори...» Она села рядом... Помню мамины руки, нежные и ласковые. Она гладила мои волосы. И становилось как-то легко и просто, как в детстве. Мама! Моя милая мама! Я ведь не знал тогда, что месяц спустя тебя не будет в живых!

Я засыпал. Она целовала меня, говоря:

— Ну, сыночек, спи. Завтра тебе на работу. Спокойной ночи!

Как в детстве! И, конечно же, я не чувствовал, что мне 27-й год.

Я был опять маленьким Андрюшей...»

Андрей, в который уже раз читая эти строки, написанные им самим более десятка лет назад, снова и снова переживал самую тяжелую в своей жизни утрату. Он долго не мог смириться с тем, что мама умерла. Ему часто казалось, что все происходящее после ее смерти всего лишь сон. И только годы притупили эту боль, заставили понять извечную истину — в жизни все конечно, бесконечна только смерть.

«Мама, мама, как мне сейчас тебя не хватает! — с горечью думал Андрей, читая строки дневника. — Но почему, почему прозрение наступает слишком поздно? Лишь тогда, когда уже ничего нельзя поделать! Ничего

нельзя вернуть! Ничего нельзя изменить?!» Сам уже став отцом двоих детей, он все равно нуждался в материнской заботе и ласке. Наверное, часть их, может быть, даже очень значительную, приняла на себя Оля. Но только часть...

ДНЕВНИК:«...Помню, в субботу и воскресенье, 28 и 29 января, я совсем не приходил домой. Мама мне позвонила вечером в воскресенье и сказала:

— Сынок, ты что-то к нам не заходишь?

Ее голос был слабым и усталым... Когда я уходил, мама всегда просила меня позвонить из дома по приходу к себе. А то уже очень поздно (часто это было в 12.00 ночи, а то и позже) и она волнуется. Первое время я звонил, а потом мне показалось это лишним — вроде как посягательство на мою самостоятельность. Однажды я даже нехорошо сказал маме:

— Я избаловал вас своими звонками.

Она больше не просила меня звонить. А я и не звонил...

Пришел журнал «Наука и религия». Я прочитал его. Нашел статью на тему самовоспитания. Я дал журнал маме и попросил прочитать (Есть интересные мысли! Можно было бы поговорить!). Однажды вечером мне мама сказала, что статью прочитала и можно было бы обсудить. Она уже плохо чувствовала себя и делала, конечно, все через силу. Не помню, по-моему, у меня не было желания, я, как всегда, спешил. И как-то не придавал значения.

— Мамуля, потом обсудим, — сказал я. — Потом.

А где это «потом»? Где оно? Нет этого "потом" и никогда не будет...

В половине пятого утра (2 февраля) меня разбудил звонок. Папа просил придти. Он снова вызвал «скорую». Маме плохо... Она то со стонами лежала на постели, то вставала и, покачиваясь, с закрытыми глазами (то папа, то я поддерживали ее) ходила по комнате... Казалось, какая-то неведомая сила и тяжесть мучают ее и она безотчетно пытается освободиться от них... Тревога все больше и больше охватывала нас...

...Бабушка стала одевать маму. Мы с папой были уже готовы. Мама могла еще идти... Лицо у мамы было измученным, усталым. Глаза закрыты. Стоны. Ей было очень плохо. Очень. Я это чувствовал... Мама была беспомощной и жалкой в нелепо

сидящей на голове шапке, натянутой на лоб почти по самые глаза. Я помню, как в этот момент сжалось у меня сердце... Ее положили на носилки и вкатили в машину. Запомнил странную деталь: ролики носилок не попадали в полозья, и их несколько раз дергали туда-сюда...

До больницы мы доехали быстро... Через две широкие двери мы вкатили тележку с мамой в приемное отделение. Там было уже довольно много людей. Некоторые с любопытством посматривали на нас... В комнате на лежаке сидела полная женщина, которая нарочно тяжело дышала и стонала. Женщина-врач, несколько раз заходившая в комнату, говорила ей, чтобы та шла домой, так как ее класть не собираются. Помню, как та женщина еще сказала:

— Вы хотите, чтобы меня привезли сюда так же, как вон эту! тогда будет уже поздно!

...Наконец, вроде, дело сдвинулось с мертвой точки. Пришел санитар (один из стариков-вымогателей) и вывез тележку с мамой в коридор... Разве мы могли знать, что всего через девять дней по этому же коридору повезут ее, холодную и мертвую, закутанную в простыню, в здание со страшным названием «морг»?!!!»

Андрей закрыл тетрадь в красной обложке. Дальше читать он не мог. Нет, не потому, что его охватило сильное волнение. Он был волевым человеком и мог держать себя в руках. Он отложил тетрадь потому, что в который раз ему приходила в голову одна и та же мысль: сегодня черпать силы нужно не в прошлом, а в настоящем. Даже если оно, это настоящее, кажется сейчас невероятно трудным и безнадежным. Только так можно преодолеть даже самые сложные обстоятельства и укрепить уверенность в своих силах. Его мама поступала в своей жизни именно так, и это было самым убедительным и наглядным примером для Орлова.

Он положил тетрадь на место, погасил свет в большой комнате и отправился в спальню. Он разделся, но перед тем как лечь, посмотрел на часы: был уже пятый час. Наступало новое декабрьское утро. У него еще оставалась возможность поспать пару часов. Он лег, натянул на себя одеяло. Оля прильнула к нему, обняла его рукой, что-то прошептав во сне. Андрей притянул ее ладошку к своим губам и сразу почувствовал какое-то умиротворение. Вот оно, это настоящее, в котором он мог черпать свои силы!

24 декабря 1991 года, утро.

Москва. Лубянская площадь.

Здание МБВД России. Кабинет № 535

— Андрей Петрович, надо немедленно убрать отсюда эти книги! — взволнованно сказал на следующий день Орлову сотрудник управления по борьбе с терроризмом, сокращенно УБТ. — Николай Николаевич боится, что у нас их могут изъять.

— Изъять? — Орлов с удивлением посмотрел на оперативника. — Как это? Кто? Да и куда их убрать? Домой я, что ли, их отнесу?

— Нет, не домой, конечно. Наверное, надо вернуть туда, где мы их взяли!

— Что? Да ведь это же идиотизм! С таким трудом их достать, доложить Президенту, получить его согласие и... Глупость какая-то!

От негодования у Орлова лицо стало красным. Видно было, что он с возмущением воспринимает нелепую ситуацию, когда приходится в силу каких-то абсолютно необъяснимых обстоятельств отказываться от того, что еще вчера казалось очевидным.

— Понимаете, Андрей Петрович, — спокойно проговорил сотрудник УБТ, — мы получили сегодня утром сводку... На контроле стоял один уголовный авторитет... Ну, по нему мы работали еще в союзном комитете. Оружие, наркотики, контрабанда... и всякое такое... В общем, они там вчера вечером обсуждали, как вытащить эти ваши книжки.

Орлов с недоверием посмотрел на оперативника, затем спросил:

— А сводка где?

— Вот! — Тот раскрыл папку и протянул Орлову несколько листочков бумаги, отпечатанных на пишущей машинке и пестрящих карандашными пометками на полях. — До конца еще не успели расшифровать... Но здесь все ясно. Вот это место.

Орлов стал читать текст, подчеркнутый черным фломастером:

«Ф, Кстати, а книги эти вы уже... (неразб.)? Они что, все еще там? У этого лопуха малохольного?

Б.: Да... Он нажучил по бумагам нашего... Кузю. Ну, ты его знаешь. Он...

Ф.: Сука! Он что... (неценз.)! Ты сказал Кузе, что шеф зря деньги не платит?! Или...

Б. (переб.): погоди! Мы уже... (неразб.)... если увидит... (неразб.)...

договорились!

Ф.: Ёрш твою двадцать! О чем договорились?

Б.: Да наш там мент есть! Он уже все... (неценз.) доложил, кому надо. Книжки эти до выходных заберем. А если... (неразб.)... до субботы... (неразб.)... сейф легкий. На руках можно... (неразб.)...

Ф.: Ну смотри, Боря! Проканителишь... сам знаешь, что (не-разб.)...

Б.: Все будет ништяк! Мы этого Орлова... фофана драного... (не-ценз.) ... так, что он... (неценз.)...

Ф.: Ну-ну! (Смеется)... Смотри, Боря, «бабки»-то бешеные! Главное — вовремя подсуетиться! Ты меня понял?

Б.: Понял, понял!

Ф.: Ну, а как насчет... Приход заловил?»

Орлов, наткнувшись на непонятные слова, вопросительно посмотрел на оперативника:

— А что такое «приход заловил»?

— Ну, это про наркотики... Он спрашивает: «Наркотики достал?»

— А! Понятно.

Орлов хотел было продолжить чтение, но сотрудник УБТ протянул руку к листкам сводки:

— Андрей Петрович, там больше ничего про это нет. Только вот то, что вы прочитали.

— А кто такие эти «Ф» и «Б»?

— «Ф» — это наш объект разработки, крупный уголовный авторитет, а «Б» — его близкая связь, тоже еще тот тип! Если б не путч — мы б уже их взяли, по крайней мере на контрабанде! А теперь... — Он только махнул рукой. — Вы поняли, Андрей Петрович, что про вас они тоже говорили?

— Конечно! Только откуда они знают, что у Орлова в сейфе хранятся книжки, которые стоят «бешеные бабки»?

— Мы этого пока не знаем. Знаем только, что у них есть свои люди в МВД. Правда, в одном месте они упомянули какого-то Кузю. Заметили? Только мы еще его не установили. Пока не знаем, кто это.

— А я, кажется, догадываюсь, — задумчиво проговорил Орлов.

Ночь с 26 на 27 декабря 1991 года.

Москва. Воробьевы горы. Высотное здание МГУ

За несколько дней до Нового года та же группа оперативников, которая изымала два тома «Библии» Гутенберга, конспиративно доставила раритет

в высотное здание Московского государственного университета на Воробьевых горах, расположенное на возвышенности, откуда открывается один из самых чудесных видов на столицу. Глубокой ночью двое сотрудников вынесли из «Волги», припаркованной рядом со входом в главное здание, большую картонную коробку. Еще двое шли рядом.

Беспрепятственно преодолев пост охраны, они поднялись на лифте на девятый этаж, где их ждал еще один сотрудник, который уже отключил охранную сигнализацию и вскрыл помещение. Так же осторожно, как несколько недель назад, они пронесли бесценный груз через дверной проем с массивной деревянной дверью, небольшой холл и оказались в служебном кабинете, в котором находился сейф — прежнее многолетнее пристанище мирового шедевра.

Так же, как и в прошлый раз, они, чтобы случайно не привлечь чьего-либо внимания и не сорвать операцию, не стали зажигать свет в кабинете. Уже знакомые с замком массивного, «сталинского» стиля двухкамерного сейфа, специалисты довольно быстро открыли все, что нужно. Буквально через несколько минут две громадные книги с сияющим тиснением на кожаном переплете заняли свое место среди каких-то бумаг и общих тетрадей, круглых и прямоугольных штампов, сложенных в небольшую коробочку, бумажных пакетов, прошитых толстой черной ниткой и скрепленных в пяти местах сургучными печатями, похожими на раздавленные кусочки шоколада.

— Все в порядке, товарищ майор, — доложил молодой сотрудник, водрузивший «Библию» на прежнее место. — Только я не понял, зачем было все это делать? Сначала тайком достали, а теперь снова положили на место. Не пойму.

— Саня, а тебе ничего понимать и не надо! Начальство сказала — сделали. Это не наше с тобой дело, понял?

— Понял, товарищ майор!

— Ну вот и хорошо! Все? Закончили? Тогда пошли!

Спустя четверть часа оперативная машина, в которой сидели четверо сотрудников госбезопасности, отъехала от главного входа в здание и направилась в сторону улицы Косыгина. В багажнике «Волги» лежала пустая картонная коробка, в которой некоторое время назад находились два тома книги, считавшейся безвозвратно утраченной для человечества. Сорокадвухстрочная «Библия» — первое печатное издание Иоганна Гутенберга, изготовленное им в 1454 году, уникальное произведение, равного которому не было в мире, возвратилась в привычную для нее обстановку, продолжив отбывание сурового наказания в мрачном

бронированном застенке. Сорокашестилетний срок заключения, видимо, еще не искупал всех ее грехов. [\[160\]](#)

Глава 6

Сто рублей за Конституцию

28 декабря 1991 года, день.

Москва. Лубянская площадь.

Здание МБВД России. Кабинет № 535

К концу декабря всем стало очевидно: объединение госбезопасности с органами внутренних дел оборачивается поглощением одним другим. Более мощная по численности и финансовым ресурсам структура МВД должна была вобрать в себя расчлененную, лишенную четко сформулированных целей и в некотором роде деморализованную структуру госбезопасности. Во главе объединенного ведомства стал приближенный к Президенту Ельцину, пользовавшийся его безграничным доверием Виктор Павлович Баранников. С распадом Союза исчезла необходимость в Межреспубликанской службе безопасности, которую возглавлял Бакатин, и он должен был уйти со сцены. Российский комитет, последние месяцы называвшийся Агентством федеральной безопасности, лежал в руинах. Надежды, которые очень многие связывали именно с АФБ и стимулировали мощный приток в него профессиональных молодых кадров, сыграли с людьми злую шутку. Все оказалось несбыточной иллюзией — Российский комитет рухнул, так и не успев превратиться в мощную спецслужбу, а те, кто попытался связать с ним свою судьбу, оказались либо изгоями, либо нежелательными элементами.

ИНФОРМАЦИЯ: «...Ни от Бакатина, ни от Иваненко судьба МСБ и АФБ не зависела. Она была предрешена политическим руководством России, которое стремилось разрушить "до основания» КГБ СССР и создать новые спецслужбы, обеспечивающие защиту преобразований, произошедших в стране»

(С.А. Воронцов «Спец-службы России». Москва, 2008 год).

Иваненко, освобожденный Президентом от должности, сразу забытый и брошенный своими «демократическими» друзьями, маялся несколько дней, тщетно надеясь на то, что Президент, вице-президент, государственный секретарь или хотя бы кто-нибудь другой из высшего политического руководства вспомнят о нем. Ведь прошло совсем немного времени после августовских событий, в которых он выступал активным участником, был на виду, делал все для того, чтобы избежать эскалации противостояния. Еще вчера он ходил на доклады к Ельцину, приглашался на заседания правительства, выступал в Верховном Совете, участвовал в проработке важнейших документов, встречался с иностранными представителями, давал многочисленные интервью и брифинги, спорил с Бакатиным о судьбах новой структуры безопасности. А сегодня он оказался вычеркнутым из активной жизни. Ему было грубо и беспардонно указано на дверь, как будто он был виноват в том, что произошло в августе, как будто не он со своей командой, а кто-то другой удержал местные управления КГБ от ввязывания в смертельную схватку за власть в стране.

В тот день Орлов с самого утра чувствовал: что-то должно произойти. Долго вынужденное безделье продолжаться не могло. На службе в соседних кабинетах ощущалось уже некоторое оживление. Министр безопасности и внутренних дел Баранников начал интенсивную деятельность по объединению двух ведомств. Каждый день то на Лубянке, то на Житной^[161] проходили какие-то совещания, по зданиям госбезопасности группами ходили какие-то люди, с интересом посматривая на окружающих и бросая оценивающие взгляды на кабинеты.

После того как Российский комитет был упразднен, многие из его сотрудников подали рапорта об увольнении из органов. Конечно, масла в огонь подлил указ Президента об объединении. Еще совсем недавно вся система МВД была в оперативном обеспечении чекистов, а сегодня последние сами попадали в зависимость от тех, кого разрабатывали и проверяли. Безусловно, это не сулило многим из них ничего хорошего, особенно тем, кто работал по линии борьбы с коррупцией в органах внутренних дел. Но несмотря на то, что в большинстве коллективов царило уныние и ожидание худшего, жизнь брала свое.

Того, что происходило в стране, по-настоящему понять не мог никто. Распад Союза, разрушение всей системы управления, полная деморализация государственных органов, утрата политических и экономических ориентиров — все это говорило, что страна, набирая ход, катится в пропасть. Те, кто еще вчера, избегая встреч с органами правопорядка, подпольно торговали валютой, ввозили и вывозили

контрабанду, пытались на фоне мучительных поисков нового экономического пути обеспечить себе благополучие за счет других, вдруг воочию увидели перед собой огромный пирог, который можно было делить, рвать на куски, давясь и жадно пожирая то, что было создано предшествующими поколениями. Из всех щелей поползли людишки, похожие на мелких насекомых и червей, которые почувствовали пьянящий запах разложения, суливший им невиданное обогащение и неслыханный взлет. Наступало время неприкрытой подлости и бесчестия, предательства и трусости, дремучих инстинктов и презрения к окружающим. Правда, всего этого большинство людей тогда еще в полной мере не понимало. Было лишь предощущение чего-то тревожного и опасного, что подступало к привычной и достаточно размеренной жизни миллионов.

— Андрей, зайти! — прозвучал в трубке тихий голос Иваненко. Уже дней пять Виктора Валентиновича не было видно. Одни говорили, что он добивается приема у Президента, другие видели его на Старой площади^[162], третьи рассказывали, что он сидит дома, пьет водку и никого не хочет видеть. Поэтому, услышав знакомый голос, Орлов обрадовался и заторопился в кабинет бывшего шефа.

Как всегда, в приемной находился дежурный офицер, а в небольшом соседнем кабинете — Лариса, секретарь Иваненко. При появлении Андрея офицер молча встал. Перед ним на столе с бесполезной теперь «простыней» списка телефонов и двумя десятками молчащих аппаратов лежала развернутая газета, которую он, наверное, только что читал. Хрустальная пепельница была полна окурков, что само по себе казалось невозможным — в приемной категорически запрещалось курить.

Из соседней комнаты вышла Лариса, непривычно растерянная. Обычно очень деятельная и разговорчивая, яркая и немного артистичная, она казалась теперь какой-то потускневшей. Подойдя к Орлову, она сообщила:

— Андрей, утром приходили и сказали, что к обеду надо освободить все кабинеты. Валентиныч сейчас собирает там свои вещи... книги... Иди, помоги ему. И свой кабинет освободи, а то придут...

— Да мне, Ларис, освобождать нечего... — усмехнулся Орлов. — Я все убрал. Лишнее уничтожил, документы все сдал, а остальное... Пусть проверяют!

— Андрюш, а книгу-то вы успели... «Библию» эту?

Орлов только махнул рукой.

— Ладно, зайду к шефу... Он вызывал.

28 декабря 1991 года, день.
Москва. Лубянская площадь.
Здание МБВД России. Кабинет № 517.

— Андрей, здравствуй! — Иваненко протянул руку Орлову, который отметил про себя, что бывший его начальник выглядит гораздо лучше, чем несколько дней назад. Тогда, сразу после объявления президентского указа, он казался растерянным, потрясенным предательством и несправедливостью тех, кому доверял и с кем вместе участвовал в «становлении российской государственности». Сейчас же, казалось, он пришел в себя, возможно, просто впервые за долгое время выпался, что само по себе было уже немаловажно.

— Ну как вы, Виктор Валентинович? — осторожно спросил Орлов.

— Что «как»?

— Переговорили с Президентом? Встречались с Бурбулисом?

Иваненко каким-то непривычно холодным взглядом посмотрел на Орлова, помолчал немного, затем сказал:

— Не-е! С Ельциным меня не соединяют! Даже Сашка не хочет... А Бурбулис... Что Бурбулис? Он посылает меня в отпуск. Говорит: «Отдохни, придешь — будем вместе решать». Так что... — Андрей впервые за последнее время увидел улыбку на его лице. — Так что пойдем в отпуск!

— А мне?

— Что тебе? Сейчас будут формировать новую структуру. Я думаю, что и тебе место там найдется! Хочешь, позвоню Олейникову? Да ты и сам его хорошо знаешь! Он же теперь стал первым замом!

— Нет, Виктор Валентинович! Пока нет... Может... Может быть, я тоже схожу в отпуск? Ведь вы меня тогда отозвали на Всероссийское совещание! А?

— Давай рапорт, я подпишу! Тебе тоже надо отдохнуть.

— А кто... кто остается за вас?

— За меня? — Он вздохнул. — За меня остается Станислав Анатольевич. Пока... Пока будем передавать дела этому... — Было видно, что Иваненко не хотелось произносить ненавистную ему аббревиатуру. Но он справился с собой и все-таки закончил фразу: —...этому МБВД.

— Понятно. Вам помочь? — Орлов указал взглядом на разложенные на столе книги.

— Нет, спасибо! Мне помогут. Ладно, Андрей, иди! А... куда поедешь? В Калининград?

— Наверное, Виктор Валентинович. Куда же еще? Посоветуемся с

Олей.

— Передавай ей привет. Я улетаю завтра. Потом встретимся, решим, что будем делать. — Он встал, протянул Андрею руку.

Орлов сильно сжал ее и почувствовал подступивший к горлу комок. Он непроизвольно сделал шаг навстречу Иваненко. Они впервые за все время совместной работы обнялись, почувствовав вдруг, что за последние месяцы незримыми нитями их связало настоящее боевое товарищество. Не беда, что один из них был начальником, генерал-майором, а другой — его помощником и всего лишь подполковником. тогда, конечно, они еще не предполагали, что драматические дни августа девяносто первого были только началом их настоящей мужской дружбы на долгие годы.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «...АФБ приказал долго жить, как и предшественник КГБ СССР, а вместе с ним ушел в историю и генерал Иваненко. «Я не вписался в команду Ельцина», — скажет он позже журналистам. Он и не мог вписаться, даже если бы очень этого захотел, — слишком принципиален для той команды, всегда имеет собственное мнение и отстаивает его до конца. Что поделаешь — это его основное достоинство».

(А. Ф. Яровой, старший инспектор Инспекторского управления МСБ СССР. «Прощай, КГБ». Москва, 2001 год).

ИНФОРМАЦИЯ: «...Для Ельцина Иваненко оставался чужим... И никогда бы не стал своим. Я отношу это прежде всего к специфике кадровой политики БэНа.^[163] У нас не было времени, чтобы обождать всех, кто стоял рядом с ним... К сожалению, он не смог «войти в стаю». А надо было, конечно, «щупальца разбросать» — с кем надо выпить, сходить в баню, съездить на охоту... И стать рядом, как это получалось у многих с меньшими профессиональными потенциалами, чем были у нас... И уж тем более пройдя такой экзамен, как путч... Поэтому надо признать: Иваненко не стал членом команды Ельцина»

(А.К. Стрельников, начальник Секретариата АФБ России).

28 декабря 1991 года, день.

*Москва. Лубянская площадь. Около здания МБВД
России*

На работе было делать нечего. Телефоны отключены, все документы сданы в секретариат или уничтожены на бумагорезательной машинке. Самая главная ценность перекочевала в ставшую для нее уже привычной бронированную камеру. Кабинет вот-вот должны были забрать.

Орлов спустился по мраморной лестнице, непроизвольно бросил взгляд на бюст Феликса, стоящий на площадке между первым и вторым этажом, кивнул мельком посмотревшему его документы прапорщику, толкнул массивную деревянную дверь с латунными ручками и вышел на улицу.

Сыпал мелкий снежок. Тротуар, проезжая часть перед зданием, даже черные «Волги», рядом стоящие у четвертого подъезда, — все было покрыто пушистым снежным ковром. Особого движения вокруг не замечалось. Двери сорокового гастронома время от времени открывались, пропуская внутрь или выпуская наружу немногочисленных покупателей. Снег, видно, пошел совсем недавно, иначе бы на мостовой было видно много отпечатков автомобильных шин.

Орлов прошел вдоль фасада, возле углового подъезда повернул в сторону подземного перехода. Навстречу попадались редкие пешеходы — эта часть квартала была полностью во власти учреждений. Пару раз Орлову кто-то на ходу бросил: «Привет!» Он даже не заметил, кто именно. Зимой бывает трудно узнать даже хорошо знакомого человека, так преобразают внешний вид шапки, пальто или зимние куртки. У подземного перехода, ведущего под обезглавленную площадь, он остановился. Еще каких-нибудь четыре месяца назад Орлов так же стоял здесь, наблюдая, как гигантская, похожая на змею толпа несла российский триколор, обещая радикальные перемены в жизни. И они пришли. Теперь уже и в жизнь Андрея.

Орлов спустился в подземный переход, в котором шла своя суетливая жизнь: большинство пешеходов, оказавшихся под землей, ускоряли шаг, как будто бежали от неюта холодного подземелья; какая-то женщина, прислонившись к стене, торговала газетами, заодно предлагая купить блеклые листовки; кучка подростков занималась обменом чего-то на что-то.

— Андрей Петрович, можно вас на минутку! — неожиданно кто-то окликнул Орлова. Рядом появился человек в дубленке и дорогой пушистой шапке. В руках у него был кожаный кейс с блестящими кодовыми замочками.

Вглядевшись в лицо человека, Орлов убедился, что не знает его.

Правда, в последнее время так часто случалось. Орлов был на виду, нередко его замечали среди руководства Комитета, несколько раз ему приходилось выступать в подразделениях, однажды даже появилась групповая фотография сотрудников Российского КГБ в газете «Куранты» под броским заголовком «КГБ по разные стороны баррикад». Корреспондент взял тогда интервью у нескольких сотрудников, в том числе у Орлова, дотошно расспрашивая их о событиях августа.

СТАТЬЯ: «Председатель КГБ РСФСР Виктор Иваненко и его сотрудники — начальник отдела правительственной связи Вячеслав Бабусенко, начальник инспекции Юрий Афонин, помощник председателя Андрей Пржездомский^[164], офицер связи Николай Николаев,^[165] заместители начальника московского УКГБ Евгений Карабаинов и Александр Корсак — рассказывают корреспонденту «Курантов» о том, как в дни путча оказался КГБ СССР по разные стороны баррикад.

Иваненко: Путч в такой форме был для меня полной неожиданностью... Я был в «Белом доме», а мой аппарат находился в наших помещениях на Лубянке. Рядом с путчистами... Руководство московского управления пыталось работать и на нас, и на Крючкова. А это всегда чревато... На момент путча у меня было всего два десятка человек... Противопоставить спецподразделениям и техническим возможностям, которые были в руках у Крючкова, было нечего... Исполнители, если они не лезли вперед батьки в пекло, уверен, не должны наказываться... Не их вина, что такие, как Крючков, втянули их в эту авантюру. Главное, что теперь требуется от людей, — усвоить: возврата к старому не будет. И не лить слезы по «завоеваниям»...

(«КГБ СССР по разные стороны баррикад». «Куранты», 31 августа 1991 года).

ИНФОРМАЦИЯ: «...Председатель КГБ России генерал-майор В. Иваненко был на «баррикадах», «строил демократию». Ему в этом помогали несколько человек из его окружения. Потом их сфотографировали и напечатали портрет в какой-то заштатной газетенке. Каждому из них дали характеристику, назвав защитниками нарождающейся молодой «демократии» в России»

(И.И. Леган, старший инспектор Инспекторского управления МСБ СССР. «КГБ — ФСБ: взгляд изнутри». Москва, 2001 год).

Вполне возможно, что окликнувший Орлова человек был одним из сотрудников, уже знавшим его в лицо, но незнакомым с ним лично.

— Да, слушаю вас!

— Мне нужно с вами поговорить! — каким-то особо требовательным голосом ответил человек в дубленке.

— Давайте поговорим.

— Нет, не здесь!

— А где?

Незнакомец молча кивнул, указывая на выход из подземного перехода. Орлов подумал, что человек предлагает ему вернуться в здание КГБ, чтобы продолжить разговор там, и молча пошел за ним.

Казалось, снежок стал сыпать сильнее. Во всяком случае после тусклого света в подземелье все на улице казалось ярко-белым.

Орлов было направился в сторону шестого подъезда, но незнакомец повернул куда-то в сторону проезжей части.

— Куда? — настороженно спросил Андрей.

— Давайте поговорим здесь! — Он кивнул на стоящую неподалеку черную «Волгу». — Не на улице же!

Подсознательное чувство тревоги охватило Орлова. Он бросил взгляд на припаркованный автомобиль — и тут заметил, что внутри за рулем сидит водитель, а рядом, покуривая, стоит еще один человек. Взгляд непроизвольно упал на номер, вырвав буквенное сочетание «мол».

«Нет, что-то тут не так! — пронеслось в голове у Орлова. — Если я соглашусь сесть в машину, мне из нее больше не выйти!»

Сопровождающий Андрея мужчина в дубленке сделал приглашающий жест, будто собирался взять его под руку. Человек рядом с «Волгой» бросил сигарету и исподлобья смотрел на приближающихся к машине.

Орлов резко остановился, оценивая обстановку. До машины было шагов семь-восемь. Рядом было здание КГБ. Раньше здесь, да и в общем по всему периметру здания, дежурили милиционеры, но после августовских событий их здесь не стало. Прохожих тоже было немного.

— Что вы? — резко повернулся к Орлову человек в дубленке. — Садитесь в машину! Там и поговорим! Не стоять же на ветру!

— Нечего мне делать в вашей машине! — решительно сказал Орлов. — Если хотите что-то сказать, говорите!

— Ну что вы, Андрей Петрович, — успокаивающе проговорил незнакомец, сразу как-то напрягшись. — Чего вы боитесь?

— Да не боюсь я ничего! Я вас не знаю и никуда с вами не поеду!

— Мы никуда и не едем! Я думал лучше...

— Говорите, что вам нужно? — резко ответил Орлов. — Или я пойду!

— Пойдешь? — переходя на «ты», сказал незнакомец. В его голосе почувствовались угрожающие нотки. — Ну куда ты пойдешь? Кому ты нужен?

Орлов обратил внимание на то, что стоявший у машины, заметив какой-то сбой, стал тоже приближаться. Дело приобретало явно опасный оборот.

«Кто они? — лихорадочно думал Орлов. — Свои? Бандиты? Первым от меня вряд ли что нужно. Я ничего не натворил... Значит, бандиты? А при чем тут я? Никаких дел я не вел, документы все давно сдал, ни к чему доступа не имею. Может, это наши зарубежные «друзья»?

В то время как человек в дубленке выжидающе смотрел на Орлова, другой успел уже подойти и встать сбоку.

— Мне с вами говорить долго некогда! — снова переходя на «вы», сказал незнакомец. — Я хочу выяснить только одну вещь. Вам это никак не повредит.

Орлов смотрел на него тяжелым взглядом, ожидая подвоха.

— Да не бойсь ты! — в голосе незнакомца появились примирительные нотки и некое подобие улыбки на лице. — Ничего тебе не будет! Наоборот, можешь даже резко улучшить свое положение.

— А чего мне улучшать? — угрюмо ответил Орлов.

— Как чего? Тебя сейчас выкинут, и окажешься ты на улице!

— Ну а вам-то какое дело?

— Правильно! Давай о деле! — Мужчина обеспокоенно бросил взгляд на здание Комитета, понимая, что в определенной степени рискует привлечь внимание охраны, особенно если Орлов поведет себя неадекватно. — Нам нужно только одно: скажи, куда вы дели книжку?

— Какую книжку? — Орлов сделал вид, что не понял. Однако одного этого вопроса хватило, чтобы он смог быстро сориентироваться в ситуации. Безусловно, речь шла о «Библии» Гутенберга. — Я не понимаю, о чем...

Незнакомец не дал договорить.

— Я тебя, сука, спрашиваю, где книжка? Ты знаешь, о чем я говорю! Скажи, куда вы ее спрятали! Скажешь — получишь башли! Не скажешь — уроем!

Лицо его перекосилось от бешенства. Ненавидящим взглядом

установившись на Орлова, он цедил сквозь зубы, переходя на шепот: — Ну, скажи, где книжка! Скажи!

Орлов, бросив на него полный презрения взгляд, круто повернулся и твердым шагом пошел прочь. Всем своим нутром он чувствовал жесткий, испепеляющий взгляд незнакомца на своей спине, от чего у Андрея похолодело внутри. Страх, отчаяние, чувство близкой опасности переполняли его. Он сделал несколько шагов, прежде чем услышал за своей спиной голос:

— Орлов, не делай тупостей! Мы тебя все равно достанем! И подумай о семье!

Андрей резко повернулся и посмотрел на говорившего. Но тот, прищурившись, только прошипел:

— Пожалей свою маруху и грызунов стебанных! Понял меня?

Орлов с трудом сдержался, чтобы не ответить ему. Он только смерил презрительным взглядом человека в дубленке и решительно зашагал прочь.

«Может лучше зайти в здание? — промелькнуло у Орлова в голове. — Кто их знает, что они задумали». Он было уже повернул к шестому подъезду, но тут же передумал. «Увидят, что испугался, — все пропало! Тогда задавят, уж это точно!» И он снова направился к подземному переходу, боковым зрением отметив, что машина все еще стоит у тротуара.

28 декабря 1991 года, день.

Москва. Частная квартира в элитном доме

— Вам, придуркам, ничего и поручить нельзя!

— Но... шеф!

— Помолчите! Вам было как сказано? «Найти поход!» А вы? Орать, пугать, угрожать!

— Да мы...

— Что-о-о? Вы сорвали все! С такими людьми, как Орлов, надо говорить на их языке, а не на вашем уголовном жаргоне!

— Да, но... шеф, он сам...

— Да мне плевать! Я рассчитывал, вы способны подумать...

— Мы думали...

— Думали-думали! Мне нужны книги, а не ваши размышления! Где теперь их искать? Где? Скажите мне!

— Шеф, мы почти точно знаем, что книг уже нет на Лубянке. Их куда-то увезли!

— Куда-то! Да мне надо знать, куда конкретно! Что, только на Орлове свет клином сошелся? Вы искали, кто еще знает о книгах? Секретари, оперативники, эксперты какие-нибудь?

— Шеф, мы занимались только Орловым!

— Идиоты! Вы не способны проявить даже хоть какой-нибудь разумной инициативы! Так ищите! Ищите!

— Слушаюсь!

— А документы? Документы какие-нибудь разыскали?

— Наши люди ищут. Но у них сейчас там такая неразбериха! Никто ничего не знает!

— Но вы же хвалились, что у вас есть свой человек в МВД! И что он имеет доступ на Лубянку!

— Да, он сейчас привлечен к объединению двух ведомств. Он пробовал что-то узнать или найти какой-нибудь документ, но пока...

— Ладно, хватит! Даю вам три дня! До Нового года вы должны узнать, где эти книги! Понятно?

— Да.

— Все! Идите!

28 декабря 1991 года, день.

Москва. Крылатское

— Ты сегодня рано! — уже без особого удивления встретила Андрея жена у двери. — Я еще и обед не готовила! Что-нибудь случилось, Андрюша?

— Нет, ничего не случилось. Все в порядке. — Он ласково обнял Олю. — Вернее, случилось. Я иду в отпуск!

— В отпуск? Сейчас, зимой? А куда же ты...

— Да посмотрим! Съезжу в Калининград. Возьму с собой Нину.

— Ну ладно, снимай пальто!

Весь день Орлов не находил себе места. Он то принимался рассматривать старые фотографии, то брался за книгу, то включал телевизор. Но ни одно из этих занятий не могло отвлечь его от тревожных мыслей. Можно сказать, он впервые сильно испугался. Нет, не за себя. Самому рисковать ему доводилось уже несколько раз, и он знал, что может рассчитывать на свои силы и волю. Но семья! За них он боялся больше всего. Здесь он чувствовал себя совершенно беззащитным. Казалось бы, за спиной у него стояла мощная организация, которая в любой момент может

встать на защиту своего сотрудника, задействовать все необходимые силы и средства, дать отпор любой угрозе или попытке давления. Но теперь... Теперь он был никем. Освобожденный от должности, лишенный привычной работы, отрезанный от информации и полноценного общения, он сам себе казался изгоем, неизвестно почему отринутым теми, с кем вместе работал и делал большое и нужное для страны дело.

«Скорее всего, этим дело не закончится, — мучительно размышлял Орлов. — Они наверняка будут пытаться еще и еще раз выйти на меня, угрожать, сулить немыслимые блага и шантажировать безопасностью семьи. Уезжать в такое время в отпуск — значит, поступить опрометчиво, подвергнуть риску жизнь жены и детей».

Жена хлопотала на кухне, семилетний Сережа занимался чем-то на диване, Нина еще была в школе. Орлов чувствовал себя не в своей тарелке. Все были при деле, и только он слонялся как неприкаянный по квартире. Лишь во второй половине дня Орлов немного успокоился, занявшись физическим трудом — стал мастерить подставку для этажерки с книгами. Он давно уже собирался сделать нечто подобное, но времени на это не хватало. Этажерка, изготовленная еще Алексеем Егоровичем, Олиным отцом, была частью большого торшера, подаренного им с Олей несколько лет назад. Конечно, ставить торшер они не собирались. Мода на такие вещи уже ушла. Но использовать аккуратные полочки из темно-коричневой пластмассы, соединенные между собой тонкими латунными трубками, было можно. Для этого следовало сделать какую-нибудь подставку, на которую можно было водрузить этажерку.

Верстак у Андрея был самодельный — он приспособил под него деревянную тумбу, найденную неподалеку от дома. Сразу после массового заселения квартир на Крылатских холмах повсюду лежали остатки строительного мусора и ненужной мебели, среди которых, впрочем, нередко находились вполне приличные вещи: двери, большие куски паркетной доски, керамическая плитка, плинтусы. Андрей любил что-либо мастерить в доме, правда, времени у него на это всегда не хватало. Сделав верстак и прикрутив к нему небольшие тисочки, он обеспечил себя достаточно удобным местом для работы.

Распилив на части длинный брусок и аккуратно отшлифовав каждую из них, Андрей получил четыре ножки. В качестве крышки он использовал светлую полированную доску, тоже найденную где-то около дома. Получилось вполне недурственное сооружение — симбиоз этажерки и низенького столика. Как говорят в таком случае: «Голь на выдумки хитра».

За работой Андрей немного забылся, беспокоивший его страх за

близких несколько улегся, ситуация не казалась уж такой драматичной. В третьем часу из школы пришла Нина, тоже немало удивившаяся, что папу застала дома.

— Тебя чего, с работы отпустили, да, пап? — серьезным тоном спросила дочка.

— Да, — в тон ей ответил Андрей, — отпустили. И предложили в отпуск идти.

— В отпуск? Зимой? — сделав удивленные таза, почти так же, как это произнесла только что Оля, спросила Нина. Она уже привыкла, что отпуск у папы бывает именно летом и они могут все вместе поехать на море или, как было в позапрошлом году, на Север. — А разве отпуск зимой бывает?

— Нинуля! — улыбнулась Оля. — Это наш папа старается, чтобы мы вместе поехали куда-нибудь, поэтому берет отпуск летом. Хорошо, что ему дают, а то знаешь, как другие: папа идет в одно время, мама — в другое, а дети едут в пионерлагерь...

— Да? А я думала, что отпуск бывает только летом.

— Я тоже думал, что только летом! — сообщил свою точку зрения до сих пор молчавший сын.

— Нет, Сережа! А ты, Ниночка, поедешь с папой в Калининград?

— Одна? — Нина уставилась на Олю, пытаясь понять, не шутит ли мама.

— Нет, почему одна? С папой!

— Но без тебя?

— Конечно. Мы с Сережей будем здесь, а вы немного развеетесь там... Как?

— Не знаю, — без особого энтузиазма ответила дочка. Ехать с одним папой, без мамы, ей казалось непривычным и, наверное, странным.

— Поезжайте, поезжайте. Отдохнете. Тебе после каникул в школу, а папе... — Оля замялась и виновато посмотрела на мужа. — А у папы, может быть, к тому времени все уладится с работой. Да, Андрюша?

— Конечно, Оля! Знаешь, мы поедем сначала...

Резкий звонок прервал начатую Андреем фразу.

— Сейчас, Андрюша! — Оля подошла к телефону, взяла трубку.

— Аллë! Аллë! — Немного подождала и снова попыталась окликнуть того, кто был на том конце провода: — Аллë! Аллë! Молчат! — Оля положила трубку. — Вот так и утром сегодня, когда ты был на работе, два раза звонили... Я: «аллë, аллë» — а они молчат. Может, с телефоном что-то... Правда, с мамой я разговаривала. Все в порядке было...

Вдруг, посмотрев на Андрея, она осеклась.

— Что, Андрюша? Что-нибудь не так?

Лицо Андрея, минуту назад не выражавшее какого-либо волнения, стало совершенно бледным, как будто он узнал или услышал нечто такое, что привело его в состояние крайнего смятения. Случайного телефонного звонка хватило, чтобы вернулись прежняя тревога и беспокойство.

— Андрей, что ты молчишь? Что случилось? Тебе плохо?

— Нет... Нет, Оля, все в порядке. Ты говоришь, молчат?

— Да, — удивленно посмотрела на мужа Оля.

— Оля! Оля, я прошу тебя... — Андрей посмотрел на дочку и добавил: — Ниночка, и ты тоже... Сережа! Я прошу вас, будьте очень осторожны. Вечером лучше не ходить на улицу. В лифт с чужими не садитесь. В общем, надо очень осторожно...

— Андрей, ты о чем? — Оля уловила недосказанность в словах мужа. — Мы и так ни с кем чужим не ездим в лифте. И вообще... Беспокоится не стоит.

— Стоит, Оля. Сегодня столько всякой швали вышло на улицу... Надо быть очень осмотрительными. Я прошу вас!

— Не беспокойся, Андрюша, все будет хорошо!

Весь остаток дня прошел без каких-либо неожиданностей, но Орлов подспудно ощущал гнетущее чувство ожидания чего-то плохого. Каждый раз, как раздавался телефонный звонок, он внутренне напрягался, словно могло произойти что-то непоправимое, ломающее привычные жизненные устои, грозящее нарушить сложившийся ход событий. Один раз звонила Валентина Васильевна, Олина мама, и они с полчаса делились своими новостями. Другой раз звонила какая-то не в меру активная женщина из родительского комитета по поводу очередного сбора денег на школьные нужды. И только поздно вечером раздался звонок, после которого Оля позвала мужа:

— Андрюша, возьми трубку! Тебя!

— Кто?

— Саша.

— Какой Саша?

— Да который у нас был! Не помню его фамилию.

— А! Ключевский?

— Да. Саша Ключевский.

Это был помощник госсекретаря. С ним Андрей познакомился еще в Белом доме в августовские дни, когда весь аппарат Бурбулиса представлял собой практически организационный штаб противодействия гекачепистам. Потом они с Андреем не раз встречались по разным поводам то на Старой

площади в бывшем здании ЦК, то на Лубянке. Почувствовав сразу определенную симпатию друг к другу, они с удовольствием общались, пытаясь оказать взаимную помощь в хитросплетениях послепутчевых событий.

Однажды Орлов и Ключевский договорились встретиться после работы у Андрея дома, часов в восемь вечера. Раньше, конечно, не получилось бы, потому что и тот и другой не могли вырваться до этого времени. В тот день они выехали поздно, в начале девятого. Оля уже несколько раз звонила и обеспокоено спрашивала, приедут ли они вместе, ведь у нее все уже было готово. В семье Орловых к приему гостей готовились заранее, и делать это умели.

Когда машина, на которой они неслись в Крылатское по резервной полосе, достигла Кутузовского проспекта, раздался сигнал радиотелефона. Дежурный передал срочное поручение Иваненко обоим вернуться на Лубянку. Они круто развернулись прямо посередине проезжей части и с той же скоростью понеслись обратно.

В этот день Орлов чуть было не улетел в Грозный, в котором начались крупные беспорядки, в результате которых было захвачено здание Комитета госбезопасности республики. Весь Российский комитет, можно сказать, стоял на ушах. Поток шифровок, непрерывные звонки по ВЧ и ОС, [\[166\]](#) формирование опергруппы для срочного вылета в Чечню. Сначала Иваненко решил отправить туда Орлова, видимо вспомнив его отчет о прошлогодней командировке в Душанбе сразу после массовых беспорядков. Но потом он почему-то передумал и сказал:

— Ты нужен мне здесь. Там другие справятся.

Но даже и после этого лихорадочное возбуждение у Орлова не прошло и он еще в течение некоторого времени чувствовал себя так, как, наверное, чувствует себя человек, летящий на борту Ан-2 и готовящийся совершить свой первый в жизни прыжок в бездну. Все это время в кабинете Иваненко находился и Ключевский, обеспечивавший постоянную связь со Старой площадью. И только когда опергруппа убыла на аэродром в Чкаловском, они смогли наконец покинуть здание на Лубянке.

Домой они приехали в двенадцатом часу ночи. Дети давно уже спали, а Оля, измучившись от ожидания, тоже прилегла и задремала.

— Ребята, что ж вы так поздно? Все давно уже остыло. Ну, садитесь. Я сейчас все подогрею.

В комнате был накрыт журнальный столик — три тарелки, рюмки, какой-то салат, соленые огурчики. Через десять минут они уже успели опрокинуть по рюмке и почувствовать, как по всему телу разливается тепло

и уходит куда-то напряжение последних часов. Саша тогда много и интересно рассказывал о чем-то, они смеялись, забыв о том, что на часах было далеко за полночь. Было легко и необычно беззаботно. Именно тогда Андрей почувствовал, насколько превратной может быть жизнь. Вместо того, чтобы сейчас сидеть за домашним столом, он мог в эту декабрьскую ночь уже подлетать к ошестинившемуся ненавистью Грозному. И одному Богу известно, как и что могло дальше быть.

Ключевский уехал где-то под утро на комитетской дежурной машине, а Андрей с Олей еще долго говорили о том, что последнее время редко встречаются с друзьями, что в следующем году им, может быть, все-таки удастся поехать всем вместе к морю, дюнам, соснам и романтическим развалинам старых прусских замков.

Обо всем этом Андрей вспомнил, когда Оля сказала, что его просит к телефону Саша. Взяв трубку, он услышал характерный, с едва заметной хрипотцой, голос Ключевского:

— Андрей, привет!

— Здравствуй, Саш!

— Ну как ты там? Чем занимаешься? Ты в отпуске?

— Да, с сегодняшнего дня. Но ты же меня знаешь! Дел у меня, как всегда, по горло. Вот сделал этажерку, причем, заметь — сам! Весь день провозился... Материалы знаешь, как сегодня трудно достать. А у нас тут всего полно. Прошел около дома, смотрю — лежит...

— Извини, Андрей! У меня к тебе дело.

— Дело? Какое? Я же уже не у дел! — наигранно весело сказал Орлов и усмехнулся, заметив, что у него получился словесный каламбур.

— Понимаешь? — Саша запнулся на мгновение. — Может быть, не по телефону...

— Хорошо. Но какое дело-то? Скажи хоть эзоповским языком.

— Да... с тобой хочет встретиться Зорькин. [\[167\]](#)

Орлов знал, что Зорькин был председателем недавно созданного Конституционного суда, который должен был рассматривать соответствие Конституции законов и решений руководства страны, если они противоречат ей — отменять их. Поэтому одного только упоминания о Зорькине Орлову было достаточно, чтобы понять, о чем идет речь. А она, конечно же, шла об указе Президента по поводу объединения госбезопасности и милиции в единое министерство с аббревиатурой МБВД.

— А я-то что могу, Саша? Я всего лишь бывший помощник бывшего генерального директора АФБ!

— Ну и что? Иваненко не будет. Он улетает завтра утром... Андрей, я больше у вас никого не знаю. Ну как?

— Саша, о чем речь? Нужно встретиться — я встречусь. Когда и где?

— Завтра в десять на углу Ильинки и Новой площади. Знаешь?

— Знаю. Хорошо, я буду.

— Только... ты понимаешь...

— Все ясно... Не беспокойся. До завтра.

— До завтра. Передавай Оле привет.

— Спасибо. Пока!

Андрей еще некоторое время сжимал в руке трубку, все еще обдумывая то, что сказал Ключевский. Он понимал, в какое опасное дело ввязывается. Президент принял решение объединить две мощные структуры сил безопасности. Большинство сотрудников МВД с нескрываемой радостью восприняли это, вполне обоснованно считая, что наконец будет покончено с привилегированным по отношению к ним положением чекистов. Сотрудники же госбезопасности, в определенной степени деморализованные после августовских событий, уже смирившиеся с раскассированной системы на несколько самостоятельных служб, восприняли это решение как неизбежное зло, хотя, в какой-то мере позволяющее сохранить остатки былой мощи, пусть хоть в урезанной и несамостоятельной форме. Воодушевление одних и подавленность других — это те настроения, которые царили в последние декабрьские дни 1991 года.

— Андрюш, что он хочет? — Оля встревожено смотрела на Андрея, на лице которого явно отражались противоречивые чувства после разговора с Сашей. Женщина вообще очень хорошо улавливает настроение мужчины. А любящая женщина, жена — тем более. — Ты уже в отпуске. Чего они тебя беспокоят?

— Оля! Ты что? Меня просят встретиться с одним человеком...

— Андрюша, не надо! Я прошу тебя! Я боюсь! Я чувствую какую-то опасность. То эти звонки, то Кузин, то теперь вот Ключевский. Не надо! Скажи, что ты завтра уезжаешь!

— Нет, Оля, я не могу. Понимаешь, мне...

Она прильнула к Андрею, казавшемуся по сравнению с ней большим и высоким, обняла его за талию, прижала свою голову к его груди. Он стал поглаживать ее волосы, шептать в ухо какие-то успокаивающие слова. Он всегда делал так, если жена беспокоилась о чем-нибудь.

— Оля, я встречусь завтра с человеком. Понимаешь, это очень нужно. А на следующей неделе можно брать билеты в Калининград. Понимаешь?

— Понимаю, Андрюшка! Вечно тебе приходится...

29 декабря 1991 года, день.

Москва. Административное здание в центре города

Встреча была скоротечной. И не с самим Зорькиным, а с его помощником. Причем каждый — и Ключевский, и Орлов, и помощник, которого звали Виктором Андреевичем Заргаровым, — понимал, что они все немного рискуют. Оспаривать указ Президента — дело неблагодарное, тем более, если этот указ касается спецслужб, а продвигался очень влиятельными и близкими к Президенту людьми. В какой-то степени это означало выступать против решения главы государства, а значит, встать в явную оппозицию к нему. Ключевскому, который работал у Бурбулиса, это грозило большими неприятностями, а для Орлова, который уже в течение нескольких дней находился не у дел и мог еще надеяться получить какую-нибудь должность в МБВД, могло закончиться изгнанием со службы в органах. Правда, последнее могло произойти и без участия Орлова в противодействии президентскому Указу. Просто выгнали бы, да и все. Впрочем, и у Виктора Андреевича, наверное, были свои резоны не афишировать эту встречу.

Беседовали они в каком-то коридоре, справедливо считая, что это самое надежное место, чтобы сказанное осталось строго между ними. Виктор Андреевич настаивал на немедленной встрече с Зорькиным, потому что тот якобы готов принять к рассмотрению Конституционным судом указа Президента об объединении КГБ и МВД. Причем настрой его был явно не в пользу этого указа. Чтобы сориентироваться в обстановке и конкретных вопросах, связанных с объединением, он и хотел пообщаться с кем-нибудь из чекистов. Но, естественно, никого там не знал, а встречаться с руководством объединенного ведомства не решался, потому что не был уверен в том, что оно разделяет его настроения. Саша Ключевский знал Орлова и его точку зрения по поводу объединения и именно поэтому рекомендовал его для встречи с Зорькиным.

— Виктор Андреевич, я ведь всего лишь бывший помощник. Думаю, что Зорькину надо встречаться с заместителем Иваненко, который остался за него...

— А кто это?

— Станислав Анатольевич. Очень опытный человек. Работал по линии борьбы с организованной преступностью. Сейчас он исполняет

обязанности... Передает дела, помещения... ну там всякое такое...

— Хорошо. Когда вы сможете это организовать?

— Сегодня. Сейчас же пойду на Лубянку, переговорю с ним... Дайте ваш телефон, я тут же вам перезвоню.

— Договорились.

— А это, — Орлов протянул несколько листов бумаги, сложенных вдвое, — справка, в которой приведены аргументы против объединения двух ведомств. Готовили наши юристы и люди, которые хорошо знают эту проблему.

— Спасибо, это нам очень пригодится.

На этом, собственно говоря, разговор в коридоре был закончен, и его участники, чтобы не привлекать особого внимания, по отдельности покинули здание. Ключевский пошел в здание Администрации Президента к первому подъезду, Виктор Андреевич отправился к председателю Конституционного суда, а Орлов, пройдя по подземному переходу рядом с Политехническим музеем, поспешил к зданию с непривычным названием «Министерство безопасности и внутренних дел».

29 декабря 1991 года, день.

Москва. Лубянская площадь. Здание МБВД России

— Вам что, делать нечего? Чего вы лезете во все дырки?! — услышал с изумлением Орлов упреки в свой адрес после того, как рассказал оставшемуся за Иваненко Станиславу Александровичу о своей встрече с помощником председателя Конституционного суда. — Кто вас уполномочивал вести переговоры на эту тему?

Не ожидая такой реакции, Орлов не знал, что ответить. В самом деле, он действовал на свой страх и риск, ни с кем не согласовывая свои слова и поступки. Ему казалось совершенно очевидным, что руководители упраздненного российского АФБ тут же включатся в процесс пересмотра указа Президента. Кому, как не им, было понятно, что объединение приведет не только к размыванию сфер деятельности и ответственности, но и станет началом конца самой мощной системы безопасности, самой действенной и авторитетной спецслужбы в мире, какой был Комитет государственной безопасности.

— Я еще раз спрашиваю: кто уполномочил вас вести переговоры?

— Никто, Станислав Александрович. Я сам посчитал...

— Да кто ты такой, чтобы считать? — переходя на «ты», уже не

говорил, а кричал бывший заместитель Иваненко. — Какого хрена ты... Ну ушел в отпуск, так гуляй! Отдыхай! Чего тебе...

— Станислав Александрович, я думал... — пытался вставить хоть одно слово Орлов, но исполняющий обязанности не давал ему это сделать.

— Мне плевать на то, что ты думал! Мне вообще безразлично, о чем ты думаешь! Я тут отбиваюсь от... — он даже задохнулся от гнева, — а еще ты тут со своими...

— Но, Станислав Александрович, если сейчас не использовать это...

— Хватит! Не втягивай меня в эту авантюру! Без тебя знаем, кому чем заниматься!

Еще минуту назад, буквально влетев в кабинет исполняющего обязанности, Орлов был окрылен надеждой изменить ход событий. У него не было даже и тени сомнения в том, что Станислав Александрович одобрит его действия. И уж в чем он совершенно не сомневался — так это в том, что он пойдет на встречу с Зорькиным, так как именно она давала шанс пересмотреть ошибочное решение и спасти систему от окончательного разрушения. Грубая отповедь, которую услышал Орлов из уст исполняющего обязанности, повергла его в шок. Теперь он действительно не знал, что делать, как поступать, как дальше работать.

— Станислав Александрович, я прошу вас позвонить...

— Никуда я звонить не буду! Мне и так хватает! Иди домой и больше не появляйся здесь! Понял? А то на тебя уже столько всего есть! — Видимо почувствовав, что сказал лишнее, он умолк.

Орлов как вкопанный стоял перед массивным столом, заваленным бумагами, и даже не мог пошевелиться. Потрясенный сказанной в его адрес тирадой, он молчал, не постигая до конца смысла услышанного. Ему не только предлагали убираться вон, но и явно намекали, что против него есть какие-то компрометирующие материалы. И это звучало как угроза.

Выдержав паузу, но увидев, что Орлов не стронулся с места, Станислав Александрович зло сказал:

— Все! Разговор окончен. Вы свободны!

— Есть!

Орлов по-военному повернулся и пошел к двери.

— Андрей, я советую тебе — не ввязывайся в это дело! Уезжай в отпуск! — проговорил вслед исполняющий обязанности. Орлов ничего не ответил и даже не обернулся.

Он тихо прикрыл дверь кабинета, так до конца и не придя в себя после всего услышанного. «Что же теперь делать? К кому идти? Что ответить Заргарову и Саше Ключевскому? И что теперь будет дальше с Комитетом?

Ведь, если не использовать этот шанс, наверное последний, тогда...» Думать о том, что будет тогда, Андрею не хотелось.

Орлов зашел в бывшую приемную Иваненко. Дежурный еще находился на месте, но кабинет был уже освобожден и закрыт на ключ. Ларисы тоже не было видно. Похоже, что и ее Иваненко отправил в отпуск.

— Что слышно? — спросил Орлов у поднявшегося из-за стола офицера.

— Да, ничего, Андрей Петрович. Виктор Валентинович уехал. Кабинет сегодня утром проверили и вот... закрыли. Сотрудников по очереди приглашают на собеседование в дом один-три.

— А кто-нибудь из руководства еще есть?

— К трем обещал подойти Ямпольский.

— Хорошо. Спасибо. Ну пока! Даст бог — свидимся!

Офицер пожал Орлову руку и горько улыбнулся:

— До свидания, Андрей Петрович!

Совершенно иным получился у Орлова разговор с другим бывшим заместителем Иваненко — с Валерием Борисовичем Ямпольским.

Энергичный, всегда полный каких-то планов и замыслов, ироничный и напористый, он, казалось, совершенно не изменился под влиянием происходящих событий. В аккуратном костюме, тщательно выбритый, всем своим видом он производил впечатление уверенного в себе человека. Собственно говоря, это так и было. Валерий Борисович отличался очень активной жизненной позицией, явно выраженным холерическим темпераментом, решительным, даже немного авантюрным, характером. Иначе — чем было можно объяснить его смелое выступление на Всероссийском совещании, где он не побоялся критиковать руководство союзного комитета и выразить свою полную солидарность с позицией Иваненко?

— Так что ты говоришь, Зорькин хочет со мной встретиться?

— Не именно с вами, а с кем-нибудь из Российского комитета.

— Так. А Станислав Александрович, значит, отказался?

— Отказался.

— Не объяснил почему?

— Нет.

Орлов не стал пересказывать Ямпольскому содержание разговора с исполняющим обязанности. Нет, не потому, что не хотел выглядеть в его глазах обличителем или жалобщиком. Просто ему не хотелось еще раз переживать то ощущение предательства общего дела, которое он испытал несколько часов назад. Впрочем, Орлов допускал, что у Станислава

Александровича могли быть какие-то неизвестные ему мотивы, чтобы отказываться от встречи с председателем Конституционного суда. Ведь ему самому не раз приходилось ходить по самому краю, рисковать не только должностью, но и жизнью. Доля руководителя, в ведении которого находятся нити борьбы с организованной преступностью, очень не проста. Любое невыверенное движение или ошибочное решение чревато самыми тяжелыми последствиями, в том числе и для него самого.

Ямпольский без проволочек связался с помощником Зорькина и договорился о встрече. Положив трубку, он заговорщически подмигнул Орлову и, посмеиваясь, сказал:

— Ничего, прорвемся! Если не победим, то хотя бы пошумим! Езжай в свой Калининград и читай газеты!

Они расстались. Впервые за этот день Орлов испытал некоторое облегчение. Все-таки есть люди, способные на поступок! А это значит, что еще не все потеряно.

Спустя шесть дней депутаты Верховного Совета, среди которых было немало трезвых голов, способных оценить пагубность принятого Президентом решения об объединении двух структур, приняли соответствующее постановление.

ДОКУМЕНТ:

«Постановление Верховного Совета РСФСР
№ 3006 от 26 декабря 1991 года

***«Об Указе Президента РСФСР «Об образовании
Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР»***

«Рассмотрев Указ Президента РСФСР «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР» от 19 декабря 1991 г. № 289, Верховный Совет РСФСР отмечает, что при подготовке данного Указа нарушен порядок представления нормативных актов, определенный пунктом 3 Постановления Верховного Совета РСФСР «О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств», не соблюдены положения пунктов 9 и 16 статьи 109 Конституции РСФСР.

Верховный Совет РСФСР постановляет:

1. Предложить Президенту РСФСР отменить действие Указа № 289 в части, касающейся объединения МВД и АФБ РСФСР.

2. Для взаимодействия органов законодательной и исполнительной властей по вопросам обеспечения безопасности Российской Федерации ускорить создание Совета Безопасности России. Включить в повестку для текущей сессии Верховного Совета РСФСР рассмотрение проекта закона о Совете Безопасности России в первом чтении.

3. Соответствующим комитетам Верховного Совета РСФСР сформировать на паритетных началах парламентскую комиссию для создания правовой базы контрольных функций Верховного Совета РСФСР за деятельностью правоохранительных органов и органов разведки. Комитетам Верховного Совета РСФСР совместно с Правительством РСФСР к 22 января 1992 года разработать и представить Верховному Совету РСФСР предложения по реорганизации этих органов».

Прибывший на Лубянку на свое первое совещание в качестве министра объединенной структуры Баранников дал понять, что никакого сопротивления принятому решению не потерпит.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Баранников безапелляционно подтвердил, с усмешкой оглядывая зал:

— Есть решение высшего руководства страны о создании новой структуры. И мы ее создадим, несмотря на трудности и происки противников.

Помолчал мгновенье, усмехнулся еще злораднее и открытым текстом заявил:

— Думаете, не знаю, что у вас происходит? — У «нас» еще говорить не научился. И не успеет. — Хочу только предупредить всех подписантов, что у меня в Матросской Тишине^[168] камеры заняты еще не все...»

(С.Н. Алмазов, начальник Главного управления по борьбе с организованной преступностью АФБ России. «Налоговая полиция: создать и действовать». Москва, 2000 год).

Надо полагать, Виктор Павлович Баранников не собирался бросать слова на ветер и всем, кто участвовал в кампании против объединения АФБ с МВД, включая Орлова и его товарищей, могло очень не поздоровиться. И

Андрей смог в этом убедиться спустя несколько месяцев, когда Баранников, подписывая приказ о его назначении на должность заместителя начальника Оперативного управления, сказал:

— А я ведь знаю, что ты тут выступал против меня! Готовил гадость всякую... Смотри, если еще что узнаю, посажу на х...!

«Держать на компре» — это был любимый прием Баранникова, которым он пользовался на протяжении своего непродолжительного пребывания во главе Министерства безопасности Российской Федерации. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что Виктор Павлович, реформируя органы безопасности, не нанес им какого-либо существенного урона. По крайней мере, не более того, к чему привели несколько месяцев уходящего 1991 года.

3 января 1992 года, день.

Москва. Крылатское

После Нового года, когда у Орлова уже были куплены билеты на поезд, в квартире снова зазвонил телефон. Опять первой подошла Оля и, окликнув Андрея, передала ему трубку. Звонил Ямпольский.

— Андрей Петрович, можешь сейчас приехать?

— Могу. А что?

— У нас тут все закрутилось. Надо встретиться.

— Валерий Борисович, а машину не пришлете?

— Да откуда? Все уже отобрали. Добирайся на метро.

— Буду через... — Орлов посмотрел на часы, оценив свои возможности, — ...через полтора часа. Не поздно?

— Нет, в самый раз. Наши как раз подъедут к этому времени. Да, кстати! Возьми стольник!

— Что-о?

— Сто рублей, говорю, возьми! Понял?

— Понял. А зачем?

— Ну надо. Давай, ждем!

Ямпольский повесил трубку, а Андрей в недоумении уставился на Олю.

— Что там, Андрюш? Опять что-нибудь произошло?

— Да нет, все в порядке.

3 января 1992 года, день.

Москва. Посольство США

Господин Белчер, все сложилось абсолютно по тому сценарию, который спрогнозировали наши специалисты. Теперь есть почти полная уверенность в том, что с КГБ в ближайшее время будет покончено окончательно. Если этот монстр будет ликвидирован, я и мои парни можем считать, что время, проведенное здесь, в России, не прошло даром! Я считаю, сэр, что нашей заслугой...

— Дэвид, прежде чем говорить о заслугах, давайте лучше дождемся развала КГБ. Я думаю, что вы слишком торопитесь с выводами. Во-первых, объединение КГБ и МВД еще не означает ликвидации самой контрразведки. Сейчас, по нашим данным, и на Лубянке, и на Житной проводятся активные консультации о том, как будут функционировать эти структуры под общей крышей...

Под общей вывеской, сэр! — вставил Дэвид. — Это будет всего лишь общая вывеска, потому что чекисты никогда не уживутся с сотрудниками МВД. Вы же знаете, у них давно уже идет тихая война друг с другом. Раньше ГБ была в привилегированном положении, теперь — ВД^[169]. А поскольку последних больше, да и они, как бы это сказать... пожестче будут... чекистам придется...

— Еще раз говорю вам, Дэвид, не торопитесь! Вы правы, что это объединение, безусловно, ослабит их контрразведку. Но говорить о ликвидации — значит выдавать желаемое за действительное! Вы же сами мне докладывали о Баранникове. Он не тот человек, который будет все ломать и корезить. Это же не Бакатин!

Упомянув о Бакатине, Белчер усмехнулся:

— Вы знаете, что сказал по этому поводу наш Президент?

— Знаю.

— Но я вам все-таки напомним, Дэвид.

Белчер открыл одну из папок, лежащих на столе, достал несколько скрепленных между собой листов бумаги с сообщениями информационных агентств. Поводив рукой по строчкам, часть из которых была размалевана ярко-желтым маркером, он прочитал:

— «Успех в борьбе против коммунизма не означает, что работа ЦРУ завершена. Мы не собираемся ликвидировать наши разведывательные возможности, создать которые нам стоило стольких трудов...»

— Я понимаю, господин Белчер. Но объединение решило еще одну, я считаю, очень важную проблему.

— Вы имеете в виду роспуск АФБ?

— Да, именно. Мы ведь много работали в этом направлении. Теперь объединение происходит на основе бакатинской структуры. А быстро набравшая обороты российская спецслужба и ее люди оказались выброшены за борт. Ее фактическая ликвидация, по нашему мнению, приведет к тому, что многие молодые сотрудники уйдут из КГБ. Ведь вы знаете, какие там были трения!

— Дэвид, фронт вашей деятельности может расшириться! — Белчер хитро посмотрел на него. — Среди них могут оказаться обиженные, а обида — очень сильное чувство! Возьмите на заметку всех, кто нам может быть интересен!

— Уже делаем, сэр!

— Вы молодчина, Дэвид! И не забывайте главное: мы не должны снижать темпа! Сейчас в России происходят такие глобальные кадровые изменения, что нашей стратегической задачей становится использовать все эти благоприятные факторы для внедрения в органы государственного управления наших людей. Молодых, амбициозных, не отравленных коммунистическим ядом, свободных от нравственных терзаний. Именно такие люди помогут распространить здесь подлинно американский образ жизни, отказаться от мифов коммунизма, принять ценности демократии и цивилизованного рынка. Именно они с течением времени превратят Россию в демократическое государство, интегрированное в мировое сообщество. Это государство вынуждено будет признать лидирующую роль США и стать для нас неиссякаемым сырьевым источником и рынком сбыта!

Наверное, почувствовав избыточный пафос своего монолога, Белчер поспешил закончить разговор.

ИНФОРМАЦИЯ: «Дэвид... решил воспользоваться революционной атмосферой в Москве и развернуть агрессивную вербовочную кампанию. В неразберихе, последовавшей за крахом путча, слежка в Москве практически прекратилась. Впервые с момента начала «холодной войны» работники ЦРУ могли ходить и ездить по Москве, встречаться с русскими чиновниками, не опасаясь разоблачения и ареста...

Еще пять месяцев назад работники ЦРУ опасались магической возможности КГБ вести за ними всеобъемлющую, так называемую ультраконспиративную слежку. Теперь работники ЦРУ в Москве, подготовленные по полной программе, — «палок и кирпичей», тайников, сигналов мелом на

стенах, кратковременных радиопередач — могли просто позвонить своему русскому контактёру и пригласить его на ланч.

...Оперативные работники отмечали, что после провала путча московские чиновники охотно шли на контакт, высказывали свои оценки и мнения, которые, как они считали, стоило довести до Вашингтона, особенно если с этим было связано бесплатное угощение в ресторане...»

(М. Бирден, руководитель отдела ЦРУ США. «Главный противник». Москва, 2004 год).

Только когда Дэвид поднялся с кресла и собрался уходить, он спросил, как бы спохватившись:

— А правда, что какие-то депутаты и сотрудники КГБ хотят обратиться в Конституционный суд, чтобы он пересмотрел указ Ельцина об объединении КГБ и МВД?

— Да, сэр, есть такие сведения. Но мы полагаем, из этого ничего не получится. Ельцин вряд ли отменит свое решение, а суд этот не захочет с ним портить отношения. Это несерьезно!

— О'кей! Встретимся в среду в «нашей комнате»! И помните: в Вашингтоне ждут от вас очень активной работы!

3 января 1992 года, день.

Москва. Лубянская площадь. Здание МБВД России

Когда Орлов зашел в кабинет Ямпольского, там было уже человек пять-шесть из бывшего Российского комитета. Почти все курили, и в комнате стоял столб сизого дыма. Орлов, поздоровавшись с коллегами, тоже с удовольствием закурил.

— Ну что, все собрались? Так вот, братцы, наше дело принимается к рассмотрению Конституционным судом. Это будет его самое первое дело, и, мне кажется, мы его выиграем!

Все находившиеся в кабинете встретили это известие одобрительными возгласами, вроде «Ничего себе!», «Ну, Валерий Борисович, молодец!» Но Ямпольский сделал останавливающий жест рукой, как бы призывая не спешить с реакцией. Все еще впереди, и решение рассмотреть на заседании Конституционного суда законность объединения двух ведомств — это пока только намерение.

— Но, ребята, еще один есть вопрос.

— ???

— Чтобы Конституционный суд принял к рассмотрению это дело, нужно заплатить пошлину — тысячу рублей. Придется нам скинуться. Каждому по сотне. Нас здесь... — он окинул взглядом всех, — семь человек. Вот уже семьсот есть! Деньги-то все принесли?

— Да... Принесли!

— За Валентиныча я заплачу. Кто может внести за отсутствующих?

— Я, — сказал один.

— Я тоже смогу, — проговорил другой.

— У меня тоже, по-моему, две сотни найдется! — Орлов стал копаться в бумажнике. До второй сотни не хватало нескольких рублей, и остальные скинулись, кто бумажками, кто мелочью.

— Ну вот и хорошо! Родина вас не забудет! — весело проговорил Валерий Борисович.

— И ЧК тоже! — добавил кто-то.

В тот вечер они, семеро сотрудников расформированного Российского комитета госбезопасности, собравшиеся в последнем оставшемся от этой спецслужбы кабинете, еще не знали, что спустя одиннадцать дней Конституционный суд, рассмотрев свое первое «дело», отменит пресловутый указ об образовании МБВД, как противоречащий Конституции, а Верховный Совет России и практически вся общественность страны встретят это решение с одобрением.

ДОКУМЕНТ:

Постановление Конституционного Суда РСФСР № 1-П-У от 14 января 1992 года «По делу о проверке конституционности Указа Президента РСФСР от 19 декабря 1991 года № 289 «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР»

«...Разделение и взаимное сдерживание служб государственной безопасности и внутренних дел обеспечивает конституционный демократический строй и является одной из гарантий против узурпации власти. Указ Президента РСФСР от 19 декабря 1991 года, объединяя функции охраны государственной и общественной безопасности, противоречит ряду законов РСФСР, содержание которых обеспечивает соблюдение установленного в Российской Федерации разделения властей, создает систему сдержек и противовесов, направленных

в конечном счете на охрану конституционных прав и свобод граждан, конституционного строя в целом...

Соединяя на постоянной основе функции ведомств внутренних дел и государственной безопасности, Указ Президента РСФСР от 19 декабря 1991 года вступает в противоречие с Законом РСФСР от 17 мая 1991 года «О чрезвычайном положении», статья 18 которого допускает соединение этих служб путем создания совместного оперативного штаба лишь в исключительных случаях, при введении чрезвычайного положения в связи с попытками насильственного изменения конституционного строя, массовыми беспорядками и т. п. Решение об этом может приниматься только по поручению Верховного Совета РСФСР, оформленному его постановлением...

Сохраняя в создаваемом объединенном Министерстве безопасности и внутренних дел функцию следствия, Указ тем самым не соответствует Постановлению Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1, которым одобрена Концепция судебной реформы, предусматривающая необходимость отделения оперативно-розыскных служб от следственного аппарата и организационного выделения следственного аппарата из структур прокуратуры МВД и АФБ (КГБ).

Следовательно, Президент РСФСР, издав Указ от 19 декабря 1991 г. № 289, противоречащий названным законодательным актам, превысил предоставленные ему полномочия...

На основании вышеизложенного и руководствуясь пунктом б части первой статьи 62, пунктом 2 части первой статьи 64 и частями второй, четвертой, пятой статьи 65 Закона РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР», Конституционный Суд РСФСР постановляет:

Признать Указ Президента РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 289 «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР» не соответствующим Конституции РСФСР с точки зрения установленного в Российской Федерации разделения законодательной, исполнительной и судебной властей, а также закрепленного Конституцией РСФСР разграничения компетенции между высшими органами государственной власти и управления РСФСР.

В соответствии со статьями 49, 50 Закона РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» данное Постановление вступает в силу немедленно после его провозглашения, является окончательным и обжалованию не подлежит».

Объединенного ведомства по типу НКВД так и не получится. Чекисты останутся самостоятельными. Только их ведомство будет именоваться Министерством безопасности, которое 18 января возглавит близкий к Президенту Баранников. А сотрудники милиции так и будут продолжать служить в системе Министерства внутренних дел, руководителем которого станет бывший заместитель министра Ерин. Да, тот самый Ерин, с которым Орлов и Бабусенко пили черный кофе

19 августа 1991 года.

12 января 1992 года, день.

Пригород Калининграда

Дорога на развилке поселка была абсолютно разбитой. Даже издававший виды уазик подпрыгивал на выбоинах и натужно ревел мотором, преодолевая очередное препятствие. Вокруг стояли полуразбитые сараи под черепичной крышей, лежали припорошенные снегом кучи мусора, каких-то полусгнивших ящиков, остатки ржавой арматуры, остовы брошенных несколько лет назад сельскохозяйственных машин и тракторов.

— Андрей, а мы туда едем? — спрашивал калининградский коллега Николай, постыдно смахивающий на Чубайса.

— Туда, туда! Я же эти места хорошо знаю!

— Ну и дорога! — время от времени восклицала Нина.

Андрей с дочкой уже две недели находились в Калининграде: они бродили по самым «злачным» местам — сохранившимся развалинам, бункерам, оборонительным валам. Они осматривали кирхи с остроконечными шпилями, многие из которых были превращены либо в гимнастические залы, либо в склады, ходили вдоль покрытого льдом Верхнего озера и Нижнего пруда, бродили среди старинных особняков Кутузовского проспекта.

В этот последний день своего пребывания на Балтике они вместе с Николаем, который работал в местном Управлении госбезопасности, выехали на окраину Калининграда, чтобы посмотреть то, что осталось от

бывшего имения Эриха Коха, гаулейтера Восточной Пруссии. Более двадцати лет назад Орлову довелось работать здесь в экспедиции, которая искала Янтарную комнату. тогда саперы обнаружили в озере рядом с остатками господского дома и подземного бункера множество боеприпасов — снарядов, авиационных бомб, фаустпатронов. Пожалуй, это были единственные серьезные находки на данном поисковом объекте, хотя сюда, на место бывшего имения, были брошены большие силы — геофизики, десятки солдат и землекопов, экскаватор, канавокопатель. Приезжал из Ленинграда даже профессор Баженов, который с помощью метода биолокации пытался обнаружить в толще земли какие-нибудь аномалии. Но все безрезультатно.

Сейчас, в середине января 1992 года, место, где когда-то располагалось имение, было заснеженным и пустынным. Голые деревья и кусты подчеркивали запустенье. Какие-то покосившиеся сараи, повалившиеся заборы, торчащие из земли проржавевшие трубы — все говорило о заброшенности хозяйства, о том, что до него никому нет дела.

Они шли вдвоем по дорожке, по краям которой росли высокие деревья. Несколько неказистых одноэтажных домов, расположенных вдоль дорожки, дополняли окружающий пейзаж. Несмотря на то, что был январь, погода держалась чуть ниже нуля. Совершенно не по-зимнему теплые солнечные лучи напоминали о том, что за долгой зимой будет обязательно весна. Об этом же говорили и подернутые тонким ледком лужи, сверкавшие на солнце и казавшиеся осколками зеркала, разбросанными кем-то вдоль дороги.

— Ой, папа, что это? — Нина указала рукой на верхушки оголенных деревьев. Посмотрев туда, куда указывала дочка, Андрей увидел среди переплетения ветвей какие-то шарообразные комки. Приглядевшись, он увидел, что они слегка отдавали зеленоватым цветом, выделяясь из-за этого на фоне серых веток. Андрей никогда не видел такого растения или не обращал на него внимания. Во всяком случае он не знал, как оно называется.

— Это омела! — уверенно сказал Николай. — Сорняк такой. Растет на деревьях.

— Омела? — удивленно в один голос спросили Андрей и Нина. — Какое странное название!

— Да у нас тут в Калининграде ее много. Разве вы не видели еще?

— Да нет, как-то не обращали внимания.

— А вот она, смотрите! — Николай указал на моток переплетающихся веточек, лежащий прямо на земле рядом с дорогой. Видно, от порывов

ветра или по какой-то другой причине кустик омелы оторвался от дерева и упал вниз.

Нина подобрала странное растение с деревянистыми ветвями и бережно несла всю дорогу, пока они гуляли по бывшему имению, и потом, когда возвращались в Калининград, прижимала к себе этот странный букет с жесткими листьями. Ей, видимо, показалось удивительным среди зимы найти такое экзотическое растение, которое к тому же живет в кронах деревьев.

— Пап, а мы возьмем омелу домой?

— Возьмем, конечно!

— А она будет у нас расти?

— Ну, Нин, я этого не знаю. Я же не ботаник.

— Может, будет.

— Может.

Она прижимала к себе этот странный пучок веток, как будто это огромная ценность. Она вообще была впечатлительным ребенком, и каждая необычная вещь ее не просто интересовала, а всецело завладевала ее вниманием и настроением. Она смотрела на омелу как на сокровище, ниспосланное ей каким-то волшебником, которое она сможет привезти домой и разместить среди других диковинных вещей — пучка ягеля, этого удивительного северного мха, ракушек, маленьких фигурок и всякой другой всячины, которую собирают девчонки в десять лет.

Потом, когда Андрей с дочкой обедали у Одинцовых, старых калининградских друзей, Нина несколько раз подходила к подоконнику, на котором в большой вазе лежала омела, как будто хотела проверить, на месте ли ее богатство. Наверное, она уже представляла, как привезет омелу в Москву, покажет ее маме и водрузит в своей комнате на самое видное место, чтобы все с удивлением спрашивали ее: «А что это такое?» Нина тогда бы серьезно говорила: «Это — омела. Мы с папой привезли ее из Калининграда».

За разговорами у друзей время прошло незаметно. Приветливая Любовь Сергеевна все сокрушалась, что гости мало едят, и подкладывала то отварной картошечки, то селедочки, то соленых огурчиков с помидорчиками. А потом, вдруг взглянув на часы, все страшно засуетились. До отправления поезда оставалось сорок минут. Служебная комитетская «Волга» стояла уже под окнами. Наскоро собравшись и прихватив с собой гостинцы в виде аккуратно упакованных двух стеклянных банок варенья и дефицитных наборов рыбных консервов из фирменного магазина «Дары моря», они устремились на вокзал.

Поцелуи, объятия и приветы на фоне гулко-го звучания станционных объявлений, а потом — медленно проплывающее за окном здание вокзала, мягкое, едва заметное покачивание вагона, характерный стук колес на многочисленных стрелках. На смену станционной сумятице пришло уравновешанно-благодарное настроение пассажиров скорого поезда, дающего всем немного времени для того, чтобы, оторвавшись от привычной суеты, задуматься о прошлом и предаться размышлениям о будущем.

Андрей с дочкой оказались в купе одни. Возможно, дальше, где-нибудь в Черняховске или Вильнюсе, кто-то и должен был к ним подсесть, но пока они ехали вдвоем. Уютно поскрипывал вагон, мерно перестукивались между собой колесные пары, а за окном мелькали заснеженные поля, темные пятна кустов и деревьев, редкие дома под черепичной крышей.

Поезд все больше и больше удалялся от Калининграда, возвращая Орлова к тому, от чего он уезжал две недели назад, — к московским тревогам, смутным предчувствиям, опасности. Кроме жены и сына в столице их никто особенно не ждал: от новых руководителей министерства приглашения на работу после роспуска российской госбезопасности ожидать практически не приходилось, бывшие сослуживцы были заняты устройством собственной судьбы, друзья и товарищи сами находились в состоянии неопределенности. Орлов пытался выстроить цепочку своих рассуждений о том, как следует теперь действовать, но у него ничего не получалось. Все путалось в голове: омерзительные и полные угроз встречи с Кузиным и незнакомыми типами у здания на Лубянке, усталое лицо Иваненко и сочувственный взгляд дежурного уже несуществующей службы, окрик одного из начальников «На тебя уже столько всего есть!» и смятая сторублевка, которая должна была сохранить в России Конституцию и Закон.

Вдруг Орлов услышал какой-то сдавленный стон. Оторвавшись от своих мыслей, он посмотрел на дочь. Нина глядела на него такими несчастными глазами, что Андрей растерялся.

— Ниночка, что? Что с тобой?

— Омела! — едва слышно прошептала дочь. — Омелу забыли!

Глаза ее наполнились слезами, лицо вдруг резко покраснело. Она закрыла его руками, и Андрею показалось, что заплакала.

— Ну что ты, Ниноля! Не надо! Не переживай!

Он пересел на ее полку, обнял дочку за худенькие плечи, прижал к себе. А та, стараясь погасить сдавленные рыдания, все не отпускала руки от лица. Это было настоящее детское неутешное горе! Полюбившийся ей

экзотический кустик, который она так бережно несла всю дорогу, пока они гуляли в бывшем имении Коха, и потом по городу, и у Одинцовых, вдруг остался позади, а поезд уносил ее все дальше и дальше от бесценной находки. И сделать уже было ничего нельзя. Безысходность порождает в человеке очень сильное уныние, которое удастся преодолеть далеко не всем. Андрей, как мог, успокаивал Нину.

— Ниночка, не плачь! Ничего! Это не самая большая в жизни потеря! Их еще знаешь, сколько будет! Побереги слезы! Они еще понадобятся!

Она долго не опускала рук от заплаканных глаз, всякий раз чуть кивая головой в ответ на успокаивающие слова отца. И только Когда Андрей слегка отстранил ее руки, посмотрела на него. В глазах дочери было столько страдания и горести, что Андрей вдруг подумал: «Вот оно — настоящее несчастье! На каждом жизненном повороте оно свое».

Они еще долго сидели молча, прижавшись друг к другу, и смотрели в окно, за которым уже заметно вечерело. Стучали колеса, поскрипывал вагон, слышался размеренный гул разговоров в соседних купе, где-то позвякивали ложки в стаканах. Проводница уже, наверное, начала разносить чай.

13 января 1992 года, утро.

Москва. Крылатское

С самого утра за окном шел снег. Потом поднялся сильный ветер и с высоты тринадцатого этажа практически ничего не стало видно. Пелена снега застилала прекрасный пейзаж, открывающийся из квартиры Орловых. Ни холмов, ни заснеженных велодорожек, ни лесочка вдоль большого оврага, ну и уж, конечно, ни гребного канала с велотреком — ничего этого видно не было. Снежинки, попадая в струи ветра, разбивались о сходящиеся стены двадцатидвухэтажного дома крестообразной формы, вдруг меняли направление движения и начинали лететь снизу вверх. Это было очень странно видеть, но Оля уже не удивлялась. Вторая зима, которую они жили в Крылатском, приучила их не изумляться необычным климатическим явлениям этого самого западного района Москвы.

На кухне по радио передавали отрывки из спектакля «Затерянный мир» Конан-Дойля, и хотя Оля, конечно, читала эту книгу, слушала радиоспектакль с интересом. Она вообще любила слушать радиопостановки. Даже больше, чем смотреть фильмы. Может быть потому, что, слушая голоса актеров, она сама представляла, как

развиваются события, как выглядят главные герои, какая обстановка их окружает. А фильм всегда навязывает взгляд того, кто его снимает, — сценариста, режиссера, оператора, художника.

Сегодня должны были вернуться из Калининграда Андрей с Ниной. Вчера муж сообщил об этом, позвонив от Одинцовых. Оля собиралась поехать вместе с Сережей на вокзал, чтобы встретить мужа с дочкой. Поэтому она сегодня в хорошем настроении встала рано и самого утра начала хлопотать на кухне. Сперва она отварила курицу и, намазав ее аджикой, поместила в духовку на противень, усыпанный толстым слоем крупной соли. Затем занялась пирожками, которые они и раньше всегда пекли вместе с бабушкой к каким-нибудь торжественным событиям. Бабушки не стало, а традиция печь пирожки с капустой и вкуснейшие румяные сладкие плюшки осталась.

Время от времени Оля поглядывала на часы. До прихода поезда оставалось еще достаточно времени, и она успела сходить в универсам за вареной колбаской, сыром, ядовито-желтым мармеладом «Балтика» и яркими оранжевыми апельсинами. Сергей тем временем катался с друзьями на снежке с близлежащей горки, предупрежденный о возвращении ровно через час, чтобы успеть отправиться вместе с мамой на вокзал.

Зазвонил телефон. Оля ожидала звонка только от одного человека — своей мамы, которая уже, наверное, беспокоилась. Когда приедет ее внучка с зятем. Услышав трель, Оля стремглав бросилась из кухни, наполненной вкусными запахами пирогов, в холл и, подняв трубку, прокричала:

— Алло! Мама? Мама, это ты?

Но, к ее удивлению, на том конце провода не было слышно ни звука. Правда, она уловила какое-то шелестение, как будто кто-то зажимал трубку рукой. Впрочем, это вполне могло ей показаться. Она подержала трубку несколько мгновений, затем положила на аппарат и поспешила на кухню. Как бы не пригорели пироги!

Минут через пять звонок раздался снова. Она опять бросилась в холл. На этот раз из трубки слышался отдаленный гул улицы или вестибюля метро. Сначала снова никто не ответил, а потом незнакомый голос неуверенно спросил:

— Это Ольга?

Полным именем ее не звал никто. Так уж повелось, что все — родные и близкие, друзья и знакомые — называли ее Олей. Ольгой ее мог назвать только человек, с ней незнакомый или знающий ее заочно.

— Да, — ответила она, — а кто это?

— Ольга, а муж ваш уже приехал?

— Нет. А кто это? — снова спросила она.

— А когда он приезжает?

— Сегодня, — машинально ответила Оля. — Ас кем я говорю?

В ответ раздалось что-то похожее на протяжный вздох:

— Да так... Спасибо!

— А кто? Кто это? — уже настойчиво прокричала в трубку Оля, но услышала короткие гудки.

Она снова вернулась на кухню, стала продолжать заниматься пирогами. Но непонятный звонок как-то сразу сбил радостный настрой. В голову опять стали лезть всякие неприятные мысли и ассоциации. Она вспомнила такие же непонятные звонки до Нового года, озабоченность и даже нервозность мужа, которую он проявлял при одном упоминании о них. Ей снова пришли на память его предупреждения о том, что надо быть очень осторожной и осмотрительной. Правда, ей казалось, что он, как всегда, несколько сгущал краски, перестраховывался как бы. Оля не воспринимала всерьез разговоры о каких-то угрозах, о том, что над их семьей может нависнуть опасность, что надо быть очень внимательной. Андрей, видя это, раздражался, говорил о том, что она не понимает реальной обстановки и не отдает себе отчета в серьезности их положения.

Многое в предупреждениях мужа Оля относила на счет неприятностей на его работе, подробностей которых она не знала. Впрочем, о том, что он оказался временно без работы и может вообще быть уволен из органов, она знала. Правда, никак не могла взять в толк, почему такой деятельный и самоотверженный человек, каким был Андрей, вдруг мог оказаться не у дел. Простых объяснений у нее не было.

Интуиция подсказывала Оле, что у Андрея все как-нибудь сложится. Она не могла объяснить себе, на чем держится эта ее уверенность. Просто чувствовала, что не может такой человек, как ее муж, быть невостребованным.

Отхлебнув глоток светлого пенящегося пива, Олег прислушался к тому, что звучало с телевизионного экрана. Комментатор рассказывал о большом турне государственного секретаря США Джеймса Бейкера.

«...Посетил Кишинев, Ереван, Баку, Ашхабад, Душанбе, Ташкент, Москву, Челябинск-70. Выступая незадолго до этого визита в сенатском комитете по иностранным делам, Бейкер заявил: «Развал Советского Союза дал нам выпадающую раз в столетие возможность продвинуть американские интересы на восток и по всему миру...»

Эта фраза повернула мысли Кузина в другое русло. Теперь он уже

думал не о том, как хорошо себя чувствует в этом мягком кожаном кресле, с кружкой пива в руке, перед экраном импортного телевизора с ласкающей взгляд надписью «Sony». Им стали завладевать мысли о будущем, о том, как он будет строить свою жизнь, какие громадные возможности открывают перед ним эти невзрачные бумажки, которые называются «деньги».

«Нет, что ни говори, а деньги — это все! Если их нет, ты — ничтожество, быдло, шваль! Если они у тебя есть, ты — человек, личность, хозяин! Все, чему нас учили — форменная ерунда и вранье! Так уж устроен человек — если он хочет быть хозяином жизни, если стремится стать свободным и самостоятельным, то он должен зубами и когтями вырвать для себя место под солнцем. Да, если нужно, то следует идти по головам, отталкивая слабых и неспособных. В этом смысл борьбы за выживание. Выживает сильнейший. Выживает тот, кто, пренебрегает ложными принципами морали, выдуманными слабаками, кто умеет ради достижения цели поступиться всем: правилами приличия, нормами закона, лицемерными понятиями долга, чести, дружбы, любви».

— Олечка, что там показывают? Опять политика? — прервала размышления Кузина Надя. — Может, сходим куда-нибудь? — спросила заискивающе. — В театр или в гости, просто погулять?

— Едрён батон! Ну что ты такая надоедливая! Только задумался... А ты опять... — с привычной грубостью ответил Кузин Надежде. Потом, спохватившись, что напрасно обидел жену, нехотя проговорил: — Прости, Надюха! Я так! Садись рядом. Выпей пивка. Я тебе сейчас налью. Знаешь какое? Немецкое! Настоящее! Не эти помои, которые продают!

— Ты же знаешь, Олег, я не пью пиво.

— Знаю, знаю! Садись, поговорим. Мне нужно тебе кое-что объяснить. Это связано с институтом...

Жена с удивлением посмотрела на Олега, предчувствуя какой-то серьезный разговор. Она уже давно привыкла, что муж ничего не рассказывает ей о работе. Конечно, это можно было бы отнести на счет особенностей его службы, но она давно уже заметила, что работа ему опостылела и даже стала обременительной.

У Олега появились новые друзья, такие же, как и он, энергичные молодые люди, с которыми он встречался по вечерам в каком-нибудь ресторане, а потом появлялся дома — слегка помятый, выпивший, развязно-грубый. Надя ни о чем его не расспрашивала, да и если бы попыталась это сделать, то в ответ услышала бы только одно: «Не суй свой нос не в свое дело!» Она замкнулась еще больше, часами просиживала с

книгой или уходила к подруге, которая жила в соседнем доме. Безусловно, она еще год назад заметила, что у мужа стали появляться деньги. Она не задавала ему вопросов, а он не удосуживался объяснить ей, откуда они. Сначала она думала, что это премиальные, которые он стал регулярно получать на службе, но потом поняла, что поступление денег, скорее всего, связано с его новыми друзьями. Надю это очень беспокоило, но она отгоняла тревожные мысли.

— Понимаешь, Надюха, я решил все-таки уволиться со службы.

Надя, наверное, хотела что-то у него спросить, но он, не дожидаясь ее вопроса, стал быстро и громко, срываясь на крик, объяснять ей, почему принял такое неожиданное решение:

— Чего я там потерял? Вкалывал, как папа Карло! А что взамен? Эти гроши? Нет! Нищим быть не хочу! Сейчас не то время! На дворе — девяносто второй год! Демократия! Каждый может поступать как хочет! Свобода выбора! Поняла?!

Надя смотрела на мужа, не скрывая своего удивления. Впервые за несколько месяцев он удостоил ее разговором о том, что ее беспокоило и угнетало.

— Ну, пораскинь своими мозгами! Зачем мне оставаться быдлом, если я могу стать человеком! Я, с моей головой, с моими способностями, могу стать богатым! Ты хочешь быть богатой? Ну скажи, едрён батон, хочешь?

— Все хотят, Олежка.

— Все! — передразнил ее Олег. — Чего мне до всех? Мне важно, как я буду жить, а не кто-то там еще! Поняла?

— Я не пойму, Олег, что ты хочешь этим сказать?

— А я хочу сказать, что у нас теперь начнется новая жизнь! Завтра я подам рапорт и уйду... Нечего мне там делать! Сейчас из КГБ уходят все, кто может хорошо устроиться!

— Ой, Олежа, мне страшно! А что ты будешь делать? Ты же не бизнесмен! Ты ведь...

— Да чего ты понимаешь? Не бизнесме-е-ен! Да из меня бизнесмен получится лучше, чем из многих! Я даю тебе деньги? Скажи, даю?

— Даешь.

— Ты что, не понимаешь, что это за деньги? Ты что, думаешь, что это так? Продпаек? Премия? Дождешься от них! Да я уже целый год занимаюсь бизнесом! И занимаюсь успешно! А уйду — вообще стану настоящим предпринимателем! Я чувствую... Я чувствую в себе силы! Я могу! Поняла?

Он вскочил с кресла, со стуком поставив пустую пивную кружку на

пол. Было видно, что Кузин взволнован теми словами, которые только что произнес. Наверное, он и сам только сейчас понял, какое жизненно важное решение принял.

— А может быть, Олег, подождать немного? Не все же уходят, — попыталась робко возразить Надя.

— Не все? Да, не все! Остаются самые тупые, самые неспособные, самые... самые... — Казалось, он не может подобрать нужного слова, которое соответствовало бы тому чувству нескрываемого презрения, которое испытывал Кузин к своим бывшим коллегам.

— Но, Олежка, не все ж дураки! Вот ты работал с Орловым. Помнишь его? Умный же человек. Он тогда еще тебе помог...

— Что-о? Помог! Да что ты понимаешь, дура! Он мне помог! Да это — козел! Сволочь! Идеальный придурок! Его пинают ногами, а он... пашет, пашет! Пахарь долбаный! Ничего! Он еще получит свое! Так отоварят — мало не покажется! Вот выкинут его — сам приползет ко мне... Кагэбэшник хренов!

Надя строго посмотрела на мужа и неожиданно твердым голосом проговорила:

— Ты ведь тоже был кагэбэшником!

— Был! — даже не закричал, а завопил Кузин. — Был! Был! Ну и что?!

Он стоял со сжатыми кулаками. Лицо его было перекошено гримасой ненависти. Казалось, еще немного и он набросится на жену, вымещая на ней всю накопившуюся в нем злобу. Надя, не говоря ни слова, повернулась к мужу спиной и подошла к окну.

Вся улица была залита солнцем. Его лучи, отражаясь от снежного ковра, застилающего землю, делали все ярким, контрастным. Грязно-черные проплешины и голые стволы деревьев только подчеркивали ослепительную картину мартовского дня.

«А ведь уже весна!» — подумала Надя, и от этой мысли ей стало почему-то очень горько.

5 марта 1992 года, день.

Москва. Здание Министерства безопасности России

Орлов шел по знакомому коридору, где еще совсем недавно проходила бурлящая жизнь молодого Российского комитета, где пережили его сотрудники августовские дни смутных ожиданий и гнетущей неопределенности, где были рабочие кабинеты Иваненко и его

сотрудников. Сейчас здесь было непривычно тихо. Центр активной работы переместился в соседнее здание, большинство кабинетов пустовали, поскольку их еще не успели заселить новые хозяева. Впрочем, не закончился и сам дележ новой территории, и пока новые начальники не определились, кто займет тот или иной кабинет, переезд сотрудников был невозможен.

Проходя мимо, Орлов даже не посмотрел в сторону своего кабинета. Дверь была закрыта, а ключ он сдал дежурному еще на прошлой неделе. Теперь там не оставалось ничего, кроме воспоминаний.

К своему удивлению, Орлов застал дежурного на своем месте. Как будто не был уже ликвидирован Российский комитет и кому-то еще было нужно, чтобы человек продолжал сидеть возле молчащих телефонов у большого пустого кабинета. При появлении Орлова дежурный привычно встал, поприветствовал его и тут же сообщил:

— Андрей Петрович, вас ищут сегодня весь день. Звонили уже три раза из Оргинспекторского...

— Кто?

— Ловчиновский.

— Хорошо, я сейчас позвоню.

С Сашей Ловчиновским Андрей служил в Инспекторском управлении еще до прихода в Российский комитет. Еще тогда у них установились неплохие товарищеские отношения, хотя полковник Ловчиновский, как и многие сотрудники Инспекторского управления КГБ СССР, относился к Орлову чуть свысока по причине его довольно молодого для этого элитного подразделения возраста, а также из-за того, что тот не работал «на территории». Высокий, худощавый, уверенный в себе, чуть амбициозный и немного артистичный, Саша был добросердечным и отзывчивым человеком.

Но было еще одно обстоятельство, которое «роднило» Орлова с Ловчиновским. Чекистский путь Саши начинался в Калининградской области, где он служил несколько лет, и поэтому, узнав, что Андрей питает особые симпатии к Янтарному краю, стал демонстрировать свое явное расположение к коллеге. Их отношения заметно укрепились уже во время совместной работы в Российском комитете, куда Ловчиновский плавно переместился из Инспекторского управления после августовских событий. Правда, Саша не прошел «конкурс», когда рассматривался вопрос о новом начальнике Управления по Калининградской области вместо Анатолия Николаевича, подавшего рапорт после разговора с Орловым.

Андрей набрал номер Ловчиновского. Тот сразу узнал Орлова:

— А! Андрей! Как ты?
— Да ничего! В отпуске пока...
— Ездил куда-нибудь?
— Да, с дочкой. В Калининград.
— Слушай, мы тут с Яковом Федоровичем посоветовались насчет тебя... Позвони ему! Он ждет!

Якова Федоровича Погония Орлов знал уже несколько лет, но близко с ним знаком не был. Он запомнил его еще с командировки в Кишинев, где тот был первым заместителем председателя Комитета госбезопасности республики. Темноволосый, симпатичный генерал произвел на Орлова тогда очень сильное впечатление. Он так четко, лаконично и вместе с тем напористо вел совещание, в котором участвовали начальники основных подразделений комитета, что Орлов сразу понял: перед ним очень грамотный, высокопрофессиональный и решительный руководитель. Он строго спрашивал за просчеты и задержки исполнения своих указаний, но делал это не в форме разноса, а так, что подчиненным самим становилось стыдно за плохо выполненную работу.

В КГБ СССР было немало опытных и владевших всеми тонкостями оперативного искусства руководителей, и Орлову казалось при встрече с ними, что сам он никогда не сможет достичь тех вершин мастерства, той изобретательности и того уровня профессионализма, которыми обладали эти люди. Встретившись с Яковом Федоровичем по совершенно конкретному служебному делу, он вдруг понял, что благодаря личной инициативе, находчивости и даже фантазии можно добиться очень серьезных оперативных результатов.

И это стало для Орлова особенно ясным тогда, Когда он во время командировки оказался в курсе строго законспирированной операции. В государстве, довольно лояльно относившемся к СССР, иностранная разведка развернула работу против нашей страны под маской внешне вполне благопристойной организации, которая занималась проблемами культуры, религии и просвещения. На самом деле это был настоящий шпионский центр, который вербовал агентуру, вел тотальную работу по сбору разведывательной информации, внедрял свои источники во все мыслимые и немыслимые сферы.

Сотрудники Якова Федоровича не только смогли разобраться в тайной деятельности замаскированной заграничной структуры, но и добыть очень серьезную информацию, которая позволила упредить действия иностранной разведки и тем самым свести на нет ее усилия. А сам Яков Федорович был не только организатором успешной операции по срыву

замыслов недружелюбной спецслужбы, но и, если так можно сказать, «генератором оперативных идей», на первый взгляд считавшихся нереальными и даже фантастическими, а на деле оказавшихся вполне успешными и результативными.

Профессиональное мастерство Якова Федоровича ценили и в Москве. Наверное, именно потому, оказавшись с началом «парада суверенитетов» в столице, он стал работать в Инспекторском управлении.

Он был немало удивлен, столкнувшись как-то раз с Андреем в коридоре.

— Вот так встреча! Вы здесь, в Инспекторском? — спросил Яков Федорович, улыбаясь.

— Да, уже третий год.

— Это хорошо! — Он как-то заговорщически подмигнул, затем крепко и как-то по-особому многозначительно пожал руку Орлову.

Потом они не раз встречались по разным поводам в стенах Комитета, чувствуя симпатию друг к другу. И вот теперь Яков Федорович ждал звонка от Орлова, освобожденного от должности, выгнанного из кабинета, лишенного трудного, но настоящего дела, к которому он успел привыкнуть за годы работы в системе госбезопасности.

— Яков Федорович, здравствуйте! Вы просили позвонить!

— А-а! Андрей Петрович. Ну как ты там? — спросил он точно так же, как Ловчиновский. — Не соскучился без дела?

— Соскучился, Яков Федорович, но что делать?

— Как «что делать»? Работать! Сейчас знаешь, какие дела! Тут у нас закручивается... Дел много!

— Я понимаю...

— Так вот, Андрей Петрович... Многого я тебе предложить не могу. Сам понимаешь, как тут все... Но главным инспектором могу взять. Там у тебя, правда, генеральская должность была, да?

— Да. Но я-то всего подполковник. Вы же знаете!

— Знаю, знаю! Ну вот, решай!

— А что решать? Я согласен!

— А раз согласен — приходи сюда. Десятый этаж, второй корпус. Знаешь, через переход?

— Да. Иду... Спасибо, Яков Федорович!

Орлов положил трубку. Дежурный офицер выжидающе смотрел на него, как будто спрашивал, что означал для бывшего помощника Генерального директора АФБ этот звонок.

— Все в порядке! — Орлов пожал руку дежурному и пошел к двери.

— Андрей Петрович, удачи вам! — услышал вдогонку Орлов.

Он долго шел по длинному коридору, потом поднялся на этаж, чтобы перейти в смежное здание, на лифте спустился в подвальный этаж. Нет, не в тот подвал, который отождествлялся с застенками ЧК, а в светлое помещение с полом из отполированного гранита, где начинался длинный коридор, связывающий известные лубянские здания между собой. Залитый ярким светом, играющим бликами на мраморе стен, он казался туннелем, связывающим одну станцию метро с другой. Именно по таким, правда чуть более просторным, пересадочным туннелям идут потоки пассажиров московского метро, спешащих по своим делам, углубленных в свои проблемы и мысли, — то чувствующих себя одинокими странниками среди серой толпы, то ощущающих себя частичкой большого народа, населяющего громадную страну.

Орлов шел по залитому светом туннелю, отделенному от несущихся на поверхности машин и спешащих по тротуарам пешеходов толщей земли, достаточной для того, чтобы выдержать любые нагрузки, даже очень сильные. Здесь серьезно поработали проектировщики и строители, заложившие большой запас прочности для такого важного сооружения. Впрочем, Орлову казалось, что запас прочности у всего того, что составляло доселе великую державу, был столь высок, что никакие потрясения не способны были повергнуть его в прах. Туннель был светлый, да и путь был знакомый. Впереди ждала новая работа, открывались новые перспективы, новая жизнь.

Оценки и выводы

Иваненко Виктор Валентинович, Председатель КГБ РСФСР, Генеральный директор АФБ России, ныне — предприниматель: *«Мы думали прежде всего о государстве. Его надо было сохранить... во-первых, для того, чтобы переход к новому общественному строю не был кровавым, чтобы не было столкновения с народом. А во-вторых, чтобы сохранить систему органов безопасности. Она нужна государству как иммунная система... Угроза ликвидации органов сразу после путча была реальна. Многие не знают, но решался вопрос о люстрации...»*

Ямпольский Валерий Борисович, заместитель Генерального директора АФБ России, в настоящее время — пенсионер: *«Российский комитет в известной мере явился буфером, который сдемпфировал яростный порыв Ельцина и его окружения уничтожить органы госбезопасности... Если бы мы, чекисты, тогда пошли против народа, нас бы смели и... расстреляли!»*

Войко Евгений Михайлович, первый заместитель начальника Оперативно-технического управления АФБ России, ныне — заместитель генерального директора управляющей компании: *«С помощью Российского КГБ и Иваненко демократическая тусовка решила задачи, связанные с уничтожением КГБ СССР... Хотя понятно, что его судьба была предрешена... Систему раскассировали на пять кровоточащих кусков... И тогда Ельцин вздохнул спокойно — опасного для него монстра не стало...»*

Скобелев Юрий Иванович, помощник начальника Десятого отдела КГБ СССР, начальник Отдела оперативных фондов АФБ России, ныне — советник генерального директора фонда: *«Российский КГБ сыграл исключительную роль в том, что органы КГБ не ввязались в противостояние союзной и республиканской властей, не ввязали других в эти разборки... В то время это было единственное правильное решение. Главное — удалось предотвратить кровопролитие и гражданскую войну. Основа нового органа безопасности Российской Федерации была заложена именно КГБ РСФСР и АФБ России, людьми, которые там работали...»*

Олигов Андрей Владимирович, начальник Центра общественных связей АФБ России, в настоящее время — советник главного редактора «Парламентской газеты»: *«Чекистов упрекают в том, что они в 1991 году не исполнили свой долг и нарушили присягу. Но если бы они выполняли приказы Крючкова, то у нас была бы гражданская война... В августе — ноябре КГБ РСФСР сыграл огромнейшую роль. Благодаря его*

деятельности во главе с Иваненко структура органов безопасности осталась дееспособной, не потеряла своей оперативной значимости... Не развалилась, как многое развалилось в то время в нашей стране».

Бузанов Юрий Васильевич, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР, ныне — пенсионер: «Российский Комитет и его руководитель Иваненко не смогли использовать ситуацию. Они же видели, что Крючков не может ничего сделать, и должны были взять на себя выполнение задачи — спасение России. Иваненко — очень сильный человек, он умнее и сильнее Крюčkова и, если бы он не юлил и не лавировал, мог бы стать очень большой фигурой и сохранить страну от распада».

Стрельников Андрей Константинович, начальник Секретариата КГБ РСФСР, АФБ России, ныне — помощник члена Совета Федерации: «Понимание того, что произошло тогда, пришло только со временем... Мы тогда решились на большое дело — создание нового органа безопасности и в результате этого оказались на острие исторических событий... В результате — чекисты продолжают праздновать свой профессиональный праздник 20 декабря, а система безопасности страны получила возможность укреплять свои позиции».

Дворянкин Сергей Сергеевич, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР: «Создание КГБ России и начавшаяся в то время, когда надо было спасать государство, тяжба между спецслужбами, кто главнее, кто кого перетянет... пагубно сказалась в дальнейшем... Но когда началась борьба Бакатина с «чекизмом», АФБ сыграло роль палочки-выручалочки, которая спасла органы госбезопасности от полного разгрома... Но тех, кто таскал каштаны из огня, и сдали в первую очередь...»

Бабусенко Вячеслав Никитович, начальник Отдела правительственной связи КГБ России, Управления правительственной связи АФБ России, ныне — первый вице-президент финансовой компании: «Многие говорят: «Не было бы вас, Российского КГБ, не было бы той вашей телеграммы, не было бы вашей позиции, все могло пойти по-другому...» Мы, горстка людей... спасли страну от Гражданской войны! Мы положили на алтарь свои семьи!.. Мы могли занять нейтральную позицию. Это было бы разумно с точки зрения выживания. Мы могли замереть, заболеть, не проявляться вообще нигде, но поступили по-другому — проявили свою жизненную позицию и оказались перед расстрельным взводом, не зная, чем все закончится...»

Пржездомский Андрей Станиславович^[170], старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР, помощник Председателя КГБ

РСФСР, Генерального директора АФБ России, ныне — советник Председателя Национального антитеррористического комитета — Директора ФСБ России: *«Российский КГБ явился буфером против безжалостной машины уничтожения спецслужбы, принял на себя удар и тем самым спас систему от полного разгрома. От возможной люстрации, всяческих гонений и преследований. Ценой собственной жизни КГБ России сохранил органы безопасности, но сам ушел в небытие...»*

Об авторе

Андрей Станиславович Пржездомский — автор художественно-документальных повестей «Янтарный призрак», «Тевтонский крест», «Кагэбэшник», многочисленных публикаций на историческую тематику. Главный редактор и автор большинства статей Иллюстрированного энциклопедического справочника «Кёнигсберг — Калининград». Член Союза писателей России. Кандидат исторических наук.

Кадровый сотрудник органов безопасности, занимал руководящие должности в Администрации Президента Российской Федерации, был заместителем директора Федеральной службы Налоговой полиции России. Генерал-лейтенант Налоговой полиции. Дважды избирался членом Общественной палаты Российской Федерации, возглавлял подкомиссию по проблемам противодействия коррупции, Координационный совет по защите избирательных прав граждан, являлся членом Президиума Комиссии по государственным наградам и других коллегиальных органов.

С июня 2010 года — советник председателя Национального антитеррористического комитета — директора ФСБ России.

---

notes

Примечания

КГБ СССР — Комитет государственной безопасности СССР.

Яровой А.Ф. — старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР, писатель, журналист.

Председатель КГБ СССР В.А. Крючков.

Работа «под крышей» — форма работы сотрудников органов госбезопасности, прикомандированных к соответствующим министерствам и ведомствам.

Гиссарская крепость — старинное фортификационное сооружение XVI–XVIII веков, бывшая резиденция наместника бухарского эмира в поселке Гиссар в Таджикистане.

«Наружка» — на сленге сотрудников органов безопасности — комплекс мероприятий по скрытому наблюдению (слежке) за лицами, представляющими оперативный интерес.

Особист (прост.) — сотрудник военной контрразведки.

Имеется в виду гостиница ЦК Коммунистической партии Таджикской ССР.

Гармская криминальная группировка — неформальное объединение преступных сообществ на востоке Таджикистана.

Анаша — сленговое название марихуаны, сильно действующего наркотика.

Имеется в виду т. н. «Комитет 17-ти», образованный оппозиционными деятелями Таджикистана в дни массовых беспорядков.

Махкамов К.М. — таджикский государственный деятель, в 1990 году — первый секретарь ЦК Компартии Таджикской ССР, первый президент республики.

Имеется в виду КГБ СССР.

BBC (сокр. от англ. British Broadcasting Corporation) — корпорация радио-и телевидения Великобритании.

ЦК КП (сокр.) — Центральный комитет Коммунистической партии.

По этим регионам в конце 1980-х — начале 1990-х годов прокатилась волна массовых беспорядков и кровавых столкновений.

Нишанов Р.Н. (р. 1926) — Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР в 1989–1991 годах.

Набиев Р.Н. (1930–1993) — Президент Таджикистана в 1991–1992 годах.

Пуго Б.К. (1937–1991) — советский партийный и государственный деятель, в 1990–1991 годах — министр внутренних дел СССР, народный депутат СССР.

БТР (сокр.) — бронетранспортер.

Варзобское ущелье — живописное ущелье в 8 км от Душанбе.

Омар Хайям (XI век) — выдающийся персидский поэт, математик, астроном, философ.

ГЭС (сокр) — гидроэлектростанция.

Изолятор временного содержания (блат.).

Парень (блат.).

Нары (блат.).

Мужарить — насильно совершать акт мужеложства (блат.).

Осквернить (блат.).

Отбывали срок в колонии (блат.).

Прошло уже четыре месяца, как я из зоны (блат.).

Проститутки (блат.).

Обворовывать квартиру (блат.).

Обворовывать квартиру (блат.).

Кража из помещения (блат.).

Откровенно поговорить (блат.).

Грузовой автомобиль (блат.).

Трудная (блат.).

Легковой автомобиль (блат.).

Чапан — халат восточного покроя.

КНБ — Комитет национальной безопасности.

УКГБ — Управление Комитета государственной безопасности в том или ином крае или области.

АНТ — концерн, через который в 1989–1990 годах была осуществлена крупная афера с продажей военной техники за границу.

Первое главное управление (ЛГУ) — подразделение разведки в системе бывшего КГБ СССР, Главное разведывательное управление (ГРУ) — подразделение военной разведки в системе Генштаба.

«Пятая колонна» — вражеская агентура внутри страны.

Шифровка (сленг) — шифртелеграмма.

Положение о КГБ при Совете Министров СССР было утверждено в 1959 году.

Политбюро ЦК КПСС — высший руководящий орган
Коммунистической партии Советского Союза.

Закон об органах государственной безопасности в СССР был принят на совместном заседании обеих палат Верховного Совета СССР 16 мая 1991 года. 24 мая он был опубликован и вступил в силу.

Департизация — устранение влияния или запрещение деятельности политических партий внутри государственных учреждений и организаций.

ГКЧП — Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР.

Варшавский Договор — военный союз восточноевропейских государств под эгидой СССР, существовавший с 1955 по 1 июля 1991 года.

СЭВ — Совет экономической взаимопомощи —
межправительственная

Третье главное управление и Десятый отдел — структурные подразделения

центрального аппарата КГБ СССР, занимавшиеся, соответственно, вопросами военной контрразведки и оперативных учетов.

Комитет по обороне и безопасности Верховного Совета РСФСР возглавлял депутат С.В. Степашин.

Калугин О.Д. — бывший руководящий работник разведки в КГБ СССР и народный депутат СССР, предатель, с 1995 года живет в США.

Имеются в виду связи в ЦК КПСС.

В книге — Орлов.

ЦРУ — Центральное разведывательное управление США.

Так именуют Ф.Э. Дзержинского — основателя советских органов госбезопасности.

Медное Тверской области — место захоронения жертв сталинских репрессий.

Афган (сленг.) — Афганистан.

Крот — по терминологии разведчиков и контрразведчиков — агент, внедренный в важные сферы государственного управления, армию или спецслужбы, передающий исключительно ценные сведения.

Яковлев А.Н. — партийный и государственный деятель СССР, член Политбюро ЦК КПСС, на рубеже 1990-х годов полностью перешедший в лагерь антикоммунистов.

Шеварднадзе Э.А. — министр иностранных дел СССР, член Политбюро ЦК КПСС, впоследствии — Президент Грузии.

МГК — Московский городской комитет КПСС.

Алексеев В.И. — начальник Юридического отдела КГБ СССР.

Третьяков В.Г. — старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР.

Лебедев В.Ф. — заместитель Председателя КГБ СССР.

Ныне — улица Охотный Ряд.

Беда А.Г. — начальник Управления правительственной связи КГБ СССР.

Скобелев Ю.И. был советником Президента Афганистана М. Наджибуллы, казненного впоследствии талибами

Поделякин В.А. — заместитель Председателя КГБ РСФСР, до этого — Председатель КГБ Башкирии.

Руцкой А.В. — вице-президент РСФСР, Хасбулатов Р.И. —
Председатель Верховного Совета РСФСР.

Ерин В.Ф. — заместитель министра внутренних дел РСФСР.

Мегафон — переносное устройство для звукоусиления, состоящее из микрофона, усилителя, громкоговорителя и рупора.

Кришнаиты — приверженцы индуистского вероучения Кришны, которое широко распространялось в Советском Союзе на рубеже 1990-х годов.

«Булыжник — оружие пролетариата» — работа скульптора И.Д. Шадра, установленная на Красной Пресне в Москве.

Кобец К.К. — председатель Госкомитета РСФСР по оборонным вопросам.

Дьяков С.В. — помощник Председателя КГБ СССР В.А.Крючкова.

Скоков Ю.В. — первый заместитель Председателя Совета Министров РСФСР.

Травкин Н.И. — лидер Демократической партии России, депутат Верховного Совета РСФСР.

Жириновский В.В. — основатель и руководитель
Либеральнодемократической партии.

В древнегреческой мифологии — огромный деревянный конь, с помощью которого греки во время Троянской войны тайно проникли в осажденную Трою, спрятавшись внутри него.

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел — один из предшественников КГБ СССР.

Абель Р.И., Зорге Р., Молодцов В.А., Кудря И.Д. — советские разведчики.

Пономарев В.А. — заместитель Председателя КГБ СССР по кадрам в 1986–1991 годах.

В книге — Орлов.

Вторыми отделами именовались подразделения контрразведки.

Всероссийское совещание руководящего состава органов безопасности РСФСР состоялось 20 июля 1991 года.

Силаев И.С. — Председатель Совета Министров РСФСР, с 24 августа по 19 декабря 1991 года — руководитель Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР.

Шахрай С.М — народный депутат РСФСР, председатель комитета по законодательству; в 1991 году — госссоветник РСФСР по правовой политике; в декабре 1991 года назначен заместителем Председателя Правительства России.

Степашин С.В. — народный депутат РСФСР, председатель комитета Верховного Совета по обороне и безопасности, впоследствии — заместитель Генерального директора АФБ России — начальник Управления АФБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Грушко В.Ф. — первый заместитель Председателя КГБ СССР.

Шебаршин Л.В. — начальник Первого главного управления КГБ СССР (разведка), впоследствии — и.о. Председателя КГБ СССР с 21 по 23 августа 1991 года.

Шебаршин Л.В. — начальник Первого главного управления КГБ СССР (разведка).

В книге — Орлов.

«Девятка» (сленг) — Девятое управление КГБ СССР, занимавшееся охраной и обеспечением безопасности высших должностных лиц.

Коржаков А.В. — начальник личной охраны Президента РСФСР Б.Н. Ельцина.

Так в тексте оригинала.

Ныне — улица Новый Арбат.

ГДР — Германская Демократическая Республика, восточная часть Германии, до ее объединения являвшаяся самостоятельным государством советского блока.

«Кремлёвка» — аппараты правительственной связи АТС-2.

Имеется в виду В.И.Ленин — вождь Октябрьской революции 1917 года и основатель Советского государства.

Пятаков С.П. — заместитель Председателя КГБ РСФСР, заместитель Генерального директора АФБ России.

Соловьев Е.Б. — начальник Отдела кадров КГБ РСФСР, заместитель начальника Главного управления по работе с личным составом АФБ России.

Ледовской С.Д. — начальник организационно-штатного подразделения
АФБ России.

КПП — контрольно-пропускной пункт.

«Империя зла» — пущенное в оборот Президентом США Рейганом в 1983 году оскорбительное политическое клише, характеризующее СССР.

Конференц-бар, где проходили встречи с журналистами, размещался в Центре общественных связей КГБ СССР.

ОГБ — органы государственной безопасности.

РС/РСЕ — русская служба радиостанции «Радио Свободная Европа/ Радио Свобода», финансируемая США.

БНЕ — Борис Николаевич Ельцин.

ВВИ — Виктор Валентинович Иваненко.

Гейтс Р. — помощник Президента США по национальной безопасности, в 1991–1993 годах — директор ЦРУ США

ООС — Отдел общественных связей.

Рузвельт Ф.Д. — Президент США в 1933–1945 годах.

Попов Г.Х. — председатель Московского городского совета народных депутатов, с июня 1991-го по июнь 1992 года — мэр Москвы.

Станкевич С.Б. — член Моссовета, народный депутат СССР, с августа 1991-го по февраль 1992 года — государственный советник РСФСР по взаимодействию с общественными объединениями.

Пономарев Л.А. — народный депутат РСФСР, один из организаторов общества «Мемориал».

Ныне — ул. Мясницкая.

Гдлян Т.Х. и Иванов Н.В. — следователи Генеральной прокуратуры, занимавшиеся расследованием фактов коррупции в Узбекистане, ставшие впоследствии народными депутатами СССР.

Боровой К.Н. — президент Российской товарно-сырьевой биржи.

БМП — боевая машина пехоты.

РИА — Российское информационное агентство.

ВДВ — Воздушно-десантные войска.

Шахназаров Г.Х. — помощник Генерального секретаря КПСС, советник Президента СССР, народный депутат СССР.

БНД — Федеральная разведывательная служба — разведка ФРГ.

Моссад — Ведомство разведки и специальных задач — разведка
Израиля.

«Штази» (сокр.) Stasi (нем.) — Ministerium für Staatssicherheit — Министерство государственной безопасности ГДР, штаб-квартира которого в Берлине 15 января 1990 года была разгромлена толпами хулиганов и манифестантов.

Степанков В.Г. — Генеральный прокурор России.

Вольский А.И. — народный депутат СССР, впоследствии — заместитель руководителя Комитета по управлению народным хозяйством СССР, глава Научно-промышленного союза.

В Лефортово находится Следственный изолятор КГБ СССР.

Гуревич Л.Б. и Константинов И.В. — народные депутаты РСФСР.

Лэнгли — местечко под Вашингтоном в США, где размещается штаб-квартира ЦРУ.

«Лебедь» — на жаргоне ЦРУ — агент, привлекаемый для участия в разработке кандидатов на вербовку.

Гутенберг Иоганн — немецкий ювелир и изобретатель книгопечатания XV века.

Болдин В.И. — руководитель аппарата Президента СССР М.С. Горбачева.

Агентство федеральной безопасности (АФБ) образовано 26 ноября 1991 года путем преобразования КГБ РСФСР в АФБ.

Вызывает сомнение, что А.Г. Михайлов, давая такие однозначные характеристики сотрудникам АФБ, опирался на объективные факты и реальные обстоятельства.

Савостьянов Е.В. — помощник председателя Моссовета Г.Х. Попова, с 1991-го по 1994 год — начальник Управления АФБ по Москве и Московской области.

Старовойтова Г.В. — народный депутат РСФСР, с июля 1991 года — советник Президента России по вопросам межнациональных отношений. Убита в 1998 году.

Валленберг Р. — шведский дипломат, спасший большое число евреев из нацистских концлагерей и еврейских гетто в годы Второй мировой войны; по некоторым данным, был арестован НКВД, дальнейшая судьба его неизвестна.

Иващенко В.С. — старший следователь по особо важным делам, затем заместитель начальника Следственного отдела МТБ — КГБ СССР в 1950-е — 1960-е годы.

В книге — Орлов.

Савина Л.Н. — секретарь в приемной Генерального директора АФБ.

Афонин Ю.Г. — начальник Инспекторского управления АФБ России, впоследствии погиб автокатастрофе.

По некоторым данным, в настоящее время «Библия» Гутенберга может стоить до 35 млн долларов.

После падения Берлинской стены сотрудники БНД стали выходить с вербовочными предложениями на бывших офицеров Министерства госбезопасности по телефону или приглашая их в официальные учреждения.

Фельд (сленг.) — офицер фельдсвязи, доставляющий секретную корреспонденцию.

А.А. Олейников — первый заместитель Председателя КГБ СССР В.В. Бакатина, в прошлом — старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР.

Панкин Б. Д. — министр иностранных дел СССР с 28 августа по 14 ноября 1991 года.

Козырев А.В. — министр иностранных дел России в 1990–1996 годах.

Якунин Г.П. — народный депутат РСФСР, бывший священник.

Речь идет об агентурных источниках информации из числа сотрудников органов внутренних дел, которые работали на КГБ.

Иваненко было уже известно, что оперативные материалы в отношении А.Д. Сахарова вместе с изъятыми у него записями и дневниками, уничтожены.

Ежов Н.И. — народный комиссар внутренних дел СССР; в 1940 году расстрелян.

ЛДПР — Либерально-демократическая партия России

Алим — ученый-богослов в исламе.

Позже Орлов получил сведения о том, что одни предприимчивые дельцы, все-таки узнавшие о местонахождении «Библии» Гутенберга, попытались обменять ее на несколько персональных компьютеров из Германии; однако этому удалось помешать.

Житная площадь — местонахождение Министерства внутренних дел.

Старая площадь — местонахождение комплекса зданий
Администрации Президента России.

БН — Борис Николаевич Ельцин.

В книге — Орлов

Николаев Н.Н. — заместитель начальника Центра общественных связей АФБ России.

ОС — Оперативная связь КГБ СССР.

Зорькин В.Д. — председатель Конституционного суда России.

На ул. Матросская Тишина находился Следственный изолятор МВД России.

ГБ — государственная безопасность, ВД — внутренние дела (милиция).

В книге — Орлов А.П.